МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 4 / 2018

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2018

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Медведев С. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлаского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2018

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Medvedev S. N.** – Doctor of Law, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:
1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Баранов А. В. Троцкистская оппозиция как проявление леворадикального протеста в 1926–1929 гг. (на примере юга России) . . . 8
Булыгина Т. А., Амбарцумян К. Р. К вопросу о месте Южного Кавказа в советско-персидских отношениях в 1917–1921 годах . . . 16
Бобрышева К. Л. Динамика советско-югославских торговых отношений как фактор формирования внешнеполитической стратегии ФНРЮ в 1948–1955 гг. . . . 24
Братолюбова М. В. Выборы в государственную Думу в области Войска Донского и политические предпочтения донского электората . . . 30
Горяев М. С., Авлиев В. Н., Кольцов П. М. Распространение христианства среди населения калмыцкой степи Астраханской губернии в последней трети XVII–XVIII вв. . . . 37
Гранкин Ю. Ю. Российская империя в поисках оптимальной модели управления северокавказской окраиной (к вопросу об учреждении наместничества) . . . 43
Дугинец С. М. Отражение патриотической тематики в деятельности музеев Ставрополья в 1917–1941 годы . . . 49
Запорожцева О. А. Административная служба Алексея Федоровича Реброва на Кавказе под командованием генерала А. П. Ермолова . . . 56
Кирсанов Е. В. Историография локализации трех центров русов восточных авторов . . . 62
Краснокутская Л. И., Краснокутский В. С. Проблемы реформирования управления социально-экономической и правовой системы на Кавказских минеральных водах (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) . . . 73
Любушкина Е. Ю., Ермоленко Л. П. К вопросу об общественных организациях на Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. . . . 79
Покотилова Т. Е. Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области) . . . 86
Плохотнюк Т. А. Регламентация положения российских подданных в Германии после начала первой мировой войны . . . 93
Романова Н. В. Некоторые аспекты деятельности Краснодарской краевой филармонии в контексте нового политического курса (1953–1964) . . . 99
Рыкун Г. Н., Огаркова И. В. Становление послевоенной системы безопасности и трансформация современных международных отношений . . . 105
Ткаченко Д. С. Кавказ начала XIX в. в путевых заметках Джона Джонсона . . . 110
Тонян А. А. Национальный брендинг в Индии: стратегии и кампании . . . 118
Черешнева М. С. Его называли «железным человеком»: к политическому портрету Валлабхаи Пателя . . . 126
Ющенко Д. Ю. Особенности развития медико-бытового обеспечения советских осужденных в местах лишения свободы в 1956–1991 годах . . . 132
Яхутль Ю. А. Проблемы рыночной модернизации в системе новой экономической политики (1921–1929 гг.) (по материалам Дона и Кубани) . . . 139

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонова Е. А. О формах реализации волеизъявления обвиняемого в уголовном судопроизводстве . . . 146
Габрилян Р. Р. К вопросу об обычно-правовых способах разрешения споров и конфликтов (на примере Южно-Тихоокеанского региона) . . . 152
Гуров Д. В., Мармута И. Л., Чумаченко А. В. Совершенствование управленческих процессов органов исполнительной власти, в том числе правоохранительных органов, как инструмент противодействия коррупции . . . 158
Жуков А. П. К вопросу о концепции правового регулирования системы воспитания в образовании Республики Абхазия . . . 165
Золоева З. Т., Койбаев Б. Г. Некоторые проблемы правового противодействия экстремистским проявлениям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет . . . 170
Койлова М. В. Некоторые проблемные аспекты реализации принципа справедливости в налоговом праве России и меры по их преодолению . . . 176

Мельникова М. П., Савина В. С. Проблемы наследования интеллектуальных прав на результаты творческой деятельности и приравненные к ним объекты 182
Проводина О. А. Актуальные проблемы законодательного регулирования конфликта интересов в сфере образования 188
Холодная Е. В. О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации 193

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аликова С. В. Устойчивые выражения в публицистическом стиле: прагматический и структурно-семантический аспекты (на материале немецкого языка) 200
Бесолова Ф. К. Лексема гений в словарях русского языка, художественных и публицистических текстах: первые фиксации и словоупотребления 207
Годизова З. И., Ван Ц. Конфиксальные глаголы с семантикой негативных последствий действия в современном русском языке 215
Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Актуализация фрейма в художественном нарративе (на материале современной русской прозы) 223
Дюмон Н. Н. Текстовая когезия как особый вид связи, обеспечивающий континуум (логическую последовательность), в новеллах П. Мериме 228
Кусаева Е. Э., Тамерьян Т. Ю. Специфика коммуникативного поведения маскулинного лингвокультурного типажа «private detective» 234
Убушаева И. В. Пунктуация в прямой речи и цитатах в разносистемных языках XX–XXI вв. (на материале английских, русских и калмыцких научных, публицистических и художественных текстов) 239

РЕЦЕНЗИИ

Дударев С. Л. Екатерина Соснина, при участии Кристиана Пиле. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. Творческая мастерская БЛГ, Ессентуки, 2015. 336 с. 244

Памяти Звонка С. О. (24.09.1969 – 07.02.2018) 248

Информация об авторах 250

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Baranov A. V. Trotskyist opposition as the manifestation of the left-radical protest in 1926–1929, (by the example of the South of Russia) . . . 8
Bulygina T. A., Ambartsumyan K. R. On the place of South Caucasus in the context of Soviet – Persian relations in 1917–1921 . . . 16
Bobrysheva K. L. Dynamics of Soviet-Yugoslav trade relations as a factor to form the FPRY foreign policy strategy in 1948–1955 . . . 24
Bratolyubova M. V. State Duma elections in the province of the Don Cossack host and political preferences of the Don electorate . . . 30
Grankin Yu. Yu. The Russian Empire in search of optimal MANAGEMENT model of the North-Caucasus borderlands (on the founding of vicegerency) . . . 37
Goryaev M. S., Avliev V. N., Koltsov P. M. The spread of Christianity among the population of the Kalmyk steppe of Astrakhan province in the last third of XVII–XVIII centuries . . . 43
Duginets S. M. Patriotic themes in the work of museums of the Stavropol territory in 1917–1941 . . . 49
Zaporozhtseva O. A. Administrative service of A.F. Rebrov in the Caucasus under the command of general A. P. Yermolov . . . 56
Kirsanov E. V. Historiography of localization of three centers of ruses of eastern authors . . . 62
Krasnokutskaya L. I., Krasnokutskij V. S. The reform of socio-economic and legal systems in the Caucasus Mineral Waters (the end of 1850s – 1860s) . . . 73
Luybyshkina E. Yu., Ermolenko L. P. On public organizations at the Don and the North Caucasus in the second half of the XIX – beginning of the XX century . . . 79
Pokotilova T. E. Russian philanthropy and the First World War (on materials of the Terek region) . . . 86
Plokhotnyuk T. N. The regulation of the Russian nationals legal Status in Germany after the outbreak of the World War I . . . 93
Romanova N. V. Some aspects of Krasnodar's regional Philharmonic activity in the context of a new political course . . . 99
Rykun G. N., Ogarkova I. V. Historical experience of forming Yalta-Potsdam system of international relations . . . 105
Tkachenko D. S. The early XIX c. Caucasus in the voyage accounts of John Johnson . . . 110
Tonyan A. A. National branding in India: strategies and campaigns . . . 118
Chereshneva M. S. He was called "the iron man": on the political portrait of Vallabhbhai Patel . . . 126
Yushchenko D. Yu. Features of the development of health and social security of soviet prisoners in institutions of confinement in 1956–1991 . . . 132
Yakhutl' Yu. A. Problems of market modernization during the new economic policy (1921–1929) (on the materials of the Don and the Kuban) . . . 139

LEGAL SCIENCES

Artamonova E. A. On the forms of implementing the will of the accused in the criminal procedure . . . 146
Gabrilyan R. R. On customary law resolution of disputes and conflicts (by the example of the South Pacific region) . . . 152
Gurov D. V., Marmuta I. L., Chumachenko A. V. Improvement of administrative processes of executive authorities, including law enforcement agencies, as an anti-corruption instrument . . . 158
Zhukov A. P. On the concept of legal regulation of education system in the formation of the Republic of Abkhazia . . . 165
Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. Some problems of legal counteraction to extremist manifestations in the information-telecommunication network Internet . . . 170
Kojlova M. V. Some challenging aspects of the implementation of fairness principle in tax law of Russia and measures to overcome them . . . 176
Melnikova M. P., Savina V. S. Problems of inheritance of intellectual rights to the results of creative activity and equivalent objects . . . 182
Provodina O. A. Topical problems of legal regulation of conflict of interest in education . . . 188
Kholodnaya E. V. On some prospects for the development of e-government in the conditions of digital transformation . . . 193

PHILOLOGICAL SCIENCES

Alikova S. V. Set phrases in the journalistic style: pragmatic and structural-semantic aspects (on material of the German language) 200
Besolova F. K. The lexeme “genius” in Russian dictionaries, fiction and publicistic texts: first cases of use and word usage 207
Godizova Z. I., Wang Q. Confixed verbs with negative semantics of action consequences in modern Russian 215
Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Actualization of the frame in literary narrative (on the material of modern Russian prose) 223
Dyumon N. N. Text cohesion as a special kind of connection that provides a continuum (logical sequence) in short stories by P. Merimee 228
Kusaeva E. E., Tameryan T. Yu. Peculiarities of communicative behavior of a masculine culture type “private detective” 234
Ubushaeva I. V. Punctuation in direct speech and quotations in different-system languages of the XX–XXI centuries (on the basis of English, Russian and Kalmyk scientific, publicistic and artistic texts) 239

REVIEW

Dudarev S. L. Ekaterina Sosnina, with the participation of Christian Pile. French in the Caucasus. Historical and picturesque journeys of XIII–XIX centuries. Creative workshop BLG, Yessentuki, 2015. 336 p. 244

Memory of Zvonka S. O. (24.09.1969 – 07.02.2018) 248

Information about the authors 253

УДК 94(47).084.5

А. В. Баранов

ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В 1926–1929 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

Актуальность темы – в установлении специфики идеологических и организационных форм леворадикального протеста в условиях многоукладного общества и авторитарного режима. Сохраняет актуальность выяснение механизмов внутриэлитных размежеваний в однопартийной системе. На Юге России – в крупном аграрном регионе в концентрированном виде выражались противоречия НЭПа. Определены региональные особенности леворадикальной («троцкистской») оппозиции в 1926–1929 гг. на материалах Юга России. Особенности условий деятельности троцкистской оппозиции в крае, сложившиеся в начальный период НЭПа, таковы: повышенная роль вопросов аграрной политики и сословного водораздела «казаки – иногородние»; последствия затяжной и особенно жестокой в регионе Гражданской войны; наличие в партийно-государственных органах власти весомого слоя сторонников левого радикализма. Троцкистская оппозиция в регионе (1926–1927 гг.) состояла преимущественно из партийных и государственных служащих, безработных и ветеранов войны, неквалифицированных рабочих. Это почти всецело городское явление. Общественное мнение в отношении оппозиции менялось за 1926–1927 гг. в негативную для власти сторону, что объяснялось ростом безработицы и неравенства. Слабая осведомлённость рабочих об оппозиции вызывала эффект «неадекватных надежд», наделения Троцкого придуманными идеализированными чертами. Действовал и противоположный импульс роста поддержки власти вследствие угрозы войны, «левого поворота» ВКП(б) к сворачиванию НЭПа, победившего в конце 1927 г. Оппозиционные настроения неквалифицированных рабочих, части красноармейцев и ветеранов Гражданской войны вызваны противоречиями между городским и сельским сообществами, неприятием бюрократизма и коррупции. Но протест против снижения уровня жизни, роста безработицы и общественного неравенства ситуативен и не оспаривал советскую систему, направляясь в русло её «исправления». Поэтому лозунги создания подпольной партии, выдвинутые троцкистской оппозицией, не нашли широкой поддержки.

Ключевые слова: троцкистская оппозиция, леворадикальный протест, проявления, Юг России, 1926–1929 гг.

A. V. Baranov

TROTSKYIST OPPOSITION AS THE MANIFESTATION OF THE LEFT-RADICAL PROTEST IN 1926–1929, (BY THE EXAMPLE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

The relevance of the topic lies in specifying particular ideological and organizational forms of left radical protest in the face of the multi-layered society and authoritarian regime. The mechanisms of intra-elite delimitation in a one-party system are still to be clarified. The contradictions of the NEP were expressed in a concentrated form in the South of Russia, a large agrarian region. The article defines the regional features of the left radical (“Trotskyist”) opposition in 1926–1929 on the materials of the South of Russia. The specific conditions of the Trotskyist opposition activity in the region during the initial period of the NEP are as follows: a greater role of agrarian policy issues and “Cossacks – nonresidents” class division, the consequences of a protracted Civil war that was especially severe in the region, a weighty layer of left-wing radicalism supporters in the party-state authorities. The Trotskist opposition in the region (1926–1927) consisted mainly of party and state employees, unemployed and veterans of war, as well as unskilled workers. It was almost completely a city phenomenon. Public opinion regarding the opposition shifted in 1926–1927 to the negative side for the government, which was explained by the growth of unemployment and inequality. The poor awareness of the workers about the opposition caused the effect of “inadequate hopes”, the empowerment of Trotsky with idealized features. There was also an opposite impetus for the growth of support for the authorities due to the threat of war, the “left turn” of the VKP(b) to the winding-down of the NEP, which won in late 1927. The opposition sentiments of unskilled workers, a part of Red Army soldiers and Civil War veterans were caused by contradictions between the urban and rural communities, the rejection of bureaucracy and corruption. However, the protest against the decline in living standards, rising unemployment and social inequality was situational and did not challenge the Soviet system, heading into the channel of its “correction”. Therefore, the slogans of creating an underground party, put forward by the Trotskyist opposition, did not find broad support.

Key words: Trotskyist opposition, left radical protest, manifestations, South of Russia, 1926–1929.

Новая экономическая политика 1920-х гг., вызвавшая рост социального неравенства и неопределённость развития большевистского режима, противоречиво оценивалась в многоукладном обществе. Значительная часть малообеспеченных рабочих, крестьян и партийно-государственных служащих формулировала запрос на поворот политической стратегии РКП(б) в леворадикальное русло. Троцкистская оппозиция не только выражала данные требования, но и конструировала их в виде политической программы. Сохраняет актуальность и выяснение механизмов внутриэлитных размежеваний в однопартийной системе. На Юге России – в крупном аграрном регионе в концентрированном виде выражались противоречия НЭПа и политики ВКП(б) в целом.

Цель работы – определить региональные особенности леворадикальной («троцкистской») оппозиции в 1926–1929 гг. на материалах Юга России. Это делает необходимым выяснить противоречия развития большевистской партии в 1920-х гг., причины леворадикальной оппозиции в обществе, методы её подавления.

Пространственные рамки статьи объемлют собой территорию Дона, Кубани, Причерноморья, Терека, Ставрополья и Грозненского округа. В них наиболее активно и устойчиво проявлялась деятельность троцкистской оппозиции. Термины «Северо-Кавказский край» и «Юг России» применяются как совпадающие по смыслу.

Хронологические рамки работы выбраны от начала свёртывания НЭПа (весна 1926 г.) до начала массовой форсированной коллективизации (июнь 1929 г.), что совпадает со временем деятельности объединённой леворадикальной оппозиции («троцкистско-зиновьевского блока») в ВКП(б).

Степень изученности темы на материалах Юга России недостаточна. Советская историография представлена беглыми упоминаниями в монографии И. Р. Лоова [10]. Источниковая основа его выводов узка: лишь газетные статьи и резолюции партийных форумов. Наибольшее внимание тематике уделялось в работах периода «перестройки» и 1990-х гг.: в диссертации А. Ф. Поташева [14], в монографиях С. А. Кислицына [8] и А. В. Баранова [3]. Исследователи стремились осмыслить феномен троцкистской оппозиции на основе расширившейся источниковой базы, снятия цензурных ограничений, в контексте альтернатив политического развития страны. В начале XXI в. для отечественной историографии тема внутрипартийной оппозиции 1920-х гг. вновь стала непопулярной. Она теперь затрагивается фрагментарно – в связи с вопросами общественных настроений (в работах О. М. Морозовой [12] и А. Ю. Рожкова [18]) либо партийного контроля (И. Г. Иванцов) [6]. Остаётся малоизученной взаимосвязь между экономической ситуацией, общественным мнением и развитием внутрипартийной борьбы, а также роль органов государственной безопасности в подавлении троцкистской оппозиции на уровне региона.

Источниковая основа исследования включает стенограммы партийных конференций и собраний, документы партийных контрольных комиссий, личные дела оппозиционеров, информационные сводки и обзоры органов ОГПУ, статистику состава краевой и окружных партийных организаций РКП(б) – ВКП(б). Ключевое значение для раскрытия темы имеют донесения Политического управления Северо-Кавказского военного округа, периодические сводки и обзоры Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю о политическом состоянии городских и сельских прослоек населения, ликвидационная записка начальника Секретного отдела Черноморского окружного отдела ОГПУ и протоколы допросов обвиняемых по агентурному делу «Борцы» от 11 февраля 1928 г., обзор полпредства ОГПУ по краю по агентурно-следственному делу «Антипартийный комитет» от 22 мая 1928 г., справка Ростово-Нахичеванского горкома ВКП(б) «О наличии оппозиции, её работе и поведении в Ростовском городском районе» (июнь 1927 г.), письмо секретаря Грозненского окружного комитета ВКП(б) З. Ф. Ляпина секретарю крайкома ВКП(б) М. С. Чудову от 13 июля 1927 г., записка информационно-статистического подотдела крайкома ВКП(б) от 28 сентября 1927 г., материалы к пленуму крайкома ВКП(б) 10–12 октября 1927 г., материалы к отчету Донской окружной контрольной комиссии, протоколы партколлегии Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии за 1927–1929 гг., записка об итогах дискуссии в Ростово-Нахичеванской парторганизации от 3 декабря 1927 г.

Выясним особенности условий активности леворадикальной оппозиции на Юге России. Советская система установилась в регионе на кульминационном, самом жестоком этапе «военного коммунизма» (1920 – весна 1921 гг.). В сельской местности проживало 80,2 % населения [6, с. 2–3], а крупная промышленность была сосредоточена в немногих центрах: г. Ростове-на-Дону, Грозном, Новороссийске. Вопросы аграрной политики, взаимоотношений советской системы с земледельцами поэтому стали важнейшими в повестке дискуссий о НЭПе на Юге России. Регион был оплотом белого движения, на стороне которого сражалось до 80 % казачества [5]. Гражданская война в виде повстанческих выступлений продолжалась до осени 1924 г. В силу значения Дона, Кубани и Терека как зерновых баз страны, приграничного расположения региона и его уязвимости для интервенции здесь проводился непримиримый курс «расказачивания». Социальные расколы проходили в регионе не только по классовому, но и по сословному признаку («иногородние» русские крестьяне поддерживали большевиков, а казачество оставалось в массе оппозиционным). Устойчиво проявлялся также конфликт между горожанами и сельскими сообществами на почве противоречивых интересов (вопросы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, распределения социальной помощи, условий труда, неприязни к чиновникам и интеллигенции).

Данные обстоятельства объясняют, почему партийно-государственное руководство считало нужным проводить на Юге страны предельно жёсткий курс и обеспечивать его кадрами коммунистов из других регионов. Поэтому во внутрипартийных дискуссиях 1920–1921 и 1923–1924 гг. именно на Кубани и Дону проявилось повышенное влияние леворадикальной («троцкистской») оппозиции – 30–40 %, особенно в городских и красноармейских партийных организациях, и потребовалась их серьёзная чистка [3, с. 142]. Когда с осени 1924 по весну 1926 гг. ЦК РКП(б) проводил курс «расширения НЭПа» (амнистию участников белого движения и казаков, разрешение свободных местных выборов, союз с середняками и трудовыми зажиточными слоями крестьянства), то данная политика вызвала неприятие многих рядовых большевиков. Их стихийное недовольство НЭПом подчас находило идеологическую форму в лозунгах троцкистской оппозиции.

В период 1926–1927 гг. противоречия НЭПа обострились. «Болевыми точками» для общественного мнения, особенно – для городских рабочих и служащих, ветеранов Гражданской войны являлись рост неравенства, безработица, дороговизна товаров, бюрократизм и коррупция, что перерастало в ряде случаев в критику политического курса власти как буржуазного перерождения революции. В начале 1926 г. крайком ВКП(б) зафиксировал в своей сводке высказывания ростовских рабочих: «наш нэп хуже капитализма…, нужно придавить кулака» [36, л. 460–461]. Узнав об угрозе войны между СССР и странами Запада в 1927 г., многие ветераны Красной армии горячо поддержали власть, но выразили готовность «штыками вычищать засевших бюрократов» и «подраструсить всю верхушку». Опасным для монопольно правившей ВКП(б) стало желание демобилизованных организовать «союзы красных партизан», обоснованное разочарованием в большевиках: «теперь не обманут … обещали многое, а в действительности ничего не дали…» [40, л. 94–95].

Например, численность безработных членов профсоюзов в Северо-Кавказском крае выросла с 60,4 тыс. (октябрь 1925 г.) до 173 тыс. чел. (апрель 1927 г.), то есть с 16,6 до 23,1 % рабочих и служащих. Прирост шёл в основном за счёт молодёжи, неквалифицированных рабочих, мигрантов-батраков [37, л. 51; 23, л. 51]. С октября 1925 по июнь 1926 гг. число участников забастовок в крае увеличилось с 94 до 151 тыс. чел., то есть до 25 % городских рабочих и служащих [37, л. 51–53, 100].

В этих условиях активизировалась левая оппозиция в большевистской партии. Троцкисты считали фракционность единственным способом кардинально сменить политический курс страны. Самые решительные из них называли «термидорианский переворот» (реставрацию капиталистического строя) состоявшимся и призывали создать оппозиционную партию [13, с. 59–81]. Левые радикалы понимали, чем им грозит исключение из партии, и с осени 1926 г. скрывали свою нелегальную деятельность, на словах осуждая создание фракций [15; 22, с. 274].

Анализ состава оппозиционеров показывает, что они были малочисленны, представляя узкий слой «старых большевиков», студентов, служащих. Так, 1764 из 3402 репрессированных левых радикалов (участников «троцкистско-зиновьевского блока» и группы «демократического централизма») в стране за 1926–1928 гг. – служащие, 1600 – выходцы из рабочих, 150 – большевики с дореволюционным партийным стажем и лишь 38 – бывших крестьян [48, л. 320–322]. В Северо-Кавказском крае осенью 1926 – весной 1927 гг. партийно-контрольным комиссиям стали известны 75 активных троцкистов в Ростове-на-Дону, Грозном и Новороссийске [21, с. 69–70, 76; 25, л. 119; 26, л. 3–5]. Судя по справке Донского окружкома ВКП(б) об оппозиции в Ростове (июнь 1927 г.), 80 % наказанных за фракционность – служащие, 13 % – выходцы из других партий [49, л. 3–16, 22–24]. Требования опытных коммунистов не совпадали с интересами неквалифицированных пролетариев. Однако и те, и другие проявляли неприятие бюрократизма и взяточничества, предлагая лечить эти социальные язвы, восстановив «военный коммунизм». Они имели влияние на отдельных предприятиях (цементные заводы и стройки, обувные фабрики, железнодорожные узлы и элеваторы). Много недовольных было среди грузчиков и сезонных работников.

25 мая 1927 г. ЦК ВКП(б) получил «Заявление 83-х» оппозиционеров (среди авторов – ростовчане А. Д. Саркис и И. П. Псалмопевцев) с требованиями провести гласную дискуссию по платформам до съезда Коммунистической партии, восстановить в рядах ВКП(б) всех репрессированных за фракционную деятельность [1, с. 63–69, 104–106, 117, 212].

Северо-Кавказский центр левой оппозиции («марксистов-ленинцев», по самоназванию) был создан в мае 1927 г. Его возглавили члены краевого комитета ВКП(б) П. А. Алферов и А. Д. Саркис, а также служащий И. П. Псалмопевцев. В Краснодаре нелегальной работой руководили сотрудники аппарата Кубанского окружного комитета ВКП(б) К. Я. Фиге и И. М. Виноградов, руководитель предприятия Л. В. Довнарович, а в Чеченской автономной области – секретарь областного оргбюро ВКП(б) Е. А. Эшба [49, л. 15, 16; 40, л. 7; 39, л. 28; 9, 12 ноября]. Северо-Кавказский краевой центр оппозиции взаимодействовал с такими же подпольными структурами в Москве, Харькове, Днепропетровске, Закавказье. Например, Л. В. Довнарович получал агитационные и инструктивные документы в Москве от видных троцкистов Л. П. Серебрякова, И. Н. Смирнова и С. В. Мрачковского [42, л. 26–27; 47, л. 70–88]. Тайно копировали оппозиционные документы в Ростове-на-Дону А. Д. Саркис и бывший ректор краевого Коммунистического университета И. А. Невский; в Краснодаре – Л. В. Довнарович; в Сочи – Г. В. Севский; в Майкопе – ячейка во главе с П. Т. Булгаковым; в Армавире – ячейка под руководством Е. А. Стекаче-

ва; в Пятигорске – П. Я. Петрухо. Вёл подпольную оппозиционную деятельность также председатель Вознесенского станичного совета Н. Л. Корнилов и другие служащие районного звена управления [47, л. 70–88; 40, л. 6–7; 24, л. 175; 28, л. 114, 115; 30, л. 9–11].

Оппозиция выдвинула проект своей платформы к XV съезду ВКП(б). Троцкисты требовали ускорить строительство социализма. Они эмоционально утверждали, будто НЭП создал опасность «сдвигов к буржуазному обществу», а его продление на десятки лет приведёт к «полной капитуляции советской власти» [2, с. 115, 167]. В их превратном восприятии зажиточные крестьянские слои равнозначны «кулакам» и дескать, достигли 10 % по всей стране и 15 % – в Северо-Кавказском крае); крестьянство быстро расслаивается, а союз рабочего класса и крестьянства «может в любой момент разорваться» [2, с. 127, 137; 29, л. 17 об; 20, 13 ноября; 9, 21 октября, 3 ноября; 11]. На этом основании левая оппозиция настаивала конфисковать 150 из 800–900 млн. пуд. ожидаемых в 1927 г. зерновых запасов хлеборобов, организовав принудительный займ. Троцкисты поддерживали значительное наращивание ставок налогов на нэпманов и «кулаков», требовали отменить налогообложение колхозников, отменить платность землеустроительных работ и соподчинить общину сельским советам, установить льготы колхозам в сравнении с иными видами кооперативов и не пускать в них лиц, лишённых избирательных прав [2, с. 129–132, 135, 137, 138]. Вместе с тем, сталинское большинство членов ЦК ВКП(б) без колебаний позаимствовало и применило эти лозунги на рубеже 1927–1928 гг., когда решался вопрос о чрезвычайных мерах хлебозаготовок.

Левая оппозиция использовала также несбыточные призывы неосведомлённых рабочих, требуя уравнять доходы, нарастить пособия по безработице, непрерывно индексировать зарплаты в соответствии с ростом производительности труда [20, 12 ноября; 2, с. 122–124]. С другой стороны, оппозиционеры на партийном собрании ячейки завода «Красный Аксай» (Ростов-на-Дону) отвергли интенсификацию труда, именуя её «эксплуатацией» [34, л. 17]. Это свидетельствует о популизме троцкистов.

Лозунги организации дискуссионных партийных клубов, уравнения в правах большевиков и беспартийных рабочих, возврата к нормам устава ВКП(б), публикации «завещания Ленина» предполагали восстановление внутрипартийной демократии в рамках однопартийной системы [2, с. 152, 153, 220]. Сейчас, зная результаты развития советской политической системы, можно сделать вывод: троцкистский вариант демократизации был неполноценным и неизбежно должен был привести к диктаторскому режиму, поскольку не создавал гарантии полноценного идеологического и политического плюрализма.

Руководство партии избрало путь политического уничтожения троцкистов. Июньский (1927 г.) Пленум ЦК и ЦКК осудил фракционную активность – подпольные собрания, тиражирование и рассылку оппозиционных документов. Одновременно развивался «левый поворот» партийно-государственной политики: отказ от свободных выборов, ужесточение налоговой, кредитной и кооперативной политики, экономическое подавление зажиточных крестьян и городских предпринимателей. Власть начала уделять повышенное внимание профсоюзам рабочих и бедняцко-батрацкому активу в станицах. Таким образом, совершен успешный перехват лозунгов оппозиции, что в нарастающей мере сработало во время «чрезвычайных мер» хлебозаготовок зимой 1927–1928 гг.

В июле-августе 1927 г. начались исключения оппозиционеров из ВКП(б), их обыски и аресты органами ОГПУ (создателя тайной типографии С. В. Мрачковского – в Москве, руководителей фракции П. А. Алфёрова – в Ростове и Рудакова – в Грозном и др.) [2, с. 83; 47, л. 58–59]. Приходится признать, что эти меры совпадали с настроениями рядовых коммунистов. Так, работница на собрании в г. Новороссийске потребовала не только выслать троцкистов в Архангельскую губернию, но и убить их: «В 20-м году я говорила, что ими нужно всю бухту запрудить, но этого не сделали, и поэтому мы до сих пор боремся с оппозицией» [27, л. 22]. Участники многих собраний единодушно поддержали исключение оппозиционеров из правящей партии.

Исключением была студенческая молодёжь. Например, в большевистской ячейке Краснодарского рабфака 3 чел. из 100 поддержали левую оппозицию, а 25 чел. воздержались при голосовании (такая же ситуация была в вузах Ростова-на-Дону и Новочеркасска). Члены бюро ячейки краснодарского рабфака отказались быть секретными сотрудниками (осведомителями) ОГПУ [31, л. 206; 33, л. 4].

Определённую социальную опору троцкисты сохранили среди рабочих, особенно – малооплачиваемых и неквалифицированных слоёв. На заводе «Красный Аксай» в Ростове-на-Дону 4 оппозиционера попытались провести отдельную от официальной демонстрацию 7 ноября 1927 г. с портретами Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева, за что их избили сотрудники ОГПУ и милиции [27, л. 39; 23, л. 196]. В ростовском речном порту грузчики распускали слух: Троцкий-де против безработицы, поэтому надо выйти со знамёнами на улицу и «защищать Троцкого с оружием в руках» [45, л. 4 об]. Были расклеены листовки «рабочего комитета оппозиции» в г. Краснодаре с требованиями самоуправления профсоюзов и свободы слова: «Вы находитесь под игом “коммунистов-хозяйственников”, которые олицетворяют ... старорежимных надсмотрщиков и барбосов и высасывают из вас последние капли крови» [23, л.197; 38, л. 59–60]. 22-летний рабочий хлебозавода в Ростове Т. А. Попелов эмоционально высказался: он «готов бросить бомбу в Политбюро», так как «всей партией руководит Сталин, который подобрал себе группу», вредящую рабочему классу. Попелов был тут же арестован [35, л. 13 об;

27, л.14; 16, с. 328]. Начальник национальной кавалерийской школы в Краснодаре Д. А. Шмидт (Гутман) – друг оппозиционера С. В. Мрачковского, будучи возмущен исключением Л. Д. Троцкого из ВКП(б), приехал на XV съезд партии и словесно угрожал И.В. Сталину при личной встрече [17, с. 17, 292, 293, 296, 297, 321, 364].

Несмотря на то, что условия объединения усилий стихийного протеста трудящихся с троцкистским подпольем были благоприятными, что подтверждали частые выходы рабочих из ВКП(б) (на протяжении 1926–1927 гг. их удельный вес в Северо-Кавказской краевой партийной организации упал с 36 до 33 %) [23, л. 58], оппозиционеры не смогли использовать эту возможность. Лишь 107 из 3414 участников партийных собраний в Ростове-на-Дону весной и летом 1927 г. поддержали оппозицию [49, л. 22–24, 9–10; 47, л. 59]. Призывы сменить руководство ВКП(б) и СССР в условиях военной угрозы воспринимались большинством коммунистов как «пособничество мировой буржуазии» [2, с. 38, 40–41; 9, 25 августа].

Дискуссия перед XV съездом партии прошла без публикации документов оппозиции и «завещания Ленина». В таких условиях дискуссия привела к полному поражению троцкистов. По официальным данным партийной статистики, одобрили резолюции ЦК ВКП(б) 99,2 % участников партсобраний по СССР, воздержались – 0,3 %, голосовали против лишь 4165 чел. (0,5 % участников собраний) [7, с. 2]. Баланс в Северо-Кавказской парторганизации – такой же: 37326 чел. (99,25 %); 224 чел. (0,49 %) и 185 чел. (0,26 %) [11, 20 декабря].

XV съезд ВКП(б) исключил в декабре 1927 г. активных троцкистов из партии. Результаты дискуссии привели к расколу левой оппозиции. Большинство оппозиционеров, признав своё поражение, подчинились партийной дисциплине. Только непримиримое меньшинство, уверившись в «буржуазном термидоре», перешло к полностью нелегальной работе: «Если и исключить оппозицию из партии, вы не гарантируете, что не будет другой партии» [32, л. 127].

Попытки подпольной агитации продолжались до весны 1929 г. Характерный пример – раскрытая в г. Новороссийске и Сочи (февраль 1928 г.) группа из 26 троцкистов во главе с Т. И. Волощенко и Г. Ф. Севским, в прошлом служившими на командных должностях в РККА. В ликвидационной записке Черноморского окружного отдела ОГПУ по агентурному делу «Борцы» приводятся списки участников группы и их биографии, протоколы допросов. Действия обвиняемых выразились в распространении платформы троцкистской оппозиции, писем и иных агитационных текстов, а также в контактах с активистами всесоюзного уровня (И. Н. Смирновым, С. Н. Равич, Д. А. Саркисом [47, л. 70–88]. В делах фонда 7 Центра документации новейшей истории Ростовской области хранятся перехваченные чекистами расшифрованные письма ссыльных оппозиционеров, которые достаточно точно описывают ход внутрипартийной борьбы 1928–1929 гг. между группами И. В. Сталина и Н. И. Бухарина [44, л. 117, 118].

В обзоре №2 политического состояния городских прослоек края, составленном Полпредством ОГПУ по краю 25 февраля 1928 г., указано создание подпольных ячеек на новороссийском цементном заводе «Пролетарий», табачной фабрике и строительном тресте, железнодорожном узле в Сочи [45, л. 94–97]. В ликвидационной записке начальника Секретного отдела Черноморского окружного отдела ОГПУ по агентурному делу «Борцы» отмечены отягчающие обстоятельства: распространение «завещания Ленина» и сведений о разногласиях между Сталиным и «правыми» (Рыковым). Организаторы и активные участники группы (13 чел.) были осуждены во внесудебном порядке по ст. 58 ч. 10 и 11 УК РСФСР (за контрреволюционную деятельность) [47, л. 75].

Вместе с тем, в действиях местных органов ОГПУ проявилась тенденция приписывать разнородные оппозиционные проявления к троцкизму, для чего не было оснований. Так, обзор полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю по агентурно-следственному делу «Антипартийный комитет» от 22 мая 1928 г. содержал обвинения: листовки «рабочей коммунистической оппозиции» и «Антипартийного комитета» в Краснодаре распространялись и копировались подпольной студенческой организацией во главе с Синдаровским, Момраком и Гавриленко. Для таких утверждений нет оснований, студенты имели иные, антикоммунистические взгляды и были осуждены за уголовное, а не политическое преступление [18, с. 103–119].

Деятельность малочисленных ячеек оппозиции в Ростове-на-Дону, Владикавказе, Армавире, на Черноморском побережье, координируемая краевым центром [47, л. 70–88; 43, л. 90–92; 19], была легко подавлена, о чём полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. Г. Евдокимов доложил на расширенном заседании бюро крайкома ВКП(б) 30 ноября 1928 г.

Подведём итоги. Особенности условий деятельности троцкистской оппозиции в Северо-Кавказском крае, сложившиеся в начальный период нэпа, таковы: повышенная роль вопросов аграрной политики и сословного водораздела «казаки – иногородние» в повестке дня; последствия затяжной и особенно жестокой в регионе Гражданской войны; наличие в партийно-государственных органах власти весомого слоя сторонников левого радикализма. Троцкистская оппозиция в регионе (1926–1927 гг.) состояла преимущественно из партийных и государственных служащих, безработных и ветеранов Гражданской войны, неквалифицированных рабочих. Это было почти всецело городское явление. Общественное мнение в отношении лозунгов оппозиции менялось за 1926–1927 гг. в негативную для власти сторону, что объяснялось ростом безработицы и социального неравенства. При этом низкая осведомлённость рабочих о целях оппозиции вызывала

эффект «неадекватных надежд», наделения Троцкого придуманными идеализированными чертами. Одновременно действовал противоположный импульс роста поддержки власти вследствие угрозы войны, а также «левого поворота» ВКП(б) к сворачиванию нэпа, окончательно победившего в конце 1927 г. Оппозиционные настроения неквалифицированных рабочих, части красноармейцев и ветеранов Гражданской войны были вызваны противоречиями между городским и сельским сообществами в целом, неприятием бюрократизма и коррупции. Но их протест против снижения уровня жизни, роста безработицы и общественного неравенства был ситуативным и не оспаривал советскую систему как таковую, направляясь в русло её «исправления». Поэтому лозунги создания альтернативной подпольной партии, выдвинутые троцкистской оппозицией, не нашли сколько-нибудь широкой поддержки. Полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю сыграло важную роль в подавлении леворадикальной оппозиции, установив её состав, организационную структуру и виды деятельности. Наиболее велика роль органов ОГПУ в подавлении троцкизма на Юге России была с лета 1927 по весну 1928 гг., когда от партийных санкций органы власти перешли к внесудебному преследованию леворадикального подполья.

Источники и литература

1. Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Т. 3. М.: Терра, 1990. 256 с.
2. Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Т. 4. М.: Терра, 1990. 280 с.
3. Баранов А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1996. 353 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Окончательные итоги. М.: ЦСУ СССР, 1929. Т. XVII. VI, 111 с.
5. Дорофеев Н. Была ли донская Вандея? // Парламентская газета. 2017. 10 июля.
6. Иванцов И. Г. Некоторые вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар; Ставрополь: Альфа Принт, 2012. 172 с.
7. Известия ЦК ВКП(б). 1927. №45-46. С.2.
8. Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, 2011. 512 с.
9. Красное знамя. Краснодар, 1927.
10. Лоов И. Р. Из истории формирования и развития рабочего класса Северного Кавказа в 1920–1928 годах. Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1973. 277 с.
11. Молот. Ростов н/Д, 1927.
12. Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры… Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. 276 с.
13. Оссовский Я. Партия к XIV съезду // Большевик. 1926. №14. С. 59-81.
14. Поташев А. Ф. Феномен троцкизма в отечественной общественно-политической литературе: дисс. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1993. 360 с.
15. Правда. 1926. 17 октября.
16. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стеногр. отчёт. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 1. 850 с.
17. Рапопорт В., Алексеев Ю. И. Измена Родине. Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1989. 514 с.
18. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
19. Советская Кубань. Краснодар, 1990. 14 ноября.
20. Советский Юг. Ростов н/Д, 1927.
21. Третья Кубанская окружная конференция ВКП(б) (26 дек. 1926 – 1 янв. 1927 г.). Стеногр. отчёт. Краснодар: Кубан. окрком ВКП(б), 1927. 283 с.
22. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Репринт. изд. Т. 2. М.: Книга, 1990. 344 с.
23. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 347.
24. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 354.
25. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 651.
26. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 683.
27. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 767.
28. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 81.
29. ЦДНИКК. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 92.
30. ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 256.
31. ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. Д. 203.
32. ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. Д. 203 А.
33. ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. Д. 263.
34. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 152.
35. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153.
36. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 196.
37. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 228.
38. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 393.

39. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 403.
40. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 560.
41. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595.
42. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 664.
43. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 747.
44. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 781.
45. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801.
46. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802.
47. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 805.
48. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 968.
49. ЦДНИРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 47.

References

1. Arhiv Trockogo: Kommunisticheskaya oppoziciya v SSSR. 1923–1927 *(Trotsky's Archives: The Communist Opposition in the USSR. 1923–1927)* / ed. and collect. by Yu. G. Fel'shtinskij. Moscow: Terra, 1990. Vol. 3. 256 p. (In Russian).
2. Arhiv Trockogo: Kommunisticheskaya oppoziciya v SSSR. 1923–1927 *(Trotsky's Archives: The Communist Opposition in the USSR. 1923–1927)* / ed. and collect. by Yu.G. Fel'shtinskij. Moscow: Terra, 1990. Vol. 4. 280 p. (In Russian).
3. Baranov A. V. Social'noe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyah novoj ekonomicheskoj politiki (1921–1929 gg.) *(Social and political Development of the North Caucasus in the Context of the New Economic Policy (1921–1929)*. St. Petersburg: Ed. group "Nestor", 1996. 353 p. (In Russian).
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.: Okonchatel'nye itogi *(All-Union Population Census of 1926: Final Results)*. Moscow: Izd-vo CSU USSR, 1929. Vol. XVII. VI, 111 p. (In Russian).
5. Dorofeev N. Byla li donskaya Vandeya? *(Was there a Don Vendee?)* // Parlamentskaya gazeta *(The Parliamentary Newspaper)*. Moscow, 2017. July 10. (In Russian).
6. Ivantsov I. G. Nekotorye voprosy istorii Kubani v dokumentah komissii vnutripartiinogo kontrolya VKP(b). 1920-e – nachalo 1930-h gg. *(Some Questions of the History of the Kuban in the Documents of the Commissions of Inner-Party Control of the CPSU(b). 1920 – the Beginning of the 1930s)*. Krasnodar; Stavropol': Al'fa Print, 2012. 172 p. (In Russian).
7. Izvestiya TsK VKP(b) *(Bulletin of the Central Committee of the CPSU(b).* Moscow, 1927. No 45-46. P. 2. (In Russian).
8. Kislitsyin S. A. Kontrelity, oppozitsii i frondy v politicheskoj istorii Rossii *(Counter-elites, Oppositions and Fronts in the Political History of Russia)*. 2-nd ed., correct. and addit. Moscow: URSS, 2011. 512 p. (In Russian).
9. Krasnoe znamya *(The Red Flag)*. Krasnodar, 1927. (In Russian).
10. Loov I. R. Iz istorii formirovaniya i razvitiya rabochego klassa Severnogo Kavkaza v 1920–1928 godah *(From the History of the Formation and Development of the Working Class of the North Caucasus in 1920–1928)*. Groznyj: Chechen.-Ingush. Ed, 1973. 277 p. (In Russian).
11. Molot *(The Hammer)*. Rostov-on-Don, 1927. (In Russian).
12. Morozova O. M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry. Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psihologicheskogo portreta *(Tsars, Cossacks, Red Commanders ... Seven Sketches in the Genre of Historical and Psychological Portrait)*. Rostov-on-Don: SSC of RAS publ., 2010. 276 p. (In Russian).
13. Ossovskij Ya. Partiya k XIV s'ezdu *(The Party for the Fourteenth Congress)* // Bol'shevik (Bolshevik). Moscow, 1926. No 14. p. 59-81. (In Russian).
14. Potashev A. F. Fenomen trotskizma v otechestvennoj obshestvenno-politicheskoj literature *(The Phenomenon of Trotskyism in Russian Socio-political Literature):* thesis. Rostov-on-Don, 1993. 360 p. (In Russian).
15. Pravda *(Pravda)*. Moscow, 1926. 17th of October. (In Russian).
16. Pyatnadtsatyi s'ezd VKP(b). Dekabr' 1927 goda. Stenogr. otchet *(Fifteenth Congress of the CPSU(b). December of 1927. Stenogr. report)*. In 2 vols. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 1. 850 p. (In Russian).
17. Rapoport V., Alekseev Yu. I. Izmena Rodine *(Treason to the Motherland)*. London: Overseas Publ. Interchange, 1989. 514 p. (In Russian).
18. Rozhkov A. Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir molodogo cheloveka v Sovetskoi Rossii 1920-h godov *(In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in the Soviet Russia in the 1920s)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 640 p. (In Russian).
19. Sovetskaya Kuban' *(The Soviet Kuban)*. Krasnodar, 1990. 14th november. (In Russian).
20. Sovetskij Yug *(The Soviet South)*. Rostov-on-Don, 1927. (In Russian).
21. Tret'ya Kubanskaya okruzhnaya konferenciya VKP(b) (26 dek. 1926 – 1 yanv. 1927 g.). Stenogr. otchet *(The Third Kuban District Conference of the CPSU(b) (Dec. 26, 1926 – Jan. 1, 1927). Stenogr. report)*. Krasnodar: Kuban. okrkom VKP(b) Ed., 1927. 283 p. (In Russian).
22. Trotskij L. D. Moya zhizn': Opyt avtobiografii. Reprint. izd. *(My Life: The Experience of Autobiography. The Reprint. ed.)*. Moscow: Kniga, 1990. Vol. 2. 344 p. (In Russian).
23. Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Territory (TSDNIKK). F. 8. Inv. 1. D. 347. (In Russian).
24. CDNIKK. F. 8. Inv. 1. D. 354. (In Russian).
25. CDNIKK. F. 9. Inv. 1. D. 651. (In Russian).
26. CDNIKK. F. 9. Inv. 1. D. 683. (In Russian).
27. CDNIKK. F. 9. Inv. 1. D. 767. (In Russian).
28. CDNIKK. F. 12. Inv. 1. D. 81. (In Russian).
29. CDNIKK. F. 2814. Inv. 1. D. 92. (In Russian).
30. CDNIKK. F. 2816. Inv. 1. D. 256. (In Russian).

31. CDNIKK. F. 6186. Inv. 1. D. 203. (In Russian).
32. CDNIKK. F. 6186. Inv. 1. D. 203 A. (In Russian).
33. CDNIKK. F. 6186. Inv. 1. D. 263. (In Russian).
34. Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNIRO). F.5. Inv.1. D.152. (In Russian).
35. CDNIRO. F. 5. Inv. 1. D. 153. (In Russian).
36. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 196. (In Russian).
37. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 228. (In Russian).
38. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 393. (In Russian).
39. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 403. (In Russian).
40. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 560. (In Russian).
41. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 595. (In Russian).
42. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 664. (In Russian).
43. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 747. (In Russian).
44. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 781. (In Russian).
45. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 801. (In Russian).
46. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 802. (In Russian).
47. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 805. (In Russian).
48. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 968. (In Russian).
49. CDNIRO. F. 15. Inv. 1. D. 47. (In Russian).

УДК 94(479.2).084.3

Т. А. Булыгина, К. Р. Амбарцумян

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1917–1921 ГОДАХ[1]

В данной статье авторы обращаются к такой актуальной проблеме как трансформация советско-персидских отношений. Привлекаемый комплекс опубликованных и архивных источников позволил выявить основные этапы этого процесса, в течение которого Персия из сферы влияния превращалась в партнера. Важную роль в выстраивании взаимодействия играл Южный Кавказ. Отправной точкой исследования стал октябрьский переворот 1917 г., верхняя хронологическая рамка определена 1921 г., когда был заключен советско-иранский договор. В первой части статьи сделан обзор отношений РСФСР и Ирана в целом. Выявлено, что до 1920 г. политику персидского правительства, в том числе в отношении большевиков, определяли англичане. В этот период Южный Кавказ наряду с Персией оказались под полным контролем Великобритании.

Советизация Азербайджана определила начало нового этапа в развитии восточной политики РСФСР. В этот период среди большевистского руководства возобладала идея экспорта революции на Восток. Советский Азербайджан стал плацдармом для оказания влияния повстанческого движения Кучук-хана в Гиляне.

Подписание договора в 1921 г. явилось фактором усиления значимости Южного Кавказа. В первую очередь большую роль регион играл в налаживании товарообмена между Персией и РСФСР. На комплексе архивных документов авторам удалось реконструировать процесс налаживания экономических отношений. На конкретных исторических примерах показано как в процессе выстраивания советско-персидского взаимодействия Южный Кавказ все сильнее включался в сферу российского влияния. Кроме того, определено, что в изучаемый период регион сыграл интегрирующую роль. Данное обстоятельство особенно примечательно при обращении к более раннему историческому прошлому, когда в XIX в. Кавказ был ареной российско-иранского противостояния.

Ключевые слова: Южный Кавказ, революция 1917 г., Иран/Персия, РСФСР, советско-иранский договор 1921 г.

T. A. Bulygina, K. R. Ambartsumyan

ON THE PLACE OF SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF SOVIET – PERSIAN RELATIONS IN 1917–1921

The article studies the problem of evolution of Soviet – Persian relations. With the reference to a complex of published and archival sources, the authors reveal the main stage of development of these relations when Persia was changing its status from the sphere of influence into a partner. South Caucasus played an important role in the process. The starting point of the research is the October 1917 coup, the upper chronological frame is defined as 1921, when the Soviet-Iranian treaty was concluded.

In the first part of the article, a review of relation between Russian SFSR and Persian government is given. The authors found out that until 1920 the policies of the Persian government, including in relation to the Bolsheviks, were determined by the British. During this period, South Caucasus and Persia came under the complete control of Britain. Sovietization of Azerbaijan determined the beginning of a new stage in the development of the eastern policy of Bolshevik's government. At that time the idea of exporting revolution to the East predominated among Soviet leaders. Soviet Azerbaijan became a springboard to influence the Kuchuk Khan insurgent movement in Gilan. The signing of the treaty in 1921 had become a factor in enhancing the significance of the South Caucasus. First, the region played an important role in establishing trade exchange between Persia and Russia. Using complex archival documents the authors reconstructs process of setting up economic relations. With specific historical examples they shows how in the process of building Soviet-Persian interaction, South Caucasus became more and more involved in the sphere of Russian influence. It was determined that during the period under investigation the region played an integrative role. This circumstance is especially noteworthy when referring to an earlier historical past, when in the XIX century Caucasus was the area of Russian-Iranian confrontation.

Key words: South Caucasus, revolution of 1917, Iran/Persia, the Russian SFSR, Soviet-Iranian Treaty (1921).

Актуальность сформулированной в статье проблемы определяется геостратегическим положением Исламской Республики Иран в Западной Азии и особенностями взаимоотношений России и Ирана на протяжении пяти веков. Имперский и советский периоды отмечены тесными политиче-

[1] Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444)

скими и экономическими связями Персии/Ирана с Российской Империей и СССР. Традиция таких отношений сохранилась и Российской Федерации.

Своевременность обращения к отношениям России и Ирана по вопросам Южного Кавказа связана также с тем, что Иран, наряду с Россией, Турцией и внерегиональными игроками, такими как США, на протяжении всего XX века активно участвует в выработке направлений южно-кавказской политики. В прошлом Российская империя и Персия вели противоборство за Кавказ. Сегодня Иран скорее стремится не допустить влияния США в регионе, чем противодействовать России. Более того, Тегеран стремится открыто не затрагивать интересы Кремля на Кавказе. Однако ряд аналитиков отмечают высокую степень экономической активности Ирана в регионе, что создает реальные предпосылки для соперничества Исламской республики с Россией, т.к. Кавказ остается зоной жизненных интересов Российской Федерации.

Сегодня Южный Кавказ – это три самостоятельных государства с комплексом внутренних отношений и противоречий, которые, так или иначе, сказываются на современных отношениях Ирана с тремя южно-кавказскими республиками. В частности, они осложняются двойственной позицией иранской стороны в отношении замороженных конфликтов на Южном Кавказе. В частности, Азербайджан критически относится к активным армяно-иранским отношениям, которые расцениваются азербайджанской властью как символ того, что Иран в азербайджано-армянском противостоянии принимает сторону Армении. Поэтому Тегерану приходиться лавировать – в одних случаях заявлять о поддержке территориальной целостности Азербайджана, в других – о приверженности праву народов, населяющих Армению и Азербайджан, на самоопределение [21]. Все эти современные обстоятельства порождают потребность в обращении к историческим урокам, среди которых есть и вопрос о роли Южного Кавказа в российско-персидских отношениях после 1917 г., когда вокруг региона началось активное геополитическое противостояние как региональных соседей Южного Кавказа, так и внерегиональных государств.

Проблема российско-иранских отношений в предложенных хронологических рамках изучалась учеными, как в советский, так и современный периоды. Большой массив работ представлен советскими иранистами [9; 19; 20; 22]. Тема изучалась современными исследователями в том числе, в контексте исследований восточного вектора советской внешней политики первой половине XX века [15; 24]. Российская историография конца XX – начала XXI веков представлена также работами, в которых подробно освещен исторический контекст заключения в 1921 г. договора между Россией и Персией [13; 14: 28]. За исключением некоторых статей, в которых рассматриваются современные отношения России и Ирана в Закавказье [25], Южный Кавказ только упоминается в работах советских и современных иранистов. Самостоятельное же исследование по проблеме статьи в период с 1917 по 1921 гг. в рамках в российской историографии оказался вне поля внимания ученых.

Целью данной статьи стала реконструкция места и роли Южного Кавказа в системе советско-иранских отношений в период Российской революции 1917 г. Выбор хронологии объясняется тем, что революционные события в России, а затем в Иране изменили абрис восточной политики. Верхняя граница работы связана с заключением в 1921 г. советско-персидского договора, который стал началом качественно новых отношений Ирана и советской России. Кроме того, в следующем году кардинально изменилось международное положение стран Южного Кавказа, объединенных в Закавказскую Федеративную Советскую республику, которая вошла на правах союзной республики в Советский Союз.

В конце XIX – начале XX века существенно изменилась конфигурация международных отношений в Европе, что повлияло и на соотношение сил в Азии. Иран из сферы постоянного геополитического противостояния России с Великобританией превратился в объект сфер влияния этих двух стран. В августе 1907 г. в Санкт-Петербурге российским министром иностранных дел А. П. Извольским и британским послом Артуром Николсоном было подписано Англо-русское соглашение. Согласно этому договору, район на севере Ирана, который граничил с Азербайджаном и Туркестаном, оказывался в сфере влияния России, на юге – в сфере влияния Великобритании, а центр страны был определен как нейтральная зона. В условиях Первой мировой войны этот договор позволил ввести на территорию Ирана английские и российские войска для заслона от германо-турецкой агрессии.

Большевики после прихода к власти денонсировали этот договор в надежде на то, что в противовес английской экспансионистской политике такой шаг может расположить к себе иранские власти. Громадный резонанс на Востоке, включая Иран, имели такие документы советской власти, как «Декларация прав народов России», обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Для иранского правительства особенно важным было обращение советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором звучало обещание уничтожить договор с Англией 1907 г.: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы» [17, с. 34–35]. Это решение соответствовало ожиданиям иранской общественности, поэтому в ответ персидская сторона в декабре 1917 г. выразила готовность к началу нового переговорного процесса с последующим заключением соглашений, в том числе консульских конвенций [17, с. 91–93]. К марту 1918 г. из Ирана были выведены все русские войска.

Денонсация российско-английского договора 1907 г., делившего страну на сферы влияния, казалось, должна была усилить позиции большевиков. Однако, признав РСФСР, Тегеран одновременно оставил прежнего царского представителя Н. С. фон Эттера, хотя НКИД сообщил о его смещении и направлении нового агента. Председатель Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумян, и одновременно «комиссар внешних дел», по поручению СНК и с согласия В. И. Ленина в июле 1918 г. направил в Иран советскую дипломатическую миссию во главе с большевиком И. О. Коломийцевым, который был знаком с Персией еще в годы Первой мировой войны. Миссия финансировалась Бакинским Совнаркомом. Однако новое пробританское правительство страны не признавало советскую миссию.

Тем не менее, большевистское руководство продолжало добиваться улучшения отношений с Персией. Об этом свидетельствуют ноты Советской республики 1918 и 1919 г. Так, 29 января 1918 г. СНК РСФСР сделал Персидскому посланнику в Петрограде заявление «об аннулировании всех соглашений, направленных против независимости Персии». Эта нота была направлена против слухов и сомнений иранской общественности, связанных с поведением солдат русского корпуса, пока не выведенного из страны и усиленных английской разведкой относительно ликвидации договора 1907 г. В ноте подтверждалась денонсация англо-российского договора. Советская сторона брала на себя обязательства бороться с «агентами царизма» на территории Ирана. Признавались законными только такие отношения Персией, которые «которые основаны на свободном соглашении и на взаимном уважении народов». На следующий день персидский Посланник от имени своего правительства выразил признательность РСФСР за решение вывести русские войска с территории Персии и готовность вести всякого рода переговоры [16]. Советские инициативы по Персии были подтверждены нотой от 26 июня 1919 г. Более того, все коммуникации российских предпринимателей на территории Ирана передавались персидскому народу [13, с.46].

В январе 1918 г. в Тегеран прибыл российский дипломат Н. З. Бравин, имевший опыт дипломатической службы в Персии в 1905 и в период Первой мировой войны. После октября 1917 г. он перешел на службу советской власти. Персидское правительство приняло Н. З. Бравина как частное лицо, не прерывая отношений с царской миссией. В июне так и непризнанный Н. З. Бравин был отозван уже в июне в Москву, а Н. С. Эттер был переведен в Поругалию и уволен с советской дипломатической службы по приказу Л. Д. Троцкого. Двойственность иранской политики была основана, с одной стороны, на понимании нестабильности советской республики и ожидании ее скорейшего распада, с другой стороны, на заинтересованности налаживания контактов с РСФСР, выразившей намерение проводить политику равноправия в отношении Ирана.

В одной из докладных записок в Наркомат иностранных дел Н. З. Бравин обращал внимание на сопредельность Кавказа и Туркестана Персии и просил учредить при нем, как дипломатическом агенте, две должности комиссаров-представителей названных территорий: «С их помощью я всегда мог бы регулировать свои шаги, выступления и работы в полном соответствии с интересами и запросами этих областей» [7, л. 2]. Действительно, в налаживании советско-иранских отношений большую роль сыграла Туркестанская АССР. Летом 1918 г. ЦИК ТАССР уполномочил Н. З. Бравина быть также представителем Советского Туркестана в Иране. Тогда же НКИД ТАССР обменялся с Н. З. Бравиным телеграммами о возможности назначения иранских консульских представителей в города Туркестана и Бухары. В свою очередь, председатель Кокандского Совета Е. А. Бабушкин стал в сентябре 1918 г. консулом ТАССР в Мешхеде. Руководители Туркестана предложили послать в Иран их представителя в качестве заместителя полномочного представителя РСФСР, на что Г. В. Чичерин в обращении к В. И. Ленину изложил план посылки Туркестанской миссии по согласованию с ее руководителями и чрезвычайным комиссаром Советского правительства в Туркестане П. А. Кобозевым [29, с.18]. Однако к лету 1918 г. Иран полностью заняли англичане, потеснив турецкие вооруженные силы [15, с. 43].

В это время Н. З. Бравина сменил уроженец Ставропольской губернии, бывший прапорщик И. О. Коломийцев. Он долгое время пребывал в составе русских войск в Персии и хорошо владел персидским языком. Примечателен тот факт, что его назначили по рекомендации С. Шаумяна, который и подписал И. О. Коломийцеву верительные грамоты. Однако вскоре Бакинская коммуна пала, и Восуг од-Доуле, возглавивший в августе 1918 г. персидское правительство, был сторонником английского присутствия, а поэтому не признал данные документы [13, с. 45–46]. В своем донесении, адресованном Г. В. Чичерину, И. О. Коломийцев писал: «За все эти три месяца, я не получил от Российского правительства ни единой строчки. Посланный мной курьер Кашкаров был задержан в Энзели и о судьбе его мне ничего неизвестно. Персидское правительство <…> отказалось принять нас, придравшись к тому, что выданные грамоты мне и моему товарищу Иосифу Караханяну, подписанный Шаумяном, о судьбе которого персидское правительство «ничего не знает». А также ссылаясь на отсутствие подтверждения на мое назначение от центрального правительства, или хотя бы от персидского посланника в Москве Асхат-Хана» [6, л. 2].

В то же время в течение весны 1918 г. англичане постепенно заняли территорию Персии под предлогом борьбы с турками, достигли Гиляна, располагающегося на юго-западе Каспия. Советская сторона, в том числе её представитель И. О. Коломийцев, расценивала это движение как планомерное перемещение в сторону Баку и нефтеносных районов, с последующим занятием Елизаветополя и Тифлиса. В конечном итоге,

миссия Коломийцева закончилась трагично – во время второй попытки учредить советскую дипломатическую миссию в Иране летом 1919 г. он был расстрелян белогвардейцами.

Таким образом, Великобритания планировала блокировать продвижение большевиков на Восток [3, л. 1–1 об.]. С ноября 1918 г. англичане стали продвигаться на Южный Кавказ, а вскоре в 1919 г. был подписан англо-иранский договор, по которому британские представители получили полный карт-бланш в персидской политике. Таким образом, опасения И. О. Коломийцева оправдались. В государственном аппарате и армии Ирана обосновались английские советники и офицеры, не только ограничивающие государственный суверенитет, но и влиявшие на проводимую правительством политику.

Английские части, оккупировав Иран, использовали его территорию как плацдарм для борьбы с большевиками. Отсюда был направлен корпус Денстервиля на Баку в 1918 г. и генерала отряд Молесона в Туркмению. Из Ирана шло английское снабжение для армии Колчака. Английское господство в Иране для однозначно создавало угрозу военной экспансии на Южный Кавказ и создавало режим благоприятствования для расширения британской сферы влияния на Востоке. С другой стороны, в свете ослабления России Гражданской войной и ее фактического ухода с национальный окраин, и у других государств появлялась возможность заполнить образовавшийся вакуум. К примеру, в Иране стали возникать идеи возврата некогда утраченных территорий.

Иранское правительство при поддержке английских советников планировало присоединение приграничных с Россией территорий. В Тегеране был разработан меморандум для Парижской конференции, одним из пунктов которого стали территориальные претензии, в том числе в отношении Южного Кавказа. Требование было невыполнимым, так как в этом время там существовали правительства, провозгласившие независимость: Азербайджан, Армения и Грузия. Видимо, поэтому министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Н. Керзон возражал против такой постановки вопроса. В итоге к работе конференции иранскую делегацию не допустили [10, с. 106]. Тем не менее, существовавший в Иране режим и его зависимость от Англии не устраивали советское правительство.

Что касается Кавказа, то с распадом Российской империи в регионе возобладали центробежные силы, стали возникать и воплощаться в жизнь, как уже говорилось выше, проекты независимых национальных государств. В мае 1918 г. о создании собственных республик заявили Азербайджан, Армения и Грузия. Однако к 1920 г. большевики фактически одержали победу в гражданской войне, и весь период 1920–1921 гг. был связан с возвращением Южного Кавказа под контроль большевиков через установление здесь советской власти. Это обстоятельство не могло не повлиять на советско-иранские отношения, для которых начался второй этап, связанный как с советизацией закавказских республик, так и с распространением большевистского влияния на Персию. В апреле 1920 г. при военной поддержке IX армии в граничившем с Персией Азербайджане была провозглашена советская власть. Советизация Азербайджана не только укрепляла внутренние позиции советской республики, расширяя границы влияния на Кавказе, но и создавала плацдарм для распространения влияния на Персию, т.е. упрочила международные позиции большевиков. Более того, это было составной частью большевистского плана мировой революции, в котором была и идея экспорта революции на Восток.

Азербайджан во внешней политике советского правительства связывал Иран и Турцию, таким образом, формируя геополитическое пространство, подконтрольное большевикам. НКИД РСФСР, СНК и Кавказское бюро делали ставку на нарастающее повстанческое движение в пределах персидских провинций, которое они планировали использовать в своих интересах и восстановить утраченные позиции России, вытеснив англичан. Восстание на территории прикаспийской Гилянской провинции Персии переросло в провозглашение Иранской советской республики, существовавшей в 1920–1921 гг. Однако свои реальные возможности даже Кавбюро оценивало скептически. Согласно оценке историка А. В. Квашонкина, безнадежность планов по советизации Персии осознавал сам Г. К. Орджоникидзе, в том числе из-за отсутствия военных сил у вождя повстанцев Кучук-Хана. Именно поэтому большевистское правительство не стало отправлять туда части Красной армии. В телеграмме, адресованной Ф. Ф. Раскольникову, Л. Д. Троцкий подчеркивал необходимость содействия Кучук-Хану и всему освободительному движению Персии, но, ни в коем случае, не под русским флагом [12, с. 129].

Большевистский флот во главе с Ф. Раскольниковым 18 мая 1920 г. появился у Энзели и предпринял попытку захватить интернированные деникинские суда. Персидское правительство расценило такие действия как попытку захвата иранского порта [18, с. 557–559] и выразило протест, на который Г. В. Чичерин ответил отрицанием связи инцидента с политикой советского правительства. Официальное заявлением наркома не соответствовало действительности. 26 мая 1920 г. на заседании Политбюро ЦК было приняло решение об одобрении инициативы НКИД РСФСР по поддержке национально-освободительного движения народов Востока, в том числе джегелейского, возглавляемого Кучук-ханом в Персии. Командующему Каспийской флотилией Ф. Раскольникову поручалось обеспечить материальную и организационную поддержку Кучук-хану, передать ему Энзели, аргументировав данный акт распоряжением советского правительства не вмешиваться во внутренние дела в Персии. Однако, под видом полицейской службы оставить часть судов под Азербайджанским флагом для содействия Кучук-хану [26, л. 1], что снимало ответственность с РСФСР и перекладывало

на пока еще официально независимый советский Азербайджан.

Взятие Энзели для англичан стало полной неожиданностью. После переворота в Баку они решили, что большевики не посмеют двигаться в Персию, поэтому порт фактически не оборонялся, на берегу не было организовано никаких постов [8, л. 22]. Поддержка повстанцев Кучук-Хана в Гиляне Советами возмущало иранские власти, о чем писал наркому иностранных дел Азербайджана Персидский Генеральный Консул на Кавказе [8, л. 39]. В ноябре 1920 г. нота представителя персидского министерства иностранных дел Рахимаэд Довле была уже адресована напрямую Г.В. Чичерину. Выдерживая ровный и доброжелательный тон послания, иранская сторона просила российское правительство «побудить Азербайджанскую республику воздержаться от каких бы то ни было агрессивных действий против Персии» [4, л. 7].

Усиление позиций большевиков на Южном Кавказе изменило планы в отношении шахской Персии. М. Д. Гусейнов, пребывая в Тифлисе, встречался с чрезвычайным послом и генеральным консулом Персии. В своем донесении он сообщал Г. В. Чичерину об инициативе шахского правительства послать в Азербайджан чрезвычайного представителя. Идя на переговоры и давая согласие, М. Д. Гусейнов выражал опасение, что через Персию на Кавказ, главным образом в Баку, вновь вернутся англичане: «Мне кажется, что нам нужно будет во что бы то ни стало усилить свое положение в Персии и обеспечить свое господство там…» [5, л. 33].

Благоприятная для большевиков ситуация усиливалась тем обстоятельством, что в персидском Азербайджане с центром в Тавризе набирали силу антианглийские и антишахские настроения. Представители демократической партии во главе с Мохаммедом Хиабани 13 мая 1920 г. в Тавризе провозгласили независимость персидского Азербайджана и полностью прервали связь с Тегераном. Иранские правительственные войска не стали вмешиваться и объявили нейтралитет. М. Д. Гусейнов был воодушевлен этими событиями и призывал Москву использовать ситуацию для установления влияния в Персии [5, л. 33–34]. События в Азербайджане не помешали персидскому правительству признать советскую республику. Руководство Персии осознавало условность независимости только что советизированной республики, и свои заверения и пожелания я адресовала напрямую правительству РСФСР. Для урегулирования отношений с советской Россией из Тегерана выдвинулись две миссии: одна направлялась в Баку, другая – в Москву.

Тегеран начал налаживать отношения и с другими странами Южного Кавказа: Арменией и Грузией. В январе 1920 г. в Тегеран был направлен полномочный представитель Армении Овсеп Аргутян. Однако в контексте советизации Армении осенью 1920 г. процесс выстраивания самостоятельных армяно-иранских отношений был прерван. Ряд современных исследователей считают, что, несмотря на кратковременность сотрудничества в тот сложный период, нынешнее сотрудничество Армении и Ирана было возрождением традиций в ирано-армянских отношениях, которые зародились в 1920 г. [22, с. 55].

Третий этап советско-иранских отношений начался в 1921 г. В результате государственного переворота в Иране к власти пришли Сеид Зияэд-Дин и Реза-хан. Новое руководство страны аннулировало договор с Англией, заключенный в 1919 г. В Москве 26 февраля 1921 г. был подписан советско-иранский договор. Документ был подписан со стороны РСФСР Г. В. Чичериным и Л. М. Караханом, а со стороны Ирана – его послом в России Мошавероль-Мемалеком (Али Голи-хан Ансари). Его действие началось в день подписания, и было шагом к установлению дипломатических отношений между РСФСР и Ираном. Основы этого документа были выработаны в РСФСР еще в декабре 1920 г. В 26 статьях договора наряду с целой системой мер по развитию советско-персидских отношений, таких как упразднение прав России на все концессии, концессионные сооружения, шоссейные дороги, затрагивались и интересы Южного Кавказа, т.к. железнодорожные линии Джульфа – Тавриз, соединяющие советский Азербайджан с персидскими провинциями также переходили в пользование Ирана [2, л. 34].

Подписание договора усилило значение Южного Кавказа в советско-персидских отношениях. Речь идет о проблеме транзита товаров из РСФСР в Иран и обратно, который мог осуществляться по железным дорогам Батум-Баку и Батум-Джульфа. Кроме того, основной предмет советского экспорта, в том числе в Иран – керосин – находился в Баку [27, л. 21 об]. Роль транзита через закавказские республики усиливалась в связи с бедностью экспорта из РСФСР. Поэтому товарообмен мог быть налажен только посредством привлечения товаров из европейских рынков. Более того, согласно 20-й статьи договора обе стороны обеспечивали себе транзит товаров в третьи страны. Россия могла поставлять на Ближний Восток стекло (оконное, ламповое, посуда), цемент, железо, старую резину. Экспортировались также некоторые предметы роскоши: каракуль, шелк. Главными товарами персидского импорта в Россию и другие европейские страны были рис, кишмиш, листовой табак, шелковичное волокно, касторовое масло и семя. Важным объектом импорта были медь, в том числе металлолом, олово, краска для мыловарения, каустическая сода, кожи, шерсть, ковры, фрукты [27, л. 6 об.].

Советизированные закавказские республики были важным элементом в развитии экономических связей РСФСР и Персии. Так, 14 статья договора 1921 г. предусматривала урегулирование условий рыбных промыслов на Каспии, что затрагивало интересы не только Туркестана, но и Азербайджана. Кроме того, в составе советской дипломатической миссии Ф. А. Ротштейна в Иран прибыл представитель Наркомата внешней торговли В. П. Бельгов. Глава миссии, в докладе Г. В. Чичерину, с возмущением писал о препят-

ствиях, которые чинят Бельгову «всякие Кедровы[1]», которые завозят на иранский рынок бакинскую нефть и продают ее по цене намного ниже рыночной. Очевидно, что Южный Кавказ занимал не последнее место в разработке экономических мер сотрудничества России и Ирана. Вот почему в 20 статье договора говорилось о необходимости скорейшего заключения торговой конвенции, т.к. она определила бы четкие правила торговли с Персией. Дело в том, что Азербайджанское внешнеторговое ведомство (Азвнешторг), азербайджанское и закавказское областное отделение внешторга РСФСР, Центросоюз, представительства Грузии и Армении вели торговые дела с правительством Персии в своих интересах, обходя внешнеэкомические интересы РСФСР. Все эти параллельно действовавшие структуры конкурируя друг с другом без соблюдения каких-либо правил, превращали товарообмен в вакханалию [1, л. 73–73 об.]. Надо отметить, что безусловно, правительство возлагало большие надежды на Баку в налаживании товарообмена с Персией. В этой связи Бакинскому нефтяному комитету предоставлялась максимальная свобода в обмене нефтепродуктов на продовольствие, предметы оборудования и одежду для рабочих.

Налаженный товарообмен с Персией был необходим не только РСФСР. Весь Южный Кавказ остро нуждался в продовольствии. Деятельность всех вышеописанных торговых структур мешала В. П. Бельгову отстаивать торговые интересы России и союзных кавказских республик. При этом следует учитывать несколько специфических черт социально-политической и экономической обстановки в начале 1920 гг. Во-первых, торговля между Россией и Персией носила продовольственно-заготовительный характер. Во-вторых, это было время перехода советской республики к НЭПу. В-третьих, отдельные персидские районы не взаимодействовали с РСФСР ни экономически, ни политически и больше тяготели к азиатским и кавказским советским республикам. В частности, персидский Азербайджан ориентировался на Армению и Грузию, а прикапийские провинции Персии сотрудничали с советским Азербайджаном и РСФСР [27, л. 21]. Тегеран никак не координировал эти контакты, поэтому о единстве торгово-экономической политики иранских властей говорить не приходится.

РСФСР стремилась монополизировать все внешнеторговые операции Грузии, Азербайджана и Армении, которые последние вели на конкурентной основе. С этой целью внешнеторговые наркоматы всех трех республик был объединен в «Союз Грузии, Азербайджана и Армении для внешней торговли» (Облвнешторг) [11]. Главной задачей в персидском Азербайджане была заготовка хлеба для армии и населения. После решения продовольственной проблемы намечалось закрепление там Центросоюза[2], как постоянной торгово-экономической советской организации. Она должна была быть единственной структурой, которая налаживала импортную и экспортную торговлю на северо-западе Персии. От Центросоюза и Облвнешторга в персидский Азербайджан и северо-запад Персии были командированы С. Баландини А. Г. и Салибекян соответственно. А. Г. Салибекяну удалось заключить временное торговое соглашение с Тавризским генерал-губернатором о свободной торговле советских республик с персидским Азербайджаном. Этот договор курировал Ф. А. Ротштейн, который контролировал заключение этого договора, что свидетельствует о подчинении внешнеэкономической деятельности трех кавказских республик воле РСФСР [27, л. 8 об.].

Создание зонтичной организации, объединявшей РСФСР и три закавказские республики в виде Облвнешторга было направлено, в том числе, на решение проблемы снабжения населения и армии продовольствием. Предполагалось, что это будет единственная структура, действующая на территории персидского Азербайджана, и таким образом, удастся избежать параллелизма в торговой политике со стороны кавказских советских республик. Таким образом и проблема снабжения будет решаться централизованно, а значит эффективно. Однако ожидания и реальная практика не совпадали. Уже в мае 1921 г. выяснилось, что Армянский ревком тоже командировал в Тавриз своего представителя, некоего Погосова, который выехал вместе с персидским консулом в Эривани. Целью поездки была закупка хлеба, однако, через два месяца, в июле 1921 г., никаких отчетов о закупках не поступило. При выяснении обстоятельств А. Г. Салибекяном в самом Тавризе оказалось, что Погосов никаких сделок не заключил [27, л. 7–8]. Армянский ревком пытался решить проблему продовольственного кризиса самостоятельно. При наличии общей организации и договоренностей о совместных действиях, он направлял отдельно своих представителей. По этому поводу категоричное недовольство выражал С. Баландин, который просил Г. К. Орджоникидзе отозвать армянских представителей из персидского Азербайджана, а товарные фонды и валюту передать организации Центросоюза [27, л. 10 об.].

Таким образом, на основании архивных материалов и опубликованных источников удалось проследить место республик Южного Кавказа в эволюции российско-иранских отношений в период возникновения и развития советской государственности. Анализ источников и обобщение данных периода 1917–1921 гг. позволяет говорить о росте интегрирующей и снижении барьерной роли Южного Кавказа в отношениях РСФСР и Ирана. Через регион шла поддержка революционных настроений и действий на персидских окраинах, как реализация большевиками идеи мировой революции. Кавказские республики принимали активное участие в установлении советско-иранских торгово-экономических отношений. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что еще до образования СССР советизирован-

[1] М. С. Кедров - председатель Комитета содействия Нефтяной Промышленности.

[2] Всероссийский центральный союз потребительских обществ.

ные республики фактически рассматривались как часть общесоветского экономического пространства. Вступая с Ираном во взаимодействие, они шли в фарватере Москвы.

Источники и литература

1. Архив внешней политик РФ (далее – АВП РФ). Архив Красина. Оп.1. Папка 7. Д.47.
2. АВП РФ. Р168. Миссия М.М. Литвинова в Копенгагене. Оп.1. Папка 1. Д.3.
3. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп. 18. Папка 109. Д. 50640.
4. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп. 18. Папка 109. Д.50645.
5. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп. 51. Папка 321 а. Д. 54862.
6. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп.18. Папка 109. Д. 50638.
7. АВП РФ. Ф.496. Оп.1. Папка 29. Д.464.
8. АВП РФ. Фонд Чичерина. Оп. 18. Папка 109. Д. 50644.
9. Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941 гг. М.: Наука, 1971. 360 с.
10. Алиев С.М. История Ирана. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт, 2004. 644 с.
11. Багирова И. Интеграционные процессы на Южном Кавказе и политика великих держав в исторической ретроспективе XX в. URL: https://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-1/11.shtml(Дата обращения: 21.09.2018).
12. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 / сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
13. Вартаньян Э. Г. Первые шаги в формировании советско-персидских отношений (1917–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. №1/1. С. 45-49
14. Васильева О. А. Советско-иранский договор 1921 г. // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. №.16. Вып. 29. С.113-118.
15. Володарский М. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 243 с.
16. Гафурова Б. Г., Зубока Л. И. Хрестоматия по новейшей истории в трёх томах. Т.1. (1917–1939. Документы и материалы). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 928 с.
17. Документы внешней политики СССР. Т.1. (7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 773 с.
18. Документы внешней политики СССР. Т.2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 804 с.
19. Иванов М. С. Иран в 60–70-х годах XX века. М.: Наука, 1977. 270 с.
20. Иванова М. Н. Иран во время первой мировой войны // Иран: История и культура в средние века и новое время. М.: Наука, 1980. С. 94-142.
21. Иран и Карабахский конфликт / Иран и Южный Кавказ URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/31921 (Дата обращения: 21.09.2018).
22. Маннанов Б. С. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX вв. Ташкент: Наука, 1964. 156 с.
23. Месамед В. И. Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия). М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 254 с.
24. Мохтари М. Т. Отношения России и Ирана (1921–1946): дисс. … канд. ист. наук. М., 1997. 210 с.
25. Раванди-Фадаи Л. М. Некоторые аспекты политики России и Ирана в Закавказье (тезисы к докладу) // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. С. 186-188.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.83. Л. 1
27. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С (Персия). Д.95.
28. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
29. Хейфец А. Н. Советские республики и народы Востока (1918–1922) // Вопросы истории. 1972. №11. С.18-32.

References

1. Archive of foreign policy RF (AVP RF). Krasin's archive. Inv.1. Folder 7. D.47. (In Russian).
2. AVP RF. R168. M.Litvinov' Mission in Copenhagen. Inv.1. Folder 1. D.3. (In Russian).
3.A VP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 18. Folder 109. D. 50640. (In Russian).
4. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 18. Folder 109. D.50645. (In Russian).
5. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 51. Folder 321 a. D. 54862. (In Russian).
6. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 18. Folder 109. D. 50638. (In Russian).
7. AVP RF. F.496. Inv.1. Folder 29. D.464. (In Russian).
8. AVP RF. Chicherin' fund. Inv. 18. Folder 109. D. 50644. (In Russian).
9. Agaev S. L. Iran: vneshnyaya politika i problemy nezavisimosti 1925–1941 gg. *(Iran: Foreign Policy and the Problem of Independence).* Moscow: Nauka, 1971. 360 p. (In Russian).
10. Aliev S. M. Istoriya Irana *(Iran History).* Moscow: Institute East studies of RAS publ.: Kraft, 2004. 644 p. (In Russian).
11. Bagirova I. Integracionnye processy na YUzhnom Kavkaze i politika velikih derzhav v istoricheskoj retrospektive XX v. *(Process of Integration in South Caucasus and Policy of Superpowers Through History).* URL: https://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-1/11.shtml (Accessed: 21.09.2018).
12. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927 *(Bolshevik's Governance. Correspondence. 1912–1927)* / contributors: A. V. Kvashonkin, O. V. Hlevnyuk, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaya. Moscow: ROSSPEHN, 1996. 423 p. (In Russian).

13. Vartan'yan Eh. G. Pervye shagi v formirovanii sovetsko-persidskih otnoshenij (1917–1921 gg.) *(The First Steps for Formation of Soviet – Persian relations (1917–1921)* // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2017. Vol. 9. No. 1/1. P. 45-49. (In Russian).

14. Vasil'eva O. A. Sovetsko-iranskij dogovor 1921 g. (Soviet – Iran Treaty of 1921) // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2014. No.16. Issue. 29. P. 113-118. (In Russian).

15. Volodarskij M. Sovety i ih yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933) *(Soviets and Their South Neighbors Iran and Afghanistan)*. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 243p. (In Russian).

16. Gafurova B. G., Zuboka L. I. Hrestomatiya po Novejshej istorii. *(Readings in Contemporary History).* Vol.1. (1917-1939. Dokumenty i materialy) *(Documents and materials).* Moscow: Izdatel'stvo social'no-ehkonomicheskoj literatury, 1960. 928 p. (In Russian).

17. Dokumenty vneshnej politiki SSSR *(Documents of Foreign Policy of USSR)*. Vol.1. (November 7 1917 – December 31 1918). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1959. 773 p. (In Russian).

18. Dokumenty vneshnej politiki SSSR *(Documents of Foreign Policy of USSR)*. Vol.2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1958. 804 p. (In Russian).

19. Ivanov M. S. Iran v 60–70-h godah XX veka *(Iran in 60–70s of XX century)*. Moscow: Nauka, 1977. 270 p. (In Russian).

20. Ivanova M. N. Iran vo vremya pervoj mirovoj vojny *(Iran During the First World War)* // Iran: Istoriya i kul'tura v srednie veka i novoe vremya. Moscow: Nauka, 1980. P. 94-142. (In Russian).

21. Iran i Karabahskij konflikt *(Iran and Karabagh Conflict)* // Iran i YUzhnyj Kavkaz URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/31921 (Accessed: 21.09.2018). (In Russian).

22. Mannanov B. S. Iz istorii russko-iranskih otnoshenij v konce XIX – nachale XX vv. *(From the History of Russian-Iranian Relations in the Late XIX and Early XX Centuries)*. Tashkent: Nauka, 1964. 156 p. (In Russian).

23. Mesamed V. I. Iran i nemusul'manskie strany YUzhnogo Kavkaza *(Armeniya i Gruziya) (Iran and Non-Muslim Countries of South Caucasus (Armenia and Georgia).* Moscow: Institute of the Middle East, 2015. 254 p. (In Russian).

24. Mohtari M. T. Otnosheniya Rossii i Irana (1921–1946) *(Relations of Russia and Iran (1921–1946):* thesis. Moscow, 1997. 210 p. (In Russian).

25. Ravandi-Fadai L. M. Nekotorye aspekty politiki Rossii i Irana v Zakavkaz'e *(Some Aspects of Russian and Iranian Policy in Transcaucasia)* // Rossijsko-iranskie otnosheniya. Problemy i perspektivy / ed by E. V. Dunaeva, V. I. Sazhin. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS publ., 2015. P.186 – 188. (In Russian).

26. Russian state archive of social and politic history (RGASPI). F.17. Inv.3. D.83. (In Russian).

27. RGASPI. F.85. Inv. S(Persiya). D.95. (In Russian).

28. Rossijsko-iranskie otnosheniya. Problemy i perspektivy *(Russian – Iranian relations. Problems and Perspectives)* / ed by. E. V. Dunaeva, V. I. Sazhin. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS publ., 2015. 260 p. (In Russian).

29. Hejfec A. N. Sovetskie respubliki i narody Vostoka (1918–1922) *(Soviet Republic and the East People (1918–1922)* // Voprosy istorii. 1972. No.11. P. 18-32. (In Russian).

УДК 327.51

К. Л. Бобрышева

ДИНАМИКА СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФНРЮ В 1948–1955 гг.

В статье представлен анализ динамики торговых связей между Югославией и СССР, начиная с возникновения советско-югославского конфликта 1948 г. и заканчивая нормализацией отношений между странами, и, как результат – подписанием торговых соглашений в 1955 г. Через рассмотрение торгового оборота, его количественного и качественного состава выявляются особенности торговых контактов между двумя странами. Автор отмечает уменьшение торгового оборота между ФНРЮ и СССР в 1948 г. вследствие советско-югославского конфликта, а затем и полное его прекращение, в связи с чем югославскому руководству пришлось налаживать торговые взаимоотношения с капиталистическими странами.

В статье отмечается, что после смерти И. В. Сталина начался процесс постепенной нормализации связей между ФНРЮ и СССР, и в 1953 г. были восстановлены дипломатические контакты. Однако возобновление экономических отношений произошло лишь в 1955 г., когда в Москве были подписаны торговые соглашения о взаимных поставках товаров на 1955 г. в размере 40 млн руб. с каждой стороны. Автор подчеркивает, что перечень югославской продукции и сырья, предназначавшихся для поставок в СССР, ограничивался второстепенно продукцией, в то время как советский список включал стратегические товары. Причиной такого дисбаланса стали обязательства ФНРЮ перед США о поставке им стратегического сырья, что сделало невозможным его поставки в СССР.

Автор отмечает, что, несмотря на отказ от взаимных экономических претензий и восстановление торговых связей с СССР и странами социалистического лагеря, отказа от торговли с капиталистическими странами не последовало. Это явилось одной из причин того, что сотрудничество югославского и советского руководства по партийной линии не было столь же успешным. Автор приходит к выводу, что на фоне складывающейся системы экономических связей происходила выработка югославской стороной собственного курса взаимоотношений со странами коммунистической и социалистической ориентации.

Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной изученностью вопросов, связанных с экономическими, в том числе торговыми связями Югославии и СССР.

Ключевые слова: Югославия, ФНРЮ, СССР, советско-югославский конфликт 1948 г., советско-югославские торговые отношения.

K. L. Bobrysheva

DYNAMICS OF SOVIET-YUGOSLAV TRADE RELATIONS AS A FACTOR TO FORM THE FPRY FOREIGN POLICY STRATEGY IN 1948–1955

The article analyzes the dynamics of trade relations between Yugoslavia and the USSR starting the emergence of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948 and up to normalization of relations between the countries that resulted in signing trade agreements in 1955. The peculiarities of trade contacts between the two countries are revealed through the consideration of trade turnover, its quantitative and qualitative composition. There was a decrease in trade turnover between the FPRY and the USSR in 1948 due to the Soviet-Yugoslav conflict, later followed by its complete cessation. In this regard, the Yugoslav leadership had to establish trade relations with the capitalist countries.

The article notes that the process of gradual normalization of ties between the FPRY and the USSR began after the death of I.V. Stalin, and in 1953 the diplomatic contacts were resumed. However, the resumption of economic relations occurred only in 1955, when both sides signed the trade agreements on mutual deliveries of goods for 1955 at a total cost of 40 million rubles in Moscow. The author emphasizes that the list of Yugoslavian products and raw materials intended for delivery to the USSR was limited to minor products, while the Soviet list included strategic goods. The reason for the disbalance was the commitment of FPRY to the USA to supply strategic raw materials, which made its delivery to the USSR impossible.

The author underlines that despite the rejection of mutual economic claims and the resumption of trade relations with the USSR and the countries of the Soviet bloc, there was no renunciation of trade with the capitalist countries. The author concludes that the Yugoslav side developed its own course of relations with the countries of communist and socialist orientation against the backdrop of the emerging system of economic ties.

The relevance of the article is due to insufficient knowledge of issues related to economic, as well as trade relations between Yugoslavia and the USSR.

Key words: Yugoslavia, FPRY, the USSR, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Soviet-Yugoslav trade relations.

Советско-югославский конфликт 1948 г. стал ключевым моментом в отношениях между Югославией и СССР, оказавшем влияние не только на политические, но и на экономические, в том числе торговые связи двух стран. Изучение качественных и количественных характеристик торгового оборота между ФНРЮ и СССР позволяет понять динамику взаимоотношений двух стран, а также механизмы их нормализации, задействованные в процессе восстановления международных контактов, их влияния на формирование внешнеполитической стратегии Югославии в целом. В настоящее время обращение к данной теме обусловлено желанием РФ выстраивать взаимовыгодные отношения со странами Балканского региона с учетом имеющегося исторического опыта.

В отечественной литературе к данной проблематике обращались такие известные исследователи, как В. С. Милованов [7], А. А. Костин [3, 4], М. А. Максакова [6], А. Б. Едемский [2], А. С. Стыкалин [21], а из зарубежных ученых – Л. Матес [22], И. Лакович [5]. Однако первостепенное внимание в работах уделялось политическим, партийным связям Югославии и СССР, а вопросы экономического, в частности, торгового сотрудничества, на наш взгляд, изучены недостаточно.

Рассмотрение особенностей советско-югославских торговых отношений целесообразно начать с событий лета 1948 г., когда под влиянием политических событий разрушалась прежняя система международных отношений.

После опубликования резолюции Информационного бюро коммунистических и рабочих партий «О положении в Коммунистической партии Югославии» от 29 июня 1948 г. [14], ознаменовавшей начало советско-югославского конфликта, в правящих кругах ФНРЮ начинают говорить о невыполнении Советским Союзом экономических обязательств по отношению к Югославии. По мнению югославской стороны, это приносило «большие трудности в течение 1948 года» [18, л. 11; 16, л. 97].

В связи с этим высказывалось мнение о том, что необходимо расширить торговые взаимоотношения с капиталистическими странами. Так, секретарь Загребского городского комитета компартии Шпильян в сентябре 1948 г. высказал мнение о том, что если СССР и страны народной демократии осуществят экономическую блокаду Югославии, то она будет торговать с капиталистическими странами. По его мнению, такая торговля будет оправдана, потому что «СССР вел торговлю с Югославией как с обычной капиталистической страной, продавая ей товары плохого качества» [15, л. 130–131]. Отмечалось, что Югославия не должна быть источником сырья для стран, у которых развита мощная промышленность (под которыми, по нашему мнению, в первую очередь подразумевался СССР), и покупать у них продукцию по дорогой цене [18, л. 4]. Следует отметить, что в середине 1950-х гг., когда ФНРЮ уже имела высокий товарооборот с США, главной статьей ее экспорта были цветные металлы. Югославия осталась источником сырья для страны с мощной экономикой, однако на этот раз для США.

Ухудшение политических взаимоотношений между Югославией и СССР привело к ослаблению экономических связей. В период с 1945 по 1947 гг. на долю СССР приходилось свыше 1/5 общего югославского товарооборота с другими странами [7, с. 41]. В 1947 г. удельный вес СССР в югославском экспорте составил 16,58 %, а в импорте – 45,79 % [4, с. 98]. Общий товарооборот стран в 1947 г. составил 60,5 млн руб., а в 1948 г. – 72,7 млн руб. В 1949 г. произошло резкое сокращение торгового оборота, который по сравнению с предыдущим годом уменьшился почти в 6 раз и составил 12,2 млн руб. [1, с. 66].

В иностранной прессе, в частности в итальянских газетах, с конца 1948 г. стали появляться сообщения о взаимоотношениях Югославии с западными странами, в том числе о секретном соглашении между ФНРЮ и США в экономической, политической и военной областях. Югославская пресса объясняла это интригами американских империалистов, «которые пытаются добиться для себя выгоды: изолировать нашу страну и обострить разногласия по некоторым вопросам между Югославией с одной стороны, Советским Союзом с другой стороны» [15, л. 246–249]. Также подчеркивалось, что США и Югославия не имеют никаких торговых договоров, хотя идут переговоры о заключении договора с англо-американской зоной оккупации в Германии. С советской зоной договор был подписан [18, л. 31]. Таким образом, несмотря на возникшие между ФНРЮ и СССР разногласия, а также на заявления отдельных партийных функционеров о возможности торговли с капиталистическими странами, любые сообщения о существовании таковых опровергались официальной югославской прессой.

Несмотря на данную позицию югославской стороны, проблема смены внешнеэкономического партнера требовала решения, особенно в связи с денонсацией 28 сентября 1949 г. Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между ФНРЮ и СССР и разрывом дипломатических отношений. 19 ноября 1949 г. Коминформом была принята новая резолюция «Коммунистическая партия Югославии во власти шпионов и убийц», а затем в 1950 г. последовало полное прекращение экономических связей с СССР и странами народной демократии.

В декабре 1950 г. член ЦК КПЮ Б. Кидрич на заседании Скупщины заявил, что разрывом инвестиционных договоров СССР и страны народной демократии нанесли ФНРЮ ущерб в 400 млн долл. [3, с. 59]. Данные события сопровождались ухудшением экономической ситуации внутри Югославии: невыполнением и продлением пятилетнего плана (1947–1952 гг.), следствием которого были народные займы 1948 и 1950 гг., а также засухой 1950 г. [2, с. 596] К тому же, после разрыва отношений СССР потребовал от Югославии оплатить долг в размере 276,2 млн руб. [17, л. 35–38].

Указанные события привели к тому, что руководство ФНРЮ начало переговорный процесс по сотрудничеству с капиталистическими странами,

в том числе США. Сведения о торговле Югославии со странами Запада использовались представителями официальных кругов Советского Союза для пропаганды против режима И. Б. Тито. Обзоры прессы о растущем экспорте стратегического сырья, такого как медь, свинец и другие цветные металлы в Соединенные Штаты Америки [16, л. 28, 170] заканчивались, как правило, выводами о том, что все это является «доказательством того, что преступная клика Белграда добровольно предоставляет свою помощь для подготовки антисоветской войны» [16, л. 714].

В период с 1950 по 1953 гг. торговый оборот между ФНРЮ и СССР практически отсутствовал (в статистических сборниках в графах «экспорт» и «импорт» указывается значение «0», где «0» – это значение, которое составляет меньше половины значения за прошлый год. Последние имеющиеся данные относились к 1949 г., в котором значения импорта и экспорта Югославии составляли соответственно 2,6 и 9,6 млн руб.) [1, с. 66; 23, s. 212].

Смерть И. В. Сталина в 1953 г. и постепенный пересмотр советским руководством отношения к режиму И. Б. Тито стали толчком к нормализации экономических отношений ФНРЮ с СССР. Летом 1953 г. были восстановлены дипломатические связи [10, с. 574; 11, с. 575].

Вопрос возобновления экономических контактов между странами подробно обсуждался в ЦК КПСС. Послу СССР в Югославии В. А. Валькову были даны указания самому не проявлять инициативы в деле восстановления экономических отношений. Тем не менее, в случае проявления инициативы с югославской стороны, советский посол должен был «дать понять югославам», что возобновление торговли возможно, но после урегулирования вопроса о погашении задолженности Югославии СССР [8, с. 577].

Стоит отметить, что инициатором восстановления торговых отношений действительно стала югославская сторона, которая «предложила вначале заключить компенсационное соглашение, а затем вести переговоры о торговом соглашении» [6, с. 20]. Компенсационное соглашение было подписано в Белграде 1 октября 1954 г. Согласно документу были предусмотрены поставки товаров до 1 апреля 1955 г. на сумму 10 млн руб. с каждой стороны [6, с. 20].

18 декабря 1954 г. в Москву прибыла правительственная торговая делегация ФНРЮ во главе с членом Исполнительного Вече Югославии М. Тодоровичем [13]. В результате состоявшихся переговоров 5 января 1955 г. были подписаны торговое и платежное соглашения. Стороны обязались обеспечить взаимные поставки товаров на 1955 г. в размере 40 млн руб. с каждой стороны [20, л. 1–10].

Из письма ЦК КПСС центральным комитетам коммунистических и рабочих партий Китая, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Германии, Алюании, Кореи, Франции и Италии (ему предшествовала переписка ЦК КПСС и ЦК СКЮ) известны подробности экономических переговоров между Югославией и СССР. Члены СКЮ, высказывавшись за улучшение отношений с Советским Союзом и странами народной демократии, хотели в то же время «сохранить свои тесные экономические и политические связи с капиталистических странами», и были намерены «неуклонно выполнять свои, по их выражению, «огромные обязательства» перед Западом» [12, с. 609].

В данном документе при упоминании переговоров подчеркивалось, что члены югославской делегации ограничивали список товаров лишь «второстепенными материалами» [12, с. 609]. И действительно, в списке для поставки из ФНРЮ в СССР значились: мясо и мясные консервы, табак и сигаретная бумага, пенька, карбид кальция, сода каустическая, сода кальцинированная, спирт этиловый, верхняя кожа, фанера ножевая, шерстяные ткани, бараньи кишки. Машины и изделия из металла должны были быть поставлены на сумму 500 тыс. долл. (для сравнения шерстяных тканей должно было быть поставлено на 1 млн долл.) [20, л. 5]. В список поставок товаров из СССР в Югославию значились: нефть, авиабензин и другие нефтепродукты, антрацит, марганцевая руда, асбест, магнезия, химические и фармацевтические товары, хлопок, газетная бумага, а также машины и изделия из металла на сумму 500 тыс. долл. [20, л. 6].

На предложения советской стороны включить в список поставляемых в СССР товаров «медь, (морские) суда и т. п.», югославы ответили, что эти и другие стратегические товары ФНРЮ не может поставлять СССР в силу своих «моральных обязательств» перед США» [12, с. 609].

По мнению ЦК КПСС данная позиция свидетельствовала о том, «что руководство югославской партии серьезно завязли в своих экономических и политических связях с капиталистических миром» и подобная позиция югославской стороны наглядно демонстрировала, что «политика югославский руководителей в ряде важных вопросов (пока что) в настоящее время идет в фарватере империалистической политики США» [12, с. 609].

Несмотря на вышеуказанные противоречия, Президиум ЦК КПСС 1 июля 1955 г. вынес постановление «считать целесообразным отказаться от старых взаимных экономических претензий» [9, с. 627]. В свою очередь, Югославия отказалась от претензий к СССР, «связанных с материальными издержками конфликта между Сталиным и Тито» [21, с. 205].

Таким образом, постепенно Советский Союз вновь стал важным стратегическим партнером во внешней торговле ФНРЮ. В 1954 г. вырос товарооборот с СССР, в котором, по мнению югославской стороны, наблюдалось «ненужное превышение» экспорта над импортом [19, л. 169]. Если в 1953 г. СССР вообще не был представлен в товарообороте Югославии, а в 1954 г. удельный вес СССР как в экспорте, так и в импорте ФНРЮ не достигал и 1 %, то в 1955 г. в импорте Югославии он занимал 3,3 %, а в экспорте – 7 % [24, s. 200]. Таким образом, СССР занимал 7 место в импорте

Югославии и 5 в экспорте. Одновременно, с 1954 г. начал развиваться товарообмен со странами Восточной Европы [19, л. 169].

Несмотря на восстановление экономического сотрудничества между ФНРЮ и СССР, сотрудничество двух стран по партийной линии вследствие идеологических разногласий не было столь успешным. Об этом говорит и вывод, который делают члены ЦК КПСС в вышеуказанном письме центральным комитетам коммунистических и рабочих партий: «… стремление югославских руководителей сидеть на двух стульях, занимать якобы независимую позицию между двумя лагерями находит объяснение не только в возросшей за последнее время экономической зависимости Югославии от США и Англии, но и в отходе руководителей СКЮ от марксизма-ленинизма ... мы не должны особенно рассчитывать на возможность сотрудничества с югославами по партийной линии, так как такое сотрудничество возможно лишь на идейной основе признания принципов марксизма-ленинизма». В том же документе отмечалось намерение СССР «добиваться отрыва Югославии от империалистического лагеря или, по крайней мере, ослабления связей Югославии с этим лагерем» и расширение «возможности коммунистического влияния на народы Югославии» [12, с. 611].

В своей деятельности в области внешней торговли Югославия стояла на той точке зрения, «что успешное разрешение экономических проблем и развитие взаимного сотрудничества» будут способствовать устранению причин будущих конфликтов и упрочнению международного положения и мира во всем мире» [19, л. 175–176]. И действительно, активное экономическое сотрудничество между ФНРЮ и СССР помогли не допустить повторения советско-югославского конфликта 1948 г., несмотря на наличие разногласий, в том числе по идеологическим вопросам.

Таким образом, динамика экономических, и, в частности, торговых взаимоотношений Югославии и СССР явилась основополагающим фактором для формирования внешнеполитической стратегии югославской политической элитой в 1948–1954 гг. Прекращение советской экономической и военной помощи, разрыв торговых связей между ФНРЮ и странами социалистического лагеря привел к тому, что югославское руководство было вынуждено налаживать связи с капиталистическими странами, в том числе и США.

Взаимоотношения Югославии с СССР в середине 1950-х гг. можно сравнить со взаимоотношениями ФНРЮ и США в период советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. США в 1948–1949 гг. оказывали экономическую поддержку Югославии, добиваясь ее окончательного отрыва от СССР и стран народной демократии. Советский Союз в 1954 г. стремился вернуть ФНРЮ в социалистический лагерь, используя экономические и культурные связи. И в том, и в другом случае наблюдалось отсутствие идеологического единства, что приводило к трудностям в сотрудничестве по партийной линии (в случае с СССР) и в политической сфере (в случае с США). В вопросах военного сотрудничества Югославия также не стремилась брать на себя обязательств. ФНРЮ так и не стала полноценным членом ОВД, последовательно дистанцировалась от блока НАТО и отказалась от военной помощи США [5, с. 214], явившись одной из стран-основателей Движения Неприсоединения.

Несмотря на улучшение взаимоотношений с СССР, прекращения экономических связей Югославии с США не последовало. Тем не менее, «западным кругам с надеждой на установление господства над Югославией пришлось расстаться» [22, s. 127]. Однако и в отношениях с СССР не произошло ожидаемого советским партийным руководством тесного сближения с СКЮ. Югославия не взяла на себя никаких обязательств в отношении социалистического лагеря и идеологического единства. Испытывая давление как со стороны США, так и со стороны СССР, И. Б. Тито, не отказываясь от экономического сотрудничества ни с той, ни с другой сторонами, повел курс на построение собственной экономической модели социализма и равноудаленность от двух блоков.

Источники и литература

1. Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918–1966. М.: Международные отношения, 1967. 245 с.

2. Едемский А. Б. Югославия в 50-е годы: в поисках «аутентичного» марксизма» // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 595-616.

3. Костин А. А. «Прощай, дядя Джо! Здравствуй, дядя Сэм!»: роль США в развитии отношений Югославии с Западом в 1949–1953 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2011. №4-1 История. Исторические науки. С. 57-68.

4. Костин А. А. Экономические отношения Югославии и Соединенных Штатов 1945–1948 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2011. №3. Т.I (Гуманитарные науки). С. 96-101.

5. Лакович И. Переориентация югославской военной политики (1956–1961 гг.). // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 209-224.

6. Максакова М. А. Тенденции развития экономического сотрудничества России и стран Западных Балкан: автореф. дисс.. канд. эконом. наук. М., 2015. 20 с.

7. Милованов В.С. Советско-югославские экономические отношения. М.: Наука, 1978. 152 с.

8. Постановление Президиума ЦК КПСС «О возобновлении экономических и культурных связей между СССР и Югославией» // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг: В 2 т. Т. 1: 1946–1964 / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2014. 880 с. (Россия. XX век. Документы). С. 575-578.

9. Постановление Президиума ЦК КПСС «О мероприятиях по развитию советско-югославских отношений» // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг: В 2 т. Т. 1: 1946–1964 / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2014. 880 с. (Россия. XX век. Документы). С. 627.

10. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об агремане послу Югославии в СССР Видич Добривое» // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг: В 2 т. Т. 1: 1946–1964 / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2014. 880 с. (Россия. XX век. Документы). С. 574-575.

11. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об указаниях совпослу в Югославии» // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг: В 2 т. Т. 1: 1946–1964 / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2014. 880 с. (Россия. XX век. Документы). С. 575.

12. Постановление Президиума ЦК КПСС «Проект резолюции Президиума ЦК КПСС по докладу правительственной делегации СССР о переговорах с Югославией» // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг: В 2 т. Т. 1: 1946–1964 / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2014. 880 с. (Россия. XX век. Документы). С. 599-624.

13. Прибытие в Москву югославской правительственной торговой делегации // Правда. 1954. 19 декабря.

14. Резолюция Информационного бюро о положении в Коммунистической партии Югославии // Правда. 1948. 29 июня.

15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Центральный Комитет КПСС. Оп. 128. Д. 493.

16. РГАСПИ. Ф.17. Центральный Комитет КПСС. Оп. 128. Д. 668.

17. РГАСПИ. Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986 гг.). Оп. 2. Д. 1374.

18. РГАСПИ. Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986 гг.). Оп. 2. Д. 1377.

19. РГАСПИ. Ф.575. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947 – 1956 гг.). Оп. 1. Д. 420.

20. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Министерство внешней торговли СССР (Минвнешторг СССР). Оп. 37. Д. 11.

21. Стыкалин А. С. Проблемы советско-югославских отношений в материалах президиума ЦК КПСС (1953–1964 гг.) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2010. Сер. Балканика, № 2. С. 179-217.

22. Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije. Beograd, Nolit, 1976. 330 s.

23. Savezni zavod za statističku. Statističku godišnjak SFRJ. Belgrade, 1955. 472 s.

24. Savezni zavod za statističku. Statističku godišnjak SFRJ. Belgrade, 1956. 560 s.

References

1. Vneshnyaya torgovlya SSSR. Statisticheskii sbornik. 1918–1966. *(Foreign Trade of the USSR. Statistical Abstract).* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1967. 245 p. (In Russian).

2. Edemskii A. B. Yugoslaviya v 50-e gody: v poiskakh «autentichnogo» marksizma» *(Yugoslavia in the 50s: in Search of «Authentic» Marxism»)* // Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii / ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: Indrik, 2011. P. 595-616. (In Russian).

3. Kostin A. A. «Proshchai, dyadya Dzho! Zdravstvui, dyadya Sem!»: rol' SShA v razvitii otnoshenii Yugoslavii s Zapadom v 1949–1953 gg. *(«Goodbye, Uncle Joe! Hello, Uncle Sam!» The Role of the United States in the Development of Relations between Yugoslavia and the West in 1949–1953)* // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 4-1. Istoriya. Istoricheskie nauki. P. 57-68. (In Russian).

4. Kostin A. A. Ekonomicheskie otnosheniya Yugoslavii i Soedinennykh Shtatov 1945–1948 gg. *(Economic Relations of Yugoslavia and the United States 1945–1948)* // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2011. No. 3. Vol. I (Gumanitarnye nauki). P. 96-101. (In Russian).

5. Lakovich I. Pereorientatsiya yugoslavskoi voennoi politiki (1956–1961 gg.). *(Reorientation of Yugoslav Military Policy (1956–1961)* // Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii. Soglashenie (soglasie), dogovor, kompromiss v istorii, yazykakh i kul'ture slavyanskikh narodov. Moscow: Institute of slavic studies of RAS, 2016. P. 209-224. (In Russian).

6. Maksakova M. A. Tendentsii razvitiya ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i stran Zapadnykh Balkan. *(Trends in the Development of Economic Cooperation between Russia and the Western Balkans)*: abstract of thesis. Moscow, 2015. 20 s. (In Russian).

7. Milovanov V. S. Sovetsko-yugoslavskie ekonomicheskie otnosheniya. *(Soviet-Yugoslav Economic Relations).* Moscow: Nauka, 1978. 152 p. (In Russian).

8. Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «O vozobnovlenii ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazei mezhdu SSSR i Yugoslaviei». *(Decree of the Presidium of the Central Committee of the CPSU «On the Renewal of Economic and Cultural Ties between the USSR and Yugoslavia»)* // Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Yugoslavii v 1946–1980 gg: In 2 Vols. Vols. 1: 1946–1964 / ed. by M. Miloshevich, V. P. Tarasov, N. G. Tomilina. Moscow: MFD, 2014. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). P. 575-578. (In Russian).

9. Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «O meropriyatiyakh po razvitiyu sovetsko-yugoslavskikh otnoshenii». *(Decree of the Presidium of the Central Committee of the CPSU «On Measures to Develop Soviet-Yugoslav Relations»)* // Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Yugoslavii v 1946–1980 gg: In 2 Vols. Vols. 1: 1946–1964 / ed. by M. Miloshevich, V. P. Tarasov, N. G. Tomilina. Moscow: MFD, 2014. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). P. 627. (In Russian).

10. Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «Ob agremane poslu Yugoslavii v SSSR Vidich Dobrivoe». *(Decree of the Presidium of the Central Committee of the CPSU «On the Agrement to the Ambassador of Yugoslavia in the USSR Vidic Dobrivoje»)* // Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Yugoslavii v 1946–1980 gg: In 2 Vols. Vols. 1: 1946–1964 / ed. by M. Miloshevich, V. P. Tarasov, N. G. Tomilina. Moscow: MFD, 2014. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). P. 574-575. (In Russian).

11. Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «Ob ukazaniyakh sovposlu v Yugoslavii». *(Decree of the Presidium of the Central Committee of the CPSU «On Instructions to the Soviet Ambassador in Yugoslavia»)* // Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Yugoslavii v 1946–1980 gg: In 2 Vols. Vols. 1: 1946–1964 / ed. by M. Miloshevich, V.P. Tarasov, N.G. Tomilina. Moscow: MFD, 2014. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). P.575. (In Russian).

12. Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «Proekt rezolyutsii Prezidiuma TsK KPSS po dokladu pravitel'stvennoi delegatsii SSSR o peregovorakh s Yugoslaviei». *(Decree of the Presidium of the Central Committee of the CPSU «Draft resolution of the Presidium of the Central Committee of the CPSU on the Report of the Governmental Delegation of the USSR about Negotiations with Yugoslavia»)* // Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Yugoslavii v 1946–1980 gg: In 2 Vols. Vols. 1: 1946–1964 / ed. by M. Miloshevich, V. P. Tarasov, N. G. Tomilina. Moscow: MFD, 2014. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). P. 599-624. (In Russian).

13. Pribytie v Moskvu yugoslavskoi pravitel'stvennoi torgovoi delegatsii. *(Arrival of the Yugoslav Government Trade Delegation at Moscow)* // Pravda. 1954. Desember 19. (In Russian).

14. Rezolyutsiya Informatsionnogo byuro o polozhenii v Kommunisticheskoi partii Yugoslavii. *(Resolution of the Information Office on the Situation in the Communist Party of Yugoslavia)* // Pravda. 1948. June 29. (In Russian).

15. Russian state archive social and political history (RGASPI). F.17. Tsentral'nyi Komitet KPSS. Inv.128. D.493. (In Russian).

16. RGASPI. F.17. Tsentral'nyi Komitet KPSS. Inv. 128. D. 668. (In Russian).

17. RGASPI. F.82. Molotov Vyacheslav Mikhailovich (1890–1986 gg.). Inv.2. D.1374. (In Russian).

18. RGASPI. F.82. Molotov Vyacheslav Mikhailovich (1890–1986 gg.). Inv.2. D. 1377. (In Russian).

19. RGASPI. F.575. Informatsionnoe byuro kommunisticheskikh i rabochikh partii (1947–1956 gg.). Inv.1. D.420. (In Russian).

20. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (dalee – RGAE). F.413. Ministerstvo vneshnei torgovli SSSR (Minvneshtorg SSSR). Inv.37. D.11. (In Russian).

21. Stykalin A. S. Problemy sovetsko-yugoslavskikh otnoshenii v materialakh prezidiuma TsK KPSS (1953–1964 gg.). *(Problems of Soviet-Yugoslav relations in the materials of the Presidium of the Central Committee of CPSU (1953–1964)* // Imagines mundi: al'manakh issledovanii vseobshchei istorii XVI – XX vv. Ser. Balkanika. 2010. No.2. P. 179–217. (In Russian).

22. Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije. *(Foreign Affairs of Socialist Yugoslavia)*. Beograd, Nolit, 1976. 330 p. (In Serbian).

23. Savezni zavod za statističku. Statističku godišnjak SFRJ. *(Federal Bureau of Statistics. Statistical Yearbook of the SFRY)*. Belgrade, 1955. 472 p. (In Serbian).

24. Savezni zavod za statističku. Statističku godišnjak SFRJ. *(Federal Bureau of Statistics. Statistical Yearbook of the SFRY)*. Belgrade, 1956. 560 p. (In Serbian).

УДК 94(47)+324

М. В. Братолюбова

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ДОНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА

В статье анализируются региональные особенности выборов в I и II Государственные думы Российской империи в Области войска Донского. Рассмотрены условия и особенности проведения избирательных кампаний на Дону, проанализирована электоральная политика политических партий на выборах в Первую и Вторую Государственные Думы. Показан процесс вовлечения населения Донской области в политический процесс через выборную кампанию. Выявлены особенности формирования политических пристрастий донского электората и факторы, определяющих их выбор. Показана роль политических партий в борьбе за электорат, их влияние на формирование политических предпочтений избирателей. Оппозиционные настроения в обществе, характерные для основной массы донского электората, обеспечили преимущества пропаганде «оппозиционных партий». Сделан вывод о том, что ход предвыборной агитации на Дону раскрывает преимущества конституционных демократов. Автор доказывает, что успеху кадетской партии способствовала умелая организация предвыборной борьбы, дополнение местными требованиями общеполитической части программы, разрозненность политических противников, прежде всего правых, их неумение организовать и эффективно провести предвыборную кампанию. Еще успех кадетов зависел от «чувствительности» их к групповым интересам донского электората, в первую очередь – казачьего. Рассмотрен состав областного избирательного собрания, приведены данные о депутатах от области по сословной и политической принадлежности. Показана связь развития политизации в донском обществе с выборным процессом в Думу первых двух созывов.

Ключевые слова: I–II Государственная Дума Российской империи, выборы, Область войска Донского, электорат.

M. V. Bratolyubova

STATE DUMA ELECTIONS IN THE PROVINCE OF THE DON COSSACK HOST AND POLITICAL PREFERENCES OF THE DON ELECTORATE

The article studies regional peculiarities of the Don Cossack Host elections to the First and the Second State Duma of the Russian Empire. The author analyzes the conditions and features of election campaigns in the Don region, the political positions of the parties during the First and the Second State Duma elections, and shows how citizens got involved in the political life through elections. The peculiarities of forming political interests of the Don electorate and political fight for electorate as a factor of influence on the preferences of citizens are also addressed to in the article. It is argued that opposition sentiments of the society, typical of the greater part of the Don electorate, gave advantages to the “opposition parties” and their propaganda. The author concludes that agitation process showed superiority of Constitutional Democrats. On the one hand, the success of the party due to efficient organization of electoral company and reflection of the local needs of people in their political program. On the other hand, the discord of their political rivals, and the disability to organize and conduct the campaign at a high level proved to be important reasons for the fail. The success of Constitutional Democrats depended on their understanding of group interests of the Don electorate, Cossacks in particular. The article studies the composition of the regional electoral assembly. The author also gives the information about the deputies from the region with their class and political affiliations, and shows the connection between the development of the Don society politicization and the election process in the Duma of the first two convocation.

Key words: the First and the Second State Duma of the Russian Empire, elections, the Don Cossack Host, electorate.

Локальные исследования истории выборов в Российской империи начала XX века помогают уточнить общие представления о поведении электората, об особенностях процесса формирования их политических предпочтений. Обращение к истории выборной кампании на Дону расширяет возможности анализа общих и специфических мотивов поведения различных групп избирателей. Подробный анализ позволяет раскрыть конкретно-исторический контекст проведения кампании по выборам в Государственную думу, участия и влияния на нее различных политических сил в Области войска Донского (далее – ОВД).

В исторической литературе достаточно полно изучены общероссийская предвыборная компания перед выборами в Государственную Думу начала XX в. и её результаты. Менее исследованы особенности выборов в Российской провинции.

Выборы в ОВД в Государственную думу начала XX в. затрагивались лишь в исследованиях по политической истории Донского региона [3–6, 26]. Однако в работах избирательные кампании не являлись самостоятельным объектом исследования. Опыт участия донского электората на выборах в Государственную думу, социокультурный облик первых избирателей в ОВД, выборные технологии, применяемые политическими партиями в донской провинции практически не отражены в литературе.

В связи с этим представляется важным исследовать опыт проведения выборных кампаний в таком специфическом регионе Российской империи, каким была Область войска Донского. Донской регион оценивался властями как оплот монархизма и консерватизма, где решающую роль должна была сыграть такая особая электоральная группа, как казачество. Нами предпринята попытка выявления особенностей выборов в Государственную думу I и II созывов на Дону. Выборная кампания в Государственную думу в Донской области конкретизирует понимание выборного процесса как части политического процесса и формирования демократической культуры в России начала XX в.

Важным направлением анализа истории выборов в ОВД является изучение политизации различных слоев российского электората. Именно в этот период население Донской области вовлекалось в политический процесс через выборную кампанию. Отношение масс к опыту участия в выборах может быть оценено степенью их активности. Огромное значение имеет изучение местного политического ландшафта, формирования политических пристрастий донского электората и факторов, определяющих их выбор.

Выборы в Государственную думу активизировали деятельность всех политических сил Российской империи. Область войска Донского, несмотря на свою провинциальность, тоже не была исключением. Роль политических партий на выборах в ОВД включает выявление разных аспектов их влияния на выборный процесс в Государственную думу в целом и прежде всего на электорат, с точки зрения их политических предпочтений, принадлежности к определённым политическим партиям или наличия симпатии тем или иным политическим силам, представленным в Донском регионе.

Политическая борьба в ходе выборов в Государственную думу Первого и Второго созывов представляет интерес еще и в связи с тем, что в России совпадал процесс формирования партийной системы с процессом политизации общества в целом через выборы в Государственную Думу.

Область войска Донского на всех думских выборах представляла собой отдельный избирательный округ, от которого избирались 12 думских депутатов. Более того, Ростов-на-Дону в Думах I и II созывов вошел в число городов, получивших прямое думское представительство. Донская область с учетом сословной специфики региона, кроме трех обычных общероссийских курий (крестьянской, землевладельческой и городской) могла формировать еще и четвертую – казачью.

Процентное соотношение выборщиков по округам было следующим: 7,9 % от крестьянской курии, 26,6 % от землевладельцев, 20,9 % от городской курии и 44 % от казачества [13, л. 10]. Отчасти курии землевладельцев и горожан состояли тоже из казаков. Избирательный закон гарантировал преимущество в составе избранных депутатов военно-служилому, казачьему сословию. Власти рассчитывали на верноподданнические, монархические и консервативные настроения казачества, представляя ему преимущество по сравнению с крестьянством. Исход выборов в Государственную Думу в Области войска Донского не вызывал опасений властей. В обществе преобладало мнение о реакционности казачества как органичной части государственного механизма, особенно после событий 1905 г.

После опубликования законов от 6 августа 1905 г. городские управы начали составлять списки избирателей и публиковать их в газете «Донские областные ведомости». Граждан, наделенных гражданскими правами, было немного. Несмотря на разрешение проводить предвыборные кампанию, они не имели права собираться для обсуждения вопросов предвыборной тактики. Не следует игнорировать тот факт, что, Область войска Донского с декабря 1905 г. находилась на военном положении и шесть условиях усиленной чрезвычайной охраны. После принятия законов по выборам в Думу от 11 декабря 1905 г. и от 20 февраля 1906 г. число избирателей на Дону увеличилось, но цензовые ограничения сохранились. В соответствии с дополнением законодательства о выборах в них могли принимать участие от Области шесть выборщиков из рабочих фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности [13, л. 10].

Наибольшей активностью в предвыборной кампании отличалась часть городской интеллигенции. Основная масса избирателей не проявляла заметного интереса к выборам, особенно представители казачьей и землевладельческой курий. Просьбы и угрозы местных властей не переломили такое настроение [21, 18 марта]. Донской журналист С. Я. Арефин писал, что значительная часть донского электората с недоверием отнеслась к выборам и боялась голосовать, опасаясь репрессий со стороны властей. Им трудно было разобраться в сложном избирательном законе, правилах, касавшихся порядка выборов и их организации [1, с.149]. В некоторых городах кандидаты в выборщики не были намечены до последнего дня. Часть выборщиков по городской курии не получила избирательных повесток. Большинство выборщиков от Области было аполитично, не осознавало значения Думы и выборов, как возможности свободного волеизъявления граждан [18, с. 192–193].

Из 180 намеченных по области выборщиков 109 вообще не заявили о совей принадлежности к политическим партиям [16, л. 34]. Но при всей аполитичности крестьянских и казачьих выбор-

щиков большинство было настроено оппозиционно, уклон был в левую сторону» [19, с. 162]. Выборщики землевладельцы в основном поддерживали октябристов, городские – конституционных демократов, но более 50 % всех выборщиков не определились в политических пристрастиях. Как правило, избиратели ориентировались на личные качества кандидата, а не на их партийную принадлежность. Из 182 человек 2/3 участников областного избирательного собрания по выборам в Государственную думу идентифицировали себя как беспартийные. Исход выборов зависел от результатов борьбы за их голоса на последнем этапе выборов. Более 70 % членов областного избирательного собрания были представителями донского казачества. И это заставило все политические партии в заключительный период агитационной кампании усилить внимание к казачьим проблемам и вариантам их решения.

Отделы местных монархических организаций на Дону выступили за неприкосновенность казачьего быта и сохранение всех привилегий казачества, их сословной обособленности. Поддерживали правые и охранительные, полицейские функции, которые выполняло казачество в период Первой русской революции [7]. Монархисты негативно относились к предоставлению казачеству самоуправления и введению земства на Дону. Правые партии считали, что победят, опираясь на поддержку правительства и местной администрации. Такого рода поддержка, несомненно, имела место, но не оказала желаемого результата. Она проявлялась в попытках местной администрации создать благоприятные условия для «правых» путем дискриминации в отношении оппозиционных партий: запретах и закрытии оппозиционных изданий (так были закрыты газеты либерального толка «Донская Речь», «Новочеркасский курьер», «Донская жизнь»), запрещении партийных собраний и агитации и даже арестах деятелей этих партий. Однако поддержка властей не компенсировала ее дефицит у правых со стороны электората. Последний же складывался, как показывают выборы на Дону, в силу невнимания местными организациями правых партий интересов других, кроме выборщиков-землевладельцев, влиятельных на месте электоральных групп и прежде всего – казачества. Их программы были далеки от интересов Дона и казачества. Тактика блоков с местными отделениями других партий, прежде всего октябристов также кардинальным образом не изменила уровень авторитетности правых сил на выборах в первой выборной кампании.

Программа Донского отдела «Союза 17 октября» мало касалась Дона и казачества. Организации октябристов сосредоточились на критике партий крайне левой ориентации, выпустив из вида кадетов и тем самым допустили тактический просчет в борьбе за голоса избирателей [17, с. 44]. В силу нечеткости идеологических установок октябристы не смогли создать устойчивую организационную структуру на Дону.

Выявляя влияние политических партий на ход выборов на Дону источники показывают, что кадеты имели самый широкий электорат, завоевывая его с необыкновенным искусством приспособления к донскому политическому ландшафту, использования особенностей менталитета различных слоев местного электората. Донские кадеты были готовы создать в Ростове блок с левыми силами на период предвыборной борьбы. Однако социал-демократы не пошли на союз с либералами, обвинив их в стремлении использовать Думу для свертывания революции и поворота в русло реформ [20, 5 февраля]. Да и сами кадеты, будучи сторонниками реформаторского пути развития России, заявили о желании создать единый предвыборный левый блок, по политическим соображениям, чтобы предстать защитниками народных интересов [8, л. 8]. На выборах кадеты делали акцент на решении местных донских вопросов, требовали «раскрепощения» казачества, облегчения тяжести воинской повинности [21, 25 марта]. Они выступали за предоставление широкого самоуправления Донской области, против использования казаков для внутренней службы и выполнения ими полицейских обязанностей. В то же время они настаивали на сохранении казачества как самостоятельной этносословной общности. В земельном вопросе выдвигалось требование передать станицам для распределения между казаками земель войскового запаса и земель, находящихся под частным коннозаводством [21, 25 марта].

Левые политические силы видели в казачестве силу, враждебную освободительному движению, и вообще не учитывали в своих программах специфических казачьих интересов. Деятельность социал-демократов в ОВД сосредоточилась в Ростовском и Таганрогском гражданских округах, именно в них была наибольшая концентрация рабочих.

Таким образом, донские кадеты в большей степени, чем другие партии, выражали интересы основной части казачества. Кадеты не ограничивались близостью социально-классовой идентичности при завоевании на свою сторону сочувствующих, привлекая электоральные группы различной социальной и этнокультурной принадлежности. Они удачнее других использовали газеты, как канал влияния на различные слои населения донского общества, за что сотрудники оппозиционных изданий облагались штрафами и подвергались судебным преследованиям [23, л. 19].

9 апреля 1906 г. выборщики депутатов в Государственную думу от Области войска Донского собрались в Новочеркасске. В своем большинстве, кроме представителей городов, не имели четкой политической ориентации, не причисляли себя ник каким политическим партиям, но их настроения в основном были стихийно либеральными. Ни одна политическая партия не представляла большинства в областном избирательном собрании. В этих условиях многое зависело от того, какую позицию займут беспартийные выборщики, в первую очередь казаки. Для них наиболее существенным оказались сословная, национальная принадлежность и ораторские способности кандидатов, нежели их партийность. Казаки-вы-

борщики отдавали предпочтение только тем кандидатам, которые были казаками, и никогда не выбирали инородцев, в честности, евреев, и иноверцев [19, с. 176].

Кадеты на последнем этапе предвыборной борьбы показали себя опытными тактиками и смогли перетянуть на свою сторону казацкое большинство беспартийных казаков – выборщиков. В итоге оппозиционная правительству часть донского общества смогла провести своих кандидатов в Первую думу.

Всего от Области войска Донского было избрано 12 депутатов: 7 беспартийных, и 5 кадетов. По сословной принадлежности 10 были казаками, 1 – от крестьян и 1 – от городской интеллигенции [2, с. 85–96]. Из 7 беспартийных донских думцев в период работы в ней 6 казаков вошли во фракцию мирного обновления, 1 (крестьянин) – в «Трудовую группу» [26, с. 50].

В выборах во вторую Думу участвовали все политические силы, функционирующие на Дону. Большевики отказались от тактики бойкота, чтобы использовать думскую трибуну для пропаганды своих взглядов. Однако, считали, что добиться свободы парламентским путем невозможно, пока власть находится в руках царского правительства.

Перед выборами партии по-своему оценивали будущие результаты. Правы считали, что победят, опираясь на поддержку правительства и местной администрации [9, л. 6]. Часть организаций октябристов эволюционировала вправо и, как правые, монархические организации, стала причислять себя к «охранительным силам». Члены Таганрогского и Ростовского городских отделов «Союза 17 октября», в руководстве которых преобладали правые октябристы, выступали правым предвыборным блоком с «Союзом истинно русских людей» [22, 21 января]. В Новочеркасске октябристы не пошли на союз с правыми и выступали на выборах самостоятельно.

Решение большевиков участвовать в выборах побудило донской отдел кадетской организации, учитывая обстановку репрессией со стороны администрации, пойти на сотрудничество с левами. Они предложили заключить единый левый блок на период предвыборной кампании. Кроме того, кадеты полагали, что два левых списка выборщиков в думу не пройдут. Несмотря на негативное отношение большевиков к сотрудничеству с кадетами, в документах донского департамента полиции, местной прессе имеются сведения об их совместной предвыборной деятельности. В Ростов состоялось общее предвыборное собрание социал-демократов и кадетов. На нем присутствовало 63 человека: 23 социал-демократа и 40 кадетов [10, л. 7]. Социал-демократы заявили, что совместный блок заключили только на время предвыборной кампании с целью противовеса местным черносотенцам. После заключения соглашения они должны были получить из 80 мест выборщиков – 30 для избрания одного депутата от Ростова-на-Дону, «Союз еврейского равноправия», по политическим взглядам близкий к либералам, – 8, остальные места выборщиков – кадеты [16, л. 3]. Новочеркасский комитет кадетской партии тоже вступил в соглашение с левыми. Места кандидатов в выборщики по городской курии Черкасского округа в результате договоренности распределились следующим образом: 3 – социал-демократам, 3 – кадетам и 1 – эсерам [16, л. 3–4]. Но Ростовский и Новочеркаассский блоки оказались не прочными. В Новочеркасске соглашение было разорвано до начала выборов выборщиков. В Ростове предвыборный блок просуществовал дольше, на выборы выборщиков кадеты и левые шли вместе как оппозиционная группировка, которые называли себя прогрессистами. Но сразу после выборов городских выборщиков блок распался по инициативе кадетов, которые получили большее количество голосов [20, 5 февраля].

Предвыборная кампания во вторую Государственную думу на Дону проходила в неблагоприятных для оппозиционных партий условий. Местная администрация стремилась закрыть левым и кадетам доступ во Вторую думу. Власти применяли репрессии, запретили проводить предвыборные собрания, вести предвыборную агитацию. Наиболее сильными административные притеснения были в донских городах. В Ростове за четыре дня с 7 по 11 января 1907 г. арестовали свыше 300 человек [20, 5 февраля]. Из 16 тысяч не доставили 3517 избирательные повестки, а 237 вообще исчезли [16, л. 5]. В Новочеркасске избиратели не получили свыше 600 избирательных приглашений. В Таганроге 1000 повесток из 4000 не дошли до адресатов [25, с. 509]. Администрация запрещала выход оппозиционных изданий, как это было, например, в Ростове [11, л. 9]. Такими мерами, по признанию градоначальника Ростова, власти пытались создать для правых благоприятные условия на выборах. В фондах департамента полиции сохранились сведения об отклонении местной администрацией просьбы Донского отдела конституционно-демократической партии разрешить предвыборную агитацию по той причине, что кадеты разовьют бурную деятельность и поручиться за результаты выборов будет невозможно [15, л. 5]. За девять дней до начала выборов по округам Донской области ни одна партия не опубликовала списков своих кандидатов в выборщики. В большинстве станиц и волостей предвыборные собрания казаков и крестьян были запрещены [22, 12 января, 28 января, 12 февраля].

Разрешение на проведение предвыборной кампании было получено на Дону за неделю до выборов. В основном организаторами, так называемых, внепартийных собраний были члены кадетской партии, основное внимание они уделяли избирателям городских съездов. В Новочеркасске кадетским лидерам удалось подготовить и провести четыре внепартийных предвыборных собрания городских избирателей. На собрании, состоявшемся 19 января 1907 г., в котором участвовало более 1400 человек, было заявлено, что на выборы кадеты и левые идут единым

«прогрессивным» блоком». В Таганроге кадеты и октябристы провели три совместных предвыборных собрания. Удалось провести предвыборные собрания городских избирателей в станицах Каменской (Донецкий округ), Урюпинской и Константиновской. Их организаторами были кадеты, они провели своих кандидатов в выборщики по городским куриям этих округов Донской области [14, л. 1, 10].

В ходе предвыборной борьбы представители политических партий не пренебрегали никакими средствами, вплоть до доносов, подкупов и клеветы. В Документах департамента полиции упоминается о том, что кадеты в Таганроге обещали дать деньги социал-демократам, если те продадут кадетам несколько мест выборщиков во Вторую думу [12, л. 37]. Ростовские кадеты по сведениям того же департамента полиции потратили на выборах до 50 тысяч рублей на подкуп, покупку избирательных бюллетеней [14, л. 10]. Октябристы в Таганроге, «Союз истинно русских людей» в Ростове и кадеты в Новочеркасске использовали практику рассылки готовых избирательных бюллетеней с фамилиями своих кандидатов, а в день выборов выборщиков, нарушая избирательный закон, передавали отпечатанные заранее избирательные записки лицам, имеющим право участвовать в выборах. В день выборов членов Государственной думы в Новочеркасске кадеты в центре города организовали нелегальные канцелярии для оформления и раздачи избирательных бюллетеней [14, л.1, 10]. Представители ростовского отдела «Союза истинно русских людей» и «Союза 17 октября» предлагали редакции прокадетского издания «Приазовский край» большое вознаграждение за публикацию списка кандидатов в выборщики и выборные воззвания своих организаций.

Несмотря на противодействия администрации и полиции, предвыборная агитация и пропаганда велась на Дону довольно активно. В результате оппозиционные партии мобилизовали свой перводумский электорат. Однако избиратели казачьей и землевладельческой курий по-прежнему были пассивны. Общим с предыдущей предвыборной кампанией было незнание избирателями выборных технологий, неосведомленность в избирательном законе.

Политический портрет донского выборщика позволяет выяснить популярность действующих политических партий среди различных категорий жителей Донской области. Особенностью вторых выборов на Дону была возросшая политизация избирателей по городской курии. Процент партийных кадетских бюллетеней поднялся с 30–40 % (выборы в Первую думу) до 85 % [22, 24 апреля]. Городская курия осталась базовой для кадетов (64,8 %). В 5 из 9 округов Донской области кадеты провели своих кандидатов, именно там они имели свои организации и возможность вести активную агитационную работу. Успеху кадетских кандидатов, способствовало наличие среди них незаурядных людей, пользующихся доверием и популярностью среди донских жителей. Избиратели городской курии не дали ни одного места выборщиков партиям, стоящим правее прогрессистов. Однако городская курия дала только 20,9 % выборщиков областного избирательного собрания. Решающее влияние на ход выборов оказывали курии казачья и землевладельцев. Причем, 78,7 % выборщиков по курии землевладельцев принадлежали правым и беспартийным, примыкающим к правым. 61 из 79 выборщиков – казаков были беспартийными и симпатизировали, как правило, правым париям[1]. Большинство выборщиков по крестьянской курии (12 из 14) не имели четкой политической ориентации, пристрастия определялись на последней стадии выборов. Все выборщики по рабочей курии – были социал-демократами.

Партийный состав донских выборщиков выглядел так: 34 кадета, 20 прогрессистов, 4 «левых», 21 – беспартийные, примыкающие к «левым», 78 – беспартийные, примыкающие к «правым», 17 – «правых», 2 – беспартийные, без определенно выраженных политических симпатий.

Итог выборов зависел от беспартийных выборщиков. Большинство из них: станичная администрация, землевладельцы, рядовые казаки – симпатизировали «правым». Лишь казачья интеллигенция придерживалась оппозиционных, либеральных взглядов. Но казаки, как уже отмечалось выше, больше интересовались не политикой, а личностями и в конечном итоге голосовали в зависимости от личных симпатий.

Усилия кадетов на последнем этапе предвыборной борьбы увенчались успехом. Если изначально большинство беспартийных выборщиков ориентировались на правых, то накануне выборов кадеты перетянули их, в том числе казаков, на свою сторону. В результате более 100 выборщиков в последний момент перешли на сторону оппозиции и голосовали за левых и кадетских кандидатов. Конституционные демократы и представители левых партий в ночь перед выборами депутатов Думы заключили тайное соглашение с частью казачьих и крестьянских выборщиков. Депутатские места в результате такого соглашения предполагалось распределить следующим образом: 1 место – представителям рабочих, 3 – казакам, 4 – кадетам и 1 – крайне «левым» [14, л. 4–6]. В итоге, при избрании депутатов Второй Государственной думы от Области войска Донского оппозиционные силы победили на выборах правых.

Из 12 депутатов 10 были от партии кадетов, 1 – от социал-демократов, 1 – беспартийный, «левый». Представители правых партий не получили ни одного места. 9 депутатов из 12 были казаками.

Успеху кадетской партии способствовали: умелая организация предвыборной борьбы, дополнение местными требованиями общеполитической части программы, разрозненность политических противников, прежде всего правых, их неумение

[1] Подсчеты сделаны на основании данных фондов окружных комиссий по делам о выборах в Государственную думу за 1905–1912 гг. в Области войска Донского ГАРО. Ф.431- 440.

организовать и эффективно провести предвыборную кампанию. Победа кадетов на Дону была следствием привлекательности их политического курса для казаков и авторитета местных лидеров партии, которые пользовались в это время доверием большей части населения Донской области. Выборы во II Государственную думу подтвердили оппозиционность донского населения.

Выборы на Дону свидетельствуют о том, что в целом роль политических партий в борьбе за электорат, их влияние на формирование политических предпочтений избирателей проявлялась весьма отчетливо. Примеры, демонстрирующие ход предвыборной агитации в Донской области, в которой участвовали различные политические партии, со всей очевидностью раскрывают преимущества кадетов. Ее гибкость и эффективность обеспечивала им успех, особенно, во время первой выборной кампании, то есть при отсутствии конкуренции с социалистическими партиями. Общей основой успеха кадетов были явно среди электората оппозиционные настроения. Кадеты смогли на последнем этапе предвыборной борьбы в ходе выборов и в I и во II Государственные думы «перетянуть» беспартийный электорат на свою сторону и одержать победу. В отличие от других регионов страны, популярность кадетов не упала по сравнению с первой выборной кампанией в условиях конкуренции с социалистическими партиями, включившимися в предвыборную борьбу.

Местные кадетские организации отличались особой сплоченностью и спецификой состава. Членство местной интеллигенции также способствовало завоеванию кадетами симпатий со стороны различных слоев донского электората, в том числе даже казаков, и крестьян, несмотря на то, что в основании этих групп, несомненно, присутствовали черты антисемитизма и монархизма. Кадетам нельзя было игнорировать особенности казачьей ментальности, в том числе, даже и националистические настроения. Региональная мимикрия политической платформы и гибкости учета социальной идентичности донского электората кадетов проявлялись в диапазоне от приятия «великорусского шовинизма» казачества и православия и народности крестьянства до поддержки национально-религиозных меньшинств, в том числе представленных местной интеллигенцией.

История выборов в Области войска Донского демонстрирует процесс политизации населения, вовлеченного в избирательный процесс, прежде всего, в плане предпочтений выборщиков, которые часто не были оформлены, но четко проявлялись как проявление своих групповых интересов. Политические партии на Дону играли огромную роль в процессе вовлечения населения в избирательный процесс в плане его политизации. Все они вели предвыборную борьбу за избирателя, используя прессу, собрания, и даже «грязные технологии». Однако успех их влияния за вовлечение избирателя в орбиту своих политических интересов зависел от ряда обстоятельств. Оппозиционные настроения в обществе, характерные для основной массы донского электората, обеспечили преимущества пропаганде «оппозиционных партий». Далее, успех политических партий зависел от «чувствительности» их к групповым интересам донского электората, в первую очередь – казачьего. Решающую роль в борьбе политических партий за электорат, как свидетельствуют выборы на Дону, играла верно, выбранная тактика. На выборах в I и II Государственные думы в ОВД наиболее эффективной оказалась тактика кадетов. Однако, и социал-демократы, и октябристы, и правые боролись за голоса избирателей и, следовательно, воздействовали на процесс выбора избирателями депутатов Думы.

Источники и литература

1. Арефин С. Я. Донские казаки // Русское богатство. 1906. №12. С. 116-152.
2. Бийович М. М. Наши депутаты. Члены Государственной Думы. (Портреты и биографии). Первый созыв. Сост. М.М. Бийович. М: Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1906. 512 с.
3. Братолюбова М. В. Выборы в I Государственную думу в Области войска Донского // Научная мысль Кавказа. 2004.№2. С. 53-61.
4. Братолюбова М. В. Парламентская деятельность российского казачества в начале XX века // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб: ЭлекСис, 2013. С. 83-97.
5. Галий И. П. Партия «Союз 17 октября» в Донской области в 1905–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 175 с.
6. Галич Ж. В., Деордиева А. Н. Либералы накануне и в годы революции. Ростов-на-Дону, 2017. 176 с.
7. Голос Дона. 1906. №34.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.102. Оп.4. Д.45. Ч I.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп.4. Д.45. Ч.9.
10. ГАРФ. Ф.102. ДП. 4 дел-во. 1907. Д.45. Ч.11.
11. ГАРФ. Ф.102. ДП. 4 дел-во. 1907. Д.45. Ч.8.
12. ГАРФ.Ф.102.Оп.234 – 235. Д.725. Ч.20. Д.4.
13. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.440. Оп.1. Д.335.
14. ГАРО. Ф. 55. Оп.1. Д.297.
15. ГАРО.Ф.829.Оп.1. Д. 154.
16. ГАРО. Ф.826. Оп.2., Д.47.
17. Забелин В. М. Политически партии на Ставрополье и Кубани в 1905–1907 гг. СПб: Нестор, 1998. 45 с.
18. Крюков Ф. Д. Встреча // Русское богатство. 1906. Ноябрь. С.116-152.

19. Крюков Ф. Д. Выборы на Дону // К 10-летию I–ой Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 17 апреля 1916 г. Сборник статей перводумцев. Пг.: [б.и.], 1916.
20. Новочеркасский курьер. 1907.
21. Приазовский край. 1906.
22. Приазовский край. 1907.
23. Российский государственный исторический архив. Ф.776. Оп.16. Ч.1. Д.343.
24. Сватиков С. Г. Россия и Дон. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону (1549–1917). Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1924. 592 с.
25. Скорик А. П., Панкова-Козочкина Т. В. Первые шаги Донской кадетской партии // Вопросы истории. 2004. №12. С.135-142.
26. Состав Трудовой группы в I и II Государственной Думе. Сводная таблица членов фракции. Ин-т истории СССР / авт. вступ. ст. и сост. Д. А. Колесниченко. М.: Ин-т истории СССР, 1988. 122 с.

References

1. Arefin S. Ya. Donskie kazaki *(The Don Cossacks)* // Russkoe bogatstvo. 1906. No.12. P. 116-152. (In Russian).
2. Bijovich M. M. Nashi deputaty. CHleny Gosudarstvennoj Dumy. *(Portrety i biografii).* Pervyj sozyv. *(Our deputies. Members of the State Duma. (Portraits and biographies). First convocation)* / collected be M. M. Bijovich. Moscow: I. D. Sytin's publishing house, 1906. 512 p. (In Russian).
3. Bratolyubova M. V. Vybory v I Gosudarstvennuyu dumu v Oblasti vojska Donskogo *(Elections to the I State Duma in the Region of the Don Cossack Host)* // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2004. No. 2. P. 53-61. (In Russian).
4. Bratolyubova M. V. Parlamentskaya deyatel'nost' rossijskogo kazachestva v nachale XX veka *(Parliamentary activity of the Russian Cossacks in the beginning of the XX century)* // Tavricheskie chteniya 2012. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. St. Petersburg: EHlekSis, 2013. P. 83-97. (In Russian).
5. Galij I. P. Partiya «Soyuz 17 oktyabrya» v Donskoj oblasti v 1905–1912: *("The Union of October 17" party in the Don region in 1905–1912)*: thesis. Rostov on Don, 2005. 175 p. (In Russian).
6. Galich Zh. V., Deordieva A. N. Liberaly nakanune i v gody revolyucii. *(Liberals on the eve of and in days of revolution)*. Rostov on Don, 2017. 176 p. (In Russian).
7. Golos Dona. 1906. No. 34. (In Russian).
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F.102. Inv.4. D.45. CH I. (In Russian).
9. GARF. F. 102. Inv.4. D.45. CH.9. (In Russian).
10. GARF. F.102. Inv. 4 del-vo. 1907. D.45. CH.11. (In Russian).
11. GARF. F.102. Inv. 4 del-vo. 1907. D.45. CH.8. (In Russian).
12. GARF.F.102. Inv.234-235. D.725. CH.20. D.4. (In Russian).
13. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO). F.440. Inv.1. D.335. (In Russian).
14. GARO. F. 55. Inv.1. D.297. (In Russian).
15. GARO.F.829. Inv.1. D. 154. (In Russian).
16. GARO. F.826. Inv.2. D.47. (In Russian).
17. Zabelin V. M. Politicheski partii na Stavropol'e i Kubani v 1905–1907gg. *(Political parties on the Stavropol Territory and Kuban in 1905–1907)*. St. Peterburg: Nestor, 1998. 45 p. (In Russian).
18. Kryukov F. D. Vstrecha *(Meeting)* // Russkoe bogatstvo. 1906. November. P. 116-152. (In Russian).
19. Kryukov F. D. Vybory na Donu *(Elections on the Don)* // K 10-letiyu I-oj Gosudarstvennoj Dumy. 27 aprelya 1906 – 17 aprelya 1916 g. Sbornik statej pervodumcev. Petrograd, 1916. (In Russian).
20. Novocherkasskij kur'er. 1907. (In Russian).
21. Priazovskij kraj. 1906. (In Russian).
22. Priazovskij kraj. 1907. (In Russian).
23. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F.776. Op.16. CH.1. D.343. (In Russian).
24. Svatikov S. G. Rossiya i Don. Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskih dvizhenij na Donu (1549–1917). *(A Research in the History of the State and Administrative Law and Political Movements on the Don (1549–1917)*. Belgrad: Izdanie Donskoj istoricheskoj komissii. 1924. 592 p. (In Russian).
25. Skorik A. P., Pankova-Kozochkina T. V. Pervye shagi Donskoj kadetskoj partii *(First steps of the Don cadet party)* // Voprosy istorii. 2004. No. 12 P. 135–142. (In Russian).
26. Sostav Trudovoj gruppy v I i II Gosudarstvennoj Dume. Svodnaya tablica chlenov frakcii. *(The Structure of Labour Group in I and II State Dumas. Summary Table of Faction Members)*. Moscow: Institute of History of USSR publ., 1988. 122 p. (In Russian).

УДК 94 (470+571) “18”

Ю. Ю. Гранкин

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОКРАИНОЙ (К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ НАМЕСТНИЧЕСТВА)

В статье рассказывается о причинах и обстоятельствах учреждения на Кавказе института наместничества. Столкнувшись с сопротивлением немалой части местных обществ распространению имперских порядков, в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки, власти решили предоставить широкие полномочия своей администрации в регионе. Впервые такая модель была опробована Екатериной II и дала в целом положительный результат. Пользуясь своей широкой автономией, наместник мог оперативно решать важные вопросы, связанные с воздействием на ситуацию на вверенной его попечению территории. Отказ от наместничества осложнил принятие своевременных управленческих усилий по контролю над краем. В немалой степени это было обусловлено субъективными причинами, которые затрудняли предоставление столь широкой автономии какому-либо подданному. Вновь к идее наместничества вернулись в условиях серьёзного военно-политического кризиса, вызванного неудачами в борьбе против теократического государства – имамата. Допущенные просчёты наглядно продемонстрировали, что управление Кавказом из Петербурга лишь приводит к новым людским и материальным потерям. Среди кандидатов на должность наместника наиболее оптимально подходил М. С. Воронцов. Он пользовался безусловным доверием императора и обладал необходимыми военными, хозяйственными и административными компетенциями. Восстановленное наместничество доказало свою эффективность и позволило успешно решить те задачи, которые стояли перед империей на Кавказе. Оно продолжало существовать даже после того, как накал вооружённого противостояния в регионе был преодолён, и правительство приступило к мирному обустройству края.

Ключевые слова: наместничество, регион, управление, территория, государство, власть, население, традиция, правление.

Yu. Yu. Grankin

THE RUSSIAN EMPIRE IN SEARCH OF OPTIMAL MANAGEMENT MODEL OF THE NORTH-CAUCASUS BORDERLANDS (ON THE FOUNDING OF VICEGERENCY)

The article studies the reasons and circumstances of founding the institute of vicegerency. Facing the resistance of a part of local communities to spread imperial rules in the conditions of the unfarouble foreign policy, the authorities decided to invest their regional administration with full powers. For the first time the model was tested by Catherine II and gave a positive result . Exercising the autonomy the vicegerent could address the issues promptly and manage the territory in charge. The abandonment of vicegerency complicated the adaptation of timely administrative efforts to control the region. To a certain extent, it was caused by subjective reasons, which made it difficult to delegate such autonomy to some s. The idea of vicegerency was addressed againin the conditions of a serious military and political crisis caused by failures in the struggle against the theocratic state – imamat. The blunders clearly demonstrated that managing the Caucasus from St. Petersburg only led to new human and material losses. M.S. Vorontsov suited the post of vicegerent more than other candidates did. He enjoyed the unconditional confidence of the emperor and possessed the necessary military, economic and administrative competencies. The restored vicegerency proved its effectiveness and allowed to successfully solve the tasks that the empire faced in the Caucasus. It was preserved even after the heat of the armed confrontation in the region when the government started peaceful development of the region.

Key words: vicegerency, region, management, territory, state, power, population, tradition, government.

Столкнувшись с непростыми северокавказскими реалиями, российская власть вынуждена была искать такую модель управления, которая позволила бы эффективно решать здесь многочисленные проблемы в условиях динамично меняющейся ситуации. Автохтонное население региона не имело опыта жизни в составе государства, регламентация отношений здесь происходила на основе традиций и обычаев, которые не всегда могли сосуществовать с правовой основой империи. Достаточно вспомнить такой привычный для местных реалий, но неприемлемый для России вид деятельности, как набеги [9, с. 12]. У исследователей нет общего подхода в оценке данного явления. Его возникновение и развитие связывают с экономической необходимостью, считают институтом социализации и т.п. Но главное заключалось в том, что сохранение подобной

практики было невозможно в любом виде, а ожидать, что от неё откажутся добровольно, было бы непростительной иллюзией.

У Российского государства имелся достаточно внушительный исторический опыт адаптации иноэтничных территорий в свой состав. Было очевидно, что успех будет зависеть от эффективности управленческих усилий, которые с одной стороны должны были соотносить свои шаги с Петербургом, а с другой – обладали бы необходимыми полномочиями, чтобы своевременно купировать возникавшие угрозы. И здесь выбор был сделан в пользу наместничества, которое соответствовало выдвигаемым требованиям. Впервые к подготовке этой управленческой модели обратились в 1784 г., когда в руках генерал-губернатора П. С. Потёмкина оказалась власть над огромной территорией, расположенной между Чёрным, Азовским и Каспийским морями. Он мог не только решать вопросы, связанные с обустройством гражданской жизни, но и распоряжаться войсками, сосредоточенными в этих землях. Были созданы условия для колонизации этого порубежья и распространения здесь российской правовой системы. Отметим при этом, что все предпринимаемые шаги соответствовали нормам губернской реформы, проведённой в 1775 г., т.е. осуществлялись в рамках принятых в империи законов.

По велению императрицы Екатерины II 5 мая 1785 г. было учреждено Кавказское наместничество, состоявшее из Кавказской и Астраханской губерний [17, с. 388]. В дальнейшем будут звучать критические замечания о том, что это была слишком большая территория, и эффективно управлять ею невозможно. Но и количество подданных империи здесь было пока невелико, а размеры губернии напрямую зависели от числа проживавших людей. В любом случае, это был процесс поиска наиболее подходящих управленческих форм, который, безусловно, не мог обходиться без ошибок и просчётов.

Назначенный на эту должность П. С. Потёмкин «находился тогда в Петербурге, а потому по возвращении в Георгиевск 30 сентября был принят на Линии уже не только как генерал-губернатор и командир Кавказских корпусов, но как настоящий правитель Кавказа, государев наместник, которому подчинялись все военные и гражданские части» [21, с. 296]. О своевременности таких шагов говорит сама ситуация, с которой пришлось столкнуться наместнику по приезду на Кавказ. Массовые выступления части горских обществ, сплотившихся вокруг религиозного предводителя шейха Мансура, потребовали его экстренного вмешательства чтобы «пресечь самый корень зла» [21, с. 305].

Достаточно энергичные шаги П. С. Потёмкина объяснялись не только его качествами администратора и военачальника, но и теми полномочиями, которые он отныне имел. Представляется возможным говорить о правильности выбранного имперским центром пути на расширение полномочий региональных властей, по крайней мере, когда речь шла о Кавказе. Права у наместника были впечатляющими, но и задачи, которые ставились перед ним, были весьма обширны и касались вопросов, связанных с выстраиванием диалога с местными народами, градостроительством, прокладкой коммуникаций и т.п. [17, с. 388–392]. Каждый раз согласовывать все эти вопросы со столицей было нереально, а потому энергичный руководитель исходил из собственного опыта и интуиции в решении текущих задач.

Жёсткая властная вертикаль, характерная для российской управленческой традиции во многом замыкалась на фигуре первого лица. Пришедший на смену Екатерине II её сын Павел I крайне негативно оценивал опыт своей матери. Многие её начинания были отторгнуты, и среди них оказалось Кавказское наместничество. Это был правитель, выступавший за жёсткую властную вертикаль, которая не предусматривала наделения дополнительными полномочиями какого-либо сановника или учреждения. Озвученный 12 декабря 1796 г. данный Сенату именной указ «О новом разделении государства на губернии» временно упразднял в целом полезное начинание и преобразовывал Кавказское наместничество в Астраханскую губернию [18, с. 229–230]. За такими шагами скрывалось не просто желание формально дистанцироваться от достижений предшествующего правления. Здесь присутствовал трезвый расчёт императора, осознававшего невозможность продолжения весьма затратной политики Екатерины II. Это была попытка выстроить диалог с местными народами на новых принципах, в которых политике «ласканий» уделялось гораздо больше внимания, нежели это было прежде [3, с. 30–32].

Последовавшая управленческая путаница показала все недостатки шагов по ликвидации наместничества. Можно было неоднократно наблюдать столкновение интересов двух управленческих структур, которые не столько решали общую задачу, сколько подспудно конкурировали друг с другом. Речь идёт о военном ведомстве и Коллегии иностранных дел. Камнем преткновения стал институт приставства, который нередко действовал, не согласовывая свои решения с представителями армии [2, с. 121].

Ситуация начала меняться с воцарением Александра I. При всех декларируемых либеральных ценностях это был государь, осознававший необходимость сохранения и поддержания принципа единоначалия. Он формально не пошёл на восстановление наместничества, но в 1802 г. соединил военное и гражданское управление Кавказом в одних руках и таким образом ослабил прежние межведомственные склоки. Объединив в одних руках все полномочия, император приказал: «Ныне существующую Астраханскую губернию… разделить на две Астраханскую и Кавказскую. <…> Главный военный и гражданский начальник обеих сих губерний есть инспектор Кавказской Линии и управляющий в Грузии. <…> Гражданские губернаторы или военные, управляющие гражданской частью, состоят в точной его зависимости, но в отсутствии из сих губерний и во время

пребывания его в Грузии, относятся в Правительствующий сенат и к Министерству по роду дел им подлежащих, прямо от себя, извещая только о том главного начальника» [1, с. 919].

В определённом смысле это была паллиативная мера, т.к. наличие самостоятельных гражданских губернаторов приводило к усложнению схемы принятия решений, плодило бюрократические издержки, тем более что общая ситуация (войны с сопредельными державами, волнения среди горского населения) не позволяла начальнику Астраханской и Кавказской губерний уделять должное внимание всем своим обязанностям. В такой ситуации латентное противостояние между гражданскими и военными чинами продолжалось и требовало скорейшего разрешения для общего блага.

Шаг в сторону реального единоначалия был сделан после назначения на Кавказ главноуправляющим гражданской частью генерала А. П. Ермолова. Это был энергичный и амбициозный военачальник, к тому же имевший широкие связи в Петербурге [6, с. 10–11]. Он настаивал на предоставлении ему самых широких полномочий, которые фактически соответствовали тем правам, какие были у наместника. Примечательно, что в частной переписке он даже называл себя «проконсулом Кавказа», намекая на свои широчайшие возможности в военной и гражданской сферах. Обращаясь к императору, он испрашивал для себя следующие полномочия: «все части управления в Грузии, Астраханской и кавказской губерниях вверить в непосредственное управление моё и ответственность…», все кадровые вопросы должны были либо решаться самим А. П. Ермоловым либо согласовываться с ним, любые жалобы и недовольство оставлять на рассмотрение самого командира отдельного Грузинского корпуса и т.д. [5, с. 261–264]. Фактически это выводило генерала из-под контроля правительства, что осторожный Александр I допустить не мог. Наделяя А. П. Ермолова значительными полномочиями, он, тем не менее, руками Министерства внутренних дел умерил административные «аппетиты» своего ставленника, чья склонность к фрондёрству была хорошо известна и внушала определённые опасения. Недаром император Николай I поспешил отозвать этого незаурядного государственного деятеля с Кавказа, опасаясь, что он может использовать появившуюся у него власть в устранении правящей династии.

Такова была весьма уязвимая сторона такого управленческого решения, как наместничество. Эту должность мог занимать человек, который пользовался абсолютным доверием у первого лица в государстве. В противном случае, имея огромные ресурсы (в том числе боеспособную армию), наместник мог подвергнуться искушению применить их в своих личных целях.

Впрочем, вносить коррективы в управленческую практику Петербург не отказывался. Доказательство тому – «Учреждение для управления Кавказской областью», принятое в 1827 г. Этот документ гласил, что: «Кавказская область учреждается в пределах бывшей Кавказской губернии. <…> Главное управление Кавказской области вверяется Главноуправляющему в Грузии. Общий предмет Главноуправляющего есть надзор над правильным и успешным движением всех подчинённых управлений, и доставление им нужных разрешений» [20, с. 108–109].

Отметим тот факт, что управленческий центр Кавказом переносился в Тифлис. За этим, на первый взгляд, техническим решением скрывалось переосмысление существующих реалий. Проблемы Северного Кавказа, при всей их сложности и затратности, переставали доминировать в тех политических приоритетах, которые были у империи. С точки зрения геополитической значимости, ситуация в полуденных владениях державы явно выходила на первое место и именно ради неё приходилось так выстраивать свой диалог с населением северной части региона, чтобы добиться реального, а не видимого «умиротворения» края. Ставки были слишком высоки, и Россия не могла терпеть ситуации, при которой, вспомним известное высказывание К. Маркса, «…ноги гигантской империи отрезаны от туловища» [15, с. 408].

Все дальнейшие шаги Николая I были направлены на восстановление наместничества, в разумности которого он убеждался каждый раз, когда Кавказ преподносил ему неприятные «сюрпризы». Пагубность проволочек и не всегда компетентная опека главноуправляющего из Петербурга приводили к осложнению ситуации в крае.

Безусловно, мы не утверждаем, что отсутствие упомянутой формы управления стало единственной и главной причиной тех роковых просчётов, которые совершила российская власть в крае, понеся столь кровавые жертвы в борьбе с возникшим религиозным движением мюридизма. Но и игнорировать управленческие просчёты также неприемлемо. В оправдание императора и его советников скажем лишь то, что их внимание отвлекали события как в Польше, так и вокруг неё. Туда приходилось направлять не только дополнительный воинский контингент, но и верных первому лицу людей (И. Ф. Паскевич и И. И. Дибич), которые вполне могли претендовать на пост наместника, т.к. в их личной лояльности новый государь не сомневался.

Между тем в правительственных кругах отсутствовало единство в оценке Кавказа, который мог восприниматься как колония, подобно Индии или Америки, или же как часть империи, пока не способная воспринять привычное гражданское устройство и нуждавшееся в военных методах управления. При разнице в подходах, в обоих случаях мы видим осознание специфики края, его непохожести на прочие части империи. А потому и управление здесь должно было кардинальным образом отличаться в сторону единоначалия и существенной автономности [13, с. 166–167].

Чтобы разобраться с ситуацией на месте, Николай I в 1837 г. посещает Кавказ. Со времён Петра Великого подобного «высочайшего ревизора» в регионе не было. Несмотря на желание местных властей «не ударить в грязь лицом»,

увиденное пришлось императору не по нраву. Последовали кадровые перестановки, которые, впрочем, не привели к качественному изменению ситуации. Складывается впечатление, что Николай I посчитал события в крае следствием нерадивости отдельных чиновников, но не смог понять всех глубинных причин происходящих здесь процессов. Как это часто бывает, был назначен виновный (прежде всего, Г. В. Розен), на которого списали военно-политическую напряжённость, хозяйственные неурядицы, финансовые затраты и т.п. Российской политике в регионе явно не хватало системности и постепенности в осуществлении задуманного [7, с. 494].

Возможно, такая неопределённость продолжалась бы и дальше, но активизация «немирных» горцев подтолкнула власти к решительному изменению в управлении краем и возврату к наместничеству [8, с. 95]. И здесь уместно вспомнить обстоятельства, при которых на Кавказе появился М. С. Воронцов. Пожилой граф внезапно оказался наиболее подходящей фигурой, которая могла сыграть роль «кризис-менеджера» в той ситуации, казавшейся тупиковой.

Череда неожиданных военных неудач, потеря контроля над частью горных районов, которые со времён А. П. Ермолова считались надёжно освоенными, – всё это подтолкнуло императора в очередной раз произвести обновление в руководящем составе местной власти. Нужен был человек, известный как опытный администратор и одновременно разбирающийся в военных вопросах. Непременным условием была абсолютная верность императору и умение находить язык с невероятно честолюбивым и амбициозным окружением Николая I.

Всем этим требованиям отвечал М. С. Воронцов, ветеран наполеоновских войн, успешно действующий на хозяйственном поприще в Крыму, человек, умевший ладить с представителями высших сановных кругов империи и, наконец, не нуждавшийся в деньгах, а потому не смотревший на свою должность как на инструмент обеспечения материального благополучия. Граф (позднее князь) был опытным хозяйственником и был сторонником идеи о том, что успешное занятие земледелием, ремеслом и торговлей сделают горцев мирными подданными империи. В последующем и другие кавказские наместники придерживались подобного подхода [11, с. 201].

Хотя идея восстановления наместничества давно витала в воздухе, М. С. Воронцов ехал на Кавказ с грузом многочисленных установок и пожеланий, высказанных ему лично государем. По крайней мере, по-другому сложно объяснить тот факт, что, не успев ознакомиться лично с ситуацией в крае, он заторопился в авантюрную по своей сути Даргинскую экспедицию. Идея генерального сражения принадлежала Николаю I. Именно этого он требовал от своих подчинённых, возможно, уповая на повторение успеха под Ахульго, когда удалось загнать в ловушку многоопытного имама Шамиля, и был шанс покончить с этим давним противником.

Но из виду упускалось то, что даже сотворивший эту победу генерал П. Х. Граббе в дальнейшем потерпел неудачу, пытаясь пройти в Горную Чечню. Шамиль сделал правильные выводы из своего поражения и отныне не давал загнать себя в ловушку. Ни о каком генеральном сражении речь теперь идти не могла, а заняв любой горский аул, армия ни на шаг не приближала себя к победе над неприятелем. Горцы отныне предпочитали действовать на коммуникациях, уловив самую уязвимую сторону российской военной машины. В этом пришлось убедиться и М. С. Воронцову, который, выполняя императорское повеление, взял Дарго и с огромными потерями сумел выйти из окружения, которое организовали для него мюриды.

Для людей, знающих ситуацию, было очевидно, что этот поход, чуть было не обернувшийся катастрофой, личная ошибка Николая I. Но он не услышал от графа, вскоре ставшего князем, ни слова упрёка. Такая позиция была оценена по достоинству, и М. С. Воронцов получил картбланш в своих начинаниях: «Граф Михаил Семёнович! Возложив на вас, вместе с званием Главнокомандующего войсками на Кавказе, и главное начальство над гражданскою частию в том крае, в качестве моего Наместника, находя нужным для пользы службы усилить права, которые доныне были даны Главноуправляющим гражданскою там частию и в полном доверии к лицу вашему…», – говорилось в императорском указе от 30 января 1845 г. и далее следовала целая череда прав и полномочий, которые он получал [19, с. 152]. Наместничество было восстановлено.

Для народов края именно М. С. Воронцов становился олицетворением государства. Племенам, привыкшим к традиционной организации жизни, базирующейся на персонификации власти в лице конкретного человека, а не абстрактного института, это было понятно и близко. Недаром и сам князь подчёркивал, что ни один свод законов не в состоянии заменить воли и рассудка у чиновника, наделённого властью государя [16, с. 95].

В дальнейшем полномочия наместника будут ещё больше расширены. Так, при А. И. Барятинском «происходит значительное усиление военного и гражданского административного аппарата. В 1856 г. Отдельный кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию с большим аппаратом (Главный штаб во главе с начальником и ряд управлений). В 1859 г. канцелярия наместника преобразуется в Главное управление наместника, состоявшее из пяти своеобразных «министерств», называемых «департаментами»: общих дел (заведовало личным составом чиновников, почтами, строительными, медицинскими и учебными делами), судебный, финансовый, государственных имуществ, контрольный. При наместнике существовала даже особая дипломатическая канцелярия» [4, с. 197].

При всей автономности наместничества, оно лишь на первый взгляд становилось государством в государстве. За его работой наблюдал специально созданный орган – Кавказский коми-

тет. Он не мог ставить препоны М. С. Воронцову, но имел возможность советовать ему по разным вопросам, что было вполне разумно, т.к. взгляд со стороны позволял увидеть некие нюансы, не замеченные под грузом текущих дел непосредственно на месте. Согласованию подлежали преимущественно дела, связанные с хозяйственной деятельностью. Предположения наместника могли быть отправлены в профильное министерство, а в особых случаях пойти сразу на стол императору. Судьба Кавказского комитета в итоге решится тогда же, когда и примут решение о ликвидации наместничества. Этот орган надзора будет распущен в 1882 г. [4, с. 161].

Последовавшие вслед за расширением полномочий шаги наместника по стабилизации ситуации в крае подтвердили верность выбранного пути. Уже не оглядываясь на указания столичных стратегов, М. С. Воронцов повёл свои дела так, как ему подсказывали его интуиция, немалый управленческий опыт и разумные советы людей, которые знали о Кавказе не понаслышке [12, с. 142–149]. И это были не только успешные (отметим при этом – неспешные!) военные операции, но и достаточно разумные шаги по экономическому преображению края. Даже для тех, кто ранее не видел альтернативы набегу и «молодчеству», становилась очевидна вся выгода мирного и созидательного труда [14, с. 228–233]. Не только штык и пуля, но и русская монета исподволь подтачивала фундамент теократической крепости, создаваемой Шамилём и его окружением.

Внешнеполитические обстоятельства, политическая ситуация в регионе, социально-экономические процессы, происходившие на остальной части империи и завершившееся вооруженное противостояние с «непримиримой» частью горцев открыли возможности наместничества акцентировать внимание на экономическом освоении края [10, с. 23].

Просуществовав в таком виде до начала 80-х гг. XIX в., наместничество выполнило свою историческую миссию, став переходной формой управления, способной мобилизовать все административные резервы для решения важных и нетерпящих отлагательства вопросов. Когда социальные катаклизмы первой русской буржуазно-демократической революции вновь заставили обратить пристальное внимание на положение в полиэтничном регионе, полученный опыт был вновь востребован государством, и восстановленное наместничество сумело на короткий срок стабилизировать ситуацию в крае.

Поиск оптимальной модели управления Кавказом был делом не одномоментным и противоречивым. Центральной власти оказалось непросто решиться на предоставление столь обширных прав отдельному региону и отдельному подданному. Лишь экстраординарная ситуация заставила впервые пойти на такой эксперимент. Екатерина II, умевшая подбирать незаурядные управленческие кадры в своём окружении, впервые опробовала институт наместничества, соединив военные и гражданские полномочия в руках одного человека. В дальнейшем от такого решения отказались и вернулись к нему лишь в условиях глубочайшего кризиса, в котором оказалась имперская власть на Кавказе. Видимо, здесь сыграл свою роль субъективный фактор, долгое время заставлявший настороженно относиться к любым попыткам упустить из под контроля первого лица часть властных полномочий. Если вспомнить многочисленные заговоры против монарха, такие опасения видятся вполне естественными и мотивированными. Но когда была найдена достойная кандидатура, наместничество сделалось важным и эффективным инструментом обустройства этой части страны.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Т. II. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.

2. Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX века: дисс. … док. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2004. 476 с.

3. Виноградов Б. В. Кавказ в политике государя Павла I 1796–1801 гг.) / под редакцией профессора В. Н. Ратушняка. Армавир – Славянск-на-Кубани: АГПИ, 1999. 115 с.

4. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

5. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.

6. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827) / под ред. и с предисловием В. Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. 135 с.

7. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 494 с.

8. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.

9. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки) / под ред. и с предисловием С. Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.

10. Гранкин Ю. Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. №132. С. 22-33.

11. Гранкин Ю. Ю. Северный Кавказ в 1844–1881 гг.: наместничество и экономические аспекты российской политики в регионе // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. №47 (1). С. 199-207.

12. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (Исторические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 330 с.

13. Лазарян С. С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 323 с.

14. Лазарян С. С. Очерки и характеристики событий кавказской старины первой половины XIX века / под ред. Ю. Ю. Клычникова. Пятигорск: ПГУ, 2018. 247 с.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Т.IX. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 702 с.

16. Огарков В. В. Воронцовы и их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1892. 96 с.

17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗ-I). Том XXII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т.XXII. 1183 с.

18. ПСЗ-I. Т.XXIV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 871 с.

19. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (ПСЗ-II). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т.II. Отделение I. 1043 с.

20. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т.II. Отделение II. 1560 с.

21. Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801) / Репринтное издание. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 383 с.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej *(Acts Collected by the Caucasian Archaeological Committee)* / ed. by A.P. Berzhe. Vol.II. Tiflis, 1868. 1238 p. (In Russian).

2. Blieva Z. M. Rossijskij byurokraticheskij apparat i narody Central'nogo Kavkaza v konce XVIII – 80-e gg. XIX veka *(The Russian Bureaucratic Machinery and Peoples of the Central Caucasus in the End of the XVIII – 80-s XIX century).* Vladikavkaz, 2004. 476 p. (In Russian).

3. Vinogradov B. V. Kavkaz v politike gosudarya Pavla I 1796–1801 gg.) *(The Caucasus in the Politics of the Sovereign Paul I (1796–1801)* / ed. by V. N. Ratushnyak. Armavir – Slavyansk-on-Kuban, 1999. 115 p. (In Russian).

4. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii *(The History of State Organizations of the Pre-revolutionary Russia).* Moscow: Vysshaya shkola, 1968. 368 p. (In Russian).

5. Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XIX vv. *(The Caucasus and Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality).* St.Petersburg: Zvezda, 2005. 720 p. (In Russian).

6. Klychnikov Yu. Yu. Deyatel'nost' A. P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827) *(The Activities of A.P. Ermolov in the Northern Caucasus (1816–1827)* / ed by V. B. Vinogradov. Essentuki, 1999. 135 p. (In Russian).

7. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) *(Russian Policy in the North Caucasus (1827–1840)* / ed by V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: PSLU publ., 2002. 494 p. (In Russian).

8. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki *(The Russian Statehood and North Caucasus Archaic: in Search of Overcoming Contradictions (XVIII – the Beginning of the XIX c.) Historical essays).* Moscow: LENAND, 2015. 368 p. (In Russian).

9. Klychnikov Yu. Yu. Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (istoriko-politologicheskie ocherki) *(The North Caucasus: old problems in the new measuring (historical and politological essays)* / ed by S. L. Dudarev. Pyatigorsk: PSLU publ., 2016. 99 p. (In Russian).

10. Grankin Yu. Yu. Kolonizacionnoe osvoenie Severnogo Kavkaza v poreformennyj period *(The Colonization of the North Caucasus During the Post-reform Period)* // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities Science. 2011. No. 132. P. 22-33. (In Russian).

11. Grankin Yu. Yu. Severnyj Kavkaz v 1844–1881 gg.: namestnichestvo i ehkonomicheskie aspekty rossijskoj politiki v regione *(The North Caucasus in 1844–1881: Economic Aspects of Russian Politics in the Region)* // Bylye Gody. Russian Historial Journal. 2018. 47 (1). P. 199-207. (In English).

11. Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. Mozaika severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XX vekov (Istoricheskie ocherki) *(The Mosaic of Life in the North Caucasus: Events and Processes. XIX – the Beginning of the XX c. Historical Essays).* Pyatigorsk: PSLU publ., 2012. 330 s. (in Russian).

12. Lazaryan S. S. Voenno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazya M. S. Voroncova v Kavkazskom krae. 1845–1854 gg. *(Military, Political, Administrative and Judicial Activities of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus Region).* Pyatigorsk: PSLU publ., 2012. 323 p. (in Russian).

13. Lazaryan S. S. Ocherki i harakteristiki sobytij kavkazskoj stariny pervoj poloviny XIX veka *(Essays and Characteristics of Events in the Caucasus in Old Times of the First Half XIX Century)* / ed by Yu. Yu. Klychnikova. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 247 p. (In Russian).

14. Marx K., Engels F. Sochineniya *(Compositions).* Vol. IX. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1957. 702 p. (In Russian).

15. Ogarkov V. V. Voroncovy i ih zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'. Biograficheskie ocherki *(The Vorontsovs, Their Life and Social Activities. Biographical essays)*. St. Petersburg, 1892. 96 p. (In Russian).

16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe (PSZ-I) *(The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1).* Vol XXII. St. Petersburg, 1830. 1183 p. (In Russian).

17. PSZ-I. Vol. XXIV. St. Petersburg, 1830. 871 p. (In Russian).

18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe (PSZ-II) *(The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2).* Vol. II. St. Petersburg, 1830. 1043 p. (In Russian).

19. PSZ-II. St. Petersburg, 1830. Vol. II. 1560 p. (In Russian).

20. Potto V. A. Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801) *(Two Century of the Terek Cossacks).* Reprintnoe izdanie. – Stavropol': Kavkazskaya biblioteka, 1991. 383 p. (In Russian).

УДК 271.2-9(470.47)

М. С. Горяев, В. Н. Авлиев, П. М. Кольцов

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII – XVIII вв.[1]

Формирование полиэтнического государства требовало от русских властей политики, которая обеспечивала бы интеграцию народов в нее входящих, господство центростремительных тенденций, прочность ее государственного единства. Христианизация инородцев, в том числе и калмыков, рассматривалось как одно из важных средств достижения успеха такой политики. Деятельность Русской Православной Церкви, направленная на распространение христианства среди народов Поволжья и Урала, еще полностью не исследована, и ее изучение является актуальной задачей исторической науки. Вопросами, связанными с историей христианизации калмыков в XVIII–XIX вв. занимались как российские ученые и церковные деятели, так и представители местной администрации. При общности мировоззренческих позиций в подходе к данным вопросам, видение проблем и оценки ученых, церковных деятелей и местной администрации порой могли различаться, что в немалой степени определялось спецификой их деятельности, конкретными целями, которые преследовали представители каждой из этих групп.

Российское правительство в своей политике поощряло принятие христианства калмыками различными преференциями: переводом в казачье сословие с наделением жалованья, выделением специальных мест в виде определенных городов, организацией школьного обучения детей. Результаты миссионерской деятельности Русской Православной Церкви по христианизации калмыков были неоднозначными. Если в общекультурном плане деятельность миссии имела положительное значение, то в узкоконфессиональном смысле она не достигла желаемого результата.

Ключевые слова: Российское государство, Калмыцкая степь, Калмыцкое ханство, Русская Православная Церковь, миссионерство, христианизация.

M. S. Goryaev, V. N. Avliev, P. M. Koltsov

THE SPREAD OF CHRISTIANITY AMONG THE POPULATION OF THE KALMYK STEPPE OF ASTRAKHAN PROVINCE IN THE LAST THIRD OF XVII–XVIII CENTURIES

The formation of a multi-ethnic state demanded from the Russian authorities a policy that would ensure the integration of the peoples into its constituent states, the dominance of centripetal tendencies, and the strength of its state unity. The Christianization of foreigners, including Kalmyks, was considered one of the important means of achieving the success of such a policy. The activities of the Russian Orthodox Church, aimed at spreading Christianity among the peoples of the Volga region and the Urals, have not yet been thoroughly investigated, and appear to be an urgent task of historical science. Both Russian scientists, church leaders and representatives of the local administration took interest in questions related to the history of Christianizing the Kalmyks in the XVIII–XIX centuries. With common ideological positions in the approach to these issues, the vision and evaluation of scholars, church leaders and local administration could sometimes be different, which was largely determined by peculiarities of their activities and specific goals pursued by representatives of each of these groups.

In its policy, the Russian government encouraged the adoption of Christianity by the Kalmyks through various preferences: transfer to the Cossack class with salary, the allocation of special places to be developed into cities, the organization of school education for children. The results of the missionary activities of the Russian Orthodox Church on Christianizing the Kalmyks were mixed. While in general cultural terms the mission had a positive meaning, in the narrow confessional sense it did not achieve the intended result.

Key words: Russian state, Kalmyk steppe, Kalmyk Khanate, Russian Orthodox Church, missionary, Christianization.

В современное, достаточно динамичное время весьма важными становятся вопросы конфессионального характера. Их решение, так или иначе, приходится решать на государственном и общественном уровне во многих странах и многими правителями. Да и сама историческая наука крайне нуждается в поиске новых методологических подходов в регулировании межрелигиозных отношений в нашем обществе. Причем от решения этих актуальных вопросов зависит во многом диалог между конфессиями России и между государственной властью и представителями той или иной российской религии (прежде всего, христианство, ислам, иудаизм и буддизм). Изучение

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-01-00327 «Русская православная церковь: миссионерская деятельность и культура калмыков».

истории государственной конфессиональной политики в дореволюционном прошлом нашего государства может помочь найти пути решения современных проблем государственно-церковных и межконфессиональных отношений в России.

Целью нашей работы является установление сущности государственной конфессиональной политики в отношении инородцев Юга России на примере калмыцкого населения в последней трети XVII–XVIII вв.

Появление калмыков в европейской части России относится к началу XVII столетия, когда Хо-Орлюк со своим подвластным народом занял земли в междуречье Яика и Дона, а также обширные стенные пространства от берегов Волги до предгорья Кавказских гор. Российское правительство, имея на калмыков далеко идущие планы, на первых порах не предпринимало явных попыток распространить среди них православие. Однако сами калмыки, оторванные от своих прежних мест и оказавшиеся в совсем другой культурной, религиозной и языковой среде, со временем поддавались влиянию русскоязычного населения. Прежде всего, это коснулось религиозных воззрений калмыков, которые, несмотря на прямые запреты и противодействие со стороны правящей элиты и буддийского духовенства, постепенно знакомятся с христианством.

Так, шертная запись калмыцкого правителя Аюки 1673 г. впервые указывает на наличие в пределах Калмыцкой степи крещеных калмыков [6, л. 6 об.]. По этой записи он за себя и всех калмыцких владельцев давал присягу на верность Русскому царству. В обмен на некрещеных калмыков и татар его «Аюковых улусов, которые учнут уходить в города Царского Величества, и тех беглецов отдавать некрещеных назад», Аюка обязывался оказывать военную поддержку русскому правительству, не принимать государственных преступников и не разорять русские земли [8, Т.I, с. 925].

Таким образом, на основании данного документа, можно говорить, что в калмыцких улусах был небольшой процент населения, принявший православие. Более точное указание на существование этой категории населения дает шерть Аюки 1677 г., в которой, согласно решению, «которые калмыки по своим желательствам в Православную христианскую веру крестятся, и тех … им тайшам и улусным их людям не просить, и об них Великому Государю не бить челом …» [6, л. 7 об.].

Из сказанного выше видно, что уже в тот период царское правительство оказывало покровительство новокрещенным калмыкам, принимая их в русских городах и, по мере возможности, ограждало от притязаний со стороны владельцев-нойонов. В 1683 г. был заключен новый договор, согласно которому калмыки, принявшие крещение, официально получали покровительство русского правительства [8, Т. II, с. 497]. Однако христианство принимали не только законопослушные калмыки, но и те, которые использовали крещение как средство избегания наказания за совершенные преступления в калмыцких улусах. Возможно, что данный метод был очень популярным среди калмыцкого народа, поэтому власти, скорее всего, под давлением недовольного калмыцкого правительства, были вынуждены пойти на некоторые уступки. Так, согласно одной из них следует: «чтобы его улусных людей калмык, которые своровав учнут бежать в государевы города, одни, или с женами, или с детьми – не принимать и не крестить, а задерживать их в городах и писать об них к Москве и к нему Аюке; а которых воеводы крестят за указом, и на них, на воеводах править денег по тридцати рублев за человека и отдавать ему Аюкаю, или и градские люди то учинят и те деньги править по тому же на воеводах, а их писать в службу» [8, Т. III, с. 331].

Сумма в 30 рублей, скорее всего, по мнению правительства, должна была компенсировать улусовладельцам потерю личной собственности, которые весьма болезненно относились к акту крещения и всеми силами старались этому препятствовать. Однако в дальнейшем, число желающих уйти от своих природных владельцев и принять крещение, возрастает, поэтому в начале XVIII в. русское правительство построило для новокрещенных калмыков слободу на речке Терешке. Там же была выстроена церковь [7, с. 52].

Несмотря на то, что Аюка-хан предпринял карательные меры и сжег слободу, а всех крещеных калмыков увел в улусы, желающих принять православие не убавилось. Еще одним шагом русского правительства по защите крестившихся калмыков было включение их в состав казачьего сословия и переселения в город Чугуев Харьковской губернии. Об этом свидетельствует указ Правительствующего Сената от 15 марта 1716 г. где прописано следующее: «пришедших от Аюки хана калмык Серкен Мергена с товарищи … с женами и с детьми, которые пришли на Дон … и желают воспринять христианскую веру … отослать в Чугуев … и тамо их по желанию в христианскую веру крестить и написать с тамошними новокрещеными калмыки в службу и жалование им давать против тех же, для того, что с Дону могут они и крещение приняв, паки к Аюке или на Кубань уйти. А о принятии в Чугуев калмык … с женами и с детьми и о крещении их в христианскую веру …» [8, Т. V, с. 202].

Из этого постановления становится также видно, что некоторые крещеные калмыки, особенно те, кто проживал на Дону, возвратились в пределы Калмыцкого ханства или ушли за Кубань и там вновь вернулись к религии своих предков.

На Дону калмыки появились в середине XVII в., заселив вначале сальские и манычские степи, а затем продвинулись на запад до побережья Азовского моря [9, с. 72]. В 1669–1670 гг. на Дон откочевали улусы калмыцких тайшей Дугара и Боки. Осенью 1672 г. Аюке удалось вернуть улусы Дугара и его сына Церена на Волгу, однако тайша Бока остался со своими людьми в Войске Донском и основал там казачьи поселения калмыков [12, с. 36]. Что бы закрепиться на новом месте и избежать насильственных действий со стороны хана калмыки стали принимать православную веру [5, с.17].

Что касается специальных мер к распространению православия среди калмыцкого народа, то таковых в рассматриваемый период не было. В основном, калмыки принимали крещение либо для того чтобы избежать наказания за свои проступки в улусах, либо под давлением своих работодателей из числа русскоязычного населения. Принявшие крещение калмыки хоть изредка, но посещали своих родственников в улусах, что приводило к усилению недовольства со стороны калмыцких владельцев. Аюка-хан был вынужден вмешаться и просить русское правительство прекратить принятие и крещение беглых калмыков, а также запретить новокрещенным посещать улусы и склонять своих сородичей к христианству. Для урегулирования данной ситуации было издано постановление Правительствующего Сената от 14 января 1717 г.

В 1720 г. впервые упоминаются льготы для принявших крещение калмыков. Так в указе Правительствующего Сената 1 сентября 1720 г. говорится: «Которые не крещеные …восприняли Православную …веру, или которые впредь воспримут …тем во всяких государственных сборах и изделиях давать льготы на три года, дабы тем придать к восприятию веры …лучшую охоту …» [8, Т. VI, с. 234–235].

Этим постановлением и заканчиваются мероприятия по распространению среди калмыков православия. Принятие христианства за этот период времени, по большому счету было шагом не осознанным, а вынужденным и, во многом зависело от правового и материального положения новокрещенного. Были случаи, когда калмыки принимали православие, будучи в услужении у своих русскоязычных хозяев, не терпящих идолопоклонничество, либо тогда, когда калмыки были в малолетстве или долгие годы проживали среди православных. То есть, путей к принятию православной веры было много.

Количество принявших православие калмыков за рассматриваемый нами период неизвестно. Можно только утверждать, что массовых обращений калмыков в православие не наблюдалось. Большая часть калмыцкого народа оставалась верной старой вере и нередко склоняла принявших православие в веру предков.

Русское правительство понимало важность распространения христианства среди калмыков, поэтому 20 января 1724 г. издает именной указ, который прямо повелевал «склонять владельцев и законников калмыков в христианство учением и дачею и книги нужныя перевесть на их язык» [8, Т. VII, с. 207].

В том же году умирает Аюка-хан и в Калмыцком ханстве начинается борьба за власть. Правительство не могло не воспользоваться данной ситуацией и делает ставку на сына умершего ранее наследника престола Чакдоржаба Досанга. Однако тот категорически отказался от ханского престола и астраханский губернатор Артемий Петрович Волынский решает обратить внимание на его брата Баксадая Дорджи и направить его в столицу на встречу с императором Петром Алексеевичем. При этом было озвучено о желании претендента принять православие, что и произошло 24 ноября 1724 г. Восприемником (крестным) Баксадая Дорджи стал сам император, а новокрещенный получил имя Петра Петровича Тайшина.

Крещение нойона такого ранга без сомнения имело большое значение в истории распространения христианства среди калмыцкого народа. Этот случай послужил примером, как для представителей калмыцкой аристократии, так и простых людей. Что еще важнее, данный успех вызвал у русского правительства желание к скорейшему распространению христианства среди калмыков с помощью создания Православной миссии, которую возглавлял в 1725–1734 гг. иеромонах Никодим Ленкеевич [2, с. 440–441]. Из реестров за 1733–1734 гг. следует, что число принявших православие калмыков составило 1232 человека [2, с. 455]. Важно также отметить, что религиозно-просветительская деятельность Никодима Ленкеевича положила начало организации школьного обучения калмыцких детей.

17 июня 1734 г. Синод направил архимандрита Никодима в распоряжение архиепископства Киевского и Галицкого Рафаила, а главой миссии стал архимандрит Мефодий, не имевший опыта миссионерской деятельности и не знавший калмыцкого языка [2, с. 460, 461]. На тот момент миссия располагала только двумя священниками, что привело к снижению качества ее работы. Православные калмыки, оставшиеся без должного миссионерского попечения, стали отходить от христианства [6, л. 453].

Важным законодательным актом по отношению к миссионерству среди инородцев Российской империи был указ Екатерины II от 20 февраля 1764 г., который предписывал иноверцам «мужского полу отцам сыновьям за восприятие веры греческого исповедания … из числа сколько кому оного сверх трехлетней льготы дать надлежит для зачету мужскому полу в подушный сбор давать им квитанции, по которым квитанциям по прошествии данной им трехлетней льготы засчитать оплату подушного сбору» [10, с. 140]. В то же время русские власти исходили, прежде всего, из целей защиты интересов империи: принцип религиозной терпимости соблюдался настолько, «насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [10, с. 140]. Исходя из этого, можно констатировать, что государство отказалось от политики всеобщей христианизации неправославной части населения.

Согласно указу ликвидации подвергалась христианская миссия для нерусских народов Поволжья – Новокрещенная контора, образованная еще в 1731 г. для казанских и нижегородских мусульман. То есть, фактом закрытия конторы было признано, что последняя, как миссионерское учреждение, не может более существовать в своем прежнем виде, что результаты ее деятельности и различные мероприятия показали ее несостоятельность. Кроме того, указ определил приоритеты последующей миссионерской деятельности,

которые ложились на плечи местных преосвященников.

В числе мер к распространению и утверждению православия среди калмыков применялось такое средство как походно-улусная церковь. 8 июля 1762 г. Коллегия Иностранных дел, по представлению состоявшего при Комиссии калмыцких дел бригадира Бехтеева, предписала Астраханской губернской канцелярии выделить одну тысячу рублей на постройку походной церкви, которая была бы «непостыдная от азиатских народов» [13, с. 36]. Что и было исполнено.

Что касается количества калмыков, принявших православие в 60–70-х гг., то данные на этот счет разнятся. Так, в 1764 г. более 200 семей калмыков Ик-цаатновского рода Яндыковского улуса, кочевавшие по северо-западному побережью Каспийского моря, изъявили желание перейти в христианство. Вследствие этого, они были выведены из под власти своих правителей и, после крещения, приписаны к ведомству Астраханского епархиального начальства, поступив в состав Моздокского полка Терского войска [3, с. 165–166].

В 1774 г. 10 семей умершего в Санкт-Петербурге нойона Яндыка по их просьбе были приобщены к таинству крещения. Но уже 2 августа того же года они подали на имя астраханского губернатора П. Н. Кречетникова прошение, в котором выражали недовольство тем, что Астраханская губернская канцелярия поступила с ними несправедливо – отдав их в вечное и потомственное холопство бывшему губернатору Бекетову Н. А.

8 июля 1780 г. 64 калмыка обоего пола (40 мужчин и 24 женщины при 18 кибитках) Дербетовского улуса, проживающие близ Калмыцкого Базара, подали коллективное прошение о своем желании принять православие. Что было связано с тем, что они находились в кабале у переводчика Везелева, которому, в свою очередь, продал бывший их нойон Ценден. Крещение было проведено 23 сентября священником проповедников Петром Васильевым, однако, скорее всего, этих калмыков вернули бывшему хозяину, так как он их купил до принятия христианства и на руках у него были все документы, доказывающие законности покупки. Ни светские государственные органы, ни ходатайство местных церковных иерархов так и не смогли преломить ситуацию [13, с. 36].

По сведениям Астраханского Калмыцкого управления, калмыков принявших православие в 1765 г. насчитывалось 28 человек, 1775 г. – 37, 1783 г. – 27, 1791 г. – 898 человек обоего пола [4, с. 154]. Вероятнее всего, эти сведения неполные, так как выявленные материалы показывают большие противоречия между сведениями Астраханского Калмыцкого управления, данными Астраханской Духовной консистории и Московской Синодальной конторы. Но это уже дело будущих, дальнейших исследований.

Нельзя не учитывать и того факта, что успеху деятельности православных миссий способствовали сами правители калмыцких улусов. Так, дети калмыцкого хана Дондук-Омбо и его жены княжны Джан-Рандул, Додьба и Асарай, приняли христианство. Самым известным из них является Додьба, который являлся правителем Багацохуровского улуса под именем Алексея Дондукова и был ревностным христианином [11, с. 580].

Между тем одним из самых важных факторов негативного последствия миссионерства среди калмыков стал их уход из России в 1771 г., а также последующие события. Так, по мере увеличения переселенческого населения в Ставропольской губернии, участились взаимные претензии и ссоры из-за пахотных земель и водопоев [1, с. 612]. Недовольство и набеги калмыков приняли еще больший размах, что было связано с ограничительными мерами правительства по отношению, как к населению Калмыцкого ханства, так и к самому наместнику Убаши, с увеличением русскоязычного населения в крае, строительством казачьих станиц по берегам Волги и военных поселений по Волге, Уралу, Самаре и Тереку. Кроме того, в калмыцкие улусы для наблюдения за калмыками назначались особые чиновники – приставы, которые злоупотребляли своей властью. Так, без их особого разрешения калмыки не могли покинуть свои улусы по своим делам, а жалобы, подаваемые ими, возвращались тем же приставам для разбирательства. К тому же, в улусах начинают циркулировать слухи о том, что на имя астраханского губернатора последовал указ о наборе в солдаты 10 тысяч калмыков и 5 тысяч перевести в казачье сословие. Тем более, что 5 тысяч калмыков уже действовали в Молдавии в составе войск князя Прозоровского.

Все это, вкупе с деятельностью одного из претендентов на ханский престол Цебека–Дорджи, который через бегство из России надеялся при помощи влиятельного духовенства и крупных нойонов стать ханом, а также нойонов Бамбара и Шиаренга, привели к трагедии 1771 г., когда большая часть калмыцкого народа навсегда покинула пределы Российского государств. Вместе с ними ушла и как-то часть калмыков, принявших православие. Здесь на Волге осталось только около 13 тысяч кибиток.

В отношении же к оставшимся крещеным калмыкам наблюдается усиление тенденции к их закрепощению за отдельными лицами, а также практикуется их покупка и продажа. Закрепощение крещеных калмыков со стороны русских властей привело к тому, что принявшие православие, подстрекаемые ламаистским духовенством, откочевывают за Куму. Сюда, также, откочевали и крещеные калмыки Моздокского полка Терского войска.

После подавления пугачевского восстания русское правительство, с целью снижения накала недовольства среди населения Поволжья и Урала, запретило все мероприятия по ограничению местных верований, в том числе и буддизма-ламаизма. 17 июня 1773 г. Святейшему Синоду был дан указ о свободе всех вероисповеданий, а архиереям было запрещено касаться религиозных дел инородцев, как-то строительство молельных домов по их обычаям. Все дела, касательно религии, передавались в ведомство светских властей.

Таким образом, мы приходим к выводу, что события первой половины 70-х гг. XVIII в. вынудили правительство проводит более мягкую религиозную политику по отношению к оставшемуся населению Калмыцкой степи Астраханской губернии.

В целом можно сделать следующие выводам.

В-первых, уже в процессе вхождения калмыков в состав России, который продолжался вплоть до начала второй половины XVII в. появились крещеные калмыки. И с самого начала отношений между царской властью и новыми инородцами правительство оказывало покровительство новокрещенным, принимало их в русских городах и старалось, по мере возможности, оградить их от притязаний со стороны владельцев-нойонов.

Во-вторых, рост новокрещенных калмыков объяснялось, как желанием убежать от своих феодалов-владельцев, так и по причине избежать наказания за проступки, которые имели место в калмыцких улусах.

В-третьих, царское правительство в своей политике не только поощряло принятие христианства инородцами различными посулами (перевод в казачье сословие и наделение им жалованья), но и выделяло им специальные места для проживания в виде определенных городов (например, г. Чугуев).

В-четвертых, очевидным и вполне естественным было сопротивление к крещению калмыков-простолюдинов со стороны их местных владельцев и самих ханов, которое в том числе проявлялось в просьбах по отношению к высшей российской власти.

В-пятых, исследуемые период условно можно разделить на два этапа: 1) с последней трети XVII в. по начало XVIII в. (до 1720 г.); 2) с 1720 г. (именно в этот год впервые появляются законодательные акты о льготах для новокрещенных калмыков) и до конца XVIII вв.

В-шестых, можно сказать, что в общекультурном плане деятельность Русской Православной миссии по крещению калмыков имела положительное значение, но в узкоконфессиональном смысле она не достигла желаемого результата.

Источники и литература

1. Витевский В. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типолитогр. В.М. Ключникова, 1897. 708 с.

2. Гурий (Степанов А. П.). Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. №3. С. 434-492.

3. Костенков К.И. Калмыки Моздокского казачьего полка (необходимое прибавление к статистическим сведениям о калмыках) // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869. С. 165-171.

4. Костенков К. И. О распространении христианства у калмыков / сост. гл. попечитель калмыц. народа полк. К. Костенков. Санкт-Петербург: печатня В. Головина, 1869. [2], 57 с.; 23.

5. Максимов К. Н. Инкорпорирование части калмыков в состав Войска Донского в XVII–XVIII вв. // Былые годы. 2011. No. 3 (21). С. 16-25.

6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 6 об.; НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л.7 об.

7. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. Санкт-Петербург: Типография Карла Крайя,1834. 287 с.

8. Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. I. № 540. С. 925; Т. II. № 990. С. 497; Т. III. № 1591. С. 331; Т. V. № 3001. С. 202; Т. VI. № 3637. С. 234-235; Т. VII. № 4427. С. 207.

9. Пронштейн А. П. Земля донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1961. 377 с.

10. Софронов В. Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета: Алтайский государственный университет. № 4-2 (56), 2007. С. 138-144.

11. Терещенко А. В. О обращении калмыков в православную веру // Астраханские епархиальные ведомости. 1881. №37. С. 579-584.

12. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии; Калмыцкий Институт Общественных Наук РАН, 1992. 319 с.

13. Юштин Ф. М. Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками // Астраханские епархиальные ведомости. 1883. № 21–24.

References

1. Vitevskiy V. N. Neplyuyev i Orenburgskiy kray v prezhnem yego sostave do 1758 g. *(Neplyuev and the Orenburg Territory in its Former Composition until 1758)*. Kazan': V. M. Klyuchnikov's Printing House, 1897. 708 p. (In Russian).

2. Guriy (Stepanov A. P.). Pervaya pravoslavnaya missiya kalmykov i yeye istoricheskaya zhizn' *(The First Orthodox Mission of the Kalmyks and its Historical Life)* // Pravoslavnyy sobesednik. 1914. No. 3. P. 434-492. (In Russian).

3. Kostenkov K. I. Kalmyki Mozdokskogo kazach'yego polka (neobkhodimoye pribavleniye k statisticheskim svedeniyam o kalmykakh) *(The Kalmyks of the Mozdok Cossack Regiment (A Necessary Addition to the Statistical Information about the Kalmyks)* // Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vyp. 1. Astrakhan', 1869. S. 165-171. (In Russian).

4. Kostenkov K. I. O rasprostranenii khristianstva u kalmykov *(On the Spread of Christianity among the Kalmyks)*. Sankt-Peterburg: V. Golovin's printing house, 1869. [2], 57 p.; 23. (In Russian).

5. Maksimov K. N. Inkorporirovaniye chasti kalmykov v sostav Voyska Donskogo v XVII–XVIII vv. *(Incorporating a Part of the Kalmyks into the Donskoye Host)* // Bylyye gody. 2011. No. 3 (21). P. 16-25. (In Russian).

6. National archive of Republic of Tatarstan (NA RT). F. 10. Inv. 2. D. 1248. L. 6 ob.; F. 10. Inv. 2. D. 1248. L.7 ob. (In Russian).

7. Nefed'yev N. Podrobnyye svedeniya o volzhskikh kalmykakh *(Details of the Volga Kalmyks)*. St. Peterburg: Karla Kray's printing house, 1834. 287 p. (In Russian).

8. Polnoye Sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ) *(Complete Collection of Laws of the Russian Empire)*. St. Peterburg, 1830. Vol. I. No.540. P. 925; Vol. II. No. 990. P.497; Vol. III. No.1591. P.331; Vol. V. No 3001. P.202; Vol.VI. No.3637. P. 234-235; Vol. VII. No. 4427. P. 207. (In Russian).

9. Pronshteyn A. P. Zemlya donskaya v XVIII veke *(The Don Land in the XVIII Century)*. Rostov on Don: Rostov universitety, 1961. 377 p. (In Russian).

10. Sofronov V. Yu. Gosudarstvennoye zakonodatel'stvo Rossii po konfessional'nym voprosam i pravoslavnoye missionerstvo v kontse XVII – nachale XX v. *(The State Legislation of Russia on Confessional Issues and Orthodox Missionary Activity at the End of the 17th – Early 20th Centuries)* // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta: Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 2007. No. 4-2 (56). P. 138-144. (In Russian).

11. Tereshchenko A. V. O obrashchenii kalmykov v pravoslavnuyu veru (On the Conversion of the Kalmyks to the Orthodox Faith) // Astrakhanskiye yeparkhial'nyye vedomosti. 1881. No. 37. P. 579-584. (In Russian).

12. Shovunov K. P. Kalmyki v sostave rossiyskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII–XIX vv.) *(The Kalmyks in the Russian Cossacks (Second Half of the XVII–XIX centuries)*. Elista: Soyuz kazakov Kalmykii; Kalmytskiy Institut Obshchestvennykh Nauk RAN, 1992. 319 p. (In Russian).

13. Yushtin F. M. Obozreniye meropriyatiy pravitel'stva k rasprostraneniyu khristianstva mezhdu kalmykami *(Review of Government Measures to Spread Christianity among the Kalmyks)* // Astrakhanskiye yeparkhial'nyye vedomosti 1883. №21-24). (In Russian).

УДК 069.1: 172.15(470.630)

С. М. Дугинец

ОТРАЖЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ СТАВРОПОЛЬЯ В 1917–1941 ГОДЫ

В статье рассматривается деятельность музеев в вопросах сохранения культурного-исторического наследия в музеях Ставрополья и Кавказских Минеральных Вод. В это время музеи продолжают свою работу и активно документируют процессы, происходившие в регионе в переломный момент. Собрание Центрального народного музея им. М. В. Праве в этот период расширилось за счет присоединения к нему коллекций музеев, закрытых новой властью по идеологическим причинам (Музей 83-го Самурского полка, Епархиальный церковно-археологический музей). Интерес представляет и судьба Военно-исторического музея «Храм Славы». Показана динамика развития музейной сети региона, открытие музеев нового типа – музеев революции в Пятигорске и Кисловодске. Знаковым событием стало объединение музея Северного Кавказа и музея им. М. В. Праве на базе последнего. Изменения, происходившие в стране, вызвали и изменение содержания экспозиций музеев, в которой ведущее место занимает пропаганда нового политического строя и показ улучшения качества жизни населения страны после революции. Главным направлением деятельности стала массово-просветительская работа. Также изменился вектор собирательской работы сотрудников музеев, которая в связи с закреплением роли музея как массово-просветительского учреждения стала носить нерегулярный характер.

Ключевые слова: музей, культурное наследие, коллекция, война, революция, патриотизм, воспитание, Ставрополье.

S. M. Duginets

PATRIOTIC THEMES IN THE WORK OF MUSEUMS OF THE STAVROPOL TERRITORY IN 1917–1941

The article examines the activities of museums in preserving the cultural and historical heritage in the museums of Stavropol and the Caucasus Mineral Waters. That time museums continued their work and actively documented the processes that took place in the region at the turning point. The collection of the Central People's Museum named after M. V. Prave during that period expanded due to the accession of collections taken from the museums closed by new authorities for ideological reasons (Museum of the 83rd Samursky Regiment, Diocesan Church and Archaeological Museum). The fate of the Military History Museum "The Temple of Glory" is also of interest. The dynamics of the development of the museum network of the region, the opening of museums of a new type – the museums of the revolution in Pyatigorsk and Kislovodsk – are shown. A significant event was the merger of the Museum of the North Caucasus and the Museum named after M. V. Prave on the basis of the latter. The changes that took place in the country caused a change in the content of museum expositions; the leading place was occupied by the propaganda of the new political system and the demonstration of the improvement of the quality of life of the country's population after the revolution. The main activity was mass educational work. The vector of museum collecting work changed as due to the fact that the role of the museum shifted to the one of a mass educational institution it became occaisional.

Key words: museum, cultural heritage, collection, war, revolution, patriotism, education, Stavropol.

Музей во все времена обладает весомым образовательно-воспитательным потенциалом, так как он сохраняет и экспонирует подлинные исторические материалы и документы. Эффективное использование этого потенциала для воспитания граждан в духе патриотизма, гражданского самосознания, высокой нравственности является одной из важнейших задач любого музея. Именно поэтому сохранению и популяризации музейных предметов патриотической направленности уделяется большое внимание.

В работах музейных работников и педагогов высших и средних учебных заведений проблема применения образовательных возможностей музеев поднимается на протяжении многих лет. Но в основном рассматриваются вопросы необходимости использования музея в патриотическом воспитании учащихся, приводятся различные варианты форм и методов данной работы [27; 33].

В. Е. Туманов рассматривает возможные формы работы школьного музея в патриотическом воспитании учащихся, дает методические рекомендации. В его работе также представлен краткий исторический очерк по созданию школьных музеев в России [32].

Динамика социальных функций музеев в исторической ретроспективе рассматривалась А. Б. Закс. В своей работе автор показала, что в конкретные

периоды советской истории они были связаны не только с общественными запросами и потребностями, но и с политикой органов власти, включающих музей в русло идеологической работы [22].

В работах сотрудников Ставропольского краевого музея есть обзор музейных коллекций по патриотической тематике – о политическом плакате первых лет советской власти, о теме «Ленин и Ставрополье» [2; 23]. Немало интересных фактов по данной теме встречается и в работах В. В. Госданкера [17; 18; 19; 20].

Однако на данный момент нет ни одной научной работы, комплексно рассматривающей характер представления патриотической тематики в музеях Ставропольского края в годы советской власти.

Цель настоящей статьи: проследить динамику отражения патриотической тематики в музеях Ставрополья в 1917–1941 гг. с тем, чтобы ликвидировать это «белое» пятно в истории региона.

К началу 1917 г. на Ставрополье существовало несколько музеев, среди которых значимое место занимали Музей Северного Кавказа, Ставропольский городской музей наглядных учебных пособий им. М. В. Праве, музей «Домик Лермонтова» и Музей Кавказского горного общества. Когда революционные события дошли до Ставрополя, в газете «Известия Ставропольского губернского Комитета общественной безопасности» от 9 апреля 1917 г. сообщалось, что при городском музее им. Праве создается отдел революции, в котором предлагалось сохранить все лозунги революции, «имевшиеся на знаменах в незабвенные для ставропольцев 8 и 12 марта». Также предлагалось передавать в музей все произведения печати: газеты, журналы, воззвания, объявления, вышедшие в дни революции, а также фотографические снимки и картины, изображающие отдельные моменты революционных дней и событий новой жизни.

В октябре 1917 г. к власти в России пришла партия большевиков, провозгласившая курс на созидание основ нового, коммунистического общества. Повсеместно была развернута работа по сбору и охране исторических и художественных памятников. Необходимым в те годы считалась передача культурных ценностей из рук эксплуататоров в руки народа. Власть видела музей одновременно и как центр сохранения памятников старины и искусства, и как центр просвещения граждан.

В мае 1918 г. в одном из особняков г. Ставрополя было обнаружено собрание по истории Кавказской войны Военно-исторического музея «Храм Славы», вывезенное в годы Первой мировой войны из Тифлиса в связи с угрозой проникновения Турции в Закавказье. В дни захвата власти в городе белыми и перехода города из рук в руки, исключительно благодаря своей личной инициативе и преданности делу сотрудники сумели сохранить от разграбления и гибели колоссальные исторические ценности, хранящиеся в музее. Согласно архивным документам тех лет, музейное собрание, вывезенное в Ставрополь, было колоссально: 12 больших ящиков полковых знамен, большое количество серебряных труб и столовых приборов, принадлежащих ранее различным кавказским полкам, золотые и серебряные монеты, ордена и медали. Особенно ценным можно признать собрание больших масляных полотен Ф. А. Рубо, Н. С. Самокиша, И. К. Айвазовского, большую коллекцию портретов деятелей покорения Кавказа, а также редкие гравюры и литографии.

Собрание музея «Храм Славы» было уникальным. В нем были представлены предметы вооружения, униформа, полковые знаки отличия (штандарты, знамена, значки и жетоны), боевые трофеи, образцы трофейного оружия и трофейных персидских, турецких и горских знамен. Особую ценность представляли личные вещи, принадлежащие Кавказскому наместнику М. С. Воронцову, Командующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу, генералу Н. И. Евдокимову, а также печать Главного штаба Кавказской армии и ключи покоренных крепостей – Эривани, Тавриза. Отдельно можно выделить экспонаты, не связанные с военной тематикой – это портреты известных русских писателей, чья жизнь и творчество связаны с Кавказом – А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, а также роговая ложка, подаренная А. С. Грибоедову его невестой княжной Н. А. Чавчавадзе [25, с. 208–213].

В 1920 г. по распоряжению Председателя губернского революционного комитета изделия из золота и серебра были переданы на хранение в расчетно-кассовый подотдел губернского финансового отдела. [7, л. 4–5] Все остальное имущество музея было передано постановлением Совета Народных Комиссаров в собственность Ставропольского центрального народного музея Праве [29, л. 21].

Уникальная музейная коллекция «Храма Славы», сохранившаяся практически в целостности в годы революции и Гражданской войны, в дальнейшем оказалась невостребованной в новых социально-политических условиях. В 1922 г. часть музея «Храм Славы» по распоряжению Главмузея была отправлена в Московский военно-исторический музей. В феврале 1923 г. руководство музея передало остатки музейной коллекции представителю Наркомпроса Республики Грузии С. Н. Какабадзе [4, л. 26, 30.; 30, л. 2]. Отдельные материалы музея были переданы в Государственный исторический музей Грузии и фонды Государственного музея искусств Грузии. Впоследствии знамена, ордена, различное оружие и предметы обмундирования использовались в грузинском кинематографе как реквизит во время съемок исторических фильмов с батальными сценами [25, с. 214].

Несмотря на сложности революционного времени, продолжало развиваться музейное дело на Кавказских Минеральных Водах. 8 декабря 1918 г. отдел народного просвещения Кисловодского Совета народных депутатов устроил народный праздник – чествование памяти знаменитого гражданина Кисловодска Н. А. Ярошенко и основание музея его имени в доме, где он жил и скон-

чался. Жена художника хотела завещать «Белую виллу» для музея, где предполагала поместить все картины самого Николая Александровича и его современников и товарищей по передвижным выставкам, портреты, письма, книги, с автографами всех писателей, которые были близки к ее кружку, дневники, заметки [21, с. 96]. По воспоминаниям М. В. Нестерова, выдающегося художника и друга семьи Ярошенко, большую роль в сохранении усадьбы и создании музея сыграли В. И. Ленин и Н. К. Крупская, которые любили и ценили творчество Ярошенко [34].

Первый музей Ярошенко во многом был создан по инициативе профессора А. П. Нечаева. Книги Н. А. Ярошенко легли в основу первой в Кисловодске Народной библиотеки. Но музей и библиотека просуществовали недолго. Занявшие город в январе 1919 г. казаки «волчьей сотни» Шкуро, разграбили музей и библиотеку. По воспоминаниям очевидцев, захватившие Кисловодск белогвардейцы ликвидировали музей в одну ночь. Весной 1920 г. Кисловодск был освобожден от белогвардейцев и началось новое курортное строительство. Усадьба Ярошенко была передана в ведение кардиологической клиники им. В. И. Ленина. «Белую виллу» передали под жилье для ее сотрудников.

Н. А. Ярошенко – выпускник Михайловской артиллерийской академии, более четверти века проработал на Санкт-Петербургском патронном заводе, генерал-майор, член Товарищества передвижных художественных выставок. Содержанием жанровых картин художника служили преимущественно «мотивы гражданской скорби». Существенным вкладом Ярошенко в русскую живопись стал цикл картин, посвященный передовой русской молодежи, разночинному революционному студенчеству. Он впервые в русском искусстве изобразил учащуюся женщину. В своих работах художник стремился выразить дух времени. Удавались Ярошенко своеобразные исторические образы, портреты выдающихся людей второй половины XIX в., современников художника. Несмотря на его многолетнюю службу Ярошенко в царской армии, новая власть признавала художественные заслуги художника и считала его работы достойными сохранения и помещения их в музей. Многие годы основное внимание в его биографии отводилось именно творческой деятельности. И до сих пор не многие искусствоведы знают о его роли в развитии военной оборонной промышленности [1].

В то же время в новых исторических условиях шел процесс ликвидации тех музейных учреждений, идейная направленность которых не соответствовала требованиям времени. Прекратили свое существование полковые музеи дореволюционной России, которые создавались к юбилеям воинских частей и содержались на средства офицеров. Большая часть их фондов была передана в крупные музеи.

Так, решением Ставропольского губернского совета народного образования от 3 июня 1918 г. музей и библиотека бывшего Самурского полка были переданы в собственность городского музея им. М. В. Праве. 83-й Самурский пехотный полк имел свой музей, в котором были представлены образцы вооружения русской армии, оружие кавказского, персидского и турецкого происхождения – трофеи с тех мест, где сражались самурцы, коллекция фронтовых рисунков, фотоальбомы о жизни полка, рукописи воспоминаний офицеров полка. Еще в 1914 г., когда полк убывал в действующую армию, он передал музею Праве свою коллекцию старинного холодного и огнестрельного оружия до тысячи экземпляров. В 1917 г. полк всецело поддержал идеи Февральской революции, а в годы Гражданской войны в полном составе влился в белую Добровольческую армию. Поэтому в годы советской власти это собрание было незаслуженно забыто, не изучалось и не экспонировалось в музее.

Прекратили свое существование и церковно-археологические музеи, существовавшие при духовных академиях, церковно-археологических комитетах и обществах. В марте 1920 г. ввиду перехода музея дирекции Народных училищ в ведение отдела народного образования Губернский отдел народного образования просил немедленно принять имущество музея дирекции в Музей им. М. В. Праве. В 1921 г. в Центральный народный музей были переданы материалы Епархиального церковно-археологического музея. Во многом эта передача была вызвана требованием военных властей территориального пехотного полка освободить помещения, занимаемые музеем [6, л. 12, 49; 7, л. 4–5].

Эти обстоятельства позволили в годы Гражданской войны существенно расширить собрание городского музея им. М. В. Праве. Благодаря этим пополнениям бывший музей наглядных учебных пособий стал превращаться в историко-краеведческий музей. Тем не менее, большая часть этих музейных предметов на долгие годы осела в фондах музея. На первый план в экспозиционной работе того времени стали выходить пропаганда нового политического строя и показ улучшения качества жизни населения страны после революции. Главным направлением деятельности стала массово-просветительская работа, проводить которую необходимо было и вне музея. Для этого сотрудники организовывали выставки-передвижки, читали лекции по различным направлениям. Особое внимание уделялось пропаганде патриотизма.

В открытом в начале 1920-х гг. районном музее в селе Терновское отдельное внимание было уделено военно-политическим вопросам – революционной борьбе с деникинщиной, показаны жертвы Мировой и Гражданской войны и дворянско-помещичьего террора [24].

В 1927 г. произошло объединение Музея Северного Кавказа (краеведческого профиля) и Музея им. М. В. Праве на базе последнего. В результате произошло изменение экспозиции. Это вполне соответствовало духу времени, так как в 1920-е гг. гуманитарные науки новой властью были признаны буржуазными, а новые – общественные – сводились к политической грамотности [3, с. 53].

Политика советской власти в области науки и культуры требовала развития сети исторических музеев как важного фактора в образовании и воспитании народа. Повсеместно создавались исторические музеи и музеи революции. В 1919 г. был основан Музей Революции в Петрограде. К концу 1920-х гг. Северо-Кавказском крае насчитывалось 10 музеев революции и историко-революционных отделов краеведческих музеев [5, л. 44].

В 1929 г. на основе материалов Истпарта в Пятигорске был организован Музей революции. В 1934 г. музею было выделено здание бывшей армянской церкви. Музей представлял собой собрание 2000 фотоснимков, 250 вещественных экспонатов-макетов, оружия и скульптур, отражающих революционное движение на Северном Кавказе, разгром армии Деникина. В 1935 г. в музее была открыта новая экспозиция, состоящая из трех отделов – историко-революционного и истории ВКП(б); гражданской войны и соцстроительства [12, л. 7–8]. Помогали музею в его работе и другие учреждения. В 1932 г. музей «Домик Лермонтова» выделил 100 рублей музею революции на покупку выставки [15, л. 16].

При музее до 9 декабря 1935 г. действовало краевое общество друзей музеев революции, работа которого была направлена на привлечение масс к собиранию материалов, воспоминаний, рукописей, связанных с революционными событиями. Постановлением Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета от 9 декабря 1935 г. общество было ликвидировано, а все его имущество было передано краевому музею революции [13, л. 36; 14, л. 56].

Жители края также принимали участие в пополнении фондов музея. В 1935 гг. учитель неполной средней школы с. Курсавка Дмитриев передал музею снаряды времен боев с белобандитами в Курсавском районе в Гражданскую войну [28].

О том, насколько серьезно относились власти региона к музею революции и его воздействию на посетителей, говорит следующий факт. Для выявления неточностей в экспозиции музея работала комиссия в составе историка профессора Н. Г. Буркина, председателя Северо-Кавказского общества старых большевиков Челкеса, прокурора Северо-Кавказского края Андреева с участием инструктора культпропа ВКП(б), которая рекомендовала внести определенные изменения в экспозицию – дать дополнительные цитаты Ленина, изъять цитаты из выступления Троцкого на II съезде партии и т.п. [12, л. 7–8].

В Кисловодске также функционировал музей революции. Состоял он из отделов «История революционного движения в России с XVIII в. до Октябрьской революции», «Гражданская война на Северном Кавказе» и «Гражданская война в Кисловодске» [26, с. 102].

Решением Президиума Северо-Кавказского исполнительного комитета 10 августа 1936 г. музеи революции Пятигорска и Кисловодска были объединены в один музей – краевой музей революции с нахождением в Пятигорске [8, л. 1–5].

Музеи в те годы были активно включены в политическую жизнь. В каждом музее действовала своя партийная организация. На заседании бюро Пятигорского горкома ВКП(б) заслушивался вопрос «О контрреволюционном зиновьевско-троцкистском выступлении в парторганизации музея революции». За «притупление большевистской бдительности» парторгу музейной организации и инструктору горкома партии были объявлены строгие выговоры и на несколько лет они были отстранены от партийной работы [16, с. 260–262].

Власть жестко контролировала идеологическое содержание музейных коллекций. После начала «Дела Ленинградского террористического зиновьевского центра» и ареста Зиновьева и Каменева в начале 1935 г., из сборников, принадлежащих музею горских народов, были изъяты фотоснимки по причине нахождения на них Зиновьева, Каменева и Троцкого [11, л. 53].

Документы советской власти строго регламентировали экспозиционно-выставочную работу музеев. В 1936 г. Северо-Кавказский краевой отдел народного образования разработал и разослал директорам музеев края тематику выставок-передвижек по обслуживанию весенне-посевной кампании музеями края, в числе которых были «Курорты до и после революции», «Роль С. М. Кирова и Орджоникидзе в советизации Северо-Кавказского края» [10, л. 164].

Личностям С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе в экспозиционной деятельности северокавказских музеев уделялось большое внимание. В своем письме директор Пятигорского музея революции председателю Пятигорского горсовета указывал, что задача популяризации революционной деятельности И. В. Сталина, С. М. Кирова и С. Орджоникидзе как людей, с чьими именами связана история Северо-Кавказского края, должна занимать в музее революции исключительное место [13, л. 74–76].

В 1938 г. в Ставропольском краевом музее открылся отдел по истории края, где была создана панорама взятия Ставрополя красными в феврале 1920 г. Новая экспозиция отдела истории музея строилась по общероссийской концепции, разработанной в кратком курсе истории ВКП(б). Внимание акцентировалось на классовую борьбу и революционное движение. Как и в большинстве периферийных музеев, в экспозиции ставропольского музея преобладал общероссийский материал, а местный – служил всего лишь дополнением. В экспозиции было много текстового и графического материала, цитат, диаграмм, фотографий [3, с. 53].

В решениях и приказах руководящих органов 1930-х гг. прослеживается новое направление в деятельности музеев – повышенное внимание к организации массовой пропаганды. Количество человек, посетивших музей, стало главным показателем эффективности его работы. Музеи должны были убедить массы в правильности и необходимости намеченных правительством преобразований в области экономики, политики, идеологии.

Все это проходило на фоне уменьшения внимания к научно-исследовательской и фондовой работе. Лишь по мере возможностей сотрудники музея продолжали проводить научно-исследовательскую работу. Однако и ее тематика тоже носила революционную направленность, например, о боевом пути 11-й и Таманской армий [31, л. 45–47]. Экспедиция проводилась с участниками освобождения Ставрополя от белогвардейцев.

В 1938 г. обязательным было участие всех краеведческих музеев в праздновании 60-летия со дня рождения И. В. Сталина. Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса рекомендовал все усилия приложить к построению и пополнению основной экспозиции музея, не сводя мероприятия музея к переходящей выставке. В плане мероприятий было предусмотрено окончание оформления отделов социалистического строительства, показ в экспозиции сталинской конституции [9, л. 37].

Накануне Великой Отечественной войны советское и партийное руководство страны уделяло особое внимание патриотическому воспитанию молодежи и трудящихся. Оно велось на основе возвращения к историческим и культурным ценностям отечественной истории. Широко пропагандировалась деятельность Александра Невского, Дмитрия Донского, К. Минина, А. М. Пожарского, А. В. Суворова, М. И. Кутузова и др. Иван Грозный и Петр I провозглашались образцовыми государственными деятелями. В 1937 г. было торжественно отмечено 125-летие Бородинской битвы и 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война советского народа против военно-фашистских захватчиков изменила дальнейшее развитие музейного дела страны.

На основе изложенного материала можно говорить, что 1920-е г. были сложными для музейного дела. С одной стороны, была сформирована музейная сеть страны и органы управления ею. Сложилась структура управления музеями на Ставрополье и в регионе Кавказских Минеральных вод. Музеи, пережив Гражданскую войну, сохранили не только свои коллекции, но и частные, а также занимались сохранением памятников культуры в регионе. Сотрудники музеев региона активно начали сбор материалов, связанный с революционными событиями и Гражданской войны. С другой стороны не обошлось и без потерь. В сложные годы, при катастрофическом недофинансировании учреждений культуры, погибали музейные коллекции и ценные экспонаты. Пострадали в сложные годы и музеи Ставрополья. Они подвергались разграблениям, из-за острой нехватки финансирования погибали музейные коллекции. Часть музеев по идеологическим причинам была закрыта, а их собрания переданы в краевые музеи. Многие материалы этих музеев на многие годы были незаслуженно забыты. Но то же время начинается сбор материалов историко-революционной направленности. В фонды ставропольских музеев поступают материалы о героях революции и Гражданской войны. Эти материалы начинают занимать главное место в изменившейся экспозиции музеев.

К концу 1920-х гг. положение музеев начинает стабилизироваться. Наблюдается увеличение числа музеев в стране и на Ставрополье. Большое внимание в деятельности музеев уделяется популяризации материалов патриотической направленности.

Но на протяжении 1920–1930-х гг. органы власти рассматривали музей как проводник новой политики государства, как центр сохранения памятников старины и искусства и центр просвещения граждан в духе новой идеологии. Культурно-просветительной работе придавался массовый характер. Изменилось направление экспозиционной деятельности музеев. Содержание экспозиции должно было демонстрировать достижения нового советского государства. Во многом это стало возможным благодаря пропаганде героических успехов страны и ее населения.

Источники и литература

1. Абрамов Е. П. «Судьба нас редко сталкивает с такими многогранными натурами…» Артиллерист и художник генерал-майор Н. А. Ярошенко // Военно-исторический журнал. 2016. №12. С. 65-69.

2. Бахтояров И. И. С именем В. И. Ленина (материалы на тему «Ленин и Ставрополье» в фондах и экспозиции Ставропольского краевого музея им. Г. К. Праве) // Материалы по изучению Ставропольского края. 1964. Вып. 11. С. 264-269.

3. Булыгина Т. А. Музейная экспозиция как источник интеллектуальной истории локального сообщества (на примере СГМЗ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве) // Прозрителевские чтения: сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 2 (научное издание) / под ред. С. Н. Савенко. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2006. С. 52-55.

4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 302.

5. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 17. Д. 54.

6. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 2.

7. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 10.

8. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 83.

9. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 135.

10. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 33.

11. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 66.

12. ГАСК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 3.

13. ГАСК. Ф.Р-1078. Оп. 1. Д. 4.

14. ГАСК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 6.

15. ГАСК. Ф. Р-3020. Оп. 1. Д. 12а.

16. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940 годах: сборник документов / сост. Г. А. Никитенко, Т. Н. Колпикова. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010.
17. Госданкер В. В. Дорогие реликвии (К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина) // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 10. Ставрополь: [б.и.], 1960. С. 3-6.
18. Госданкер В. В. Мемориальный фонд Ставропольского краевого музея // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь: [б.и.], 1964. С. 326-332.
19. Госданкер В. В. Непрошедшее время: субъективные записки старого музейщика. Ставрополь: СГУ, 2009. 200 с.
20. Госданкер В. В. От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). Ставрополь: СГУ, 2005. 251 с.
21. Дудкина Т. Притяжение «Белой виллы» // Земля Ставропольская. Вып. 49. С. 95-101.
22. Закс А. Б. Динамика социальных функций музеев СССР // Музееведение. Музеи мира. Сб. научн.тр. / НИИ культуры. М., 1991. С. 51-65.
23. Ежов А. В., Барер С. Д. Политический плакат первых лет советской власти в экспозициях и фондах Ставропольского краевого краеведческого музея // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. 1964. С. 270-275.
24. Игнатенко Ф. В. М. Малиночка – учитель школы с. Терновского Ставропольской губернии // Власть Советов. 1923. №923. 13 мая. С. 2.
25. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / под ред. А. А. Кудрявцева. М.: Каллиграф, 2015. 240 с.
26. Леонидов Л. П. Кисловодск. Справочник по Кисловодскому курорту. 2-е издание. Пятигорск: Орджоникидзевск. краев. гос. изд-во, 1937. 102 с.
27. Осипова И. И. Роль музея в военно-патриотическом воспитании школьников // IX Ушаковские чтения. [Мурманск, 14–16 марта 2012г]: сборник научных статей. Мурманск, МГГУ, 2013. С. 362-366.
28. Партизанские снаряды // Северо-Кавказский большевик. 1935. №65 (317). 18 марта. С.4.
29. Ставропольский государственный музей-заповедник (далее – СГМЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
30. СГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
31. СГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12.
32. Туманов В. Е. Школьный музей. Методическое пособие. М.: ЦДЮТиК, 2002. 154 с.
33. Щербаков С. А., Седельникова Н. А. Роль районного музея в патриотическом воспитании школьников // Молодой ученый. №31(165). 2017. С. 50-51.
34. Музей-усадьба художника Ярошенко. URL: http://museumyaroshenko.ru/history (Дата обращения: 22.05.2018).

References

1. Abramov E. P. «Sud'ba nas redko stalkivaet s takimi mnogogrannymi naturami…» Artillerist i khudozhnik general-maior N. A. Yaroshenko *(«We Rarely Faceh Such Multifaceted Natures...» the Artilleryman and Artist Major-General N. Yaroshenko)* // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2016. No. 12. P. 65-69. (In Russian).
2. Bakhtoyarov I. I. S imenem V.I. Lenina (materialy na temu «Lenin i Stavropol'e» v fondakh i ekspozitsii Stavropol'skogo kraevogo muzeya im. G. K. Prave) *(The Name of V.I. Lenin (Materials on the Theme "Lenin and the Stavropol Region" in the Funds and Expositions of the Stavropol Regional Museum after G. K. Prave)* // Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya. Issue. 11. 1964. P. 264-269. (In Russian).
3. Bulygina T. A. Muzeinaya ekspozitsiya kak istochnik intellektual'noi istorii lokal'nogo soobshchestva (na primere SGMZ im. G. N. Prozriteleva i G. K. Prave) *(Museum Exhibition as a Source of Intellectual History of the Local Community (by the Example SSM after. G. N. Prozritelev and G. K. Prave)* // Prozritelevskie chteniya: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii. Issue. 2 (nauchnoe izdanie) / ed. by S.N. Savenko. Stavropol': Vestnik Kavkaza, 2006. P. 52-55. (In Russian).
4. State archive of the Russian Federation. (GARF). F.A-2307. Inv.3. D.302. (In Russian).
5. GARF. F.A-2307. Inv.17. D.54. (In Russian).
6. State archive of the Russian Federation. (GASK). F.R-645. Inv.1. D.2. (In Russian).
7. GASK. F. R-645. Inv.1. D.10. (In Russian).
8. GASK. F. R-645. Inv.2. D.83. (In Russian).
9. GASK. F. R-645. Inv.2. D.135. (In Russian).
10. GASK. F. R-1077. Inv.1. D.33. (In Russian).
11. GASK. F. R-1077. Inv.1. D.66. (In Russian).
12. GASK. F. R-1078. Inv.1. D.3. (In Russian).
13. GASK. F. R-1078. Inv.1. D.4. (In Russian).
14. GASK. F. R-1078. Inv.1. D.6. (In Russian).
15. GASK. F. R-3020. Inv. 1. D. 12a. (In Russian).
16. Golosa iz provintsii: zhiteli Stavropol'ya v 1930–1940 godakh: sbornik dokumentov *(Voices from the Province: Stavropol Residents in the 1930s and 1940s: a Collection of Documents)* / compiled by G. A. Nikitenko, T. N. Kolpikova. Stavropol', 2010. (In Russian).
17. Gosdanker V. V. Dorogie relikvii (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Lenina) *(Precious Relics (To the 90th Anniversary of Lenin's Birth)* // Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya. Issue. 10. Stavropol', 1960. P. 3-6. (In Russian).
18. Gosdanker V. V. Memorial'nyi fond Stavropol'skogo kraevogo muzeya *(Memorial Fund of the Stavropol Regional Museum)* // Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya. Issue. 11. Stavropol', 1964. P. 326-332.
19. Gosdanker V. V. Neproshedshee vremya: sub»ektivnye zapiski starogo muzeishchika *(The Past: the Subjective Notes of an Old Museum Worker).* Stavropol': SSU publ., 2009. 200 p. (In Russian).
20. Gosdanker V. V. Ot proshlogo nel'zya otryakhnut'sya (muzeinye poiski, nakhodki, vstrechi) *(One can not shake off the past (Museum Searches, Findings, Meetings).* Stavropol': SSU publ., 2005. 251 p. (In Russian).

21. Dudkina T. Prityazhenie «Beloi villy» *(The Attraction of the «White Villa»)* // Zemlya Stavropol'skaya. Issue 49. P. 95-101. (In Russian).

22. Zaks A. B. Dinamika sotsial'nykh funktsii muzeev SSSR *(Dynamics of Social Functions of Museums of the USSR)* // Muzeevedenie. Muzei mira. Moscow, 1991. P. 51-65. (In Russian).

23. Ezhov A. V., Barer S. D. Politicheskii plakat pervykh let sovetskoi vlasti v ekspozitsiyakh i fondakh Stavropol'skogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya *(Political Poster of the First Years of the Soviet Power in the Expositions and Funds of the Stavropol Regional Museum of Local History)* // Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya. 1964. Issue 11. P. 270-275. (In Russian).

24. Ignatenko F. V. M. Malinochka – uchitel' shkoly s. Ternovskogo Stavropol'skoi gubernii *(V. M. Malinochka – a School Teacher from Village Ternovskoye in Stavropol Gubernia)* // Vlast' Sovetov. 1923. №923. P. 2. (In Russian).

25. Kolosovskaya T. A. Rossiiskie voennye v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. *(Russian Military Men in the Socio-cultural Space of the North Caucasus XVIII–XIX Centuries)* / ed by A. A. Kudryavtseva. Moscow: Kalligraf, 2015. 240 p. (In Russian).

26. Leonidov L. P. Kislovodsk. Spravochnik po Kislovodskomu kurortu *(Kislovodsk. Guide to the Kislovodsk Resort)*. Pyatigorsk, 1937. 102 p. (In Russian).

27. Osipova I. I. Rol' muzeya v voenno-patrioticheskom vospitanii shkol'nikov *(The Role of the Museum in Military-patriotic Education of Schoolchildren)* // IX Ushakovskie chteniya. [Murmansk, 14–16 marta 2012g]: collection of articles. Murmansk, 2013. P. 362-366. (In Russian).

28. Partizanskie snaryady *(Partisan Shells)* // Severo-Kavkazskii bol'shevik. 1935. No. 65 (317). P. 4. (In Russian).

29. Stavropol State Museum-Reserve. (SGMZ). F.1. Inv.1. D.3. (In Russian).

30. SGMZ. F.4. Inv.1.D.3. (In Russian).

31. SGMZ. F.4. Inv.1. D.12. (In Russian).

32. Tumanov V. E. Shkol'nyi muzei. Metodicheskoe posobie *(School Museum. Methodical Manual)*. Moscow: TsDYuTiK, 2002. 154 p. (In Russian).

33. Shcherbakov S. A., Sedel'nikova N. A. Rol' raionnogo muzeya v patrioticheskom vospitanii shkol'nikov *(The Role of the Regional Museum in the Patriotic Education of Schoolchildren)* // Molodoi uchenyi. No.31(165). 2017. P. 50-51. (In Russian).

34. Museum-estate of the artist Yaroshenko. URL: http://museumyaroshenko.ru/history (Accessed: 22.05.2018) (In Russian).

УДК 93/94+908

О. А. Запорожцева

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Ф. РЕБРОВА НА КАВКАЗЕ В ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛОМ А. П. ЕРМОЛОВЫМ

В статье проанализирована административная деятельность А. Ф. Реброва при главноуправляющем в Астраханской, Кавказской губерниях и Грузии А. П. Ермолове в один из сложных периодов истории Кавказа. Благодаря знанию особенностей края, жизни и быта народов Северного Кавказа, А. Ф. Реброву удавалось успешно выполнять поручения кавказского начальства. Среди них выделяется составление им «Обозрения земель Кавказской губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих оную обитателей», в котором были определены границы Кавказской губернии, описаны народы, проживающие на территории губернии; подготовлены правила «для хозяйственного управления при производстве зданий при Кавказских Минеральных водах», при выполнении которого привлекались все, кто мог построить здания на отведенных землях для проживания или сдачи в аренду для приезжающих в курортный сезон на КМВ. Занимался А. Ф. Ребров не только сбором необходимых сведений о «хозяйственном состоянии каждого полка…» но и «Составлением правил для наделения казачьих войск землями», «Обозрением мест с военным начальством для водворения сих казаков на новую передовую линию». Автором показана и национальная политика, которая требовала необходимых исторических знаний, а также дипломатического подхода. А. Ф. Ребров приобрел такой опыт, находясь во время экспедиций начальства по Кавказу в должности секретаря, поэтому с успехом смог выполнить поручения, которые касались урегулирования национальных интересов с кабардинским и ногайским народами. После отставки А. П. Ермолова, три года А. Ф. Ребров добросовестно выполнял поручения назначенного в 1827 году главнокомандующим войсками на Кавказе и главноуправляющим гражданской частью, и пограничными делами губерний Астраханской, Кавказской и в Грузии генерал-фельдмаршала, графа И. Ф. Паскевича-Эриванского.

Ключевые слова: административная деятельность, Кавказская губерния, Кавказская область, предводитель губернского дворянства, «обозрение» и размежевание земель, обустройство Кавказских Минеральных Вод, национальная политика, кабардинцы, ногайцы, казаки, Северный Кавказ.

O. A. Zaporozhtseva

ADMINISTRATIVE SERVICE OF A.F. REBROV IN THE CAUCASUS UNDER THECOMMAND OF GENERAL A. P. YERMOLOV

The article analyzes the administrative activity of A. F. Rebrov under the head of the administration in the Astrakhan, Caucasus provinces and in the Republic of Georgia, A. P. Yermolov, in one of the difficult periods in the history of the Caucasus. Thanks to the knowledge of the peculiarities of the regionland the life of peoples in the North Caucasus, it was possible to successfully fulfill the orders of the authorities. Among them was the compilation of “The review of the lands of the Caucasian province in relation to their properties, status and rank of the inhabitants inhabiting it”. The document defined the boundaries of the Caucasian province, described the peoples living in the territory of the province; prepared the rules “for economic management in the production of buildings at the Caucasus Mineral Waters”. All those who could build buildings on the allotted land for living or renting out for visitors during the holiday season on the CMW were involved. A. F. Rebrov studied not only the necessary information about the “economic condition of each regiment...” but also “drew up rules to allot land to Cossack troops” “observed the places with military authorities to settle the Cossacks at the new frontline”. The author shows the national policy, which also required the necessary historical knowledge and diplomatic approach. He gained such experience while being in the Caucasus during the expeditions of his superiors as a secretary, so he was able to successfully fulfill the orders concerning the settlement of national interests with the Kabardian and Nogai peoples. After the resignation of A. P. Ermolov, Rebrov faithfully served the orders of appointed in 1827 commander of the troops in the Caucasus, and chief superintendent of the civil part and border affairs of the provinces of Astrakhan, the Caucasus, and in Georgia, the field-Marshal-General count I. F. Paskevich-Erivan For three years.

Key words: administrative activities, Caucasian province, Caucasus region, the leader of the provincial nobility, “review” and demarcation of lands, arrangement of Caucasus Mineral Waters, national policy, Kabardians, Nogais, Cossacks, North Caucasus.

В статье нами поставлена цель, рассмотреть роль личности А. Ф. Реброва в проводимой политике при генерале А. П. Ермолове. Задачами исследования считаем изучение административной деятельности А. Ф. Реброва, рассмотрение национальной политики, политики переселения в период управления Северным Кавказом генерала А. П. Ермолова.

Источниковой базой исследования послужили фонды Государственного архива Ставропольского края, а также раскрытию темы способствовали документы Актов, собранных Кавказской археографической комиссией.

После окончания Отечественной войны 1812 года и завершения заграничных походов российское правительство большое внимание уделило присоединению к России Кавказа и его освоению.

В этот период Кавказ, занимавший важное стратегическое положение, являлся сложным регионом в социально-экономическом развитии, а также представлял собой военно-политический интерес не только для Российской империи, но и сопредельных государств: Персии, Османской империи, Англии и Франции [7, с. 31].

Для выполнения важной миссии нужен был человек, способный решать поступающие задачи. Император Александр I остановил свой выбор на герое войны генерал-лейтенанте А. П. Ермолове, назначив его в 1816 году главноуправляющим в Астраханской, Кавказской губерниях, в Грузии и командующим Грузинским корпусом с широкими полномочиями. Для решения вопроса, связанного с окончательным присоединением Закавказья к России требовался дипломатический подход [7, с. 33]. Поэтому 24 мая 1816 года указом императора чрезвычайным посланником в Персию был назначен А. П. Ермолов [13, с. 15].

А. П. Ермолов знал о Кавказе не понаслышке. В молодости он был участником Персидского похода 1796 года. А. П. Ермолов представлял все сложности и трудности выполнения возложенной на него миссии. Он знал также и то, что делать это нужно было в условиях ограниченных возможностей финансового, материально-технического и военного обеспечения. Поэтому, прибыв на Кавказ, А. П. Ермолов постарался собрать вокруг себя людей, а также привлечь раньше служивших здесь, знавших Кавказ, его особенности, способных решать стоящие задачи, умеющих ответственно и творчески работать в сложных условиях его многонациональности, враждебных отношений местных народов к России.

В течение десяти лет он активно занимался преобразованием Кавказа. А. П. Ермолов уделял большое внимание подбору кадров для управления Кавказским регионом, выделял в человеке такие качества как умственные способности, исполнительность и ответственность в выполнении дел и поручений [7, с. 33]. И все эти годы одним из его активных помощников был А. Ф. Ребров, который находился в должности губернского предводителя дворянства, затем чиновника по особым поручениям [5, л. 19 об. – 20].

А. П. Ермолов, еще до своего официального вступления в должность, занимался вопросами выборов претендента в губернские предводители дворянства. 4 октября 1816 года в рапорте к А. П. Ермолову кавказский гражданский губернатор М. Л. Малинский сообщал о том, что на депутатском собрании в должность губернского предводителя дворянства сроком на 3 года повторно был избран надворный советник А. Ф. Ребров. Выбор был сделан в пользу А. Ф. Реброва, так как в это время не нашлось более достойных кандидатов, способных качественно работать, и все труды, сделанные им в предыдущее трехлетие, были направлены на улучшение положения губернского дворянства [4, л. 3–3 об.].

В письме М. Л. Малинскому генералом А. П. Ермоловым был дан ответ о том, что «4 октября относительно избрания дворянством Кавказской губернии в предводители по-прежнему Надворного советника Реброва… в звании Губернского дворянства предводителя на текущее трехлетие совершенно согласен» [4, л. 1, 7].

В должности губернского предводителя дворянства А. Ф. Ребров продолжал заниматься вопросами попечения и сохранения благоустройства среди дворянского сословия, а также вопросами финансирования [12, с. 113]. Дворянское собрание могло напрямую обращаться к губернатору и решать вопросы общественного назначения [4, л. 5].

А. П. Ермолов, давая свое согласие на избрание А. Ф. Реброва губернским предводителем дворянства, ничего не знал о нем. На личной встрече в городе Георгиевске генерал Ермолов познакомился с А. Ф. Ребровым, оценил его разборчивость в административных и хозяйственных делах, а также умственные способности, ответственность и трудолюбие. А. П. Ермолов разглядел в А. Ф. Реброве чиновника, который сможет безукоризненно и четко выполнять ответственные поручения начальства. К тому же А. П. Ермолову был необходим надежный помощник в проведении новой экономической политики на Кавказе [12, с. 122].

А. Ф. Ребров, находясь в экспедициях по Кавказу с начальством в качестве секретаря, взаимодействовал с народами Кавказа, наблюдал их быт и традиции. В своем имении Владимировка А. Ф. Ребров занимался развитием отрасли животноводства путем метода отбора и селекции, используя при этом опыт народов Кавказа [5, л. 17 об.] А. П. Ермолов знал, что А. Ф. Ребров обладал политическими и экономическими знаниями о Кавказском крае и поэтому поручил ему разобраться с недовольством жителей Кавказской губернии на кабардинцев, которые в течение нескольких лет грабили селения и угоняли скот. А. Ф. Реброву удалось «привести в известность претензии жителей Кавказской Губернии на Кабардинцев за хищничества в течении многих лет произведенные» и составить определенные правила, направленные на удовлетворение подобных претензий. За хорошо выполненное поручение, 30 января 1819 года А. Ф. Ребров был награжден орденом Святой Анны II степени [3, л. 5 об. – 6 об.].

Генерал Ермолов ценил исполнительность и умственные способности А. Ф. Реброва, поэтому продолжал привлекать его к важным и сложным поручениям. А. Ф. Реброву было поручено собрать подробные сведения о землях Кавказского края, составить описание и предварительные правила для их размежевания земель [11, с. 594], [3, л. 7 об.]

Поручение было не из легких и требовало два года упорного труда (1819–1820 гг.). К работе по сбору подробных сведений о землях Кавказского края помимо административных работников, А. Ф. Ребровым были привлечены специалисты: землемеры, писари, чертежники. Для описания земель, находящихся в частном владении, привлекались сельские старосты, управляющие имениями и собственники, а также калмыцкий, ногайский и «трухмянский» приставы [16, с. 4].

В это время Кавказская губерния состояла из 5 уездов: Ставропольского, Георгиевского, Александровского, Моздокского и Кизлярского. Для составления подробных сведений о землях Кавказского края и их размежевании А. Ф. Ребров лично объездил все 5 уездов [12, с. 594]. Поскольку выполнение поручения требовало полной отдачи сил и времени, то в 1819 году А. Ф. Ребров вынужден был уйти с должности губернского предводителя дворянства, при этом он продолжал выполнять поручения «без всякого жалования» [6, с. 428]. Вместо А. Ф. Реброва в губернские предводители дворянства был избран статский советник Г. Е. Ростованов [9, с. 23].

Работа по размежеванию земель началась в апреле 1819 года в деревне Владимировка. А. П. Ермолов так оценивал выполнение данного поручения: «Вышеозначенные с самого прибытия их в сей край при отличном поведении по службе выполняют все делаемые им поручения с наилучшим успехом, превозмогают неудобства климата, повергающего их часто в продолжительные болезни» [16, с. 4].

4 декабря 1819 года за усердную службу и старания по выполнению административных поручений А. Ф. Ребров был произведен в коллежские советники [3, л. 6 об.].

Несмотря на суровые климатические условия, трудности быта в экспедициях и на сопротивление собственников, в 1820 году задание было успешно выполнено. А. Ф. Ребров представил генералу Ермолову подробные сведения о землях Кавказского края, описание и предварительные правила для их размежевания, которые получили название «Обозрение земель Кавказской губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих оную обитателей» [11, с. 594]. В «Обозрении…» подробно давались сведения о границах, реках, лесах и землях губернии. Описывались и «обитатели данных земель», которых А. Ф. Ребров подразделял на казаков, жителей казенных поселений, помещиков, колонистов, «азиятцов и мухаммедан», и на народы, ведущие кочевой образ жизни [11, с. 594–606].

1 июля 1821 года «За труды в собрании подробных и удовлетворительных сведений о землях Кавказского края, за составление общего оным описания и обнаруженные при раздаче отступлению от правил, и начертание предварительных правил для размежевания земель» А. Ф. Ребров был награжден орденом Святого Владимира III степени [5, л. 19 об. – 20].

В 1819 году решался вопрос о переселении казаков вместе с семьями. По указу императора Александра I необходимо было под руководством генерала Ермолова создать специальную комиссию, которая должна была заняться наделением землей казаков, проживающих на территории Кавказской линии [2, с. 606]. Прежде чем выполнить указ императора, А. П. Ермолов решил подготовить для комиссии предварительные сведения о хозяйстве, количестве и качестве, о недостатке или избытке земель, принадлежащих казачьим полкам. Поэтому А. П. Ермолов не стал дожидаться приезда членов комиссии и поручил А. Ф. Реброву заняться сбором необходимых сведений о «хозяйственном состоянии каждого полка…» [2, с. 606]. «Составлением правил для наделения казачьих войск землями», «Обозрением мест с военным начальством для водворения сих казаков на новую передовую линию» [5, л. 20 об. – 21].

Поручение А. Ф. Ребровым было выполнено успешно. В рапорте от 11 марта 1821 года А. П. Ермолов представил императору правила по переселению казачьих полков, которые должны были способствовать укреплению границ Кавказской губернии и освоению новых территорий [2, с. 606–607].

В связи с этим А. П. Ермолов предлагал переселить на границу, проходящую по реке Кубань, часть казаков из станиц Московской, Донской и Хоперского казачьего полка, в специально созданные 4 станицы, расположенные от крепости Святого Николая и далее вниз по реке Кубань. Все это делалось для того, чтобы обезопасить границу по реке от закубанских народов, которые часто нападали и грабили близлежащие села [2, с. 607].

Для укрепления сухопутной границы генерал Ермолов требовал создать две станицы между Кисловодском и Горячими Водами. Затем на территории этих станиц необходимо было переселить из станицы Александровской (ныне село Александровское) казаков Волгского (Волжского) полка вместе с семьями [2, с. 607]. Одним из условий для переселения казаков было то, что новая территория не должна была уступать в хозяйственном отношении предыдущему месту проживания [2, с. 607]. Также необходимо было оказывать переселенным семьям казаков помощь в предоставлении строительного материала, так как не везде сохранились лесные ресурсы [2, с. 607–608]. А. П. Ермолов был обеспокоен вопросом сохранения лесов Кавказской губернии, поэтому он предлагал разделить земли между казачьими полками, в целях ограждения последних лесных участков от истребления, что постигло уже казенные владения [2, с. 610].

После получения к рапорту (от 11 марта 1821 года) от императора Александра I положительной оценки, генералом Ермоловым была составлена комиссия из 3 человек, которым были переданы собранные сведения для осуществления переселения казаков [2, с. 609]. В результате первыми, кого затронуло переселение на новые места, были казаки Волгского (Волжского) и Хоперского полков.

В 1825–1827 годах было переселено 11 станиц с общим число 8093 человек. Были основаны новые казачьи станицы: Барсуковская, Николаевская, Невинномысская, Новопавловская, Новогеоргиевская и другие. Хоперские казаки из станицы Ставропольской были переселены на территории двух новых станиц: Баталпашинской (ныне г. Черкесск) и Карантинной (с 1883 года –Суворовская). Казаки Волжского полка, проживающие в Александровской станице, были переселены в 1825 году на территории новых станиц: Ессентукской, Кисловодской и Бургустанской [8, с. 44].

Таким образом, благодаря совместной работе А. Ф. Реброва и А. П. Ермолова, указ императора о переселении казаков с их семьями на новые территории был выполнен успешно. А. П. Ермолов очередной раз по достоинству оценил умственные способности и исполнительность А. Ф. Реброва.

Выполнение поручений требовало полной отдачи сил и времени, что в свою очередь лишало возможности А. Ф. Реброва полноценно заниматься сельским хозяйством, вести селекционные работы в своем имении Владимировка и наносило материальный ущерб, поэтому он собирался вернуться. Но генерал Ермолов вновь привлек А. Ф. Реброва для выполнения сложных поручений, назначив его 10 апреля 1822 года «чиновником по особым поручениям» [3, л. 7 об.].

В 1822 году произошло переустройство Кавказской губернии. Сенаторами Гермесом и Мертваго было произведено «Обозрение Кавказской губернии», в результате которого было решено, что «настоящее ее устройство не свойственно местоположению и роду населения». Решение данного вопроса было поручено императором Александром I генералу Ермолову. В итоге, А. П. Ермоловым был составлен проект преобразования Кавказской губернии, из которого следовало переименовать ее в область, учредить областным городом Ставрополь, до этого административные органы управления располагались в губернском городе Георгиевске. С этого момента город Ставрополь приобретает важное административное и культурное значение [17, с. 476, 10, с. 46].

По мере того, как шло освоение Кавказа, возрастала роль Кавказских Минеральных Вод, как развивающегося курорта. Первоначально на Кавказские Воды приезжали гражданские лица лечиться, но А. П. Ермолов хотел создать там госпиталь для лечения больных, раненых солдат и офицеров Грузинского корпуса [12, с. 96–97]. Поэтому наиболее острым оставался вопрос жилищного обеспечения. Так как территория Вод была практически не обжитой, А. П. Ермолов предложил А. Ф. Реброву провести работу «для начертания правил для хозяйственного управления при производстве зданий при Кавказских Минеральных водах» [5, л. 21]. Также генерал Ермолов предлагал кавказскому дворянству поселиться на Водах, с учетом того, что они должны вложить в развитие данной территории хотя бы 1/10 часть своего дохода. Чтобы стимулировать к постройкам дворянство генерал Ермолов предлагал им как первым застройщикам беспошлинный отвод участков под усадьбы, а также освобождение от налогов сроком на 5 лет [12, с. 123–124].

Это предложение заинтересовало и самого А. Ф. Реброва, которому еще в 1803 году главный строитель Кисловодской крепости генерал-майор Брюзгин отвел участок под строение. На тот момент у А. Ф. Реброва не было необходимых документов для свободного строительства, и он не хотел рисковать. Поэтому А. Ф. Ребров решил воспользоваться предложением генерала Ермолова, став одним из первых застройщиков поселения на Подкумке. Поддерживая идею, А. Ф. Ребров старался привлечь и других помещиков к такому важному делу [12, с. 124].

На предложение А. Ф. Реброва, по поводу застройки и получения участков земли, откликнулись: предводитель Кизлярского дворянства Арешев, который хотел построить дом на Горячих Водах и сдавать его в аренду; жена генерал-майора Хастатова – Екатерина Алексеевна согласилась поставить дома на Горячих и Кислых Водах, так как у нее было много родственников, которые каждое лето приезжали на Кавказские Минеральные Воды для поддержания здоровья. Заинтересовало предложение и предводителя Георгиевского дворянства Толмачева. Также захотели иметь свои усадьбы на Водах и губернский архитектор Мясников, купец Шапкин, чиновник Барковский, священнослужитель Александровский. Таким образом, началась первая застройка Кавказских Минеральных Вод. А. Ф. Ребров неоднократно занимался озеленением Кисловодска. Он сажал шелковицу, плодовые деревья, виноградную лозу. А. Ф. Ребров был одни из первых, кто предложил купаться отдыхающим в каменной ванне, при напуске в нее Нарзана [12, с. 129–130].

Большое внимание приходилось уделять и национальным вопросам в политической жизни Кавказа. Анализируя общую обстановку на Кавказе, связанную с кочующими народами, в 1823 году генерал Ермолов поручил А. Ф. Реброву выполнить задание требующее «соображения удобств и начертания правил об управлении кочующими народами» [3, л. 8 об.]. Это было связано с тем, что ногайский народ, проживающий за Кубанью, вступил в тесные связи с бежавшими туда кабардинцами-изменниками. Они не только снабжали их провизией, но и обещали, что в случае перехода войск под командование генерала Ермолова для преследования бежавших кабардинцев за Кубань, будут способствовать им в противостоянии и принимать участие в грабежах селений [14, с. 528].

Все вышеописанные процессы могли повлиять на ногайцев, проживающих в пределах Кавказской области. Ведь они находились в родственных связях, как раз-таки с закубанскими ногайцами, и могли содействовать им, будь то набеги на местное население или необходимость в пристанище и укрытии от преследования кавказского войска [14, с. 529].

В результате А. П. Ермолов просил А. Ф. Реброва ускорить решение вопроса о переселении подвластных ногайцев, находящихся в подчине-

нии генерал-майора мурзы Менгли-Гирея, подальше от Кубани вглубь Кавказской области. Таким образом, необходимо было обезопасить кавказские земли от многочисленных набегов закубанских ногайцев и кабардинцев, и сохранить управление и влияние над ними [14, с. 529]. А. Ф. Реброву также было поручено определить, какие земли, без притеснения коренных жителей данных территорий, могли подойти для переселения ногайцев. Важным шагом было ограничение власти мурзы, которое долгое время требовал народ [15, с. 529–530].

В 1825 году не стало императора Александра I. На смену ему в этом же году пришел Николай I. Становление нового императора у власти в целом могло изменить проводимую политику в Российском государстве на всех ее рубежах. Первоначально, Николай I не вмешивался в политику, проводимую генералом Ермоловым на Кавказе, но он тщательно следил за ее процессами.

Что касалось А. Ф. Реброва, то А. П. Ермолов ценил его как человека ответственного и обладающего знаниями о Кавказском регионе, поэтому 19 января 1826 года за успешное выполнение поручений он был награжден чином статского советника [5, л. 20]. В письме своему приятелю, статс-секретарю П. А. Кикину А. П. Ермолов давал такое описание личности А. Ф. Реброва: «Несмотря на странности человека без воспитания, ты найдешь в нем хороший, основательный ум и лучшие о крае сведения. Это живой архив» [6, с. 361].

Изменения в политике государства, сказались и на политике, проводимой на Северном Кавказе. В 1827 году А. П. Ермолов ушел в отставку. Причиной ухода послужило недоверие императора Николая I к генералу Ермолову, связанное с задержкой присяги Кавказского корпуса. В свою очередь, этот инцидент способствовал уличению А. П. Ермолова в неверности к Российскому государству, что на самом деле не имело подтверждения. Как человек, А. П. Ермолов был «высокого» характера и поэтому благородно принял высочайшее решение «без малейшего изъявления неудовольствия и ропота» [16, с. 4]. Перед отставкой А. П. Ермолов вручил статскому советнику Реброву аттестат, в котором дал оценку его деятельности: «При исполнении всех… поручений оказал отличную деятельность, способности полезные. Познания о средствах края обширные и во все время служения при мне не получал никакого жалования» [16, с. 4]. Что касалось личных взаимоотношений А. П. Ермолова с А. Ф. Ребровым, то их связывала не только рабочая атмосфера, но и крепкая, тесная дружба и переписка. Обращаясь к А. Ф. Реброву в письмах, А. П. Ермолов часто называл его «почетный тезка», подписываясь как «верный Ермолов», «отлично уважающий Ермолов» [1, с. 5]. К этому времени в имении Владимировка развивалось сельское хозяйство, а сам хозяин – А. Ф. Ребров построил двухэтажный особняк и произвел озеленение и строительство канав, превратив засушливый уголок Ногайской степи в оазис. В мае 1827 года А. П. Ермолов, отбывая из Тифлиса, посетил этот чудесный уголок в Кавказской области [16, с. 4].

После отставки генерала Ермолова на пост главнокомандующего войсками на Кавказе и главноуправляющего гражданской частью, и пограничными делами губерний Астраханской, Кавказской и в Грузии был назначен генерал-фельдмаршал, граф И. Ф. Паскевич-Эриванский [8, с. 45].

Вслед за А. П. Ермоловым в 1827 году добровольно подал в отставку и А. Ф. Ребров. Но граф И. Ф. Паскевич ценил А. Ф. Реброва, поэтому решил повременить с его отставкой, ведь оставалось еще много нерешенных дел, которым требовался умный и ответственный администратор. Три года А. Ф. Ребров достойно выполнял поручения, которые давал ему новый управляющий на Кавказе. 12 августа 1830 года А. Ф. Ребров был уволен графом Паскевичем с должности «чиновника особых поручений», в результате чего, за добросовестную службу ему была пожалована пенсия в размере 250 рублей в год [5, л. 20 об. – 21].

Анализ деятельности генерала Ермолова в период управления Кавказом, позволяет нам сделать вывод о том, что проводимая им политика требовала четкого руководства, а также добросовестных и исполнительных чиновников. А. Ф. Ребров при выполнении поручений исходил из интересов России, несмотря на сложные условия, он способствовал решению проблем развития Кавказа. Выполнение поручений требовало от него не только знаний традиций, обычаев и быта народов, а также необходимых дипломатических способностей.

Необходимо отметить, что при проведении социально-экономической политики генералом Ермоловым, А. Ф. Ребров также пытался решить и свои интересы, касающиеся отведенной ему земли в Кисловодске, а также старался заниматься селекционными методами в областях сельского хозяйства в своем имении Владимировка.

За годы службы А. Ф. Ребров добился не только продвижения по административной деятельности, но и уважения как со стороны «высокого» начальства, так и среди своего окружения. А. Ф. Ребров остался верен своему жизненному принципу: «Трудиться, трудиться и трудиться». Он неоднократно показывал, что человек, не имеющий ни влиятельных связей, ни богатых родственников, может путем усердия и стараний, аккуратности в делах, стать одной из единиц в этой большой административной системе.

Источники и литература

1. Апанасевич В. М. Он все доводил до совершенства // Кавказская здравница, 1996. 24 февраля. № 30. С. 5.

2. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 11-го марта 1821 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии (далее – АКАК). Т.VI. Ч.2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. С. 606-610.

3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.79. Оп.2. Д.1632.

4. ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.756.
5. ГАСК. Ф.1305. Оп.1. Д.28.
6. Ермолов А. П. Кавказские письма 1816–1860. СПб: ООО «Журнал Звезда», 2014. 832 с.
7. Запорожцева О. А. Алексей Федорович Ребров предводитель Ставропольского дворянства // Семья. Общество. Государство: история и современность: материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции (22 декабря 2014 г.) / Под. ред. Р. Ф. Гударенко, Н. А. Ряснянской. Ставрополь: АРГУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2015. С. 30-40.
8. Коваленко А. Н. Алексей Федорович Ребров: (К 225-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2001 год: краеведческий сборник. Ставрополь: СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2001. С. 42-56.
9. Любимов С. В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской Империи. СПб: Тип.т-ва «Общественная польза», 1911. С. 23.
10. Наш край: документы, материалы, 1977–1917 гг. К двухсотлетию города Ставрополя. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. С. 46.
11.Обозрение земель Кавказской губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих оную обитателей. Составлено в 1820 г. // АКАК. Т.VI. Ч.2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. С. 594-606.
12. Орудина Л. Г. У порога синих гор: исторические очерки / Л. Г. Орудина, лит.запись И. В. Кузнецова. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1983. 287 с.
13. Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 699 с.
14. Предписание ген. Ермолова к. с. Реброву, от 13-го марта 1823 г. // АКАК. Т.VI. Ч.2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. С. 528-529.
15. Предписание ген. Ермолова ген.-м. Сталю, от 23-го мая 1823 г. // АКАК. Т.VI. Ч.2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. С. 529-530.
16. Смоляков В. А. Ими гордится Отечество // Кавказская здравница. 2001. 23 февраля. №30. С. 4.
17. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавказского, 1854. Отдел 3. Собрание материалов для составления исторического, географического и статистического описания Закавказского края. С. 471-531.

References

1. Apanasevich V. M. On vse dovodil do sovershenstva *(He brought everything to perfection)* // Kavkazskaya zdravnica, 1996. February 24. No. 30. P. 5. (In Russian).
2. Vsepoddannejshij raport gen. Ermolova, ot 11-go marta 1821 g. *(The Vsepoddanneyshy official report of the gen)* // AKAK. Vol.VI. Part.2. Tiflis, 1875. P. 606-610. (In Russian).
3. State Archive of Stavropol Krai (GASK). F.79. Inv.2. D.1632. (In Russian).
4. GASK. F.87. Inv.1. D.756. (In Russian).
5. GASK. F.1305. Inv.1. D.28. (In Russian).
6. Ermolov A. P. Kavkazskie pis'ma 1816–1860 *(Caucasian letters 1816–1860)*. St. Petesbursg: OOO «ZHurnal Zvezda», 2014. 832 s. (In Russian).
7. Zaporozhceva O. A. Aleksej Fedorovich Rebrov predvoditel' Stavropol'skogo dvoryanstva *(Alexey Fedorovich Rebrov leader of the Stavropol nobility)* // Sem'ya. Obshchestvo. Gosudarstvo: istoriya i sovremennost': materialy chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (22 dekabrya 2014 g.) / ed by R. F. Gudarenko, N. A. Ryasnyanskoj. Stavropol': ARGUS, 2015. P. 30-40. (In Russian).
8. Kovalenko A. N. Aleksej Fedorovich Rebrov: (K 225-letiyu so dnya rozhdeniya) *(Alexey Fedorovich Rebrov: (to the 225th anniversary of his birth)* // Stavropol'skij hronograf na 2001 god: kraevedcheskij sbornik. Stavropol', 2001. P. 42-56. (In Russian).
9. Lyubimov S. V. Predvoditeli dvoryanstva vsekh namestnichestv, gubernij i oblastej Rossijskoj Imperii *(Leaders of the nobility of all namestnichestvo, provinces and areas of the Russian Empire)*. St.Peterburg: Obshchestvennaya pol'za, 1911. P. 23. (In Russian).
10. Nash kraj: dokumenty, materialy, 1977–1917 gg. K dvuhsotletiyu goroda Stavropolya *(Our region: documents, materials, 1977–1917. The bicentenary of the city of Stavropol)*. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. P.46. (In Russian).
11. Obozrenie zemel' Kavkazskoj gubernii v otnoshenii svojstva ih, sostoyaniya i zvaniya naselyayushchih onuyu obitatelej. Sostavleno v 1820 g. *(A review of lands of the Caucasian province concerning their property, a state and a rank of the inhabitants inhabiting it)* // AKAK. Vol.VI. Part.2. Tiflis, 1875. P. 594-606. (In Russian).
12. Orudina L. G. U poroga sinih gor: istoricheskie ocherki *(At a threshold of blue mountains: historical sketches)* / L. G. Orudina, lit. zapis' I.V. Kuznecova. Stavropol', 1983. 287 p. (In Russian).
13. Potto V. A. Kavkazskaya vojna *(The Caucasian war)*. Vol.2. Ermolovskoe vremya *(Yermolov's time)*. Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. 699 p. (In Russian).
14. Predpisanie gen. Ermolova k. s. Rebrovu, ot 13-go marta 1823 g. *(The instruction of the gen. Yermolov to. page to Rebrov, of March 13th, 1823)* // AKAK. Vol.VI. Part.2. Tiflis, 1875. P. 528-529. (In Russian).
15. Predpisanie gen. Ermolova gen.-m. Stalyu, ot 23-go maya 1823 g. *(The instruction of the gen. Yermolov of the gen. - m to Stal, of May 23rd, 1823)* // AKAK. Vol.VI. Part.2. Tiflis, 1875. P. 529-530. (In Russian).
16. Smolyakov V. A. Imi gorditsya Otechestvo *(They are the pride of the Fatherland)* // Kavkazskaya zdravnica, 2001. February 23. No. 30. P. 4. (In Russian).
17. Stavropol' v geograficheskom, istoricheskom, topograficheskom i statisticheskom otnosheniyah *(Stavropol in the geographical, historical, topographical and statistical relations)* // Kavkazskij kalendar' na 1855 god. Tiflis: Tip. Kancelyarii Namestnika Kavkazskogo, 1854. Otdel 3. Sobranie materialov dlya sostavleniya istoricheskogo, geograficheskogo i statisticheskogo opisaniya Zakavkazskogo kraya. P. 471-531. (In Russian).

УДК 93/94

Е. В. Кирсанов

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ТРЕХ ЦЕНТРОВ РУСОВ ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

В статье произведен анализ историографии вопроса о трех центрах русов – Славии, Куябе и Арсании, сообщение о которых является одним из старейших рассказов восточных географов и представляет несомненную ценность для изучения раннего периода истории Древней Руси (IX–X вв.), и сделано заключение о ее современном состоянии. Этот рассказ встречается в арабо-персидской литературе на протяжении всего средневековья. Сообщения авторов X–XI вв. изучены достаточно хорошо, но при этом к их интерпретации остается ряд вопросов, связанных главным образом с неопределенностью сообщений, позволяющих разные толкования. Данные источников XII–XIV вв. менее известны, но при этом они представляют не меньшую ценность для историков. Вопрос локализации трех центров русов вызывает у ученых разногласия вот уже 200 лет. Исследователи предлагали самые разные версии. Главный вопрос при этом стоял в локализации Арсании – третьего центра. Проблемами в локализации Арсании были скудность сведений, данных арабо-персидскими авторами, и крайне противоречивый характер сообщений об этом центре русов. В числе гипотез были южные локализации: на Таманском полуострове, в Крыму, на территории современной Украины, в Придунавье; северные: на Балтике, на верхней Волге; в Центральной России: в Рязани, в Среднем Поволжье. Ряд исследователей пытался доказать, что Арсания – не реальный географический объект, а фантом – миф, контаминация сведений о других областях или метафора. В последнее время исследователи вновь вернулись к классическим представлениям, позволяющим считать все три центра реальными географическими объектами. Среди появившихся недавно версий локализации Арсании в Галицко-Волынской Руси, в районе Смоленска, в Волго-Окском междуречье, в Приазовье, на Нижней Волге (в землях буртасов). Одна из последних и наиболее убедительная локализация помещает Арсанию в Нижнем Прикамье, а столицу Арсании – Арсу связывает с городищем Иднакар. Подтверждение ей дают не только письменные источники, но и данные археологии.

Ключевые слова: восточные источники, историография, три центра русов, Арса, Арсания, городище Иднакар, Солдырское городище.

E. V. Kirsanov

HISTORIOGRAPHY OF LOCALIZATION OF THREE CENTERS OF RUSES OF EASTERN AUTHORS

The article analyzes the historiography of the question of the three centers of Ruses – Slavia, Kuyaba and Arsania, the report of which is one of the oldest stories of Eastern geographers and is of undoubted value for the study of the early period of the history of Ancient Russia (IX–X centuries), and concludes on its current state. This story is found in the Arab-Persian literature throughout the middle ages. The information provided by the authors of the X–XI centuries have been studied fairly well but their interpretation leaves some ambiguity, mainly related to the uncertainty of communications allowing different interpretations. The data sources of the XII–XIV centuries are less known, but they are no less valuable for historians. The issue of localizing the three centers of Ruses has been considered controversial for 200 years. The researchers offered a variety of versions. The main question was in the localization of Arsania – the third center. The challenges in localizing Arsania were the paucity of information, the data of the Arab-Persian authors, and extremely contradictory messages about the center of the Ruses. Among the hypotheses were the southern localization: on the Taman Peninsula, in the Crimea, on the territory of modern Ukraine, in the Danube; Northern: in the Baltic, on the upper Volga; in Central Russia: in Ryazan, the middle Volga region. A number of researchers tried to prove that Arsania was not a real geographical object, but a phantom – a myth, a contamination of information about other areas or a metaphor. Recently, researchers have returned to the classical concepts; it allowed considering all three centers as real geographical objects. Among the recent versions of the localization of Arsania in Galicia-Volyn Russia, near Smolensk, in the Volga-Oka Mesopotamia, in the Azov region, on the Lower Volga (in the lands of Burtas). One of the last and most convincing localization places of Arsania is the Lower Kama region, and the capital of Arsania – Arsa is connected with the settlement of Idnakar. It is confirmed not only by written sources but also by the archaeological data.

Key words: eastern sources, historiography, three centers of Rus, Arsa, Arsaniya, Idnakar settlement, Soldyr settlement.

Период в истории Древней Руси, заключенный между серединой IX в. и концом X в., представляет определенную сложность в изучении. Эта сложность объясняется отсутствием современ-

ных ему источников, созданных на территории Древней Руси. При этом и иностранных источников, позволяющих пролить свет на указанный период нашей истории, крайне мало. Поэтому каждое сообщение, особенно, если автор сообщения – современник описываемых событий, представляет для историков особую ценность. Одним из значимых источников по истории Руси в описываемый период не без оснований считается один из старейших рассказов восточных географов – рассказ о трех центрах русов.

При исследовании вопроса локализации трех центров русов большинство авторов сходилось на соотнесении Славии с Ладогой и позже Новгородом. С Куябой большинство авторов отождествляет Киев. В отличие от первых двух центров третий – Арсания, а в статье [54, с. 418]. А. П. Новосельцев подчеркивает, что правильным произношением является именно «Арсания» и «Арса», а не «Артания» и «Арта», вызывает у ученых разногласия вот уже 200 лет.

В рамках поставленной в настоящей работе задачи произведем сравнительный анализ разных версий локализации трех центров русов, которые в значительной степени выливаются в версии локализации Арсании. Представляется рациональным сгруппировать работы историков по географическому принципу.

Сторонниками Азово-Причерноморской (Тмутараканской) версии были Д.И. Иловайский [28], В.А. Пархоменко [55; 56, с. 72–87; 57, с. 34], С. П. Быковский [8, с. 36, 68–70], С. В. Юшков [81, с. 37, 39], В. В. Мавродин [46, с. 205, 206], А. М. Карасик, А. Н. Насонов, Г. В. Вернадский. К этой же локализации склонялся и А. И. Соболевский [70, с. 55–58] – он предлагал отождествить Арсанию с городом в Крыму (в районе Евпатории). А. М. Карасик [33, с. 304–305] говорит о локализации Арсы на юго-востоке – в Приазовье, Восточном Крыму или на Северном Кавказе. А. Н. Насонов [53, с. 80, 81] отождествлял Арсу с Тмутараканью. К этой версии присоединился и Г. В. Вернадский [88, с. 198]. В. В. Мавродин [46, с. 205, 206] предлагает локализовать Арсанию в Восточном Крыму, так как жители Арсании практикуют ксеноктонию, как и тавры, по свидетельству «Жития Георгия Амастридского» практикующие «древнее таврическое избиение иностранцев». Б. А. Рыбаков в работах 1960-х гг. локализовал Арсанию в Чернигове. Автором «приднепровской» версии был также Б. А. Рыбаков [62, с. 89] – он помещает Арсу и Славию в Поднепровье в один ряд с Куйабой и отождествляет Славу с г. Переяславль, а Арсу – с г. Родень в устье р. Рось. Такая локализация противоречит не только арабским источникам, но и данным археологии, согласно которым в Родне и Переяславле отсутствуют культурные слои IX – первой половины X в. [15, с. 58–59]. А. Н. Карсанов [34, с. 5–13] поместил Арсанию в Галицко-Волынском княжестве. Все представленные теории южной локализации вызывают серьезные сомнения. Главный довод против них приводит А. П. Новосельцев [54, с. 418–419] – ему вполне очевидно северное расположение Арсании – оно следует, например, из предметов экспорта – пушнины и свинца. Собственно, и клинки, вывозимые из Арсании (Худуд ал-Алам), вероятнее всего, северного происхождения.

Сторонниками «прибалтийской» версии выступали Ф. Вестберг, В. Б. Вилинбахов и А. Г. Кузьмин [42, с. 28–55]. Ф. Вестберг [9] искал Артанию в Скандинавии. И. Хрбек [84] пытался доказать, что Арсанийа – западнославянский остров Рюген. Позже с похожими идеями выступили В. Б. Вилинбахов и А. Г. Кузьмин [42, с. 28–55, 43]. В. Б. Вилинбахов [10, с. 265–266; 87] помещает Куйабу в польскую Куявию, а Арсанию на основании созвучности названий локализует в Прибалтике, отождествляя ее жителей с прибалтийскими славянами. Гипотеза Вилинбахова хорошо согласуется с сообщениями аль-Хазари, аль-Булгари и гази-Бараджа [6], опубликованными позже появления работы В. Б. Вилинбахова. Согласно источнику, булгары для обозначения Прибалтики использовали слово Артан [6, с. 73]. По-видимому, топоним образован от тюркского названия Балтики – «Артанское море» (Артан дингезе) [6, с. 193], которое, в свою очередь образовано от булгарского названия острова Рюген – также Артан [6, с. 25]. По поводу локализации Куябы Вилинбахова у ряда историков (например, А. П. Новосельцева [54, с. 416]) есть следующее возражение: ал-Идриси сообщает о купцах из Армении, ездящих в Куйабу. Купцы из Закавказья могли по Черному морю или сушей через Северный Кавказ, затем по Дону ездить в Киев, но не в польскую Куявию. Прибалтийская версия значительно убедительнее южной, однако следует вспомнить, что мечи северорусского происхождения двигаются как раз в противоположном направлении – с севера Руси в страны Прибалтики. Кроме того, при такой локализации нарушается требование расположения Арсании между Куябой и Славией (ал-Идриси), хотя его можно и не принимать во внимание, полагая вставкой XII в. Собственно, при этой локализации непонятно, почему, например, у ал-Идриси, информаторы которого в Арсании, судя по всему, бывали, в описании не упомянуто море, по которому должны были плыть купцы из Арсании.

«Верхневолжской» версии придерживались В. Ф. Минорский, А. А. Шахматов, Д. Ф. Щеглов, П. П. Смирнов, А. Л. Монгайт, А. П. Новосельцев, Т. М. Калинина, О. В. Фомин, И. В. Дубов, Х. Ловмяньский и др. В. Ф. Минорский [83, с. 439] располагал Арсанию в районе р. Оки. А. Л. Монгайт [51, с. 103–112] предлагал вернуться к рязанской теории, принадлежавшей А. А. Шахматову и Д. Щеглову [80, с. 35, примеч.; 81, с. 15], но позднее от нее отказался [52, с. 16]. Г. Ф. Корзухина [40, с. 34; 39, с.190] предлагает все три центра Руси разместить в Верхнем Поволжье. А. П. Новосельцев [54, с. 418–419] настаивает на северном положении Арсании, на которое указывают вывозимые оттуда продукты – пушнина и свинец или олово. Мех по указанию исследователя вывозился из северных областей, свинец или олово могли приходить с Урала или с Балтики. Также

А. П. Новосельцев отмечает сообщение о мечах и клинках, вывозимых из Арсании, из которого, основываясь на бытовавшем в то время в исторической науке предположении, что речь идет об импортных мечах, делает вывод, что Арсанию надо искать где-то на торговом пути из Западной Европы. Наконец, на основании данных ал-Идриси, помещающего Арсанию между Славией и Куйабой, Новосельцев помещает Арсанию в районе Ростова-Белоозера. Город Арсу он сопоставляет с Сарским городищем недалеко от Ростова. Ко мнению Новосельцева присоединяются Д. А. Мачинский [49, с. 3–23] и Т. М. Калинина [31, с. 16]. П. П. Смирнов [67, с. 168–173, 203] помещает Куябу в устье Оки, Славию – севернее (Ярославль), а Арсанию – на Оке между ними, возможно, в районе Ардатова. Это предположение не подтверждается археологическими данными. О. В. Фомин (Фомин-Шахов) [77, с. 19–20] локализует Арсанию в междуречье Оки и Волги. Также на этой локализации в разное время настаивали И. В. Дубов [17, с. 127; 18, с. 22–29; 19, с. 104–123] и Х. Ловмяньский [45, с. 200–201]. При этом, учитывая особенность расположения рек, практически образующих замкнутое кольцо, автор гипотезы говорит об Арсании, как об острове русов восточных географов. Эта группа версий локализации Арсании наиболее отвечает всем предъявляемым к ней требованиям. В качестве возражения этой группе версий (главным образом, А. П. Новосельцеву) К. А. Аверьянов [3, с. 43] приводит цитату из Лаврентьевской летописи [59, стб. 10]: «На Белеозере седять Весь, а на Ростовьском озере Меря». Однако, на основании археологических данных одни ученые [19, с. 33–45] полагают, что регион волго-клязьменского междуречья был колонизирован новгородцами с начала IX в., другие [66, с. 380] – что приход славян в Волго-Клязьменское междуречье и ассимиляция ими местных финнов относятся примерно к середине первого тысячелетия нашей эры, племя меря же в этот период уже не финское, а славянское: по мнению Седова, славяне переняли этноним ассимилированных финнов. Таким образом, версия локализации Арсании в Волго-Клязьменском междуречье была бы наиболее убедительной, если бы позже не возникла в значительно большей степени соответствующая данным восточных географов версия локализации Арсании в Нижнем Прикамье, принадлежащая Д. В. Смокотиной.

Сторонниками «волго-камской версии» были Х. Д. Френ, М. д'Оссон, П. С. Савельев, Р. Хенниг, Т. Левицкий, А. Л. Монгайт. Х. Д. Френ [82], М. д'Оссон [86] и П. С. Савельев [64, с. 91] отождествляли Арсанию с землёй мордовского племени эрзя. Позже к ним присоединился Т. Левицкий [85, с. 373]. Версию опровергает отсутствие здесь археологических памятников соответствующего времени. Ж. Т. Рено [87] и Д. А. Хвольсон [23, с. 174] искали Арсанию в Перми. Эту версию опровергают современные данные об этническом составе населения верхнего Прикамья в IX–XII вв. Р. Хенниг помещает Арсанию в районе Чердыни в Предуралье [78, с. 269]. А. Л. Монгайт [61, с. 102–103] сопоставлял Арсанию восточных источников и Ару, описанную Абу-Хамидом ал-Гарнати, которую отождествлял с Арской землей русских летописей, расположенной на Нижней Каме. Эта версия позже будет развита Д. В. Смокотиной, чья локализация Арсании представляется наиболее убедительной из существующих сегодня.

Апологетами «аланской» версии являются А. Г. Кузьмин и Е. С. Галкина. А.Г. Кузьмин [43, с. 256], предполагает, что речь у восточных авторов ведется о трех разных народах, а «третья Русь», по его мнению, Русь аланская, и помещает ее в областях Подонья (салтово-маяцкая культура). Е. С. Галкина в работе «Тайны русского каганата» [11, с. 139–143, 187–235] отождествляет русский каганат с салтово-маяцкой культурой, похожая позиция озвучена в ряде совместных с А. Г. Кузьминым работ, то есть, не касаясь локализации Арсании, Е. С. Галкина также, как А. Г. Кузьмин, признает «русов» IX в. аланами. Версия эта, как минимум, не соответствует требованию северного расположения Арсании. Кроме того, скажем, для XII в., в котором творил ал-Идриси, для географа путать русов и алан весьма странно.

В связи с Нижней Волгой имеет смысл упомянуть две версии. Д. В. Смокотина [68, с. 8–10] приводит версию, основанную на ряде работ В. Н. Топорова [75; 73; 74; 76], в которой связывает Арсанию с хазарской гвардией «ал-арсия», которая по сообщениям ряда восточных источников (напр. ал-Масуди [1, с. 10–11]) имела славянское происхождение. Следует заметить, что большинство исследователей ал-арсию относит к хорезмийцам. Утверждение же о ее мусульманском вероисповедании, по-видимому, ошибочно. Это мнение основано на старом и неточном переводе «Золотых копей ...»: «Ларсия же и другие мусульмане из страны Хазар» тогда как, в более позднем переводе Т. М. Калининой [16] ал-арсия четко противопоставлена мусульманам: «ал-арсийа и те, кто в их [хазар] царстве из мусульман». В. Н. Топоров подчеркивает, что ал-арсия, будучи язычниками, бежали из Хорезма именно от исламизации. Относительно этнической принадлежности ал-арсии в науке существует мнение, что ал-арсия – это жившие в древности на востоке от Каспия предки современных осетин – иранские аланы или асы [22, с. 128, 156]. При этом также, возможно, что слово «арсийя» образовано от этнонима «аорсы», известной в древности разновидности массагетов (иранских племен), как раз обитавшей в описываемой области – хоть, как принято считать, аорсы к описываемому времени не существовали, сами массагеты или аланы могли сохранить свое старое название. На существование русского или славянского войска у хазар указывает Артамонов в «Истории хазар» [4, с. 383]. Версия В. Н. Топорова, безусловно, оригинальна и, в общем, важна, как затрагивающая важный вопрос – этнического состава населения Хазарского каганата, однако, помимо традиционных для южной локализации возражений, встречает еще одно. Дело в том, что Арсания у вос-

точных авторов описана, как свободный народ, а хазарская гвардия – люди, обремененные должностными обязанностями внутри другой страны. В работе «Арса: место на карте (к вопросу о локализации третьего центра Руси)» [68, с. 12–13] Д. В. Смокотина предлагает еще одну концепцию: отождествление Арсы с землей или городом Буртас в Среднем и Нижнем Поволжье (примерно от современного Саратова до современного Волгограда). А буртасы по одной из этнологических теорий имеют славянское происхождение (Н. Ф. Калинин [32, с. 61–63], В. Ф. Генинг [12], Е. П. Казаков [29; 30] и другие считали буртасов потомками племен именьковской археологической культуры.). Кроме того в книге «История Хазарии» Абдаллаха ал-Хазари [6, с. 25] указывается, что имя буртасов получили колонисты из Северной (ладожской) Руси, переселившиеся на Нижний Дон в 745 г., а затем распространившиеся на территорию хазар. Д. В. Смокотина предлагает цепочку: Буртас – Уртас – Урта – Арта – Артания. В поддержку названной концепции Смокотина указывает, что буртасы известны, в частности, как торговцы, а в их торговле одним из главных товаров были меха. При этом черно-бурые лисьи меха, пользующиеся особой популярностью, даже назывались буртасскими. При этом пушнина – один из товаров, привозимых из Арсании. Версия эта, однако, может быть отвергнута с рядом оснований. Первое основание, конечно, в том, что Буртас находится на юге, а Арсания, как было показано выше, на Севере. Второе – Буртас находится слишком близко от арабских земель и слишком хорошо описан в восточных источниках для того, чтобы восточные авторы не смогли его отождествить с малоизвестной им Арсанией и вряд ли булгары смогли бы утверждать, что Куяба самый близкий к Болгару вид русов, если бы Арсания располагалась непосредственно на границе Булгарии, причем на юге под самым носом арабов.

Безрезультатность поисков Арсании привела к появлению в историографии направления, сторонники которого полагали Арсанию не географическим понятием, а просто нарицательным выражением. Например, А. М. Карасик [33, с. 304–305] предлагал переводить имя «Артания» с угрского наречия как «страна на запоре». По мнению В. Я. Петрухина [58, с. 143–158], Арсания есть не реальный центр, а контаминация сведений славянского информатора восточных авторов о первых двух центрах или о Древней Руси вообще, вызванная востребованностью тернарной структуры, свойственной славянской традиции. А. Ф. Студенцов [72, с. 49] пытался отождествить Арсу с ветхозаветной страной Арсарет.

В последнее время ряд историков вернулся к старой точке зрения, представлявшей три центра русов реальными географическими объектами. В 1990-е гг. глубокий анализ проблемы, в частности включающий обширную историографическую справку, был произведен И. Г. Коноваловой [37, с. 139–148]. По заключению автора [37, с. 144–145] восточные географы XII–XIV вв. уже не имели сведений о первых двух центрах русов, как о реалиях их времени. Поэтому они либо просто переписывали сообщения X в., либо пытались их как-то адаптировать к своей системе знаний. Относительно же Арсы-Арсании аль-Идриси существенно дополняет предшественников. То есть Арса существовала в его время и вполне вписывалась в современные ему географические представления. При этом характер его сведений о городе Арса свидетельствует, что его информаторы – булгары – в Арсе бывали и город хорошо знают.

Из публикаций по данному вопросу, появившихся за последнее время, полагаем заслуживающими внимания как наиболее взвешенные и научные две относительно новые точки зрения.

Д. В. Смокотина в статье «Арса: место на карте» [68, с. 14–16], предложила новый подход к решению проблемы третьего центра русов. В своих работах Смокотина, опираясь на изучение источников и археологические данные, локализует Арсанию в Прикамье (подобная локализация предлагалась А. Л. Монгайтом [61]). Позже в кандидатской диссертации [69, с. 16] Д. В. Смокотина обобщила свой подход и добавила ряд географических подробностей. В частности, она уже уверенно отождествляет город Арсу с городищем Иднакар.

К. А. Аверьянов [2; 3, с. 46–47], используя сообщение арабских авторов о расположении трех центров русов на одной реке, причем Арсы между Куябой и Славией (по ал-Идриси), а также позднее (XII в.) сообщение ал-Идриси о расстояниях между центрами русов по четыре дня пути, локализует Арсанию в районе Гнездовского городища на Днепре, а отголосок её названия видит в соседнем городе Орша, правда, появившемся, по меньшей мере, на сто лет позже.

Сравним представленные версии.

Прикамская Арсания находится на одном водном пути с Куябой и Славией. А именно, водный путь из смокотинской Арсании действительно ведет и в Киев (Волга-Ока-Днепр) и Новгород (Великий волжский путь), и при этом восточные географы все реки Древней Руси объединяли в одну реку Рус [38] – ее, возможно, и полагали водным путем Славия-Арса-Куяба. Сообщение ал-Идриси о расположении Арсании между Куябой и Славией можно объяснить при такой локализации очень просто: для того, чтобы добраться до Арсании из Славии надо спуститься по воде, не проходя через Куябу, а в Куябу купцы из Арсании приходят сверху, также минуя Славию. По поводу локализации Аверьянова: на середине пути по Днепру между Новгородом и Киевом действительно находится Гнездовское городище, соответствующее периоду со второй половины IX до начала XI в. [13, с. 4–6]. Выкладки Аверьянова относительно скорости в 150 км в день, с которой передвигались по воде древние русы, выглядят убедительно. Здесь, правда, следует сделать одно замечание. Аверьянов апеллирует к сведениям ал-Идриси о расстоянии в четыре дня пути от Славии до Арсании и от Арсании до Куябы, но ал-Идриси писал уже в XII в., когда, как отмечает

И. Г. Коновалова [37, с. 144–145], уже не было ни Куябы, ни Славии. Таким образом, даже при том, что, как отмечает И. Г. Коновалова, Арсания при Идриси еще существовала в том или ином виде, получить от своих информаторов информацию о расстоянии между центрами русов ал-Идриси не мог. Вообще в историографии принято считать, что большая часть информации Идриси восходит к произведениям авторов IX–X в. [71, с. 125], однако, информации о расстоянии между центрами русов нет ни у одного автора, кроме Идриси. Видимо, следует полагать, что расстояние – изобретение самого Идриси. К такому выводу пришел А. Л. Монгайт [51, с. 104], считая сообщение вставкой XII в. И. В. Дубов же отмечает несоответствие данных текста ал-Идриси и его карты, где расстояния между центрами русов не равные [19, с. 104–123]. Соответственно, К. А. Аверьянов, доказывая, что такое расстояние возможно в том или ином варианте локализации, напрасно тратил время. Далее, К. А. Аверьянов в обеих указанных работах не касается остальной информации восточных географов, а именно, пушнины, свинца и особо ценных клинков (Худуд ал-алам), экспортируемых Арсанией. Эта информация в корне меняет дело: пушнина по всей вероятности экспортировалась из северных регионов, кроме того, ал-Истахри прямо сообщает о северном расположении Арсании (по указанию В. Ф. Минорского [50, с. 197] в одной из рукописей ал-Истахри говорится: «земля Арта прилегала к северной необитаемой пустыне»). Свинец или олово происходили с Урала или с Балтики [54, с. 419] – в случае правильности аверьяновской локализации Арсании при обоих вариантах его происхождения их источником оказался бы другой центр русов – вероятнее всего, Славия. Наконец, подчеркнутые персидским анонимом особо ценные клинки, по-видимому, отличаются от тех, которые производятся в Новгороде и Киеве, а Смоленск относится фактически к тому же региону Руси, что и Новгород с Киевом, следовательно, и традиции производства мечей были теми же.

У гипотезы Д. В. Смокотиной значительно больше оснований. Во-первых, как уже выше указывалось, Арсания находится на севере Древней Руси, во-вторых, связана с Киевом и Новгородом водным путем. Здесь Прикамье удовлетворяет. Следующим доводом в пользу правильности гипотезы, могут послужить сообщения восточных авторов о товарах, привозимых из Арсании. Пушнина может быть как местного происхождения, так и привозной – происходить из земель народов Вису и Йура, из земель которых по данным тех же восточных источников (например, по сведениям ал-Гарнати [61], восходящим к источникам X в. [6, с. 18–19, 76–77]) привозится мех и «рыбьи зубы», а дорога по сообщениям восточных географов проходит как раз через нижнее Прикамье. Следует заметить, что земли Вису и Йура, как правило, отождествляют с Весью и Югрой (см., например, Б.Н. Заходер [22, с. 59–67], О. Г. Большаков [61, с. 101–105]), хотя если подробно следовать описаниям, данным Абдаллахом ал-Хазари, то Вису следует отождествлять с бассейном Печоры, что делает, например, Р. Хенниг в [78]. Свинец или олово могли привозиться с Урала [54, с. 419], соседствующего с Прикамьем. Следующий довод в пользу исследуемой гипотезы – сообщение ибн-Хаукаля [54, с. 412], согласно которому, Булгар Великий граничит с Арсанией на севере: на севере от Булгарии только Прикамье. В процессе анализа гипотезы необходимо ответить на вопрос, почему Арсания с указанной локализацией считается не самым близким к Болгару видом русов. Это можно объяснить существованием сухопутного пути между Киевом и Болгаром [63, с. 86–196; 60, с. 316–326], но отсутствием такового между Болгаром и Арсой. Таким образом, о пути (водном) Болгар-Арса – о маршруте, длине и других подробностях – булгары могли только догадываться. Возможно и другое объяснение. Как отмечает И. Г. Коновалова [37, с. 143], фразу о том, что Куяба – ближайший к Болгару пункт, можно воспринимать, например, как сообщение о наиболее тесных торговых отношениях. В этом случае противоречие снимется само собой. К приведенным доводам следует добавить, что река Итиль по сообщениям ряда восточных авторов (ал-Истахри, ибн-Хаукаль) выше Булгара проходит через земли русов [16, с. 85, 93]. Учитывая то, что в восточной географии Итиль проходил по Каме, а не по Верхней Волге, никакой другой «Руси», кроме как прикамской, на Итиле выше Булгара быть не могло. Дополнительным аргументом в пользу смокотинской локализации является расположение Иднакара на горе (г. Солдырь) и довольно высокие фортификационные качества крепости [41, с. 38–63] – ведь именно это об Арсе сообщает ал-Идриси.

Итак, из двух последних локализаций Арсании значительно более обоснована локализация в Прикамье, принадлежащая Д. В. Смокотиной.

К сожалению, до определенного времени подобные гипотезы не могли быть предложены. Невозможность подобного решения была обусловлена традиционными представлениями о населении описываемых областей. Как было принято считать до недавнего времени, эти территории были заселены так называемыми «серебряными» булгарами или булгарами камскими, удмуртами, коми и т.п. Пожалуй, переломным моментом в развитии исторического знания явилась докторская диссертация Л. Д. Макарова [47] и ряд предшествовавших ей работ этого же автора. В указанной работе автор на основании лингвистических, источниковедческих и археологических данных делает вывод о древнерусской колонизации территории, описанной нами, как Арсания, по меньшей мере, с начала X в. Исследователь приводит генезис понятия «Серебряные булгары» от названия реки Вятки «Нукрат», которое представляет собой искажение от слова «Новгород» (здесь Л. Д. Макаров ссылается на мнение лингвистов [5, с. 44–45; 14, с. 149–154]), а «Нукрат-су» – соответственно, Новгородская река. Так что «нукратские булгары» не «серебряные» (от арабского слова «нократ» – «серебро»),

а «болгары, проживавшие около новгородской реки». В дополнение к работам Л. Д. Макарова можно привести позицию В. В. Седова [65, с. 60, 61], позже распространенную в работе М.И. Жиха [20]. Согласно исследователям, часть представителей именьковской культуры, традиционно считающейся славянской, существовавшей на Средней Волге с IV по VII в., после миграции основной массы «славян-именьковцев» на Средний Дон (волынцевская культура) осталась на старых местах, и очаги славянской культуры зафиксированы по всему ареалу распространения булгар. Свои заключения автор подкрепляет ссылкой на археологические данные и анализ восточных источников, таких, как «Письмо Иосифа» [36], ал-Истахри [48, с. 227; 7]. Таким образом, русы Л. Д. Макарова, начавшие колонизацию Прикамья в X в., приезжали к своим соотечественникам. Обобщением всех вышеуказанных взглядов вполне может явиться идея А. Н. Кирпичникова [35]. Согласно исследователю, в торговых целях славяне, а позже северные русы создают города-фактории вниз по Волжскому пути – городища Тимерево, Петровское и Михайловское на месте Ярославля, Сарское – предшественник Ростова, Суздаль, Клещин – предшественник Переяславля-Залесского, Муром на Оке, поселение на средней Волге, предшествующее Казани. Таким образом, «северные русы» «подхватывали» обнаруживаемые ими на ВВП славянские центры и превращали их в города-фактории. Так происходило заселение волго-клязьменского междуречья, рядом исследователей отождествляемого с «островом русов» восточных источников. Так колонизировалась, по мнению М. И. Жиха [20], Средняя Волга и так колонизировалось Нижнее Прикамье. Археологические изыскания также подтверждают проживание русов в «городе». М. Г. Иванова [24, с. 48–61; 25; 26, с. 119–125] указывает, что на городище Иднакар уже в слоях X–XI вв. обнаружены славянские вещи (шиферные пряслица, футляры складных расчесок, двусторонние роговые гребни, украшения, орудия труда, оружие). Исследователь также отмечает, что ассортимент, формы и технологии металлоизделий местного производства полностью соответствуют традициям мастеров Древней Руси [24, с. 48–61; 25; 26, с. 119–125; 21, с. 119–142], что, по мнению исследователя, означает именно постоянное проживание древнерусских мастеров в «городе». В частности, в регионе было распространено производство мечей так называемого франкского типа, являвшееся, по указанию В. И. Завьялова [21, с. 119–142; 27, с. 7–14], составной частью северорусского металлообрабатывающего производства, для которого было характерно сочетание в орудии при помощи кузнечной сварки твердого стального лезвия и более мягкой основы. Вероятно, именно об этих мечах и сообщает автор Худуд ал-алам в рассказе об Арсании. Также непосредственно о проживании в регионе и «городе» русов говорят костяные предметы X–XI вв. с признаками властной принадлежности: гребень с княжеским знаком Рюриковичей, древнерусская печать в форме шахматной фигурки с монограммой «м». Все вышеуказанные находки сочетаются с распространенной в регионе так называемой славяноидной керамикой, характерной для частично ассимилированного аборигенного населения. Таким образом, мы можем говорить не просто о широком присутствии славянского компонента в этническом составе населения, но о плотном симбиозе славянского и аборигенного финского населений, впоследствии приведшего к частичной ассимиляции последнего.

И последнее. Так как большая часть сведений арабов получена ими от булгар или через посредство булгар, а, например, ал-Гарнати ссылается непосредственно на булгарского автора Йакуба ибн Нугмана аль-Булгари [6], то и название земли, вероятно, получено от них же. То есть оно должно фигурировать и в булгарских источниках. В Хазар-тарихы и Кади-китабы [6, с. 38–39, 187] область Нижнего Прикамья названа именем Арча также, как и ее центр – город Арча. Но город Арча в более поздних тюркских источниках [6, с. 236] отождествляется с Арском. При этом археология пока не дает подтверждения существования Арска в исследуемый период. Так что, вероятно, Арса-Арча – ойконим, соответствующий двум разным городам – сначала предлагаемому Смокотиной Иднакару, а с XIII в. – Арску.

Источники и литература

1. Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов. М.: Наталис, 2002. 803 с.

2. Аверьянов К. А. К вопросу о трех центрах Руси // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М.: РГГУ, 2003, №1 (67).

3. Аверьянов К. А. С какой скоростью передвигались в Древней Руси во времена князя Владимира? // Вестник славянских культур. 2016. №1. С. 41-52.

4. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство государственного Эрмитажа, 1962. 521 с.

5. Ахметзянов М.И. Нократ иделе // Офык. 1991. №4. С. 44-45.

6. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Т. 1. Оренбург: Болгария, 1993. 400 с.

7. Большаков О.Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времен. Т.II. Казань: РукИЛ, 2006. С. 745-752.

8. Быковский С. П. К вопросу о трех древнейших центрах Руси // Труды Вятского педагогического института. Т.3. Вып. 6. Вятка: Вятск. пединст-т им. В.И. Ленина, 1928. С. 36, 68-70.

9. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. №2–3. С. 1-52.

10. Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // Slavia Occidentalis. Poznań, 1962. Т.22. С. 254-277.

11. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.
12. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 201 с.
13. Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.: Альфарет, 2007. 330 с.
14. Добродомов И. Г. Нукрат (татарское название Вятки) // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1994. С. 279-281.
15. Древняя Русь. Город, замок, село. Серия. Археология СССР. М.: Наука, 1985. 425 с.
16. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.
17. Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 256 с.
18. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь и «Арса» арабских источников // Вестник Ленинградского университета. 1981. №8. История, язык, литература. Вып. 2. С. 22-29.
19. Дубов И. В. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982. 255 с.
20. Жих М. И. Ранние славяне в Среднем Поволжье. СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.
21. Завьялов В. И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I - начале II тысячелетия н. э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1988. С. 119-142.
22. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967. 213 с.
23. Ибн-Даста Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1869. 199 с.
24. Иванова М. Г. Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. №1. С. 48-61.
25. Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1998.
26. Иванова М. Г. Средневековые городища Прикамья в контексте процессов градообразования // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань: Школа, 2009. С. 119-125.
27. Иванова М. Г., Завьялов В. И. Древнеудмуртские кузнецы // Вестник РГНФ. 2001. №1. С. 7-14.
28. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М.: Тип. Грачева и К°, 1876. 466 с.
29. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
30. Казаков Е. П. Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами в средние века. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2–4.
31. Калинина Т. М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси): автореф. … дисс. канд. ист. наук. М., 1976. 31 с.
32. Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Казань, 1954. С. 61-63.
33. Карасик А. М. К вопросу о третьем центре Руси // Исторические записки 1950. Т.35. С. 304–305.
34. Карсанов А. Н. К вопросу о трех группах русов // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М.: Институт мировой литературы РАН, 1992. С. 5-13.
35. Кирпичников А. Н. Великий волжский путь и ладожско-волховский север Руси в эпоху раннего средневековья. // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. С.-Пб.: Нестор-История, 2006. С. 5-12.
36. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: АН СССР, 1932. XXXVIII+134+4 табл.
37. Коновалова И. Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М.: Наука, 1995. С. 139-148.
38. Коновалова И. Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 6. С. 192-219.
39. Корзухина Г. Ф. Путь Абу-Хамида ал-Гарнати из Болгара в Венгрию // Проблемы археологии. Сб. ст. Вып. II. Л.: ЛГУ, 1978. С. 189-195.
40. Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.: АН СССР, 1954. 226 с.
41. Коробейников А.В. Иднакар и анализ городищ с позиций их уровня защиты // Иднакар, 2008. № 4. С. 38-63.
42. Кузьмин А. Г. «Варягии» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №10. С. 28-55.
43. Кузьмин А. Г. Крещение Киевской Руси. М.: Алгоритм, 2012. 272 с.
44. Кузьмин А. Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003. 630 с.
45. Ловмяньский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. 304 с.
46. Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1945. 432 с.
47. Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. 143 с.
48. Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л.: АН СССР, 1939. 612 с.
49. Мачинский Д. А. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Пермский ун-т, 1985. С. 3-23.
50. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда в X–XI веках. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 270 с.
51. Монгайт А. Л. К вопросу о трех центрах древней Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVI. С. 103-112.
52. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: АН СССР, 1961. 400 с.

53. Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы // Исторические записки. 1940. Т.6. С.79-99.
54. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.
55. Пархоменко В. А. Начало христианства Руси. Полтава: Тип-я Г. И. Маркевича, 1913. 191+IV с.
56. Пархоменко В. А. Три центра древнейшей Руси // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XVIII, Кн. 2. СПб, 1913. С. 79-87.
57. Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л.: Госиздат, 1924. 116 с.
58. Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция.//Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 143-158.
59. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I. 496 с.
60. Полубояринова М. Д. Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами // История татар. Т.II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 316-326.
61. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 137 с.
62. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 592 с.
63. Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. №169. С. 186-196.
64. Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб.: [б.и.], 1846. 180 с.
65. Седов В. В. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры. 1999. 317 с.
66. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
67. Смірнов П. П. Волзький шлях і стародавні Руси. Київ: [б.и.], 1928. 228 с.
68. Смокотина Д. В. Арса: место на карте // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. №2. С. 5-17.
69. Смокотина Д. В. Балтийско-Каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 2012. 24 с.
70. Соболевский А. И. «Третье» русское племя // Доклады АН СССР. 1920. №4. С. 55-58.
71. Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. Античная древность и средние века. Вып. 26. Барнаул: День, 1992. С. 125-133.
72. Студенцов А. Ф. Тайна происхождения Древней Руси. Ростов н/Д.; СПб.: Феникс, 2006. 285 с.
73. Топоров В. Н. Еврейский элемент в Киевской Руси // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века – начало Нового времени. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 28-42.
74. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славяне и их соседи. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1993.
75. Топоров В. Н. Работники одиннадцатого часа. «Слово о законе и благодати» и древнерусская реальность // Russian Literature. 1988. Vol. XXIV. С. 25-26.
76. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995. 875 с.
77. Фомин О. Священная Артания, М.: Вече, 2005. 432 с.
78. Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 520 с.
79. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: издание Русского исторического журнала. 1919. 64 с.
80. Щеглов Д. Ф. Первые страницы русской истории. Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXV. С. 45-112.
81. Юшков С. В. К вопросу о происхождении Русского государства // Учёные записки МЮИ. Вып. IV. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 37-59.
82. Frähn C. M. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte uber die Russen alterer Zeit. SPb., 1828.
83. Hudud al-'Alam: «The Regions of the World». London, 1937.
84. Hrbek J. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen//Archiv Orientalni Praha, 1957. T. 25.
85. Lewicki T. Swiat slowianski w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. Poznań, 1949/1950. T. II. s. 373.
86. Mouradja d'Ohsson A.C. Des peuples du Caucase et du Nord de la Mer Noire dans le 10 siecle. Paris, 1828.
87. Reinaud M. Geographie d'Aboulteda. I. Introduction generale a la geographie des Orientaux. Paris, 1848.
88. Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford. At the Clarendon Press. 1959. 354 p.
89. Wilinbachow W.B. Przyczynek do zagadnienia trzech osrodkow dawnej Rusi // Materyaly Zachodnio-Pomorskie. Szczecin, 1961. T. VII. S. 517-530.

References

1. Abu-l-Hasan 'Ali ibn al-Husajn ibn 'Ali al-Masudi. Zolotye kopi i rossypi samocvetov *(Gold mines and placers of gems)*. Moscow: Natalis, 2002. 803 p. (In Russian).
2. Aver'yanov K. A. K voprosu o trekh centrah Rusi *(On the three centers of Rus)* // Istochnikovedcheskaya komparativistika i istoricheskoe postroenie. Moscow: Russian state humanitarian university, 2003. (In Russian).
3. Aver'yanov K. A. S kakoj skorost'yu peredvigalis' v Drevnej Rusi vo vremena knyazya Vladimira? *(What Speed Did They Move in Ancient Rus During the Reign of Prince Vladimir?)* // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2016. No.1. P. 41-52. (In Russian).
4. Artamonov M. I. Istoriya hazar *(The History of Khazars)*. Leningrad: State Ehrmitazh, 1962. 521 p. (In Russian).
5. Ahmetzyanov M. I. Nokrat idele // Ofyk. 1991. No.4. (In Russian).
6. Bahshi Iman. Dzhagfar Tarihy. Vol. 1. Orenburg: Bolgariya, 1993. 400 p. (In Russian).
7. Bol'shakov O.G. Al-Istahri – Ibn Haukal'. Istoriya tatar. Vol.II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step', Kazan', 2006. P. 745-752. (In Russian).

8. Bykovskij S. P. K voprosu o trekh drevnejshih centrah Rusi *(On the Three Ancient Centers of Rus)* // Proceedings of Vyatka pedagogical institute. Vol.3. Issue.6. Vyatka, 1928. (In Russian).

9. Vestberg F. K analizu vostochnyh istochnikov o Vostochnoj Evrope *(Analysis of Oriental Sources about Eastern Europe)* // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1908. No.2–3. P. 1-52. (In Russian).

10. Vilinbahov V. B. Baltijskie slavyane i Rus' *(The Baltic Slavs and the Rus)*. Slavia Occidentalis. Poznań, 1962, Vol. 22. P. 254-277. (In Russian).

11. Galkina E. S. Tajny russkogo kaganata *(The Secrets of Russian Kaganate)*. Moscow: Veche, 2002. 432 p. (In Russian).

12. Gening V. F., Halikov A. H. Rannie bolgary na Volge *(Early Bulgarians on the Volga)*. Moscow: Nauka, 1964. 201 p. (In Russian).

13. Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnyh issledovanij pamyatnika *(Gnezdovo. The Results of Complex Studies of the Monument)*. St. Petersburg: Al'faret, 2007. 330 p. (In Russian).

14. Dobrodomov I. G. Nukrat (tatarskoe nazvanie Vyatki) *(Nukrat (Tatar name of Viatka)* // Istoriya i kul'tura Volgo-Vyatskogo kraya. Kirov, 1994. P. 279-281. (In Russian).

15. Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo. *(Ancient Rus. Town, Castle, Village)* // Archeology of USSR. Moscow: Nauka, 1985. 425 p. (In Russian).

16. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov *(Ancient Rus in the Light of Foreign Sources)*. Moscow: Russian Fund of assistance to education and science, 2009. 264 p. (In Russian).

17. Dubov I. V. Velikij volzhskij put' *(The Great Volga route)*. Leningrad: Leningrad university, 1989. 256 p. (In Russian).

18. Dubov I. V. Severo-Vostochnaya Rus' i «Arsa» arabskih istochnikov *(North-Eastern Rus and "Arsa" in Arabian Sources)* // Vestnik of Leningrad university. 1981. No. 8. Istoriya, yazyk, literature. Issue. 2. P. 22-29. (In Russian).

19. Dubov I. V. Severo-vostochnaya Rus' v ehpohu rannego srednevekov'ya *(North-Eastern Rus in the Early Middle Ages)*. Leningrad: Leningrad university, 1982. (In Russian).

20. Zhih M. I. Rannie slavyane v Srednem Povolzh'e *(Early Slavs in the Middle Volga Region)*. St. Petersburg; Kazan': Vestfalika, 2011. 90 p. (In Russian).

21. Zav'yalov V. I. Kuznechnoe remeslo severnyh udmurtov v konce I – nachale II tysyacheletiya n. eh. *(Smithing of Northern Udmurts at the End of I - Beginning of II Millennium BC)* // Novye issledovaniya po drevnej istorii Udmurtii. Izhevsk: Udmurt Institute of history, language and literature, 1988. P. 119-142. (In Russian).

22. Zahoder B. N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope *(The Caspian Collection of Information about Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 1967. 213 p. (In Russian).

23. Ibn-Dasta Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah *(Information about Khazars, Burtases, Bulgarians, Magyars, Slavs and Ruses)*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1869. 199 p. (In Russian).

24. Ivanova M.G. Drevneudmurtskoe gorodishche Idnakar IX–XIII vv.: novye rezul'taty i perspektivy issledovanij *(Ancient Udmurtian Settlement Idnakar IX–XIII Centuries: New Results and Prospects of Research)* // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2009. P. 48-61. (In Russian).

25. Ivanova M. G. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. *(Idnakar: Ancient Udmurtian Settlement of IX–XIII Centuries)* // Udmurt Institute of history, language and literature, Izhevsk, 1998. (In Russian).

26. Ivanova M. G. Srednevekovye gorodishcha Prikam'ya v kontekste processov gradoobrazovaniya *(Medieval Settlements in the Kama Region in the Context of the Processes of the Creation of Cities)* // Materialy i issledovaniya po srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy. Kazan': Shkola, 2009. P. 119-125. (In Russian).

27. Ivanova M. G., Zav'yalov V. I. Drevneudmurtskie kuznecy *(Ancient Udmurtian Smiths)* // Vestnik of the Russian humanitarian scientific Fund. 2001. No. 1. P. 7-14. (In Russian).

28. Ilovajskij D. I. Razyskaniya o nachale Rusi *(Researches about Beginning of Rus)*. Moscow: Grachev and C°, 1876. 466 p. (In Russian).

29. Kazakov E. P. Kul'tura rannej Volzhskoj Bolgarii *(The Culture of Early Volga Bulgaria)*. Moscow, Nauka, 1992, 335 p. (In Russian).

30. Kazakov E. P. Hronologicheskie ehtapy vzaimodejstviya sarmat s povolzhskimi finnami v srednie veka *(Chronological Stages of the Interaction of Sarmats with the Volga Finns in the Middle Ages)* // Vestnik of the Kazan State University of Culture and Arts. 2015. No. 4-2. (In Russian).

31. Kalinina T. M. Drevnyaya Rus' i strany Vostoka v X v. (Srednevekovye arabo-persidskie istochniki o Rusi) *(Ancient Russia and the Oriental Countries in X Century. (The Medieval Arab-Persian Sources about Russia)*: thesis. Moscow, 1976. (In Russian).

32. Kalinin N. F., Halikov A. H. Itogi arheologicheskih rabot za 1945–1952 gg. *(The Results of the Archeological Works in 1945–1952)* // Works of the Kazan branch of the Academy of Sciences of the USSR. Kazan', 1954. P. 61-63. (In Russian).

33. Karasik A. M. K voprosu o tret'em centre Rusi *(On the Third Center of Rus)* // Istoricheskie zapiski. 1950, v. 35. P. 304-305. (In Russian).

34. Karsanov A. N. K voprosu o trekh gruppah rusov *(On the Three Groups of the Ruses)* // Germenevtika drevnerusskoj literatury X–XVI vv. Moscow: The Institute of world literature of Russian Academy of Sciences, 1992. Sb.3. P. 5-13. (In Russian).

35. Kirpichnikov A. N. Velikij volzhskij put' i ladozhsko-volhovskij sever Rusi v ehpohu rannego srednevekov'ya *(Great Volga Way and Ladoga-Volkhov North of Rus in the Early Middle Ages)* // Ladoga i Ladozhskaya zemlya v ehpohu srednevekov'ya. Issue.1. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. (In Russian).

36. Kokovcov P. K. Evrejsko-hazarskaya perepiska v X v. *(Jewish-Khazar Correspondence in X c.)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1932. (In Russian).

37. Konovalova I. G. Rasskaz o trekh gruppah rusov v sochineniyah arabskih avtorov XII–XIV vv. *(The Story of Three Groups of the Ruses in the Works of Arab Authors of the XII–XIV Centuries)* // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1992–1993. Moscow, 1995. P. 139-148. (In Russian).

38. Konovalova I. G. Toponim kak sposob osvoeniya prostranstva *(«Russkaya reka» al-Idrisi) (Placename as a Way of Mastering Space ("Russian river" of al-Idrisi)* // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. Moscow, 2001, Issue. 6. P. 192-219. (In Russian).

39. Korzuhina G. F. Put' Abu-Hamida al-Garnati iz Bolgara v Vengriyu *(Abu Hamid al-Garnati's Route from Bolgar to Hungary)* // Problemy arheologii. Issue. II. Leningrad, 1978. (In Russian).

40. Korzuhina G. F. Russkie klady (Russian Treasures). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954. 226 p. (In Russian).

41. Korobejnikov A. V. Idnakar i analiz gorodishch s pozicij ih urovnya zashchity *(Idnakar and Analysis of Settlements in Terms of Their Level of Protection)* // Idnakar, 2008. No. 4. P. 38-63. (In Russian).

42. Kuz'min A. G. «Varyagii» i «Rus'» na Baltijskom more *("Waragias" and "Rus" at the Baltic Sea)* // Voprosy istorii. 1970. No.10. P. 28-55. (In Russian).

43. Kuz'min A. G. Kreshchenie Kievskoj Rusi *(The Baptism of Kievan Rus)*. Moscow: Algoritm, 2012. 272 p. (In Russian).

44. Kuz'min A. G. Nachalo Rusi *(The Beginning of Rus)*. Moscow: Veche, 2003. 630 p. (In Russian).

45. Lovmyan'skij H. Rus' i normanny *(Rus and the Normans)*. Moscow: Progress, 1985. 304 p. (In Russian).

46. Mavrodin V. V. Obrazovaniye Drevnerusskogo gosudarstva *(The Formation of the Ancient Russian State)*. Leningrad: Leningrad university, 1945. 432 p. (In Russian).

47. Makarov L. D. Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X–XV vekah *(Ancient Population of the Kama Region in the X–XV Centuries)*. Izhevsk: Udmurt state university, 2006. 143 p. (In Russian).

48. Materialy po istorii turkmen i Turkmenii *(Materials on the History of the Turkmens and Turkmenia)*. Vol I. VII–XV vv. Arabskie i persidskie istochniki. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1939. 612 p. (In Russian).

49. Machinskij D. A. Rostovo-suzdal'skaya Rus' v X v. i «tri gruppy Rusi» vostochnyh avtorov *(Rostov-Suzdal Rus in the X Century and "Three Groups of Rus" of Eastern Authors)* // Materialy k ehtnicheskoj istorii Evropejskogo Severo-Vostoka. Syktyvkar: Perm' university, 1985. P. 3-23. (In Russian).

50. Minorskij V. F. Istoriya Shirvana i Derbenda v X–XI vekah *(History of Shirvan and Derbend in X–XI Centuries)*. Moscow: Oriental literature, 1963. 270 p. (In Russian).

51. Mongajt A. L. K voprosu o trekh centrah Drevnej Rusi *(On the Three Centers of Ancient Rus)* // Brief information of the Institute of the History of Material Culture, 1947. (In Russian).

52. Mongajt A. L. Ryazanskaya zemlya *(In Ryazan Land)*. Moscow: Academy of sciences of the USSR, 1961. 400 p. (In Russian).

53. Nasonov A. N. Tmutarakan' v istorii Vostochnoj Evropy *(Tmutarakan in the History of Eastern Europe)* // Istoricheskie zapiski. Vol. 6. 1940. P. 79-99. (In Russian).

54. Novosel'cev A. P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI–IX vv. (Eastern Sources about Eastern Slavs and Rus of VI–IX Centuries) // Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow: Nauka, 1965. P. 355-419. (In Russian).

55. Parhomenko V. A. Nachalo hristianstva Rusi *(The Beginnings of Christianity in Rus)*. Poltava: Printing house of G. I. Markevich, 1913. 191 p. (In Russian).

56. Parhomenko V. A. Tri centra drevnejshej Rusi *(Three Centers of Ancient Rus)* // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti. Vol. XVIII. Book. 2. St. Petersburg, 1913. P. 79-87. (In Russian).

57. Parhomenko V. A. U istokov russkoj gosudarstvennosti *(The Origins of the Russian Statehood)*. Leningrad: Gosizdat, 1924. 116 p. (In Russian).

58. Petruhin V. Ya. Tri «centra» Rusi. Fol'klornye istoki i istoricheskaya tradiciya. *(Three "centers" of Rus. Folklore Origins and Historical Tradition)* // Hudozhestvennyj yazyk srednevekov'ya. Moscow: Nauka, 1982. P. 143-158. (In Russian).

59. Polnoe sobranie russkih letopisej *(Full Collection of Russian Chronicles)*. Vol. I. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 496 p. (In Russian).

60. Poluboyarinova M. D. Put' iz Bulgara v Kiev. Torgovye svyazi s Kievskoj Rus'yu i drevnerusskimi knyazhestvami. *(Route from Bulgar to Kiev. Trade Relations with Kievan Rus and the Ancient Russian Principalities)* // Istoriya tatar. Vol.II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step'. Kazan', 2006. P. 316-326. (In Russian).

61. Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nuyu Evropu *(Travel Abu Hamid al-Garnati in Eastern and Central Europe)*. Moscow: Oriental literature, 1971. 137 p. (In Russian).

62. Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. *(Kievan Rus and the Russian Principalities XII–XIII Centuries)*. Moscow: Nauka, 1982. 592 p. (In Russian).

63. Rybakov B. A. Put' iz Bulgara v Kiev *(Route from Bolgar to Kiev)* // Drevnosti Vostochnoj Evropy. 1969. No.169. P.186-196. (In Russian).

64. Savel'ev P. S. Muhammedanskaya numizmatika v otnoshenii k russkoj istorii *(Muhammedanische Numismatics in Relation to Russian History)*. St. Petersburg, 1846. 180 p. (In Russian).

65. Sedov V. V. Drevnerusskaya narodnost' *(The Ancient Russian Nationality)*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ, 1999. 317 p. (In Russian).

66. Sedov V. V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie *(Slavs. Historical-archaeological Research)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 624 p. (In Russian).

67. Smirnov P. P. Volz'kij shlyah i starodavni Rusi *(Volga Route and the Ancient Ruses)*. Kiiv, 1928. 228 p. (In Russian).

68. Smokotina D. V. Arsa: mesto na karte *(Arsa: a Place on the Map)* // Vestnik of Tomsk state university. History. 2008. No. 2. P. 5-17. (In Russian).

69. Smokotina D. V. Baltijsko-Kaspijskij torgovyj put' v ehpohu rannego srednevekov'ya *(The Baltic-Caspian Trading Route in the Early Middle Ages)*. Tomsk, 2012. 24 p. (In Russian).

70. Sobolevskij A. I. «Tret'e» russkoe plemya *(The "Third" Russian Tribe)* // Reports of Academy of sciences of the USSR. 1920. No. 4. P. 55-58. (In Russian).

71. Stepanenko V. P. K istorii srednevekovoj Tavriki *(On the History of Medieval Taurica)* // Vizantiya i srednevekovyj Krym. Issue. 26. Barnaul, 1992. P. 125. (In Russian).
72. Studencov A. F. Tajna proiskhozhdeniya Drevnej Rusi *(The Mystery of the Origin of Ancient Russia)*. Rostov on Don; St. Petersburg: Feniks, 2006. 285 p. (In Russian).
73. Toporov V. N. Evrejskij ehlement v Kievskoj Rusi *(The Jewish Element in Kievan Rus)* // Slavyane i ih sosedi. Moscow, 1993. P. 28-42. (In Russian).
74. Toporov V. N. Ob iranskom ehlemente v russkoj duhovnoj kul'ture *(On the Iranian Element in the Russian Spiritual Culture)* // Slavyane i ih sosedi. Moscow, 1993. (In Russian).
75. Toporov V. N. Rabotniki odinnadcatogo chasa. «Slovo o zakone i blagodati» i drevnerusskaya real'nost' *(Workers of the Eleventh Hour. "A Word about Law and Grace" and the Ancient Russian Reality)*. Russian literature, 1988, Vol. XXIV. (In Russian).
76. Toporov V. N. Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture *(Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture)*. Vol. I. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1995, 875 p. (In Russian).
77. Fomin O. Svyashchennaya Artaniya *(Sacred Artania)*. Moscow: Veche, 2005. 432 p. (In Russian).
78. Hennig R. Nevedomye zemli *(Unknown Lands)*. Vol. II. Moscow: Foreign literature, 1961. 520 p. (In Russian).
79. Shakhmatov A. A. Drevneyshiye sudby russkogo plemeni *(Ancient Fates of the Russian Tribe)*. Prague, 1919. (In Russian).
80. Shcheglov D. F. Pervyye stranitsy russkoy istorii *(The First Pages of Russian History)* // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1876. (In Russian).
81. Yushkov S. V. K voprosu o proiskhozhdenii Russkogo gosudarstva *(On the Origin of the Russian State)* // Scientific notes of Moscow state juristic university. Moscow, 1940. Issue. IV. P. 37-59. (In Russian).
82. Frähn C. M. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte uber die Russen alterer Zeit. Saint-Petersburg, 1828.
83. Hudud al-'Alam: "The Regions of the World". London, 1937.
84. Hrbek J. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen. Archiv Orientalni. Praha, 1957. T. 25.
85. Lewicki T. Swiat slowianski w oczach pisarzy arabskich. Slavia Antiqua. Poznań, 1949/1950. T. II. s. 373.
86. Mouradja d'Ohsson A.C. Des peuples du Caucase et du Nord de la Mer Noire dans le 10 siecle. Paris, 1828.
87. Reinaud M. Geographie d'Aboulteda. I. Introduction generale a la geographie des Orientaux. Paris, 1848.
88. Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford. At the Clarendon Press. 1959. 354 p.
89. Wilinbachow W.B. Przyczynek do zagadnienia trzech osrodkow dawnej Rusi // Materyaly Zachodnio-Pomorskie. Szczecin, 1961. T. VII. S. 517-530.

УДК 908

Л. И. Краснокутская, В. С. Краснокутский

РЕФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ (КОНЕЦ 50-х – В 60-е гг. XIX в.).

Исследовано влияние реформирования социальной сферы в империи периода Александра II в аспекте курортной. Рассмотрена роль личности в совершенствовании курортного дела. Впервые отмечены различные подходы наместников Н. Н. Муравьева и А. И. Барятинского к модернизации курортного дела на Кавминводах. Акцентировано внимание на влияние военно-командного состава на Кавказе в вопросах совершенствования управления курортами. Исследованы причины реформирования управления КМВ в форме контрагентства. Выявлены основания для перевода системы управления из казны в частные руки. Проанализированы оценки в историографии проблемы эффективности модернизации управления курортами и их содержания. Приведены мнения об особой форме контракта и об обязательствах в разделении полномочий в управлении и финансировании между частным лицом и государством. Определен срок контрагентства. Раскрыта позиция генерала, князя А. И. Барятинского в понимании ценности лечебной местности КМВ для здоровья нации, создание условий не только для развития, но и для безопасности региона. Отмечены принципы наместника в определении деловых качеств в подборе кандидатуры на частное контрагентство Вод. Подтверждена верность выбора по избранию делового, инициативного и успешного в вопросах коммерции на Юге России, по сути государственника, по отношению к делу, – д. ст. с. Н. А. Новосельского. Подчеркивается, что для реализации научного подхода в пользовании Кавказскими водами был также применен профессиональный подход в выборе на пост директора КМВ молодого известного доктора медицины Московского университета С. А. Смирнова, что и повлияло на научный подход в управлении лечебной местностью.

Проанализированы причины введения нового местного органа власти в курортном регионе и установление административного контроля над частной эксплуатацией КМВ.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, реформы управления, Кавказское наместничество, контрагентство, дирекция, Терская область, Пятигорский округ.

L. I. Krasnokutskaya, V. S. Krasnokutskij

THE REFORM OF SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL SYSTEMS IN THE CAUCASUS MINERAL WATERS (THE END OF 1850s – 1860s)

The article studies the influence of reforming the social sphere in the Empire of the period of Alexander II in the aspect of the resort area. The role of personality in improving the resort business is considered. The study highlights different approaches of the governors of N. N. Murav'eva and A. I. Baryatinsky to the modernization of the resort on the Caucasus Mineral Waters. Attention is focused on the influence of the military command staff in the Caucasus in improving the management of resorts. The causes of the reform of the CMW management in the form of counteragent are investigated. The reason for the transfer of system control from the Treasury to private hands is identified. The analysis of the evaluation in the historiography of researchers of the problem from contemporaries to the present day, as well as opinions about the effectiveness of modernization and saving public funds is carried out. The opinion about the special form of the contract and the obligations in division of powers in management and financing between the private person and the state is given. The term of the counterparty is defined. The position of the General, Prince Baryatinsky, as regards the understanding of the value of the medical area of the CMW for the health of the nation, the creation of conditions for the development, but also for the security of the region, is studied. The principles of the Governor in the definition of competencies in the selection of candidates for private counteragency of the Waters are noted. The study proves the correctness of the choice for the election of business, initiative and successful in matters of Commerce in the South of Russia, in fact a statesman, in relation to the case of state councilor N. A. Novoselsky. It is emphasized that for the implementation of the scientific approach in the use of the Caucasus Waters a professional approach was also applied in the selection of the post of Director of the Moscow University of medicine of the young well-known doctor of medicine S. Smirnov, which influenced the scientific approach in the management of therapeutic areas.

The reasons for the introduction of a new local authority in the resort region and the establishment of administrative control over the private operation of the CMW are analyzed.

Key words: Caucasus Spas, management reforms, Caucasus vicegerency, counterparty, directorate, Terek territory, Pyatigorsk district.

Развитие курортов Кавказских Минеральных Вод, их административно-правовая база складывалась на протяжении более чем двух веков. Государственная политика в области курортного строительства в первую очередь была всегда направлена на развитие их уникальных возможностей.

Актуальность изучения проблемы продиктована новыми реалиями хозяйствования, переходом на рыночные отношения, складывающейся многоведомственностью в управлении.

В этой связи учет социальных, экономических, геополитических, экономических особенностей развития региона – главные условия в успешном и эффективном функционировании курортов.

Управление курортным регионом складывалось длительно: от назначения одного административного лица к созданию системы управления Кавказскими Минеральными Водами, которая несколько раз за XIX в. реформировалось. Бесспорно, что государственные мужи России, министры внутренних дел, государственных имуществ, главноначальствующие на Кавказе и в Грузии находились в постоянном поиске совершенствования путей, форм и методов управления курортной местностью в целях дальнейшего развития. Исторический путь становления и развития Кавминвод показывает, что только 22 года они находились в ведении частных лиц. Деятельность временных владельцев – контрагентов преследовала, прежде всего, извлечение прибыли.

Следовательно, все новации по управлению на местах реализовывали региональные органы управления в лице командующих на Кавказской линии, генерал-губернаторов, а также самих директоров курортов. Почти весь XIX в. проводниками государственной политики на Кавказе по курортам были представители военно-гражданской администрации – кадрового корпуса правительства.

В условиях ещё немирного Северного Кавказа неустроенную и лишь затратную окраину Российской империи предстояло сделать курортом государственного значения.

Определяющим в этом вопросе был Указ 1803 г. императора Александра I, навсегда признавший Кавказские Минеральные Воды государственным достоянием и поставивший их под правительственный надзор. Перспективной целью он считал обретение своих Российских курортов по типу тогда уже широко известных в Европе французских, итальянских, немецких [1, с. 252].

Необходимо отметить последовательность русского императорского двора и личное участие императоров в формировании законодательной основы деятельности курорта, в подборе и расстановке кадров, финансировании различных проектов.

Известно, что император Николай I после посещения КМВ в 1837 г., лично убедившись в ценности мест для России, удовлетворенный состоянием развития молодого курорта, принял решение отпускать ежегодно на их устройство 200 тысяч руб. Фактически стал инициатором образования постоянного фонда (капитала) Вод [8, с. 20].

Ратуя за развитие отечественного курорта, Николай I даже пошел на такую меру как запрещение российской элите в 30-е – 40-е гг. XIX в. выезда на лечение и отдых на заграничные курорты [8, с. 21].

Такая заинтересованная политика была продолжена и в царствование Александра II и Александра III.

Однако только при императоре Николае II будет создан специальный фонд курорта (капитал), в котором сосредоточивались все средства от эксплуатации Вод, а также оставались ежегодные безвозвратные субсидии государства [8, с. 41]. Это и позволило на высоком уровне развивать инфраструктуру курорта, заниматься благоустройством – превратить КМВ в лучшую отечественную здравницу к 100-летию ее основания.

Но вернёмся к концу 50-х гг. XIX в. В этот период усилия правительственных органов в лице наместничества Кавказского, Кавказского комитета, не позволяли развить лечебную местность в силу того, что посетителей пугала близость военных действий (неоправданная), отсутствие качественных путей сообщения, дороговизна жизни, неустройство Вод. Число посетителей снизилось. За период подчинения наместничеству с 1847 г. число посетителей в среднем составляло ежегодно в течение 12 лет по 600 человек (по подсчетам автора). Такая определенная стабильность, вышестоящими органами по сути определялась как стагнация, которую многие современники считали явным застоем. Ветшало материально-техническое оснащение [10, с. 109]. Технологии в услугах на курортах отставали от западных. Лечебная местность оставалась затратной, убыточной для казны, а также малопосещаемой [12, с. 144][1].

Этот курортный регион являлся по-прежнему периферийным, но особым с точки зрения своей курортно-лечебной значимости для всей страны. В Российской империи период контрагентства совпадает со временем реформ императора Александра II. Государство нуждалось в модернизации всех отраслей народного хозяйства и переводе их на капиталистический путь развития. Наряду с государственными системами управления расширялись институты общественного самоуправления городов и сельской местности. Получили дальнейшее развитие отдельные сферы в отраслях государственного хозяйства, где отдавалось предпочтение частному капиталу, проходила передача отдельных государственных секторов в частные руки.

Официальная медицинская система характеризовалась в основном военно-медицинскими учреждениями, а также частными клиниками, с практикой частных врачей. Региональными органами власти были губернские врачебные управы, где специального куратора курортной области не предусматривалось. В наместничестве Кавказском 2-й департамент общих дел главного управления наместничества обязан был осущест-

[1] Посещаемость по данным Н. А. Кулибина составляла 390 лиц в 1854 г. и 663 в 1857 г.

влять контроль за положением на Кавказских Минеральных Водах. По Положению «О Кавказских Минеральных Водах» 1858 г. утвержденному наместником А. И. Барятинским военный надзор за порядком на водах осуществлял командующий на Кавказской линии, а за гражданской частью – Ставропольский гражданский губернатор [2]. Дело благоустройства Кавминвод с 1847 г. волею наместника князя М. С. Воронцова значительно улучшилось. Однако к концу его правления ему не удалось достичь желаемого уровня для посетителей Вод. Военные заботы ставили жесткие границы к его деятельности по отношению к Кавказским Минеральным Водам [11, с. 62].

По-особому буржуазные реформы коснулись курортной сферы Северного Кавказа. В государственном медицинском учреждении сопутствующие курортные услуги Кавказских Минеральных Вод, такие как транспорт, торговля и гостиничное дело были беспроигрышны в плане прибыли и потому всегда находились желающие в их предоставлении. Однако передача лечебных услуг с бальнеолечебницами, источниками, парками в частные руки не практиковалась, так как все это принадлежало казне [8, с. 222].

Мысль о передаче Вод в частные руки была не нова. В этом плане интересна, оставленная без внимания, инициатива И. Дебу. Еще в конце 20-х г. XIX в. командующий правым флангом Кавказской линии, генерал-майор Иосиф Дебу предлагал обратиться к капиталистам с тем, чтобы найти желающих вложить в устройство «потребное число денег, с тем, чтобы в течение 25-летнего срока пользоваться всеми доходами и выгодами, могущими от них произойти» [5, с. 550]. Он считал, что этот способ в перспективе принесёт пользу для казны.

Однако этот проект по вложению частных инвестиций в развитие курорта станет возможным лишь в период реформ 60–70-х гг. XIX в.

Таким образом, передача Кавказских Минеральных Вод в составе четырех курортов (Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки), – медицинского учреждения Министерства внутренних дел и наместничества Кавказского с 60-х г. XIX в. в контрагентство, т.е. во временную эксплуатацию частным лицам, – отвечала вызовам времени.

В историографии проблемы существуют различные точки зрения на причины передачи курортов КМВ в частное владение, пусть даже и временное, а также на деятельность исполнителей-контрагентов и директоров Вод.

Особенно ценны мнения современников, специалистов Ученого горного комитета и медиков курорта конца XIX – начала XX в. (М. К. Милютин (1879 г.) [6], В. С. Богословский (1881 г.) [4], С. Кулибин (1896 г.) [10, с. 23], Святловский (1898 г.) [18], К. А. Скальковский (1906 г.) [21] указывали на безынициативность казенной дирекции и выражали надежду на частную инициативу в этом вопросе. Называли данный период «эрой нового существования КМВ» [6, с. 51]. Исследователи советского периода указывали, что это было вынужденной мерой из-за трудностей финансового характера, связанного с поражением в Крымской войне и завершением длительного военного конфликта на северо-востоке Северного Кавказа (Пантелеев 1955 [13], Кривобоков Н. Г. [9]). Учёные-историки постсоветского времени пытаются объяснить феномен контрагентства также с позиции объективных причин. Так О. И. Серегина [20], Н. Б. Семина [19] указывают на то, что центральная власть решила, что отдав курорты в частные руки, она справится с проблемой устранения убыточности статьи бюджета, связанной с содержанием курорта, а также частное лицо будет заботиться не только о лечебной базе но и об инфраструктуре КМВ.

Е. В. Белозерова [3], Ю. Ульянова [22] считают, что причина временной передачи курортов в частную эксплуатацию являлась неким Российским экспериментом, желанием получить прибыль с курорта. Для этого необходимо было создать его индустрию (С. С. Лазарян [11, с. 196]).

Каждое из этих мнений раскрывает лишь отдельные взгляды, повлиявшие на столь кардинально принятое решение, поддержанное всеми институтами властвующих структур. Несомненно, в этом вопросе для принятия предложения князя Барятинского стал авторитет личности наместника, победителя, завершившего войну на северо-востоке Северного Кавказа. Заметим, что императоры всецело доверяли своим ставленникам в таком деликатном деле как курортное. Так, это было в 1846 г. с переводом курортов КМВ в ведение наместничества при М. С. Воронцове, введение дирекции, несмотря на многочисленный состав и явную преждевременность [8, с. 31–32].

В 1861 г. поддержаны шаги по упразднению затратной курортной бюрократической машины, отказу от государственного управления с передачей на содержание в частные руки. Данные преобразования были связаны с неудобствами казенного управления, и коренных изменений не последовало [4, с. 14–17].

Для нас важна точка зрения инициатора этого шага наместника Кавказского князя А. И. Барятинского, который считал, что главное обстоятельство, мешающее развитию Кавказских Минеральных Вод, «заключается в том, что Водами заведует правительственная или казенная администрация [12]. Удалось выявить и причину, и повод такого на первый взгляд неординарного, нового решения.

До 1856 г. наместник Кавказский Н. Н. Муравьев предлагал, чтобы облегчить финансовое бремя с казны передать Воды в местное управление [8, с. 32–33]. Такое решение могло перечеркнуть перспективы будущего Вод в качестве курортов. Министерство государственных имуществ летом 1856 г. направило для межевания местности комиссию, которая едва их не упразднила[1]. Тогда же было признано, что Кавказские

1 В состав комиссии входили: Управляющий Экспедицией министерства гос. имуществ М. И. Муравьев (младший брат наместника), заведующий медицинской частью на Кавказе и чиновник особых поручений Ф. А. Баталин, офицеры межевого конкурса С. М. Старовский и А. П. Кокин.

Минеральные Воды могут давать казне лишь убыток. Как положительный пример приводились Боржомские воды, на их устройство потрачено до 80 тыс. руб., а ежегодный доход был равен 420 тыс. руб. [18, с. 27].

Новый наместник Кавказский князь А. И. Барятинский (с июля 1856 г.), глубоко осознававший ценность Кавказских Вод для России, «всё это перерешил». Направленная лично им ревизия под началом гражданского генерал-губернатора Ставропольской губернии Н. Н. Бренчанинова[1], «открыла, что причина упадка курортов находилась в ясном и ничем неизвинительным бездействии дирекции КМВ» [18, с. 28][2]. Князь А. И. Барятинский изменил деятельность курортов и дал им совершенно другое направление. Прежде всего, он принял предложение надзирающего по долгу службы за КМВ и проверивших их генерал-губернатора Ставропольской губернии Н.Н. Бренчанинова о направлении врачей, определяемых к Водам для изучения устройства и порядков на лучших западноевропейских лечебных местах. Тогда же наместник с одобрения Кавказского комитета и по указу императора России Александра II реформировал казенное управление на частное [17, л. 163–174].

Обращаясь к императору за разрешением на передачу частного управления КМВ, князь А. И. Барятинский писал, что он глубоко убежден, что с переменой казенной администрации на частную правительство вернее достигнет цели, которая бесплодно преследуется им десятки лет. Он приводит убедительные доводы по получению от новой дирекции выгод:

– останутся в сбережении суммы государственного казначейства, которые отпускаются в виде прибавочных окладов гражданских чиновников, за выслугу им на Кавказе установленных сроков;

– прекратится отпуск из комиссариата (военного ведомства) содержания военным чинам дирекции, определенные штатом 1847 г. [14, с. 66].

Кавказский комитет правительства Российской империи разделил мнение и поддержал обращение наместника Кавказского в том, что управление Кавказскими Минеральными Водами, предоставленное частному лицу, если это лицо опытное в подобном деле и может располагать достаточными денежными средствами, принесет гораздо больше пользы, чем управление казенное, обязанное действовать по установленным формам и правилам [17]. Комитет также считал эту меру – «управление частного содержателя» – полезной.

По своей правовой сущности договор частного управления не имел прямых аналогов с известными дореволюционному гражданскому праву договорами. Однако он ближе всего соответствовал договору казенного порядка, но не полностью. Это позволяет видеть в нем совершенно особую форму гражданско-правовой фиксации отношений между контрагентом и правительством [3].

Итак, реформирование ряда сфер Российской социально-экономической и правовой системы коснулось и отдаленной от центра страны специфической для государства курортной сферы Кавказских Минеральных Вод. Очевидно, что правительство предполагало, что частный интерес и получение прибыли станет главным рычагом, побудительным мотивом к совершенствованию курортного дела в целом, возможно, позволит создать курортную индустрию в России.

Наместник Кавказа А. И. Барятинский посчитал целесообразным отдать все группы КМВ одному лицу. Он остановился на кандидатуре преуспевающего известного предпринимателя Юга России действительного статского советника Н. А. Новосельского, крупного владельца акционерного общества «Пароходства и торговли на Волге и Каспии», способного принять на особых условиях в свое заведование курорты Кавминвод с 1861 по 1869 гг. [16]. Договор вступил в силу с декабря 1861 г. Контрагентство должно было решить вопрос преодоления убыточности Кавказских Вод.

Это был новый этап в развитии лечебниц КМВ. Вменялась забота об улучшении состояния Вод и возведении их на ту ступень благоустройства, на которой лечебная местность соответствовала бы требованиям посетителей Вод.

Контрагент брал в частное управление Кавминводы, однако основные расходы оставляло за собой государство. При поддержке им основных затрат: прежде всего штата дирекции и содержания минеральных источников, военной рабочей роты. Частнику была полностью отдана вся финансовая составляющая, включая доходы от услуг.

Передача Управления КМВ частному лицу означала устранение правительственной администрации в регионе. В таких условиях, когда ещё на Северном Кавказе проводились мероприятия, связанные с «замирением» края невозможно было оставить его без администрации представлявшей государственную власть [20, с. 63]. А. И. Барятинский своим приказом ввел военную власть, учредив Пятигорский округ, во главе с начальником генералом, который включал Кавказские Минеральные Воды. На эту должность назначался генерал главнокомандующим Кавказской армией и утверждался императором. В его обязанности входило обеспечение внутренней безопасности вплоть до применения войск. А также прямая связь с командующим войсками Терской области. Кроме этого, он обязан был наблюдать за лечением воинских чинов, чтобы они не оставались на курортах дольше положенного времени. Военный начальник округа пользовался властью и правами начальника дивизии в отношении войск, расквартированных для военного постоя в районе КМВ [20, с. 63]. Ещё раньше, в 1860 г., А. И. Барятинский внёс предложение: Минеральные Воды, находящиеся в Ставропольской губернии разделить – Пятигорск и Желез-

[1] По Положению «О временном отделении по делам гражданского устройства края» наместничество Кавказское определялось управляющим Кавказскими Минеральными Водами [2, с. 32].

[2] Последний директор Вод, он же военный губернатор КМВ, генерал-майор, барон Леонард Карлович Унгерн-Штернберг.

новодск оставить в Ставропольской губернии, а Кисловодск и Ессентуки передать во вновь учрежденную Терскую область [8, с. 35].

Согласно договору аренды, все находившиеся при Водах земли, хозяйственные постройки, сами минеральные источники с устройствами в них отдавались в полное ведение контрагента на 8 лет. Новая частная администрация Вод приносила определенные выгоды для государства в вопросах найма специалистов управления КМВ, т.к. военные чины Дирекции Вод теперь упразднялись (от генерала вплоть до младших офицеров). Н. А. Новосельский в свою очередь пригласил на должность директора Кавказских Минеральных Вод известного прогрессивного столичного врача С. А. Смирнова (1819–1911)[1], который возглавил новое управление с 1862 г. КМВ вступило в частное управление.

Контрагент был обязан содержать всё казенное имущество в исправности, производить ремонт его за свой счёт. На возведение новых сооружений должен был «спрашивать лично разрешение наместника» [15, с. 187].

Авторитетное мнение наместника Кавказского, несмотря на новизну подхода в управлении, было всецело поддержано всеми властными структурами правительства России.

Итак, наместничество Кавказское, в ведении которого находились курорты КМВ с 1846 г., в конце 50-х гг. XIX в. было озабочено ухудшением материально-технической базы, благоустройством, снижением посещаемости, убыточностью.

Региональные органы власти в лице наместников стремились ликвидировать отсталость путем совершенствования управления Водами. Необходимо было принимать кардинальное решение: либо передавать их в местное управление, что означало закрыть путь их развития ко Всероссийской здравнице, либо новый путь – гражданского управления с передачей в частные руки.

В условиях финансового кризиса после завершения длительного военного конфликта на северо-востоке Северного Кавказа, Крымской войны, введения временного гражданского управления Кавказом и реформированием социально-экономической и правовой системы в стране наместник Кавказский, князь А. И. Барятинский принял решение по кардинальному изменению системы управления казенными курортами. Доверил лечебницу КМВ известному предпринимателю на Юге России на условиях договора контрагентства Н. Н. Новосельскому сроком на 8 лет. Для реализации договора в качестве директора управления КМВ был привлечен профессионал-медик – доктор медицины С. А. Смирнов, что и определило перспективы их научного развития.

Источники и литература

1. Акты собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т.2. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского, 1868. 1238 с.

2. АКАК. Т.12. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказского, 1885. 1546 с.

3. Белозерова Е. В. Государственно-правовая политика Российской Империи в отношении курортов Кавказских Минеральных Вод. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004840640 (Дата обращения: 27.09.2018).

4. Богословский В. С. Пятигорск и с ним смежные Минеральные Воды (с четырьмя планами). М.: [б.и.], 1881. 285 с.

5. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб.: [б.и.], 1829. 463 с.

6. Кавказские Минеральные Воды (Путеводитель). 2-е исправленное и дополненное издание. Составитель доктор М. Милютин. М.: Товарищество Клайн, 1879. 399 с.

7. Копылова Е.Э., Краснокутская Л.И. Становление и развитие военно-медицинской службы на Кавказских Минеральных Водах (1803–2007). Ессентуки: Издательский Дом, 2007. 222 с.

8. Краснокутская Л. И., Михайленко В. И. Управление Кавказскими Минеральными Водами. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004. 160 с.

9. Кривобоков Н. Г. Кавказские Минеральные Воды. Пятигорск, 1994. 184 с.

10. Кулибин С. Очерки истории развития Кавказских Минеральных Вод (1817–1895 г.). СПб.: Типография Киршбаума, 1896. 198 с.

11. Лазарян С. С. Становление предпринимательства в регионе КМВ 1780–1917 гг. Пятигорск: Спецпечать, 2003. 196 с.

12. О передаче Кавказских Минеральных Вод на содержание Н. А. Новосельскому на основании утвержденных правил // Журнал Кавказского комитета. 1862. 3-10 апреля 1862 г. // РГИА. Ф.1268. Оп. 26. Д. 14. Л. 153–174.

13. Пантелеев И. Я. Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. М.: Госгеолтехиздат, 1955. 204 с.

14. Пятигорск в исторических документах 1803–1917. Ставрополь: Книжное издательство, 1985. 352 с.

15. Пятигорск в исторических очерках. История города Пятигорска с древнейших времен до 1917 г. / С. В. Боглачев, В. А. Кузнецов, Н. В. Маркелов / Под общей редакцией Н. В. Маркелова. Пятигорск: Снег, 2014. 320 с.

16. РГИА.Ф.1264.Оп.26.Д.34.

17. РГИА.Ф.1268.Оп.26.Д.24.

[1] Энергичный новатор, в возрасте 40 лет он защитил диссертацию на соискание степени доктора медицины в Московском госуниверситете им. Ломоносова, где возглавлял «Общество Московских врачей».

18. Святловский С. В. Кавказские Минеральные Воды. Справочная книга. К 100-летию курортов КМВ. Екатеринослав: М. С. Копылов, 1898. 308 с.

19. Семина Н. Б. Управление культурными процессами на Кавказских Минеральных Водах в XIX – начале XX вв. URL: http://www.dissercat.com/content/upravlenie-kulturnymi-protsessami-na-kavkazskikh-mineralnykh-vodakh-v-xix-nachale-xx-vv. (Дата обращения: 27.09.2018).

20. Серегина О. И. Курорты Северного Кавказа в военной, экономической и культурной жизни России в конце XVIII – начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/kurorty-severnogo-kavkaza-v-voennoi-ekonomicheskoi-i-kulturnoi-zhizni-rossii-v-kontse-xviii-. (Дата обращения: 27.09.2018).

21. Скальковский К. А. Воспоминания молодости. 1843–1869. СПб.: А. С. Суворина, 1906. 410 с.

22. Ульянова Ю. С. Становление и развитие управления курортами Кавказских Минеральных Вод (конец XVIII в. – 1900 г.). URL: http://www.vipstd.ru/index.php/серия-гуманитарные-науки/серия-гуманитарные-науки-2016/гуманитарные-науки-2016-июнь/572-hum-14. (Дата обращения: 27.09.2018).

References

1. Akty sobrannye Kavkazskoj arkheograficheskoj komissiej *(Acts Collected by the Caucasus Archaeological Commission)*. Vol.2.Tiflis: Caucasian governor printing house, 1868. 1238 p. (In Russian).

2. AKAK.T.12.Tiflis: Caucasian governor printing house, 1885. 1546 p. (In Russian).

3. Belozerova E. V. Gosudarstvenno-pravovaya politika Rossijskoj Imperii v otnoshenii kurortov Kavkazskikh Mineral'nykh Vod *(State and Legal Policy of the Russian Empire in Relation to the Resorts of the Caucasus Mineral Waters)* URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004840640. (Accessed: 27.09.2018). (In Russian).

4. Bogoslovskij V. S. Pyatigorskie i s nimi smezhnye Mineral'nye vody *(Pyatigorsk and Adjacent Mineral Waters)*. Moscow, 1881. 285 p. (In Russian).

5. Debu I. O Kavkazskoj linii i prisoedinennom k nej CHernomorskom vojske ili obshhie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushhikh Kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh *(On the Caucasus Line and the Black Sea Army Attached to it or the General Remarks on Settlement Regiments Protecting the Caucasian Line and on the Neighboring Mountain People)*. St.Petersburg, 1829. 463 p. (In Russian).

6. Kavkazskie Mineral'nye Vody (Putevoditel') *(Caucasus Mineral Waters (Guide)*. Moscow: Partnership Kline, 1879. 399 p. (In Russian).

7. Kopylova E. Eh., Krasnokutskaya L. I. Stanovlenie i razvitie voenno-meditsinskoj sluzhby na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh (1803–2007) *(Formation and Development of Military Medical Service in the Caucasus Mineral Waters (1803–2007)*. Essentuki: Izdatel'skij Dom, 2007. 222 p. (In Russian).

8. Krasnokutskaya L. I., Mikhajlenko V. I. Upravlenie Kavkazskimi Mineral'nymi Vodami *(Management of Caucasus Mineral Waters)*. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2004. 160 p. (In Russian).

9. Krivobokov N. G. Kavkazskie Mineral'nye Vody *(Caucasus Mineral Waters)*. Pyatigorsk, 1994. 184 p. (In Russian).

10. Kulibin S. Ocherki istorii razvitiya Kavkazskikh Mineral'nykh Vod (1817–1895 g.) *(Essays on the History of Caucasus Mineral Waters (1817–1895)*. St.Petersburg, 1896. 198 p. (In Russian).

11. Lazaryan S. S. Stanovlenie predprinimatel'stva v regione KMV 1780–1917 gg. *(Establishment of Entrepreneurship in the Region of CMW in 1780–1917)*. Pyatigorsk: Spetspechat', 2003. 196 p. (In Russian).

12. O peredache Kavkazskikh Mineral'nykh Vod na soderzhanie N. A. Novosel'skomu na osnovanii utverzhdennykh pravil *(On the Transfer of the Caucasus Mineral Waters on the Maintenance of N. Novoselsky on the Basis of the Approved Rules)* // ZHurnal Kavkazskogo komiteta. 1862. April 3-10, 1862 g. //Russian State Historocal Archive (RGIA). F.1268. Inv.26. D.14. L.153–174. (In Russian).

13. Panteleev I. Ya. Ocherk istorii izucheniya i razvitiya Kavkazskikh Mineral'nykh Vod (Essay on the History of the Study and the Development of Caucasus Mineral Waters). Moscow, 1955. (In Russian).

14. Pyatigorsk v istoricheskikh dokumentakh 1803–1917 *(Pyatigorsk in Historical Documents in 1803–1917)*. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 352 p. (In Russian).

15. Pyatigorsk v istoricheskikh ocherkakh. Istoriya goroda Pyatigorska s drevnejshikh vremen do 1917 *(Pyatigorsk in Historical Essays. The History of the City of Pyatigorsk from Ancient Times to 1917)* / ed by N.V. Markelov. Pyatigorsk: Sneg, 2014. 320 p. (In Russian).

16. RGIA. F.1264. Inv.26. D.34. (In Russian).

17. RGIA. F.1268. Inv.26. D.24. (In Russian).

18. Svyatlovskij S. V. Kavkazskie Mineral'nye Vody. Spravochnaya kniga. K 100-letiyu kurortov KMV *(Caucasusn Mineral Waters. Handbook. To the 100th anniversary of CMW Resorts)*. Ekaterinoslav: M.S. Kopylov, 1898. 308 p. (In Russian).

19. Semina N. B. Upravlenie kul'turnymi protsessami na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh v XIX – nachale XX vv. *(Management of Cultural Processes in the Caucasus Mineral Waters in the XIX – early XX Centuries)* URL: http://www.dissercat.com/content/upravlenie-kulturnymi-protsessami-na-kavkazskikh-mineralnykh-vodakh-v-xix-nachale-xx-vv. (Accessed: 27.09.2018). (In Russian).

20. Seregina O. I. Kurorty Severnogo Kavkaza v voennoj, ehkonomicheskoj i kul'turnoj zhizni Rossii v kontse XVIII – nachale XX vv. *(Resorts of the North Caucasus in the Military, Economic and Cultural Life of Russia in the Late XVIII – Early XX Centuries)* URL: http://www.dissercat.com/content/kurorty-severnogo-kavkaza-v-voennoi-ekonomicheskoi-i-kulturnoi-zhizni-rossii-v-kontse-xviii-. (Accessed: 27.09.2018). (In Russian).

21. Skal'kovskij K. A. Vospominaniya molodosti. 1843–1869 *(Memories of the Youth. 1843–1869)*. St.Petersburg: A. S. Suvorina, 1906. 410 p. (In Russian).

22. Ul'yanova Yu. S. Stanovlenie i razvitie upravleniya kurortami Kavkazskikh Mineral'nykh Vod (konets XVIII v. – 1900 g.) *(The Formation and Development of Resort Management of the Caucasus Mineral Waters (the end XVIII century – 1900)*. URL: http://www.vipstd.ru/index.php/seriya-gumanitarnye-nauki/seriya-gumanitarnye-nauki-2016/gumanitarnye-nauki-2016-iyun'/572-hum-14. (Accessed: 27.09.2018). (In Russian).

УДК 94 (47)

Е. Ю. Любушкина, Л. П. Ермоленко

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье речь идет о типах и формах работы общественных организаций на Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. Исходя из особенностей рассматриваемого региона, в силу особой поликультурной среды, отличающей Дон и Северный Кавказ от иных территорий не имеющей аналогов в России, региональные общественные организации представлены отделениями общероссийских обществ, непосредственно региональными самоорганизующимися обществами и объединениями, отражавшими внутрирегиональную специфику. Общественные организации на Дону и Северном Кавказе создавались в русле общероссийского процесса развития гражданских ассоциаций.

В статье показано, что на Дону и Северном Кавказе были представлены как широкопрофильные общественные организации, сочетавшие разные формы работы и виды помощи, так и узконаправленные общественные организации. Рассматривается деятельность сельскохозяйственных общественных организаций, просветительских, научно-интеллектуальных, здравоохранительных, национальных, благотворительных, культурно-эстетических, нравственно-воспитательных, обществ по благоустройству сел и городов. Работа сельскохозяйственных обществ имела значение в процессе углубления специализации агарного производства в регионе: садоводческие и виноградарские ассоциации, общества по развитию пчеловодства, коневодства. Деятельность просветительских обществ была направлена на преодоление проблем неграмотности и оказание разных форм помощи в расширении доступа к получению образования, к учреждению школ, библиотек, воскресных школ, вечерних курсов, проведения лекционных кампаний и народных чтений. Благотворительные общественные организации вели работу по учреждению благотворительных заведений, выплатам пособий, оказанию помощи в деле просвещения и здравоохранения, организации трудоустройства. Качественные показатели работы общественных организаций, затрагивающих широкий спектр проблем позволяет говорить о проявлении активной гражданской позиции членов добровольных общественных объединений.

Ключевые слова: общественные организации, деятельность, Дон и Северный Кавказ, вторая половина XIX – начало XX вв.

E. Yu. Luybyshkina, L. Ermolenko

ON PUBLIC ORGANIZATIONS AT THE DON AND THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article deals with the types and forms of work of public organizations in the Don and the North Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries. Based on the characteristics of the region under consideration, due to the special multicultural environment that distinguishes the Don and the North Caucasus from other territories that have no analogues in Russia, regional public organizations are represented by branches of all-Russian societies, directly regional self-organizing societies and associations that reflect the intraregional specificity. Public organizations in the Don and the North Caucasus were created in line with the all-Russian process of development of civil associations.

The article shows that there were both wide-profile public organizations, combining different forms of work and types of assistance, and narrowly targeted public organizations in the Don and the North Caucasus. The activity of agricultural public organizations, educational, scientific and intellectual, health, national, charitable, cultural, aesthetic, moral and educational societies for the improvement of villages and cities is considered. The work of agricultural societies was important in the process of deepening the specialization of agricultural production in the region: gardening and vine-growing associations, societies for the development of beekeeping and horse breeding. The activities of educational societies were aimed at overcoming the problems of illiteracy and providing various forms of assistance in expanding access to education, to the establishment of schools, libraries, Sunday schools, evening courses, conducting lecture campaigns and public readings. Charitable public organizations conducted work on the establishment of charitable undertakings, payment of benefits, assistance in education and health, employment management. The qualitative indicators of the work of public organizations affecting a wide range of problems allows the author to speak about the active civic stance of members of voluntary public associations.

Key words: public organizations, activities, the Don and the North Caucasus, the second half of the XIX – early XX centuries.

Основная миссия общественных организаций в обществе заключается в решении общественных проблем, а соответственно, происходит объединение граждан в группы по интересам, в зависимости от того, преодоление какой проблемы преследуют граждане, создавая ту или иную

общественную организацию. Историко-географический признак определил формирование определенных типов общественных организаций в Области войска Донского и Северного Кавказа, создание и деятельность одних обществ в большей степени, других в меньшей. В этой связи, мы подразделяем региональные общественные организации на три укрупненных типа: 1) отделения общероссийских обществ, 2) региональные самоорганизующиеся общества, 3) объединения, отражавшие внутрирегиональную специфику – национальные общественные организации, казачьи общества, общественные организации по развитию курортного дела.

Период Великих реформ, способствовавший общественному подъёму в стране и массовому возникновению добровольных объединений, совпал с процессом активного включения в общественную жизнь народов Юга России. Проецируя «модель самоорганизации» столичных городов, провинциальные общественные деятели стремились не отставать от веяний времени: «порой провинциалы показывали себя более инициативными, чем столичные общественные деятели» [12, с. 57]. В дальнейшем, период наивысшей активности общественных организаций, наблюдавшийся в империи на рубеже XIX–XX вв., имел аналогичное явление и на территории рассматриваемого региона.

В деятельности общественных организаций принимали участие представители различных социальных групп: дворяне, духовенство, интеллигенция, казачество, купцы, мещане, крестьяне. Анализ архивных материалов позволяет выделить элитарные общественные организации (клубные объединения дворян) и разнородные в сословном составе общества. Наиболее эффективными и полифункциональными были общественные организации, в составе которых числились лица привилегированных сословий, что позволяло решать многие проблемы, стоявшие перед обществом.

Дон и Северный Кавказ – регион, в котором активно развивалось земледелие, животноводство, овцеводство, виноградарство и виноделие. В целях развития сельского хозяйства со второй половины XIX в. в регионе предпринимались попытки создания общественных организаций в агроэкономической сфере. Агроэкономические общества Дона и Северного Кавказа досоветского периода условно можно разделить на широкопрофильные, охватывавшие все виды хозяйства и узконаправленные или отраслевые (общества пчеловодства, садоводства, виноградарства, рыболовства, овцеводства, др.). На Дону и Северном Кавказе активно открывались отделения общероссийских обществ в агроэкономической сфере: Ростовский-на-Дону отдел Императорского Московского общества сельского хозяйства (1902), Прикумский отдел комитета виноградарства и виноделия при Императорском Московском обществе сельского хозяйства (1903), три отдела Императорского Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства, Екатеринодарский отдел Императорского российского общества рыбоводства и рыболовства.

Повсеместно в рассматриваемом регионе создавались самоорганизующиеся сельскохозяйственные общественные организации: широкопрофильное Ставрополь-Кавказское общество сельского хозяйства (1860, воссозданное в 1909 г.), организовавшее показательный пункт по производству молочного скота (1910 г.); прокатную станцию сельхозмашин и зерноочистительный пункт (1911 г.). Одним из направлений деятельности Общества было проведение с 1912 г. ежегодных сельскохозяйственных курсов. Основной целью курсов было стремление «привлечь в число слушателей земледельцев-арендаторов городских земель» [9, с. 20]. Лекционный курс включал 15 дисциплин и был рассчитан на 66 лекционных часов. Преподавание вели ученый агроном при Ставропольской городской опытной сельскохозяйственной станции Б. С. Эммануэль, старший специалист Департамента Земледелия по животноводству Ставропольской губернии Л. Н. Мардовин, старший специалист по сельскохозяйственной части при Департаменте земледелия Х. И. Клейн, специалист по прикладной ботанике при Ставропольской губернской сельскохозяйственной станции М. В. Бржезицкий, преподавательница Ольгинской женской гимназии А. П. Максименко и др.

Распространённой формой были узкоспециализированные сельскохозяйственные общества, которые учреждались практически в каждом населённом пункте Дона и Северного Кавказа. Примером узкоспециализированных обществ выступает Ставропольское общество пчеловодства и садоводства (1908), наладившее процесс сбыта меда, в частности, в Ригу, создавшее учебно-показательную пасеку, сад, питомник. При Обществе с 1911 г. ежемесячно проводились общедоступные бесплатные курсы по пчеловодству, садоводству, виноградарству и огородничеству, сопровождавшиеся практическими работами. Достижения этого общества были отмечены на 1-й Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной выставке в 1911 г. малой серебряной медалью от Департамента земледелия [10, с. 15]. Создание сельскохозяйственных обществ в губернском центре способствовало открытию подобных объединений в уездах.

В Кубанской области наряду с отделениями общероссийских обществ создавались самоорганизующиеся общественные организации, среди которых можно отметить широкопрофильное Кубанское экономическое общество (1875 г.), открывшееся с целью «содействия развитию различных отраслей сельского хозяйства и промышленности в Кубанской области» [3, с. 171]. 8 ноября 1880 г. Общество открыло земледельческо-ремесленную школу на хут. Пришиб. Обществу было выделено 157 десятин земли для устройства образцового хозяйства, на котором располагались метеорологическая станция, мастерские, кузница, скотный двор, фруктовый сад, виноградник, пчельник. В 1899 г. вывоз фруктов и овощей достиг почти 200 000 пудов. Продукты на-

правлялись на рынки в Ростов, Новочеркасск, Новороссийск, Москву, Владикавказ, Харьков, Воронеж, Пятигорск, Армавир, Тулу, Санкт-Петербург, Царицын, Ставрополь и др. [6, с. 8]. Общество организовывало выставки, занималось издательской деятельностью.

В Области войска Донского Ростовским-на-Дону отделом Императорского Московского общества сельского хозяйства (1902 г.) были организованы Семибалковская сельскохозяйственная школа, Андреевская практическая школа птицеводства, станция использования земледельческих машин и орудий, опытное поле, сельскохозяйственная метеорологическая станция, сеть показательных участков (например, к 1910 г. таких участков насчитывалось 12). Активную деятельность вели Таганрогское общество сельского хозяйства (1867, возобновлена деятельность с 1886 г.), Хопёрское сельскохозяйственное общество (1893 г.), Ростовское-на-Дону общество садоводства (1901 г.) и др.

В Терской области были открыты отделения общероссийских сельскохозяйственных обществ – Владикавказский отдел Императорского Российского общества плодоводства, Отдел императорского Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства в Нальчике, Пятигорский отдел Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, а также самоорганизующиеся сельскохозяйственные организации – Терское общество сельского хозяйства, Горячеводское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, Червленское общество сельского хозяйства и др., в формах работы которых были организация выставок, опытных станций, складов земледельческих машин и орудий.

Учредителями Кабардинского скакового общества (1914 г.), открытого с целью «развития кровного коннозаводства для улучшения конских пород» [14, л.17], проводились съезды коннозаводчиков, организовывались скачки, на которых демонстрировались различные породы лошадей Кавказа, России, зарубежных стран. В целом, на рубеже XIX–XX вв. на Дону и Северном Кавказе было открыто 83 агроэкономических общества. В том числе, в Ставропольской губернии – 35, в Области войска Донского – 22, в Терской области – 15, в Кубанской области – 11[1].

Учреждались общества ветеринарных врачей, на основе некоторых возникали отделы Российского общества покровительства животным, организующие лечебницы, образцовые кузницы, пропагандирующие гуманное отношение к животным.

В целях улучшения городской и сельской инфраструктуры в начале XX в. на Дону и Северном Кавказе создавались общественные организации по благоустройству сел и городов – в уездах Ставропольской губернии были открыты Общество благоустройства с. Александровского (1906 г.), Общество по благоустройству с. Петровского (1913 г.), в Терской области – Общество курортного благоустройства в сел. Железноводское (с 1909 г.). В области войска Донского, в частности в г. Ростове-на-Дону было открыто Общество водоснабжения и газового освещения. Общество тесно сотрудничало с Городской управой и различными учреждениями. В общество поступали разные прошения от частных лиц и общественных организаций о приведении в готовность водопроводных линий, фильтров, водомеров, труб [2, л. 13].

Просветительские общества объединяли в большинстве случаев широкий круг провинциальной интеллигенции. Отсутствие чёткой и последовательной системы реформирования образования российским правительством на окраинах империи являлось одной из причин возникновения общественных организаций в содействии распространению просвещения в Области войска Донского и на Северном Кавказе. Принимая во внимание профиль деятельности просветительских общественных организаций Дона и Северного Кавказа, отметим особенность, заключавшуюся в создании и деятельности добровольных обществ, которые занимались оказанием помощи в получении начального, среднего и специального образования, исходя из статуса учебных заведений. Это широко известные узконаправленные просветительские общественные организации: Общество содействия народному образованию в области войска Донского (1878), Общество содействия распространению народного образования в г. Ставрополе (1878 г.), Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний в г. Екатеринодаре (1901 г.), Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области (1882), др. В регионе выявлено 57 обществ, занятых в сфере образования в изучаемый период, в том числе: в Кубанской области – 29, в Терской области – 14, в Области войска Донского – 8, в Ставропольской губернии – 6[2].

В России первое просветительское общество – Вольное общество учреждения взаимного обучения возникло в 1819 г. На Дону и Северном Кавказе первое общество, нацеленное на развитие просвещения и образования было создано только

[1] Подсчитано автором на основе архивных данных: государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46; Ф. 301; Ф. 442; Ф. 444; Ф. 685; Ф. 806; Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 199; Ф. 12; Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 2; Ф. И-6; Ф. 50; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454; Ф. 583; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101; Ф. 62; Ф. 311; Ф. 296; Ф. 612; Ф. 1008 и др.

[2] Подсчитано автором на основе архивных данных: государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46; Ф. 301; Ф. 442; Ф. 444; Ф. 685; Ф. 806; Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 199; Ф. 12; Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 2; Ф. И-6; Ф. 50; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454; Ф. 583; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101; Ф. 62; Ф. 311; Ф. 296; Ф. 612; Ф. 1008 и др.

лишь в 1874 г. в области войска Донского под названием «Общество содействия народному образованию в г. Новочеркасске», переименованное с 1893 г. в «Общество содействия народному образованию в области войска Донского в г. Новочеркасске». Оно открылось с целью «содействия правительственным и общественным учреждениям в их заботах о народном образовании». Основной задачей общества являлась организация просветительских учреждений в разных местах области. Деятельность Правления Общества заключалась в руководстве открытыми Обществом внешкольными просветительскими учреждениями, в снабжении школ учебниками и учебными пособиями. При этом правление Общества считало, что «из просветительских учреждений самым необходимейшим для всех населённых мест области является библиотека». В 1901 г. Обществом были открыты народные чтения в 16-ти станицах и хуторах области войска Донского, в 5–ти населенных пунктах открыты пришкольные библиотеки, а также возбуждено свыше 10-ти ходатайств об открытии пришкольных библиотек в разных пунктах Донской области [8, с. 4]. Общество имело книжный склад по продаже учебников и учебных пособий. В 1903 г. было открыто 43 пришкольных библиотеки в 9-ти округах области и 12 общедоступных в разных округах; прочитано 66 лекции, которые посетили 21 000 чел. [7, с. 48] Общество пыталось организовать постоянные платные чтения, рассчитывая на поддержку интеллигенции, однако широкого развития это дело не получило. К бесплатным воскресным чтениям относились чтения по русской истории и духовно-нравственного содержания. Участниками общества организовывались начальные народные училища, в том числе воскресные школы, учреждались книжные склады.

На Ставрополье 10 октября 1878 г. было учреждено просветительское общество – Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе с целью «распространения в народе полезных знаний через учреждение начальных народных училищ» [1, л. 1–3]. Обществом были открыты 3 начальных (1879, 1900), 4 воскресных школы, в которых в течение 14 лет обучалось до 7 000 человек, 9 библиотек, общеобразовательные курсы (1903). Одним из направлений деятельности Общества с 1892 г. было устройство народных чтений, проведение лекций. В 1890-е гг. в Обществе насчитывалось 18 чтецов-педагогов, которыми проводились чтения не только в г. Ставрополе, но и организовывались выездные кампании в села Ставропольской губернии. На рубеже XIX – начала XX вв. в селах Ставропольской губернии были открыты Пушкинское просветительное общество в Медвеженском уезде (1899 г.), Просветительное общество в с. Белая Глина (1906 г.), Большедербетовское общество образования (1911 г.) и др.

В Кубанской области были открыты Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний (1901 г.), Екатеринодарское просветительское общество (1906 г.), в 1908 г. – Псебайское иногороднее общество образования (1908 г.), в 1908 г. – Армавирское просветительное общество (1908 г.). В их деятельности – открытие училищ, проведение народных чтений, лекций, открытие библиотек, читален. В начале XX в. просветительские общества были открыты практически во всех отделах Кубанской области: к 1914 г. их количество достигло 17-ти [4, с. 292–293].

Формы работы просветительских обществ предусматривали оказание материальной помощи училищам, ученикам, учреждение стипендий, поощрение учителей за успехи в работе, содействие в развитии внешкольного образования (открытие воскресных школ и вечерних курсов), организацию лекций и народных чтений, открытие библиотек и читален, участие во всероссийских съездах деятелей народного образования и просвещения и т.д.

На территории Дона и Северного Кавказа со второй полвины XIX в. возникает сеть научно-интеллектуальных обществ, спецификой деятельности которых было изучение региона в контексте различных дисциплин: истории, археологии, этнографии, статистики, культуры, технических наук, медицины, сельского хозяйства.

В России к 1897 г. насчитывалось более 180 различных научных обществ, охватывавших практически все научные дисциплины [11, с. 44]. Не отставая от столичных центров, провинциальная интеллигенция Дона и Северного Кавказа инициировала открытие научно-интеллектуальных обществ, в которые она объединялась для реализации широкого круга проектов. К узконаправленным научно-интеллектуальным обществам, ставившим решение одной конкретной задачи, следует отнести Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (1894), Владикавказское политехническое общество (1909), др. Интеллектуальной деятельностью занимались медицинские и сельскохозяйственные общественные организации Дона и Северного Кавказа.

Определенный вклад в развитие и популяризацию науки внесли социально-сословные общественные организации – казачьи общества. Например, Терское общество любителей казачьей старины (1909), воспитательная функция которого была бы направлена «на развитие чувства казачьего самосознания и гордости, черпаемых в исторических данных» [14, л. 1], проводило комплексные исследования казачества Терского войска, члены общества с помощью городской думы способствовали сохранению памятников старины. Учредители Общества организовывали экспедиции и экскурсии, занимались издательской деятельностью, сбором коллекций, книг, рукописей, устройством публичных лекций, бесед и диспутов. М. А. Караулов и Х. М. Мельников занимались составлением историко-географического словаря области Терского войска и библиографического указателя; почётный член Общества генерал-лейтенант В. А. Потто неоднократно выступал с фрагментами из своего капитального исторического труда «История Терского казачьего войска». Организаторы Общества выступали

перед городской Думой с различными вопросами: о мерах борьбы с вандализмом в области, о необходимости создания собственного войскового собрания для концертов, вечеров и научных сообщений, об учреждении конкурса на премию «За лучший научный труд». Волновала членов Общества и проблема сохранения памятников старины. В связи с этим, Общество ходатайствовало перед начальником области с просьбой о том, что прежде чем разрушить какой-либо памятник, администрация должна вынести вопрос о его разрушении на обсуждение Общества, привлечь работников администрации к охране исторических памятников. Члены Общества стремились разнообразить свою работу, привлекая к интеллектуальному труду как можно больше граждан. К примеру, 21 февраля 1913 г. в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых был организован съезд Терского общества любителей казачьей старины. На съезде секретарь Общества объявил об открытии ежегодного конкурса с премированием лучших сочинений исторического и беллетристического характера по теме: «Значение Терского казачьего войска в жизни России» [14, л. 13]. Широким спросом у интеллигенции пользовался издаваемый Обществом с 1912 г. «Сборник Общества любителей казачьей старины». Велика заслуга донских и кубанских обществ любителей изучения казачества.

Со второй половины XIX в. на Дону и Северном Кавказе возникают здравоохранительные общества. Масштабное распространение медицинские общества получили после издания в 1869 г. «Нормального устава общества врачей №№ губернии или №№ города». К 1905 г. в России насчитывалось около 130 обществ врачей и медицинских обществ [11, с. 40]. Инициаторами создания здравоохранительных обществ выступали медики, фельдшера, фармацевты, стремившиеся повлиять на улучшение положения здравоохранения в регионе. С учётом деятельности и форм работы обществ, действовавших в сфере здравоохранения в рассматриваемом регионе, их также можно разделить на широкопрофильные здравоохранительные общества и узконаправленные медицинские общества, деятельность которых была сосредоточена на определенной отрасли медицины.

В пределах рассматриваемого региона насчитывается 21 здравоохранительное общество: в Области войска Донского – 6, в Кубанской области – 5, в Ставропольской губернии – 6, в Терской области – 3[1].

На рубеже XIX–XX вв. особенно заметна активизация национальных обществ. В регионе распространялись широкопрофильные национальные общественные организации, в деятельности которых преобладали филантропические формы работы: Дамское общество помощи бедным евреям (Ставрополь, 1906), Анапское эллинское благотворительное общество Кубанской области (1906), Владикавказское благотворительное мусульманское общество «Муруват» (1907), еврейское общество «Ортодокс» при главной синагоге в Ростове-на-Дону (1913). Специфика деятельности национальных общественных организаций Дона и Северного Кавказа заключалась в том, что в регионе они создавались не только с благотворительными и просветительскими целями, но с конфессиональными, культурно-эстетическими и сельскохозяйственными. Наибольшей активностью из национальных объединений отличались армянские и осетинские общества, так как эти народы были более развиты экономически и социально активны в организованной защите своих интересов.

Преобладанием этноконфессиональных функций отличались римско-католические и евангелическо-лютеранские общества в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Екатеринодаре, Терской области. Мусульманские общества были менее активны: из них можно особо отметить деятельность Ставропольского мусульманского благотворительного общества, Общества просвещения магометан (Ростов-на-Дону).

Наибольшее количество национальных общественных организаций с ярко выраженной этнической принадлежностью было в Терской области – 16, затем в Кубанской области – 12; в Ставропольской губернии – 4; в Области войска Донского – 2[2]. Большое число национальных обществ на Тереке объясняется высокой степенью полиэтничностью области.

Старейшими типами региональных общественных организаций являлись развлекательные общества, учреждавшиеся по аналогии с общероссийскими, как замкнутые сословные организации (Дворянский клуб в г. Ставрополе, Дворянское общественное собрание в г. Владикавказе и др.), так и объединяющие представителей различных сословий (Новочеркасский клуб всех сословий, Пятигорский клуб и др.). Клубные объединения являлись узконаправленными обществами, в сферу деятельности которых входило устройство различных развлекательных мероприятий – балов, маскарадов, танцев, концертов для населения как городского, так и сельского.

[1] Подсчитано автором на основе архивных данных: государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46; Ф. 301; Ф. 442; Ф. 444; Ф. 685; Ф. 806; Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 199; Ф. 12; Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 2; Ф. И-6; Ф. 50; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454; Ф. 583; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101; Ф. 62; Ф. 311; Ф. 296; Ф. 612; Ф. 1008 и др.

[2] Подсчитано автором на основе архивных данных: государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46; Ф. 301; Ф. 442; Ф. 444; Ф. 685; Ф. 806; Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 199; Ф. 12; Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 2; Ф. И-6; Ф. 50; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454; Ф. 583; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101; Ф. 62; Ф. 311; Ф. 296; Ф. 612; Ф. 1008 и др.

Для широкопрофильных благотворительных общественных организаций были характерны классические виды оказания помощи населению: выплата единовременных и постоянных пособий; содержание благотворительных заведений, бесплатное лечение, открытие школ, выделение средств на обучение, выплата стипендий, трудоустройство. Региональные благотворительные общества, наряду с общероссийскими, оказывали помощь нуждающимся не только в мирное время, но и в периоды социальных потрясений, мобилизуясь в экстремальных условиях революций, войн, неурожаев, стихийных бедствий. К узкоспециализированным благотворительным общественным организациям мы относим те, которые специализировались на решении конкретной проблемы: общества взаимопомощи, общества вспомоществования, действовавшие в сфере помощи получения образования.

Примерами узкоспециализированных благотворительных обществ являются общественные организации по призрению детей: Донское общество призрения детей Новочеркасского сиропитательного дома, Общество «Друг детей» в г. Таганроге, Комитет попечения о беспризорных детях школьного возраста г. Екатеринодара, Общество попечения о детях в с. Армавир, Ставропольское общество содействия воспитанию и защиты детей, Общество по призрению детей и лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей в слободе Нальчик, Общество попечения о сиротах и бедных детях в г. Грозном и др.

Проблемы детской беспризорности, организация помощи сиротам, вопросы воспитания звучали как настоятельная потребность в местном обществе, где беспризорность рассматривалась как социальная патология, ведущая в пропасть, для предотвращения которой необходима консолидация местных властей и состоятельных горожан, способных позаботиться о судьбах, нуждающихся в помощи детей.

Относя к узкоспециализированным благотворительным общественным организациям общества взаимопомощи, отметим, что они также создавались по аналогии с распространёнными в России обществами. К 1899 г. в стране действовало свыше 200 объединений взаимопомощи [11, с. 12].

Основной формой помощи для всех категорий нуждающихся была выплата пособий. Ежегодно благотворительные организации Кубани помогали более чем 2,5 тыс. людей и 20-ти семьям [5, с. 127]. Для трудоспособного и нетрудоспособного населения учреждались богадельни, дома призрения для престарелых и т.д.

Организаторы культурно-эстетических обществ явились инициаторами создания музыкальных школ и училищ, которые действуют и сегодня; они заложили основы художественного творчества, открывая первые курсы, школы, организовывая выставки, традиция которых была продолжена художниками других поколений. Любительские постановки спектаклей активизировали в дальнейшем создание профессиональных театров. Формы работы культурно-эстетических обществ включали также устройство литературных, музыкально-драматических вечеров, балов, маскарадов, спектаклей, приглашение профессионалов из столичных городов России, что свидетельствует о стремлении к высокому уровню развития культуры среди населения региона.

В конце XIX – начале XX в. в общественной жизни России заметную роль стали играть нравственно-воспитательные общественные организации, прежде всего, Общества трезвости, которые вели антиалкогольную пропаганду, организовывая лекции, народные чтения, беседы о вреде пьянства, публикуя статьи и брошюры о здоровом образе жизни. Учредители обществ трезвости открывали чайные, чайно-читальни, устраивали культурно-зрелищные мероприятия. Общества трезвости были открыты на Кубани – Екатеринодарское общество борьбы с пьянством (1907), на Дону – Власовское общество трезвости при руднике Е. Т. Парамонова хут. Власово-Грушевском Новочеркасской станции (1910), в Ставрополе – Старофорштадский клуб трезвости (1913) и др.

По характеру внедрения в жизнь различных нововведений все общественные организации являлись прогрессивными, подразделяясь на возникшие ранее или в начале обозначенного периода, и общественные организации, появившиеся на рубеже XIX–XX вв. Исходя из этого, можно отметить общественные организации, в деятельности которых преобладали традиционные формы работы (в основном благотворительные общества) и объединения, сочетавшие как классические, укоренившиеся виды работы, так и инновационные, отвечающие требованиям времени (нравственно-охранительные, здравоохранительные общества и др.).

По эффективности проводимых мероприятий, реализации разработанных плановых мероприятий каждая группа общественных организаций имела свою специфику: по объему привлеченных средств, по уровню стабильности и непрерывности функционирования обществ, масштабности проводимых мероприятий и достигаемых результатов и т.д.

Возникновение и функционирование общественных организаций в поликультурном регионе проходило без отрыва от общих социально-политических, экономических и культурных преобразований в государстве. Под влиянием общественно-политического движения в империи, выражавшегося в создании общественных организаций, передовая общественность региона со второй половины XIX в. активно подключилась к общероссийскому процессу создания добровольных гражданских ассоциаций.

Учитывая специфику окраинной территории России с особым социально-экономическим и политическим развитием, поликонфессиональностью, а также этнокультурными традициями, отличительной особенностью представленных в регионе общественных организаций можно считать как создание и деятельность отделений общероссийских обществ, так и возникновение

региональных самоорганизующихся обществ, а также объединений, отражавших внутрирегиональную специфику.

Функциональная деятельность гражданских объединений региона свидетельствует о достаточно высокой степени активности провинциальной общественности, органично вписывающейся в единое политическое и социокультурное пространство Российской империи. Количественный показатель обществ, представленных на Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (Область войска Донского – 206, Кубанская область – 170, Терская область – 115, Ставропольская губерния – 111) [11] свидетельствовал о новом структурировании общества, ориентированного на формирование социальных институтов гражданского общества в регионе. Усиление позиций добровольных обществ в социокультурной и общественно-политической жизни на Дону и Севером Кавказе, особенно вначале XX в. свидетельствовало о начавшемся процессе формирования гражданского общества в южнороссийском регионе.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. № ДПОО – 4. Оп. 1905. Д. 1255. Ч. 18.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 181. ОП. 1. Д. 16.
3. Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар: Кубанский обл. стат. ком., 1899. 615 с.
4. Кубанский календарь на 1914 г. Екатеринодар: Кубанский обл. стат. ком., 1914. 805 с.
5. Оспищева Л.Е. История благотворительных организаций на Кубани (конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2003. 255 с.
6. Отчет о деятельности Кубанского экономического общества за 1900. Екатеринодар, б.и., б.г.
7. Отчет о деятельности Общества содействия народному образованию в области войска Донского за 1898 г. Новочеркасск: Областная в. Д. типография, 1899. 35 с.
8. Отчет о деятельности правления Общества содействия народному образованию в области войска Донского за 1901 г. Новочеркасск: Областная в. Д. типография, 1902. 105 с.
9. Отчет о деятельности Ставрополь-Кавказского сельскохозяйственного общества за 1912 г. Ставрополь: Новая типография Хаймовича, 1913. 56 с.
10. Отчет Ставропольского общества пчеловодства и садоводства о состоянии пчеловодства и садоводства в Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915.
11. Степанский А. Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. / А. Д. Степанский; Под ред. Н. П. Ерошкина. М.: МГИАИ, 1982.
12. Туманова А. С. Общественность и формы её самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX в. // Отечественная история. 2007. №6. С. 50-63.
14. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР.) Ф. И-6. Оп. 1. Д. 610.
15. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 203. Оп. 1. Д. 20.

References

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 102. №.DPOO – 4. Inv. 1905. D. 1255. (In Russian).
2. State archive of the Rostov region (GARO). F. 181. Inv. 1. D. 16. (In Russian).
3. Kubanskij kalendar' na 1899 g. (Kuban Calendar for 1899). Ekaterinodar, 1899. (In Russian).
4. Kubanskij kalendar' na 1914 g. (Kuban Calendar for 1914). Ekaterinodar, 1915. (In Russian).
5. Ospishheva L.E. Istoriya blagotvoritel'nykh organizatsij na Kubani (konets XIX – nachalo XX veka): opyt izucheniya *(The History of Charitable organizations in the Kuban (late XIX – early XX century): the Experience of Studying)*. Majkop: GURIPP «Adygeya», 2003. (In Russian).
6. Otchet o deyatel'nosti Kubanskogo ehkonomicheskogo obshhestva za 1900. *(Report on the Activities of the Kuban Economic Society in 1900)*. Ekaterinodar, b.g. (In Russian).
7. Otchet o deyatel'nosti Obshhestva sodejstviya narodnomu obrazovaniyu v oblasti vojska Donskogo za 1898 g. *(Report on the Activities of the Society in the Promotion of Public Education in the Don Cossack Region in 1898)*. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. tipografiya, 1899. (In Russian).
8. Otchet o deyatel'nosti pravleniya Obshhestva sodejstviya narodnomu obrazovaniyu v oblasti vojska Donskogo za 1901 g. *(Report on the Activities of the Board of the Society in the Promotion of Public Education in the Don Cossack Region in 1901)*. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. tipografiya, 1902. (In Russian).
9. Otchet o deyatel'nosti Stavropol'-Kavkazskogo sel'skokhozyajstvennogo obshhestva za 1912 g. *(Report on Activities of the Stavropol-Caucasian Agricultural society in 1912)*. Stavropol': Novaya tipografiya KHajmovicha, 1913. (In Russian).
10. Otchet Stavropol'skogo obshhestva pchelovodstva i sadovodstva sostoyanii pchelovodstva i sadovodstva v Stavropol'skoj gubernii za 1914 g. *(Report of the Stavropol Society of Beekeeping and Gardening on the State of Beekeeping and Horticulture in the Stavropol Province in 1914)* Stavropol', 1915. (In Russian).
11. Stepanskij A. D. Obshhestvennye organizatsii v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. *(Public Organizations in Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries.)* / A. D. Stepanskij; N.P. Eroshkin. Moscow: MGIAI publ., 1982. (In Russian).
12. Tumanova A. S. Obshhestvennost' i formy eyo samoorganizatsii v imperskoj Rossii kontsa XVIII – nachala XX v. *(The Public and the Forms of its Self-organization in Imperial Russia at the End of the 18th – Beginning of the 20th c.)* // Otechestvennaya istoriya. 2007. No.6. (In Russian).
13. Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic (CGA KBR). F. I-6. Inv. 1. D. 610. (In Russian).
14. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CGA RSO-Alaniya). F. 203. Inv. 1. D. 20. (In Russian).

УДК 94(47).083

Т. Е. Покотилова

РОССИЙСКАЯ ФИЛАНТРОПИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье исследуется содержание благотворительной практики в Терской области Российской империи в условиях участия страны в Первой мировой войне. На конкретном историческом материале выявлены основные направления и формы сотрудничества общества и власти в оказании помощи пострадавшим от войны и участникам военных действий. Исследована предметная филантропическая деятельность как ранее действовавших на территории области благотворительных организаций, так и вновь созданных, в том числе в качестве отделений ряда российских благотворительных организаций, возникших по результатам начала военных действий, а также благотворительная активность отдельных граждан. Показано, что, собирая пожертвования, открывая приюты, лазареты, мастерские для профессиональной реабилитации воинов-инвалидов, снабжая фронтовиков самым необходимым, помогая беженцам, готовя медсестер для работы в госпиталях, общество, в самых разных его слоях, и местная власть, вдохновляемые примером многих членов императорской фамилии, проявили единодушие в стремлении помочь стране и армии пережить время военных невзгод и лишений.

Ключевые слова: благотворительность, Первая мировая война, Терская область, раненые, инвалиды, сироты, беженцы, помощь, благотворительные ведомства и общества, органы власти и городского самоуправления.

T. E. Pokotilova

RUSSIAN PHILANTHROPY AND THE FIRST WORLD WAR (ON MATERIALS OF THE TEREK REGION)

The article studies charitable practices in the Terek region of the Russian Empire during World War I. With the reference to particular historical material the author reveals the main forms and directions of cooperation between the authority and society in helping war-stricken and participants of warfare. The author studies philanthropic activities of charitable organizations, previously acted and newly established, including branches of a number of organizations that emerged at the beginning of World War I. For another thing, the charitable activities of individual citizens were explored. Collecting donations, opening shelters, hospitals, workshops for vocational rehabilitation of disabled soldiers, supplying front-line soldiers with the most necessary, helping refugees, preparing nurses for work in hospitals, society, in its most diverse layers, and local authorities, inspired by many members of the imperial family, showed unanimity in an effort to help the country and the army survive the time of military adversity and deprivation.

Key words: charity, World War I, Terek region, disabled people, orphans, refugees, help, charities, authorities, municipality.

Современная отечественная историческая наука уже немыслима без оформившегося за последние десятилетия целого направления исследований, связанных с историей российской благотворительности. Написаны и защищены более сотни кандидатских и не менее двух десятков докторских диссертаций, регулярно проводятся представительные научные и научно-практические конференции, в т. числе международного характера. Публикуются монографии [2; 4; 5; 9; 11; 12; 14; 18–21; 27 и др.] и научные статьи, предметами исследования которых становятся направления благотворительной деятельности в дореволюционной России, отдельные аспекты истории благотворительности как общероссийского социокультурного феномена. В них также реконструируются исторические модели благотворения в формате деятельности отдельных личностей, сословий, церкви, общественных организаций и целых благотворительных ведомств на общероссийском, региональном и муниципальном уровнях; изучается деятельность благотворительных заведений и учреждений; исследуются проблемы объединения благотворительных усилий участников благотворительного процесса и т.д. Масштаб и научное качество состоявшихся исследований в сфере истории российской благотворительности, в свою очередь, вызвали к жизни специальные историографические труды [17; 22; 28–31], отдельным аспектом которых стал и анализ состояния разработки проблем истории благотворительной деятельности в условиях военного времени.

Специальных работ, посвященных истории благотворительности в Терской области в годы Первой мировой войны, пока не создано. При

этом отдельные ее аспекты получили фрагментарное освещение в трудах Х. А. Атабиева [1], А. А. Бесоловой [3], Т. А. Корниенко [6], В. С. Краснокутского [7], Ю. В. Нагорной [8], Е. В. Омылаевой [10], Т. Е. Покотиловой [15;16], Ч. В. Тигиева [25].

Количество и масштабы военных конфликтов, в которых Россия становилась одной из участвующих сторон на протяжении своей истории, определили высокую степень значимости благотворительного участия в решении проблем, связанных с преодолением последствий этих конфликтов и помощью в обеспечении воинов самым необходимым. Именно поэтому власть стремилась инициировать и возглавить здесь благотворительную активность, часто сливаясь с обществом в сфере оказания подобной помощи. Г. Н. Ульянова мотивированно настаивает на том, что в «отношении деятельности многочисленных общественных организаций в период Первой мировой войны термин «благотворительность» несколько условен. Чистой благотворительностью является лишь деятельность, целиком осуществляемая на пожертвования и силами добровольцев, а в годы войны наблюдался симбиоз власти и общества в сфере оказания помощи: частные пожертвования поступали в филантропические ведомства, имевшие также государственные дотации, и, наоборот, субсидии из казны переходили к местному самоуправлению, частным филантропическим обществам» [26; с. 230].

Источники свидетельствуют, что Терская область не стала здесь исключением. При личной инициативе и под патронажем членов мператорской семьи, под руководством центральной и местной властей, при деятельном участии Всероссийского союза городов многие жители области частным образом либо в составе различных благотворительных организаций стали активными участниками движения по сбору пожертвований и организации работы детских и иных приютов, бесплатных столовых, мастерских трудовой помощи для инвалидов войны и др.

Практически, на второй неделе после вступления России в войну императором издается указ о создании в стране центрального органа по организации помощи семьям воинов – Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов [13]. Эффективность действий этого руководящего органа планировалось обеспечить, в первую очередь, составом его членов. В него вошли, кроме непосредственного руководителя – императрицы Александры Федоровны, председатель Совета министров, председатель Государственного совета, председатель Государственной думы, основные министры, руководители Российского общества Красного Креста и ряда других крупных благотворительных ведомств, главноуполномоченные Всероссийского городского и Всероссийского земского союзов. Определив нормы пособий для членов семей и пострадавших воинов, утвердив механизм определения перечня получателей пособий, Совет начал работу по организации сбора средств на них.

Исполнение этих решений в Терской области осуществлялось по линии местной власти, органов городского самоуправления, уже действовавших до этого на ее территории благотворительных организаций и вновь создаваемых, в том числе в качестве отделений ряда российских благотворительных организаций, возникших по результатам начала военных действий, а также отдельными гражданами.

Фонды Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания) содержат массу документов изучаемого периода, связанных с действиями названных субъектов благотворительного движения.

Так, например, известно, что практически в первые дни войны в Петрограде создается Кавказский Комитет ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи пострадавшим от войны. Объявленная им цель – «…изыскание средств для оказания помощи семьям лиц, призванных на войну, а также всем, так или иначе пострадавшим от войны: увечным воинам, беженцам с мест, входящих в район военных действий и т.п.» [35; л. 134 об.]. Во Владикавказе создается областной комитет этой организации, а в Пятигорске, Грозном, Моздоке, Кизляре, Нальчике, Ведено и Хасав-Юрте – местные и уездные отделы Комитета. Председателем Терского областного комитета становится генерал-лейтенант Флейшер – начальник области [35; с. 392]. Для организации работы с максимально возможной эффективностью он принимает решение о создании в местных и уездных отделах Комитета комиссий по работе по отдельным направлениям. Сохранились многочисленные отчеты этих комиссий и решения, к примеру, органов городского самоуправления в качестве реакции на эти отчеты. Как, например, содержание отчета одной из комиссий по призрению семейств запасных и ратников стало предметом обсуждения на заседании Городской думы Владикавказа с принятием решения: «…3. ассигновать в распоряжение исполнительной комиссии на дело призрения семейств запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения, в качестве безвозмездного пособия 2 000 руб. из городского капитала» [34; л. 148 об.].

На территории области работали и местные отделы созданного в 1915 г. Комитета ее императорского величества великой княгини Марии Павловны по помощи раненым и потерявшим на войне способность к труду воинам. Не ограничиваясь сбором пожертвований и выдачей разовых пособий раненым и освобожденным от службы воинам, местные отделы Комитета во Владикавказе и Пятигорске работали в направлении организации мастерских для искалеченных войной солдат. Председателем комиссии по организации т.н. Мариипавловских мастерских в Терской области стал владикавказский воинский начальник полковник Михайлов, товарищем председателя – А. В. Замковой. В мастерских инвалиды обучались ремеслу, с помощью которого они в дальнейшем смогли бы зарабатывать на жизнь. В период

обучения они обеспечивались жильем, питанием и имели возможность зарабатывать. Обучали в терских мастерских, преимущественно, сапожному и портняжному делу. После завершения обучения учившиеся имели право выбора: уехав в родное село, открыть свое дело, либо продолжить работу по месту обучения. Интенсивность и качество работы мастерских для обучения инвалидов-воинов в области была оценена на самом высоком уровне – Председатель комиссии Михайлов в 1917 г. был представлен к награде [36; л.193 – 193 об.]. Существовали эти мастерские на пожертвования местного населения, но, в большинстве своем, что касается оплаты производственных помещений, сырья для работы, еды и одежды для обучающихся, финансы выделялись Комитетом Марии Павловны в Петрограде. А самыми активными жертвователями на месте стали члены Грозненского дамского кружка «Чашка чая». Во много благодаря их помощи был открыт во Владикавказе 1 декабря 1916 г. приют-мастерская на 15 человек. Председателем приюта стал войсковой старшина Рогожин, а казначеем – жена полковника О. И. Фричинская [36; л. 83 – 83 об].

Женская составляющая в благотворительной помощи пострадавшим от войны была достаточно велика. По следам происходивших военных событий, в городах Терской области в 1915 г. возникли и начали активно работать, как и в Грозном, Дамские кружки «Чашка чая», ставившие своей непосредственной целью «…собирание средств для обращения таковых на помощь лицам, в той или иной форме пострадавшим от настоящей войны, а также участникам ее, нуждающимся в этом». [33; с. 20]. Как правило, членами этих организаций были жены военных и чиновников, имевшие определенный образовательный уровень. Так, например, среди учредительниц Владикавказского дамского кружка «Чашка чая» для помощи жертвам войны и участникам ее были жена подполковника О. И. Тимченко, жена присяжного поверенного М. К. Скуридина, дворянка Е. М. Андреевская, жена надворного советника Е. Г. Гасумянц, жена присяжного поверенного З. А. Малкоедова, жена прапорщика О. Н. Журавлева, дворянка В. Н. Котюхова, жена присяжного поверенного А. В. Ходамицкая, дочь действительного тайного советника Н. П. Загорская, жена подъесаула Л. И. Ходамицкая [33; л. об.].

Конечно же, наиболее активными как в практической деятельности по оказанию благотворительной помощи пострадавшим от войны, так и в пожертвованиях были, прежде всего те, кто имел для этого досуг и средства. Объемы, к примеру, финансовых вливаний в дело помощи семьям запасных, призванных на действительную службу со стороны представителей т.н. торгово-промышленного класса Терской области были таковы, что Владикавказская городская дума 10 июня 1915 г. собралась на специальное заседание. После доклада о масштабах пожертвований и оглашении списка жертвователей, делавших это под эгидой городского комитета представителей торгово-промышленного класса, гласные Думы выразили «…глубокую благодарность торгово-промышленному классу города Владикавказа за те крупные жертвы, которые он принес для обеспечения семейств запасных, защитников целости и славы России…» [34; л. 194 об.].

Сам Владикавказский городской голова Г. В. Баев всегда отличался активной гражданской позицией и много лично сделал для развития общественной благотворительности в области. В условиях военного времени он активизировал собственную практику выступления с благотворительными лекциями на животрепещущие темы. К примеру, газета «Терские ведомости» от 10 апреля 2015 г. опубликовала очередное приглашение на такую лекцию: «Сегодня, 10 апреля, в зале коммерческого собрания состоится лекция И. В. Баева: «Великая война и Восток». Начало в 8 вечера. Сбор с лекции поступит на усиление средств Владикавказского местного отдела общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, состоящего под Высочайшим его Императорского Величества покровительством» [23]. Там же газета сообщала о том, что «… военный генерал-губернатор разрешил устроить в коммерческом собрании 12 апреля вечер-спектакль в пользу детского приюта для детей запасных и ратников ополчения, ушедших в действующие армии» [23].

Городское управление Владикавказа с самого начала войны обратило самое серьезное внимание на организацию таких приютов. Для ускорения процесса было решено опереться в этом деле на Владикавказское общество попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа. Общество возглавлялось на тот момент Н. Я. Флейшер, супругой Атамана Терского казачьего войска, Начальника Терской области, являвшейся председательницей и Владикавказского благотворительного общества. И одним из главным предметом заботы этого Общества был существовавший около 25 лет детский приют, содержание которого финансировалось основателем – бароном В. Р. Штейнгелем и Городским управлением Владикавказа. Поэтому Дума приняла решение « под покровительством этого общества вблизи его собственного сиротского дома нанять помещение для сирот запасных, а в некоторых частях города устроить и дневные убежища…» [38; с. 126]. Решение это состоялось на позднее 1 октября 1914 г. Владикавказское благотворительное общество, решая поставленную задачу по расширению сферы своих действий, пришло к необходимости «для объединения деятельности содержимых… учреждений (детский приют, школа при нем, богадельня), приступить к постройке собственного здания…» [32; с. 82]. При этом первоначальный проект был пересмотрен в пользу предполагаемого к постройке приюта, « с тем, чтобы в нем находились на призрении и дети-сироты лиц сельского состояния Терской области, пострадавших от войны» [38; с. 82]. Приют должен был вмещать 100 детей. Необходимость срочного решения проблемы привела руководство города и Общества к активной и успешной переписке с Романовским

комитетом о скорейшем выделении последним субсидий на начатое строительство.

Н. Я. Флейшер на момент начала военных действий возглавляла и Владикавказский Комитет Красного Креста, имевший, как и другие местные его подразделения страны, достаточно большой опыт предыдущей деятельности и необходимый потенциал. Поэтому работа в условиях начавшихся военных действий была развернута очень оперативно.

Все действия Владикавказского Комитета Красного Креста также во многом соотносились с деятельностью Кавказского Комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи пострадавшим от войны. Партнерами Владикавказского Комитета в работе в условиях военного времени были органы городского самоуправления, Владикавказское благотворительное общество, Владикавказское общество попечения о сиротах и бедных детях, женский Покровский монастырь, Свято-Троицкое братств и др. [15; с. 166]. В первый же год войны Комитет открыл во Владикавказе хирургическое отделение на 20 мест; создал и обеспечивал работу пункта питания в приемном помещении вокзала, распределяя затем раненых по городу; плотно занимался оказанием помощи семьям ушедших на фронт запасных; отправил в пользу раненых и больных воинов 500 комплектов белья.

Пятигорский Комитет Российского общества Красного Креста координировал работу колоний Красного Креста в гг. Железноводск и Ессентуки, Георгиевской колонии Красного Креста, Георгиевской общины сестер милосердия, Дамского Комитета Красного Креста. Все названные колонии на период военных действий были перепрофилированы в лазареты для раненых солдат. В 1915 г. Комитетом были развернуты и три лазарета для офицеров: в г. Пятигорске (на 85 мест), в ст. Ессентукской (на 250 мест), и Кисловодске (на 80 коек) [10; с. 171]. На базе общины сестер милосердия в Георгиевске были открыты и успешно работали 4-месячные курсы по подготовке сестер милосердия. Благодаря этому за годы войны 140 девушек – медсестер из трех состоявшихся выпусков пополнили штат фронтовых лазаретов и госпиталей г. Пятигорска.

Еще одним важным направлением общественного участия в помощи пострадавшим от войны была работа с беженцами. К примеру, с 10 июня 1915 г., с момента опубликования в «Терских ведомостях» воззвания Владикавказского Комитета Всероссийского городского союза о необходимости щедрой помощи добрых людей, «чтобы не дать литовским беженцам, страдающим за общее дело, умереть от голода» [24], жители города потянулись в канцелярию Комитета во Владикавказе с пожертвованиями. После того, как в Петрограде в 1914 г. было зарегистрировано Общество вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему населению, пострадавшему от военных действий [37; л. 2 – 6 об.], его отдел был открыт и активно работал в Терской области. В своей деятельности он руководствовался уставом петроградского общества [37; л. 2 – 6 об.].

Очевидно, что представленные отдельные факты из истории благотворительности Терской области в связи с участием России в Первой мировой войне свидетельствуют о том, что население и власти этого региона в деле помощи раненым, беженцам, семьям убитых и раненых, фронтовикам действовали солидарно со всей страной. Собирая пожертвования, открывая приюты, лазареты, мастерские для профессиональной реабилитации воинов-инвалидов, снабжая фронтовиков самым необходимым, помогая беженцам, готовя медсестер для работы в госпиталях, общество, в самых разных его слоях, и местная власть, вдохновляемые примером многих членов императорской фамилии, проявили единодушие в стремлении помочь стране и армии пережить время военных невзгод и лишений. Эти действия отвечали сложившимся в отечественной культуре на протяжении веков традициям милосердия и патриотизма.

Источники и литература

1. Атабиев Х. А. Терская область в годы Первой мировой войны: дисс. … на канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2016. 193 с.

2. Бадя Л. В. Благотворительность и меценатство в России. М.: Наука, 1993. 183 с.

3. Бесолова А. А. Становление и развитие благотворительности и общественного призрения Терского казачьего войска: дисс. … канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2008. 174 с.

4. Иванова Н. П. История благотворительности в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб.: [б. и.], , 1999. 119 с.

5. Кононова Т. Б. Особенности развития благотворительности в России. М.: МГСУ «Союз», 2002. 111 с.

6. Корниенко Т.А. Социальная повседневность населения Северного Кавказа в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Армавир: АГПИ, 2001. 313 с.

7. Краснокутский В. С., Краснокутская Л. И. Социальные инициативы женщин в заботе о жертвах и участниках Первой мировой войны (на примере Дамского Комитета Красного Креста города Пятигорска) // Общество: философия, история, культура. 2017. №2. С. 65-68.

8. Нагорная Ю. В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX – начала XX веков: На материалах Терской области и Ставропольской губернии: дисс. … канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2006. 277 с.

9. Нещеретный П. И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М.: Союз,1993. 31 с.

10. Омылаева Е. В. Благотворительная помощь на курортах КМВ в годы Первой мировой войны // Южные рубежи России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 17–19 ноября 2008 г. Ставрополь: СГУ, 2009. С. 171-173.

11. Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX вв. Красноярск: КГАУ, 2003. 152 с.
12. Павлова О. К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге: вторая половина XIX – начало XX веков. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 416 с.
13. Полное собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: [б.и.], 1914. №224. Ст. 2239.
14. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997. 185 с.
15. Покотилова Т. Е. Война и благотворительность (по материалам Терской области 1914–1917 гг.) // Южные рубежи России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 17–19 ноября 2008 г. Ставрополь: СГУ, 2009. С.166-168.
16. Покотилова Т. Е. Красный Крест на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны (по материалам Ставропольской губернии и Терской области) // Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 143-147.
17. Покотилова Т. Е. Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. Ставрополь: СГУ,1998. 95 с.
18. Скоч А. В. Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX веков. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2004. 331 с.
19. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX века): дисс. … докт. ист. наук. СПб.: СПБГУ, 2006. 648 с.
20. Соколов А. Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании: Дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений. СПб.: Гиперион, 2005. 281 с.
21. Соколов А. Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб.: Лики России, 2006. 648 с.
22. Соколов А. Р. Российская благотворительность. Исторические исследования. СПб.: Гиперион, 2005. 233 с.
23.Терские ведомости. 1915. 10 апреля. №76.
24. Терские ведомости. 1915. 10 июня. №122.
25.Тигиев Ч. В. Благотворительная деятельность населения Терской области в годы Первой мировой войны // Научный диалог. 2016. №4(52). С. 65-69.
26. Ульянова Г. Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы // Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 230-237.
27. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 402 с.
28. Ульянова Г. Н. Изучение истории благотворительности в России: Тенденции и приоритеты (1989–2002) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. Ежегодник 2002. СПб.: Лики России, 2003. С. 16-30.
29. Ульянова Г. Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 405-426.
30. Ульянова Г. Н. Исследования истории благотворительности в России: тенденции последнего десятилетия // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Пленарные доклады и материалы круглого стола всерос. научно-практич. конф. 22-23 марта 2002 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 15-25.
31. Ульянова Г. Н. История российской благотворительности в освещении историографии XIX – начала XX вв. // Вопросы истории. 2006. №1. С. 161-166.
32. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-Алания). Ф.11. Оп.11. Д.295.
33. ЦГА РСО-Алания. Ф.11. Оп.52. Д.1569.
34. ЦГА РСО-Алания. Ф.17. Оп.1. Д.151.
35. ЦГА РСО-Алания. Ф.193. Оп.1. Д.4.
36. ЦГА РСО-Алания. Ф.193. Оп.1. Д.7.
37. ЦГА РСО-Алания. Ф.199. Оп.1. Д.398.
38. ЦГА РСО-Алания. Ф.224. Оп.1. Д.131.

References

1. Atabiev H. A. Terskaya oblast' v gody Pervoj mirovoj vojny *(Terek Region during the First World War):* thesis. Vladikavkaz: SOSU publ, 2016. 193 p. (In Russian).
2. Badya L. V. Blagotvoritel'nost' i mecenatstvo v Rossii *(Charity and patronage in Russia).* Moscow: Nauka, 1993. 183 p. (In Russian).
3. Besolova A. A. Stanovlenie i razvitie blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya Terskogo kazach'ego vojska *(The Formation and Development of Charity and Public Charity of the Terek Cossack Army)*: thesis. Vladikavkaz: SOSU publ., 2008. 174 p. (In Russian).
4. Ivanova N. P. Istoriya blagotvoritel'nosti v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) *(The History of Charity in Russia (the Second half of the XIX – early XX Centuries)*. St.Petersburg, 1999. 119 p. (In Russian).
5. Kononova T. B. Osobennosti razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii *(Features of the Development of Charity in Russia).* Moscow: MGSU «Soyuz», 2002. 111 p. (In Russian).
6. Kornienko T. A. Social'naya povsednevnost' naseleniya Severnogo Kavkaza v gody Pervoj mirovoj vojny (avgust 1914 – fevral' 1917 gg.) *(Social Everyday Life of the Population of the North Caucasus during the First World War (August 1914 - February 1917)*: thesis. Armavir: AGPI, 2001. 313 p. (In Russian).

7. Krasnokutskij V. S., Krasnokutskaya L. I. Social'nye iniciativy zhenshchin v zabote o zhertvah i uchastnikah Pervoj mirovoj vojny (na primere Damskogo Komiteta Krasnogo Kresta goroda Pyatigorska) *(Social Initiatives of Women in Caring for the Victims and Participants of the First World War (by the Example of the Ladies' Red Cross Committee of the City of Pyatigorsk)* // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. No.2. P. 65-68. (In Russian).

8. Nagornaya Yu. V. Rossijskie zhenshchiny v blagotvoritel'nom processe vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov: Na materialah Terskoj oblasti i Stavropol'skoj gubernii *(Russian Women in the Charity Process of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: On the Materials of the Terek region and the Stavropol Province):* thesis. Stavropol': SSU publ., 2006. 277 p. (In Russian).

9. Neshcheretnyj P. I. Istoricheskie korni i tradicii razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii *(Historical Roots and Traditions of the Development of Charity in Russia)*. Moscow: Soyuz,1993. 31 p. (In Russian).

10. Omylaeva E. V. Blagotvoritel'naya pomoshch' na kurortah KMV v gody Pervoj mirovoj vojny *(Charitable Assistance in the Resorts of the CMW during the First World War)* // YUzhnye rubezhi Rossii. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Stavropol', 17–19 noyabrya 2008 g. Stavropol': SSU publ., 2009. P. 171-173. (In Russian).

11. Pavlova I. P. Social'noe popechenie v Rossii v konce XIX – nachale XX vv. *(Social Care in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries)*. Krasnoyarsk: KSAU publ., 2003. 152 p. (In Russian).

12. Pavlova O. K. Predprinimatel'stvo, prizrenie i blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov *(Entrepreneurship, Charity and Charity in St. Petersburg: the Second Half of the XIX – Early XX Centuries)*. St.Petersburg: Politechnical University publ., 2007. 416 p. (In Russian).

13. Polnoe sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate *(The Complete Collection of Laws and Orders of the Government Issued by the Governing Senate)*. Petrograd, 1914. No.224. Art. 2239. (In Russian).

14. Pokotilova T. E. Blagotvoritel'nost' v social'noj istorii dorevolyucionnoj Rossii *(Charity in the Social History of Pre-revolutionary Russia)*. Moscow, 1997. 185 p. (In Russian).

15. Pokotilova T. E. Vojna i blagotvoritel'nost' (po materialam Terskoj oblasti 1914–1917 gg.) *(War and Charity (Based on Materials of the Terek region 1914–1917)* // Yuzhnye rubezhi Rossii. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Stavropol', 17–19 noyabrya 2008 g. Stavropol': SSU publ., 2009. P. 166-168. (In Russian).

16. Pokotilva T. E. Krasnyj Krest na Severnom Kavkaze v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam Stavropol'skoj gubernii i Terskoj oblasti) *(Red Cross in the North Caucasus during the First World War (Based on Materials of the Stavropol Province and the Terek region)* // Boevoe bratstvo i nacional'noe edinstvo narodov Severnogo Kavkaza v gody Pervoj mirovoj vojny. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Stavropol': NCFU publ., 2015. P. 143-147. (In Russian).

17. Pokotilova T. E. Teoretiko-metodologicheskij i istoriograficheskij aspekty fenomena rossijskoj blagotvoritel'nosti *(Theoretical, Methodological and Historiographical Aspects of the Phenomenon of Russian Philanthropy)*. Stavropol': SSU publ., 1998. 95 p. (In Russian).

18. Skoch A. V. Mecenatstvo i blagotvoritel'nost' v otechestvennom obrazovanii XIX–XX vekov *(Philanthropy and Charity in the Russian Education XIX–XX centuries)*. Moscow: PER SEH-Press, 2004. 331 p. (In Russian).

19. Sokolov A. R. Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodejstviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konec XIX veka): thesis *(Charity in Russia as a Means of Society-state Cooperation (Early XVIII – Late XIX)*. St.Petersburg: SPBGU, 2006. 648 s. (In Russian).

20. Sokolov A. R. Rossijskaya blagotvoritel'nost' v russkom obshchestvennom soznanii: Dorevolyucionnaya istoriografiya blagotvoritel'noj deyatel'nosti i blagotvoritel'nyh uchrezhdenij *(Russian Charity in the Russian Public Consciousness: Pre-Revolutionary Historiography of Charitable Activities and Charitable Institutions)*. St.Petersburg: Giperion, 2005. 281 p. (In Russian).

21. Sokolov A. R. Blagotvoritel'nost' v narodnom obrazovanii i ee rol' v transformacii rossijskogo obshchestva *(Charity in Public Education and Its Role in the Transformation of Russian Society)*. St.Petersburg: Liki Rossii, 2006. 648 p. (In Russian).

22. Sokolov A. R. Rossijskaya blagotvoritel'nost'. Istoricheskie issledovaniya *(Russian Charity. Historical Research)*. St.Petersburg: Giperion, 2005. 233 p. (In Russian).

23.Terskie vedomosti. 1915. April 10. No. 76. (In Russian).

24. Terskie vedomosti. 1915. June 10. No. 122. (In Russian).

25.Tigiev Ch. V. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' naseleniya Terskoj oblasti v gody Pervoj mirovoj vojny *(Charitable Activities of the Population of the Terek Region during the First World War)* // Nauchnyj dialog. 2016. No. 4(52). P. 65-69. (In Russian).

26. Ul'yanova G. N. Blagotvoritel'naya pomoshch' obshchestva zhertvam vojny v 1914–1918 gg.: diskussionnye voprosy i soderzhanie problem *(Charitable Assistance of the Society to the Victims of the War in 1914-1918: Disputible Questions and the Content of the Problem*) // Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 30 sentyabrya – 3 noyabrya 2014 g.). Moscow, 2014. P. 230-237. (In Russian).

27. Ul'yanova G. N. Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii: XIX – nachalo XX veka *(Charity in the Russian Empire: XIX – Early XX)*. Moscow: Nauka, 2005. 402 p. (In Russian).

28. Ul'yanova G. N. Izuchenie istorii blagotvoritel'nosti v Rossii: Tendencii i prioritety (1989–2002) *(Studying the History of Philanthropy in Russia: Trends and Priorities (1989–2002)* // Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i social'no-ehkonomicheskie issledovaniya. Ezhegodnik 2002. St.Petersburg: Liki Rossii, 2003. P. 16-30. (In Russian).

29. Ul'yanova G. N. Izuchenie social'nyh anomalij, blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii *(Study of Social Anomalies, Charity and Public Charity in Russia)* // Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendencii poslednih let. Moscow: AIRO-HKH, 1996. P. 405-426. (In Russian).

30. Ul'yanova G. N. Issledovaniya istorii blagotvoritel'nosti v Rossii: tendencii poslednego desyatiletiya *(Studies of the History of Philanthropy in Russia: the Trends of the Last Decade*) // Miloserdie i blagotvoritel'nost' v rossijskoj provincii: Plenarnye doklady i materialy kruglogo stola vseros. nauchno-praktich. konf. 22–23 marta 2002 g. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. P. 15-25. (In Russian).

31. Ul'yanova G. N. Istoriya rossijskoj blagotvoritel'nosti v osveshchenii istoriografii XIX – nachala XX vv. *(Studies of the History of Philanthropy in Russia: the Trends of the Last Decade)* // Voprosy istorii. 2006. No.1. P. 161-166. (In Russian).
32. Central State of Republic of North Ossetia-Alania (CGA RSO-Alaniya). F.11. Inv.11. D.295. (In Russian).
33. CGA RSO-Alaniya. F.11. Inv.52. D.1569. (In Russian).
34. CGA RSO-Alaniya. F.17. Inv.1. D.151. (In Russian).
35. CGA RSO-Alaniya. F.193. Inv.1. D.4. (In Russian).
36. CGA RSO-Alaniya. F.193. Inv.1. D.7. (In Russian).
37. CGA RSO-Alaniya. F.199. Inv.1. D.398. (In Russian).
38. CGA RSO-Alaniya. F.224. Inv.1. D.131. (In Russian).

УДК 94(430).083

Т. Н. Плохотнюк

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье предпринимается попытка проанализировать положение российских подданных, оказавшихся на территории Германии в результате трансграничных перемещений в последней четверти XIX и начале XX в. и ставших апатридами после российской революции 1917 г., разрушившей Российскую империю. Целью данной статьи является анализ политики немецкого государства по отношению к иностранцам – подданным государства-противника. Автор предпринимает попытку определить ее содержание и цели немецкого государства, ответить на вопросы о том, почему властные структуры пошли на значительные ограничения для многочисленных российских подданных, легально въехавших в Германию задолго до начала Первой мировой войны в силу разных обстоятельств и с разными целями.

По результатам проведенного исследования были выявлены архивные и опубликованные документы, которые позволили достигнуть поставленной цели; выполнен анализ немецкой и российской историографии; подобраны методы и создана методологическая концепция исследования. Наряду с реализацией общенаучных методов (синтез, анализ), автор использовал метод сравнения, а также системный, структурно-функциональный и герменевтический методы, подтвердив продуктивность междисциплинарного подхода в рамках проведенного исследования.

Проанализировав выявленные документы, автор делает вывод о том, что в условиях войны немецкое государство считало первостепенной задачей изменения правового положения подданных страны-противника. Главной целью было обезопасить свою экономику и не допустить, чтобы собственность иностранцев в какой-то мере обеспечила преимущество противнику. Поэтому немецкое государство ввело экономические ограничительные меры, прежде всего секвестр, а затем и ликвидировало все права собственности российских подданных в Германии.

Ключевые слова: Германия, российские подданные, апатриды, иностранцы, Первая мировая война, интернирование, секвестр.

T. N. Plokhotnyuk

THE REGULATION OF THE RUSSIAN NATIONALS LEGAL STATUS IN GERMANY AFTER THE OUTBREAK OF THE WORLD WAR I

The article deals with the legal status of the Russian nationals who found themselves in Germany as a result of cross-border movements in the last quarter of the 19th and early 20th centuries and became stateless persons after the Russian Revolution of 1917, which destroyed the Russian empire. The purpose of this article is the analysis of the German state policy as regards foreigners-nationals of the enemy state. The author attempts to determine its content and goals of the German state, to answer questions about why the authorities went into significant restrictions for numerous Russian citizens who legally entered Germany long before the outbreak of World War I due to various circumstances and with different goals.

According to the results of the study, archival and published documents were identified and made it possible to achieve the goal. The analysis of German and Russian historiography is carried out. The author selected methods and created a methodological concept of the study. Along with the implementation of general scientific methods (synthesis, analysis), the author used the comparison method, as well as the system, structural-functional and hermeneutic methods, confirming the effectiveness of the interdisciplinary approach in the framework of the study.

After analyzing the identified documents, the author concludes that after the start of the war, the German state considered the primary task of changing the legal status of the subjects of the enemy country. The main goal was to secure their economy and prevent the property of foreigners to some extent provide an advantage to the enemy. Therefore, the German state introduced economic restrictive measures, primarily sequestration, and then eliminated all property rights of Russian nationals in Germany.

Key words: Germany, Russian nationals, stateless persons, foreigners, World War I, internment, sequestration.

К началу Первой мировой войны неотъемлемым элементом общества и в России, и в Германии были иностранцы. Они уже оформились в общность, именуемую иностранным населением с численным преобладанием в его составе граждан страны – противника. Вступив в состояние войны, оба государства отнеслись к ним одинаково. Основным методом регламентации положения германских подданных в России и российских подданных в Германии стало интернирование. Оно предпринималось с целью предотвратить массовый выезд за границу и вступление в ряды

армии противника. В данной статье предпринимается попытка проанализировать правовое положение российских подданных, оказавшихся на территории Германии в результате миграции и ставших апатридами после разрушения Российской империи в 1917 г.

Как для российских подданных в Германии, так и германских подданным в России посредниками в установлении связи с родиной выступили посольства нейтральных государств: в России для немцев – американское, в Германии для российских подданных – испанское. Первые списки российских подданных, оказавшихся в Германии, прибыли через испанское посольство 7 по 11 августа. Если в список от 7 августа были внесены 21 человек, то в поступившем телеграммой списке от 8 августа было уже 630. Каждый последующий список пополнял общую цифру и к началу сентября она составляла свыше 4 тысяч. Испанская дипломатическая служба передала сведения о каждом: где находится, адрес и какую сумму денег просит прислать [3, с.1–24].

В первые два дня состояния войны российские подданные могли беспрепятственно покинуть Германию, но только морем через Скандинавию [1, с.321]. Сообщение о первом задержанном появилось в списке от 8 августа. Телеграммы, поступавшие из испанского посольства 12, 13, 23 августа, сообщали о задержанных в качестве военнопленных и уточняли, что задержание произошло 21 июля, то есть, на третий день войны. Небольшая группа отставных военных, оказавшихся в Германии была задержана в Берлине – генерал Палтов, адмирал Скрыдлов, генерал Фрезе, генерал Гельмгольц, полковник Гришинский, генерал-адъютант Козлов, штабс-капитан Матвеев, генерал Ставровский. 12, 13, 23 августа почти 200 российских подданных были задержаны в Ростоке, как военнопленные. [4, с. 14–34]

Уже в сентябре из испанских консульств в Дрездене и Ростоке стали поступать списки, в которых было указано, куда смогли выехать российские подданные из Германии. В основном они выезжали через Росток в Стокгольм. Особенностью сентябрьских списков было то, что они содержали сведения не только о тех, кто находился в Берлине, но и в других, даже маленьких городках Германии. И тогда же стали поступать первые сведения о раненных военнопленных и скончавшихся от ран в плену. Эти сведения были скудными, отрывочными. Судя по всему, они были получены случайно, хотя со ссылкой на военное ведомство Германии [5, с. 7–17; 6, с. 3–21].

Помимо российских подданных, въехавших в Германию в силу семейных обстоятельств, на учебу, с предпринимательскими целями, по поручению своих гражданских и военных ведомств, где они служили, и застигнутых войной в городах, к моменту ее начала на территории Германии находились около 250 тысяч российских сезонных рабочих [8, s.183]. В первую очередь встал вопрос, как поступить с находящимися в стране рабочими, подданными государства-противника в данной войне. Мировая война актуализировала уже десятилетиями сохранявшиеся опасения, что занятость рабочих из государств – потенциальных противников в случае конфликта приведет к серьезным сокращениям на рынке труда и тем самым к значительным снижениям производства.

Германия не собиралась полностью отказаться от иностранных сезонных рабочих и для нее важно было решить: должны ли сезонные рабочие, как стало привычным, возвращаться зимой на родину, так как в условиях войны в следующем году они могли не вернуться обратно. А потому полякам было отказано в возвращении на родину. Уже за день перед началом войны последовало введение особого паспортного режима и закрытие границ, как в сторону въезда, так и выезда из страны. Таким образом, польские рабочие из числа российских подданных были интернированы [12, s. 77].

После начала военной мобилизации германских подданных сразу же стал нарастать дефицит рабочей силы в промышленности. Поэтому власти Германии пошли на отмену ограничений и запрета на работу поляков в этой сфере за пределами восточных провинций Пруссии. Рекрутирование новой рабочей силы теперь могло осуществляться и для крупной промышленности. Опасаясь, что работающие в сельском хозяйстве поляки переберутся в сферу промышленности и возникнет дефицит теперь уже в этой сфере, полякам была запрещена любая смена места пребывания и смена любого рабочего места. Таким образом, в силу переключения основного потока традиционной рабочей силы на военную сферу, немецкие инстанции, занимавшиеся наймом иностранной рабочей силы, нуждались в доступе к польскому рынку трудовых резервов.

После оккупации российской территории Германской центральной конторе земледельческих рабочих (Deutsche Feldarbeiter-Zentralstelle) была передана монополия на набор рабочей силы. По форме методы работы, способы найма мало изменились. Как и ранее, контора содействовала поступлению трудовых договоров, содержала данные об уровне зарплаты, продолжительности рабочего времени и сроков заключаемых договоров. Но во время войны не было заключено ни одного свободного трудового договора, труд стал принудительным. С переходом границы на германскую территорию польские рабочие лишались права на возвращение, смену рабочего места и места пребывания. Когда эти новые условия стали известны в Польше, то поток добровольно желавших попасть на работу в Германию иссяк и рекрутирование рабочих приобрело все возрастающий силовой характер. В Варшаве и в других городах были запрещены любые общественные работы, здесь искусственно создавали дефицит труда, рабочих мест, чтобы легче можно было набирать рабочих для немецкой военной администрации и немецкого сельского хозяйства [12, s. 83–84].

Усиливались режимные условия, тех кто оставлял место работы могли заключить в тюрьму.

Работодатели могли снизить заработную плату, удлинить продолжительность рабочего дня, они могли безнаказанно избивать рабочих в случаях непослушания. Вопрос о возможности улучшения условий работы, повышения заработной платы и предоставления отпуска польским рабочим имперской службой внутренних дел был отклонен как иллюзорный. Как показала практика из 30 поляков, получивших отпуск, 20 не возвращались и требовались дополнительные силы и средства, чтобы вернуть их обратно. Ухудшение правовых условий польских рабочих порождало сложности пополнения рабочей силы [7, s. 173].

Когда в ноябре 1916 г. польские рабочие от имперской службы внутренних дел перешли в компетенцию военного ведомства, их положение еще больше ухудшилось. Отныне, в союзе со структурами, наделенными чрезвычайными полномочиями, работодатели могли относительно без проблем направлять строптивых поляков в лагеря для военнопленных. Отправка в лагерь для военнопленных осуществлялась по одностороннему заявлению ответственных лиц или работодателей без серьезной проверки. Это было не исключением, а правилом. Поляки, заключенные в лагерь для военнопленных, окончательно лишались своего формального статуса сезонных рабочих. Их привлекали к принудительному труду, как военнопленных [7, s. 187].

К концу войны в Германии находилось около 700 тыс. поляков с территории Российской империи, которые были заняты главным образом в сельском хозяйстве. Они были самыми многочисленными, но не единственными иностранцами. Германия интернировала даже граждан дружественной Австро-Венгрии, которые к началу войны находились на ее территории, хотя для этого по оценке прусского военного министра отсутствовала правовая база. Кроме того, во время войны около 150 тыс. бельгийских рабочих рук было депортировано в Германию для принудительной работы в промышленности [26, s. 99].

Поляки составляли самый значительный контингент иностранных рабочих. Это объясняется тем, что с оккупацией русских поляков, военная бюрократия имела прямой доступ к традиционному польскому резервуару рабочей силы. Чтобы облегчить процесс рекрутизации поляков, были ликвидированы ограничительные паспортные предписания. Для перехода границы достаточно было предъявить удостоверения, выданного Германской центральной конторой земледельческих работ. Новый подход позволил снять трудности, которые возникали в процессе перемещения рабочих в Германию. Характерно, что паспортные предписания облегчались только для въезжающих и напротив, запрет на выезд до конца войны сохранялся, будучи одобренным большинством голосов депутатов, голосовавших за соответствующую резолюцию [26, s. 102].

Помимо российско-подданных поляков, принудительно рекрутированных для сельского хозяйства и промышленности Германии, в этой стране еще оставались около 130 тыс. российских подданных. Он не могли уехать в Россию, так как родиной или местом постоянного проживания для них была Германия. Они были составной частью ее иностранного населения. Германия не ставила целью тотальное интернирование всех иностранцев, сохранивших российское подданство. Оно было осуществлено дифференцировано с незначительными затратами, которые были возмещены. В категорию интернированных попали сезонные рабочие, обеспечившие сохранения уровня и темпов производства, тем самым возместив затраты на интернирование российских подданных военнообязанного возраста и пусть даже отставных, но военных, имевших вместе с высоким чином и профессиональный опыт.

В условиях войны оба государства считали первостепенной задачей изменения правового положения граждан страны-противника. Главной целью было обезопасить свою экономику и не допустить, чтобы собственность иностранцев, приумножавшаяся за счет внутренних ресурсов каждого из государств, в какой-то мере обеспечила преимущество противнику. Поэтому последовали экономические ограничительные меры, прежде всего секвестр, а затем и ликвидация всех прав собственности иностранцев.

До 1 августа 1914 г. право собственности, в том числе и иностранцев, в Германии было гарантировано и обеспечено признанием ею заключенных в разное время международных договорах, основанных на общих принципах международного права, признаваемых всеми цивилизованными народами, и германскими законами [2]. В Германии сам по себе факт объявления войны не прекратил действия международных конвенций и германских законов. Германские суды в начале войны не отказывали, например, в защите промышленной собственности не только гражданам нейтральных стран, но и неприятельским подданным, признавали за иностранцами без различия подданства «право бедности» и освобождали их от обеспечения судебных издержек на случай проигрыша дела на основании гаагской конвенции и т.п.

Но после применения ограничительных мер и приостановления действия довоенного законодательства в других воюющих странах, Германия в свою очередь приостановила применение некоторых коллективных договоров по отношению к неприятельским подданным. Например, на этом основании была приостановлена защита неприятельских патентов и промышленных прав. Русским стали отказывать в признании права бедности после того, как в России указом Сената германские подданные были лишены права судебной защиты [9, s. 1386; 10, s.1003; 11, s. 644].

В отличие от российских, германские военные законы издавались не по национальному, а по территориальному признаку, т.е. направлялись против лиц и предприятий, находящихся во враждебных странах. Поэтому права российских подданных, оставшихся в Германии, в некотором отношении могли быть шире, чем права германских граждан, оставшихся в России. Кроме того, как увидим ниже, многие исключительные законы

были изданы в Германии лишь после того, как такие же меры были приняты против немцев заграницей, то есть, это было так называемое «возмездное» право –Vergeltungrecht [10, s. 34].

Одной из первых была такая мера как введение правительственной инспекции (Ueberwachung) на предприятиях, принадлежащих неприятельским подданным, применялась только с согласия канцлера. Она действовала с 5 сентября 1914 г. в отношении тех предприятий, управление которых находилось в одной из неприятельских стран, или – доходы от этого производства шли туда. Правительственный инспектор имел право запретить владельцу те или другие операции. По распоряжению Министерства юстиции списки фирм, над которыми учреждалась правительственная инспекция, печатались для всеобщего сведения. Вывоз или перевод имущества подобных предприятий в какой бы то ни было форме в неприятельскую страну допускался в виде исключения, только с разрешения инспектора [13, s. 397]. По его распоряжению деньги и ценные бумаги могли быть депонированы в Имперском Банке на основании дополнительного закона от 22 октября 1914 г. о порядке назначения заведующих подобными предприятиями взамен отсутствующих [15, s. 447].

Принудительная администрация (Zwangsweise Verwaltung), введенная законом 26 ноября 1914 г. первоначально была применена только к французским предприятиям [16, s. 521]. Затем законом 4 марта 1915 г. [17, s. 733] она была распространена на предприятия, капиталы которых в полном составе или преимущественно принадлежали российским подданным. Назначенный администратор принимал решение сохранить предприятие или ликвидировать его. Предприятие с принудительной администрацией могло быть закрыто по распоряжению канцлера. Администрация учреждалась над недвижимостью, над филиальными отделениями иностранных предприятий (дополнительным законом 10 февраля 1916 г., [22, s. 902], администрация допущена и по отношению к отдельным ценностям, входящим в состав предприятий и по отношению к наследствам) По закону 24 августа 1916 г. [23, s. 961] принудительное взыскание с предприятий, находящихся под администрацией или инспекцией, аресты и просьбы об открытии несостоятельности допускались лишь с разрешения высшей местной власти.

Законом от 15 октября 1914 г. разрешался арест товаров, подлежащих таможенной пошлине и еще не выпущенных в обращение. Товары эти по распоряжению канцлера могли быть и конфискованы [14, s. 421]. 5 октября 1915 г. был принят закон о регистрации (Anmeldung) находящегося в Германии имущества, принадлежащего неприятельским подданным и юридическим лицам [20, s. 802]. Регистрации подлежали права русских подданных в германских предприятиях (например, в качестве акционеров и пайщиков, если личность их известна) и всякого рода обязательства, по которым лица, проживающие в Германии, состояли должниками русских подданных. Имущество, отчужденное русским подданным после 31 (18) июля 1914 г. могло быть признано по распоряжению канцлера отчужденным фиктивно.

Тем же законом воспрещен был вывоз имущества, принадлежащего неприятельским подданным из Германии без разрешения канцлера, и в том числе – вывоз ценных бумаг и денег. Допущен только вывоз пассажирского багажа. Воспрещены были отчуждение и залог за исключением имущества неприятельских подданных, живущих в Германии или – входящего в состав германского предприятия (если отчуждение или залог совершены на имя лица, живущего в Германии) или, наконец, имущества, над которым по случаю войны была учреждена административная или правительственная инспекция. Подробные правила для этой регистрации были установлены законом 10 октября 1915 г. [20, s. 812], который освобождает от регистрации всякое имущество военнопленных и имущество, принадлежащее лицам, проживающим в Германии, если стоимость его не превышает 500 марок.

Закон 19 апреля 1917 г. предоставлял канцлеру право назначать особого хранителя (Treuhaender) для заведывания имуществом неприятельских подданных. Этому «хранителю вкладов» было предоставлено право забирать в свое управление всякого рода имущество, еще не попавшее под администрацию или инспекцию или ликвидацию. Ему же правительственные инспекторы могли отсылать деньги и ценные бумаги, не нужные для оборота предприятия, вместо того, чтобы вносить их в Имперский Банк. Ему же предоставлено было вместо канцлера разрешать продажу. Залог, вывоз за границу. Он мог требовать снятия судебного ареста и уплаты с должников предприятия [24, s. 989].

Законом 22 сентября 1917 г. регламентировалась процедура ликвидации тех предприятий, капитал которых принадлежал, главным образом, российским подданным или управление находилось в России. Закон относился и к филиальным отделениям, недвижимостям и наследствам. Ликвидатор становился полным и исключительным хозяином предприятия и мог его продать. Он также мог требовать уплаты с должников предприятия [25, s. 1015]. Судебные взыскания с предприятия и объявление его несостоятельным допускались с особого разрешения местной высшей власти.

1 июля 1915 г. в качестве меры возмездия был издан закон «О правах неприятельских подданных на промышленную защиту» [19, s. 793]. Закон этот касался граждан Англии, Франции и России. (После начала войны Германия продолжала соблюдать Парижскую конвенцию о Международной защите промышленной собственности (установлена 20 марта 1883 г., пересмотрена в Вашингтоне 2 июня 1911 г.). Так как к этой Конвенции примкнули государства, которые в войне участия не приняли, то первоначально в Германии эта Конвенция считалась сохранившей силу и после объявления войны и притом не только во

взаимных отношениях между гражданами Германии и этих нейтральных странах, но и вообще в полном объеме, т.е. и по отношению к гражданам Англии, Франции и т.д. [2, с. 398] Он предоставлял канцлеру отнимать право на промышленную защиту или ограничивать его. В частности, ему предоставлено выдавать другим лицам разрешение на использование неприятельских патентов, моделей (Gebrauchsmuster) и товарных знаков. Патенты и образцы, принадлежавшие российским подданным, считались потерявшими силу с 11 марта 1915 г. [18, s. 749].

До окончания войны и в Германии, и в России изменения в положении иностранцев не были позитивными. Но если российская политика интернирования была обусловлена военно-тактическими и идеологическими соображениями и не носила прагматического характера, то германская политика по отношению к иностранцам определялась принципом гарантии рабочей силы для немецкой военной экономики. Немцы исходили из того, что любую рабочую силу следовало продуктивно использовать в военной промышленности. Рациональная оценка ситуации оправдывала государственные принудительные меры и циркуляцию (обусловленную взаимно, поддерживающую друг друга) государственной и частной репрессивной практики. В России же интернирование, экспроприация недвижимого имущества и секвестр причинили существенный ущерб экономике.

Источники и литература

1. Парфянский выстрел / под. ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 760 с.

2. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. 1774–1906 / сост. В. Н. Александренко. Варшава: Изд-во: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1906. 602 с.

3. Список русских подданных, застигнутых войной заграницей. Выпуск I. / М-во иностр. дел. Петроград: тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 24 с.

4. Список русских подданных, застигнутых войной заграницей. Выпуск II. / М-во иностр. дел. Петроград: тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 104 с.

5. Список русских подданных, застигнутых войной заграницей. Выпуск III. / М-во иностр. дел. Петроград: тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 58 с.

6. Список русских подданных, застигнутых войной заграницей. Выпуск IV. / М-во иностр. дел. Петроград: тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 38 с.

7. Bade, Klaus J. «Preussengänger» und «Wehrpolitik»: Ausländerbeschäftigung, Ausländerpolitik und Ausländerkontrolle auf dem Arbeitsmarkt in Preussen vor dem Ersten Weltkrieg. In: Archiv für Sozialgeschichte. Bonn – Bad Godesberg, Bd XXIV, 1984d. S. 152-189.

8. Elsner Lothar; Lehmann Joachim. Ausländische Arbeit unter dem deutschen Imperialismus, 1900 bis 1985. Berlin: Dietz, 1988. 411 s.

9. Deutsche Juristenzeitung, 1914. S. 1386.

10. Deutsche Juristenzeitung, 1916. S. 1003.

11. Deutsche Juristenzeitung, 1918. S. 644.

12. Dohse Knuth. Ausländlischer Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik u. Ausländerrect. Vom Kaiser-reich bis zur BRD. Königstein / Ts: Hain, 1981ю. 460 s.

13. Gesetz, 5. 09. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

14. Gesetz, 15. 10. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

15. Gesetz, 22. 10. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

16. Gesetz, 26. 10. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

17. Gesetz, 4. 03. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

18. Gesetz, 11. 03. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

19. Gesetz, 1. 07. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

20. Gesetz, 5. 10. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

21. Gesetz, 10. 10. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

22. Gesetz, 10. 02. 1916 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

23. Gesetz, 24. 08. 1916 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

24. Gesetz, 19. 04. 1917 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

25. Gesetz, 22. 09. 1917 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.

26. Oltmer J. Arbeitszwang und Zwangsarbeit. Kriegsgefangene und ausländische Zivilarbeitskräfte im Ersten Weltkrieg, in: R. Spilker / B. Ulrich (Hg.), Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918, Bramsche 1998. S. 97-121.

References

1. Parfyanskij vystrel *(The Parthian Shot)* / ed. by G. M. Bongard-Levin, Yu. N. Litvinenko. Moscow: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 2003. 760 p. (In Russian).

2. Sobranie vazhnejshih traktatov i konvencij, zaklyuchennyh Rossiej s ino-strannymi derzhavami *(Collection of the Most Important Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign States)*. 1774–1906 / compiled by V. N. Aleksandrenko. Varshava: Tip. Varshavskogo Uchebnogo Okruga, 1906. 602 p. (In Russian).

3. Spisok russkih poddannyh, zastignutyh vojnoj zagranicej *(List of Russian Nationals Caught by War Abroad)*. Issue I. / M-vo inostr. del. Petrograd: tip. V. F. Kirshbauma, 1914. 24 p. (In Russian).

4. Spisok russkih poddannyh, zastignutyh vojnoj zagranicej *(List of Russian Nationals Caught by War Abroad)*. Issue II. / M-vo inostr. del. Petrograd: tip. V. F. Kirshbauma, 1914. 104 p. (In Russian).

5. Spisok russkih poddannyh, zastignutyh vojnoj zagranicej *(List of Russian Nationals Caught by War Abroad)*. Issue III. / M-vo inostr. del. Petrograd: tip. V. F. Kirshbauma, 1914. 58 p. (In Russian).
6. Spisok russkih poddannyh, zastignutyh vojnoj zagranicej *(List of Russian Nationals Caught by War Abroad)*. Issue IV. / M-vo inostr. del. Petrograd: tip. V. F. Kirshbauma, 1914. 38 p. (In Russian).
7. Bade Klaus J. «Preussengänger» und «Wehrpolitik»: Ausländerbeschäftigung, Ausländerpolitik und Ausländerkontrolle auf dem Arbeitsmarkt in Preussen vor dem Ersten Weltkrieg. In: Archiv für Sozialgeschichte. Bonn – Bad Godesberg, Bd XXIV, 1984d. S. 152-189.
8. Elsner Lothar; Lehmann Joachim. Ausländische Arbeit unter dem deutschen Imperialismus, 1900 bis 1985. Berlin: Dietz, 1988. 411 s.
9. Deutsche Juristenzeitung, 1914. S. 1386.
10. Deutsche Juristenzeitung, 1916. S. 1003.
11. Deutsche Juristenzeitung, 1918. S. 644.
12. Dohse Knuth. Ausländlischer Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik u. Ausländerrect. Vom Kaiser-reich bis zur BRD. Königstein / Ts: Hain, 1981ю. 460 s.
13. Gesetz, 5. 09. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
14. Gesetz, 15. 10. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
15. Gesetz, 22. 10. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
16. Gesetz, 26. 10. 1914 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
17. Gesetz, 4. 03. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
18. Gesetz, 11. 03. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
19. Gesetz, 1. 07. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
20. Gesetz, 5. 10. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
21. Gesetz, 10. 10. 1915 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
22. Gesetz, 10. 02. 1916 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
23. Gesetz, 24. 08. 1916 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
24. Gesetz, 19. 04. 1917 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
25. Gesetz, 22. 09. 1917 // Reichsgesetzblatt – 1023 s.
26. Oltmer J. Arbeitszwang und Zwangsarbeit. Kriegsgefangene und ausländische Zivilarbeitskräfte im Ersten Weltkrieg, in: R. Spilker / B. Ulrich (Hg.), Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918, Bramsche 1998. S. 97-121.

УДК 947.8(470.63)

Н. В. Романова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНОДАРСКОЙ КРАЕВОЙ ФИЛАРМОНИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА (1953–1964)

В статье на основе широкого пласта архивных источников рассматривается процесс воздействия нового политического курса Н. С. Хрущева на состояние советской культуры и специфика культурной политики партийно-государственного руководства в контексте ее реализации на местах на материалах Краснодарской краевой филармонии.

Автором раскрывается роль музыкальных объединений в выявлении и подготовке самодеятельных талантов, показан масштаб обслуживания филармонией населения аграрного региона. Отличительной чертой требований, предъявляемых к профессиональным мастерам искусств со стороны государственных и партийных органов в годы «оттепели» было их участие в организации художественной самодеятельности в трудовых коллективах. К самодеятельным коллективам Кубани прикреплялись музыкальные коллективы, режиссеры и артисты для методической и творческой помощи.

В рамках авторского анализа в статье представлен такой важный аспект в работе филармонии как просветительская деятельность. Автор показывает, как в начале 1960-х гг. на Кубани была организована широкая сеть народных университетов культуры. Это было достаточно мощным движением массового культурного образования. Широкие слои населения посредством университетов приобщались к сокровищам отечественной и мировой культуры.

Особое внимание уделено одному из приоритетных направлений в деятельности Краснодарской филармонии – художественному воспитанию юных зрителей. Выполняя директивные решения партии, Краснодарская филармония значительно усилила эту сторону своей работы, организовав в своей структуре детский сектор.

В работе анализируется проблема создания музыкальных произведений на местную тематику. Для реализации этой задачи требовались тесные контакты всех отраслей художественной культуры Кубани. На Кубани до 1966 г. профессионального творческого объединения не было, а местные композиторы работали в составе филармонии. Более того, отсутствовал тесный контакт с краевым отделением писателей.

В статье представлен материал, в котором автор показывает как процесс либерализации, затронувший в те годы государственное строительство и национальную политику, отразился на деятельности национальных коллективов, работавших на территории Кубани. Начало 1960-х гг. было отмечено подъемом театрального и музыкального дела в Адыгее.

Ключевые слова: культура, культурная политика, краевая филармония, художественная интеллигенция, партийная концепция, Южная провинция.

N. V. Romanova

SOME ASPECTS OF KRASNODAR'S REGIONAL PHILHARMONICACTIVITY IN THE CONTEXT OF A NEW POLITICAL COURSE

With the reference to numerous historical sources the author considers influence of a new political course of N. S. Khrushchev on Soviet culture and peculiarities of local cultural policy on the materials of Krasnodar regional philharmonic.

The author expands knowledges about the role of musician associations in finding and prepearing amateur talents, shows the scale of philharmonic service provided to the population of the agrarian region. A unique feature of the requirements to professional masters of the arts on state and party authorities during the "Khrushchev's Thaw" was their participation in the organization of amateur performances with the workforce. Musical groups, directors and actors for the methodical and creative help were in charge of amateur collectives of the Kuban.

The author shows educational activity as an important aspect in the work of the Philharmonic Society. In the early 1960s a wide network of popular cultural universities was organized in the Kuban. It was a powerful movement of mass cultural education. A lot of people joined the treasures of national and world culture through the universities.

Particular attention is paid to one of the priorities in the activities of the Krasnodar Philharmonic Society – the artistic education of young viewers. Carrying out the party's policy decisions, the Krasnodar Philharmonic Society significantly strengthened that aspect of its work, having organized the children's sector in its structure.

The paper analyzes the problem of creating music on a local theme. To accomplish the task, close contacts were required from all branches of the Kuban artistic culture. Until 1966, there was no professional creative association in the Kuban, and local composers worked as a part of the philharmonic society. Moreover, there was no close contact with the regional department of writers.

The article presents a material in which the author shows how the process of liberalization, which affected state-building and national policy in those years, affected the activities of national teams working in the territory of the Kuban. The beginning of the 1960s was marked by the rise of theatrical and musical affairs in Adygea.

Key words: culture, cultural policy, regional philharmonic society, artistic intelligentsia, party conception, Southern province.

В современной исторической науке пристальное внимание уделяется взаимоотношению общества и власти в СССР на разных этапах его развития. Особый интерес представляет сравнительное изучение системы отношений между высшей властью и элитой советской творческой интеллигенции, а также характера взаимодействия региональной власти и местной художественной интеллигенции с точки зрения интеллектуальной и социальной истории.

История советских регионов во второй половине XX века актуальна и в современном развитии российского общества, и в современной исторической науке. Сегодня происходит корректировка властных структур по отношению к отечественной культуре, так что опыт реализации как политического курса в целом, так и культурной политики в частности может быть полезен в социальном развитии РФ. Не менее актуальны разные аспекты истории советского общества, особенно позднесоветской эпохи. Большой интерес историков вызывает также местная история советского времени.

Цель работы – на основе архивных источников выявить особенности процесса реализации культурной политики конца 1950-х – начала 1960-х гг. на Юге СССР на примере деятельности Краснодарской краевой филармонии и показать изменения в практике реализации культурной политики в регионах. Для достижения цели рассматриваются основные направления работы различных творческих коллективов, входивших в состав краевой филармонии в контексте официальных идеологических установок.

Организация музыкальной жизни Кубани, в эпоху «оттепели», в первую очередь, была сосредоточена в краевой филармонии. В этот период эффективность музыкальной деятельности неизменно рассматривалась в тесной связи с обслуживающей функцией музыкальных объединений. Как отмечалось в одном из партийных решений Краснодарской краевой партийной организации, «с развитием социалистического сельского хозяйства вырастают культурные запросы колхозников и работников МТС и совхозов, что требует усиления заботы о культурно-бытовом обслуживании сельского населения» [3, л. 21].

Состав краевой филармонии был достаточно пестрым, неоднородным по своим творческим и материальным возможностям. Например, составной частью филармонии являлся ансамбль песни и пляски Кубанских казаков. В его составе был хор из 28 человек, танцевальная группа из 13 человек, музыкально-баянная группа из 3 человек и руководящий персонал из 4 человек. Возглавлял ансамбль талантливый хормейстер Виктор Николаевич Малышев. Кроме того, на балансе филармонии находился малый симфонический оркестр, эстрадные бригады, музыкально-литературный лекторий. Репертуар филармонических коллективов в основном состоял из произведений советских композиторов, хотя изредка включался и старинный народный фольклор, а также произведения местных композиторов [3, л. 24].

Среди вопросов развития музыкальной жизни того времени особое место занимала проблема создания произведений на местную тематику, связанная с более широкой задачей возрождения краеведения. Для реализации этой задачи требовались тесные контакты всех отраслей художественной культуры Кубани и эффективное их сотрудничество. Однако на Кубани до 1966 г. профессионального творческого объединения не было. Местные композиторы работали в составе филармонии, образовав инициативную композиторскую группу, в которую входили А. Александров, Г. Плотниченко, В. Понаморев, Л. Батхан и др. Видимо, по этой причине краснодарские композиторы никак не могли установить тесный контакт с краевым отделением писателей. В одном из документов говорилось, что «музыканты чувствуют постоянную нехватку оригинальных, высокохудожественных стихотворных текстов для своих произведений» [14, с. 3]. Обособленность различных групп творческой интеллигенции сказывалась на качестве произведений на местную тематику.

Пассивную позицию по отношению к композиторам занимало и краевое книгоиздательство, постоянно отмахиваясь от попыток издать сборник песен кубанских авторов. Работники краевого радио также уделяли крайне мало внимания пропаганде местной музыки. Иногда песни местных авторов звучали по краевому радио, но эта работа велась бессистемно, так как у краевого радио слаба была связь с филармонией. Необходимо было преодолеть эту инерцию 1940-х – начала 1950-х гг.

В связи с приходом 25 марта 1954 г. на пост руководителя Краснодарской краевой филармонией Г. Плотниченко, который был не только известным кубанским композитором, автором песен, но и собирателем фольклорных богатств Кубани, ситуация резко изменилась. Уже 12 декабря 1954 г. на заседании местной композиторской группы было принято решение рекомендовать песни Г. Плотниченко «Кубань моя», «Счастливая земля», «Едут, едут казаки», «Ой поехал казак», «Укриницы» к изданию. [2, л. 47]. Активизация работы Кубанской филармонии была отражена в следующих цифрах: только за 1955 г. ансамблем песни и пляски Кубани было дано 153 концерта с валовым сбором 440 тысяч рублей. Эти концерты посетили 68,5 тысяч человек [3, л. 24].

Во второй половине 1950-х гг. в регионе сложилась традиция тесного сотрудничества местных композиторов с филармонией. Говоря о проблеме произведений местной тематики, особо надо выделить вопрос об эстрадном репертуаре. Эстрадные программы на местном материале согласно партийным указаниям должны были выводить на сцену не только сатирические образы, отражавшие недостатки, но, в первую очередь, положительного героя. Такой образ призван был стать примером для тружеников региона, и таким способом, в духе партийной концепции, способствовать подъему экономики Кубани. В реальности работа по созданию эстрадного репертуара

на местные сюжеты велась крайне вяло. «Репертуарный голод» испытывали, к примеру, артисты разговорного жанра Кубани. Кубанские писатели почти ничего не писали для эстрады. Исключение составляли молодые авторы С. Ольгин, В. Борисов, В. Киселев и В. Тихомиров. С большим успехом шло обозрение С. Ольгина «И в шутку и в серьез», В. Киселева и В. Тихомирова конферанс «Мы с Кубани».

Самостоятельным и важным направлением работы филармонии была просветительская деятельность. В начале 1950-х гг. появилась тенденция выступать творческим коллективам филармонии в летний период в центральных парках культуры и отдыха. Так, начиная с 1953 г., в Краснодарском центральном парке каждое лето стали проходить концерты симфонической музыки. Наряду с местными музыкантами и артистами краевой филармонии здесь регулярно выступали гастрольные оркестры Воронежа, Львова, Свердловска. Нередко гастрольные коллективы выступали совместно с кубанскими артистами [15, с. 650]. Немалую работу по пропаганде классической музыки проводил симфонический оркестр филармонии на местных предприятиях. Так, выступления оркестра в клубе Армавирского завода «Армалит» с произведениями М. И. Глинки, П. И. Чайковского «вызвало горячий отклик у работников крупнейшего предприятия»[1, с. 3].

В организации концертов крупных музыкальных коллективов, гастролировавших в сельской местности Краснодарского края, активно участвовали районные комитеты партии. Так было в Отрадненском, Усть-Лабинском, Новокубанском, Курганенском районах. Большая шефская работа велась сотрудниками филармонии в воинских частях. За успешное обслуживание частей Советской армии коллектив был награжден почетной грамотой ЦК Союза работников культуры и Министерства культуры РСФСР [3, л. 24].

Источники свидетельствуют, что 1956 г. послужил началом качественно нового этапа в организации музыкальной пропаганды в регионе. На порядок выросло количество выступлений. Так, если за 1956 г. было дано 1507 концертов, то за 1957 г. – 2605. Эти выступления проводились на 628 концертных площадках. Расширилась работа музыкального лектория Краснодарской филармонии за счет создания системы филиалов. В 1955–1956 гг. такие филиалы были организованны на заводе измерительных приборов, в станице Крымской, у нефтяников станицы Черноморской. В 1956–1957 гг. по краю действовало уже 13 филиалов, в том числе на предприятиях городов Кубани – Краснодаре, Армавире, Майкопе. Для слушателей филиалов организовывались циклы лекций различной тематики, среди которых можно назвать такие, как «Русская народная песня», «Старинные русские романсы», «Песни народов мира», «Могучая кучка». Всего за 1957 г. были организованы более 220 лекций-концертов. [4, л. 2]. Особое внимание уделялось работе филиалов, организованных в 1958–1959 гг. на строительстве сахарных заводов в станицах Кореновской и Усть-Лабинской [5, л. 24].

В начале 1960-х гг. в стране была организована широкая сеть народных университетов культуры. Это было достаточно мощным движением массового культурного образования. С одной стороны, широкие слои населения посредством университетов приобщались к сокровищам отечественной и мировой культуры, а с другой, в этих учреждениях могли получить необходимые знания талантливые самородки из народа. К созданию и функционированию таких университетов активно привлекались местные культурные учреждения. Так при непосредственном участии Краснодарской краевой филармонии только в течение 1959 г. на Кубани было открыто 46 университетов культуры, каждый из которых имел филиал музыкального лектория. Всего на 1 июля 1960 г. в университетах культуры филармонией было проведено 280 занятий [7, л. 3]. Первый университет культуры в Краснодарском крае открылся 24 февраля 1959 г. в колхозе им. Ленина Ново-Титаровского района. Для оказания организационной, методической и практической помощи в филармонии был открыт консультационный пункт. За консультациями обращались не только творческие работники районов, но и секретари райкомов, заведующие отделами культуры, председатели колхозов [7, л. 3].

В этот период в качестве самостоятельной задачи выделился вопрос о художественном воспитании юных зрителей. Это направление было определено как приоритетное в культурной политике партийных органов во второй половине 1950-х гг. Выполняя директивные решения партии, Краснодарская филармония значительно усилила эту сторону своей работы, организовав в своей структуре детский сектор. В сезон 1956–1957 г. было организованно 6 музыкальных филиалов для детей в Краснодаре, Армавире, станице Белореченской [4, л. 2]. В работе с юным зрителем участвовал и театрализованный ансамбль лилипутов из 15 человек и артисты театра сказки из 5 человек. В их репертуаре особой популярностью у юного зрителя пользовались постановки «Теремок», «Мойдодыр», «Волшебный веер», «Про доброго Великана и злую Ведьму».

Выполняя приказ Министерства культуры об улучшении музыкальной пропаганды среди школьников, сотрудниками филармонии были подготовлены 5 лекций-концертов для детей, среди которых были программы «Что такое музыка и как ее слушать», «Композиторы – детям», «Концерт-загадка» [5, л. 24].

Отличительной чертой требований, предъявляемых к профессиональным мастерам искусств со стороны государственных и партийных органов, в то время было их участие в организации художественной самодеятельности в трудовых коллективах. Еще в 1947 г. вышел приказ Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР «Об организации систематического обслуживания районных Домов культуры и уком-

плектовании их художественными руководителями», в котором подчеркивалась обязательность шефства театров и концертных организаций над районными Домами культуры. К самодеятельным коллективам прикреплялись театры, концертные организации, музыкальные коллективы, а также отдельные режиссеры, дирижеры и артисты для методической и творческой помощи [11, л. 14].

Однако наиболее широко и систематически такая работа профессиональных творческих коллективов развернулась в конце 1950-х – начале 1960-х г., когда власть обратила особое внимание на развитие художественной самодеятельности в стране. Большую роль в успешной постановке художественной самодеятельности в регионах играла согласованность действий профессиональных коллективов с краевыми Домами народного творчества. На Кубани краевая филармония работала в тесном контакте с краевым Домом народного творчества. Много сил развитию художественной самодеятельности отдавали такие известные деятели, как композитор Г. Плотниченко, заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР А. Александров, искусствовед А. Ломоносов [10, л. 7].

Регулярное привлечение профессиональных мастеров к помощи любительским коллективам способствовал повышению их исполнительского уровня. В результате этого многие любительские коллективы впоследствии получали звания «народный». Следует также заметить, что работа по организации самодеятельности была весьма плодотворной и для профессиональных коллективов, поскольку являлась хорошей школой для выявления народных талантов, которые, получив подготовку либо в народных студиях, либо в специальных учебных заведениях, пополняли кадры творческих работников. В контексте организации системы художественной самодеятельности развивалась и детская художественная самодеятельность. В этом тоже был немалый вклад творческих музыкальных коллективов. Особый упор делался на работу в районах.

Рассматривая социальный аспект развития художественного творчества в регионе в рамках официальных учреждений и организаций, нельзя не обратить внимания на то, что влияние идей и решений XX съезда партии на состояние культурной жизни края отразилось опосредованно, не в идеологической парадигме, а в других областях общественной жизни. Почувствовав дыхание свободы, творческие работники стали более смелыми в своих суждениях и критике в адрес вышестоящих начальников.

Новым явлением после 1956 г. стала организация в регионе гастролей зарубежных артистов. Это касалось, прежде всего, музыкальной классики. Зарубежная же эстрада была еще не доступна для зрителей южной провинции, но «железный занавес» уже был приподнят, и советские люди могли приобщаться к достижениям мирового искусства. Всезон 1956–1957 гг. на концертных площадках Краснодара выступали представители зарубежного искусства, среди которых были «Малая балетная группа» из Бомбея (Индия), Мексиканский балет Хосефины Ловалье и Оскара Пуэнтэ, датская пианистка Вебекка Варлев, монгольский ансамбль, корейский театр [4, л. 5].

Этот прорыв «железного занавеса» отразился и в программах филармонических коллективов. Например, в 1959 г. для эстрадных бригад Краснодарской филармонии наряду с тематическими программами «Хороши вечера на Кубани», «У нас на Кубани» была подготовлена специальная программа для эстрадной бригады Гарри Гольди, которая посвящалась содружеству и мирному соревнованию великих держав СССР и США. Символом этого было сотрудничество Кубани со штатом Айова [7, л. 1].

Мы полагаем, что либерализация, коснувшаяся в те годы государственного строительства и национальной политики, имела определенный отклик и в области культуры. В частности, стало более успешно развиваться взаимное сотрудничество регионов, автономных и союзных республик. Так 24 января 1957 г. увидел свет приказ Министерства культуры РСФСР «Об улучшении обмена культурными ценностями между автономными республиками, областями, краями РСФСР и союзными республиками», отразивший эти тенденции. Министерство рекомендовало главному управлению по делам искусств провести в сезон 1957–1958 гг. Северо-Кавказскую театральную весну с участием театров Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Лучшие спектакли предполагалось показать в Москве [12, л. 157].

В контексте этих процессов наблюдалось оживление национальных коллективов, работавших на территории Кубани. Начало 1960-х гг. отмечено подъемом театрального и музыкального дела в Адыгее. Больше стало уделяться внимания произведениям национальных авторов на кубанской эстраде. В ноябре 1960 г. Адыгейским книжным издательством даже был выпущен сборник песен. В него вошли песни о Родине, партии, счастливом и мирном труде, тексты и которых были написаны адыгейскими поэтами М. Таранук, Х. Беретарь, Киримизе Жанэ, Х. Ашиновым на музыку композиторов Адыгеи [16, с. 3]. Эти музыкальные работы заняли прочное место в репертуаре местных исполнителей.

Необходимо отметить, что в этот период начала складываться традиция приурочивать наиболее крупные культурные события в жизни общества к советским юбилеям и партийным съездам, которая получила широкое распространение в нашей стране в 1970-е – 1980-е гг. Начальной вехой стало празднование 40-ой годовщины Октябрьской революции. В честь этой даты принимались трудовые обязательства, организовывались концерты, готовились новые спектакли. Сезон симфонической музыки в Краснодаре в июле-августе 1957 г. как раз и был посвящен 40-летию Октября. Как обычно, он прошел в краснодарском городском парке культуры и отдыха им. М. Горького, но содержание его качественно отличалось и ха-

рактером репертуара, и уровнем исполнения. Эти концерты стали большим событием музыкальной жизни Краснодара. По насыщенности своего репертуара летний сезон 1957 г. оказался одним из лучших. Всего за сезон музыканты дали 45 концертов, в которых прозвучали произведения С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна, Д. Д. Шостаковича.

Подобно театрам, филармонии обязаны были встречать очередной партийный съезд новыми программами. Краснодарская филармония посвятила новую программу «У нас на Кубани», созданную молодым кубанским литератором В. Борисовым и композитором Г. Плотниченко, XXI съезду КПСС. Для администрации филармонии важнее всего было то обстоятельство, что партийные и советские организации Кубани дали положительные отзывы о новой программе. В частности, хорошо отозвались о ней в главном управлении по делам искусств Министерства культуры РСФСР [6, л.8]. Такие отзывы давали определенные возможности для развития коллектива.

Несмотря на то, что в силу специфики природы музыкального искусства, оно существовало несколько отстраненно от идеологического влияния, музыкальные филармонические коллективы не избежали официального внимания. Например, в сезон 1958–1959 гг. Краснодарская филармония подчинила свою работу исправлению недостатков, обнаруженных комиссией ЦК КПСС при обследовании учреждений культуры Краснодарского края [5, л. 24]. Коллектив обязан был брать повышенные обязательства по организации мероприятий в сельских районах в связи с XXII съездом и мартовским Пленумом ЦК КПСС. В итоге в 1961 г. 61 % всей концертной работы приходилось на колхозы и совхозы. Используя передвижную автомобильную эстраду, артисты филармонии давали представления непосредственно на полевых станах и в рабочих бригадах [13, л. 97]. Из 2431 концертов, всего данных артистами филармонии за этот год, более половины было в сельской местности – 1508 [8, л. 2].

В то же время в 1960-е г. больше внимания стало уделяться развитию местной эстрады. Только в 1960 г. было создано множество эстрадных номеров для артистов Краснодарской филармонии. Это композиции В. Борисова «Вот солдаты идут», «Сон», «Луна и фантазия», «В семье не без урода». Стал востребованным такой жанр, как репризы, интермедии. Исполнялось немало песен на местную тему – Г. Плотниченко «Лирическая», «Уронила луна молодая», В. Понаморева «Над Кубанью», Г. Ляховского «Ехал свататься казак», «Караваны», частушки В. Попова. Главным критерием качества этих номеров стала актуальность, но не реальная современность с ее противоречивостью и многообразием, а идеальная современность с идеальным положительным героем, конструируемые по принципу: «Современность это не то, что сегодня, а то, что завтра». Позже в репертуар эстрадных бригад так же вошли новые произведения «За работу, земляки», «Советский простой человек», музыкальный фельетон «Мы такими быть должны», эстрадный монолог «О королеве» [9, л. 8].

В Краснодарской филармонии постепенно обновлялась тематика литературно-музыкального лектория. На смену прежним советским авторам пришли новые, на смену традиционным произведениям русской классики – осмысление ранее мало известных книг. В 1962 г. в программе лектория появились два новых имени советских литераторов. Они, как известно, стали символами противоположных идейных лагерей, двух непримиримых взглядов на советскую действительность. Это композиции на темы романа В. Кочетова «Секретарь обкома», и романа В. Тендрякова «За бегущим днем». Наряду с шолоховской «Поднятой целиной» были созданы литературная композиция по «Барышне-крестьянке» А. С. Пушкина и музыкально-поэтический цикл «О дряни» В. В. Маяковского [9, л. 8].

В годы «оттепели» на Кубани начали складываться новые тенденции в подборе репертуара филармонических коллективов, оживились некоторые направления их работы, но при этом основная линия партийного контроля и идеологической ангажированности сохранилась. Более того, подход к творческой интеллигенции как к работникам сферы обслуживания усилился. Но, на наш взгляд, советский опыт просветительской деятельности музыкальных коллективов филармонии, свидетельствует, что организованное художественное воспитание всех слоев населения не только обеспечивало интересный досуг населению, но и способствовало пополнению профессиональной художественной интеллигенции народными талантами.

Утопизм и экспериментаторство, характерные для политики эпохи Н. С. Хрущева, неоднозначно отразились и на художественной жизни, в особенности в провинции. Так же, как и раньше, проводниками партийной линии были парторганизации театров и филармоний, так же работа художественных советов полностью контролировалась вышестоящими органами, не оставляя места для творческой свободы. Идеологический антураж в работе творческих коллективов, несмотря на некоторые признаки либерализации, не изменился, да и не мог измениться, поскольку концептуальные и идеологические подходы власти к культурной политике остались неизменными. Соответствие творческой продукции пропагандистским целям, ясность социалистических идеалов и художественное качество их отражения в произведениях мастеров искусств по-прежнему были главным критерием оценки музыкальных программ.

Источники и литература

1. Выступление симфонического оркестра в рабочем клубе // Советская Кубань. 30 января 1955.

2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). ФР. 1693. Оп.1. Д. 48.
3. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 59.
4. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 75.
5. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 83.
6. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д.86.
7. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 95.
8. ГАКК. ФР. 1693. Оп.1. Д. 107.
9. ГАКК. ФР. 1693. Оп. 1. Д. 131.
10. ГАКК. Ф. 1731. Оп.1. Д.6.
11. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). ФР. 2439. Оп.1. Д.37.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1619.
13. ГАРФ. Ф. А-501. Оп.1. Д. 3895.
14. Г. Плотниченко. Что волнует композиторов Кубани //Советская Кубань. 4 октября, 1953.
15. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]: Материалы к летописи / [Гос. арх. Краснодар. края, Центр документации новейшей истории Краснодар. края, Администрация г. Краснодара; Над кн. работали А. М. Авраменко и др.]. Краснодар: Кн. изд-во, 1993. 798 с.: ил.; 25 см.
16. Новый сборник песен // Советская Кубань. 26 ноября 1960.

References

1. Vystuplenie simfonicheskogo orkestra v rabochem klube *(Performance of a Symphony Orchestra in a Working Club)* // Sovetskaya Kuban'. January 30. 1955. (In Russian).
2. State archive of Krasnodar region (GAKK). FR. 1693. Inv.1. D. 48. (In Russian).
3. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 59. (In Russian).
4. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 75. (In Russian).
5. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 83. (In Russian).
6. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D.86. (In Russian).
7. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 95. (In Russian).
8. GAKK. FR. 1693. Inv.1. D. 107. (In Russian).
9. GAKK. FR. 1693. Inv. 1. D. 131. (In Russian).
10. GAKK. F. 1731. Inv.1. D.6. (In Russian).
11. State archive of Stavropol territory (GASK). FR. 2439. Inv.1. D.37. (In Russian).
12. State archive of Russian Federation (GARF). F. A-501. Inv. 1. D. 1619. (In Russian).
13. GARF. F. A-501. Inv.1. D. 3895. (In Russian).
14. G. Plotnichenko. CHto volnuet kompozitorov Kubani (What Worries Kuban Composers) // Sovetskaya Kuban'. October 4. 1953. (In Russian).
15. Ekaterinodar-Krasnodar: Dva veka goroda v datah, sobytiyah, vospominaniyah [1793–1993] *(Ekaterinodar-Krasnodar: Two Centuries of the City in Dates, Events, Memories [1793-1993]):* Materialy k letopisi / [Gos. arh. Krasnodar. kraya, Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodar. kraya, Administraciya g. Krasnodara; Nad kn. rabotali A. M. Avramenko i dr.]. Krasnodar, 1993. 798 p. (In Russian).
16. Novyj sbornik pesen (New Collection of Songs) // Sovetskaya Kuban'. November 26. 1960. (In Russian).

УДК 327-5.8.

Г. Н. Рыкун, И. В. Огаркова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье фрагментарно показан процесс становления послевоенной системы международных отношений, в основу которой были положены договоренности союзников по антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритании), достигнутые ими в ходе совместной работы на Ялтинской и Потсдамской международных конференциях. Отмечается способность союзников договариваться, искать компромиссы в условиях совместной борьбы против общего врага. Раскрывается картина послевоенной Германии, судьба немецкого населения и основных военных преступников, что непременно учитывалось в переговорном процессе между союзниками. На этом фоне авторы статьи обращаются к проблеме трансформации послевоенной системы безопасности в современный период, выражают мнение, что эта проблема обусловлена демонтажем биполярного противостояния, конец которому был положен развалом Советского Союза и распадом социалистического содружества. Этот процесс происходит в условиях самоидентификации новых акторов международных отношений и попыток ведущих западных держав установить выгодные для них правила внешнеполитического поведения. Авторы делают вывод о необходимости сохранения исторической памяти, которая поможет повысить уровень ответственности политиков перед мировой общественностью. Необходимость решения современных проблем человечества, таких как предотвращение угрозы ядерной войны, борьба с международным терроризмом, предотвращение региональных военных конфликтов доказывают необходимость сотрудничества крупнейших ядерных держав в мире. С этой точки зрения актуализируется изучение исторического опыта взаимодействия стран антигитлеровской коалиции в военный и послевоенный периоды.

Ключевые слова: антигитлеровская коалиция, миропорядок, система международных отношений, сотрудничество, конфронтация.

G. N. Rykun, I. V. Ogarkova

HISTORICAL EXPERIENCE OF FORMING YALTA-POTSDAM SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article shows some parts of the process of establishing post-war system of international relations, which was based on the agreements of the Allies (the Soviet Union, the US and the UK) achieved at the Yalta and Potsdam international conferences. The ability of allies to negotiate, to seek compromises in a joint struggle against the common enemy is noted. The picture of the post-war Germany and the fate of the German population and the major war criminals is shown. It was certainly taken into account in the negotiations between the allies. Against this background, the authors address the issue of transformation of post-war security in the modern period and express the view that the problem was caused by dismantling of the bipolar confrontation, the end of which was placed by the collapse of the Soviet Union and the collapse of the socialist community. The process took place under conditions of self-identification of new actors in international relations and the attempts of the leading western powers to establish the rules of international conduct that could be profitable for them. The authors conclude that there is necessity to preserve the historical memory, which will help raise the level of political responsibility before the world community. The need to address contemporary problems of humanity, such as the prevention of the threat of nuclear war, the fight against international terrorism, the prevention of regional military conflicts demonstrate the need for cooperation of the largest nuclear powers in the world. From this point of view, it is updated study of the historical experience of the interaction of the anti-Hitler coalition in the war and post-war periods.

Key words: anti-Hitler coalition, world order, the system of international relations and cooperation, confrontation.

После разгрома фашистской Германии, в котором решающую роль сыграл советский народ и его вооруженные силы, СССР стал не просто великой державой, а государством, по праву принимавшим участие в решении судеб стран и народов, в определении миропорядка на европейском континенте и во всем мире. При этом он продолжал оставаться один на один с Западом, вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции сразу же после победы во Второй мировой войне превратились в противников, подтверждая тезис о том, что союзнические отношения возможны лишь в военной области, перед лицом общей угрозы. Такие же отношения в политике, скорее, являются исключением, нежели нормой международной жизни. Тем не менее, сначала на Ял-

тинской, а затем и на Потсдамской конференциях главам США, Великобритании и СССР удалось договориться о коренных изменениях в расстановке сил в мире, установить новый миропорядок, который на десятилетия исключал возможность возрождения милитаризма в Европе. Не случайно поэтому, результаты работы названных международных форумов по сей день сохраняют свою актуальность, вызывают неподдельный интерес со стороны политиков, общественности, исследователей различных научных дисциплин и направлений.

Правда, в последнее время все чаще и чаще слышатся призывы к пересмотру итогов Второй мировой войны, в частности тех самых исторических решений, которые принимались в Ялте и Потсдаме и прежде всего в пользу Советского Союза. Так, например, президент США Дж. Буш в своем выступлении по поводу вступления Литвы в НАТО в ноябре 2002 г. особо подчеркнул, что настала пора стереть границы, «начертанные диктаторами» и забыть наследие Ялты. Известный специалист в области международных отношений Н. А. Нарочницкая объяснила эти слова американского президента стремлением провести ревизию смысла и духа борьбы с фашизмом, забыть о союзническом долге времен сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции. Примечательно также, что современных западных руководителей не устраивает, в первую очередь, те территориальные решения, которые принимались в пользу советского государства. Сегодня эти решения оцениваются ими не иначе как следствие экспансионистских устремлений руководства СССР [4, с. 66].

Речь идет, в частности, о правомерности вхождения в состав Советского Союза Калининградской области, в то время как никто из западных политиков не вспоминает, например, факт расширения границ Польши за счет Силезии. Не вызывает у них сомнений и современная франко-итальянская граница, статус Додеканезских островов и многие другие административно-территориальные изменения, произошедшие после окончания Второй мировой войны. Такая избирательность Запада заставляет вновь обращать внимание его представителей на вопросы истории, без знания которых невозможно понять события настоящего и будущего.

Как известно, ялтинско-потсдамские решения великих держав, членов антигитлеровской коалиции непосредственно касались вопросов послевоенного урегулирования международных отношений и обеспечения европейской безопасности. Соглашение, достигнутое и подписанное лидерами США, Великобритании и СССР в Потсдаме, в сущности, представляло собой протокол международной конференции, и в этой связи оказалось весьма уязвимым с правовой точки зрения. Несмотря на это, данное соглашение на долгие годы стало основополагающим правовым актом, который был положен в основу строительства новой Европы и нового миропорядка. При достижении этого соглашения выявились все противоречия и разногласия, существовавшие между участниками антигитлеровской коалиции. Однако в то время все они проявили единодушие в решении вопросов оккупации Германии и реализации на ее территории денацификационных мероприятий в социальной, политической и экономической сферах. США, СССР, Великобритания и присоединившаяся к ним Франция взяли на себя ответственность не только за будущее германского народа, но и всего цивилизованного мира.

Необходимо отметить, что за всю многовековую историю человечества ни одно государство и ни одна военно-политическая коалиция не ставили перед собой аналогичных целей. До 1945 г. история не знала прецедентов полного уничтожения политической системы экономически развитого государства, несмотря на то, что войны являлись постоянными спутниками эволюции человеческого общества. Однако ранее территории, захваченные военным путем, использовались чаще всего для расширения сырьевого, экономического или трудового потенциала страны – победителя, а также для увеличения ее территории. Державы антигитлеровской коалиции перед всем человечеством взяли на себя обязательства полностью изменить характер и структуру германской государственности, принять все необходимые меры к искоренению истоков нацизма и милитаризма и возвращению немецкого народа в европейское и мировое сообщество.

Приступив к практической реализации достигнутых договоренностей, союзники столкнулись, прежде всего, с проблемой стихийной миграции населения, социальной, хозяйственной и бытовой неустроенностью жизни основной массы людей, всеобщим обнищанием. Хаос и страх породили многотысячные потоки беженцев и переселенцев, устремленные вглубь страны. Немцы в состоянии полной безысходности покидали территории, отошедшие к Польше и Советскому Союзу. Согласно официальной статистике, в начале мая 1945 г. в Германии было учтено почти 1,1 млн перемещенных лиц [2, л. 65, 70, 82, 88].

Очевидцы свидетельствовали, что немцы, которым удалось пережить окончание войны, находились в подавленном состоянии. Их жизнь в то время определялась единственно желанным стремлением найти пропитание, жилье и разыскать разбросанных войной родственников. Общественное сознание немецкого населения было наполнено, с одной стороны, чувством вины за развязанную войну и принесенные другим народам страдания, с другой, – страхом перед победителями. Угнетающе действовали также разрушения, которых Германия не знала со времен Тридцатилетней войны. Многие города и сельские населенные пункты были частично или полностью разрушены в результате массированных бомбардировок и лежали в руинах, промышленное производство фактически прекратилось, страна полностью лишилась транспортной инфраструктуры и большей части коммуникаций, некогда являвшихся гордостью немецкой нации.

Главным средством перемещения беженцами скудного домашнего скарба являлись кустарные тачки и уцелевшие детские коляски.

В условиях послевоенного хаоса союзникам предстояло провести кардинальную реконструкцию социально-политической жизни страны, фундаментально и надолго изменить не только государственный статус Германии, но и мировоззрение людей, собственно говоря, научить их жить в мирных условиях сотрудничества с другими народами. Естественно, что первое время мирной жизни требовали, прежде всего, обеспечения минимальных потребностей гражданского населения в продуктах и товарах первой необходимости, восстановления системы продовольственного снабжения. Эта задача сначала легла на плечи военных комендантов, недавно являвшихся боевыми офицерами, не знакомыми с хозяйственно-административной деятельностью. Поэтому их решения порой выходили за рамки указаний сверху и не всегда адекватно отражали реалии послевоенных будней. А. Ю. Ватлин довольно точно представил реальную картину побежденной Германии, отразив при этом общественные настроения немецкого населения. По его словам, в «час ноль немецкой истории состояние умов было под стать хаосу на улицах германских городов». Германия превратилась в подобие обанкротившегося предприятия и стала объектом внешнего управления. После такого поражения не оставалось никаких шансов на возрождение реваншистских настроений, «нельзя было спрятаться за легенду о непобедимой немецкой армии…» [1, с. 136]. Несостоятельными оказались и надежды на «коричневое» подполье, наличие которого декларировалось предводителями рейха. Люди воочию убедились, что все фанатично настроенные сторонники национал-социализма вдруг исчезли с политической арены, оставив без защиты только сбитых с толку «случайных попутчиков», отказывавшихся верить в то, что произошло. Потсдамский тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления фашистского режима, которая лежала в основе неизбежной оккупации страны, не признавался общественным мнением», но оно настойчиво продолжало искать ответ на вопрос о причинах катастрофы [1, с. 137].

Союзникам по антигитлеровской коалиции в рамках сотрудничества в области денацификации предстояло тщательно разобраться с тем, кто был «обманутой жертвой» или «сбитым с толку попутчиком», а кто использует эти маски для сокрытия своих преступлений. К слову сказать, что именно в этом направлении совместной деятельности на территории Германии интересы союзников переплетались очень тесно, поэтому и сотрудничество отличалось высоким уровнем конструктивности, по крайней мере, на начальном этапе. Как известно, еще на Ялтинской конференции был учрежден Союзнический контрольный совет, на который возлагались функции оперативного управления Германией. На основе консенсуса данный орган должен был принимать решения по самым важным для всех оккупационных зон вопросам. В первую очередь, были распущены структурные организации НСДАП всех уровней, не только активным функционерам, но и рядовым членам партии запрещалось занимать государственные посты. Непримиримые национал-социалисты подвергались репрессивному воздействию: арестам и интернированию. В первые месяцы после победы во всех четырех зонах оккупации было арестовано более 270 тысяч немцев, прошлое которых вызывало у новой власти определенное сомнение. Многих из них ожидал справедливый суд.

В исследованиях последнего времени нередко можно встретить тотальные обвинения в адрес советских представительств в Германии, которые якобы без разбора мстили всем немцам за лишения и потери, которые принесла германская агрессия народам СССР. Но здесь необходимо учитывать, что меры оккупационных властей в этом плане мало чем отличались друг от друга. В американской зоне, например, проводилось сплошное анкетирование взрослого населения, с помощью которого облегчался поиск функционеров прежнего режима.

Итогом совместной деятельности союзников в области денацификации стал Нюрнбергский судебный процесс, открывшийся 20 ноября 1945 г. Впервые в международной юридической практике он выдвинул обвинения в «преступлениях против мира и человечества». На скамье подсудимых оказались двадцать два военных преступника из числа высшего руководства Германии и командования вермахта, в том числе Г. В. Геринг, Р. В. Гесс, К. Дениц, В. Б. Кейтель, Ф. Папен, И. фон Риббентроп, А. Шпеер и другие. Судебное разбирательство длилось около года и завершилось в середине октября 1946 г. казнью главных обвиняемых. После этого состоялось еще двенадцать процессов, на каждом из которых вскрывались все новые и новые факты жестокой действительности нацистского режима, не говоря уже о судах над различными военными чинами Германии в других странах Европы, на территории которых они совершали свои злодеяния [5].

Попытаемся проследить хронологию советских инициатив в отношении ответственности военных преступников. Еще в октябре 1942 г. было опубликовано заявление советского правительства, которое признавало необходимым «безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии». Через год Советский Союз подготовил декларацию об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства во время войны. Она была подписана главами великих держав – членов антигитлеровской коалиции И. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Данный документ являлся предупреждением германскому командованию и руководству рейха о неизбежной ответственности, которую рано или поздно понесут военные преступники. Основные из них, как указывалось в декларации, «будут наказаны совместным решением правительств-со-

юзников». На конференции в Ялте это намерение получило подтверждение, а на встрече в Потсдаме советская делегация внесла на рассмотрение проект решения «О суде над главными военными преступниками». Он вошел в качестве дополнений в соответствующий британский документ. Союзники сделали совместное заявление о том, что они считают делом «огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее» [6, с. 457].

На конференции в Потсдаме было принято также решение опубликовать список главных военных преступников Германии не позднее 1 сентября 1945 г. В соответствии с существовавшей договоренностью все эти принципы должны были быть обязательными для всех сторон до тех пор, пока они не будут заменены другими межсоюзническими решениями.

Документы и материалы заседаний и особенно записи бесед между лидерами держав – членов антигитлеровской коалиции свидетельствуют о том, что, несмотря на все договоренности, на форумах и встречах по послевоенному урегулированию велись активные дипломатические бои, которые, в конце концов, превратились в холодную войну. И уже в октябре 1945 г. советское руководство сделало вывод о жестком противодействии союзников: «Пока шла война… миллионы людей гибли на фронте, у Советского и Британского правительства были споры, но они сговаривались. Советский Союз был нужен. Как только война окончилась, против Советского Союза принимаются всякие меры». Когда на Ялтинской, а затем и на Потсдамской конференциях советской делегацией был поставлен вопрос о возвращении Карса, Ардагана, оккупированных Турцией в 1918 г., Великобритания и США высказались против, хотя в середине войны это требование они считали вполне правомерным, поскольку не затрагивало «ничего более того, что ранее принадлежало России» [6, с. 158, 159].

Постепенно отчуждение союзников друг от друга усиливалось, курс на противодействие требованиям и инициативам СССР стал более откровенным после принятия в западных зонах 31 декабря 1949 г. закона об освобождении от наказания отдельных категорий военнослужащих вермахта, осужденных за военные преступления. В новой редакции закон был принят в 1954 г. и ознаменовал собой свертывание денацификации.

Изложенное свидетельствует о том, что западные союзники забыли о своих же обещаниях и договоренностях, амнистировав или досрочно освободив большую часть осужденных нацистских преступников. Эти исторические факты во многом способствовали углублению противоречий между Востоком и Западом и ускорили наступление эпохи «холодного противостояния». В то время западные державы больше всего беспокоили «территориальные» результаты победы, но решения, которые были приняты в Ялте и Потсдаме, сдерживали их устремления. Вот почему и сегодня ялтинско-потсдамская система европейской безопасности находится под прицелом ревизионистски настроенных кругов в Прибалтике, Польше и ряде других стран. В угоду достижения своих целей они представляют освобождение их собственных территорий Красной Армией агрессией и советской оккупацией, не замечая при этом своих приобретений. В этом смысле вспоминаются слова Н. Я. Данилевского по поводу «стона о разделе Польши», автор сравнивал его с отношением Европы к захвату Шлезвиг-Гольштейна: «Будет ли Шлезвиг-Гольштейн датским или германским, он все-таки останется европейским…. Но как дозволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что… принадлежит этому миру? Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой» [3, с. 41].

Эти слова весьма актуальны для современных международных отношений. Если во второй половине XX века западные державы раздражали в основном территориальные межсоюзнические решения в пользу СССР, то сегодня они стремятся полностью разрушить сложившуюся послевоенную систему международных отношений. Современная политическая практика пополнилась такими механизмами реализации национальных интересов западных стран, как санкции, провокации, откровенная ложь, что отнюдь не способствует установлению доверительных отношений между странами и стабилизации международного сотрудничества.

Ялтинско-потсдамская система безопасности действительно нуждается в корректировке в силу произошедших изменений, и этот процесс уже идет. Причина видится не только в смене биполярного мироустройства на однополярный мир в результате развала СССР, распада социалистического содружества, объединения Германии, раскол которой и обусловил появление ялтинско-подстамской системы. Этого требует, прежде всего, достигнутый уровень развития многих государства мира, углубляющиеся тенденции глобализации, расширение взаимодействия и многие другие факторы. Не трудно заметить, что в современной мировой политике значительно повысилась роль межгосударственных объединений и коалиций, на передовые позиции выходит ряд развивающихся стран, которые способны конкурировать с традиционными центрами влияния [7]. Эти две тенденции составляют каркас новой системы международных отношений, но процесс трансформации этой системы еще не завершился. Он нуждается в концептуализации, что происходит очень тяжело, несмотря на то, что основные направления этого процесса очевидны: обеспечение стабильности в международных делах; расширение экономического и всех видов гуманитарного сотрудничества; сохранение целостности и безопасности государств различных континентов; создание условий для динамичного внутреннего развития всех участников международных отношений.

Однако США продолжают настаивать на своей исключительности и пытаются диктовать всему миру новые правила игры. Хотелось бы заметить по этому поводу, что в современном мире любая ревизия исторических реалий недопустима, это не только вызов исторической памяти о совместной борьбе и общей победе, это создание условий для возникновения новых мировых конфликтов, для роста напряженности и недоверия между странами и народами. Чтобы избежать этого, необходимо, прежде всего, повысить беспрецедентно низкий уровень ответственности лидеров целого ряда западных государств перед мировой общественностью.

Источники и литература

1. Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Книга, 1995. 574 с.
4. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 80 с.
5. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8-ми т. Т.3. М.: Юридическая литература, 1989. 656 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. В 6-ти т. Т.6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 511 с.
7. Современные международные отношения // URL: https://businessman.ru/new-sovremennye-mezhdunarodnye-otnosheniya-sistema-mezhdunarodnyx-otnoshenij.html (Дата обращения: 17.04.2018).

References

1. Vatlin A.Yu. Germaniya v XX veke *(Germany in the Twentieth Century)*. Moscow: ROSSPEHN, 2002. 336 p. (In Russian).
2. State archive of Russian Federation (GARF). F.9408. Inv.1. D.10. (In Russian).
3. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu *(Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Romance)*. St.Petersburg: Kniga, 1995. 574 p. (In Russian).
4. Narochnickaya N. A. Za chto i s kem my voevali *(For What and With Whom We Were at War)*. Moscow: Minuvshee, 2005. 80 p. (In Russian).
5. Nyurnbergskij process. Sbornik materialov *(The Nuremberg Trials. The Collection of Materials)*. In 6 Vols. Vol. 3. Moscow: YUridicheskaya literatura, 1989. 656 p. (In Russian).
6. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov. V 6-ti t. T. 6: Berlinskaya (Potsdamskaya) konferenciya rukovoditelej trekh soyuznyh derzhav – SSSR, SSHA i Velikobritanii (17 iyulya – 2 avgusta 1945 g.) *(The Soviet Union at International Conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of Documents. In 6 vols 6: Berlin (Potsdam) Conference of the Leaders of the Three Allied Powers - the USSR, the USA and Great Britain (17 July – 2 August 1945)*. Moscow: Politizdat, 1984. 511 p.
7. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya *(Modern International Relations)* URL: https://businessman.ru/new-sovremennye-mezhdunarodnye-otnosheniya-sistema-mezhdunarodnyx-otnoshenij.html. (Accessed: 17.04.2018).

УДК 947(470.6)

Д. С. Ткаченко

КАВКАЗ НАЧАЛА XIX в. В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ДЖОНА ДЖОНСОНА

Статья посвящена решению важной в кавказоведении задаче – введению в научный оборот новых источников для изучения широкого круга региональных аспектов. При том, что современное кавказоведение располагает обширной базой записей российских путешественников по региону, иностранных источников в ней представлено мало. Особенно это касается первой половины XIX в., – источников, созданных до возникновения российско-британского противостояния на Кавказе.

Автор анализирует ранее не переводившиеся на русский язык дневниковые записки офицера Британской армии Джона Джонсона, совершившего в 1817 г. поездку по региону во время его путешествия из Индии в Англию. В статье приводятся не только отдельные детали условий жизни людей на южном приграничье, но и оценки очевидцем российской военно-гражданской администрации. Это – описание посольства А. П. Ермолова в Персии, российских городов и поселений в регионе, природы и жителей Горного Кавказа, способов путешествия и системы организации карантинной службы. Особое внимание уделено аналитической части записок – оценке Британским военным позитивных действий России и ее армии на Кавказе, направленных на интеграцию территорий в состав единой империи. Российский стиль управления и инкорпорация местных элит выступает у Джонсона аргументом для критики системы открытого колониального грабежа, практиковавшегося в первой половине XIX в. Ост-Индской кампанией. В конце статьи, делается вывод об общих особенностях заметок европейцев о Востоке и значимости их использования как первоисточника.

Ключевые слова: Записки иностранцев о Кавказе, города и поселения на Кавказе, А. П. Ермолов, российская военно-гражданская администрация, инкорпорация элит, кавказская одежда, путешествия, Дарьяльское ущелье, почтовая служба, карантины.

D. S. Tkachenko

THE EARLY XIX c. CAUCASUS IN THE VOYAGE ACCOUNTS OF JOHN JOHNSON

The paper focuses on solving a very important challenge – setting an access to new primary sources on vague regional issues for Russian-speakers. Although the modern Caucasus studies in Russia have a long list of accounts related to Russian authors there seems to be a lack of foreign-based sources. It particularly concerns the early XIX c. – the sources that covered the experience of people before the Russian-British rivalry on the Caucasus.

The author scrutinises the diary entries of the British Lieutenant Colonel John Johnson who took off India for Britain in 1817 and made his way trough the Middle East and Caucasus. He put the experience in the diary that had been never translated into Russian. The article focuses on his descriptions of the South frontier routine together with Johnson's conclusions concerning the Caucasus military and civil authorities. The entries include some additional information about the Yermolov's Embassy to Persia, Russian towns and dwelling places in the region, the beauty of the Mountain Caucasus nature and merits of its inhabitancies. He also described the way of travelling through the Caucasus and the quarantine service. The analytic part of the entries shows the positive experience of Russian militaries in setting up the pattern of the territories acquisition within the Empire together with the absorption of the local elites. The experience is shown as an argument for questioning the way the Ost-India Company used to exploit the Subcontinent. Finally, the author generalises the way we can use the European explores accounts on the Orient as a primary source for our studies.

Key words: foreigners accounts on the Caucasus, the Caucasus towns and dwelling places, A. P. Yermolov, Russian military and civil administration, incorporation of elites, Caucasus dress-style, travelling, theDaryal Gorge, postal service, quarantine service.

Обращение к тематике заметок иностранцев как в целом о России, так и о кавказском регионе имеет высокий научный потенциал. Записи иностранцев, прежде всего интересны тем, что человек, принадлежащий к иной социокультурной реальности, часто подмечал такие детали жизненного, политического и культурного уклада, которые, будучи привычными, не вызывали интереса у соотечественника и оставались вне сферы русскоязычных источников. В аналитической части своих размышлений иностранцы часто проводили параллели с действиями собственных государств, отыскивая как аналогии, так и противопоставления. Эта сторона записок, в свете современного внимания к изучению геополитического соперничества России и Западных стран в реализации Восточной политики, представляет особый интерес.

Записки одного из английских путешественников – подполковника Британской армии Джона Джонсона, побывавшего на Кавказе в конце второго десятилетия XIX в., представляют собой исто-

рический источник по широкому кругу вопросов, связанных с исследованием Ближнего Востока и Кавказа. Записки выполнены в форме дневниковых записей, в которых путешественник отмечал не только сведения фактического характера, но и фиксировал свои размышления. Судя по тому, что книга Джонсона вышла на следующий год после поездки, сведения, приводимые автором, представляли большой интерес для британской колониальной администрации на Ближнем Востоке. Косвенным подтверждением этого может быть то, что доступная для изучения копия труда, хранящаяся в настоящее время в национальной библиотеке республики Катар, имеет на обложке печать одного из высших государственных органов Британской империи, отвечавшего за проведение Раджа – Secretary of State for India [6].

Содержание записок охватывает материал, собранный путешественниками со времени отъезда из Бомбея до их прибытия в Лондон. Наибольшее время – 5 месяцев, автором было проведено на землях Персии, что показывает явный интерес к изучению сопредельных с Британской Индией территорий. Путь от российско-персидской границы до Лондона был для автора уже не так важен и занял всего 2 месяца – время сопоставимое с тем, которое тратили путешественники, отправляясь на Кавказ из центра Российской империи [1]. Наиболее любопытными, на наш взгляд, являются главы XIV и XV, описывающие путь по Закавказью и Кавказской области, а так же частично, материал XII и XVI глав, передающие их впечатления от посещения российского посольства в Персии и пребывание на Дону в гостях у атамана Платова. Текст книги написан красивым, чистым, но несколько архаичным английским языком. Автор был наблюдательным, имел четкий склад ума, однако составлял свое издание в расчете на то, что его будут читать соотечественники, а не иностранцы.

Мы можем только гадать, была ли поездка англичанина его личной инициативой, или за ней скрывалась разведывательная миссия – об этом автор заметок, разумеется, умолчал. Однако, скрупулезный характер сделанных им зарисовок всех мест, по которым шла дорога, точно согласуется с инструкциями военным разведчикам (как британским, так и российским) о том, какие сведения они должны представлять в рапортах об обследованной территории [3]. Офицер указал точные расстояния между населенными пунктами, отсчитывая время пути с точностью до 15 минут; описал основные ориентиры и достопримечательности местности; от внимания англичанина не ускользнуло состояние дорог – даже то из какого материала они состояли; направление течений рек и ручьев; характер переправ через водные преграды и, конечно, облик местных жителей. Сам характер педантичных записей позволяет читателю сделать вывод, что интерес к ведущим в Индию сухопутным путям у британского офицера был далеко не частным.

Подполковник Джонсон так же был не случайным человеком на этом пути. О себе он вскользь сообщает, что имеет опыт 35-летней службы в Индии, «большая часть которой была посвящена приобретению знаний, как профессионального характера, так и сведений о местных жителях… а связанные с этим обязанности в теченье целых месяцев и даже лет обрекают человека на жизнь среди туземцев без общества единого Европейца» [7, p. III], – писал он.

Человек с богатым опытом ведения разведки в полевых условиях, в феврале 1817 г. вместе со своим сослуживцем – капитаном Сатлером, покинул место службы в Британском Бомбее и отправился в метрополию. Объясняя мотивы, заставившие англичан избрать сухопутный путь, автор отмечает, что на выбор повлияла прежде всего, стабилизировавшаяся международная обстановка – «глобальный мир, установленный как в Персии, так и на всем Европейском континенте» [7, p. 1], наступивший после завершения Наполеоновских войн. Возросшее могущество Британии, «давало надежду на то, что сама принадлежность к англичанам будет лучшим видом паспорта на всех территориях от Индии до Балтики» [7, p. 1–2].

Отплыв из Бомбея на борту торгового судна, англичане добрались до города Бушер на Юге Ирана. Далее, через персидские владения и курдские земли они двинулись на Северо-Запад – в Прикаспийские провинции. Через 3 месяца пути они достигли границ Российского Кавказа.

Знакомство с российской администрацией состоялось у англичан задолго до того, как они вступили в пределы Империи. В Персии пребывало посольство, возглавляемое командующим Отдельным Кавказским корпусом А. П. Ермоловым, который в 1817 г. был направлен к султану Фетх-Али для подтверждения статей Гюлитстанского трактата и для обозрения российско-персидской границы. Последним он и занимался летом 1817 г., судя по тому, что англичане застали посла во временном лагере в Туркманчае, а не в постоянном российском представительстве в Тебризе. Посольство произвело на путешественников очень благоприятное впечатление. «Люди в посольстве происходят из лучших Русских родов и из их разговоров, которые они ведут на Французском, видно, что они очень хорошо образованы. Посольство состоит из генерала, двух консулов, около 30 офицеров, художника, лекаря, топографа, 24 русских солдат-кавалеристов, нескольких казачьих офицеров и черкесов», [7, p. 201] – писал Джонсон.

А. П. Ермолов принял путешественников лично, проявив особое гостеприимство. «Он сам – офицер высочайших достоинств, обладает доверием своего государя, служением которому верой и правдой он занимался во время последних войн с Францией. … Сам генерал имеет восемнадцать разных орденов, среди которых есть три звезды; но так как он носит простое платье, то никогда их не надевает» [7, p. 200], – восторженно отзывался путешественник. А. П. Ермолов несколько раз приглашал иностранцев на обед, обеспечил их палатками, продовольствием и всем необходимым, а перед отъездом, как Командующий корпу-

сом, снабдил их рекомендательными письмами к администраторам на Кавказе. Письма очень помогли путешественникам в дальнейшем. Генерал так же просил англичан передать по пути корреспонденцию своим подчиненным, друзьям и знакомым, начиная от офицера, командовавшего первым российским приграничным постом с Персией и заканчивая письмами атаману Платову в Новочеркасск и Великому князю Константину в Варшаву [7, p. 206]. В свою очередь, представителей русского посольства интересовал маршрут, которым английские офицеры следовали на Кавказ из места их службы, и генерал лично расспрашивал о нем в течение целого дня [7, p. 206]. Несмотря на то, что англичане в своих записках не придавали вопросам русских офицеров особого значения, отметим, что поисками путей в Индию через земли Ближнего Востока занимались многие российские администраторы и до, и после А. П. Ермолова [4].

Самих же путешественников обходительность генерала просто пленила. В заметках о времени, проведенном с командующим Кавказским корпусом, Д. Джонсон приводит яркую деталь. Узнав, что среди свиты генерала есть представители кавказских народов, любопытные англичане стали просить показать им «черкеса». А. П. Ермолов выполнил просьбу: одного «черкеса» нарядили в военный костюм латника, и он выехал к англичанам верхом на коне, а второй оделся в повседневную одежду кавказского горца. «Генерал Ермолов, предвидя, что я буду крайне изумлен и захочу иметь их рисунок, распорядился, чтобы художник из посольства сделал два рисунка этих людей на листе, который он мне и отдал» [7, p. 207], – пишет Д. Джонсон. Жители Кавказа, таким образом, представлялись путешественникам достойными особого любопытства со стороны представителей цивилизованных народов.

Вместе с тем, взгляд англичанина содержит не только явный европоцентризм, но и точную оценку позитивных действий российских властей в регионе. «Русское правительство, – пишет Д. Джонсон, – приобретая любое новое владение, например, такое, как Грузия, формирующее с этого времени часть империи, очень старается не оттолкнуть от себя влиятельных людей, которые раньше были наделены властью или занимали какое-то важное положение. Они не смещают существующих должностных лиц для того, чтобы передать их посты русским … фаворитам из числа придворных; напротив, они всех их, … оставляют на своих местах, за очень небольшим исключением … ; тем самым они скорее стимулируют, чем отторгают амбиции и будущее служебное рвение местных жителей. Фактически, им предлагается защита и открывается гораздо более обширная и привлекательная цель для приложения усилий, расширяются горизонты и возникают блестящие перспективы под правлением гораздо более могущественного правительства, чем то, чьи интересы они ранее представляли. С помощью таких мягких и осторожных действий, приобретение новой территории осуществляется с минимальным уроном для чувств населяющих ее людей, большинство из которых, не видя какого-то существенного изменения привычного порядка вещей, крайне мало волнуется тем, что произошла передача верховной власти» [7, p. 202]. Британский офицер видит в этом явный позитив по сравнению с методами действий Ост-Индской кампании в Индии. Ее администраторы, по словам Джонса, приобретая новые территории, прежде всего заботятся о том, «чтобы обеспечить материальный доход и продвижение по службе лицам, занимающим вершину списка. Тем самым становится необходимым для лиц туземного происхождения скорее развенчать, чем укрепить их надежды на увеличение влияния, которое они бы могли получить от своего текущего политического или экономического положения после поглощения их территории» [7, p. 202].

Еще более точные представления о реалиях жизни на Российском Кавказе путники получили, перейдя границу у Караклиса на 16-м дне пути от лагеря под Туркманчаем. На пограничном посту им поменяли часть денег по установленному курсу. Рубль автор считает «чем-то, напоминающим доллар» [7, p. 237] и удивляется российской практике различать по покупательной способности серебряные рубли и ассигнации. Несмотря на единый номинал рубля, «за один серебряный дают четыре бумажных» [7, p. 237], – пишет англичанин.

Русская почтовая служба вызвала у путешественников большое уважение. Д. Джонсон пишет, что благодаря письмам генерала Ермолова, англичане получили возможность воспользоваться почтовыми станциями, которые русские завели сразу же от границы с Персией. Путь до Тифлиса занял у них всего 3 дня. Однако, за удобство передвиженья иностранцам пришлось платить. «Русская мера расстоянья – верста, эквивалентна примерно 2/3 мили. Плата за каждую версту – 2 копейки серебром. На каждой станции мы находили хлеб, домашнюю птицу и яйца, которые казаки с большой любезностью готовили для нас» [7, p. 239], описывает он свой путь по Закавказью.

При этом автор отмечает, что главную роль в поддержании сообщения в Закавказье играли казаки, несущие транспортную повинность. «Говоря об этом роде войск, я без преувеличенья скажу, что они являются самым полезным для условий этой страны. Как солдаты, так и офицеры не проявляют особой требовательности к условиям квартирования: почтовая станция, на которой мы сейчас находимся, несомненно, имеет условия, которые удовлетворили бы лишь нашего сержанта, а распоряжается ей офицер в чине майора. Этот человек очень расторопно и энергично погрузил наш багаж на лошадей, в течение всего пути был очень внимателен, стремясь выполнить не только наши нужды, но и прихоти» [7, p. 240]. Вскоре англичане прибыли в Тифлис, где были встречены генерал-губернатором А. П. Кутузовым, который во время отсутствия командующего корпусом управлял на Кавказе всей военной и гражданской частью.

Генерал Кутузов оказал путешественникам теплый прием: прочитав рекомендательные письма А. П. Ермолова, он пригласил англичан на обед и лично проводил их по Тифлису, указывая достопримечательности города. Однако, столица Российского Кавказа не произвела на англичан особого впечатления. «Я редко встречал столь безынтересную городскую застройку» [7, p. 242], – прокомментировал Д. Джонсон свои впечатления. Тем не менее, путешественники отметили появление в Тифлисе явных европейских черт, таких, как «введение регулировки движения по улицам, приведение в порядок фасадов домов и возведение новых зданий» [7, p. 246–247].

Англичане так же прошли и официальную процедуру проверки. «Для въезда в Грузию требуется паспорт, который выдает британский консул в Персии: в Тифлисе этот документ проверяется и для путешествия по России выдается другой. Если путник не хочет, чтобы его одежду и вещи дезинфицировали в карантинах, важно чтобы их проверили в ближайшем губернском городе или здесь, а затем опечатали. “Подорожную”, или “дорожный пропуск”, или “требование на предоставление лошадей”, надо так же брать здесь на весь свой путь, тянущийся через русские владения. В нашем случае это был путь от Моздока до Лемберга, за который мы сразу заплатили по 2 копейки (в бумажных деньгах) за версту для каждой лошади. За 1902 версты мы заплатили 152 рубля 20 копеек» [7, p. 250]. По самому же Кавказу англичане, как и все другие путешественники, передвигались «с оказией» – под охраной российских солдат и казаков, и первый промежуток дороги – от Тифлиса до Моздока, был оплачен отдельно, как находящийся «вне российской короны» и не подпадающий под правила передвижения для внутренних территорий Российской империи.

«В Воскресенье, 13 Июля, транспорт выехал из Тифлиса в Моздок под прикрытием охраны. За ним последовали и мы, после обеда у генерала Кутузова, который, как я полагаю из вежливости, … проводил нас с дополнительной охраной под командованием офицера. В три часа мы покинули его верхом, отослав заранее свой багаж на четырех почтовых лошадях, за которых мы заплатили по две копейки серебром за версту пути помимо того, что было уплачено за пользование имперской почтовой службой» [7, p. 251]. По дороге из Тифлиса англичане любовались руинами Мцхета [7, p. 251] и пересказывали услышанные ими истории о хищничестве лезгин – «храброго племени, о котором говорят, что они презирают утонченность и роскошь в домашней жизни, считают недостойным спорное удовольствие пить вино и крепкие напитки, и освобождены теми же наивными обольщениями, что и большинство других детей природы» [7, p. 249].

Побывав в Грузии, англичане так же анализировали действия Российской администрации на Кавказе. В целом они считали их перекликавшимися с тем, чем занимались другие европейские страны на окраинах Мира. «Взгляды России на будущее этой страны [Закавказья], направлены на превращение региона в ворота для европейских товаров – в рынок для всех окружающих ее стран, а особенно, для снабжения товарами Персии и Турции. … Главное препятствие для осуществления этого плана лежит в текущей обстановке и главное – в наличии многочисленных местных племен, неподчиняющихся никаким законам. …Огражденные горами Кавказа, они … и в настоящее время столь же свободны от закона и воинственны какими были и их предки двадцать веков назад, во времена Римской империи» [7, p. 248–250].

Россия, с точки зрения Джонсона, имела такое же право вести колонизацию Кавказа, как и Британия Индию. Более того, английский офицер давал имперским властям чисто практические советы для укрепления своих позиций: «Первое, что может сделать Россия – это постараться взять под свой контроль столько Персидских и Турецких территорий, сколько позволят международные трактаты. Следующим шагом должно стать утверждение среди большей части черкесского населения вероучения Греческой церкви, в том виде, в каком она присутствует в Армении и Грузии. И если, делая это, русские откроют бесплатные семинарии для подготовки служителей, то они со временем смогут побудить и черкесов посылать в них своих детей для обучения чтению и письму, научив их воспринимать христиан как друзей, а не непримиримых врагов…» [7, p. 248–250]. Приведенные оценки, на наш взгляд, пересказывали то мнение, которое путешественники услышали в Тифлисе от русских военных. Именно так – развивая инфраструктуру Грузии, инкорпорируя в административный аппарат и армию местные элиты и сочетая развитие образования с христианским миссионерством, призывал действовать российские власти в начале XIX в. еще П. Д. Цицианов [2, с. 22–23.].

Путешественники так же позитивно отзывались об усилиях российского Кавказского корпуса по благоустройству региона, повторяя оценки имперских генералов. Русские солдаты, – пишет Д. Джонсон, заняты на Кавказе строительством и благоустройством тех мест, где они размещены. Эти работы позитивно воспринимаются самими солдатами, так как дают им какое-то разнообразие в военной службе. Местное же население, благодаря позитивным изменениям воспринимает русскую армию не как оккупационную, а как созидательную силу. Англичанин пишет, что подобное «единство военного и гражданского характеров было присуще лучшим временам Римской империи» [7, p. 256], повторяя бытовавшие в Кавказской армии сравнение – сам А. П. Ермолов образно называл Кавказские части «десятым римским легионом» [5, с. 12]. По словам же английских путешественников, военная колонизация Кавказа была необычайно выгодна и властям, ведь «имея скудное содержание, русские солдаты чувствуют себя вполне довольными, бодрыми и готовыми к ревностному общественному труду. Все они – ремесленники в том или ином смысле и как только батальон размещается на месте, он возводит

для себя поселение из блокгаузов и обеспечивает себя практически всеми простыми продуктами, которые ему необходимы» [7, p. 257].

Как и все путешественники, следовавшие по Военно-грузинской дороге, англичане восхищались дикой красотой Дарьяльского ущелья, оставив его красочные описания. «Дорога вперед пролегает внутри очень узкого разлома вблизи Терека, стены которого, состоящие из скалистых пород, взмывают на огромную высоту. … Напротив поста, который выстроен хорошо и имеет все необходимое для встречи путешественников, слева по Тереку стоит одинокая гора, на которой видны руины древнего укрепления. … Глубокие ущелья прорезают даже самые высокие склоны, на которых растут ели, а обломки скал у их подножья иногда достигают 800 ярдов в периметре, обнажая поверхность крупнозернистого гранита, песчаника или сланца. И во всю длину этого природного барьера, сдерживающего Терек, проходит дорога, проведенная невероятным трудом. Ее проложили отчасти с помощью пороха, отчасти расчистили напряженными человеческими усилиями, получив в конечном итоге на голой скале нишу с плоской поверхностью, достаточной ширины и высоты, чтобы по ней могла пройти колесная повозка. Вот по этой-то дороге-коридору, где из голого камня состоят и пол, и стены, и потолок, а с его открытой стороны нет никакого ограждения, мы и последовали, почти оглушенные громовым ревом реки в провале внизу, причем от силы этого звука, казалось, вибрировали и дрожали даже камни вокруг нас. Удары вспененного потока в его узкое каменное дно и напор сжатой в теснине массы воды на запирающие ее ограды берегов, производят звук такой же тональности и мощи, как тот, что получается от столкновения двух встречных течений в узком морском проливе. Здесь же звук еще большей чистоты и мощи из-за того, что он рожден в глубине ущелья и поднимаясь из него, многократно отражается от нависающих со всех сторон гор, которые как будто сами стараются перекричать поток» [7, p. 257–258]. В данной записи интересно не столько романтичная зарисовка природы горного Кавказа, сколько восхищение автора теми людьми – русскими солдатами, которые смогли, проложить путь через скалы. Подобный взгляд на европейца, обуздывающего дикую природу на окраинах Мира, был очень характерен для колониального нарратива не только XIX, но и даже начала XX в. [8, p. 150].

Дикая горная цепь по оценке Джонсона стала домом для воинственных жителей. «Страну слева и справа от дороги населяют племена Осов или Осетин – очень отважного, вспыльчивого и несговорчивого народа. Их обычаи сильно отличаются от нравов грузинских крестьян, которых мы встречали во время наших предыдущих переходов» [7, p. 255], – пишет Джонсон. В записках англичанина мы не увидим попыток разобраться в характере местных жителей, или в движущих силах разраставшегося на Кавказе военного противостояния. Как и многие русские авторы того времени, Джонсон видел только одну сторону жизни Кавказских народов – их набеговую экономику, а необходимостью бороться с ней объяснял столкновения русских с горцами. «Необузданные осетины, которые проживают в окрестностях Владикавказа, – продолжает он, – часто лежат в засаде, поджидая путников, которых захватывают и держат в плену, до тех пор, пока не получат от русских выкуп. … Мне показали наиболее опасные участки пути – узкие ущелья слева, ведущие в глубину гор, а также – глубокие долины, справа от Терека, покрытые лесом. В обеих частях местность от природы труднопроходимая и для того, чтобы наказать грабителей, потребовалась бы большая группировка легкой пехоты, прошедшей специальную подготовку» [7, p. 261].

Владикавказское укрепление оставило позитивные впечатления в дневнике путешественника. «Небольшой городок Владикавказ, – пишет он, – построен на плоском дне глубокого черного ущелья, которое при каждом значительном дожде превращается в глубокую грязь. Дома выстроены из бревен и досок, покрыты соломой или пластами коры, круглые срезы которой раскрыты и выровнены для этих целей. Несмотря на свою скромную конструкцию, дома выглядят очень опрятно, стены добела отмыты, а рамы дверей и окон выкрашены другими цветами. Окна очень малы, но застеклены. … Так строят дома в деревнях всего русского франтира – как представляется с большим и ненужным перерасходом строительного леса, хотя этот материал имеется здесь в таком количестве, что его предпочитают, как требующий наименьших затрат труда по сравнению со всеми другими» [7, p. 262].

Как пишут англичане, во Владикавказе процветал целый бизнес по прокату транспорта, причем путешественникам удалось нанять две телеги для перевозки своих вещей по цене, ниже установленной на официальных почтовых станциях. Однако, сам путь по Кавказской Линии был возможен только под охраной солдат и за обеспечение этой охраны с путешественников взяли дополнительную плату. «Возможности, которые предоставляет подобный эскорт в высшей степени удобны для тех, кто может путешествовать с хорошей скоростью, – пишет Д. Джонсон. – … Дороги на Кавказе в целом в хорошем состоянии и доступны даже для колесного транспорта. Здесь есть только один горный хребет, через который надо перебираться, но проход без сомнения столь же трудный, как Гаты в Индии. ... В целом, средства, предоставляемые русским командованием настолько объемны, а издержки путешественника столь умеренны, что путешествие по Кавказу не должно считаться неосуществимым мероприятием. Более того, невероятное великолепие пейзажей, красота и разнообразие ландшафтов, необычность манер, одежды и обычаев людей, с которыми встречаешься по дороге, все это вместе очаровывает взгляд путешественника настолько, что и усталость делается несущественной» [7, p. 263–264].

Англичане обращали внимание не только на природу, но и на людей, живших на Кавказе. Они

отметили привычку жителей «носить оружие, как только они выйдут из дома» [7, p. 264], причем вооружены даже дети 8–10 лет. Малолетние, как пишет Джонсон, носили луки и стрелы, а кто постарше – имел уже огнестрельное оружие.

Особое внимание путешественники обратили на кавказскую одежду – знаменитые бурки с газырями. «Лацканы карманов верхней одежды у них укорочены и вдоль всей груди пристегнуты, или пришиты ряды гильз для патронов» [7, p. 265]. Знакомым лишь с европейской тактикой ведения боя, английским офицерам казалось дикостью хранить патроны не в сумке, а в газырях бурки – вблизи от замка кремневого ружья, что, по их оценке, подвергало стрелка явной опасности. Ведь если произойдет осечка и вылетевшая искра случайно попадет в газыри, то солдат получит травму от своего же оружия [7, p. 265], – считал Джонсон. Англичане, конечно, не имели представления о том, что на Кавказе никто не воюет в сомкнутом строю, а казаки и солдаты стремились использовать не европейские приемы боя, а перенимать тактику, оружие и одежду своего противника.

Романтические зарисовки о природе и жителях Кавказа в дневнике заканчивались временем пребывания англичан в его горной части. Заметки о Степном Предкавказье отражают прямо противоположные эмоции. Так, уже выехав из Владикавказа «с оказией», англичане испытали на себе всю скуку медленного передвижения по степи. Их впечатления от конвоя были точно такими же, как и у всех русских путешественников. «День был жаркий, а путь, который мы проделали на почтовых лошадях, оказался невероятно скучным из-за медленного продвижения пехоты и пушки» [7, p. 267], – пишет Джонсон о дороге к Екатериноградской станице.

В Моздоке, который, по словам Джонсона, «уже считается внутренней Россией» начиналась почтовая служба, которая предоставляла путешественникам возможность ночевать на почтовых станциях и менять лошадей. Однако, мирная жизнь в регионе еще только налаживалась. «В этой очень отдаленной части Российской империи путешественник не найдет ни персидских караван-сараев, ни нормальных постоялых дворов. Там же где нет и хороших почтовых станций, почтальон обычно ждет в полицейском участке пока не появится путник. Этот человек по требованию предоставляет свои услуги – что-то вроде квартирования в частном доме; семья которая это делает, за разумную плату предоставляет или готовит еду: птицу, яйца, рыбу или молоко, хлеб и масло» [7, p. 271].

Главное удобство, которое получили англичане благодаря использованию почтовой службы – это возможность продолжить свой путь в крытой повозке – «кибитке», конструкцию которой Джонсон тщательно описал в своем дневнике. «Кибитка напоминала половинку бочонка гигантских размеров – 6 на 4 фута, распиленного в длину и поставленного на колеса» [7, p. 271]. Корпус стягивался железными полосами, но вся ходовая часть была деревянной. Первоначально англичане не придали этому значения, с юмором описывая вызвавшую их смех деталь в конструкции кибитки – деревянный ящик, приделанный сзади, в который сложили вещи. Металлические предметы багажа бились друг о друга и громыхали на каждой кочке, придавая особый колорит пути по степной дороге [7, p. 271–272]. Проделав в своем транспорте путь до Георгиевска, англичане перестали смеяться и отмечали, что в безрессорной кибитке «трясет так, что несмотря на то, что мы проехали всего 114 верст по очень мягкой дороге, мы набили себе синяки даже на плечах» [7, p. 276].

Вскоре выяснилось, что кроме бытовых неудобств, на которые на Кавказе никто не обращал внимания, гораздо большее беспокойство путешественникам доставляли другие особенности конструкции их транспорта – деревянные колеса и оси, которые за время пути от Моздока до Новочеркасска ломались четыре раза. Кроме того, после очередной поломки в селе Преградном, Джонсон с досадой отмечает, что если оси постоянно не смазывать толстым слоем свиного сала, то они от трения начинают дымиться и «ловить огонь» [7, p. 283].

Русские села и казачьи станицы по дороге из Моздока были довольно детально описаны в дневнике. «Мы прибыли в Павлодольскую – большое село с опрятными лачугами, побеленными снаружи» [7, p. 273], – пишет англичанин. – В нем, по словам Джонса, жили жители, носившие одежду, «напоминающую коренных португальцев в Индии» [7, p. 273], но многие имели «плоские лица Калмыцких татар» [7, p. 273]. Жизнь в поселке бьет ключом: «дети, лошади, свиньи, птица и всякая живность бегают по станице вперемешку» [7, p. 273], – писал он.

Незнакомый с историей колонизации Степного Предкавказья, автор не видел существенной разницы между казачьими станицами и бывшими укреплениями Азово-Моздокской линии. Так, в Екатериноградe, который Джонсон считал лишь селом средних размеров, он отметил наличие церкви и следов каких-то укреплений, а в бывшей Павловской крепости, не заметил вообще ничего достойного внимания. Гораздо больше англичан в этом поселке волновала первая поломка их транспорта – колесо, соскочившее с оси [7, p. 274].

В главном административном центре Кавказской губернии – Георгиевске, путешественники заметили новые черты: «Георгиевск уже явный город, в котором много хороших казарм и квартир для солдат, – пишет Джонсон. – Здесь находится резиденция генерала дель-Поццо – Командующего войсками в Кабарде и на Кубани; он так же губернатор той провинции, границы которой простираются к Дону. В это время он отправился с 6 тыс. человек устраивать пост на реке в земле чеченцев» [7, p. 275], – отметил путешественник.

Из Георгиевска англичане двинулись на Север через крестьянские деревни: Александрию и Саблинскую, а также через бывшие укрепления Азово-Моздокской Линии – крепости Александровскую и Северную. Дорога до Северной заняла у англичан 8 часов 14 минут и помимо скру-

пулезного подсчета времени, вызвала лишь одно замечание: «Мы нашли дорогу необычайно жаркой и пыльной. Для путешествия по ней годится одежда исключительно синего или серого цветов; белье любого другого, особенно белого, через час становится таким грязным, что в нем стыдно ходить» [7, p. 279]. Бывшая крепость Северная в начале XIX в. утратила свое военно-стратегическое значение и превратилась в бедное село. Оно было отмечено в дневнике не описанием каких-либо достопримечательностей, а сожалением, что во всем поселке никто не смог разменять англичанам 5 рублевую денежную купюру и сдачу пришлось записать в подорожную в счет будущего пути [7, p. 281].

На следующий день путешественники достигли губернского города Ставрополя, в котором «нельзя было найти ни сменных лошадей, ни места для отдыха и только личный приказ губернатора помог исправить дело. Мы поместились в доме какого-то купца, а на следующее утро через начальника полиции добыли двух лошадей из тех трех единственных, что остались на почте» [7, p. 280]. Интересно, что отсутствие в городе условий, облегчающих жизнь частным путешественникам, Джонсон объясняет растущим значением центра управления Кавказом. По его наблюдениям, через Ставрополь проходили коммуникации, и офицеры разного ранга отвлекали на свои нужды имевшиеся в городе почтовые ресурсы [7, p. 280]; англичане так же заметили необычайно большой поток транспорта, везущего из Ставрополя припасы и амуницию на Юг – для войск, расположенных в Моздоке и Грузии [7, p. 281]. «Там так же располагалось четыре или пять сотен рекрутов, что явно указывает на то, что делаются приготовления для усиления войск в Грузии. Офицеров побуждают быстрее ехать к их полкам, а нас непрестанно расспрашивали о Персии, русском посольстве в ней, Индии и других интересующих их предметах» [7, p. 281].

О самом городе англичане отзывались как о стремительно растущем центре: «Ставрополь – город довольно больших размеров, выглядит расцветающим. Горожане расширили свою церковь и покрывают ее крышу медью. Улицы здесь прямые и дома стоят на расстоянии друг от друга, что предотвращает распространение как инфекции, так и огня. Ограды, однако, деревянные, сбитые из высушенных деревянных планок. Крыши домов – из соломы, но они, похоже, не боятся огня, так как постоянно влажны и забиты пылью, а также прокопачены дерном, благодаря чему, на них растет трава и сорняки. Все крыши выглядят именно так, а их скаты довольно крутые» [7, p. 281].

Покинув Ставрополь на следующий день, путешественники отправились на Север по Черкасскому тракту через бывшие укрепления, а теперь – села Московское и Донское. Они не заметили здесь каких-либо следов фортификационных сооружений, и будучи незнакомыми с административной картой региона, даже считали, что Донское – «франтирное поселение Донского округа, находящееся под юрисдикцией Гетмана Платова» [7, p. 282]. Путешественники отмечали степной характер ландшафта, заметили общее стремление крестьян строить поселения вдоль рек и сокрушались об отсутствии деревьев «даже вблизи деревень»[7, p. 282].

Англичане отметили явный мирный характер колонизации Степного Предкавказья: по нему уже можно было двигаться без конвоя, а в селах встречалось много женщин и детей. Вместе со следами мирной жизни во всех встречных деревнях была видна явная бытовая неустроенность. Последняя очень раздражала англичан. «Дома и жилища забиты поросятами, курами, птицей, кошками и собаками; блохи и мухи в таком количестве, что иногда от них чернеет пол, стены и балки. В углах всех жилищ помещаются медные плошки с грубо намалеванными (daubs) рисунками святых и Богородицы. Люди побогаче вешают лубки религиозной тематики, вперемешку с портретами старших офицеров, царей и выдающихся деятелей – все они предстают верхом на лошадях, – известный и действенный метод пропаганды военного духа и вызова чувства подражания среди низших слоев общества» [7, p. 282].

Однако, еще большие неудобства ждали путешественников на официальной административной границе Кавказской губернии и Донской Области, в селении Средне-Егорлыкском, где был расположен очередной карантин. В своих записках Д. Джонсон оставил описание прохождения досмотра и «очистки» вещей – процедуры, требовавшейся для всех лиц, въезжавших в Центральную Россию. Багаж путешественников был подвергнут процессу окуривания в отдельном помещении; все металлические предметы, включая монеты, часы, оружие, инструменты, а так же образцы минералов которые англичане везли с собой, протерли уксусом; их бумаги и документы разложили на деревянной решетке и подвергли специальной обработке газом, выделявшимся при химической реакции, а даже на лекарственных порошках заменили их бумажные обертки. «Ни одна вещь не избегла этой участи» [7, p. 285], – пишет Джонсон.

После очистки, путешественников разместили в карантинном бараке, причем, привычные к комфорту англичане с негодованием описывают условия, которые им предоставила карантинная служба. «Хибара (the hovel) в которую нас водворили и где мы для верности должны были провести семь дней, была опущена на 3 с половиной фута под землю, что составляло ровно половину ее высоты. Небольшие отверстия окон расположенные на уровне земли почти наглухо заросли травой и сорняками, которые росли вокруг всего жилища, достигая высоты его крыши. … Когда же мы зашли внутрь, то обнаружили, что жилище кишит блохами, комарами и мышами. Стены и балки были буквально черны от мух, которые садились на любую вещь, которую мы выпускали из рук хоть на минуту. Внутри были прибиты дощатые лежанки, на которые мы постелили свои постели, но так как мы не позаботились прихватить с собой ни простыней, ни покрывал, то не смогли спать ночью. … Во время нашего прибытия, здесь нельзя было найти хоть немного провизии кроме

дурной баранины, кусок которой был зажарен на огне, разведенном на сырых дровах, и ломтя очень плохого черствого черного хлеба, который нам дали чтобы ее заесть»[7, p. 286].

Во время тоскливого ожидания завершения карантинного срока, Джонсон приглядывался к системе работы всего заведения, которая вызывала у него острую критику. «… Всех путешественников из Грузии и других мест, – писал он, – заставляют проходить карантин вместе с теми, кто прибыл из Кабарды и Черкессии, где, как известно, чума гуляет постоянно. А, между тем, людям оттуда разрешено приносить с собой даже меховую и шерстяную одежду, и, кроме того, сотни и тысячи шкурок овец, коз, зайцев, лис и т.п. в ожидании очистки вывалены под навесом на открытом воздухе в непосредственной близости от того места, где вынуждены слоняться люди, живущие в карантине. Даже преступники в кандалах … содержатся вместе со всеми и спят с ними под одной крышей. И становится очевидным тот факт, что несмотря на то, что, если бы мы не прошли карантин, то проехали бы через всю Россию, не принеся с собой чумы, мы здесь были подвергнуты высочайшему риску подхватить инфекцию и перенести ее дальше из этого места» [7, p. 288–289]. Замечания Джонсона, конечно, объяснимы его раздражением от условий жизни, однако его опасения не подтверждались записками других путешественников XIX в., да и сам комендант карантина заверил англичанина, что чумы в Среднем Егорлыке не видели уже 8 лет [7, p. 289].

Проведя на территории карантина установленные 7 контрольных дней, англичане смогли продолжить путь по России, навсегда покинув Кавказ. Они проехали через Донскую область, Новороссию и Польшу, затем через земли Пруссии и попали в Голландию, откуда благополучно переправились в Англию. «Подводя итог, следует отметить, что время, затраченное на поездку, составило около семи месяцев, а сумма – около 220 фунтов, вместо рассчитывавшихся ранее 378» [7, p. 376], – отмечает Джонсон, давая в конце записок своим соотечественникам ряд практических советов о том, как лучше устроить свой быт, если кто-то из них решится, как и автор, проделать сухопутный переход в Индию.

Таким образом, яркий источник, который представляют собой записки путешественника, позволяет взглянуть как на Кавказ в целом, так и на историю освоения региона в составе Российской империи с точки зрения людей, живших в первой половине XIX в., попытаться вникнуть в сущность тех проблем, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. Путешественники, такие, как Д. Джонсон, конечно, были людьми своего времени и судили о непривычных им вещах с позиций политико-культурного опыта своей цивилизации. «Записи, которые о своих поездках оставили подобные исследователи, несут в себе основу, написанную в тональности, звучащей сейчас даже несколько оскорбительно – непреложную уверенность в собственном превосходстве, в том, что “белый человек знает лучше”. Однако, невозможно, читая записи, не разделять восхищения их авторов перед ярким разнообразием незнакомых народов, животного и растительного мира, с которыми они встречались» [8, p. 109], – отмечает современный английский исследователь Джереми Паксман. Отечественному же историку, записки иностранцев дают богатый материал, который приобретает особый интерес при его сопоставлении с оценками отечественных авторов.

Источники и литература

1. Броневский В. Поездка на Кавказ. СПб.: [б.и.], 1834. 117 с.
2. Кавказ. Газета политическая и литературная. 1846. №6. С. 22-23.
3. Правила обозрения местности и целого края // Отдел письменных источников Российской национальной библиотеки (ОПИ РНБ). Ф.68. Оп.1. Д.49.
4. Розен Г. В. Кавказ, Индия и Средняя Азия // Государственный исторический музей (ГИМ). Ф.6. Д.66.
5. Служба Ширванца. 1726–1909. Б/м, Б/г. 148 с.
6. British Library: Printed Collections/Qatar National Library. ORW.1986. a.2833. URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100033803785.0x000004 (Дата обращения: 14.05.2018).
7. Johnson J. A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. London: Printed by A Strahan, 1818. 376 p.
8. Paxman J. Empire. What Ruling the World Did to the British. London: Penguin Books, 2011. 335 p.

References

1. Bronevskiy V. Poezdka na Kavkaz. *(The Travel to the Caucasus).* St.Petersburg, 1834. 117 p. (In Russian).
2. Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya *(Caucasus. The Newspaper of Political and Literature Content).* 1846. No. 6. P. 22-23. (In Russian).
3. Pravila obozreniya mestnosti i celogo kraya *(The Roles for Observations of Sites and the Whole Lands)* // The Departament of Written Sources of Russian National Library. (OPI RNB). F.68. S.1. D.49. (In Russian).
4. Rozen G. V. Kavkaz, Indiya i Srednyaya Aziya *(Caucasus and Middle Asia)* // The State Historical Museum. (GIM). F.6. S.1. D.66. (In Russian).
5. Sluzhba SHirvanca. 1726–1909. *(The Service of the Shirvan Regiment Member. 1726–1909)* No Author, No publisher data. 148 p. (In Russian).
6. British Library: Printed Collections / Qatar National Library. ORW.1986. a.2833. URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100033803785.0x000004 (Accessed: 14.05.2018).
7. Johnson J. A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. London: Printed by A Strahan, 1818. 376 p.
8. Paxman J. Empire. What Ruling the World Did to the British. London: Penguin Books, 2011. 335 p.

УДК 94(540):82-94

А. А. Тонян

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ В ИНДИИ: СТРАТЕГИИ И КАМПАНИИ

В современных условиях многополярной модели мироустройства большинство стран стремятся найти и занять лучшую нишу, что требует определенных усилий. Военно-техническое превосходство постепенно перестает играть ключевую роль в достижении этой цели и на первый план выходят торгово-экономические и финансовые механизмы. Увеличивается число исследований, посвященных политики мягкой силы и ее основным инструментам, включая публичную дипломатию. Подобно тому, как различные компании работают над своим имиджем, стремясь создать уникальный бренд, страны пытаются разработать национальные бренды, которые будут узнаваемы во всем мире и обеспечат дополнительные поступления в государственный бюджет.

В научном сообществе уже начинает набирать популярность практика изучения брендов различных стран, выявление причин успехов одних маркетинговых кампаний и неудач других, хотя заметно ощущается недостаточная развитость дефинитивной базы, отечественный исследовательский дискурс практически не сформирован. Индия, несмотря на имеющиеся проблемы внутри страны, прилагает немало усилий для улучшения собственного имиджа в глазах иностранной общественности, а также разработки национального бренда, в связи с чем в настоящей статье предпринимается попытка комплексно рассмотреть основные шаги индийского правительства в ходе выработки стратегии национального брендинга. Рассматривается деятельность правительственных органов по разработке и осуществлению кампании, проводимых в различных областях, включая туризм, медицину, бизнес и культуру с целью создания неповторимого имиджа нации. Хронологические рамки охватывают период с начала 2000-х гг. по настоящее время. Знаковым же событием в данном контексте послужила разработка маркетинговой кампании «Невероятная Индия», положившая начало процессу создания национального бренда страны. В работе приводятся различные данные рейтингов международных служб по оценке брендов современных стран, позволяющие определить место Индии в деле формирования собственного бренда, а также сравнить успехи ее деятельности с другими странами.

Ключевые слова: Индия, публичная дипломатия, национальный брендинг, кампании по брендингу, Невероятная Индия, международный день йоги, конкурентная идентичность, архитектура бренда.

A. A. Tonyan

NATIONAL BRANDING IN INDIA: STRATEGIES AND CAMPAIGNS

In modern multipolar world model, most countries seek to find and occupy a better niche, which demands certain efforts. Military-technical superiority ceases to play a key role in achievement of this purpose and trade, economic and financial mechanisms come to the forefront. The number of studies on soft power policy and its main tools, including public diplomacy, is increasing. Just as different companies are working on their image, trying to create a unique brand, countries are trying to develop national brands that will be recognizable all over the world and provide additional revenues to the state budget. In the scientific community, the practice of studying brands in various countries is beginning to gain popularity, identifying the reasons for the success of some marketing campaigns and the failures of others, although there is a noticeable lack of development of the definitive framework, the domestic research discourse is practically not formed. India, despite the existing problems in the country, is making considerable efforts to improve its own image in the eyes of foreign public, as well as the development of a national brand, and therefore this article attempts to comprehensively review the basic steps of the Indian government in the course of developing national branding strategies. It discusses the activities of government bodies in the development and implementation of campaigns conducted in various areas, including tourism, medicine, business and culture, with the aim of creating a unique image of the nation. The chronological framework covers the period from the beginning of the 2000s to the present. A landmark event in this context was the development of the marketing campaign “Incredible India”, which initiated the process of creating a national brand of the country. The paper presents various data of ratings of international services for the evaluation of brands of modern countries, allowing to determine the place of India in creating its own brand, as well as compare the success of its activities with other countries.

Key words: India, public diplomacy, nation branding, branding campaigns, Incredible India, International yoga day, competitive identity, brand architecture.

В современную эпоху глобализации, в условиях насаждения единого стандарта потребления и возникновения социокультурной общности человечества, одной из нарастающих тенденций развития наций является все большее стремление к сохранению своих исконных черт культуры. Особенно заметно данное стремление можно наблюдать в процессе формирования и последую-

щего использования инструментов публичной дипломатии, позволяющей не только сберечь свои историко-культурные ценности, но и поведать о них миру, создав при этом максимально привлекательный образ страны в глазах иностранной публики. В последние несколько десятилетий все больше стран активно начали развивать политику публичной дипломатии и вместе с тем стало популярным создание особого имиджа нации в рамках национального брендинга.

Капиталы есть двигатели глобализации, а бренд города или страны можно рассматривать как капитал, поскольку он добавляет ценность, следовательно, и стоимость всем товарам и услугам, продаваемым на территории города или страны. В связи с этим становится крайне актуальным исследование брендов различных территорий, выявление их взаимосвязи с процессами укрепления позиций стран на международной арене.

Пионером концепции национального брендинга является Саймон Анхольт (Simon Anholt), британский исследователь, главный редактор профессионального журнала в области национального брендинга – Брендинг мест и публичная дипломатия (Place Branding and Public Diplomacy). Основная идея британского ученого сводится к тому, что если компании могут создавать свои отличительные торговые марки и разрабатывать бренды, что обеспечивает им узнаваемость на различных уровнях, то и города, регионы и государства способны создать собственные марки и бренды для привлечения иностранных инвестиций в страну и в целом повышения привлекательности конкретной местности за рубежом.

Именно С. Анхольт впервые в 2002 г. употребил термин «брендинг мест» и «национальный брендинг», разработал рейтинги стран на основе проведенных исследований: Индекс национальных брендов (Anholt-Gfk Roper Nation Brands Index), индекс брендов городов (Anholt-Gfk Roper City Brands Index) и т.д. Графически свою концепцию он выразил в форме шестиугольника (Branding Hexagon), в котором каждый угол представляет собой параметр измерения национального бренда. К числу этих параметров он отнес: туризм; экспорт; культуру и культурное наследие; людей – как знаменитостей, прославивших нацию, так и местных жителей с точки зрения гостеприимства и дружелюбия; власть; инвестиции и иммиграцию, определяющие способность каждой страны привлекать людей для проживания, учебы или работы.

Таким образом, национальный брендинг – это процесс, при котором создается, контролируется, оценивается и регулируется имидж нации с целью улучшить репутацию страны среди целевой иностранной аудитории [10, p. 96]. Продуктом данного процесса является национальный бренд, выраженный в совокупности ассоциаций, знаков, символов о стране как целостной системе.

Позже, в 2007 г. С. Анхольт ввел понятие «конкурентная идентичность», ее целью является стимулирование инноваций, а уже имеющиеся нововведения рассматриваются как часть стратегии по улучшению имиджа страны на международной арене. Появление конкурентной идентичности и цикла конкурентной идентичности обусловлено тем, что имидж нации не может быть построен из ничего, чтобы был результат необходим «синтез бренд-менеджмента с публичной дипломатией, сопровождаемой активным развитием торговли, инвестиций, туризма и экспорта» [7].

Поскольку представленное научное направление еще очень молодо, то нередко назревают серьезные дискуссии, в частности связанные с категориальным аппаратом данной области знаний. В современной историографии некоторые исследователи и вовсе по-прежнему считают национальный бренд мифом. Сложности исследования в первую очередь связаны с отсутствием общего понимания сути концепций и неверной или неточной трактовкой основных понятий. Так, нередко взаимозаменяемыми оказываются такие термины, как национальный бренд и бренд территории, идентичность национального бренда и национальная идентичность, понятия имидж, репутация и идентичность и т.д.[1].

Помимо С. Анхольта концепции брендинга развивали другие не менее известные исследователи, такие как Г. Дули, Дж. Кунде, Д. Боуин, Д. Динни, Д. Девлин и др. Одним из наиболее значимых дополнений в развитии данного направления стало появление «архитектуры бренда», подразумевающего методы, с помощью которых бренд организовывает многочисленные суббренды, такие как туризм, искусство, кухня, нередко также иногда именуемые атрибутами бренда.

Чтобы создать сильный бренд, необходимо сформировать четкий набор атрибутов, присущих стране, на их основе можно сформировать ее позитивное восприятие у целевых аудиторий [1].

На данный момент наиболее успешными в брендинге мест, регионов и наций являются европейские государства и США. Однако осуществить эту сложную задачу по созданию бренда на уровне страны пытаются и многие государства в Африке, Латинской Америке и Азии.

Наиболее популярными инструментами брендинга являются логотипы и слоганы. Часто произносимые в рекламных роликах «Malaysia is truly Asia» (Малайзия – это действительно Азия),

[1] Здесь: бренд территории стимулирует экономические интересы (экспорт, туризм, внутренние инвестиции), а национальный бренд связан с целостным представлением о стране на международной арене, рассматривая политические, экономические и культурные аспекты; Национальная идентичность означает коллективное осознание нацией своих особенностей и отличий от других, а также включает в себя чувство принадлежности к нации. А идентичность бренда – это набор ассоциаций, которые бренд-стратег стремится создать или сохранить, используя визуальные символы и логотипы, олицетворяющие бренд. Как страна может иметь несколько брендов, так и может быть несколько идентичностей бренда, в то время как национальная идентичность одна; Имидж нации – это то, что народ данной страны стремится донести до всего мира касательно самих себя, идентичность – это самовосприятие нации, а репутация – тот отзыв, который она получает от внешнего мира.

«Dubai is the Jewel in the Desert» (Дубай – Жемчужина в пустыне), «Amazing Thailand» (Удивительный Таиланд), «Bolivia: The Authentic still Exists» (Боливия: Подлинное еще существует), «Sri Lanka: The Pearl of the Indian Ocean» (Шри-Ланка: Жемчужина Индийского океана) или «Incredible !ndia» (Невероятная Индия) запомнились миллионам людей во всем мире.

Задача национального брендинга в Индии возложена на «Фонд ценности бренда Индии» (The India Brand Equity Foundation) и сводится к продвижению и развитию международной осведомленности о лейбле «Made in India», а также содействию распространению знаний об индийских товарах и услугах. Фонд образован правительством страны как средство поощрения инвестиций для продвижения «Бренд Индия» и соответственно все проводимые кампании финансируются им, представляя Индию как огромный рынок товаров и услуг и выгодное место для инвестиций.

Одной из самых популярных международных маркетинговых кампаний Фонда стала «Невероятная Индия», проводимая с 2002 г., задачей которой явилось продвижение туризма в Индии на глобальный уровень. Автором названия является Амитабх Кант, исполнительный директор «Национального института преобразования Индии» (National Institution for Transforming India, NITI Aayog), аналитического центра, созданного в 2015 г. при правительстве страны. Прилагательное «невероятная» в отличие от «красивая» или иных легко востребованных слов имеет особое значение, подчеркивая интенсивные темпы экономического развития страны, разнообразие культур, языков, ландшафтов и кухонь.

В большинстве случаев бренд получил положительные отзывы и сумел выполнить свою задачу: доходы от туризма выросли с 3,4 млрд долларов в 2000 году на 11,7 млрд долларов в 2008 г. [15].

Несмотря на то, что организацией данной маркетинговой компании занималось Министерство туризма, а ее целью являлось выведение Индии на международный туристический рынок, А. Кант не считает ее суббрендом. В своей книге «Брендинг Индии: Невероятная история» (Branding India: An Incredible story), он подробно повествует о кампании, превратившей «спящего гиганта» в одно из самых желанных мест для отдыха и путешествий в мире. Кампания была сосредоточена на идее достижения «высшего качества жизни для индийцев через туризм, что обеспечило бы уникальную возможность для физического оживления, умственного омоложения, культурного обогащения и духовного подъема» [15, p. 6].

«Невероятная Индия» становится глобальной маркетинговой кампанией, ее рекламу можно было увидеть даже в общественном транспорте Лондона и Нью-Йорка, она обсуждалась практически на всех телеканалах, таких как ITV, Sky, BBC, Channel 4 и CNN, а также на радиостанциях и цифровых СМИ. А. Кант утверждает, что приблизительный доход от рекламы составил примерно 5 млн фунтов стерлингов против 50 тыс. фунтов стерлингов первоначального бюджета кампании [16]. В 2009 г. «Невероятная Индия» выиграла международную премию в сфере туризма World Travel Awards как лучшая кампания года [13].

В 2008 г. Министерство туризма Индии разработало новую концепцию в дополнение к кампании «Невероятная Индия», получившую название «Атитхидево Бхава», что в переводе с санскрита означает «гости как Бог». Данная концепция ориентирована на местное население, с целью обучения жителей этикету общения с иностранными туристами. «Атитхидево Бхава» стремилась к созданию понимания того, что усилия, предпринимаемые для развития туризма, позволяют сохранить наследие Индии, её культуру и гостеприимство. Эта кампания также пыталась привить чувство ответственности к туристам и укрепить доверие иностранных туристов к Индии как хорошему месту для отдыха.

Несмотря на большой успех «Невероятной Индии», кампания все же вызывала критику как со стороны иностранцев, так и местных жителей. Критике подвергались название кампании, логотипы и другие сопутствующие изображения, не соответствовавшие реалиям страны [16]. Известный индийский актер Салман Кхан высмеял кампанию в 2010 г., отметив, что пицца в «Невероятной Индии» прибывает быстрее, чем полиция или скорая помощь, а ставки кредитов на образование составляют 12 %, в то время как ставки на автокредиты всего 5 %. Другие критиковали кампанию за безосновательность постоянных заявлений о быстром экономическом росте Индии и изображении ее в качестве региональной державы при наличии 410 млн бедных [13].

В 2016 г. в рейтинге национальных брендов, подготовленном британской компанией «Brand Finance» Индия заняла 7-е место, а в 2017 г. переместилась на 8-ю позицию. Она также вошла в 20-ку самых дорогостоящих брендов 2017 г., стоимость индийского бренда оценивается в 2, 056 млрд долларов. Россия в данном рейтинге заняла 17-е место со стоимостью бренда в 832 млрд долларов [20]. «Brand Finance» используют также буквенные обозначения рейтинга национальных брендов – от исключительного AAA+/AAA/AAA-, к очень сильным AA+/AA/AA- и сильным брендам A+/A/A-, до слабо развитых BBB/BB/B, очень слабых CCC/CC/C и в случае отсутствия бренда у страны рейтинг может варьироваться от DDD до D. Индия в данном рейтинге продвинулась от A+ в 2010 г. до AA в 2017 г.

О понимании важности национального брендинга в Индии, помимо роста стоимости индийского бренда и повышения его позиций в рейтингах, свидетельствует также ссылка на его актуальность в официальных документах. Впервые в индийской истории в материалах правительства Индии по вопросам внешней торговли на 2015–2020 гг., составленных Департаментом торговли Министерства торговли и промышленности целый раздел посвящается национальному бренду [12].

Одним из последних проектов, разработанных С. Анхольтом является «Рейтинг хороших стран» (The Good Country Index), целью которого является измерение вклада различных стран в достижение общего блага для всего человечества. С. Анхольт отмечает, что слово «хороший» в названии проекта не следует рассматривать как антоним слову «плохой», скорее это противопоставляется «эгоистичному». Данные для разработки рейтинга предоставляются такими международными организациями как ООН, ЮНЕСКО, Всемирный банк и т.д. Всего в рейтинге на данный момент представлены 163 страны, среди них Индия занимает 59 место. Рейтинг измеряет вклад стран по 35 параметрам, поделенных на 7 категорий, каждая из которых также имеет свой арсенал показателей. Например, категория «наука и технологии» рассматривает следующие данные: количество иностранных студентов, экспорт научных журналов, количество публикаций в международных журналах, количество Нобелевский премий, количество патентов в соответствии с объемом экономики. По каждой из категорий страна занимает определенную позицию; по науке и технологиям Индия стоит на 67 месте, по культуре – на 57-м, по международной безопасности занимает 32 место, в категории мировой порядок – 89 место, в категории планета и климат – 97 место, по процветанию и равенству – 149 место и по здоровью – 35 место. В 2016 г. в общем рейтинге Индия заняла 61 место, а до этого в 2014 г. – 81 место [23]. Данные показатели отчетливо свидетельствуют об увеличении вклада Индии в глобальное развитие мира и улучшении репутации страны.

За последние годы Индия оказала глобальное воздействие на ряд секторов в мировой экономике, в частности в сферах информационных технологий и бизнес-услуг. Индийские компании стали важнейшими игроками в области технологий, фармации и автоматики, а машиностроение и нефтехимия составили 42 % экспорта в 2011 г., по сравнению с 4 % в 2001 году [19].

«Фармация мира» (Pharmacy of the World) – так позиционирует себя Индия в рамках кампании Brand India Pharma, запущенной 21 марта 2012 г. на крупнейшей фармацевтической торговой выставке в Токио и ставшей первой отраслевой бренд-кампанией [14]. Данную инициативу возглавил Фармацевтический совет по содействию экспорту (Pharmexcil), основанный в 2004 году под эгидой Министерства торговли Индии с целью продвижения индийской фармацевтической продукции на глобальный рынок. Бренд намерен создавать более широкие рыночные возможности, позиционируя индийскую фармацевтику как надежную, доступную и устойчивую. Индийская фармацевтика составляет 2,4 % от мировой фармацевтической промышленности в стоимостном и 10 % в натуральном выражении [8]. В 2017 – 2018 гг. индийский экспорт фармацевтической продукции составил более 17 млрд долларов, а к 2020 г. его планируют увеличить до 20 млрд [21].

В 2014 г. к власти в Индии пришла Бхаратия джаната парти (БДП) – Индийская народная партия. В последний раз она находилась у власти в 1998–2004 гг., тогда это не принесло кардинальных изменений стране. В ходе предвыборных кампаний главным лозунгом партии становится восстановление концепции «свадеши», т.е. опоры на собственные силы. Концепция появилась еще в учении Махатмы Ганди в годы борьбы индийцев с британскими колонизаторами [2]. В рамках данной концепции премьер-министр Нарендра Моди 25 сентября 2014 г. объявил о запуске новой кампании – «Делайте в Индии» (Make in India), ставшей ответом на критическую ситуацию, когда темпы экономического роста страны сильно упали, а мировые инвесторы задались вопросом является Индия риском или же возможностью [17]. Ее основной задачей является превращение Индии в глобальный производственный центр, создав рабочие места в 25 секторах экономики [11]. Н. Моди самолично выбрал и эмблемы для новой кампании: колесо (чакра) Ашоки, изображенное на индийском флаге – символ движения и прогресса – и лев – животное, изображенное на гербе страны, символизирующее силу и мощь. Премьер-министр обратился ко всем с призывом: «Я говорю миру: делайте в Индии! Продавайте где угодно, но производите здесь! У нас есть для этого и мастерство, и талант!» [25]. Действительно, у Индии есть ряд преимуществ для привлечения инвесторов, такие как высокая численность трудоспособного населения, к тому же владеющая английским языком и быстрая интеграция национальной экономики в мировую, но коррупция, недостаточно развитая юридическая защита инвесторов и ряд других причин нередко препятствуют более широкому притоку иностранных капиталов в страну.

Однако это не мешает **Индии занимать третье место среди глобальных систем развития стартапов, уступая лишь США и Великобритании**. По оценкам научных сотрудников Института мировой экономики и международных отношений РАН в Индии такого рода бизнес пользуется еще и общественным признанием, здесь легче получить стартовый капитал, действуют наряду с заемным банковским капиталом бизнес-ангелы[1], в основном зарубежные. Стартапы вносят разнообразие в структуру экономики Индии, делают ее более мобильной, создают новые возможности для занятости населения [4].

«Делайте в Индии» (Make in India) предусматривает формирование благоприятных условий для иностранных предприятий, переносящих производство в Индию, а также поддержку индийского производства, нацеленного на экспорт, под девизом: IT + IT = IT (Indian Talent + Indian Technology = India Tomorrow) [4]. Что же касается товаров, произведенных непосредственно в Индии, для них Н. Моди определил следующую формулу: «Ноль дефектов, ноль эффектов» (zero defect, zero effect), где ноль дефектов подразумевает создание качественной продукции, а ноль

[1] Здесь: частный венчурный инвестор, обеспечивающий финансовую и экспертную поддержку компаний на ранних этапах развития.

эффектов исключает негативное воздействие на окружающую среду при ее производстве [9].

В том же 2014 г. 2 октября Нарендра Моди запустил миссию «Чистая Индия» (Swachh Bharat Abhiyan (SBA), или Clean India Mission), целью которой является очистка улиц, дорог и инфраструктуры городов и сельских районов Индии, а также строительство 90 млн. туалетов в сельских областях до 2 октября 2019 г., в честь 150-летия со дня рождения Махатмы Ганди. Для ознакомления мировой общественности о содержании новой миссии в Индии, в 2017 г. снимается художественный фильм «Туалет: история любви» (Toilet: Ek Prem Katha), посвященный данной кампании, собравший в мировом прокате 46 млн. долларов [24].

15 июля 2015 г. в стране запускается другая кампания под названием Skill India, ее целью является обучение более 400 млн. индийцев различным практическим навыкам к 2022 г. [22]. Великобритания заключила партнерское соглашение с Индией в рамках данной программы. Стороны принимают обязательство достижения взаимного признания британской и индийской квалификаций. Несколько британских компаний взяли на себя обязательство поддерживать развитие навыков в Индии. Совместно с британским правительством и британскими предприятиями будут созданы новые «Центры передового опыта» в ключевых секторах, начиная с центра автомобильной инженерии в Пуне, говорится в совместном заявлении, опубликованном после переговоров между двумя лидерами [18].

Одной из сфер, охваченных данной кампанией, стала кожевенная промышленность. Так, по состоянию на 15 февраля 2016 г. в рамках «Программы развития индийской кожи» 51 216 молодых людей прошли обучение в течение 100 дней. В последующем планируется ежегодно обучать 1 млн 44 тыс. молодых людей. Для улучшения инфраструктуры образования создаются четыре новых отделения «Института дизайна и разработки обуви» – в Хайдарабаде, Патне, Бануре и Анклешваре. Промышленность в стране испытывает острую нехватку квалифицированных кадров, и большинство прошедших обучение сразу поглощается отраслью [27]. Таким образом, данный проект позволит устранить одну из причин непривлекательности обувной промышленности Индии для иностранных инвесторов, а именно недостаток квалифицированной рабочей силы.

Помимо того, чтобы превратить Индию в промышленный, фармацевтический и туристический центры, власти страны стремятся создать лучшие условия для развития бизнеса, предпринимательства, инноваций. С этой целью правительство страны 16 января 2016 г. запустило программу «Стартап Индия», ее задачей является превращение индийской нации из «ищущих работу» в «создающих рабочие места». Важнейшие пункты программы включают: сокращение сборов за регистрацию патентов на 80 %; изменения в Законе о банкротстве, в соответствии с которыми упрощаются условия выхода из бизнеса, а также ускоряется регистрация стартапов через мобильное приложение, освобождение от проверок на соответствие трудовому законодательству и законодательству по защите окружающей среды, а также уплаты налога на прирост капитала и других видов налогообложения сроком на три года. По словам премьер-министра Индии, на данный проект правительство намерено выделить около 370 млн долларов ежегодно в течение четырех лет [5]. Н. Моди утверждает «В стартапах, технологиях и инновациях я вижу увлекательные и эффективные инструменты для трансформации Индии и создания рабочих мест для нашей молодежи» [6].

Кроме туризма, экспорта, инвестиций, людских ресурсов, С. Анхольт отмечает культуру и культурное наследие отдельным пунктом своего шестиугольника брендинга. Несомненно, в данном аспекте у Индии есть огромные преимущества. Это страна, где зародились древнейшие цивилизации и санскритская письменность, где возникли буддизм – первая мировая религия, йога – одна из самых популярных духовных практик и многое другое. Культурное наследие активно используется в качестве ресурсов мягкой силы и для создания привлекательного имиджа страны. Одним из таких мероприятий на глобальном уровне стало утверждение Генеральной Ассамблеей ООН в 2014 г. резолюции, предложенной Индией о праздновании Международного дня йоги ежегодно 21 июня, поскольку это самый длинный день в году [3]. Министр иностранных дел Индии Сушма Сварадж на одной из пресс-конференций в 2015 г. заявила: «Йога – это мягкая сила Индии, и благодаря этой мягкой силе весь мир может быть одной глобальной деревней, и насилие может быть устранено с помощью такого мира» [26]. Политика мягкой силы Индии опирается на богатое культурное наследие, традиции и ценности, которые также находят свое отражение в процессе конструирования национального бренда. К примеру, Индия неизменно представляется как «самая большая демократия в мире», именно так часто называют республику в своих выступлениях индийские политики и дипломаты, тонко намекая на авторитаризм Китая – одного из самых влиятельных конкурентов Индии.

Таким образом, изучение национальных брендов и отдельных суббрендов приобретает популярность в современной научной среде. Как и на рынке, ученые-экономисты изучают потребительские вкусы и предпочтения, на основе чего производители строят стратегию производства, разработчики национальных брендов опираются на суждения ученых и экспертов, которые изучают механизмы действия национальных брендов, следят за изменениями их стоимости и других рейтинговых показателей. Изучение брендов, несомненно, требует междисциплинарного подхода, поскольку объект исследования находится на стыке экономики, политологии, социологии и других научных направлений. Для успешного осуществления задачи формирования и продвижения бренда ученым и стратегам необходимо действовать сообща, реально оценивая свои

возможности и ресурсы в целях создания максимально привлекательного, при этом соответствующего действительности, имиджа.

Так, не вызывает сомнение наличие в Индии огромного потенциала и ресурсов, предоставляющих правительству широкий простор для разработки национального бренда. В то же время при таком разнообразии средств зачастую довольно сложно выделить главное и не упустить детали в процессе разработки стратегии национального брендинга. На данном этапе у Индии неплохие показатели, которые во многом обусловлены активной политикой нынешнего премьер-министра, однако делать какие-либо прогнозы сложно в связи с грядущими парламентскими выборами в 2019 г. Рассмотренные выше кампании определенно способствовали улучшению репутации страны, каждая из них дополняет другую, и несмотря на разные задачи упомянутых проектов, они преследуют единую цель – создать уникальный, неповторимый имидж собственной нации, который бы соответствовал всем красивым слоганам и логотипам, а также отвечал требованиям индийского общества – позволив развеять различные стереотипы об индийской культуре и выбраться на новый уровень международного признания.

Источники и литература

1. Кобякина О. Е. Брендинг территорий: национальная кухня как один из атрибутов бренда страны (на примере Дании, Швеции, Латвии и России) // Электронный научный журнал «Медиаскоп» URL: http://www.mediascope.ru/1614 (Дата обращения: 05.07.2018).
2. Круть В. Г. Индия: концепция «свадеши» в условиях глобализации // Международный студенческий научный вестник. 2016. №2. URL: http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=15139 (Дата обращения: 16.07.2018).
3. ООН назначила Международный день йоги // Lenta.Ru (12 декабря 2014) URL: https://lenta.ru/news/2014/12/12/yoga/ (Дата обращения: 10.07.2018).
4. Производите здесь // Эксперт Урал (Июль 2016) URL: http://expert.ru/ural/2016/27/proizvodite-zdes/ (Дата обращения: 16.07.2018).
5. Стартапы в Индии будут освобождены от налогов URL: https://offshorewealth.info/offshore-business-abroad/startups-in-india-will-be-taxfree/ (Дата обращения: 17.07.2018).
6. Страна стартапов // BRICS Business magazine URL: https://bricsmagazine.com/ru/articles/strana-startapov (Дата обращения: 17.07.2018).
7. Anholt S. Competitive Identity: a new model for the brand management of nations, cities and regions. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 147 p.
8. Brand India Pharma: Promoting Indian Pharma Industry & Companies Globally URL: https://www.brandindiapharma.in/ (Accessed: 11.07.2018).
9. Ecologists cheer Modi's 'zero defect, zero effect' slogan // The Times of India (Aug 16, 2014) URL: https://timesofindia.indiatimes.com/home/environment/developmental-issues/Ecologists-cheer-Modis-zero-defect-zero-effect-slogan/articleshow/40312809.cms (Accessed: 16.07.2018).
10. Fan Y. Branding the nation: towards a better understanding // Place Branding and Public Diplomacy. 2010. №6 (2). P. 97-103.
11. Focus on Make In India, Ministry Of Heavy Industries & Public Enterprises // Business Stadard (September 2014) URL: https://www.business-standard.com/article/government-press-release/focus-on-make-in-india-114092501206_1.html (Accessed: 16.07.2018).
12. Foreign Trade Policy (1st April 2015 – 31st March 2020) // http://dgft.gov.in/exim/2000/ftp2015-20E.pdf (Accessed: 16.07.2018).
13. Impacts of Incredible !ndia campaigning on tourism. URL: https://ru.scribd.com/document/77035533/Incredible-India-Final (Accessed: 16.07.2018).
14. Interview with Aparna Sharma on Nation Branding in India // The Place Brand Observer (July, 2015) URL: https://placebrandobserver.com/interview-aparna-sharma/ (Accessed: 16.07.2018).
15. Kant A. Branding India: An Incredible story. Uttar Pradesh, India: Harper Collins, 2009. 267 p.
16. Kerrigan F., Shivanandan Jy., Hede A-M. Nation Branding: A Critical Appraisal of Incredible India // Journal of Macromarketing. № 32 (3). P. 319-327.
17. Make in India // Official web site. URL: http://www.makeinindia.com/home (Accessed: 16.07.2018).
18. Modi in UK: 11 British companies support skill development in India // DNA: Daily News and Analysis (November 2015) URL:http://www.dnaindia.com/business/report-modi-in-uk-11-british-companies-support-skill-development-in-india-2144786 (Accessed: 16.07.2018).
19. Nation Brands 100: The Brand Finance report on the 100 most valuable Nation Brands // Brand Finance (November 2011) URL: http://brandfinance.com/images/upload/bfnb_100_2011_web_sp.pdf (Accessed: 16.07.2018).
20. Nation Brands 2017: The annual report on the world`s most valuable nation brands // Brand Finance (October 2017) URL: http://brandfinance.com/images/upload/bf_nation_brands_2017.pdf (Accessed: 16.07.2018).
21. Pharma exports can cross $20 bn by 2020: Chief of Pharmexcil // The Economic Times (May 2018) URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/healthcare/biotech/pharmaceuticals/pharma-exports-can-cross-20-bn-by-2020-chief-of-pharmexcil/articleshow/64055966.cms `(Accessed: 16.07.2018).
22. PM Modi Launches Skill India Initiative That Aims to Train 40 Crore People // NDTV (July 2015) URL: https://www.ndtv.com/india-news/pm-modi-launches-skill-india-initiative-that-aims-to-train-40-crore-people-781897 (Accessed: 16.07.2018).
23. The Good Country Index results URL: https://goodcountry.org/index/results (Accessed: 16.07.2018).
24. Toilet: Ek Prem Katha trumps Baahubali 2 in China; becomes Akshay Kumar's first film to cross Rs 300 cr mark worldwide (June 2018) URL: https://www.firstpost.com/entertainment/toilet-ek-prem-katha-trumps-baahubali-2-in-china-becomes-akshay-kumars-first-film-to-cross-rs-300-cr-mark-worldwide-4530341.html (Accessed: 16.07.2018).

25. Top 5 quotes from Narendra Modi's Make in India campaign URL: http://www.india.com/buzz/narendra-modis-make-in-india-campaign-top-5-quotes-from-the-pms-make-in-india-speech-157589/ (Accessed: 16.07.2018).
26. Transcript (English Interpretation) of Joint Press Conference by External Affairs Minister and Minister of State (I/C) AYUSH on Celebration of International Day of Yoga (June 9, 2015) // Ministry of External Affairs, Government of India. official web site. URL: http://mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/25359/Transcript+English+Interpretation+of+Joint+Press+Conference+by+External+Affairs+Minister+and+Minister+of+State+IC+AYUSH+on+Celebration+of+International+Day+of+Yoga+June+9+2015 (Accessed: 16.07.2018).
27. Why Make in India may be the answer to India's unemployment puzzle // The Economic Times (February 16 2016) URL: https://economictimes.indiatimes.com/jobs/why-make-in-india-may-be-the-answer-to-indias-unemployment-puzzle/articleshow/51002694.cms (Accessed: 16.07.2018).

References

1. Kobyakina O. E. Brending territorij: nacionalnaya kuhnya kak odin iz atributov brenda strany (na primere Danii SHvecii Latvii i Rossii) *(Branding of Territories: National Cuisine as One of the Attributes of the Country's Brand (by the Example of Denmark, Sweden, Latvia and Russia)* // MediaScope URL: http://www.mediascope.ru/1614 (Accessed: 05.07.2018). (In Russian).
2. Krut V. G. Indiya: koncepciya svadeshi v usloviyah globalizacii *(India: the Concept of "Swadeshi" in the Conditions of Globalization)* // International student scientific bulletin. 2016. No.2. URL: http://www.eduherald.ru/en/article/view?id=15139 (Accessed: 07.06.2018) (In Russian).
3. OON naznachila Mezhdunarodnyj den jogi *(UN Appointed International Yoga Day)* // Lenta.Ru (December 12, 2014) URL: https://lenta.ru/news/2014/12/12/yoga/ (Accessed: 07.10.2018) (In Russian).
4. Proizvodite zdes *(Produce Here)* // Expert Ural (July 2016) URL: http://expert.ru/ural/2016/27/proizvodite-zdes/ (Accessed: 07.06.2018) (In Russian)
5. Startapy v Indii budut osvobozhdeny ot nalogov *(Startups in India will be Exempt from Taxes)* URL: https://offshorewealth.info/offshore-business-abroad/startups-in-india-will-be-taxfree/ (Accessed: 17.07.2018) (In Russian).
6. Strana startapov *(Country of Start-ups)* // BRICS Business magazine. URL: https://bricsmagazine.com/en/articles/strana-startapov (Accessed: 17.07.2018) (In Russian).
7. Anholt S. Competitive Identity: a new model for the brand management of nations, cities and regions. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 147 p.
8. Brand India Pharma: Promoting Indian Pharma Industry & Companies Globally URL: https://www.brandindiapharma.in/ (Accessed: 11.07.2018).
9. Ecologists cheer Modi's 'zero defect, zero effect' slogan // The Times of India (Aug 16, 2014) URL: https://timesofindia.indiatimes.com/home/environment/developmental-issues/Ecologists-cheer-Modis-zero-defect-zero-effect-slogan/articleshow/40312809.cms (Accessed: 16.07.2018).
10. Fan Y. Branding the nation: towards a better understanding // Place Branding and Public Diplomacy. 2010. №6 (2). P. 97-103.
11. Focus on Make In India, Ministry Of Heavy Industries & Public Enterprises // Business Stadard (September 2014) URL: https://www.business-standard.com/article/government-press-release/focus-on-make-in-india-114092501206_1.html (Accessed: 16.07.2018).
12. Foreign Trade Policy (1st April 2015 – 31st March 2020) // http://dgft.gov.in/exim/2000/ftp2015-20E.pdf (Accessed: 16.07.2018).
13. Impacts of Incredible India campaigning on tourism. URL: https://ru.scribd.com/document/77035533/Incredible-India-Final (Accessed: 16.07.2018).
14. Interview with Aparna Sharma on Nation Branding in India // The Place Brand Observer (July, 2015) URL: https://placebrandobserver.com/interview-aparna-sharma/ (Accessed: 16.07.2018).
15. Kant A. Branding India: An Incredible story. Uttar Pradesh, India: Harper Collins, 2009. 267 p.
16. Kerrigan F., Shivanandan Jy., Hede A-M. Nation Branding: A Critical Appraisal of Incredible India // Journal of Macromarketing. № 32 (3). P. 319-327.
17. Make in India // Official web site - URL: http://www.makeinindia.com/home (Accessed: 16.07.2018).
18. Modi in UK: 11 British companies support skill development in India // DNA: Daily News and Analysis (November 2015) URL:http://www.dnaindia.com/business/report-modi-in-uk-11-british-companies-support-skill-development-in-india-2144786 (Accessed: 16.07.2018).
19. Nation Brands 100: The Brand Finance report on the 100 most valuable Nation Brands // Brand Finance (November 2011) URL: http://brandfinance.com/images/upload/bfnb_100_2011_web_sp.pdf (Accessed: 16.07.2018).
20. Nation Brands 2017: The annual report on the world`s most valuable nation brands // Brand Finance (October 2017) URL: http://brandfinance.com/images/upload/bf_nation_brands_2017.pdf (Accessed: 16.07.2018).
21. Pharma exports can cross $20 bn by 2020: Chief of Pharmexcil // The Economic Times (May 2018) URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/healthcare/biotech/pharmaceuticals/pharma-exports-can-cross-20-bn-by-2020-chief-of-pharmexcil/articleshow/64055966.cms `(Accessed: 16.07.2018).
22. PM Modi Launches Skill India Initiative That Aims to Train 40 Crore People // NDTV (July 2015) URL: https://www.ndtv.com/india-news/pm-modi-launches-skill-india-initiative-that-aims-to-train-40-crore-people-781897 (Accessed: 16.07.2018).
23. The Good Country Index results URL: https://goodcountry.org/index/results (Accessed: 16.07.2018).
24. Toilet: Ek Prem Katha trumps Baahubali 2 in China; becomes Akshay Kumar's first film to cross Rs 300 cr mark worldwide (June 2018) URL: https://www.firstpost.com/entertainment/toilet-ek-prem-katha-trumps-baahubali-2-in-china-becomes-akshay-kumars-first-film-to-cross-rs-300-cr-mark-worldwide-4530341.html (Accessed: 16.07.2018).
25. Top 5 quotes from Narendra Modi's Make in India campaign URL: http://www.india.com/buzz/narendra-modis-make-in-india-campaign-top-5-quotes-from-the-pms-make-in-india-speech-157589/ (Accessed: 16.07.2018).

26. Transcript *(English Interpretation)* of Joint Press Conference by External Affairs Minister and Minister of State (I/C) AYUSH on Celebration of International Day of Yoga (June 9, 2015) // Ministry of External Affairs, Government of India. official web site. URL: http://mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/25359/Transcript+English+Interpretation+of+Joint+Press+Conference+by+External+Affairs+Minister+and+Minister+of+State+IC+AYUSH+on+Celebration+of+International+Day+of+Yoga+June+9+2015 (Accessed: 16.07.2018).

27. Why Make in India may be the answer to India's unemployment puzzle // The Economic Times (February 16 2016) URL: https://economictimes.indiatimes.com/jobs/why-make-in-india-may-be-the-answer-to-indias-unemployment-puzzle/articleshow/51002694.cms (Accessed: 16.07.2018).

УДК 63.3

М. С. Черешнева

ЕГО НАЗЫВАЛИ «ЖЕЛЕЗНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»: К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ВАЛЛАБХАИ ПАТЕЛЯ

В настоящей статье дана характеристика места и роли выдающегося индийского политика и государственного деятеля Валлабхаи Пателя в партийной иерархии Индийского национального конгресса после достижения Индией независимости и в создании Индийской гражданской службы. Патель до настоящего времени будто бы «остается за кадром» в отечественной историографии. Обобщающей монографии, которая была бы посвящена именно его деятельности в годы борьбы индийского народа за свое освобождение от британской колониальной зависимости, а также – его усилиям по строительству индийской государственности пока нет. Во многом это объясняется сложностью самого предмета – Патель был авторитетным политиком, не раз спасавшим страну в тяжелые времена, но выбор Махатмы Ганди при определении своего преемника и будущего главы партии и свободной Индии пал не на него. Кроме того, Патель был тесно связан с индийской, индусской финансово-промышленной элитой. Он был инициатором подавления леворадикальных, коммунистических выступлений, деятельности Коммунистической партии Индии, если они принимали вооруженный характер. Он был инициатором подавления леворадикальных, коммунистических выступлений, деятельности Коммунистической партии Индии, если они принимали вооруженный характер. В качестве министра внутренних дел Патель был обязан эффективно решать проблемы, с которыми сталкивается страна, как политические, так и административные. Его консервативное начало, в хорошем смысле этого слова, соединилось с деятельной креативностью. Трудности переходного периода, вызванные уходом англичан из Индии и «выводом из оборота» того обученного персонала чиновников, который обладал всей властью в течение ста лет, усугублялись последствиями раздела в августе 1947 г., огромными человеческими потрясениями и страданиями, повышенной криминогенностью общества, которые Патель не мог предотвратить. По образцу британской Индийской гражданской службы колониальных времен в независимой Индии были созданы собственные административные структуры: Индийская административная служба; Индийская полицейская служба, сыгравшие огромную роль в обеспечении функционирования молодого государства. Статья основывается на индийских, британских и отечественных архивных и опубликованных материалах, дипломатической переписке, мемуарах и автобиографиях, английской и индийской прессе. Автор опирается на новейшие исследования отечественных индологов.

Ключевые слова: независимая Индия, Индийский национальный конгресс, Индийская гражданская служба, Валлабхаи Патель, Джавахарлал Неру, Махатма Ганди.

M. S. Chereshneva

HE WAS CALLED “THE IRON MAN”: ON THE POLITICAL PORTRAIT OF VALLABHBHAI PATEL

The article studies the features of the place and role of a prominent Indian politician and public official Vallabhbhai Patel in the hierarchy of the Indian National Congress after the achievement of independence by India and the creation of the Indian Civil Service. Until now Patelis as if “behind the scenes” in the national historiography. There is no generalizing monograph, which would be devoted to his activities during the struggle of the Indian people for their liberation from British colonial dependence, as well as his efforts to build Indian statehood yet. This is largely due to the complexity of the subject – Patel was an authoritative politician, not once saved the country in difficult times, but the choice of Mahatma Gandhi in determining his successor and the future head of the party and free India did not fall on him. In addition, Patel was closely associated with the Indian, Hindu financial and industrial elite. He was the initiator of the suppression of left-wing radical, Communist uprisings, the activities of the Communist Party of India, if they took an armed character. As a Minister of Internal Affairs, Patel was obliged to deal effectively with the problems facing the country, both political and administrative. His conservative beginning, in a good sense of the word, was combined with an active creativity. The difficulties of the transition period caused by the withdrawal of the British from India and the “withdrawal from circulation” of the trained personnel of officials, who had all the power for a hundred years, were exacerbated by the consequences of the partition in August 1947, the huge human upheavals and suffering, increased criminality of society, which Patel could not prevent. Following the model of the British Indian Civil service of the colonial times, independent India established its own administrative structures: the Indian Civil service, Indian Police service, which played a huge role in the functioning of the young state. The article is based on Indian, British and domestic archives and published materials, diplomatic correspondence, memoirs and autobiographies, English and Indian press. The author relies on the latest research of domestic Indologists.

Key words: independent India, the Indian National Congress, Indian Civil Service, Vallabhbhai Patel, Nehru Jawaharlal, Mahatma Gandhi.

В 2017 г. Республика Индия отмечала 70-летие своей независимости. Тогда, в далеком августе 1947 г. на месте британской колонии на Индостане возникли два доминиона – Индийский Союз и Пакистан. Решающую роль в организации освободительной борьбы народов полуострова сыграла партия Индийский национальный конгресс (ИНК) и ее выдающийся лидер Махатма Ганди, когорта его сподвижников и учеников, среди которых любой индиец сегодня в первую очередь назовет имена Джавахарлала Неру и Валлабхаи Пателя. И если личность Неру, ставшего первым премьер-министром независимой Индии, более чем хорошо изучена, то Патель до настоящего времени будто бы «остается за кадром» в отечественной историографии.

Валлабхаи Патель (1875–1950), выдающийся государственный деятель Индии, один из лидеров ИНК, родился 31 октября 1875 г. в городе Надиаде в Британской Индии. Основы его характера были заложены в детском возрасте. Патриотизм и целеустремленность, свойственные старшим в его семье, также оказали влияние на становление личности Пателя. Он нашел себя в сфере изучения права. Получив образование на родине и затем в Лондоне, он стал юристом. В бурные первые десятилетия XX века Патель не спешил занять ту или иную политическую нишу. Он активно защищал честь индийцев в судебных процессах. Собственную честь как юриста Патель также оберегал и не поддавался на провокации и подкуп. В 1916 г. он определился со своими политическими пристрастиями – стал последователем и доверенным лицом Махатмы Ганди. Патель вошёл в муниципалитет Ахмедабада. Блестящая работа на посту председателя Санитарно-Технического комитета принесла ему всеобщее признание. Во время чумы 1917 г. в Ахмедабаде он лично руководил профилактическими мероприятиями. В 1921 г. Патель был избран президентом Бомбейского провинциального конгресса, в том же году – председателем комитета XXXVI сессии ИНК. Он собирал средства для кампаний народных масс, которыми руководил Ганди.

У него был большой и положительный опыт работы заместителем главы Временного правительства, которое англичане при вице-короле Уэйвелле создали осенью 1946 г. То правительство, действовавшее как Исполнительный совет при вице-короле, возглавлял Неру, и с тех пор он проникся абсолютным доверием к Пателю. При своей фантастической прозорливости, аналитическом уме и твердой воле исполнять задуманное, Патель не раз заявлял: «Я – не эксперт. Я – юрист. Единственное, чего я хочу, – не подвести Индию» [10, p.293]. Неру в начале совместной работы в правительстве восхищался Пателем. Это видно из его письма к Валлабхаи: «Я пишу, чтобы пригласить Вас присоединиться к новому кабинету. Вы – самый сильный столп кабинета» [14, vol. 4, p. 537]. Патель ответил: «Наша привязанность друг к другу и дружеские отношения в течение почти 30 лет не допускают никаких формальностей... мои услуги будут в Вашем распоряжении до конца моей жизни... наш с Вами союз нерушим, и в этом наша сила» [14, vol. 4, p. 537]. Его практические шаги как министра сразу же стали вызывать неоднозначную реакцию в политических кругах. Так, левые политики в ИНК называли Пателя «палкой, которой правые бьют социалистов». Он санкционировал массовые аресты коммунистов в январе 1946 г., месяцем позже усмирял бастующих матросов судна «Тальвар».

Безусловно, имя Пателя присутствует в общих работах российских индологов, есть и статьи о нем. Но обобщающей монографии, которая была бы посвящена именно его деятельности в годы борьбы индийского народа за свое освобождение от британской колониальной зависимости, а также – его усилиям по строительству индийской государственности пока нет. Во многом это объясняется сложностью самого предмета – Патель был любимцем конгрессистов, авторитетным политиком, не раз спасавшим страну в тяжелые времена, но выбор Махатмы Ганди при определении своего преемника и будущего главы партии и свободной Индии пал не на него. Бесспорно, не мог премьер-министр не видеть, каким непререкаемым авторитетом в ИНК, правительстве и парламенте пользуется его заместитель. «Железный Патель» был, по существу, неформальным лидером. В письме от 29 марта 1950 г. Неру выразил ему всю силу своих противоречивых чувств: «Я вижу, что идеал, к которому я стремился, угасает, и развитие независимой Индии не только беспокоит меня, но и свидетельствует, что работа моей жизни провалилась» [14, vol. 10, p. 23]. Он признавался Пателю, что его мучили противоречия, существовавшие между парламентом и ним, премьером: «Они (парламентарии. – *М. Ч.*) мирятся со мной из-за их дружелюбия ко мне и привязанности, а также из-за их прошлого опыта и привычки делать это. Но они уходят все дальше и дальше от меня в своих мыслях и чувствах. Это приносит мне несчастье и разочарование» [14, p. 6–8]. Кроме того, Патель был тесно связан с индийской, индусской финансово-промышленной элитой и категорически расправлялся с насильственными выступлениями против частной собственности, против государственной машины. Он был инициатором подавления леворадикальных, коммунистических выступлений, деятельности Коммунистической партии Индии, если они принимали вооруженный характер и создавали угрозу государственной безопасности страны.

Немаловажно отметить и тот факт, что при организации передачи власти, которую обеспечивали вице-король Маунтбеттен и индийские политические партии, Патель очень помог Маунтбеттену. По существу, он обеспечил большую часть успеха Маунтбеттена. Если бы Патель не поддержал условия передачи власти от англичан индийцам, предполагавшие не только свободу, но и расчленение Индии на преимущественно индусское и преимущественно мусульманское государства, и не постарался убедить в целесообразности этих преобразований своего учителя и общеиндийского лидера Махатму Ганди, – вряд ли Маунтбетте-

ну удалось бы уговорить конгрессистов самому. С Пателем они рассуждали в одном ключе. Уставшие от крайней напряженности индусско-мусульманских религиозных и политических противоречий, от активной борьбы Мусульманской лиги и ее бессменного лидера Мухаммада Али Джинны за создание Пакистана, Патель и Маунтбеттен стремились отделаться от всего этого как можно скорее, т.е. пока не началась настоящая гражданская война на Индостане. И, что примечательно, и Неру, в силу своих личностных качеств, своей сверхэмоциональности, пассионарности, решить эту задачу без Пателя тоже бы не смог. Маунтбеттен писал в те дни горячего июня 1947 г.: «Я должен особо подчеркнуть роль Пателя в достижении нашего соглашения с индийцами… Он будто высечен из камня, бескомпромиссен. Его огромные достижения как бы скрыты под поверхностью, но именно он – первый из высшего конгрессистского руководства, кто понял еще в феврале 1947 г., что Декларация нашего правительства означает раздел Индии, если межиндийское политическое соглашения не будет выработано к июню 1948 г. или ранее» [10, p. 293]. Маунтбеттен не жалел комплиментов в адрес Пателя, указывая на то, что, обладая столь выдающимися качествами лидера, он часто поражал своих коллег выдержкой, непоколебимым мужеством…. Его реализм во многом определил принятие плана по созданию доминионов» [10, p. 294].

Принятие индийцами «Плана Маунтбеттена» летом 1947 г. принесло Пателю множество новых сложнейших забот. Он должен был решать вопросы о разделении активов между образовывавшимися тогда, с 15 августа 1947 г., доминионами Индией и Пакистаном. Разница потенциалов двух государств Индостана после раздела по религиозному принципу, которого добилась Мусульманская лига, была очевидной. По численности населения (320 млн. человек) Индия в 5 раз превосходила Пакистан, по площади (3288 тыс. кв. км) – почти в 3.5 раза. Физические активы и экономические ресурсы были распределены в отношении 6:1 в пользу Индии [4, гл. 5].

Патель высокопрофессионально работал в Совете по разделу, защищая интересы Индии, много требуя от чиновников, помогавших ему. Еще в колониальных условиях он позволил действовать самостоятельно по выполнению его приказов всем чиновникам Гражданской службы Индии и офицерам англо-индийской колониальной армии, которые работали в комиссиях Совета по разделу и других подотчетных структурах. Пакистанцы были впечатлены его стилем работы, скоростью и продуманностью действий, отношению к мусульманам. За Пателем закрепилась «слава» гонителя мусульман, но он всех судил по делам и преследовал мусульманских радикалов так же, как и любых других. Непреложным является факт: он с энтузиазмом способствовал включению мусульман в состав правительства Индии, впервые в истории страны назначил индийца-мусульманина главным комиссаром Дели; сыграл огромную роль в поддержании правопорядка и защиты жизни мусульманских беженцев в период раздела Индии и массового перемещения людей в 1947 г. Внимательные и объективные мусульманские политики не могли не видеть этого. На последнем заседании Совета по разделу Абдур Раб Ништар, член Рабочего комитета Мусульманской лиги, возглавлявший пакистанскую команду при решении вопросов раздела, высказал свое восхищение работой Пателя, конструктивным подходом к решению индусско-мусульманских и индо-пакистанских вопросов и заверил, что «в будущем министры Пакистана продолжат относиться к нему как к старшему брату» [10, p. 294].

Раздел Индии, произошедший одновременно с предоставлением ей свободы 14–15 августа 1947 г. и образованием двух доминионов, конечно, стал для британцев рубежом в их двухсотлетнем владычестве на Индостане. Они смогли достаточно мирно передать власть и при этом сохранить свое влияние в регионе. Для доминионов же наступала полная неизвестности и драматизма пора самоопределения, государственного строительства. Для Пателя труднейшей задачей стало и выполнение им обязанностей министра по делам княжеств, «собирание» княжеств Индии – второй части Индостана, которая наряду с Британской Индией при колониальных властях образовывала Индийскую империю [4, гл. 6]. Хотели ли сами князья, династии, веками правившие в своих землях, – британцы не лишили их полностью этой власти, – теперь отказаться от нее и стать гражданами новообразующихся Индии и Пакистана? Имевшие свои армии, полицию, всю атрибутику государственности, казну, князья, бесспорно, желали сохранения своих владений, трона, династий и привилегий. Многие из них владели территориями, по размерам равными Португалии или Франции, а княжеств формата Бельгии или Швейцарии насчитывались десятки. Князья очень ревностно следили за развитием ситуации вокруг передачи власти и раздела Индии в 1947 г. Патель начал долгий и нервный период переговоров с князьями. Тем из них, кто явно подумывал о сохранении своей самостоятельности, Патель подавал себя открытым, прагматичным, где-то циничным, политиком. Он не скрывал, что никаких княжеств-анклавов внутри Индии более не будет, а желающих встать на этот путь ожидают: для начала – экономическая блокада, а затем – силовые армейские акции и принудительная интеграция. Патель склонял князей получить выгоды от приятия неизбежности, от добровольного присоединения к новообразующимся государствам, даже от превращения собственных царствующих персон в руководителей административных единиц Индии, звал включиться в строительство демократического государства, стать гражданами единой страны. Его харизматическая личность обладала такой степенью воздействия, что многие князья, например крупных образований Бароды, Кочина, Джайпура, Джодхпура, Биканера, Патиалы, Ревы, уже в апреле 1947 г. изъявили готовность к сотрудничеству [8, p. 686–687]. В княжествах же, сопротивлявшихся вхождению, например в Хай-

дарабаде, ширилось сепаратистское движение. Там, в коммунистических прокламациях и листовках, расклеенных перед полицейскими участками и в других видных местах, содержался призыв к «истинным конгрессистам» поддержать народное движение против правительства независимой Индии: «При власти Конгресса нас ждет голод. Продолжится правление “больших кошельков”. Патель организовал свою банду. КПИ – единственная партия, способная создать настоящее народное правительство» [11, l. 35–36]. Патель приказал применить силу и принудить непокорные княжества к вступлению в Индийский Союз.

При становлении государственности доминионов прослеживались характерные отличия. В Индии после августа 1947 г. наметилась интересная тенденция – происходило отделение от Индийского национального конгресса политических организаций и образование новых партий. Собственно внутри Конгресса существовали два противоборствующих политических течения, влиявшие как на внутрипартийную, так на общегосударственную жизнь.

Первое течение представлял премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру и его единомышленники в руководстве партии. Их поддерживали левые и центристы. Неру видел будущую Индию неким синтетическим государством, соединяющим социалистическое и капиталистическое начала: при сохранении частной собственности, но с обязательным плановым началом и регулируемой государственной экономикой, социальной поддержкой беднейшего и малоимущего населения. В области внешней политики Неру выступал за невхождение в военно-политические блоки великих держав, «позитивный нейтрализм», развитие отношений со всеми государствами мира, капиталистическими и социалистическими [1; 4].

Второе течение – консервативные круги ИНК во главе с заместителем Неру, министром внутренних дел Пателем, и председателем Конгресса Тандоном, которые выступали за свободное развитие капитализма в Индии, рыночные отношения, частное предпринимательство. В аграрном вопросе они предполагали сделать основной упор на техническое перевооружение индийской деревни. Их внешнеполитические предпочтения – Западные державы, Великобритания и Содружество наций [5, с. 286, 354]. В ИНК сложилось своеобразное двоевластие. Вместе с Неру, Паттабхи Ситарамайей, Раджендрой Прасадом, Бхимрао Рамджи Амбедкаром Патель принял активное участие в подготовке первой индийской конституции. Состоявшая из 22 частей, на 395 станицах с 9 приложениями, Конституция провозгласила Индийский Союз независимой парламентской республикой. Учредительное собрание одобрило проект Конституции Индии в ноябре 1949 г. Она была введена в действие 26 января 1950 г. Этот день стал национальным праздником – Днем Республики. Республика основывалась на принципах секуляризма и демократии и гарантировала всем гражданам важнейшие демократические права и свободы, включая неприкосновенность частной собственности.

Одной из важнейших заслуг Валлабхаи Пателя перед историей своей страны стало создание новой и эффективной системы государственной службы, государственного аппарата, начало чему было им положено накануне передачи власти. Задача была особенно сложной потому, что еще в октябре 1946 г., накануне ухода англичан из Индии, министр по делам Индии и Бирмы лорд Листоуэлл постановил в октябре 1946 г. прекратить дальнейший набор кадров в Гражданскую службу Индии и указал на возможность прекратить его связи со службами ранее даты конституционных изменений в Британской Индии. Такой шаг мог повлечь за собой опасные последствия. Распад управленческого аппарата в колонии до передачи власти поставил под угрозу административное единство страны. Британцы в свое время построили свою империю на Индостане за счет военной и бюрократической колониальной машины. Развал колониального аппарата управления до создания преемствующей системы государственной службы в независимой Индии грозил обернуться трагедией, в особенности в обстоятельствах межрелигиозных столкновений, которые ширились в северо-западной и северо-восточной частях страны, их выспышки наблюдались в Дели, в других районах полуострова. Патель чувствовал больше, чем любой другой лидер, что только новая Всеиндийская административная служба может помочь ему сохранить управляемость в государстве. Его энергичные усилия по созданию нового государственного аппарата во многом спасли ситуацию первых месяцев существования независимой Индии.

В течение двух дней он созвал конференцию глав провинциальных министерств в Нью-Дели. Его речь перед ними содержала продуманную им характеристику текущего момента в истории государственного управления страны. Патель отмечал: «Несмотря на все риски, будет лучше, если придет конец нынешней колониальной структуре» [16]. Он подчеркивал, что посетил все административные единицы страны и убедился в том, что значительная часть британских чиновников настроена пропакистански, и это не может не вредить делу построения индийской государственности. «Единственный смелый ответ на вызов времени – немедленно заменить британский чиновничий корпус новой Индийской гражданской службой», – резюмировал он [16].

Выступая в Учредительном собрании 10 октября 1949 г., со свойственными ему дальновидностью и пониманием верховенства права, Патель сказал: «Индийский Союз не состоится, вы не объедините Индию, если не будет хорошей Всеиндийской службы, независимой, ответственной, думающей» [13, p. 97–98]. Патель считал «эффективную, дисциплинированную, компетентную службу «непременным условием надлежащего управления при демократическом режиме» [13, p. 97–98]. Конкурсный отбор для найма нового контингента чиновников не мог быть проведен

раньше июля 1947 г., но Патель не мог ждать так долго. Он принял решение начать с набора первой группы из числа демобилизованных военнослужащих. Его смелость граничила с риском, так как Британия еще не решила в тот момент, стоит ли и когда отречься от власти, хотя и объявила дату передачи власти. Он старался предотвратить любую возможную приостановку процесса управления страной, наступление муниципального хаоса. Преемственность службы должна была обеспечить поддержание правопорядка в стране, по факту уже находившейся в ситуации «общинной войны». Выступая в апреле 1947 г. перед первой группой чиновников-новобранцев, Патель подчеркивал значимость происходящей работы, называл ее «эпохальной», «безошибочным симптомом передачи власти индийцам» [6].

Индийская административная служба, по его словам, «знаменовала собой инаугурацию Всеиндийской службы, полностью управляемой индийцами и контролируемой Индией». Он, по сути, определял, профессиональный кодекс индийского чиновника: «Теперь административная служба будет свободной, станет выполнять свою истинную роль национальной службы, не будучи поглощенной традициями и привычками прошлого" [6]. Патель напутствовал испытуемых на конкурсном отборе: «Возможно, вам известны старые поговорки об Индийской гражданской службе, сложенные при британцах, – что, она – не Индийская, не гражданская, не проникнута духом служения... Ваши предшественники должны были служить проводниками чужих законов, для выполнения указаний иностранных работодателей. А настоящий гражданский служащий не может себе позволить и не должен принять участие в политике. Он не должен втягивать себя в общественные споры. Отойти от беспристрастного служения закону в любом из этих аспектов для госслужащего означает унизить государственную службу и понизить ее достоинство" [6].

В качестве министра внутренних дел Патель был обязан эффективно решать проблемы, с которыми сталкивается страна, как политические, так и административные. Его консервативное начало, в хорошем смысле этого слова, соединилось с деятельной креативностью. Трудности переходного периода, вызванные уходом англичан из Индии и «выводом из оборота» того обученного персонала чиновников, который обладал всей властью в течение ста лет, усугублялись последствиями раздела в августе 1947 г., огромными человеческими потрясениями и страданиями, повышенной криминогенностью общества, которые Патель не мог предотвратить.

По образцу британской Индийской гражданской службы колониальных времен в независимой Индии были созданы собственные административные структуры[1]:

1) Индийская административная служба;

2) Индийская полицейская служба.

[1] В 1976 г. была образована Всеиндийская юридическая служба.

Набор и условия службы лиц, назначаемых на государственные должности, регулировались актами парламента и легислатур, с соблюдением соответствующих положений Конституции 1950 г. [3, с. 423–555] Для проведения экзаменов на местах на замещение должностей в службах Индийского Союза и административных единиц, создавались комиссии по делам государственных служб. Условия работы членов и персонала таких комиссий определялись президентом страны. Таким образом, при Пателе была заложена собственно база для создания стройной системы управления Индией в будущем.

Он обратился к тем чиновникам бывших колониальных административных структур, которые изъявили готовность служить свободной Индии. Британцы, по сути, бросили их на произвол судьбы, а новые власти, премьер-министр Неру и левые конгрессисты открыто демонстрировали свою враждебность к ним как к классу. Патель же, в начале 1947 г., пригласил в свою резиденцию несколько десятков бывших высокопоставленных государственных служащих и, к большому их удивлению, говорил с ними в патриотической и реалистической манере. Патель предложил им «посвятить себя служению родной стране». Он не обещал им взамен ничего большего, чем «радость, которую он и его коллеги испытывают служа независимой Индии» [9]. Он призвал их применить их опыт на благо отечества, предложил им «равенство» с новым поколением госслужащих, «если только они тоже будут работать так же неустанно и неустанно, как он и его коллеги, будь то в правительстве или вне его, для народа страны» [9].

Как администратор, Патель был образцом для подражания. Он вел свою работу в основном из своей резиденции, давал указания своим секретарям, которые являлись к нему для получения приказов. Он всегда поддерживал их. У него была фотографическая память. Он никогда не сомневался в верности служащих своего детища – Индийской гражданской службы, ценил их работу, защищал их. В одном из выступлений в Учредительном Собрании он заявил о них: «Я должен признаться, что вас (госслужащих), с вашим патриотизмом, верностью, искренностью и способностями, сложно кем-либо заменить» [9]. Он, как никто, всегда предельно внимательно выслушивал все стороны и только потом принимал решение. Но когда решение было принято, Патель был прочнее камня. Не было тверже человека, умеющего сказать «нет» в ответ на просьбу, которую было невозможно выполнить или категорически воспрещалось выполнять. Госслужащим он запрещал участвовать в левых и леворадикальных политических организациях. 1 февраля 1950 г. правительство Индии запретило всем государственным служащим принимать участие в деятельности коммунистической партии, революционно-социалистической организации, индусской Хунду Махасабхи и ее радикального молодежного крыла РСС, Всеиндийского конгресса профсоюзов [2, л. 8]. Неру писал о Пателе в этой связи:

«Возможно, во всей Индии у Ганди не было более преданного соратника, чем Валлабхаи, – человека сильного и несгибаемого в своей работе, и все же преданного ему лично и своим идеалам в политике» [12, p. 287]. Неру был, как описывал его Ганди, более британским, чем индийским, в своих мыслях и образе. Патель же был по рождению крестьянином и был ближе к Ганди, чем Неру.

Но в отличие от Ганди и Неру, Патель был абсолютным прагматиком, и его дарование проявлялось в умении успешно вести сложные государственные дела даже тогда, когда лидеры Конгресса опускали руки. Правдивы слова индийского историка Кришны: «И если Махатма Ганди, как оракул, вдохновил массы, то именно Валлабхаи Патель превратил их в боевую силу как для свержения британского господства, так и для построения демократической независимой Индии» [10, p. 503]. Уникальный успех Пателя как партийного и государственного деятеля был обусловлен его железной волей, сочетавшейся с подлинным демократизмом и гибкостью ума. Он не был ни скрытным интриганом, ни страстным идеологом. Он был суровым реалистом. Его гибкость помогала ему вырабатывать нужную стратегию и тактику для каждого конкретного исторического момента, при всем том он не изменял своей генеральной линии на создание сильного демократического государства в Индии. За все это его называли «Железным Человеком».

Источники и литература

1. Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. История Индии. М.: Дрофа, 2010. 541 с.
2. Архив внешней политики МИД Российской Федерации. Ф. 090. Оп. 8а. П. 19. Д. 47.
3. Конституция Индии 1950 г. // Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: Волтерс Клувер, 2006. 584 с.
4. Черешнева Л. А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии 1947 г. М.: Восточная литература, 2012. 391 с.
5. Юрлов Ф. Н. От восхода до заката. Династия Неру-Ганди. Кн. 1. Мотилал и Джавахарлал. М.: ИВ РАН, 2015. 520 с.
6. The Bombay Chronicle. 1947. April 21.
7. The Constituition of India. Encyclopaedia of Indian Government and Politics. In 10 vols. Vol. 2. Jaipur: Pointer Publishers, 2000. 789 p.
8. Constitutional Relations between Britain and India, 1942 – 47 / ed. by N. Mansergh. In 12 Vols. Vol. 11. London: Her Majesty's Stationery Office, 1982.
9. The Indian Express. 1966. September 8.
10. Krishna B. Sardar Vallabhbhai Patel: India's Iron Man. New Delhi: INDUS, 1995. 567 p.
11. National Archives of India. Government of India. Ministry of States, 1949. Branch Hydarabad. File №11(1)-H.
12. Nehru J. Autobiography. London: The Bodley Head, 1936. 672 p.
13. Nehru B.K. Thoughts on Our Present Discontents. New Delhi: Allied Publishers, 1986. 297 p.
14. Sardar Patel's Correspondence 1945–1950. In 10 vols. Vol. 4, 10. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1972, 1973.
15. The Statesman. 1950. December 16.
16. The Times (London). 1946. October 23.

References

1. Alaev L. B., Vigasin A. A., Safronova A. L. Istoriya Indii *(History of India).* Moscow: Drofa, 2010. 541 p. (In Russian).
2. Archives of Foreign Policy of the Ministry of External Affairs of the Russian Federation. F. 090. Inv. 8a. P.19. D.47. (In Russian).
3. Konstituciya Indii 1950 g. // Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv *(Constitutions of the Foreign Countries)* / compiled by V. V. Maklakov. Moscow: Volters Kluver, 2006. 584 p. (In Russian).
4. Chereshneva L. A. Raduga nad Krasnym fortom: razdel kolonial'noj Indii 1947 g. *(Rainbow over the Red Fort: Partition of the Colonial India in 1947).* Moscow: Vostochnaya literatura, 2012. 391 p. (In Russian).
5. Yurlov F. N. Ot voskhoda do zakata. Dinastiya Nehru-Gandi. Kn. 1. Motilal i Dzhavaharlal *(From Sunrise to Sunset. The Dynasty of The Nehru-Gandhi. kn. 1. Motilal and Jawaharlal).* Moscow: Institute of oriental studies of RAS publ., 2015. 520 p. (In Russian).
8. The Bombay Chronicle. 1947. April 21.
9. The Constituition of India. Encyclopaedia of Indian Government and Politics. In 10 vols. Vol. 2. Jaipur: Pointer Publishers, 2000. 789 p.
8. Constitutional Relations between Britain and India, 1942 – 47 / ed. by N. Mansergh. In 12 Vols. Vol. 11. London: Her Majesty's Stationery Office, 1982.
9. The Indian Express. 1966. September 8.
10. Krishna B. Sardar Vallabhbhai Patel: India's Iron Man. New Delhi: INDUS, 1995. 567 p.
11. National Archives of India. Government of India. Ministry of States, 1949. Branch Hydarabad. File №11(1)-H.
12. Nehru J. Autobiography. London: The Bodley Head, 1936. 672 p.
13. Nehru B.K. Thoughts on Our Present Discontents. New Delhi: Allied Publishers, 1986. 297 p.
14. Sardar Patel's Correspondence 1945–1950. In 10 vols. Vol. 4, 10. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1972, 1973.
15. The Statesman. 1950. December 16.
16. The Times (London). 1946. October 23.

УДК 93/94

Д. Ю. Ющенко

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕДИКО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВЕТСКИХ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В 1956–1991 ГОДАХ

Исследуются актуальные проблемы бытового и медицинского обеспечения советских осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях в период с 1956 по 1991 гг., когда получила развитие и функционирование система исправительно-трудовых колоний взамен ранее существующей – главному управлению лагерей.

Автором на основании анализа архивных документов и материалов специальной периодической литературы, в том числе содержащих результаты ведомственных (органами прокуратуры) и иных (наблюдательными комиссиями) проверок мест лишения свободы выявляются особенности и проблемы, имеющими место в связи с проводимой советским государством пенитенциарной (исправительно-трудовой) политики в сфере бытового и медицинского обеспечения советских осужденных в исследуемый период и ее влияния на микросоциальные условия отбывания наказаний.

Среди проблем особо отмечаются: затяжной характер развития экстенсивного пути оказания медицинской помощи осужденным исправительно-трудовых колоний, что дает в основном количественный, а не качественный эффект в медицинском обслуживании в целом; вхождение лечебных учреждений в состав исправительно-трудовых колоний, что влекло изменения в административном руководстве учреждением (вместо врача начальник колонии) и, как следствие, снижения уровня медицинского и бытового обеспечения осужденных; необходимость повышения квалификации врачей и среднего медицинского персонала, а также иного кадрового персонала в самом исправительном учреждении; намеренные членовредительства осужденных в целях получения более комфортных условий отбывания наказания и освобождения от обязательных работ.

В этой связи, автором резюмируется вывод, что особенности, как и проблемы, медицинского и бытового обслуживания осужденных обуславливаются совокупностью ряда факторов, вытекающих как из взаимоотношений администрации (сотрудников) исправительных учреждений и спец контингента (в том числе нарушающих режим отбывания наказания), так и в связи с проводимой государством политикой, направленной на использование практически бесплатной рабочей силы осужденных. Свою роль в исследуемом вопросе оказывали также и общественно-политические и социально-экономические факторы.

Ключевые слова: бытовое обеспечение, медицинское обеспечение, осужденный, пенитенциарная политика, советское государство, исправительно-трудовая колония.

D. Yu. Yushchenko

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF HEALTH AND SOCIAL SECURITY OF SOVIET PRISONERS IN INSTITUTIONS OF CONFINEMENT IN 1956–1991

The article studies actual problems of domestic and medical support of Soviet convicts that served sentences in correctional institutions in 1956-1991, when the system of correctional labor colonies was developed and functioning instead of the previously existing one – the main management of the camps.

On the basis of the analysis of archival documents and materials of the special periodic literature, including containing results of departmental (bodies of Prosecutor's office) and other (Supervisory commissions) inspections of places of imprisonment the author reveals the features and problems taking place in connection with the penitentiary (corrective-labor) policy pursued by the Soviet state in the sphere of household and medical support of the Soviet convicts during the studied period and its influence on microsocial conditions of serving sentences.

The most significant are the following problems: the protracted nature of the development of an extensive way of providing medical care to convicts of correctional labor colonies, which gives mainly quantitative rather than qualitative effect in medical care in General; the entry of medical institutions into the correctional labor colonies, which led to changes in the administrative management of the institution (instead of the doctor head of the colony) and, as a consequence, the reduction of the level of medical and household support of convicts; the need to improve the skills of doctors and nurses, as well as other personnel in the correctional institution; intentional self-harm of convicts in order to obtain more comfortable conditions of serving sentences and exemption from compulsory work.

In this regard, the author summarizes the conclusion that features, as well as problems, medical and consumer services of convicts are caused by a set of factors arising both from the relationship of the administration (employees) of correctional institutions and special contingent (including those violating the regime of serving the sentence), and in connection with the policy pursued by the state, aimed at the use of virtually free labor of convicts. Socio-political and socio-economic factors also played a role in the issue under study.

Key words: domestic support, medical care, convicts, penitentiary policy, the Soviet state, correctional labor colony.

Положение осужденных в сфере материально-бытового и медицинского обеспечения в период с 1956 по 1991 гг. зависело от проводимой государством пенитенциарной политики, характерной особенностью которой было поэтапное реформирование, в том числе и микросоциальных условий отбывания наказаний.

Автором, проводимая государством пенитенциарная политика в исследуемый период, была проанализирована посредством ее отражения в архивных документах Государственного архива Российской Федерации и др., среди которых следует выделить такие, как: Справка о состоянии медико-санитарного обслуживания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР, являющаяся приложением к акту приема-передачи дел (Акт приема-сдачи ГУЛАГа МВД СССР от 14.06.1956 г.) [7, л. 1–17]; надзорные производства по делам различных осужденных [8, л. 6; 9, 3–5]; годовые отчеты о несчастных случаях, травматизме и профессиональных заболеваниях [2, л. 17, 57, 76].

Обращаясь к историографии вопроса, отметим, что предметом исследуемой тематики, если не касаться временных рамок, в основном была вторая четверть XX в., что нашло свое отражение, в том числе, в работах таких ученых, как: М. А. Большаков [4], В. В. Жученко [11], Н. Б. Портной [18], С. Ю. Чекулаев [27], посвященные периоду существования Главного управления лагерей (ГУЛАГ).

Некоторые авторы в своих исследованиях затрагивали и дореволюционный период, в частности: М. Н. Гернет [6], Л. Ф. Пертли [17], В. И. Алексеев [1] и др.

В тоже время, относительно периода существования Советского государства во второй половине XX столетия и постсоветского периода, комплексного исследования по настоящей тематике не проводилось. Имеются работы, лишь частично затрагивающие в исследуемый периода, в частности такими авторами, как: И. В. Упоров [24], Ю. В. Трофимова [23], Л. Ф. Пертли [16].

Обращаясь непосредственно к содержанию особенностей развития медико-бытового обеспечения советских осужденных в местах лишения свободы в 1956–1991 гг., отметим следующее.

В период, предшествующий исследуемому, в 1940–1950-х гг., в Советском Союзе набрал масштабы экстенсивный путь развития оказания медицинской помощи населению страны, что, в том числе, оказало положительное влияние и на организацию медицинского обеспечения осуждённых. Это позволило обеспечить практически повседневную, а главное, своевременную помощь всем отбывающим наказание осуждённым. Так, в вначале второй половины XX столетия, благодаря высокому уровню обеспечения врачебным персоналом, а также материальной базой, в том числе, койками; непрерывного снижения уровня инфекционной заболеваемости, а также заболеваемости социальными болезнями; повышения демографических показателей советская система здравоохранения, в том числе в местах лишения свободы, заслужила всеобщего признания [20, с. 233].

В тоже время, в связи с кризисными явлениями в экономике страны в 60-е гг. XX в., недостаточное финансирование отразилось на управлении и организации здравоохранения, что говорило об истощении прежнего направления развития здравоохранения по экстенсивному пути. Такое положение дел сподвигло государство на осуществление целого ряда организационных и экономических мероприятий экспериментального характера в отдельно взятых больницах, проводимых в 1967–1969, 1975–1977 и 1985–1987 гг., что, к сожалению, не нашло широкого применения в практической деятельности системы здравоохранения Советского Союза. В тоже время, со второй половины 1980-х гг. начинается процесс реформирования системы здравоохранения. Так, в период с 1987 по 1991 гг. осуществлялось внедрение нового хозяйственного механизма [5, с. 23–24].

Здесь стоит отметить, что экстенсивный путь развития медицинского обеспечения, который стал тупиковым для системы здравоохранения страны в целом, имел возможности для реализации в пенитенциарных учреждениях, так как последние отставали от общегосударственной системы обеспеченности лечебными учреждениями. В 1960-х гг. происходит рост учреждений, обеспечивающих лечение больных, в том числе в межобластных исправительно-трудовых колониях (лечебные исправительные учреждения), в которых размещались и трудоустраивались определённые категории осуждённых. Среди прочих: больные, требующие специального лечения, инвалиды, женщины и др., содержание которых по месту их жительства было невозможным и нецелесообразным [3, с. 64].

Отмечается, что в качестве основной структурной единицы в лечебном учреждении является медицинская часть, а её начальником в зависимости от того, относится ли она к общей системе здравоохранения или к ведомственной (пенитенциарной) системе – врач, или начальник исправительного учреждения. В этой связи высказывались предположения организации медицинской службы в едином комплексе в целях создания так называемой пенитенциарной медицины [13, с. 2–5].

Эти положения актуальны и на постсоветском этапе развития. Высказывалось предложения, что подобным учреждениям целесообразнее было бы быть под руководством Минздрава или находится в структуре независимой медицинской службы, не относящейся ни к системе МВД, ни Министерства юстиции [21, с. 409].

В тоже время нельзя оставить без внимания тот факт, что на материально-бытовые условия содержания осужденных оказывало влияние и то, что в 1970–1980-х гг. наблюдалось увеличение численности, содержащихся в колониях осужденных. Это было связано с расширением производственной деятельности в рамках исправительно-трудовой системы, а также с существовавшей системой организационно-штатного расписания, когда, для получения звания полковника началь-

нику исправительно-трудового учреждения надо было добиваться, чтобы во вверенном ему учреждении было не менее двух тысяч человек, а валовой объем выпускаемой продукции превышал десять миллионов рублей (по ценам того времени это мощность среднего предприятия в советской промышленности). Это положение усугублялось также и, так называемым, казарменным проживанием, когда в одном спальном помещении осужденных по-прежнему доходило до ста и более человек, что не могло не влиять на условия содержания и быт осужденных [26, с. 30].

Обращаясь к проводимой советским государством в 1956–1991 гг. пенитенциарной политике, следует отметить, что при ее формировании учитывались имеющиеся в исследуемой области и ряд иных проблем.

В частности, ряд проблем в медицинском обеспечении проистекали из того, что многие лечебные учреждения входили в состав исправительно-трудовых колоний, а не являлись самостоятельными учреждениями. Это отрицательно сказывалось на качестве оказания медицинских услуг, поскольку цели и задачи этих учреждений не совпадали. Руководством колоний, которым подчинялись больницы и медпункты, на первое место ставились задачи исполнения наказания, а не улучшения материальной базы лечебных учреждений, исправление осужденных, а не их лечение. Подчиненное положение руководителей «тюремных» больниц приводило к тому, что они не имели достаточных полномочий относительно находящихся на лечении осужденных, не могли самостоятельно решать вопросы организации функционирования возглавляемого ими лечебного учреждения, поскольку фактическими руководителями, как исправительно-трудовых колоний, так и самих лечебных учреждений, являлись начальники исправительно-трудовых колоний, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В тоже время, начальники исправительных учреждений при всей полноте единоначальной власти, практически не несли никакой ответственности за состояние и результаты лечебно-профилактической работы в вверенном им подразделении. Напротив, как отмечал начальник больницы управления исправительного трудового учреждения УВД Пермского облисполкома В.М. Ковалев, за это в полной мере отвечал начальник больницы при исправительном учреждении, который был ограничен в возможности влиять на положение дел, даже когда требовалось оперативное вмешательство в ситуацию [14, с. 35].

Негативное влияние административного фактора на медико-санитарное и бытовое обеспечение осужденных можно видеть и на иных примерах. Так, работник медицинской части одной из колоний Ростовской обл. Алехина в своей жалобе на заместителя начальника колонии Дорохова сообщала, что вследствие несвоевременного обеспечения заключенных вещевым довольствием многие из них болеют и не могут в связи с этим выходить на работу. Алехина приводила конкретный случай, когда Дорохов отменил выданное ею как врачом освобождение группе заключенных и под угрозой водворения в штрафной изолятор, направил их на работу. Несмотря на то, что указанные факты подтвердились, управление внутренних дел не приняло никаких мер воздействия в отношении Дорохова [25, с. 8].

Помимо прочего, анализ документов исследуемого периода показал, что имели место быть проблемы с такими социально опасными заболеваниями, как сифилис и туберкулез. Так, одной из причин распространения сифилиса среди осужденных была порочная практика мужеложства. Причем, как правило, насилию подвергались молодые осужденные под угрозой расправы в случае отказа. Отмечались также существовавшие трудностями в лечении болезни, в том числе и в связи с упорным нежеланием самих осужденных лечиться [7, л. 1–17].

Несмотря на общие успехи советской медицины по борьбе с таким опасным заболеванием, как туберкулез, для мест заключения эта проблема стояла очень остро. Во-первых, потому что в силу специфики контингента осужденных (маргинальные группы населения, алкоголики и наркоманы), заболевание получило широкое распространение. Во-вторых, из-за большого процента смертности среди заболевших. И, в-третьих, из-за высокой вероятности рецидива, то есть повторного заболевания этим недугом. В исправительных учреждениях осужденные находятся в близком контакте, что повышало риск заболевания туберкулезом. Сказывались и общие условиях труда и быта, скудость рациона питания. У осужденных особенно часто наблюдался туберкулез органов дыхания, в частности туберкулез легких. Особенностью данного вида заболевания является то, что оно представляет собой эпидемиологическую опасность, имеет трудности в лечении, для чего фтизиатрами страны постоянно изыскивались пути снижения рецидивов, совершенствовались методы диагностики, анализировалась эффективность лечения данной группы больных [22, с. 20].

Учитывая опасность туберкулеза, в исправительных учреждениях велась активная профилактика заболеваемости посредством обеззараживания хозяйственно-бытовых сточных вод. Требования противоэпидемического обеспечения обеззараживания вод выдвигали органы территориального государственного санитарного надзора, которые выдавали разрешение на открытие объектов только в случаях удовлетворения всех, предъявляемых для этого норм.

Руководством Министерства внутренних дел предпринимались меры по улучшению медпомощи данной группе больных. Осужденные переводились в специальные подразделения, где обеспечивались должные условия для их лечения. Но это далеко не всегда приводило к улучшению их состояния. Такая ситуация объяснялась тем, что среди больных туберкулезом, в том числе и в больницах, содержались также и так называемые «уголовники-рецидивисты», принадлежавшие к преступным группировкам, умышленно нарушавшие режим содержания и тем самым срывавшие

необходимые оздоровительные мероприятия. Администрация лечебных учреждений даже в таких ситуациях не имела возможности серьезно воздействовать на нарушителей режима, т.к. была ограничена в возможности применять дисциплинарные меры к осужденным, обладавшим статусом больного. Что касается уровня смертности в колониях и лагерях, то он составлял 5,3 осужденных на 1000 человек. Этот уровень можно было признать, как небольшой, если учесть, что примерно в это же время уровень смертности среди населения СССР составлял около 9 человек на тысячу. Обращалось внимание на значительное сокращение или ликвидацию смертности и заболеваемости по таким видам болезней, как туберкулез легких, цинга, пеллагра, педикулез, алиментарная дистрофия сыпной, возвратной и брюшной тифы. Также отмечалось общее удовлетворительное физическое состояние осужденных. Среди них, имеющих инвалидность на 1 января 1956 г. было 10,8 процента, а трудоспособных 89,2 процента, что, по нашему мнению, в реалиях того времени и уровня медицинской оснащённости, является высоким показателем [7, л. 1–17].

Однако необходимо отметить, что само понимание инвалидности в СССР использовало узкий смысл этого понятия, кроме того, «получить» инвалидность, особенно третьей группы, было не так просто, что приводило к определенному, порой искусственному снижению числа инвалидов. Так, согласно Инструкции по определению групп инвалидности 1956 г., группа инвалидности устанавливалась при наличии хронических заболеваний или анатомических дефектов, в тех случаях, когда возникшее нарушение функций организма препятствовало выполнению профессионального труда и приобрело устойчивый характер [12]. В Советском Союзе (да и в настоящее время в Российской Федерации) для инвалидов предусматривались три группы инвалидности, которые назначалась в зависимости от трудоспособности индивида. Медицинское освидетельствование проводилось врачебно-трудовыми экспертными комиссиями (ВТЭК) до 1985 г. с учетом профессии и характера работы индивида, а затем в зависимости от степени утраты трудоспособности, а также с учетом условий и видов труда, работ и профессий, доступных инвалидам по состоянию здоровья, а также условий и методов, при помощи которых нарушенная трудоспособность может быть восстановлена или повышена. Инвалиды должны были периодически проходить переосвидетельствование. До 1985 г. инвалиды I группы эту процедуру проходили один раз в год, а инвалиды II и III групп – один раз в полгода. С 1985 г. сроки увеличили в два раза.

Еще одной проблемой практической медицины в исправительных учреждениях была профилактика и лечение у осужденных раневой инфекции. В условиях постоянно меняющегося микробного пейзажа, прогрессирующего инфекционного госпитализма, увеличения числа токсико-аллергических и септических реакций отмечался рост числа больных среди спецконтингента с осложнениями и запущенными формами гнойных заболеваний пальцев и кистей рук, флегмон, парапроктитов и т.д. Основой профилактики и лечения раневой инфекции являлась ранняя радикальная хирургическая обработка ран [15, с. 43–48].

Следует отметить и то, что исследователями отмечалось, что благодаря усилиям медицинских работников и проведению в исправительно-трудовых учреждениях профилактических мероприятий, значительно снизилась заболеваемость и смертность среди заключенных. Была поставлена задача полной ликвидации нервно-психических и инфекционных заболеваний в исправительных учреждениях. Также отмечалось и то, что успешное решение данной задачи невозможно без высококвалифицированных медицинских кадров [19, с. 26].

В этой связи первостепенное значение приобретал вопрос о повышении квалификации врачей и среднего медицинского персонала, в особенности в свете того, что с каждым годом в исправительных учреждениях наблюдался рост молодых, еще не имеющих достаточного опыта специалистов данной категории работников. Такое повышение квалификации, а также специализации врачей осуществлялось в одиннадцати институтах усовершенствования при Министерстве здравоохранения СССР, которые комплектовали курсы в соответствии с заявками областных и краевых отделов здравоохранения, республиканских министерств и различных ведомств.

Несмотря на такую административно-командную систему формирования подготовки кадров, она, все же, имела проблемы. Так, в заявках, предоставляемых руководителями некоторых мест заключения, не учитывались потребности лечебных учреждений в ряде специалистов. В частности, управление мест заключения УВД Пермского облисполкома на 1960 г. представило заявку, в которой не было предусмотрена подготовка дермато-венерологов, психиатров, невропатологов, когда именно в этих специалистах имелся недостаток. Схожая ситуация в подготовке врачей наблюдалась и в управлении мест заключения УВД Иркутского облисполкома, что видно из представленной ими заявки на 1960 г., которая предусматривала усовершенствование только педиатра и фармацевта, когда большой отряд медицинских работников лечебных учреждений остался вне поля зрения управления мест заключения [19, с. 26].

Здесь можно полагать, что руководителям исправительно-трудовых учреждений необходимо было со всей серьёзностью относиться к составлению заявок, точнее учитывать потребности в специалистах-врачах широкого и узкого профилей, а также среднего медицинского персонала. Данный опыт необходимо учитывать и в проводимой государством на современном этапе пенитенциарной политике.

В исследуемый период в сфере медицинского обеспечения осужденных применялась такая форма подготовки врачей узких специальностей и повышения квалификации врачей широкого

профиля (хирургов, терапевтов и пр.), как прикомандирование их к больницам, располагающим высококвалифицированными специалистами. Данная форма являлась приемлемой в свете того, что была доступна каждому врачу и удобна для тех, кто по тем или иным причинам не имел возможности выехать за пределы своего региона. Кроме того, что наиболее важно, врач по окончании учебы повседневно поддерживал деловую связь с квалифицированными врачами клиники или больницы, получая очную или заочную консультацию, и тем самым продолжал совершенствоваться в своих знаниях. Так, отмечалось, что опыт управления мест заключения УВД Архангельского, Саратовского, Свердловского облисполкомов свидетельствовали о необходимости более широкого распространения этой формы учебы медицинских работников. В тоже время, в таких регионах советского государства, как Башкирская и Татарская АССР, Иркутская и Пермская области, а также Краснодарский край, исправительно-трудовые учреждения не использовали для подготовки врачей богатые возможности клиник и больниц медицинских институтов. В частности, в центральной больнице [19, с. 26–27].

Наиболее массовыми формами повышения квалификации медицинских работников также являлись такие формы, как семинары, клинико-диагностические и паталого-анатомические конференции, общебольничные научные конференции и кустовые совещания врачей и среднего медицинского персонала. Такие формы, в частности конференции, давали возможность медицинским работникам не только ознакомиться с новыми методами диагностики и лечения, но и способствовали решению многих организационных вопросов.

В тоже время, обращаясь к анализу архивных документов, содержащих результаты проверок прокуратурой мест лишения свободы, следует отметить, что данные этих проверок носят противоречивый характер.

С одной стороны, выявляются нарушения бытового и медицинского обеспечения осужденных. С другой, жалобы осужденных зачастую не подтверждаются, либо они намеренно причиняют себе вред посредством членовредительства.

Так, большинство изученных нами жалоб показывает необоснованность претензий, осужденных на якобы незаконные действия медиков, отказ от признания их больными и т.д. Стремление многих из жалобщиков представить себя больными объясняется просто – режим в лечебных учреждениях был мягче, чем в обычных условиях колонии, наличие инвалидности предоставляло определенные «льготы», например, ограничения или освобождение от труда и т.д. Для достижения своих целей жалобщики использовали все доступные средства, включая и такие радикальные, как голодовки и членовредительства (вскрытие вен, повреждение глаз и другие самоповреждения тела) [8, л. 6; 9, л. 3–5].

Помимо жалоб и заявлений, поступающих, как от осужденных, так и от самих сотрудников учреждений, на наличие недостатков в рассматриваемой сфере указывали и данные проверок исправительно-трудовых колоний наблюдательными комиссиями. Так, одной из таких наблюдательных комиссий, обследовавшей санитарное состояние расположенной там колонии, был обнаружен ряд недостатков. Отмечалось, что помещения в учреждении плохо проветривались, в общежитиях допускалось курение, в цехе резиновых изделий промзоны было грязно и здесь также требовалось наладить вентиляцию, в колонии мало уделялось внимания пропаганде здорового быта, требовалось также улучшить качество приготовления пищи [10, с. 32].

Следует указать, что на травматизм и общее состояние здоровья осужденных влияли и условия, в которых проходила трудовая деятельность осужденных. Статистическая отчетность учреждений показывает, что часть осужденных, и порой не малая, была вынуждена работать в условиях воздействия вредных производственных факторов. Среди них называются следующие:

1) повышенный уровень шума и вибрации на рабочих местах;

2) большая запыленность и загазованность воздушной среды производственных помещений;

3) недостаточная освещенность рабочих мест;

4) повышенная температура (летний период);

5) пониженная температура (зимний период);

6) высокая влажность воздуха;

7) иные вредные условия труда [2, л. 17, 57, 76].

В отчетах комиссий фиксировались не только недостатки, но и положительные примеры. Так отмечались, что медицинские работники одной из колоний Мурманской области уделяют много внимания пропаганде среди заключенных здорового быта и санитарно-гигиенических знаний. Личный состав медсанчасти регулярно читает лекции, проводит групповые и индивидуальные беседы с осужденными о вреде алкоголя и курения, о лично гигиене, о мерах предупреждения различных заболеваний и др. [19, с. 26–27].

Обращаясь к состоянию и особенностям медицинского обеспечения осужденных в ИТК в исследуемый период, следует отметить, что к концу 1980-х гг., в сфере организации медицинского обеспечения в местах лишения свободы назрели определенные перемены, вызванные имеющимися проблемами.

В связи с этим актуальными направлениями исследований медицинской сферы, проводимых медицинскими и научными работниками системы МВД и ИТУ стали организация здравоохранения, больничная, фтизиатрическая, противоэпидемическая помощь. Публиковались научные труды, посвященные изучению медико-биологических особенностей спецконтингента ИТУ, совершенствованию системы управления медицинскими частями ИТУ, применению различных методов лечения в терапевтической и хирургической практике, проблемам борьбы с туберкулезом и противоэпидемическому обеспечению ИТУ [15, с. 43–48; 22, с. 19–23].

Таким образом, резюмируя, следует отметить, что проблемы бытового и медицинского обеспечения советских осужденных в 1956–1991 гг. характеризовались проводимой государством пенитенциарной политики, что обуславливалось рядом факторов, как административного порядка, так и проявляющихся в результате провокационных действий самих осужденных. Это позволяет сделать вывод о противоречивом, или множественном характере исследуемых проблем. С одной стороны, проблемы бытового и медицинского обеспечения осужденных характеризовались выявленными нарушения сотрудников исправительно-трудовой системы. С другой, жалобы осужденных зачастую не подтверждались, либо их действия были направлены на намеренное причинение себе вреда посредством членовредительства, что позволяло таким осужденным рассчитывать на более комфортные условия и режим отбывания наказания, находясь на лечении. Помимо прочего, на медико-бытовое обеспечение осужденных оказывали и ряд факторов общественно-политического и социально-экономического характера.

Источники и литература

1. Алексеев В. И. Формирование российской пенитенциарной политики и ее источников (1879–1917) // Журнал российского права. 2010. №7. С. 92-98.

2. Архив УВД Псковской области. Ф. 31. Оп. 26. Арх. 31 Инв. 132. Д.55.

3. Беляев Н. А. Избранные труды / Н. А. Беляев. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). 567 с.

4. Большаков М. А. Организационно-правовые основы материально-бытового и медицинского обеспечения заключенных в системе исправительно-трудовых лагерей (1929–1956 гг.): дисс... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 160 с.

5. Братановский С. Н., Кизилов В. В. Правовое регулирование организации и деятельности медицинских учреждений в России / под ред. Братановский С. Н. Саратов: СГУ, 2005. 112 с.

6. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 1762–1825. Том 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. 357 с.

7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 258.

8. ГАРФ. Ф.8131. Оп.28. Д.4641.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.8131. Оп.33. Д.1264.

10. Ефимов М. Наблюдательные комиссии за работай // К новой жизни. 1960. №2. С.32.

11. Жученко В. В. Условия жизни заключенных советских исправительно-трудовых лагерей (1929–1941 гг.): дисс. ... канд. иист. наук. М., 2006. 192 с.

12. Инструкция по определению групп инвалидности (утв. Минздравом СССР 01.08.1956, ВЦСПС 02.08.1956). Документ опубликован не был // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6231#0705838809518466 (Дата обращения: 08.09.2018).

13. Кирсанов В., Никольский Ю. Пенитенциарная медицина. Какой ей быть? // Воспитание и правопорядок. 1989. №9. С. 2-5.

14. Ковалев В. М. Больница для осужденных как самостоятельное ИТУ // Исправительно-трудовые учреждения. Бюллетень Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. 1980. №10. С. 35.

15. Москалюк В. Н., Чевтаев А. М., Наумов Н. В., Комаров Е. Г. Применение полупроницаемых мембран в лечении хирургической инфекции и проктологии // Опыт практической деятельности медицинских подразделений ИТУ: Сб. статей № 9 / сост. С.А. Кулик. Домодедово: [б.и.], 1991. С. 43-48.

16. Пертли Л. Ф. Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. 189 с.

17. Пертли Л.Ф. Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской империи (1879 г. – февраль 1917 г.): дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 181 с.

18. Портной Н. Б. Труд заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР: организация и правовое регулирование: 1929–1956 гг.: дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 174 с.

19. Рыбкин П. Неотложное дело. Больше внимания повышению внимания квалификации медицинских работников // К новой жизни. 1960. №3. С. 26-27.

20. Скиба А. П. Пенитенциарные больницы: организационно-правовые и исторические аспекты. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. 310 с.

21. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О нарушениях прав граждан сотрудниками МВД РФ и УИС РФ // Защита прав граждан. М.: Юридическая литература, 2001. 511 с.

22. Стариков А. Н. Расчет потребности в койках туберкулезного профиля в исправительно-трудовых учреждениях / Опыт практической деятельности медицинских подразделений ИТУ: Сб. статей № 9 / сост. С. А. Кулик: Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1991. С. 19-23.

23. Трофимова Ю. В. Правовое регулирование статуса осужденных к лишению свободы (1969–2006 гг.): историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 243 с.

24. Упоров И. В. Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII–XX вв.: дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2001. 515 с.

25. Федоров Ю. Это не терпимо. Решительно пресекать бюрократическое отношение к письмам, заявлениям и жалобам // К новой жизни. 1960. №9. С. 8.

26. Хребтов В. Воспитание осужденных в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Человек: Преступление и наказание. 1995. №2. С. 30.

27. Чекулаев С. Ю. Режим содержания заключенных в ИТЛ и ИТК: организационные и правовые основы: 1929–1956 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. 177 с.

References

1. Alekseev V. I. Formirovanie rossijskoj penitenciarnoj politiki i ee istochnikov (1879–1917). *(Formation of the Russian Penitentiary Policy and Its Sources*) // Journal of Russian law. 2010. No.7. P.92 – 98. (In Russian).

2. Archive of the Department of internal Affairs in Pskov region. F. No.31. Op. №26. Arkh.31 Inv.132. D.055. (In Russian).

3. Belyaev N. A. Izbranny`e trudy` (Selected Works). St.Petersburg: Yurid. centr Press, 2003 (Akad. tip. Nauka RAN). 567 p. (In Russian).

4. Bol`shakov M. A. Organizacionno-pravovy`e osnovy` material`no-by`tovogo i medicinskogo obespecheniya zaklyuchenny`x v sisteme ispravitel`no-trudovy`x lagerej (1929–1956 gg.) *(Organizational and Legal Basis of Material and Medical Support of Prisoners in the System of Correctional Labor Camps):* thesis. Vladimir, 2004. 160 p. (In Russian).

5. Bratanovskii S. N., Kizilov V. V. Pravovoe regulirovanie organizatsii i deyatel'nosti meditsinskikh uchrezhdenii v Rossii *(Legal Regulation of Organization and Activity of Medical Institutions in Russia)* / ed by Bratanovskii S.N. Saratov: SSU publ., 2005. 112 p. (In Russian).

6. Gernet M. N. Istoriya czarskoj tyur`my` *(The History of the Royal Prison)* 1762–1825. Vol. 1. Moscow, 1951. 357 p. (In Russian).

7. State archive of the Russian Federation (GARF). F.9414. Inv.1. D.258. (In Russian).

8. GARF. F.8131. Inv.28. D.4641. (In Russian).

9. GARF. F.8131. Inv.33. D.1264. (In Russian).

10. Efimov M. Nablyudatel'nye komissii za rabotai *(Supervisory Commissions for Work)* // K novoi zhizni. 1960. No. 2. P. 32. (In Russian).

11. Zhuchenko V. V. Usloviya zhizni zaklyuchenny`x sovetskix ispravitel`no-trudovy`x lagerej (1929–1941 gg.) *(Living Conditions of Prisoners of Soviet Labor Camps (1929–1941):* thesis. Moscow, 2006. 192 p. (In Russian).

12. Instruktsiya po opredeleniyu grupp invalidnosti *(Instruction on Determination of Groups of Disability)* (utv. Minzdravom SSSR 01.08.1956, VTsSPS 02.08.1956). Dokument opublikovan ne byl URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6231#0705838809518466 (Accessed: 08.09.2018). (In Russian).

13. Kirsanov V., Nikol'skii Yu. Penitentsiarnaya meditsina. Kakoi ei byt' *(Penitentiary Medicine. What Should It Be)?* // Vospitanie i pravoporyadok. 1989. No.9. P. 2-5. (In Russian).

14. Kovalev V. M. Bol'nitsa dlya osuzhdennykh kak samostoyatel'noe ITU. Ispravitel'no-trudovye uchrezhdeniya. Byulleten' Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta MVD SSSR *(Hospital for Convicts as an Independent IUT. Correctional and Labor Institutions. Bulletin of the All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs).* 1980. No.10. P.35. (In Russian).

15. Moskalyuk V. N., Chevtaev A. M., Naumov N. V., Komarov E. G. Primenenie polupronitsaemykh membran v lechenii khirurgicheskoi infektsii i proktologii *(The Use of Semi-Permeable Membranes in the Treatment of Surgical Infections and Proctology)* / Opyt prakticheskoi deyatel'nosti meditsinskikh podrazdelenii ITU: Sb. statei №9 / composed by S.A. Kulik. Domodedovo, 1991. P. 43-48. (In Russian).

16. Pertli L.F. Pravovoe regulirovanie material`no-by`tovogo obespecheniya osuzhdenny`x v uchrezhdeniyax UIS Rossii *(Legal Regulation of Material and Domestic Support of Convicts in the Institutions of the Russian Federation):* thesis. Moscow, 2006. 189 p. (In Russian).

17. Pertli L. F. Pravovoe regulirovanie uslovij soderzhaniya zaklyuchenny`x v Rossijskoj imperii (1879 g. – fevral` 1917 g.) *(Legal Regulation of the Conditions of Detention of Prisoners in the Russian Empire (1879 – February 1917):* thesis. Vladimir, 2011. 181 p. (In Russian).

18. Portnoj N. B. Trud zaklyuchenny`x v ispravitel`no-trudovy`x lageryax SSSR: organizaciya i pravovoe regulirovanie. 1929–1956 *(Labor of Prisoners in Labor Camps of the USSR: Organization and Legal Regulation. 1929–1956):* thesis. Vladimir, 2008. 174 p. (In Russian).

19. Rybkin P. Neotlozhnoe delo. Bol'she vnimaniya povysheniyu vnimaniya kvalifikatsii meditsinskikh rabotnikov *(Urgent Matter. More Attention to Improving the Skills of Health Workers)* // K novoi zhizni. 1960. No.3. P. 26-27. (In Russian).

20. Skiba A. P. Penitentsiarnye bol'nitsy: organizatsionno-pravovye i istoricheskie aspekty *(Penitentiary Hospitals: Organizational, Legal and Historical Aspects)*. Ulan-Ude: Buryatskii state university, 2007. 310 p. (In Russian).

21. Spetsial'nyi doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF «O narusheniyakh prav grazhdan sotrudnikami MVD RF i UIS RF *(Special Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation "On violations of the Rights of Citizens by Employees of the Interior Ministry and the Penal System of the Russian Federation)* // Zashchita prav grazhdan. Moscow: Yur. lit., 2001. 511 p. (In Russian).

22. Starikov A. N. Raschet potrebnosti v koikakh tuberkuleznogo profilya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh *(Calculation of Need in Beds of TB Profile in Corrective Institutions)* // Opyt prakticheskoi deyatel'nosti meditsinskikh podrazdelenii ITU. Domodedovo: VIPK MVD SSSR, 1991. P. 19-23. (In Russian).

23. Trofimova Yu. V. Pravovoe regulirovanie statusa osuzhdenny`x k lisheniyu svobody` (1969–2006 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie *(Legal Regulation of the Status of Persons Sentenced to Imprisonment (1969–2006):* Historical and Legal Research): thesis. Moscow, 2008. 243 p. (In Russian).

24. Uporov I. V. Istoricheskij opy`t formirovaniya i realizacii penitenciarnoj politiki Rossii v XVIII–XX vv. *(Historical Experience of Formation and Realization of Penitentiary Policy of Russia in XVIII–XX Centuries)*: thesis. Krasnodar, 2001. 515 p. (In Russian).

25. Fedorov Yu. Eto ne terpimo. Reshitel'no presekat' byurokraticheskoe otnoshenie k pis'mam, zayavleniyam i zhalobam *(This is not Tolerable. Resolutely to Stop Bureaucratic Attitude to Letters, Statements and Complaints)* // K novoi zhizni. 1960. No.9. P. 8. (In Russian).

26. Khrebtov V. Vospitanie osuzhdennykh v usloviyakh reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy *(Education of Convicts in the Conditions of Reform of the Penal System)* // Chelovek: Prestuplenie i nakazanie. 1995. No. 2. P. 30. (In Russian).

27. Chekulaev S. Yu. Rezhim soderzhaniya zaklyuchenny`x v ITL i ITK: organizacionny`e i pravovy`e osnovy`: 1929–1956 gg. *(The Regime for Prisoners in the ITL and ITK: an Organizational and Legal Framework: 1929–1956 gg.)*: thesis. Vladimir, 2010. 177 p. (In Russian).

УДК 94(47+57) ”1917/1991”

Ю. А. Яхутль

ПРОБЛЕМЫ РЫНОЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929 гг.) (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНА И КУБАНИ)

Новая экономическая политика, принятая на X съезде РКП(б) в 1921 г. остается одной из проблемных вопросов в истории России. Интерес к ней вызван возможностью использования рыночных методов в сочетании с плановыми инструментами в ходе экономической модернизации. Проблемы переходного периода остаются актуальными и на современном этапе развития российского общества, так как важно знать и уметь использовать опыт прошлого. Экономические реформы, которые могли бы сочетать рыночные методы с политикой государственного регулирования становятся актуальными.

Уровень рыночных отношений в аграрном секторе экономики в системе нэпа определялся степенью активности государства в реализации продовольственной политики, земельных отношений и противостоянии советской власти зажиточной части крестьянства.

Новая экономическая политика на юге России, где преобладали особые формы землепользования, сформировались сословные противоречия была реализована под жестким контролем государства, которое исходило не из экономической целесообразности, а идеологических установок. Формирование новых земельных отношений, административные реформы, проводимые в течении 1920-х гг. в казачьих регионах юга преследовали цель максимального ослабления влияния казачества на приводимую политику большевиков. При этом следует учесть, что уровень развития казачьих хозяйств превосходил общероссийские средние показатели. В современной исторической науке особое место отводится региональному компоненту, формированию новых исторических знаний, изучению особенностей регионов. Интерес современных историков вызывают документы, к которым доступ был ограничен по определенным политическим и идеологическим причинам. Архивные материалы Дона и Кубани периода 1920-х гг. в настоящее время стали объектом активного изучения. Следует отметить, что после 1991 г. во многом изменились и методологические подходы, можно с уверенностью сказать, что исследователи потеряли интерес к марксистской модели новой экономической политики и во многом исследования опираются на разнонаправленные теоретические выводы в оценке нэпа.

Рыночные механизмы в системе нэпа работали под контролем государства, но не были гарантированы действующим законодательством и игнорировались по мере роста противостояния индивидуально-частных крестьянско-казачьих хозяйств и политических интересов большевиков.

Ключевые слова: новая экономическая политика, рыночный механизм, казаки, земельная реформа, большевики, Кубанский округ, Донская область.

Yu. A. Yakhutl’

PROBLEMS OF MARKET MODERNIZATION DURING THE NEW ECONOMIC POLICY (1921–1929) (ON THE MATERIALS OF THE DON AND THE KUBAN)

The new economic policy adopted at the X Congress of the RCP (b) in 1921 remains one of the problematic issues in the history of Russia. It is of interest as it provided the possibility of using market methods in combination with planned tools in the process of economic modernization. The problems of the transition period remain relevant at the present stage of development of the Russian society, as it is important to know and be able to use the experience of the past. Economic reforms that could combine market methods with government regulation policies are becoming relevant.

The level of market relations in the agricultural sector of the economy in the NEP system was determined by the degree of activity of the state in the implementation of food policy, land relations and confrontation of the Soviet power of the wealthy part of the peasantry.

The new economic policy in the South of Russia, where special forms of land use prevailed and class contradictions existed, were implemented under the strict control of the state, which did not come from economic expediency and ideological attitudes. The formation of new land relations, administrative reforms carried out during the 1920s in the Cossack regions of the South pursued the goal of maximum weakening of the influence of the Cossacks on the policy of the Bolsheviks. It should be noted that the level of development of Cossack farms exceeded the national average indicators. In modern historical science, a special place is given to the regional component, the formation of new historical knowledge, the study of regional characteristics. Modern historians are interested in documents to which access has been restricted for certain political and ideological reasons. Archival materials of the Don and the Kuban of the 1920s have now become the object of active study. It should be noted that after 1991, the methodological approaches have changed in many ways; it is safe to say that researchers have lost interest in the Marxist model of the new economic policy and, in many respects, research is based on multidirectional theoretical findings in the assessment of the NEP.

Market mechanisms in the NEP system worked under the control of the state, but were not guaranteed by the

current legislation and were ignored as the confrontation between individual private peasant-cossack farms and the political interests of the Bolsheviks grew.

Key words: the New Economic Policy, market mechanism, Cossack, land reform, bolsheviks, the Kuban district, the Don region.

Новая экономическая политика 1921 г. для России стала определенным потрясением, пережившая с февраля 1917 г. не один экономический эксперимент в рамках деятельности Временного правительства и Совета Народных Комиссаров РСФСР. Последующая история советской системы свидетельствует о неоднократных попытках реформирования экономики с использованием рыночных механизмов, которые не были реализованы в полном объеме. В современных условиях социально-экономических преобразований, вопрос применения рыночных методов в сочетании с плановыми инструментами в ходе экономической модернизации остается актуальным для переходного периода. Опыт нэпа востребован в контексте оценки уровня и степени участия государства в этом процессе.

Последствия и исторический опыт новой экономической политики как средство модернизации экономики переходного периода, в том числе и на региональном уровне, оказались невостребованными современными политическими элитами. Однако поиск путей из социально-экономического кризиса современной России вызывает интерес к историческому опыту экономических преобразований в 1920-х гг.

Аграрный юг России с особыми условиями землепользования и сословными противоречиями в 1920-х гг. стал ареной противостояния государства и частной инициативы, в которой административно-командная система доминировала с преобладающим идеологическим влиянием. Развитие экономических отношений в современной России связано с восстановлением институтов частной собственности, активного использования частнокапиталистических методов хозяйствования, индивидуализации сельскохозяйственной деятельности, что вызывает определенные проблемы как для самого частного бизнеса, так и общества.

В ходе изучения темы в научный оборот были вовлечены новые архивные материалы. Источниковая основа статьи включат в себя директивные и отчетные документы Кубанской и Донской окружной партийной организации, контролирующих и хозяйственных органов. В настоящее время уже исследован репрезентативный массив исторических источников, в котором отражены события 1920-х гг. в казачьих регионах юга России. Основная часть источников размещена в государственных архивах Ростовской области, Краснодарского края, которые были использованы при написании статьи. Наибольший интерес представляют фонды Государственного архива Краснодарского края «Кубано-Черноморский обком РКП(б)», «Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция» и «Донской окружной комитет РКП(б)» Государственного архива Ростовской области. Кроме этого следует выделить следующий вид источников, характеризующий ход и последствия экономических реформ 1920-х в казачьих регионах юга России: документы хозяйственных органов управления Кубани и Дона, статистические сборники и отчёты, информационные сводки и обзоры. Большая часть архивных фондов 1920-х гг. стали доступны для исследователей, что позволяет активно их использовать для оценки экономических процессов периода новой экономической политики.

Состояние экономики после Гражданской войны требовало принятие экстренных мер, хотя у большевиков существовали проекты продолжения политики «военного коммунизма» способного решить, по их мнению, вопрос социалистической реконструкции.

Политические события весны 1921 г. (Кронштадтский мятеж, протестные движения крестьян в Тамбовской, Воронежской областях, на юге России) окончательно убедили большевиков о необходимости изменения экономической политики. Системные социально-политические противоречия в российском обществе до критического обострили вопрос о сохранении политической власти большевиков.

Новая экономическая политика стала необходимой мерой временного характера, которая была направлена на выведения страны из кризиса [1]. Начатая реформа в экономике не затрагивала принципиальных основ политической системы Советской власти, что в конечном итоге предопределили её итоги. Главный вопрос новой экономической политики заключался в разрешении крестьянской темы во всем его многообразии. Именно этот вопрос стоял на повестке X съезда РКП(б), при том, что он был не основным и не первым.

Рассматривать аграрные отношения в рамках новой экономической политики лишь в аспекте решения вопроса продовольственного снабжения, передела земли, новых форм хозяйствования означало временный характер рыночных преобразований, их возможные перспективы при пассивном участии населения, которые привели в конечном итоге к установлению административно-партийной системы. Ставить вопрос о том, что было бы при сохранении базисных основ нэпа в определенной перспективе было бы нецелесообразно, так как в тех исторических условиях, в которых находилась Советская Россия по объективным причинам это было невозможно. Был ли вообще нэп, как механизм рыночной экономики, в особенности в аграрном секторе экономики, во многом определяется степенью проявлению этих признаков и ролью, и степенью участия государства. Принятие и декларирование рыночных методов хозяйствования не означало сиюминут-

ное их внедрение. С хронологической точки зрения рыночные отношения стали проявляться с 1923 г. и связано это было с введением в оборот твердой национальной валюты, формированием государственных институтов управления экономикой и главное, преобладанием частных торговых учреждений и заготовительных организаций, которые определяли свою деятельность исходя из конъюнктур рынка.

В исторической исследовательской литературе вопрос о характеристике нэпа как комплекса рыночных мероприятий вызывает острую дискуссию. В данном случае нас интересует как на уровне региональной экономики (Кубано-Черноморской (Кубанском округе с 1924 г.) и Донской области) реализовывались рыночные механизмы.

Наличие революционных лозунгов и установок, диктатуры как политической системы подразумевала и радикализацию содержания экономических реформ, тем более при тех объективных условиях, в которых развивалась советская экономика в 1920-х гг. [2].

Во многом результаты нэпа на Кубани и Черноморье определялись условиями землепользования, исторически сложившимся расселением, формированием населенных пунктов. Немаловажным фактором давления со стороны Советской власти на казачество было и административное реформирование. По состоянию на 1 октября 1924 г. в округе проживало 1.300 тыс. чел на территории 3.695 тыс. га (3.389 тыс. дес.). Административная реформа, проеденная в 1924 г., оказала существенное влияние на ход реформ в сельском хозяйстве. Одной из главных проблем для округа была многодворность. В округе населенных пунктов с численностью населения от 10.000 до 12.000 чел. насчитывалось 24 (20 % от общего числа населенных пунктов); численностью от 13.000 чел. до 16.000 – 9 (10,3 %); численностью от 7.000 до 10.000 чел. 25 (16,7 %). Как видно из приведенных данных, на поселения с числом жителей от 7 тыс. до 13 тыс. приходилось до 38 % всего населения, проживавшего в 58 населенных пунктах из общего их количества 597.

После проведенной административной реформы Кубанский округ был разделен на 18 районов, каждый размером до 200 тыс. га. при средней плотности населения 30,7 чел. на один квадратный километр в сельской местности.

Административному реформированию подвергался и Донской округ. После установления Советской власти на Дону в 1920 г. Область войска Донского была переименована в Донскую область с центром в Ростове-на-Дону. Область состояла из Ростовского, Сальского, Черкасского, 1-го Донского, Верхне-Донского, Донецкого, Усть – Медведницкого, Хоперского, 2-го Донского и с 1921 г. Морозовского округов. В апреле 1921 г. 2-й Донской, Усть-Медведицкий и Хоперский округа вошли в состав Царицынской губернии на основании декрета ВЦИК от 04.04.1921 «О включении в состав Царицынской губернии станиц и волостей Донской области». В марте 1923 г. было утверждено новое административное деление Донской области, в результате которой область объединила следующие округа: Сальский, Морозовский, Черкасский, Ростовский, 1 Донской и Донецкий. В июле 1924 г. Донская область как административная единица была упразднена. В результате районирования её территория была разделена на 4 округа: Ростовский (вскоре переименована в Донской), Сальский, Морозовский, Донецкий. Округа непосредственно подчинялись Юго-Восточному краю.

Особое значение на юге России имели формы землепользования и распределение их по назначению. В Кубанском округе из общего фонда земли до 71 % приходилось именно на пашню, что и определяло весь уровень развития сельского хозяйства. В результате проведенной реформы за период с 1921 г. по 1924 г. сельские общины получили значительное приращение в размере 780 тыс. га., а местные Советы владели резервом в 277 тыс. дес. Обеспеченность землей населения Кубанского округа из расчета на одно казачье хозяйство характеризовалось следующими данными: многоземельные от 28 до 33 га., к которым относились Горяче-Ключевской, Покровский районы и малоземельные от 6,5 до 9,7 га. Лабинский, Крымский районы. Притом что удобной земли в округе было 2.946,5 дес., а неудобной 442,9 дес. Обеспеченность населения землей из расчета на одну душу населения составляла 2,3 дес. земли [4, л. 130].

К 1924–1925 гг. землеустроительные работы были завершены на площади 1543.484 га. Это позволяло выделить достаточно большому количеству безземельных хозяйств наделы, провести мероприятия по расселению крупных станиц с целью решения вопроса дальноземелья, создание групповых отрубов и единоличных хозяйств. Социальные последствия этих мероприятий имели большее значение чем перераспределение земли. Эта политика приводила к размыванию казачьего сословия и лишала их преимуществ перед иногородними и крестьянами. Статистическая динамика с 1916 г. по 1925 г. свидетельствует о последовательном росте крестьянских хозяйств: 1916 г. 187.556 хозяйств; 1920 г. 200.740 хозяйств; 1923 г. 227.504 хозяйств; 1924 г. 234.624. Количество крестьянских хозяйств увеличилось на 47.068 единиц без учета переселенцев из южных губерний центральной России в количестве 4.390 хозяйств из расчета 5,1 душ на каждое хозяйство. Притом, что за этот период поголовье лошадей сократилось с 492.439 в 1916 г. до 346.305 в 1924 г. Таким образом в среднем на одно хозяйство приходилось менее одной лошади, а нагрузка на лошадь составляла до 8,5 дес. земли, в то время как в 1916 г. нагрузка составляла 3,4 дес. При такой оснащенности сельскохозяйственное производства не могло рассчитывать на интенсивное развитие и эффективное использование рыночных механизмов [5, л. 64]. Это был удел зажиточных казачьих хозяйств, использующих аренду земли, наем рабочей силы и способные реализовать товарную продукцию на местном рынке. Большинство зажиточных

казачьих хозяйств владели мельницами, маслобойнями, торговыми лавками, могли предоставлять товарную или денежную ссуду, арендовать дополнительные земельные наделы. Выборочный характер применения рыночных методов в сельском хозяйстве Кубанского округа не мог удовлетворить потребности государства в продовольствии. В критических ситуациях при сборе продовольственного налога государство использовало административно-политические методы (силовые), игнорируя действующее законодательство. Это была одна из главных причин, которая привела к преждевременному завершению экономических реформ.

Нарастающий новый слой предпринимателей, нэпманов не был гарантирован государством с точки зрения имущественных и политических прав. Противоречия периода нэпа, где применялись директивно-плановые методы в сочетании с рыночными провоцировали кризисы, которые повторялись ежегодно и в основе их был аграрный вопрос.

Восстановление основных показателей сельского хозяйства Кубанского округа и Донской области во второй половине 1920-х гг. не свидетельствовало о качественных изменениях в сельском хозяйстве, в первую очередь – качественном росте производительности труда. Относительное увеличение посевных площадей в Кубанском округе за период с 1920 г. с 900.000 дес. до 1.211.200 дес. в 1924 г. (1916 г. 1.369.990 дес.) было связано с ростом посевов технических культур [6, л. 132].

Основные показатели развития сельского хозяйства Кубани и Дона 1924 г. уступали контрольным цифрам 1916 г., кроме роста населения и числа казачье-крестьянских хозяйств. Казачье хозяйство по своему характеру представляло натурально-потребительское, неспособное к саморазвитию. Содержание проводимых реформ противоречили друг другу, с одной стороны, земельные мероприятия, основанные на принципах равенства, а с другой – внедрение рыночных механизмов. Государство выступало в интересах перевода индивидуально-крестьянских хозяйств в систему коллективных форм хозяйствования и одновременно, дозированно использовало рыночные механизмы стимулирования. Политика экономического либерализма не выдержала конкуренции с формирующейся административно-командной системой, где доминировали идеологические установки.

За период с 1920 г. по 1924 г. количество без посевных хозяйств в округе уменьшилось с 29,7 % до 15,1 % при росте середняцких хозяйств с 30,5 до 38,8 % и при относительно стабильном положении роста кулацких хозяйств от 15,5 % до 14,5 % за указанный период [7, л. 2].

Первая половина 1920-х гг. характеризуется ростом населения и числа крестьянских хозяйств при одновременном снижении числа сельскохозяйственного инвентаря и домашнего скота. Последствия периода 1914–1920 гг., голода 1921 г., сокращение рынка сбыта, земельная политика большевиков привели к снижению размеров казачьих хозяйств и формированию натурально-потребительского хозяйства.

Новая экономическая политика представляла собой комплекс практических, в том числе социально-экономических и культурно-идеологических мероприятий, нежели государственно-правовую концепцию развития на перспективу, что во многом предопределило дальнейшую судьбу нэпа. Новая экономическая политика, как альтернатива регламентированному планированию могла найти практическое применение в последующем, но только не в период послереволюционных событий и когда у власти находилась первая волна руководителей, состоящих из революционеров, воспринимающие реформы как продолжение революции, но в ином формате. Нэп был возможностью модернизации всего комплекса социально-экономических и общественных отношений, но не был реализован из-за идеологических установок и экономической целесообразности.

Ставка на хозяйственного мужика не должна была истолковываться как возможность политической реабилитации кулака. Гарантией сохранения политической диктатуры большевиков служили конституционные ограничения для той социальной группы, которая сформировалась в годы нэпа – нэпманы.

Состояние стагнации в сельском хозяйстве, связанное с низкими темпами восстановление посевных (зерновых культур) площадей, поголовья тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря с достаточной определенностью характеризовали и направления тенденций развития сельского хозяйства юга России. При всех экономических конъюнктурах казачьи хозяйства проявляли определенную долю приспосабливаемости и выживаемости. В частности, отсутствие легального сколько-нибудь развитого рынка вызвало сокращение промышленных культур и мясного продуктивного скота. Крепкие хозяйства в силу объективных причин сокращения рабочего скота, наемного труда сокращали площади под зерновые культуры, которые компенсировались развитием (ростом) огородничества, бахчеводства, имеющие в условиях юга тенденцию исключительно потребительский характер.

Рыночный оборот продукции сельского хозяйства в значительной части являлся результатом снижения потреблении сеющего населения и расходования основного капитала. Возможность капитализации при таких условиях была чрезвычайно сложной. Такое могли себе позволить наиболее зажиточные хозяйства. Благоприятные перспективы относительно развития площадей посевов, хорошие урожаи трех лет (1922–1924 гг.), осложнились значительным снижением сева озимых в 1925г., уменьшением поголовья рабочего скота, что было связано с неблагоприятными рыночными конъюнктурами 1923 г. Высокий уровень налогообложения легли основной тяжестью на середняцкие хозяйства Кубани и Дона.

Эволюция сельского хозяйства 1922–1924 гг. характеризовалась интенсивным развитием

посевных площадей, что объяснялось с одной стороны сокращением числа без посевных как результат землеустроительных работ, а с другой стороны значительным оживлением зажиточной части казачества в виду расширения рыночных отношений.

Осенью 1923 г. в стране разразился «кризис сбыта». При хорошем урожае крестьяне не имели возможность реализовать свою продукцию из-за низких цен на зерно и высоких на промышленные товары. Деревня стала задерживать сдачу хлеба по продналогу, а по стране прошли массовые выступления рабочих и крестьян. Государство вынуждено было пойти на уступки крестьянско-казачьей массе. В этот период произошли изменения в ценовой политике, была разрешена аренда земли и использование наемного труда. Немаловажным стимулирующим фактором развития крестьянского хозяйства был перевод продналога на денежный эквивалент в 1924 г. Данное решение стимулировало рост товарно-денежных отношений в аграрном секторе. Однако поддержка не рентабельных бедняцких хозяйств в рамках, проводимой социально-ориентированной политики не способствовало поступательному развитию крестьянско-казачьих хозяйств. Своеобразный культ бедности сопряженный с социальными обязательствами большевиков как последствие социалистической революции не мог поддерживать рыночные методы хозяйствования, так как в основе были политические и идеологические установки, а не экономическая целесообразность.

Предоставляя беднякам льготы при получении кредитов, при выплате налогов, снабжая их посевным материалом, сельскохозяйственным инвентарем государство не получало экономических дивидендов. При этом государство оказывало давление на хозяйства зажиточных казаков – кулаков за счет дополнительного налогообложения. По отношению к этим хозяйствам проводились уравнительные переделы земли, изымались, так называемы излишки земли, в пользу бедняцких хозяйств, что снижало их мощности и урожайность.

К середине 1920-х гг. наблюдался качественный перелом в сельском хозяйстве. Вместо крепких казачьих хозяйств (кулацкие хозяйства) общее количество которых было не столь велико, черты товарного хозяйствования приобретают середняцкие хозяйства. Одновременно растет количество коллективных советских хозяйств [8, л. 130–134]. Политика «ограничения кулачества» стало причиной снижения во второй половине 1920-х гг. товарности крестьянских хозяйств, их рыночной ориентации. По сравнению с довоенным уровнем, сократилась доля продукции, направляемой крестьянами на внутренний рынок. В 1926–1927 гг. крестьянские хозяйства Советской России потребляли до 85 % производимой продукции, что означало возврат к натуральному хозяйству. Отсутствие льготных кредитов, диспропорция цен на промышленные и сельскохозяйственную продукцию отрицательно влияли на развитие крестьянско-казачьих хозяйств. Для сельского хозяйства Кубанского округа было характерно, что 50 % произведенной продукции селяне оставляли для собственного потребления.

Рыночный оборот сельского хозяйства Кубанской области в 1924–1925 гг. был оценен в 21 млн руб. в то время как в 1916 г. этот показатель достигал 50 млн руб. Восстановление сельского хозяйства к середине 1920-х гг. не произошло, а состоялся относительный рост числа крестьянских хозяйств, ориентированных на собственное потребление.

Сельское хозяйство юга России к середине 1920-х гг. приобретало явно выраженные черты натурально-потребительского свойства. Крестьяне не были заинтересованы в расширении производства зерна и сырья для промышленности из-за постоянной инфляции [3].

Одновременно государство шло к очередному заготовительному кризису 1928–1929 гг.

Государство постоянно находилось в состоянии двойственности, когда с одной стороны сельское хозяйство основанная на индивидуально-частном хозяйствовании, а с другой, промышленность в большей части действующая на принципах государственной собственности и планово-распределительных принципах привели в конечном итоге к победе плановости и формированию административно-командной системы.

Тенденции развития региональной промышленности напрямую зависели от уровня развития сельского хозяйства. Вместе с тем многое определялось и промышленностью, так как темпы её восстановления влияли на развитие внутреннего рынка потребления. Наиболее полное состояние Кубанской промышленности дает учет предприятий, проведенный в 1920 г. В этот период было зарегистрировано 4500 предприятий. Две трети предприятий размещались на территориях сельских поселений. Промышленность округа представлена была преимущественно обрабатывающей отраслью. Наибольшее количество крупных предприятий располагались на территории Лабинского и Краснодарского районов.

Ведущей отраслью были пищевкусовая, представленная маслобойными и мельничными предприятиями. В этих отраслях насчитывалось 1242 предприятия. Большое значение имела степень распространения среди различных групп предприятий механических двигателей. На 1182 предприятиях применялись механические двигатели, в том числе на 692 (58 %), усовершенствованные механические двигатели, в основном в производстве пищевых продуктов. Следует отметить, что промышленные предприятия с механическими двигателями в большинстве своем располагались в сельской местности. На долю пищевкусовой промышленности приходилось свыше 31 % всех занятых рабочих в Кубанской промышленности. Промышленность области по структуре и техническому состоянию относилась к категории мелкой, кустарно-ремесленного типа. К моменту районирования, т.е. к 1 октября 1924/1925 гг. состояние промышленности характеризовалось следующими показателями: государственных

предприятий 54, из них в состоянии производственного цикла 46, с числом рабочих 3.667 раб., производящая валовую продукцию на сумму 1.363. тыс. руб. Кооперации на правах собственности принадлежало 4 предприятия с числом рабочих 218 чел., производящую продукцию на сумму 113.841 руб.; в арендном пользовании находилось 10 предприятий с числом работающих 233 чел., с производительностью 151.232 руб. В арендном пользовании у частных арендаторов находилось 47 предприятий с числом рабочих 844 чел., производившую продукцию на сумму 733.068 руб. Итого 115 предприятий с числом работающих 4.962 чел. производили продукцию на сумму 2.361.141 руб. Но при этом следует отметить, что на арендованных предприятиях выработка на 1-го работающего составляла 1.172 руб. в год, в то время как на государственном предприятии 419 руб.

Развитие местной промышленности в середине 1920-х гг. имело тенденцию роста числа работающих предприятий за счет сдачи их в аренду, сокращение рабочих, роста безработицы при незначительном увеличении заработной платы.

Стоимость продукции цензовой промышленности 1924–1925 гг. при тенденции сокращения промышленного производства составляла 13 млн руб. (в 1916 г. 20 млн руб.) [9, л. 136]. По экономическим показателям уровень её развития во многом отставал от довоенных показателей: объем произведенной продукции в 1923 г. был равен 40 %, а в 1924 г. это соотношение достигло 60 %.

Промышленность Донской области состояла из трестированных, кустарной и арендованных предприятий. Кустарные предприятия по объему производства превосходили арендованные, но уступали трестированной, производя лишь 3 % от их общего объема. Торговый оборот Донской промышленности за 1924–1925 гг. составлял 35.381.860 руб. Неразрешимой задачей для местной промышленности, как и для Кубанской, оставался рост производительности труда при стабильной заработной плате [10, л. 66]. После либерализации арендных отношений в Донской области произошел рост аренды земли, где основными арендодателями выступали бедняцкие хозяйства. Арендные отношения развивались не в пользу бедняцких хозяйств. Большинство договоров предусматривало натуральную форму оплаты при низкой ставке арендных выплат. Рост товарно-денежных отношений в станицах Дона был ограничен неразвитостью рынка и ростом натурализации казачьего хозяйства. В Донской области при сокращении мало посевных хозяйств не произошло качественного изменения в общей структуре аграрных отношений. Большой процент хозяйств, не имевших сельскохозяйственный инвентарь, живой тягловой силой вел к качественному упадку сельскохозяйственного производства [11, л .73]. В сельской местности было сосредоточено 72.624 сельскохозяйственных батраков, что составляло 30 % от общей массы трудоспособного населения Дона [12, л. 65]. Агарный сектор экономики не справлялся с рынком рабочей силы, что провоцировало рост социальной напряженности, основанный на имущественном неравенстве в большей степени, чем на сословных противоречиях. Это отрицательно сказывалось на общем уровне развитии крестьянско-казачьего хозяйства и провоцировал властные структуры на игнорирование рыночных законов и перехода на административные методы руководства.

Исходя их данных о состоянии основных и оборотных капиталов местной государственной промышленности, следует отметить, что интенсивного восстановления, разрушенного Гражданской войной промышленности не было. Продукция местной промышленности характеризовалась высокой стоимостью продукции по сравнению с продукцией сельского хозяйства, что приводило к затовариванию предприятий.

Следует отметить незначительный рост производительности труда на предприятиях местной промышленности. При этом продолжался рост числа безработных, так шел неконтролируемый приток рабочей силы из станиц. (последствия кризиса 1921 г.).

Для 1922–1923 гг. характерно снижение цен на продукцию сельского хозяйства. Этот год являлся последствием предшествующего периода время чрезмерной высокой стоимости продукции сельского хозяйства относительно цен на промышленные товары. Это был период диктатуры хлеба. А период 1923–1924 гг. характеризовался обратным процессом. Расхождение цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности на юге России было значительное, чем по всему Союзу ССР.

Нэп в сельском хозяйстве, как рыночный механизм не решил главной задачи повышение товарности, производительности труда, развитие торговых отношений с городом. Крестьянско – казачье хозяйство, решив частично проблемы личного потребления не смогло разрешить возложенные на него производственные проблемы. В противостоянии плановых и рыночных механизмов в системе новой экономической политики рынок уступил. Уровень развития рыночных отношений был минимизирован в рамках продовольственной политики большевиков.

Нэп был долгосрочной экономической политикой постепенного строительства социализма. Главенствующая роль в экономических преобразованиях принадлежала государству, выполнявшую регулирующие и контролирующие функции. В системе многоукладной экономики переходного периода и при том уровне кризиса, в котором она находилась в 1921 г. эти меры носили вынужденный характер. Задача, которая была поставлена перед всем комплексом экономических преобразований, состояла в том, чтобы в максимально сжатые сроки достичь довоенных показателей в промышленности и сельском хозяйстве, снизить социальную напряженность в обществе. Дальнейшая политика по модернизации экономики вылилась в политические дискуссии в большей части связанные с борьбой за политическое ли-

дерство. Противоречия нэпа, которые провоцировали ежегодные социальные и экономические кризисы были основаны на противостоянии рыночного начала и плановых мероприятий в системе советской власти. По мере приближения к решению вопроса об индустриализации эти противоречия обострялись. Неразвитость рыночных методов хозяйствование, администрирование экономических процессов, отсутствие политических гарантий для определенного круга предпринимателей в городе и деревне предопределили судьбу нэпа.

Источники и литература

1. Бакшеев А. И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: Сибирский федеральный унирситет, 2013. 345 с.
2. Дэй Р. Б. Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М.: «Дело», РАНХ и ГС, 2013. 182 с.
3. Мау В. А. Государство и экономика: опыт экономических реформ-М.: «Дело», РАНХ и ГС, 2017. 25 с.
3. Государственный архив Краснодарского края. (далее – ГАКК). Ф Р.990. Оп.2. Д. 67.
4. ГАКК. Ф Р.990. Оп.2. Д. 549.
5. ГАКК. Ф Р.990. Оп.2. Д. 67.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф1. Оп.1. Д.85.
7. ГАКК. Ф Р.990. Оп.2. Д. 67.
8. ГАКК. Ф Р.990. Оп.2. Д. 67.
9. Цент документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф.5. Оп.1. Д.54.
10. ЦДНИ РО Ф.5. Оп.1. Д.52.
11. ЦДНИ РО Ф.5. Оп.1. Д.88.

References

1. Baksheev A. I. Problemy sovetskoj gosudarstvennosti v Sibiri perioda NEPa. *(Problems of Soviet Statehood in Siberia during the NEP)*. Krasnoyarsk: SFU publ., 2013. 345 p. (In Russian).
2. Dej R. B. Lev Trockij i politika ekonomicheskoj izolyacii *(Leon Trotsky and the Policy of Economic Isolation)*. Moscow: «Delo» RANE and PS publ., 2013. 182 p. (In Russian).
3. Mau V. A. Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskih reform (State and Economy: Experience of Economic Reforms). Moscow: «Delo» RANE and PS publ., 2017. 25 p. (In Russian).
4. State archive of Krasnodar region. (GAKK). F.R. 990. Inv.2. D. 67. (In Russian).
5. GACC. F. R. 990. Inv.2. D. 549. (In Russian).
6. GACC. F. R. 990. Inv.2. D. 67. (In Russian).
7. The documentation centre of recent history in Krasnodar region (Center for KK). F1. Inv.1. D. 85. (In Russian).
8. GACC. F. R. 990. Inv.2. D. 67. (In Russian).
9. GACC. F. R. 990. Inv.2. D. 67. (In Russian).
10. Cent of documentation of the modern history of the Rostov region (CDNI RO). F. 5. Inv.1. D. 54. (In Russian).
11. CDNI RO. F. 5. Inv.1. D. 52. (In Russian).
12. CDNI RO. F. 5. Inv.1. D. 88. (In Russian).

УДК 343.121

Е. А. Артамонова

О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье отмечается, что в уголовном судопроизводстве обвиняемый вправе осуществлять активную уголовно-процессуальную деятельность. Делает он это посредством выражения своего волеизъявления. На основе конкретных примеров показывается многообразие форм реализации волеизъявления обвиняемого в уголовном судопроизводстве. Указывается, что формами реализации волеизъявления обвиняемого выступают: во-первых, единоличное проявление и, во-вторых, согласование в различных вариациях. В последнем случае волеизъявление обвиняемого имеет комбинационный характер и в зависимости от количества субъектов, комбинации могут быть двухсубъектными (парными) и многосубъектным (трёх,-четырёхсубъектными). Многосубъектные комбинации наиболее сложная форма реализации волеизъявления обвиняемого, в каждом случае проявления которой задействованы и стороны, и правоприменитель. Парное согласование, достижение которого влечёт принятие правоприменителем желаемого для обвиняемого результата, достигается обвиняемым с любым другим участником уголовного процесса, прежде всего, защитником, потерпевшим или лицом, в чьём производстве находится уголовное дело. В зависимости от влияния на принимаемое правоприменителем решение волеизъявления обвиняемого может иметь правообязывающий характер, когда субъективному праву обвиняемого корреспондирует соответствующая обязанность следователя, дознавателя или суда. Но не всякое субъективное право обвиняемого подлежит обязательному исполнению. Так, реализация права обвиняемого участвовать в следственном действии, проводимом по его ходатайству, законодательно ограничено дозволением следователя или дознавателя (разрешительный характер), определяемым двумя критериями: объективным – предписанием закона, и субъективным – усмотрением должностного лица. В статье обосновывается необходимость снятия такого законодательного ограничения, изложены предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального закона по этому вопросу, даны новые формулировки соответствующих норм.

Ключевые слова: обвиняемый, права обвиняемого, волеизъявление обвиняемого, формы реализации волеизъявления обвиняемого, примирение, досудебное соглашение о сотрудничестве, следственные действия.

E. A. Artamonova

ON THE FORMS OF IMPLEMENTING THE WILL OF THE ACCUSED IN THE CRIMINAL PROCEDURE

The article notes that the accused has the right to carry out active criminal procedural activity in criminal proceedings. He does this by expressing his will. By specific examples are variety of forms for the realization of the will of the accused in criminal proceedings is shown. It is pointed out that the forms of realizing the will of the accused are: firstly, a single manifestation and, secondly, coordination in various variations. In the latter the will of the accused is of a combination character and, depending on the number of subjects, the combinations can be two-object (pair) and multi-subject (three, four-object). Multi-subject combinations is the most complex form of realizing the will of the accused, in each case both parties and the law enforcement are involved. A paired agreement, the achievement of which entails acceptance by the law enforcement agent of the desired result for the accused, is reached by the accused with any other participant in the criminal process, first of all by the defender, the victim or the person in whose proceedings the criminal case is located. Depending on the influence on the decision made by the law enforcer, the will of the accused can have a law-binding character when the corresponding duty of the investigator, investigator or court corresponds to the subjective right of the accused. However, not every subjective right of the accused is subject to compulsory execution. Therefore, the realization of the right of the accused to participate in the investigative action conducted at his request is legislatively limited to the permission of the investigator or investigator (the permissive nature), determined by two criteria: objective – the prescription of the law, and subjective – the discretion of the official. The article substantiates the need to remove such a legislative restriction, sets forth proposals for improving the current criminal procedure law on this issue, and gives new formulations of the relevant norms.

Key words: defendant, the rights of the accused, the will of the accused, the forms of realization of the will of the accused, reconciliation, pre-trial cooperation agreement, investigative actions.

В настоящее время уголовно-процессуальная деятельность обвиняемого заключается не только в вынужденном выполнении возложенных на него обязанностей и требований лиц, ведущих производство по уголовному делу. Есть и вторая её составляющая – активная, инициативная деятельность обвиняемого, направленная на защиту его прав и законных интересов, – его волеизъявление. Наступление желаемого результата выраженного волеизъявления зависит не только от самого обвиняемого, но и от усмотрения правоприменителя, основанного на прямом предписании закона и/или потребностях производства по уголовному делу. В зависимости от этого волеизъявление обвиняемого реализуется в различных формах.

Во-первых, волеизъявление обвиняемого реализуется при единоличном проявлении, когда для наступления юридически значимых последствий достаточно только его желания. Волеизъявление обвиняемого здесь имеет характер прямого действия и приводит в действие соответствующие механизмы напрямую. Достаточно его проявления, чтобы включились механизмы работы определённого процессуального института, чтобы было принято просимое решение или проведено желаемое процессуальное действие. Речь идёт о простых конкретных правоотношениях между обвиняемым и правоприменителем. Когда безусловному праву обвиняемого напрямую корреспондирует обязанность правоприменителя. Например, если обвиняемый заявляет ходатайство о назначении ему защитника, следователь обязан обеспечить обвиняемого защитником. В подавляющем большинстве случаев толчком для возникновения, изменения или прекращения уголовно-процессуальных отношений, приводящим к юридически значимым последствиям, является именно единоличное волеизъявление обвиняемого.

Во-вторых, для достижения юридически-значимого результата закон требует сочетания воль двух, трёх и более субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Волеизъявление обвиняемого здесь должно сочетаться с отношением к этому вопросу других участников уголовного судопроизводства, необходимо их встречное положительное волеизъявление. Налицо комбинационная система проявления волеизъявления обвиняемого. Комбинации могут быть разновариантными: двухсубъектными, трёхсубъектными и т.д.

Двухсубъектная (парная) комбинация встречается там, где волеизъявление обвиняемого даёт юридически значимый результат только в связке с волеизъявлением любого другого участника уголовного процесса, прежде всего, защитника, потерпевшего или лица, в чьём производстве находится данное уголовное дело. Например, дача показаний адвокатом-защитником в интересах своего подзащитного. Здесь согласия-разрешения обвиняемого на то, чтобы его защитник дал показания, недостаточно для допроса адвоката. Необходимо волеизъявление самого адвоката, защитника на это, выражающееся в подаче соответствующего ходатайства следователю (дознавателю) или в суд (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Юридически значимый результат – получение свидетельских показаний от адвоката, защитника – достигается только в связке волеизъявления лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, с волеизъявлением другого участника уголовного процесса – адвоката, защитника. Именно сочетание их воль лежит в основе решения правоприменителя о допросе в качестве свидетеля адвоката, защитника, оказывавшего юридическую помощь обвиняемому.

Примером парного согласования между обвиняемым и потерпевшим является достижение примирения между ними по делам частного обвинения, производство по которым осуществляется по общим правилам в порядке ст. 318 УПК РФ. При достижении фактического примирения и выражении об этом обоюдной воли подсудимого и потерпевшего мировой судья обязан прекратить уголовное дело (ч. 2 ст. 20, ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Волеизъявление потерпевшего и подсудимого в данном случае обязательно для мирового судьи. Причём, правоприменитель обязан принять требуемое сторонами решение независимо от истинных причин примирения. Сегодня на мирового судью не возлагается обязанность выяснять добровольность примирения, она презюмируется. Хотя реально как со стороны потерпевшего, так и со стороны подсудимого возможно наличие порока воли. Порок воли потерпевшего возможен из-за давления на него обидчика, угроз, принуждения, обмана, а подсудимого – в результате самооговора [3].

Двухсубъектное согласование будет и тогда, когда юридически значимый результат достигается при схождении волеизъявления обвиняемого и воли правоприменителя, направленных на достижение определённой цели. Например, при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Если обоюдного желания обвиняемого и правоприменителя на окончание уголовного судопроизводства в такой форме не достигается, прекращение не допускается.

Многосубъектное согласование для получения юридически значимого результата требует положительного волеизъявления трёх и более субъектов уголовного судопроизводства. Характерным примером такой формы реализации волеизъявления обвиняемого является прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в порядке ст. 25 УПК РФ. Здесь волеизъявление обвиняемого должно иметь ответную положительную реакцию со стороны потерпевшего в виде встречного волеизъявления на примирение, а их общее волеизъявление должно быть одобрено ещё и волей правоприменителя. Сначала встречается волеизъявление обвиняемого и волеизъявление потерпевшего. При их слиянии достигается фактическое примирение. Достижение же юридического примирения возможно только при согласовании достигнутого совпадения воль потерпевшего и обвиняемого с волеизъявлением правоприменителя – субъекта, уполномочен-

ного принимать официальное процессуальное решение. Причём в судебных стадиях для принятия желаемого сторонами решения требуется трёхсубъектное согласование, так как последнее слово всегда остаётся за судом. А в ходе предварительного расследование оно уже будет четырёхсубъектным, так как для достижения желаемых сторонами последствий необходимо не только сочетание волеизъявления сторон – обвиняемого и потерпевшего, но и сочетание волеизъявления непосредственного правоприменителя (следователя или дознавателя) и его контролирующего субъекта (разрешения руководителя следственного органа или прокурора соответственно). И только на основе всесогласования этих участников уголовного процесса возможно принятие взаимоприемлемого для сторон решения.

Весьма интересная ситуация складывается при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое достигается в результате сложного неординарного многосубъектного согласования. На первый взгляд достаточно сочетания воль прокурора и обвиняемого, которые обговаривают условия ответственности последнего. Этимологически соглашение – это взаимное согласие [8, с. 595], «совпадение воли сторон» [9, с. 121]. В своей структуре соглашение состоит из двух элементов: предложения и принятия, каждый из которых имеет субъективное наполнение и объективное выражение – свою процессуальную форму. Применительно к уголовно-процессуальному институту заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, предложение всегда исходит от уголовно-преследуемого лица и формируется во вне в форме соответствующего ходатайства. Принятие – деятельность правоприменителя, получающая окончательное оформление в постановлении о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, подписанном прокурором. Но при более глубоком изучении получаем четырёхсубъектное согласование. На первом этапе – этапе выдвижения предложения – должно быть достигнуто сочетания воль подзащитного и его адвоката-защитника, так как в силу закона предложение обвиняемого на заключение такого соглашения станет юридически значимым только после обязательного предварительного согласования с адвокатом-защитником (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ). На втором этапе – этапе принятия предложения и собственно заключения соглашения – требуется согласование воль следователя, ведущего дело, и прокурора, уполномоченного подписывать такое соглашение. Несмотря на то, что окончательно разрешается этот вопрос по существу прокурором, первоначально ходатайство обвиняемого попадает к следователю, расследующему дело, который уполномочен решать вопрос о дальнейшем его движении. Посчитав, что поданное обвиняемым ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве неперспективно, необоснованно, в нём нет необходимости и т.п., следователь вправе его отклонить (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ). И происходит это, несмотря на то, что обвиняемый подаёт указанное ходатайство на имя прокурора. Только в случае удовлетворения данного ходатайства следователем, оно попадает к прокурору. Получается, что одно и тоже ходатайство разрешается дважды двумя различными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Логичнее было бы, как неоднократно уже отмечалось в литературе, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве непосредственно с прокурором [2, с. 120].

Существует точка зрения, согласно которой досудебное соглашение о сотрудничестве по своей форме, структуре и содержанию представляет собой «модель процессуального договора» [1, с. 17; 5, с. 8], относится к договорно-правовым средствам регулирования уголовно-процессуальных отношений [4, с. 56]. Представляется, что приравнивать досудебное соглашение о сотрудничестве к гражданско-правовой сделке в корне не верно, так как в таком случае теряется основа уголовно-процессуальных отношений – публичность. Государство в лице законодателя здесь не отступает от регулирования публичных уголовно-процессуальных отношений, а лишь предоставляет обвиняемому определённые льготы за правильное посткриминальное поведение, наделяя его правом инициировать рассматриваемую процедуру. Не отрицая, что для заключения досудебного соглашения требуется добрая воля двух сторон, следует помнить незыблемое правило, что «уголовный процесс не сделка, а средство защиты общественных интересов» [10, с. 63]. По общему правилу деятельность государственных органов в сфере уголовного судопроизводства не может «управляться» волей отдельных частных лиц» [6, с. 281], особенно, если такими лицами являются обвиняемые в совершении преступления. Ведь слепое следование воле обвиняемых противоречит интересам остальных граждан, прежде всего потерпевших, всего общества в целом, имеющим право требовать адекватного реагирования на преступление со стороны государства.

При реализации обвиняемым волеизъявления, обусловленного предусмотренным законом правом, не всегда гарантировано его исполнение, праву обвиняемого не всегда корреспондирует обязанность правоприменителя обеспечить его реализацию. В ряде случаев закон предусматривает реализацию предусмотренного права только с разрешения следователя или дознавателя (п. 10 ч. 4 ст. 47, п. 9 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). В этой связи, можно говорить о волеизъявлении обвиняемого правообязывающего характера, которое подлежит исполнению независимо от позиции правоприменителя, и волеизъявлении обвиняемого, реализация которого зависит от усмотрения лица, в чьём производстве находится уголовное дело.

В последнем случае реализация волеизъявления обвиняемого обуславливается двумя критериями: объективным и субъективным.

Объективный критерий предопределён прямыми предписаниями закона. Так, по общему

правилу обвиняемый вправе с разрешения следователя участвовать в следственном действии, проводимом по ходатайству стороны защиты. Но закон, регламентируя порядок производства конкретного следственного действия, в том числе закрепляет, кто из участников уголовного процесса может принимать в нём участие. Например, обвиняемый, может заявить ходатайство о производстве допроса свидетеля и о своём участии в нём, но ему во второй составляющей такого ходатайства будет непременно отказано, поскольку в числе лиц, могущих участвовать при производстве допроса свидетеля, ни обвиняемый, ни подозреваемый законом не называется, и участие иных лиц, прямо необозначенных в законе, не предусматривается (ст. 189–191 УПК РФ).

Субъективный критерий определяется желанием правоприменителя. Направляя ход расследования, следователь принимает решение о необходимости производства того или иного следственного действия, а также об участии в его производстве дополнительных лиц, в том числе обвиняемого, исходя из собственного интереса, обусловленного выполняемой им уголовно-процессуальной функцией. В настоящее время следователь официально отнесён к стороне обвинения и наделён функцией уголовного преследования (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Следовательно, разрешает он поступившие ходатайства исходя из собственного усмотрения и потребностей расследования, утратив обязанность объективно и непредвзято исследовать обстоятельства дела и преследуя цель установления виновности лица, которому предъявлено обвинение. Если сочтёт возможным, при условии, что в законе нет соответствующего запрета, ходатайство удовлетворит, обвиняемому разрешит участвовать в производстве требуемого следственного действия (например, следственного эксперимента).

Вместе с тем, следователь, осуществляя предварительное расследование, должен действовать не только из своего интереса – интереса побыстрее закончить расследование в соответствии с избранной версией, но и исходя из обязанности обеспечивать реальную возможность осуществления обвиняемым принадлежащих ему прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Реализация волеизъявления уголовно-преследуемого лица не должна зависеть от личного усмотрения правоприменителя. Во всех случаях, когда сам обвиняемый, его защитник или его законный представитель заявил ходатайство о производстве следственного действия и желает принять в нём участие, правоприменителю следует исходить из предписаний закона, определяющих порядок производства данного следственного действия, обязанности по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, обеспечения права на защиту. Отсюда, если закон не исключает участие в следственном действии иных лиц, а само производство следственного действия затрагивает интересы обвиняемого, при поступлении такого ходатайства следователь должен быть обязан предоставить уголовно-преследуемому лицу реальную возможность участвовать в этом следственном действии. И не только ему, но и его защитнику и законному представителю. В этом видится дополнительная гарантия обеспечения обвиняемому права на защиту.

Принимая во внимание, что в современном российском уголовном процессе существуют две самостоятельные процессуальные фигуры – обвиняемый и подозреваемый, которые имеют различные формально-процессуальные статусы, но фактически ничем не отличаются друг от друга, всё вышесказанное относится и к подозреваемого.

Употребляемое в законе слово «участвовать» предполагает определённую активность субъекта следственного действия, заключающуюся в возможности делать замечания, приносить заявления, задавать вопросы, давать пояснения. Применительно к обвиняемому это прямо закреплено. Он вправе знакомиться с протоколами следственных действий, в которых участвовал, и подавать на них замечания. Для подозреваемого подобного буквально не предусмотрено, что не согласуется с общими правилами производства следственных действий (ст. 164, 166 УПК РФ) и ущемляет права подозреваемого. Всё вышеизложенное позволяет говорить о необходимости преобразования предписаний, предусмотренных п. 10 ч. 4 ст. 47 и п. 9 ч. 4 ст. 46 УПК РФ по двум основным моментам. Во-первых, следует исключить разрешительный характер реализации этого права обвиняемого, оставив только объективный критерий. Во-вторых, нужно прибавить к правомочиям подозреваемого право знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал, и подавать на него замечания. С этой целью п. 10 ч. 4 ст. 47 и п. 9 ч. 4 ст. 46 УПК РФ следует изложить в новой единообразной редакции следующего содержания соответственно:

«4. Обвиняемый вправе:

…

10) участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника либо законного представителя, а с разрешения следователя и в других следственных действиях, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания»;

«4. Подозреваемый вправе:

…

9) участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника либо законного представителя, а с разрешения следователя и в других следственных действиях, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания».

Аналогично должна разрешаться ситуация и с реализацией обвиняемым (подозреваемым) права присутствовать при производстве судебной экспертизы (п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Справедливости ради следует отметить, что среди правоприменителей по вопросу участия обвиняемого в следственных действиях едино-

го мнения не наблюдается. 42,5 % опрошенных практических работников высказались категорически против того, чтобы обвиняемый присутствовал при производстве следственных действий, проводимых не в его отношении, указав, что его присутствие будет мешать производству данного конкретного следственного действия и расследованию в целом. Столько же (42,5 %) респондентов посчитали правильным действующее сегодня правило, разрешающее участие обвиняемого в таких следственных действиях, но только с разрешения следователя и за исключением допросов других лиц. 5,7 % – считают, что обвиняемый должен иметь возможность участвовать в производстве любого следственного действия, включая допросы других лиц, но только с разрешения следователя. И только 8 % респондентов поддерживают мнение о том, что обвиняемый должен получить право участвовать в любом следственном действии, если он об этом ходатайствует, а следователь – обязанность обеспечить реальную возможность реализовать это право [11].

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, так это на чистоту употребляемой терминологии. В настоящей работе при рассмотрении вопроса о праве уголовно-преследуемого лица участвовать в производстве следственных действий, под следственными действиями понимаются только те процессуальные действия, которые направлены на получение соответствующего вида доказательств [13, с. 19], представляющие собой поисковые, познавательные и удостоверительные операции, соответствующие особенностям следов определённого вида и приспособленные к эффективному отысканию, восприятию и закреплению, содержащейся в них доказательственной информации [14, с. 38].

Сам законодатель во всём многообразии процессуальных действий терминологически выделяет только следственные действия, порядок производства которых детально разработан и закреплён непосредственно в УПК РФ, но в тексте закона фактически называет так не только действия познавательного характера. Например, наложение ареста на имущество, реализацию, утилизацию или уничтожение вещественных доказательств именует следственными действиями (ст. 165 УПК РФ), хотя никакого отношения к получению доказательственной информации они не имеют. Допускается неточность употребления устоявшейся терминологии, смещение понятий, что негативно сказывается на понимании уголовно-процессуального закона, его толковании и правоприменении. Такая свобода в оперировании понятиями недопустима. Законодатель должен употреблять терминологию в точном соответствии с её содержанием, согласуясь с уголовно-процессуальной доктриной, и под следственными действиями понимать только те действия, которые направлены на собирание доказательственной информации. Все остальные действия процессуальные, но не следственные. УПК РФ необходимо привести в соответствие с этим постулатом, ведь, эффективность закона определяется, в частности, его языком, точностью, логичностью и ясностью употребляемой терминологии, которая представляет собой базу, фундамент любого нормативного акта. Каждый, упомянутый в законе термин, должен иметь строго определённое значение. Неправильное, произвольное использование терминов вводит в заблуждение правоприменителей, что отрицательно сказывается на правоприменительной практике в целом, влечёт информационную неопределённость в понимании отдельных уголовно-процессуальных категорий, приводит к ненужным теоретическим спорам [7, с. 14; 12, с. 15].

В настоящее время разрешительных характер не должен препятствовать реализации обвиняемым своего права участвовать в следственном действии, если он об этом ходатайствует. Во всех случаях выражения обвиняемым волеизъявления, направленного на реализацию его субъективных прав, если в законе прямо не прописан механизм действия правоприменителя по этому поводу, лицо, ведущее процесс, должно быть максимально нацелено на предоставление уголовно-преследуемому лицу реальной возможности осуществления принадлежащих ему прав.

Литература

1. Аширбекова М. Т. О некоторых новеллах в нормативной регламентации производства с досудебным соглашением о сотрудничестве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 17-20.

2. Бертовский Л. В. К вопросу о совершенствовании института досудебного соглашения о сотрудничестве // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). М.: РГУП, 2017. С. 115-122.

3. Грохотова Е. А. Совершенствование процедуры прекращения уголовного дела частного обвинения мировым судьёй в связи с примирением // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). М.: РГУП, 2017. С.152-157.

4. Зайцев О. А. Перспективы развития российской уголовно-процессуальной политики // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XI Всероссийского науч.-теорет. конф. (25–26 октября 2012 г., Сыктывкар): в 4 ч. Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. Ч.1. С. 53-58.

5. Климанова О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристика и проблемы квалификации преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2017. 21 с.

6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

7. Муженская Н. Е. К вопросу о точности уголовно-процессуальной терминологии // Российский следователь. 2012. №3. С. 13-18.

8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 26-е изд., перераб. и доп. М.: Оникс, Мир и образование, 2008. 736 с.

9. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / отв. ред. Раджабов С. А. Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.

10. Победкин А. В. Гарантии нравственности (о нравственном значении трудов Л. Д. Кокорева) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. №4. С. 59-69.

11. Результаты анкетирования судей, прокуроров, сотрудников органов расследования, адвокатов в Ставропольском крае, Саратовской, Тульской и Калужской областях в 2017–2018 гг. (по состоянию на 01.09.2018).

12. Савицкий В. М. Насчёт терминологии процессуального закона // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М.: ИГиП АН СССР, 1985. С. 15-29.

13. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.

14. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

References

1. Ashirbekova M. T. O nekotorykh novellakh v normativnoi reglamentatsii proizvodstva s dosudebnym soglasheniem o sotrudnichestve *(On Some Short Stories in the Regulatory Regulation of Production with a Pre-Trial Cooperation Agreement)* // Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal. 2017. No. 1 (30). P. 17-20. (In Russian).

2. Bertovskii L. V. K voprosu o sovershenstvovanii instituta dosudebnogo so-glasheniya o sotrudnichestve *(On the Issue of Improving the Institution of a Pre-Trial Cooperation Agreement)* // Strategii razvitiya ugolovno-protsessual'nogo prava v XXI v.: Materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 10-11 noyabrya 2016 g. (g. Moskva). Moscow: Russian State University of Justice publ., 2017. P. 115-122. (In Russian).

3. Grokhotova E. A. Sovershenstvovanie protsedury prekrashcheniya ugolovnogo dela chastnogo obvineniya mirovym sud'ei v svyazi s primireniem *(Improvement of the Procedure for Ending the Criminal Case of Private Prosecution by a Magistrate in Connection with Reconciliation)* // Strate-gii razvitiya ugolovno-protsessual'nogo prava v XXI v.: Materialy V mezh-dunar. nauch.-prakt. konf. 10–11 noyabrya 2016 g. (g. Moskva). Moscow: Russian State University of Justice publ., 2017. P. 152-157. (In Russian).

4. Zaitsev O. A. Perspektivy razvitiya rossiiskoi ugolovno-protsessual'noi politiki *(Prospects for the Development of the Russian Criminal Procedural Policy)* // Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty regio-nal'nogo upravleniya na Evropeiskom Severe: materialy XI Vserossiiskogo nauch.-teoret. konf. (25–26 oktyabrya 2012 g., Syktyvkar): in 4 part. Syktyvkar: GAOU VPO KRAGSiU, 2012. Part. 1. P. 53-58. (In Russian).

5. Klimanova O. V. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: pravovaya priro-da, dogovornye kharakteristika i problemy kvalifikatsii prestuplenii *(Pre-judicial Cooperation Agreement: Legal Nature, Contractual Characteristics and Problems of Crime Qualification)*. Samara, 2017. 21 p. (In Russian).

6. Kurs ugolovnogo protsessa *(The Course of the Criminal Process)* / pod red. L.V. Golovko. 2-e izd., ispr. Moscow: Statut, 2017. 1280 p. (In Russian).

7. Muzhenskaya N. E. K voprosu o tochnosti ugolovno-protsessual'noi terminologii *(On the Accuracy of Criminal Procedural Terminology)* // Rossiiskii sledovatel'. 2012. No. 3. P. 13-18. (In Russian).

8. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka *(Explanatory Dictionary of the Russian Language)* 26-e izd., pererab. i dop. Moscow: Oniks, Mir i obrazovanie, 2008. 736 p. (In Russian).

9. Oigenzikht V. A. Volya i voleiz»yavlenie (Ocherki teorii, filosofii i psikhologii prava) *(Will and will (Essays on Theory, Philosophy and Psychology of Law*) / ed. by Radzhabov S. A. Dushanbe: Donish, 1983. 256 p. (In Russian).

10. Pobedkin A. V. Garantii nravstvennosti (o nravstvennom znachenii trudov L. D. Kokoreva) *(Guarantees of Morality (On the Moral Significance of the Works of L. D Kokorev) //* Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess. 2015. No. 4. P. 59-69. (In Russian).

11. Rezul'taty anketirovaniya sudei, prokurorov, sotrudnikov organov rassledovaniya, advokatov v Stavropol'skom krae, Saratovskoi, Tul'skoi i Kaluzhskoi oblastyakh v 2017–2018 gg. *(Results of the Questioning Judges, Prosecutors, Investigative Officers, Lawyers in the Stavropol Territory, Saratov, Tula and Kaluga Regions in 2017–2018)* (po sostoyaniyu na 01.09.2018). (In Russian).

12. Savitskii V. M. Naschet terminologii protsessual'nogo zakona *(Regarding the Terminology of the Procedural Law)* // Sovershenstvovanie zakonodatel'stva o sude i pravosudii. Moscow: IGiP AN SSSR, 1985. P. 15-29. (In Russian).

13. Sheifer S. A. Sledstvennye deistviya. Osnovaniya, protsessual'nyi poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie *(Investigative Actions. Grounds, Procedural Order and Evidentiary Value)*. Moscow: Yurlitinform, 2004. 184 p. (In Russian).

14. Sheifer S. A. Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma *(Investigative Actions. System and Procedural Form)*. Moscow: Yurlitinform, 2001. 208 p. (In Russian).

УДК 340.1

Р. Р. Габрилян

К ВОПРОСУ ОБ ОБЫЧНО-ПРАВОВЫХ СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА)

Настоящая статья посвящена способам разрешения правовых конфликтов в обычном праве народов, проживающих в Южно-Тихоокеанском регионе, анализируются проблемы использования достижений обычного права в сфере разрешения правовых конфликтов в различных правовых системах современных государств. С помощью ряда методов исследования, таких как исторический и сравнительно-правовой, выделяются обстоятельства, обусловившие формирование способов разрешения конфликтов в обычном праве региона, рассматриваемого в настоящей статье.

В статье раскрывается роль как глав общин, так и рядовых членов общин в разрешении правовых конфликтов. Делается вывод о положительном влиянии обычного права на позитивное право, в частности, в вопросе выработки таких нехарактерных последнему способов разрешения правовых конфликтов, как примирительные процедуры. Приводятся доводы о необходимости дальнейшего исследования способов разрешения конфликтов в соответствии с обычным правом народов Южно-Тихоокеанского региона, так как они способствуют не только разрешению конфликтов у народов, применяющих обычное право для разрешения подобных конфликтов, но и могут обогатить другие правовые системы.

Научная новизна работы состоит в исследовании путей совершенствования современных способов разрешения правовых конфликтов, опирающихся на обычно-правовые нормы.

Ключевые слова: обычное право, обычай, суд, конфликт, правовой спор, примирительные процедуры, медиация, правовой плюрализм, Океания, Южно-Тихоокеанский регион.

R. R. Gabrilyan

ON CUSTOMARY LAW RESOLUTION OF DISPUTES AND CONFLICTS (BY THE EXAMPLE OF THE SOUTH PACIFIC REGION)

The paper covers the ways of resolving legal conflicts in the customary law of peoples living in the South Pacific region. The problems of using the achievements of customary law in the sphere of legal disputes resolution in various legal systems of modern states are analysed. Through the instrumentality of a number of research methods, such as a historical method and a comparative legal method, the circumstances that determine the formation of manners for conflicts resolution in the customary law of the region are highlighted in the article.

The paper reveals the role of both heads of communities and ordinary members of communities in legal conflicts resolution. A conclusion is made about the positive effect of customary law on positive law, in particular, on the issue of conciliatory procedures that are unusual to the positive law manners of resolving legal conflicts. It is logically argued that further research on ways of conflicts resolution in accordance with the customary law of the peoples of the South Pacific region is needed, since they contribute not only to resolving conflicts among peoples who apply customary law to resolve such conflicts, but also enrich other legal systems.

The scientific originality of the research lies in studying the ways of improving modern methods of legal conflicts resolution, based on the ordinary legal norms.

Key words: customary law, custom, court, conflict, legal dispute, conciliation, mediation, legal pluralism, Oceania, South Pacific.

I

Системой историко-теоретических наук под правовым обычаем признается устоявшееся обязательное правило поведения, сложившееся в результате длительного повторения. Несмотря на то, что право является одним из важнейших признаков государства, обычное право, являясь древнейшим источником права, возникает у многих народов мира задолго до появления государства. При этом рядом учёных высказывается мнение о санкционировании обычаев государством. Может ли обычное право продолжать именоваться обычным после его санкционирования государством? Считаем, что утвердительно на данный вопрос ответить не представляется верным, так как, обретя позитивную форму, обычай приобретает иную конфигурацию, противоречащую его сущности и определению.

В современном мире обычное право зачастую не рассматривается в качестве источника права, либо отмечается его устаревший статус, в особенности это касается стран континентальной правовой системы. В странах англо-саксонской правовой системы, а также в религиозных правовых системах, правовой обычай традиционно признаётся одним из источников права. Тем

не менее, в последние десятилетия отмечается рост интереса к обычному праву среди исследователей-правоведов. В ряду причин подобного интереса выделим развитие такой междисциплинарной науки как юридическая антропология, установление приоритета прав человека в правовой политике государств мира, и, конечно, популяризация идеи правового плюрализма.

Идея правового плюрализма, несмотря на её современность, имеет глубокие корни, уходящие в древность. Так, известный американский юрист Б. З. Таманаха отмечает, что после распада Римской империи на территории, ранее ей принадлежавшей и простиравшейся с Северной Африки до Британии, проживали различные народы – от германских племён, норманнов, гуннов до пришлых арабов. Долгое время местные неписаные обычаи, нормы обычно-правовых кодификаций, римское право, феодальное право, городское право, торговое право и законы соприкасались с обычаями и законами завоевателей, а также с каноническим правом [14]. Естественно, подобное положение нередко приводило к правовым конфликтам, однако продолжительная европейская история свидетельствует о том, что данное сосуществование жизнеспособно.

У идеи правового плюрализма имеются как сторонники, так и противники. Даже не придерживаясь точки зрения первого лагеря, нельзя не заметить положительных качеств правового плюрализма, как в ретроспективе, так и в современном мире, и, более того, в перспективе. Так, после крушения колониальной системы в середине прошлого столетия только благодаря реализации идеи правового плюрализма во многих бывших колониях западных империй от Африки до Азии и Океании удалось избежать конфликтов либо относительно легко их преодолеть. Безусловно, до того момента само насаждение права, долгое время развивавшегося в условиях капиталистических отношений, не могло проходить без затруднений в территориях, развивавшихся на протяжении многих веков в качестве сельскохозяйственных и животноводческих общин, управлявшихся вождями и живших в соответствии с обычным правом [11].

Исходя из указанных в качестве положительных сторон правового плюрализма, можно сделать вывод о месте и значении обычного права в современных правовых системах. Как уже отмечалось, в англо-саксонской правовой системе обычное право признается источником права, что связано с особенностью формирования самой правовой системы, базой для которой явились местные обычаи и судебная практика. Естественно, обычаи не являются основным источником права, более того, не все обычаи могут быть признаны частью правовой системы, а лишь те, которые существуют со времени коронации короля Ричарда I Львиное Сердце (3 сентября 1189 г.), так как ещё в 1275 г. Первым Вестминстерским Статутом Эдуарда I предыдущий период истории английского государства был определён как «незапамятные времена», что было подтверждено Актом о давности 1832 г.» [5].

Несмотря на серьёзные отличия в иерархии источников права в некоторых государствах романо-германской правовой системы обычное право также может быть названо одним из источников права.

В отдельных странах смешанных правовых систем обычное право также признается источником права. Так, обычаи, наряду с религиозным и общим правом, играют важную роль в Индии.

Сложно переоценить значимость обычаев в правовых системах многих африканских и островных тихоокеанских государств. В большинстве их них обычай закрепляется в качестве источника права на законодательном уровне, чаще всего в конституциях. Например, в Конституции Самоа говорится о том, что независимое государство создаётся на принципах христианства и самоанских обычаев и традиций, а сами обычаи в ст. 111 перечисляются наряду с другими источниками права [6].

Безусловно, нельзя не упомянуть и о такой важной сфере как международное право, в котором обычай продолжает оставаться особенным источником права, признание которого можно обнаружить в Статуте Международного суда ООН (п.b. ст.38), где международный обычай определяется как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» [13]. Важно помнить, что нарушение международно-правового обычая признаётся правонарушением, в отличие от международного обыкновения.

Таким образом, считаем, что признавать обычное право в современном мире анахронизмом преждевременно. Правовой обычай в ряде стран играет важную роль, способствуя как реализации прав и свобод человека, так и выступая в качестве сглаживающего конфликты инструмента.

II

Любой правовой спор воспроизводит в кризисных обстоятельствах обширный круг значимых характерных особенностей процесса взаимодействия субъектов правоотношений.

Особенность права как важнейшего аппарата регулирования общественных отношений состоит в возможности и способности нивелировать возникающие споры и конфликты, а также превентивно воздействовать на общество с целью недопущения возникновения таких ситуаций в будущем.

Немаловажным является вопрос о понятиях «правовой спор» и «правовой конфликт». Как справедливо отмечает А. Б. Зеленцов, учёными-правоведами используется два подхода к определению термина «правовой спор». Так, в первом подходе «правовой спор» представляет собой объединение различных видов спора, таких, как спор о праве субъективном, спор о праве объективном, спор о законном интересе, спор о юридическом факте, спор об ответственности и т.д. Синонимичным данному понятию является

понятие «спор о праве». В более узком понимании «правовой спор» представляет собой только спор о субъективном праве. Исследователями приводятся такие трактовки правового спора как «сопротивление, помеху осуществлению права», «противоречие», «юридизированный фактический конфликт», «разногласия» [2]. Исследуя различные позиции относительно понимания категории «правовой спор» можно обнаружить, что все они отсылают к конфликтной природе отдельного правового отношения.

Наиболее полным является приведённое В. Н. Кудрявцевым определение термина «правовой (юридический) конфликт», как «любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладает правовыми признаками, а конфликт влечёт юридические последствия» [4].

Исследователи Касьянов В. В. и Нечипуренко В. Н. выделяют два вида конфликтов – обладающие юридическим характером и не обладающие таковым, но включающие правовой элемент. Правовой конфликт возникает между социальными субъектами по причине различия их правовых интересов и образующийся вокруг их правового статуса. При этом, отмечается, что правовой конфликт может развиваться из неправового, например, при невозможности разрешения конфликта самостоятельно, без обращения в соответствующие уполномоченные структуры. Говоря о неправовых конфликтах, влекущих за собой возникновение правового конфликта, авторы справедливо указывают на вторичность последнего, который вытекает из первичных конфликтов – социального, семейного и так далее. При этом можно вывести формулу конфликта, который состоит из конфликтной ситуации, субъектов и непосредственно инцидента [3].

В современной юриспруденции выделяют два основных порядка разрешения возникающих правовых конфликтов: судебный и внесудебный.

Судебный способ разрешения правовых конфликтов является наиболее распространённым во всём мире, вне зависимости от принадлежности правовой системы того или иного государства к конкретной правовой семье. Данный способ является наиболее затратным, так как требует участия широкого круга лиц-представителей государственной власти, более того, данный способ может быть назван способом разрешения конфликта, но не всегда способом завершения конфликта, так как в данном случае одна сторона будет продолжать считать себя пострадавшей.

Внесудебный порядок разрешения конфликтов представляет собой упрощённый способ, не требующий вовлечения в процедуру судебных органов власти. В последнее время всё большую популярность получают виды внесудебного порядка разрешения правовых конфликтов, названные альтернативными (примирительными). Причём если судебный порядок достаточно хорошо изучен и распространён, то, например, такой альтернативный вид разрешения конфликтов, как медиация, в отличие от ряда западных стран, в России только делает первые шаги.

Обычно-правовые способы разрешения конфликтов складывались на протяжении многих веков. Обычное право, оставаясь практически неизменным, давало возможности вырабатывать наиболее уникальные и действенные методы для разрешения конфликтов, без необходимости прибегать к способам, санкционированным государством и позитивным правом. Обычно-правовые способы, в отличие от привычных правовых способов разрешения конфликтов, имеют главной целью не установление юридической справедливости, а зиждутся на восстановлении баланса в обществе, который конкретный конфликт может нарушить, а также для создания предпосылок, способствующих невозможности повторения подобных конфликтов в будущем.

Особую роль в обычно-правовых способах разрешения конфликтов играет авторитет старейшин, вождей общин. Кроме того, в подавляющем числе случаев в разрешение конфликтов по обычному праву вовлечён широкий круг участников-членов общины. Несмотря на то, что данные способы носят неписаный характер, исполнение вынесенных решений никоим образом не страдает от этого, так как в числе факторов, обеспечивающих их реализацию, не только авторитет старейшин общины, но и авторитет самой общины, а также устоявшихся правил поведения, передаваемых из поколения в поколение.

III

В отличие от стран с англо-саксонской и романо-германской правовыми системами, в странах, где традиции и обычаи имеют важное значение в правовой сфере, ситуация с разрешением споров имеет несколько иной характер. Среди таких стран особое место занимают государства Океании, во многих из которых обычаи закреплены в качестве одного из источников права, в том числе на уровне конституций.

Важнейшим фактором, определяющим успешное разрешение споров на основе обычаев и традиций в государствах и территориях Океании, является авторитет вождей. Властные полномочия передаются в различных местностях по-разному, однако, обратив внимание на полинезийские народы можно обнаружить, что вождизм здесь носит наследственный характер, тогда как у меланезийских народов передача по наследству должности вождя не принята, хоть и можно проследить определённые черты наследственной передачи власти и у некоторых меланезийцев. Как отмечают учёные, в частности Гай Поулз, власть вождей зачастую получает и конституционную защиту. Например, в ряде стран вожди вовлечены в законотворческий процесс (Самоа, Американское Самоа, Тонга, Фиджи, Маршалловы Острова и Федеративные Штаты Микронезии),

имеют совещательные функции (Острова Кука и Вануату) или даже получают судебные полномочия (Самоа, Вануату и Соломоновы Острова). Более того, в Королевстве Тонга вся система органов государственной власти выстроена в целях удовлетворения функций традиционной власти вождей [12]. Гай Поулз также указывает, что в Вануату принятие любых законопроектов, касающихся разрешения земельных споров должно в обязательном порядке согласовываться с вождями [12].

Власть вождей на островах Океании представляет собой многоуровневую систему. Так, например, в Вануату на самом низшем уровне находятся вожди определённых деревень, над ними может находиться совет вождей нескольких поселений, и, наконец, вожди на самом высоком национальном уровне. При необходимости разрешить спор дело рассматривается сначала на уровне деревень, причём вожди стараются сделать путём достижения согласия в семье или семьях, где возникла конфликтная ситуация и только затем в случае неудачи, конфликтом будут заниматься вышестоящие обычно-правовые органы. При этом следует помнить, что ситуация отличается не только от одного тихоокеанского островного государства к другому, но и от одного острова к другому в рамках одного государства [8].

Важным вопросом является создание обычно-правовых судов в странах и территориях Океании. Однако, как пишет Дженнифер Коррин Кеа, несмотря на то, что данные суды могут руководствоваться обычно-правовыми нормами, они не могут являться обычно-правовыми полностью, т.к. они учреждаются в соответствии с принципом состязательности и ограничиваются соответствующими нормами процессуального права [7].

Однако решения, вынесенные на основе обычного права вне таких судов, могут быть поставлены вне закона и оспорены в судах, признаваемых государством.

Как было отмечено в докладе Австралийского Национального консультативного совета по альтернативным методам разрешения споров эффективные способы разрешения споров и конфликтов помогают коренным народам получить доступ к различным сферам правосудия и решить социальные, экономические и культурные задачи. Подобные способы обладают потенциалом в уменьшении уровня насилия в общинах коренных народов, сокращения количества контактов представителей коренных с системой уголовного правосудия, способствовании исцелению повреждённых связей между коренными и улучшении управления и принятия решений общинами. При этом потенциал до сих пор полностью не реализован [9].

Что же собой представляют подобные способы разрешения споров и конфликтов?

Характерной чертой обычно-правового решения конфликтов в Океании является попытка исчерпать конфликт, не прибегая при этом к государственным органам. Авторитет вождей и представителей старшего поколения чрезвычайно высок у народов Океании. Таким же авторитетом обладают решения данных лиц, как и обычное право в целом. Ведь зачастую, нарушив норму обычного права, коренные жители Океании, по сути, теряют связь со своей общиной.

Исследуя процесс решения споров на основе обычаев можно заметить, что процедура не так уж и устарела, более того, современные государства, все чаще делающие упор на альтернативные способы решения споров, многое заимствуют именно у обычно-правовых систем, для которых медиация и примирительные процедуры являются основными.

Ярким примером является Новая Зеландия – государство с англосаксонской правовой системой, на которое особое влияние оказывают решения Трибунала Вайтанги, учреждённого для разрешения споров с представителями доевропейского населения – маори, и само обычное право народа маори. Всего чуть более двух десятилетий назад в Новой Зеландии была осуществлена попытка объединить лучший инструментарий решения конфликтов как со стороны общего права, так и обычного права маори. Ювенальная юстиция не оправдывала всех возложенных на неё надежд и правительство бывшей британской колонии решилось на эксперимент, а именно – введение в практику нового института – реституционного правосудия, или как его ещё называют восстановительного правосудия. Принятый в 1989 г. Акт «О детях, несовершеннолетних и их семьях» стал ответом на царившее насилие в стране, прежде всего, в среде маори. Данный институт был выбран в связи с тем, что был знаком народу маори, т.к. ключевыми моментами реституционного правосудия стали примирение, паритет, взаимоуважение и сотрудничество, а также «фанау» – имеющий много значений термин, в первую очередь означающий сложную семью или общину.

При разрешении конфликтов с применением реституционного правосудия главный упор делается не на наказание виновного лица и лишение его свободы либо ограждении от общества, а на возмещении ущерба потерпевшей стороне. Поэтому данный, вышедший из обычного права институт и называют восстановительным. Система показала себя настолько успешно, что постепенно современные развитые страны мира решились на внедрение опыта Новой Зеландии в своих правовых системах.

Обычно-правовые конфликты, решаемые в странах Океании можно разделить на две категории – конфликты в рамках одной общины и конфликты между различными общинами. Первая категория правовых конфликтов решается внутри общины, чаще всего на общем собрании поселения (деревни), при участии старейшин, либо более узкой группы.

Боязнь возмездия со стороны высших сил и презрение со стороны жителей общины, многие из которых состоят в родстве с нарушителем обычно-правовых норм, помогают восстановить нарушенную норму и вернуть статус-кво.

Описывая процедуру разрешения конфликта по обычному праву народов Вануату, Миранда Форсайт приводит такие факты [8]: процесс начинается с оплаты небольшой суммы вождю, что можно сравнить со своеобразной пошлиной. На следующем этапе вождь созывает собрание, либо, как это происходит в некоторых общинах, вождь с помощниками пытается определить, можно ли разрешить конфликт, не прибегая к созыву собрания, проведя беседы со сторонами. Собрания проходят в особых для каждой деревни сооружениях, называемых накамал. В некоторых местностях, считается необходимым даже приглашать на слушания жителей соседних деревень, таким образом, поддерживается необходимый баланс. При этом жители и данной общины не обязательно должны находиться в одном помещении, например, женщины и молодёжь зачастую находятся за пределами накамала. Однако они в большинстве регионов могут выступать на слушаниях, которые выделяются своим состязательным характером. Завершается процесс либо выступлением вождя, выносящего решение, либо самих сторон, которые подталкиваются к определённому решению, главной целью которого является установление порядка и мира. Примечательно, что в некоторых деревнях вожди после оглашения решения, испрашивают мнения собравшихся, устраивает ли их оно, и, в случае отрицательного ответа, продолжаются попытки прийти к устраивающему всех решению. После процесса проводится особая примирительная процедура, например, совместное принятие пищи и с употреблением традиционного напитка «кава».

Конфликты между общинами решаются посредством особых церемоний, общих для представителей (преимущественно, старейшин и вождей) разных общин, а также советов вождей – специально созданных органов, созданных в некоторых государствах. С распространением христианства на островах Океании большую примиряющую роль стали играть священнослужители [10].

IV

Считаем крайне важным отметить, что в каждом государстве, в особенности, полиэтничном, одной из важнейших целей государственной власти должно быть способствование социокультурным интересам населения, одним из которых выступает обычное право. Следует признать, что в современном мире проблема выживания многих правовых обычаев действительно является актуальной. Нельзя и не согласиться с мнением, что некоторые из них, действительно, архаические и несовместимы с бурно развивающимся человечеством.

Действительно, сосуществование обычного права и западных правовых систем – проблема крайне сложная, при этом, именно благодаря подобному сосуществованию и взаимодействию, удаётся найти решение многих проблем в различных сферах правового регулирования. Сохранение уникальных традиций и обычаев не должно являться самоцелью, неизмеримо важнее направить данные обычаи в русло современных тенденций развития правовых институтов, в частности прав и свобод человека [1].

Тем не менее, за века и тысячелетия своего формирования, обычное право, без сомнения, доказало способность к выживанию, адаптации, а также возможность оказать положительное влияние на позитивное право. Таким институтом по праву можно считать рассматривавшийся в настоящей статье институт разрешения правовых конфликтов. Ярчайшим примером однозначно могут служить примирительные, медиационные процедуры, которые получают распространение во многих странах мира.

В странах Океании актуальным является вопрос создания обычно-правовых судов, при этом решения, вынесенные на основе обычного права вне таких судов, могут быть поставлены вне закона и оспорены в судах, признаваемых государством.

Обычно-правовые способы, в отличие от привычных правовых способов разрешения конфликтов, имеют главной целью не установление юридической справедливости, а зиждутся на восстановлении баланса в обществе, который конкретный конфликт может нарушить, а также для создания предпосылок, способствующих невозможности повторения подобных конфликтов в будущем. Кроме того, особую роль в обычно-правовых способах разрешения конфликтов играет авторитет старейшин, вождей общин. В подавляющем числе случаев в разрешение конфликтов по обычному праву вовлечён широкий круг участников-членов общины.

Литература / References

1. Габрилян Р. Р. Проблемы обычно-правового регулирования семейно-брачных отношений в государствах и территориях Океании в колониальный и постколониальный периоды // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Воронеж: Инновационный центр развития образования и науки, 2014. С. 19-21.

Gabrilyan R. R. Problemy obychno-pravovogo regulirovaniya semeino-brachnykh otnosheniy v gosudarstvakh i territoriyakh Okeanii v kolonialnyi i postkolonialnyi periody *(Problems of Customary Regulation of Family and Marriage Relations in the States and Territories of Oceania in the Colonial and Postcolonial Periods)* // Problemy i perspektivy razvitiya sovremennoi yurisprudentsii/Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Voronezh, 2014. P. 19-21. (In Russian).

2. Зеленцов А. Б. Теоретические основы правового спора: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2005. 435 с.

Zelentsov A. B. Teoreticheskie osnovy pravovogo spora *(Theoretical Foundations of Legal Dispute):* thesis. Moscow, 2005. 435 p. (In Russian).

3. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 380 с.

Kasyanov V. V., Nechipurenko V. N. Sotsiologiya prava *(Sociology of Law):* textbook. Moscow: Yurait, 2016. 380 p. (In Russian).

4. Юридический конфликт: сферы и механизмы, М.: РАН, 1994. 172 с.

Yuridicheskiy konflikt: sfery i mekhanizmy. Moscow: RAS publ., 1994. 172 p. (In Russian).

5. Bederman D. J. Custom as a Source of Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

6. Constitution of the Independent State of Samoa 1960. URL: www.paclii.org/ws/legis/consol_act_2008/cotisos1960438. (Дата обращения: 25.05.2018).

7. Corrin Care J., Wisdom & worthy customs: Customary law in the South Pacific // Reform. 2002. 80. P.31-36.

8. Forsyth M. A Bird that Flies with Two Wings: Kastom and state justice systems in Vanuatu. Canberra: ANU Press, 2013.

9. Indigenous Dispute Resolution and Conflict Management. URL: www.ag.gov.au/LegalSystem/AlternateDisputeResolution/Documents/NADRAC%20Publications/Indigenous%20Dispute%20Resolution%20and%20Conflict%20Management.PDF. (Accessed: 01.06.2018).

10. Klyukovskaya I. N., Demchenko T. I., Gabrilyan R. R., Kardanova A. K., Popova L. A. Legal conflicts resolution in customary law of peoples of the world // Man in India. 2018. 97(22). P. 243-258.

11. Merry S. E. Legal pluralism // Law & society review. 1988. No. 22(5). P. 869-896.

12. Powles G. Traditional Authority in the Contemporary Pacific: Conflict and Compromise in Legal and Political Systems in “9th Commonwealth Law Conference” Conference Papers, Auckland: Commerce Clearing House NZ Ltd, 1990b. P. 571-579.

13. Statute of the International Court of Justice. URL: www.icj-cij.org/homepage/ru/icjstatute.php. (Accessed: 25.05.2018).

14. Tamanaha B.Z. Understanding legal pluralism: past to present, local to global // Sydney L. Rev. 2008. No. 30. P. 375.

УДК 352/354-1

Д. В. Гуров, И. Л. Мармута, А. В. Чумаченко

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть первопричины коррупции в законодательных основах формирования и функционирования органов исполнительной власти, а также на основе действующего законодательства проанализировать влияние управленческих процессов в органах власти на детерминацию коррупции.

В самих органах исполнительной власти, в том числе и правоохранительных органах, как и в любой организации, существуют субъект и объект управления, а так же, к сожалению, существует и коррупция. Рассматривая органы власти как организацию, мы признаем, что в данной системе возможна коррупция, а например, в каком-нибудь акционерном обществе или предприятии, которые тоже являются организациями с субъектом и объектом управления, мы считаем, что коррупции нет, либо она минимальна.

Исходя из этого, мы считаем, что если система формирования и функционирования совершенна – то в идеале не должно быть и коррупции, но если же сама система не совершенна, то и возникают коррупционные составляющие. При этом к причинному комплексу в виде несовершенства управленческих процессов добавляется человеческий фактор, то есть криминогенная мотивация коррупционера.

Народ (то есть избиратель, гражданин) участвует в формировании власти только на первоначальном этапе. На первоначальном этапе осуществляется и контроль. В дальнейшем органы власти начинают действовать самостоятельно, и соответственно контроль за их деятельностью со стороны избирателя (народа, граждан) полностью отсутствует. То есть система становится саморегулирующейся и самоконтролирующей. Но при этом, саморегулирующимися и самоконтролирующимися становятся и сами представители органов власти, а вот именно здесь и начинает формироваться фундамент коррупции и коррупционных отношений.

То есть изначальное формирование системы органов власти позволяет коррупции быть на всех уровнях. А вводимые и применяемые нормы по «антикоррупционной экспертизе», «общественным слушаниям», «отчетам органов власти перед населением», «антикоррупционные комиссии» и т.д. – это всего лишь «маленькие латки на большой бреши». По сути - это надстройки, которые формируют сами органы власти.

Предлагается рассмотреть меры совершенствования, как самих органов исполнительной власти, так и осуществляемых ими процессов управления в целях предупреждения коррупционных преступлений, совершаемых представителями вышеуказанных органов власти.

Ключевые слова: управление, управленческие процессы, органы власти, правоохранительные органы, коррупция.

D. V. Gurov, I. L. Marmuta, A. V. Chumachenko

IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE PROCESSES OF EXECUTIVE AUTHORITIES, INCLUDING LAW ENFORCEMENT AGENCIES, AS AN ANTI-CORRUPTION INSTRUMENT

The article considers the root causes of corruption in the legislative framework for the formation and functioning of executive bodies, and with the reference to current legislation analyzes the influence of managerial processes in government bodies on the determination of corruption.

In the executive bodies themselves, including law enforcement agencies, as in any organization, there is a subject and object of government, and unfortunately, there is corruption. Considering the authorities as an organization, we recognize that corruption is possible in this system, and for example, in some joint-stock company or enterprise, which are also organizations with a subject and object of management, we believe that there is no corruption or it is minimal.

Proceeding from this, we believe that if the system of formation and functioning is perfect, then ideally there should not be corruption, but if the system itself is not perfect, then corruption elements arise. In this case, the human factor is added to the causal complex in the form of imperfection of managerial processes, that is, the criminal agent's motivation for corruption.

The people (that is, the voter, the citizen) participate in the formation of power only at the initial stage. At the initial stage, control is also carried out. In the future, the authorities begin to act independently, and accordingly control over their activities by the voter (people, citizens) is completely absent. That is, the system becomes self-regulating and self-controlling. But at the same time, representatives of the authorities themselves become self-regulating and self-controlling, but it is here that the foundation of corruption and corruption relations begins to form.

That is, the initial formation of a system of authorities allows corruption to be at all levels. And the norms introduced and applied for "anti-corruption expertise", "public hearings",

"reports of authorities before the population", "anti-corruption commissions", etc. and these are just "small patches for a big gap". In fact, these are the superstructures formed by the authorities themselves.

Key words: management, administrative processes, authorities, law enforcement agencies, corruption.

В целях уяснения первопричины коррупции в органах исполнительной власти, в том числе и в правоохранительных органах необходимо, прежде всего, разобраться, что представляет собой сам управленческий процесс и какова его роль в противодействии коррупции.

Единого подхода к определению понятия управления, и, соответственно, процесса управления не существует. Это обусловлено разнообразием позиций к определению самого понятия – «управление». Причем мнения обусловлены самим подходом к данному определению: экономическому, политическому, юридическому, социологическому и т.д.

Ученые и практики одного направления считают «управление» – «процессом» [2], другие – воздействием (принуждением) [5], третьи под управлением понимают – «менеджмент» [3].

В любом случае все понимания процесса управления (механизма управления) сводятся к его основным элементам:

1) «кто» «кем» управляет – то есть это институциональный аспект (объект управления и субъект управления);

2) «как» управляет – это функционал;

3) «чем» управляет – инструментарий.

В этом более упрощенном варианте и предлагается рассмотреть вопросы совершенствования самих управленческих процессов и понимания, что данные процессы (или методы) есть сам инструментарий.

В самих органах исполнительной власти, в том числе и правоохранительных органах, как и в любой организации, существует и субъект управления и объект управления. Существует и коррупция. Об этом много писалось, пишется, и еще, к сожалению, будет писаться. Но почему же, рассматривая органы власти как организацию – в данной системе возможна коррупция, а например, в каком-нибудь ООО, предприятии (тоже организация с субъектом и объектом управления) – коррупции нет, либо она минимальна.

Можно много говорить о психологии человека, об уровне образования, об экономической составляющей и т.д., но надо понимать два фактора:

1. Если служащий захочет заработать, используя свое положение – он к этому будет стремиться;

2. Если условия построения и функционирования его деятельности (то есть организация труда) не позволяют ему использовать служебное положение в личных целях, то он(служащий) либо не пойдет на эту должность, либо попросту не сможет использовать свое должностное положение в корыстных целях.

Отсюда возникают вопросы по формированию и функционированию любых органов власти.

Если система формирования и функционирования совершенна – то в идеале не должно быть и коррупции. Если же сама система не совершенна, то и возникают коррупционные составляющие. При этом к несовершенству управленческих процессов добавляется человеческий фактор.

Почему, например, большинство нормативных актов проходит антикоррупционную экспертизу – а сам процесс формирования и функционирования системы власти, отдельных подразделений лишен такой процедуры?

В подтверждение того, что коррупционная составляющая зависит от конкретного управленческого процесса можно проиллюстрировать на примере одного из основополагающих законов в сфере формирования органов власти на местах – Федерального закона от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[6], на примере города.

Согласно данного Федерального закона в Российской Федерации существует 3 модели формирования органов власти города (рис. 1–3). Выбор применяемой модели находится в компетенции местных органов власти.

I. Варинат

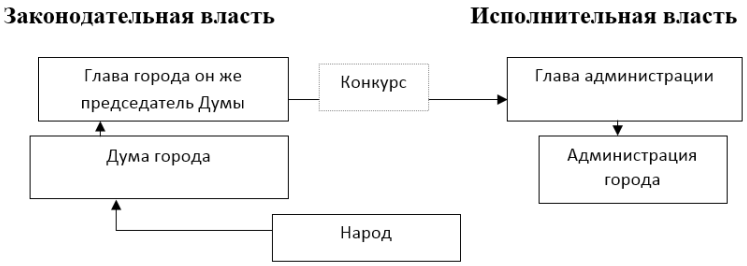

Рис. 1. Первый вариант формирования органов власти города)

II. Вариант

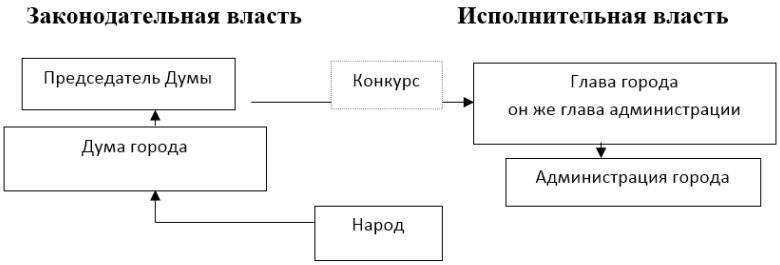

Рис. 2. Второй вариант формирования органов власти города

III. Вариант

Рис. 3. Третий вариант формирования органов власти города

В первых двух вариантах (рис.1 и 2), отличие заключается на уровне «связки полномочий» – Глава города – Глава администрации – Председатель Думы.

Третий вариант (рис. 3) отличается от первых двух тем, что должность Главы города (совмещенная с должностью Главы администрации города) является выборной, а не контрактной.

Как видно из представленных схем, народ (то есть избиратель, гражданин) участвует в формировании власти только на первоначальном этапе.

На первоначальном этапе осуществляется и контроль. В дальнейшем органы власти начинают действовать самостоятельно, и соответственно контроль за их деятельностью со стороны избирателя (народа, граждан) полностью отсутствует. То есть система становится саморегулирующейся и самоконтролирующей. Но при этом, саморегулирующимися и самоконтролирующимися становятся и сами представители органов власти. Это первостепенный и важный момент. Ведь именно здесь и начинает формироваться фундамент коррупции и коррупционных отношений.

Именно в данном моменте и заключается парадокс – сама система позволяет, как принимать решения в пользу определенных лиц, так и формировать, распоряжаться соответствующими финансовыми активами.

При этом важным моментом является то, что гражданин не может влиять на принимаемые решения, как на законодательном уровне, так и на уровне распоряжения финансовыми средствами, имуществом и иными финансовыми активами органами исполнительной власти.

То есть изначальное формирование системы органов власти позволяет коррупции быть на всех уровнях. А вводимые и применяемые нормы по «антикоррупционной экспертизе», «общественным слушаниям», «отчетам органов власти перед населением», «антикоррупционные комиссии» и т.д. – это всего лишь «маленькие латки на большой бреши». По сути – это надстройки, которые формируют сами органы власти.

Так, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования по теме взаимодействия граждан с органами власти, согласно которой динамику ситуации в области открытости органов исполнительной власти разных уровней респонденты оценивают неоднозначно, что представлено в прилагающихся ниже таблицах [4].

Согласно приведенным данным ВЦИОМ, 39 % – по федеральным министерствам/ведомствам, 40 % – по правительству региона и 44 % по муниципальным органам власти считают, что за несколько последних лет не произошло никаких изменений. В то же время положительные оценки (от 32 % до 35 % по разным органам говорят о большей открытости, чем 2–3 года назад) заметно превышают отрицательные (от 9 % до 12 %).

Таблица 1

Как Вы считаете, за последние 2–3 года органы исполнительной власти стали более открытыми, менее открытыми или ничего не изменилось? *(закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, % от всех опрошенных)*

	Однозначно более открытыми	Скорее более открытыми	Скорее менее открытыми	Однозначно менее открытыми	Ничего не изменилось	Затрудняюсь ответить
Федеральные министерства и ведомства	9	26	6	3	39	17
Правительство вашего региона	9	24	8	4	40	15
Муниципальные органы власти вашего населенного пункта	9	23	7	4	44	13

Таблица 2

В последнее время в России активно обсуждаются вопросы открытости органов власти различных уровней (министерств, ведомств, государственных учреждений и пр.). Сейчас я Вам зачитаю отдельные характеристики открытости органов власти. По Вашему мнению, какие из них являются самыми значимыми, важными? Назовите не более трех *(закрытый вопрос, не более 3-х ответов, % от всех опрошенных)*

	2015 г.	2016 г.	2018 г.
Отсутствие коррупции в органах власти	26	31	**35**
Возможность попасть на личный прием к представителям органов власти	15	17	**21**
Возможность получить услуги органов власти через интернет	28	30	**20**
Оперативное реагирование на поданные запросы, жалобы, предложения	21	24	**20**
Наличие «горячей линии»	31	30	**16**
Возможность подать письменный или устный запрос, жалобу, предложение	18	18	**14**
Доступность отчетов о деятельности органов власти	18	19	**14**
Организация встреч с гражданами для обсуждения различных вопросов	17	15	**13**
Доступность информации о текущей деятельности органов власти	27	25	**13**
Доступность информации о планах работы, принятых решениях и др.	8	9	**10**
Большое количество материалов в СМИ	17	13	**7**
Организация общественных, экспертных слушаний	5	5	**4**
Другое	2	3	**2**
Затрудняюсь ответить	7	7	**21**

Согласно данным, приведенным в табл. 2, наиболее значимыми характеристиками открытости органов власти, по мнению россиян, является отсутствие коррупции (35 %), возможность личного контакта с представителями власти (21 %), опция онлайн-услуг (20 %), оперативность реагирования властей на запросы (20 %).

Однако в настоящее время общественности не известно о таких случаях, когда руководителя органа исполнительной власти после отчета перед населением привлекали к ответственности, либо он был привлечен к ней за принятие какого-либо решения.

В этой связи целесообразно было бы ввести в эту схему органы территориального общественного самоуправления (далее – ТОС), тем более, что это не только не противоречит тому же 131 Федеральному закону, но и является гарантом целевого, своевременного и оптимального использования материальных ресурсов.

ТОСы выступали бы тем гарантом прозрачности, как принимаемых решений, так и расходованием финансовых средств. Но самое главное, что правильное «внедрение» ТОС в систему управленческих процессов позволит расходовать финансовые средства на первоочередные нужды и программы. То есть произвести финансирование тех проектов, которые считают нужными население, а не руководитель. При действующей схеме руководитель мог бы «увести» финансы, превысить закупочные цены или совершить иные злоупотребления, но при схеме с органами территориального общественного самоуправления вышеуказанные действия становятся невозможными.

Примерная схема участия ТОС в управленческих процессах представлена на рис. 3:

Предлагаемый вариант

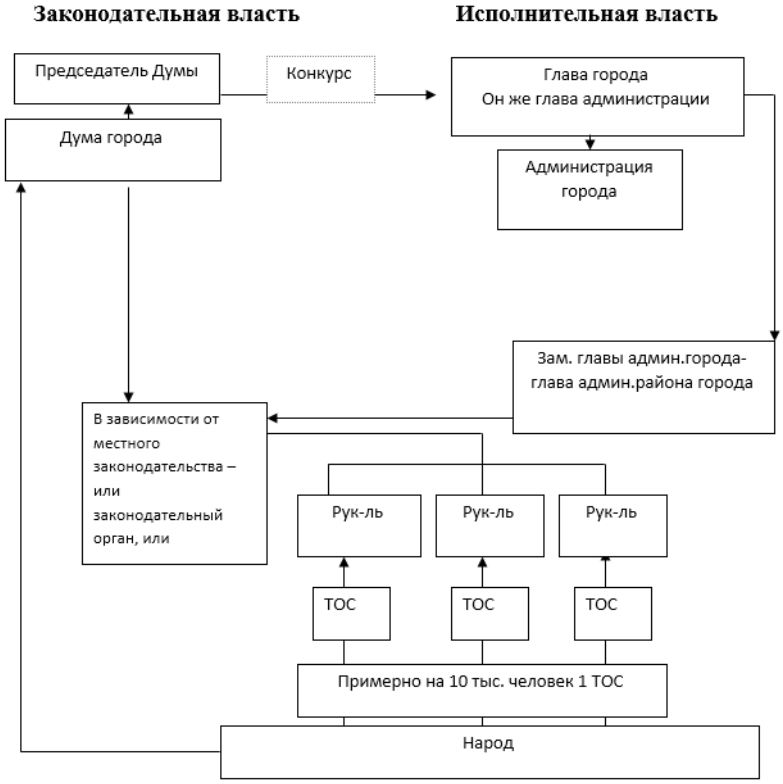

Рис. 4. Предлагаемый вариант формирования органов власти города с включением ТОС.

Аналогичная ситуация складывается и в правоохранительных органах.

Сразу надо оговориться, что управленческие процессы в правоохранительных органах подчиняются общим принципам управления, но в виду их (правоохранительных органов) закрытости имеют определенные специфические особенности.

Здесь и кроется первая проблема – это дублирование функций и выполнение несвойственных функций. При этом важно, что правоохранительные органы, как и любой орган власти, не стремится к сокращению сопутствующих функций (то есть своей сферы влияния), забывая о своих основных функциях или подводя сопутствующие функции под основные.

Например, много лет идет полемика о регистрационно-экзаменационных функциях органов внутренних дел. Возникает вопрос – чем эта функция отличается от регистрационных действий Росреестра по регистрации прав на помещения?

Так же возникает вопрос о правоохранительной функции обеспечивающих подразделений, таких как кадровая служба, службы тылового и финансового обеспечения, штабных подразделений, информационно-справочных. А это в свою очередь ложится большой нагрузкой на те подразделения, которые непосредственно работают с населением.

Основная функция правоохранительных органов – это защита общества. Но под это понятие можно подвести все, что угодно. То есть отсутствует четкая конкретика действий. Функционал того или иного подразделения правоохранительного понятен только руководителю или узкому кругу лиц. Но, к слову, это явление – «функционал создаваемых подразделений» характерно и для всех органов власти.

То есть отсутствие конкретики и (или выполнение не прямых функций) является следующим звеном в формировании коррупционного управленческого процесса.

Следующим звеном в формировании коррупционной составляющей является закрытость правоохранительных органов там, где она фактически не нужна. Например, в сфере опубликования внутренних нормативных актов. Понятно, что не всё можно публиковать, но нужно определять критерии тех приказов, инструкций, регламентов которые напрямую связывают должностные обязанности с возможной коррупционной составляющей и не только. И эти нормативные акты необходимо публиковать.

Зачастую при запросе у органа исполнительной власти, не обнаружив на сайте этого органа, Положения о каком-либо отделе, можно получить ответ, что данная информация является документом внутреннего пользования – то есть закрытой. Причем речь совсем не идет о разглашении государственной или служебной тайны, или подраз-

делении занимающимся закрытыми вопросами. Нет, даже Положение об отделе Секретариата, общим отделе, консультативном отделе и т.п. органа исполнительной власти города невозможно изучить и проанализировать.

В этой связи, хотел бы снова вернуться к тезису статьи, что причины коррупции не в людях, а в системе организации, её несовершенстве, позволяющей существовать этому явлению – как коррупция. Это характерно не только для правоохранителей, но и в целом для органов власти.

Сегодня по уровню и развитию коррупции в стране население судит по отчетам о работе различных ведомств, из средств массовой информации. Это является еще одним искаженным звеном существующего управленческого процесса.

Если допустить, что в течение года органы власти будут предоставлять информацию об отсутствии коррупции, либо вообще не упоминать об этом, то это лишь сформирует общественное мнение, но не изменит систему.

То есть опять же сам руководитель того или иного органа власти принимает решение о том в какой части информировать население.

В этой связи возникает три вопроса:

1. Почему не были пресечены коррупционные составляющие на первоначальном этапе?

2. Почему отсутствует солидарная с коррупционером ответственность тех, кто должен был по долгу службы пресекать эти действия?

3. Почему отсутствует ответственность руководителей органов власти, чьи подчиненные совершили коррупционные преступления, как и отсутствует солидарная ответственность должностных лиц различных антикоррупционных отделов, юридических отделов, хозяйственных отделов, отделов, где происходила антикоррупционная экспертиза?

Раз уж мы признаём коррупцию во всех ветвях власти, то необходимо быть честными до конца и признать наличие «должностей с коррупционной составляющей» в каждом органе власти, включая правоохранительные органы и опубликовать этот перечень. Да, это вызовет общественный резонанс. Но не меньший общественный резонанс вызывают коррупционные скандалы – которые подрывают авторитет всех ветвей власти, в том числе и правоохранительных органов.

Здесь, если признавать несовершенство законодательства, ведомственных нормативных актов и стремление к минимизации коррупции – возможно введении «шкалы уровня коррумпированности должности». То есть должности с «высоким уровнем коррумпированности», «средним» и «низким уровнем коррумпированности».

Да, это звучит не очень лицеприятно и под это понятие можно подвести практически любую должность руководителя. Но это позволит принимать меры по минимизации использования своего положения в корыстных целях. Сделать открытой деятельность служащего, раскрыть общественности его функционал (а не скрывать его за документами внутреннего пользования), что бы было видно соотнесение его функционала с его фактической деятельностью.

При этом данная оценка не зависит и не должна зависеть от самого служащего. А критерием оценки служит сама проработка антикоррупционного процесса управления той или иной должности.

Понятно, что законодательство и развитие человека не стоит на месте, и если сегодня эта должность относится к категории с низким уровнем коррумпированности, то завтра эта оценка может измениться в силу внешних и внутренних причин.

Другим немаловажным моментом в противодействии коррупции является отсутствие связи между занимаемой должностью и оценкой деятельности со стороны населения. То есть дополнительно к внутренним критериям должен существовать внешний критерий оценки – «уровень доверия населения» к тому или иному руководителю.

Но это произойдет только тогда, когда формирование низовых подразделений будет происходить не сверху вниз, а снизу вверх исходя из социально-экономической ситуации конкретной территории.

К сожалению, в настоящее время этот механизм распространяется пока только на руководителей Многофункциональных центров (далее – МФЦ) и на все государственные и муниципальные услуги, предоставляемые данными организациями [4].

Следующим моментом появления коррупционной составляющей, как не парадоксально, является чрезмерная централизация.

Если скорректировать этот процесс, то в ходе децентрализации одновременно произойдет устранение дублирующих функций и организационных конфликтов.

Так, например, Министр внутренних дел Российской Федерации В. Колокольцев, выступая на расширенном заседании Коллегии МВД России 28.02.2018 г. отметил: – «…Всего в прошлом году органами внутренних дел было раскрыто более девятисот тысяч уголовно наказуемых деяний…» [1]. Речь шла о результатах работы за 2017 г.

То есть на одного сотрудника органов внутренних дел в России приходится чуть больше одного раскрытого преступления в год. Как оценивать данные цифры сказать сложно, но если брать другие страны, то это один из самых низких показателей в мире.

В отдельных, так называемых «развитых странах» преобладает малочисленная, но капиталоемкая полиция, отвлекающая, тем не менее, намного меньшую долю общественных ресурсов. В «среднеразвитых странах» полиция менее капиталоемкая и более трудоемкая, но не затратная для национальной экономики. В нашей стране полиция является крайне трудоемкой и одновременно дорогой для экономики. Сверхцентрализация, результатом которой стало разбухание административного аппарата до такой степени, что администрированием занято более половины имеющихся сотрудников.

То есть – это сотрудники, призванные охранять законные права и свободы граждан, но по своему внутреннему функционалу занимающиеся адми-

нистративными – не правоохранительными функциями.

Другая причина коррупции – это конечно социальная незащищенность сотрудников органов внутренних дел.

Если говорить в целом, то целесообразно не только обеспечить социальные гарантии, но и совместить их с выполняемой в ходе службы честной деятельностью по принципу: «служил честно – максимум социальной обеспеченности при окончании службы», в том числе детям сотрудников.

К сожалению, приходиться говорить о том, что по выходу на пенсию (раньше по сравнению с другими категориями граждан) сотрудник правоохранительных органов зачастую не может адаптироваться к гражданской жизни, то есть отсутствует система переквалификации и подготовки к гражданской специальности. Это еще один фактор, детерминирующий коррупционное поведение сотрудников, цель – сделать запас материальных ценностей на момент окончания службы.

Подводя итог, можно отметить, что на сегодня, к сожалению, сложилась парадоксальная ситуация связанная с тем, что с одной стороны: существование коррупции признается на всех уровнях, увеличиваются размеры наказаний за преступления коррупционной направленности, органы власти периодически отчитываются перед населением, общественными объединениями и советами.

Но с другой стороны противодействие коррупционным проявлениям и минимизация коррупции сводится лишь к фискальным методам, либо увеличению различных надстроечных контролирующих органов, отделов, в том числе общественных объединений без изменения самой системы управленческих процессов.

Литература

1. Вытупление Министра внутренних дел Российской Федерации В. Колокольцева на расширенном заседании Коллегии МВД России 28.02.2018. // МВД России URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/12414315/ (Дата обращения: 20.04.2018).

2. Майкл Мескон, Майкл Альберт, Франклин Хедоури. Основы Менеджмента (Management) = Management / пер. Л. И. Евенко. М.: Дело, 1997. 704 с.

3. Мировая экономика: учебник. М.: Юстицинформ, 2010. 509 с.

4. Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) №3584 // Всероссийский центр изучения общественного мнения URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116701/ (Дата обращения: 20.04.2018).

5. Система государственного управления / С. Ю. Наумов и др. М.: Форум, 2012. 304 с.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2018 года №395 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2012 года №1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 года // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Vystuplenie Ministra vnutrennih del Rossijskoj Federacii V. Kolokolceva na rasshirennom zasedanii Kollegii MVD Rossii 28 02 2018 *(Statement by the Minister of the Interior of the Russian Federation V. Kolokoltsev at the Expanded Meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia on February 28)* // Ministry of Internal Affairs of Russia URL: https: // xn--b1aew.xn--p1ai/document/12414315/ (Accessed: 20.04.2018). (In Russian).

2. Michael Meskon, Michael Albert, Franklin Hedouri. Osnovy Menedzhmenta Management Management *(Fundamentals of Management (Management) = Management).* Moscow: The Case, 1997. 704 p. (In Russian).

3. Mirovaya ehkonomika *(World economy):* a textbook / B.M. Kudrov. Moscow: Justicinform, 2010. 509 p. (In Russian).

4. Press-vypusk Vserossijskogo centra izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM) No.3584 *(Press-release of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VCIOM)* No. 3584) URL: Access mode: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116701/ (Accessed: 04.20.2018). (In Russian).

5. Sistema gosudarstvennogo upravleniya *(Public Administration System)* / S. Yu. Naumov et al. Moscow: Forum, 2012. 304 p. (In Russian).

6. Postanovlenie Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 31 03 2018 goda 395 "O vnesenii izmenenij v Postanovlenie Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 12 12 2012 goda 1284 Ob ocenke grazhdanami ehffektivnosti deyatelnosti rukovoditelej territorialnyh organov federalnyh organov ispolnitelnoj vlasti ih strukturnyh podrazdelenij i territorialnyh organov gosudarstvennyh vnebyudzhetnyh fondov ih regionalnyh otdelenij s uchetom kachestva predostavleniya imi gosudarstvennyh uslug a takzhe o primenenii rezultatov ukazannoj ocenki kak osnovaniya dlya prinyatiya reshenij o dosrochnom prekrashchenii ispolneniya sootvetstvuyushchimi rukovoditelyami svoih dolzhnostnyh obyazannostej" *(Resolution of the Government of the Russian Federation No. 395 of March 31, 2013, "On Amendments to Decree No. 1284 of 12.12.2012 of the Government of the Russian Federation" On the Assessment of the Effectiveness of the Activity of Heads of Territorial Bodies of Federal Executive Bodies (Their Structural Subdivisions) and Territorial Bodies State Off-Budget Funds (Their Regional Branches), Taking into Account the Quality of Their Provision of Public Services, as well as the Application of the Results of this Assessment as a Basis for Making Decisions on Early Termination of the Performance of their Respective Duties by the Relevant Managers)* // Access from the consultative legal system»ConsultantPlus». (In Russian).

7. Federalnyj zakon 131-FZ "Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii" ot 06 10 2003 goda *(Federal Law No. 131-FZ "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" of 06.10.2003)* // Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russian).

УДК 342.951

А. П. Жуков

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ[1]

Изменения, происходящие в мире, выраженные в развитии информационных технологий, повышении мобильности людей, а также иные процессы, связанные с глобализацией, объективно отражаются на модели воспитания, существующей в том или ином обществе. Не секрет, что глобализация в совокупности с экономическими преобразованиями напрямую влияют на мировоззрение, прежде всего молодых людей.

Бесспорно, что в условиях глобализации и интеграции в международное пространство, в абхазском обществе, как и любом обществе в государствах бывшего Советского Союза, образовались негативные тенденции роста асоциальных явлений, опасных для здоровья привычках и т.д. на фоне падения уровня нравственности. В качестве одной из причин совершенно справедливо указывается насаждение чуждой для коренного населения культуры, образа жизни. Противодействие вышеописанным тенденциям состоит, в том числе, в модернизации системы образования, точнее, в адаптации традиционно сложившейся системы воспитания к существующим современным условиям.

В абхазской системе воспитания получила большую популярность идея «Абхазской народной педагогики», представляющей собой процесс воспитания личности, основанной, главным образом, на культурной самобытности абхазского народа.

В статье делается аргументированный вывод, что положения абхазской системы педагогики, как средство противодействия негативным тенденциям, могут быть положены в основу новой концепции правового регулирования системы воспитания в образовании Республики Абхазия при условии их серьезной модернизации.

В настоящее время в юридическом институте Северо-Кавказского федерального университета ведется активная работа по подготовке законопроекта «Об образовании в Республики Абхазия», включающего в себя положения, посвященные системе воспитания в образовательном процессе.

Положения указанного проекта, по мнению автора, соответствуют традициям абхазской народной педагогики в той мере, в которой они могут быть внедрены в образовательный процесс. Вместе с тем, рассматриваемый законопроект предусматривает направления воспитания в системе образования, которые не отражены, либо отражены в недостаточной степени в канонах абхазской этнопедагогики. Симбиоз абхазской народной педагогики с современными наработками педагогической науки, нашедший свое отражение в рассматриваемом законопроекте, по нашему мнению, позволят заложить основу для формирования современной конкурентоспособной личности, воспитанной в лучших традициях абхазского народа.

Ключевые слова: система воспитания в образовании, правовое регулирование системы воспитания, семейное воспитание, абхазская народная педагогика.

A. P. Zhukov

ON THE CONCEPT OF LEGAL REGULATION OF EDUCATION SYSTEM IN THE FORMATION OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Changes taking place in the world, expressed in the development of information technologies, increasing the mobility of people and other processes associated with globalization, objectively affect the model of education existing in a particular society. It is no secret that globalization, together with economic transformations, directly affects the worldview, especially the one of young people.

It is indisputable that in the conditions of globalization and integration into the international space, in the Abkhazian society, as well as in any society in the States of the former Soviet Union, negative trends of growth of asocial phenomena, dangerous habits, etc.against the background of falling of the level of morality. As one of the reasons, the planting of an alien culture and way of life for the indigenous population is rightly pointed out. Counteraction to the above-described tendencies consists, including, in modernization of system of education, more precisely, in adaptation of traditionally developed system of education to the existing modern conditions.

The idea of “Abkhaz folk pedagogy”, which is a process of personal education based mainly on the cultural identity of the Abkhaz people, has gained great popularity in the Abkhazian education system.

The article makes a reasoned conclusion that the provisions of the Abkhazian system of pedagogy, as a means of countering negative trends, can be the basis of a new concept of legal regulation of the system of education in the Republic of Abkhazia under the condition of their profound

[1] Статья подготовлена и издана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ № 29.12941.2018/12.1 «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, инноваций, образования и молодежной политики Российской Федерации со странами Кавказа, Южной Осетией и Абхазией» на 2018 год.

modernization. The proposed model of legal regulation of the system of education, according to the author, most fully reflects the needs of modern Abkhazian society.

Currently, the Institute of law of the North-Caucasus Federal University is actively working on the development of the draft law "On education in the Republic of Abkhazia", which includes provisions on the system of education in the educational process.

According to the author, the provisions of the project correspond to the traditions of Abkhazian folk pedagogy to the extent that they can be introduced into the educational process. At the same time, the draft law provides for the directions of education in the education system, which are not reflected, or are not sufficiently reflected in the canons of Abkhazian ethnopedagogics. The symbiosis of the Abkhazian folk pedagogy with the modern achievements of pedagogical science, which is reflected in the draft law, in our opinion, will lay the Foundation for the formation of a modern competitive personality, brought up in the best traditions of the Abkhazian people.

Key words: system of upbringing in education, legal regulation of the education system, family education, Abkhazian folk pedagogy.

Активно развивающиеся общественные процессы диктуют новые требования к системе воспитания подрастающего поколения. В условиях рыночной экономики меняется система ценностей в пользу материального благополучия и благосостояния в ущерб духовных и общегуманистических ценностей. Как справедливо отмечает Ш. К. Царгуш, материально-ориентированное развитие личности неизбежно приводит к конфликту внутри личности, стремящейся по естественным причинам к добру, справедливости и т.д.: «…Перемены в нашем образе жизни – приватизация, суверенизация и т.д. – едва начавшись, пришли в противоречие с естественным стремлением народа к материальному благополучию, свободе, справедливости, порядку, красоте...» [6, с. 5].

Бесспорно, что в условиях глобализации и интеграции в международное пространство, абхазское общество переживает «не самую благоприятную социально-нравственную ситуацию, выражающуюся в росте асоциальных проявлений (различного рода правонарушениях, вредных для здоровья привычках, опасных для жизни социальных заболеваниях) среди населения и. что особенно прискорбно, среди подростков и молодежи» [6, с. 6].

В абхазской системе воспитания получила большую популярность идея «Абхазской народной педагогики», представляющей собой процесс воспитания личности, основанной, главным образом, на культурной самобытности абхазского народа. Исследователями «Абхазская народная педагогика» рассматривается как действенный способ «…противостояния чуждым национальной самобытности инвазиям, способным поразить будущие поколения, и устранения уже имеющихся изъянов…» [1].

Как отмечают исследователи, основой, ядром, абхазского этновоспитания является процесс передачи старшим поколением младшему знаний о традициях, обычаях и культуре абхазского народа [2]. При этом большое внимание исследователями уделяется традиционным ценностям абхазской семьи, как основному, центральному, главному элементу абхазской народной педагогики [3]. Таким образом, основной упор в реализации абхазского народной педагогики делается на семейную форму воспитания подрастающего поколения.

В этой части, не принижая роль семьи в деле формирования личности, необходимо отметить, что, на наш взгляд, семейное воспитание при всем его преимуществе, не в состоянии в полной мере выполнять задачи по формированию конкурентоспособной личности, способной соответствовать высоким требованиям современного общества. В частности, в процессе семейного воспитания в стороне могут остаться такие важные вопросы, как взаимоотношения со сверстниками, проблемы отношения к государству, в целом гражданско-патриотического воспитания, проблемы правового воспитания. Это не полный перечень составляющих воспитательного процесса, которые, по нашему мнению, в зависимости от многих факторов, как объективного, так и субъективного характера, не будут затронуты в процессе семейного воспитания в необходимом объеме.

Признавая справедливость вышеуказанного тезиса, исследователи абхазского этновоспитания сходятся во мнении, что принципы абхазской народной педагогики будут иметь необходимый эффект при условии их внедрения в образовательный процесс.

Безусловно, образовательный процесс, начиная от дошкольного и заканчивая вузовским уровнями образования, не должен и не может осуществляться в отрыве от процесса воспитания. Начиная с детского сада, ребенок должен получить необходимые представления о языке, об основных традициях и обычаях, истории своего народа, культурных ценностях. Например, получая знания о подвигах народных героев, у ребенка формируется общие представления о добре и зле, плохом и хорошем, правильном и неправильном и т.д.

Однако сегодня решение вопроса повсеместного внедрения положений абхазской народной педагогики в образовательный процесс осталось на уровне научных дискуссий, не нашедших широкого применения на практике.

Основная причина, на наш взгляд, заключается в том, что процесс внедрения принципов абхазской народной педагогики объективно сталкивается, либо столкнётся с определенными трудностями.

Во-первых, положения абхазской народной педагогики построены исключительно на исто-

рической и культурной самобытности абхазского народа. Бесспорно – абхазский народ, как древнейший представитель народов Кавказа обладает богатой историей и культурой, однако широкое внедрение обычаев и традиций в образование сложный, а в некоторых случай невозможный процесс в условиях многонационального государства. Безусловно, что любой обучающийся в Абхазии, не зависимо от национальности и гражданства, обязан знать основы культуры, языка и истории абхазского народа. Однако, следовать традициям и обычаям, заложенных в основу абхазской народной педагогики в образовательном процессе лицам неабхазского происхождения сложно, да и в этом нет необходимости.

Во-вторых, исследователями абхазской народной педагогики выдвигается тезис, что традиции и обычаи на сегодняшний день не теряют свою актуальность, а наоборот, пройдя проверку временем, успешно приспосабливаются к современным реалиям.

Не подвергая сомнению изложенную позицию в целом, выразим уверенность в том, что процесс адаптации традиций и обычаев к реально сложившимся отношениям и, соответственно, запросам молодежи, достаточно сложный и протяженный по времени и не происходит одномоментно.

В-третьих, Принцип общности (живи сообразно обществу!) [6, с. 15], в соответствии с которым личность должна принять, усвоить духовные и материальные ценности общества, сделать их своим достоянием имеет свою актуальность в условиях проживания «родного общества», но рассматриваемый принцип, как впрочем и иные, могут быть менее пригодными для жизни и деятельности на территории другого государства в условиях «чужого общества».

И последнее, в теории абхазской народной педагогики широко используется термин «законы абхазства», подразумевающий следование неписанным правилам, исторически сложившимся в абхазском народе, основанных на традициях и обычаях, регулирующих правила поведения членов абхазского общества. Возникает вопрос: какова степень соответствия существующих неписанных правил нормам, установленных государством?

В теории, любой нормативно-правовой акт должен соответствовать исторически сложившимся представлениям народа о добре, зле и справедливости, иначе он будет нелегитимным, попросту будет отвергаться обществом. То есть, принимаемый нормативно-правовой акт для успешной его реализации в дальнейшем, в максимальной степени должен соответствовать сложившимся в том или ином обществе традициям и обычаям. Но это в теории… Соответственно, всегда существует опасность конфликтности норм, исходящих от государства по отношению к неписанным правилам, существующим в обществе. Необходимо отметить, что положения абхазской народной педагогики не учитывают указанных обстоятельств.

Анализ теоретических представлений об абхазской народной педагогики с учетом вышеуказанных тезисов, позволяет сделать вывод, что этнопедагогика охватывает далеко не все важные элементы воспитания, в частности проблемы правового воспитания.

На наш взгляд, мнение, высказанное одним из сторонников повсеместного внедрения этновоспитания в образовательный процесс, что проблемы преступности (взяточничества в частности) [6, с. 7] возможно решить с помощью педагогики, является верным лишь отчасти. При всех достоинствах и преимуществах этнопедагогики, она не учит человека главному – уважению к закону.

Необходимо также отметить, что абхазская народная педагогика содержит в себе каноны, которые основаны на общечеловеческих представлениях о добре, зле, справедливости, чести, долге, гостеприимству, отношении к старшим и противоположному полу, и в этом смысле, по мнению самих исследователей [4], мало отличается от народной педагогики народов Кавказа, у которых также отмечается сильная взаимосвязь с обычаями и традициями. Как неоднократно указывалось выше, отметим еще раз, этнопедагогика не решает важной проблемы – отношение к государству и принимаемых им законов.

На основании вышеизложенного, мы объективно приходим к выводу, что внедрение абхазской народной педагогики в образовательный процесс должно осуществляться в тесном взаимодействии и с другими направлениями педагогической деятельности, в том числе и с правовым воспитанием.

При этом положения абхазской народной педагогики должны быть максимально адаптированы к условиям современного общества, в том числе к условиям многонационального общества и учитывать интересы современного молодого человека, формируя его конкурентоспособной личностью не только в Абхазии, но и за ее пределами.

В 2017–2018 гг. Северо-Кавказским федеральным университетом по заданию Министерства образования и науки Российской Федерации началась работа по проектированию нового закона «Об образовании в Республике Абхазия» [5] (далее – Законопроект).

Предложенная в главе 8 Законопроекта концепция правового регулирования системы воспитания в образовании, на наш взгляд, представляет собой некий компромисс между традициями и обычаями, положенными в основу абхазской народной педагогики и интересами современного абхазского государства.

Часть 3 ст. 49 Законопроекта в качестве задач государственной политики в области образования и воспитания в числе прочих устанавливает:

а) защита ребенка от информации, наносящей вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, пропагандирующей расовое, национальное и религиозное неравенство, раннюю половую жизнь и нетрадиционные сексуальные отношения, потребление отравляющих организм детей веществ и средств, или иным образом направленной на формирование асоциального поведения детей; б) поддержка семейного вос-

питания, пропаганда ответственного отношения родителей к воспитанию и образованию детей; в) совершенствование культурно-творческой деятельности детей в образовательных организациях, основанной, прежде всего, на традициях народа Абхазии; г) совершенствование в образовательных организациях системы профилактики девиантного (общественно опасного) поведения, подростковой жестокости и агрессии; д) формирование уважительного и бережного отношения к природе и экологической культуры; е) развитие системы правового воспитания и обучения в образовательных организациях, формирование уважительного отношения к законам и традициям Абхазии; и) развитие уважительного отношения к родному языку и абхазской истории и др.

Части 1 и 2 статьи 50 Законопроекта, устанавливая гражданско-патриотическое воспитание в качестве неотъемлемой части образовательного процесса, предусматривает в качестве цели такого воспитания становление личности-патриота с национальным самосознанием, воспитание чувства любви и гордости за свой народ и Отечество, выработка готовности защищать Родину и свой народ.

Часть 3 рассматриваемой статьи в качестве задач гражданско-патриотического воспитания устанавливает: 1) активизация интереса у обучающихся к изучению языка, национальной истории, культуры, обычаев и традиций; 2) развития чувства гордости за национальных героев и уважения к памятникам; 3) укрепление авторитета Вооруженных сил и правоохранительных органов Республики Абхазия; 4) развитие чувства уважения и почитания государственных символов и атрибутов; 5) повышение уровня интереса к истории, традициям и особенностям своего города, села и др.

Статья 51 рассматриваемого Законопроекта, устанавливая требования к деятельности образовательной организации в области развития культурно-творческого потенциала личности, указывает, что данный вид деятельности осуществляется путем приобщения к культуре, обычаям и традициям народа Абхазии, а также общепризнанным достижениям мировой культуры, не противоречащим традиционным ценностям культуры народа Абхазии.

Законопроект предусматривает две основные формы развития культурно-творческого потенциала личности: культурно-эстетическое и творческое развитие обучающихся.

В соответствии с ч. 3 ст. 51 Законопроекта культурно-творческое воспитание осуществляется в целях формирования и развития эмоционально-нравственных установок, художественно-эстетического вкуса, человечности в личности.

Творческое воспитание в образовательных организациях в соответствии со ст. 51 Законопроекта направлено на выяснение в процессе воспитательной работы индивидуально-психологических особенностей каждого обучающегося и использование указанных особенностей в учебном процессе, а также во внеучебной работе в целях творческого развития личности.

Статья 52 Законопроекта посвящена правовому воспитанию в образовании, под которым подразумевается деятельность педагогических работников, общественных организаций, представляющая собой систематическое воздействие на сознание и поведение обучающегося, выраженное в передаче юридического опыта в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных установок, обеспечивающих правильные соблюдение, исполнение и использование правовых норм.

В качестве показателей эффективности процесса правового воспитания в организации, осуществляющей образовательную деятельность, предусмотрены высокий уровень правовой культуры обучающихся, характеризующийся: знанием и пониманием права, уважением к праву, правам и свободам человека, правовой активностью, сформированной привычкой поступать в различных ситуациях в соответствии с законом.

В статье 53 Законопроекта заложены правовые основы для развития спорта и физической культуры в образовании, основная цель которых формирование здорового образа жизни обучающихся. В соответствии с ч. 2 ст. 53 Законопроекта, образовательные организации осуществляют физическое воспитание путем реализации мероприятий: а) создание спортивных клубов, команд, секций, а также проведение между обучающимися спортивных турниров, соревнований и состязаний; б) проведение обязательных занятий физической культурой и спортом; в) создание условий для занятий физической культурой и спортом во внеучебное время; г) формирование у обучающихся навыков физической культуры с учетом индивидуальных способностей и состояния здоровья; д) организация медицинского контроля в процессе физического воспитания; е) формирование ответственного отношения родителей (лиц, их заменяющих) к здоровью детей и их физическому воспитанию; ж) пропаганда здорового образа жизни и активного отдыха; з) профилактика курения табака, употребление наркотических веществ, психотропных веществ.

Статья 54 Законопроекта посвящена допризывной подготовке и гражданской обороне. В соответствии с ч. 1 рассматриваемой статьи, под допризывной подготовкой понимается обучение граждан призывного возраста начальным знаниям в области обороны и их ознакомление с основами военной службы в образовательных организациях среднего общего (полного) образования, образовательных организациях начального профессионального и среднего профессионального образования. Часть 2 ст. 54 Законопроекта для выполнения задач допризывной подготовки, устанавливает обязанности образовательных организаций: а) обеспечить получение знаний обучающимися мужского пола, достигших возраста 14 лет, начальных знаний в области обороны государства, воинской обязанности граждан в

соответствии с образовательными стандартами основного общего, среднего (полного) образования, государственными образовательными стандартами среднего профессионального и высшего профессионального образования; б) в порядке, определяемом Кабинетом Министров Республики Абхазия, организуют совместно с органом исполнительной власти, уполномоченным в области обороны, проведение учебных сборов в соответствии со статьей 14 Закона Республики Абхазия «О воинской обязанности и военной службе»; в) выполнять иные обязанности по допризывной подготовке и мероприятий по воинскому учету, предусмотренных Законом Республики Абхазия «О воинской обязанности и военной службе» и другими законодательными актами Республика Абхазия.

Часть 3 ст. 54 Законопроекта предусматривает также обязанности Государственного органа исполнительной власти, уполномоченного в области обороны: а) обеспечить деятельность образовательных организаций, осуществляющих допризывную подготовку, учебниками, учебными пособиями и иным учебным материалом по призывной подготовке; б) обеспечить в порядке, утверждаемом Кабинетом Министров Республики Абхазия участие уполномоченных военнослужащих в работе по военно-патриотическому воспитанию в соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона Республики Абхазия «О воинской обязанности и военной службе», а также в мероприятиях по призывной подготовке обучающихся в образовательных организациях, осуществляющих допризывную подготовку; в) осуществлять подготовку и переподготовку педагогических работников образовательных организаций, осуществляющих допризывную подготовку; г) выполнять иные обязанности, связанные с допризывной подготовкой в образовательных организациях, предусмотренные Законом Республики Абхазия «О воинской обязанности и военной службе».

Часть 5 рассматриваемой статьи предусматривает включение занятий по допризывной подготовке и гражданской обороне в государственный образовательный стандарт (за исключением образовательных стандартов дошкольного образования).

Таким образом, можно сделать вывод, что положения указанного проекта соответствуют традициям абхазской народной педагогики в той мере, в которой они могут быть внедрены в образовательный процесс. Вместе с тем, рассматриваемый законопроект предусматривает направления воспитания в системе образования, которые не отражены, либо отражены в недостаточной степени в канонах абхазской этнопедагогики. Симбиоз абхазской народной педагогики с современными наработками педагогической науки, нашедший свое отражение в рассматриваемом законопроекте, по нашему мнению, позволят заложить основу для формирования современной конкурентоспособной личности, воспитанной в лучших традициях абхазского народа.

Литература

1. Анкваб М. Ф. Принципы воспитания в абхазской народной педагогике // Человек и образование. 2014. №4(41). С.157.

2. Анкваб М. Ф. Абхазская народная педагогика в учебно-воспитательном пространстве образовательных учреждений: Учебное пособие. 4-е издание: М.: Интернаука, 2017. 64 с.

3. Анкваб М. Ф. Народная педагогика абхазов сквозь призму семейных ценностей // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. Т.21. С.204.

4. Анкваб М. Ф. Народная педагогика абхазов: воспитание детей посредством традиций и обычаев // Аграрный вестник Урала. 2015. №5(135). С. 63.

5. Проект закона «Об образовании в Республики Абхазия». Ставрополь: СКФУ, 2018. 96 с.

6. Царгуш Ш. К. Развитие абхазской народной педагогики: диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Сухум: АТУ, 2011. 55 с.

References

1. Ankvab M. F. Principy vospitaniya v abhazskoj narodnoj pedagogike *(Principles of Education in the Abkhaz Folk Pedagogy)* // CHelovek i obrazovanie. 2014. No. 4 (41). P.157. (In Russian).

2. Ankvab M. F. Abhazskaya narodnaya pedagogika v uchebno-vospitatel'nom prostranstve obrazovatel'nyh uchrezhdenij *(Abkhazian National Pedagogy in the Educational Space of Educational Institutions)*. Moscow: Internauka, 2017. 64 p. (In Russian).

3. Ankvab M. F. Narodnaya pedagogika abhazov skvoz' prizmu semejnyh cennostej *(Folk Pedagogy of Abkhazians through the Prism of Family Values)* // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2015. Vol.21. P. 204. (In Russian).

4. Ankvab M. F. Narodnaya pedagogika abhazov: vospitanie detej posredstvom tradicij i obychaev *(Folk Pedagogy of the Abkhaz: Raising Children through Traditions and Customs)* // Agrarnyj vestnik Urala. 2015. No.5 (135). P. 63. (In Russian).

5. Proekt zakona «Ob obrazovanii v Respubliki Abhaziya» *(Draft Law "On Education in the Republic of Abkhazia")*. Stavropol': NCFU publ., 2018. 96 p. (In Russian).

6. Cargush Sh. K. Razvitie abhazskoj narodnoj pedagogiki *(Develpoment of Abkhazian Folk Pedagogy)*: abstract of thesis. Suhum, 2011. 55 p. (In Russian).

УДК 340

З. Т. Золоева, Б. Г. Койбаев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Современное общество характеризуется высокой степенью развития информационно-коммуникационных технологий, но данный процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, информационные технологии и всемирная сеть Интернет облегчают обмен информацией гражданами и их объединениями в любое время, в любом месте, предоставляют возможности для интеллектуального развития, облегчают доступ к информации.

Однако в современных условиях, информационные технологии широко используются экстремистскими и террористическими организациями в своей деятельности. Как средство распространения экстремистских материалов, сеть Интернет обладает определенными особенностями. Так, он состоит из совокупности сетей, имеющих разное географическое расположение. А информация, которая размещается во всемирной паутине, становится доступной для неограниченного круга лиц, в разных частях света. Причем и лица, разместившие информацию, и лица, ее пользующиеся могут сохранять анонимность. Кроме того, в связи с отсутствием географических рамок, ограничение доступа к информации или блокировка сайта, не избавляют от проблемы размещения такой информация в другом месте. Таким образом, на первый план выходят проблемы установления лиц, разместивших информацию экстремистской направленности в сети Интернет, а также установления владельца сайта, на котором были размещены данные материалы.

По мнению авторов, решить проблему противодействия террористическим и экстремистским организациям довольно сложно. Однако эффективность работы в данном направлении во многом зависит от действенной и современной правовой базы. Особая роль в блоке нормативно - правовых актов в сфере противодействия экстремизму принадлежит нормам уголовного и административного права, которые в свою очередь обладают рядом недостатков. Авторы отмечают необходимость разработки общегосударственной комплексной программы, охватывающей не только правоохранительный, но и политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, пропагандистский, информационный, оперативно-розыскной и другие аспекты.

Ключевые слова: противодействие экстремизму, информационно-телекоммуникационная сеть, сеть Интернет, информационное общество, экстремизм, терроризм, право, законодательное регулирование.

Z. T. Zoloeva, B. G. Koybaev

SOME PROBLEMS OF LEGAL COUNTERACTION TO EXTREMIST MANIFESTATIONS IN THE INFORMATION-TELECOMMUNICATION NETWORK INTERNET

Modern society is characterized by a high degree of development of information and communication technologies, but this process has both positive and negative sides. Thus, information technology and the world wide web facilitate the exchange of information by citizens and their associations anytime, anywhere, provide opportunities for intellectual development, facilitate access to information.

However, in modern conditions, information technology is widely used by extremist and terrorist organizations in their activities. As a means of disseminating extremist materials, the Internet has certain characteristics. Thus, it consists of a set of networks with different geographical location. And the information that is posted on the world wide web, becomes available to an unlimited number of people in different parts of the world. Moreover, both the person who posted the information and the person who uses it can remain anonymous. In addition, due to the lack of geographical boundaries, limited access to information or blocking the site, do not eliminate the problem of placing such information elsewhere. Thus, the problems of identifying people who posted extremist information on the Internet, as well as the owner of the site on which these materials were posted, come to the fore.

According to the authors, it is quite difficult to solve the problem of countering terrorist and extremist organizations. However, the effectiveness of work in this direction largely depends on the effective and modern legal framework. A special role in the block of normative legal acts in the sphere of countering extremism belongs to the norms of criminal and administrative law, which in turn has a number of shortcomings. The authors note the need to develop a comprehensive national program covering not only law enforcement, but also political, social, economic, legal, ideological, propaganda, information, operational-investigative and other aspects.

Key words: counteraction to extremism, information and telecommunication network, Internet, information society, extremism, terrorism, law, legislative regulation.

В настоящее время наблюдается рост преступлений экстремистской направленности. Видится, что одной из причин, способствующих распространению экстремизма в РФ выступает развитие информационно-коммуникационных технологий в целом и Интернета в частности. Так, при помощи Интернета осуществляется вербовка новых участников экстремистских формирований и распространение экстремистских материалов. В этой связи была ужесточена уголовная ответственность за призывы к экстремизму, а в КоАП были внесены новые статьи.

Еще одной причиной роста преступлений экстремистской направленности выступают активные миграционные процессы. В связи, с чем во многих субъектах РФ, где зафиксирован приток мигрантов, наблюдается рост напряженности и угроза проявления экстремизма.

В современных условиях возможности Всемирной сети по распространению информации и информационному воздействию, практически равны, возможностям традиционных средств массовой информации, в связи с чем, возможности сети Интернет, широко используются террористическими и экстремистскими формированиями в целях пропаганды национальной и религиозной нетерпимости.

Для преступлений, совершаемых в сети Интернет, характерна высокая степень латентности, обусловленная применением механизмов обеспечения анонимности, что зачастую позволяет правонарушителям избегать мер ответственности и повторно совершать правонарушения и преступления в исследуемой сфере. Важно отметить, что в современных условиях развития информационного общества более 90% из рассмотренных преступлений экстремистского характера, совершаются с использованием сети Интернет.

Кроме того, важно отметить, что преступления экстремистской направленности, совершаемые в сети Интернет, зачастую имеют трансграничный характер, когда преступник и объект преступного посягательства находятся под юрисдикцией различных государств. Совершение преступного деяния, как правило, осуществляется дистанционно, причем часть таких действий может выполняться в автоматизированном режиме. Следы преступных действий в сети Интернет распределяются по множеству объектов, и характеризуются отсутствием четко выраженного места преступления.

Кроме того, важно отметить нестандартность, сложность, многообразие и частоту обновления способов совершения преступлений и применяемых при этом специальных средств. Глобализация, сопровождающаяся формированием наднациональных институтов, обслуживающих интересы отдельных корпоративных групп и стран, разрушительно воздействует на государственный и общественный порядки, действующие в пределах конкретного национального пространства [5, с. 65].

В этих условиях, происходит увеличение потенциала экстремистских организаций, действующих по принципу сетевой организации. Для данных организаций характерно наличие единых центров управления [7].

Экстремистские сообщества постоянно расширяют сферу своего информационного пространства, и в тоже время прививают собственные установки широкой аудитории. Таким образом, информационный экстремизм, может выступать в качестве подготовительного этапа для других, в том числе и крайних форм экстремизма, и формировать благоприятную среду для распространения экстремистских убеждений. Субъектом информационного экстремизма может стать как экстремистская группа, так и одно лицо. А основным методом информационного экстремизма выступает речевое воздействие.

Для России угрозу представляют ресурсы, направленные на осуществление информационной и финансовой поддержки террористических организаций, в том числе и международных. Такие ресурсы зачастую содержат призывы к совершению актов терроризма, а также пропагандируют, религиозную нетерпимость, межнациональную рознь и сепаратизм.

В сети Интернет постоянно увеличивается количество сайтов, на которых распространяется информация, способствующая развитию экстремизма. Примечательно, что большая часть интернет – адресов таких сайтов зарегистрирована в других государствах. Справочные ресурсы, напрямую не призывающие к противоправной деятельности, но подразумевающие ее совершение, вызывают особую озабоченность правоохранительных органов России. Так как на таких ресурсах распространяется информация об изготовлении взрывчатых веществ, способах получения ядов, сборки самодельных взрывных устройств и т.д. Как правило, такие ресурсы недолговечны, часто меняют доменные имена и довольно многочисленны. Решению проблемы распространения экстремизма в сети Интернет будет способствовать унификация и совершенствование законодательства РФ, в сфере распространения информации в телекоммуникационных сетях общего пользования.

Таким образом, в современных условиях, наряду с основными проявлениями экстремизма – политическим, национальным и религиозным, выделяют и информационный экстремизм.

Как справедливо отмечает А. В. Карягина, основным «оружием» информационного экстремизма является не нивелирование ценностей и символов существующего строя, а деформация важнейших коммуникационных связей [4, с. 106], в целях развития хаоса в информационном обществе.

Кроме того, информационный экстремизм имеет еще одно проявление, связанное с информационным воздействием на широкий круг лиц при помощи средств массовой информации. Это наносит большой вред нашей государственности, подрывает основы правовой культуры, в которой правопослушание играет ведущую роль [13, с. 25–33].

По нашему мнению, в современных условиях, характеризующихся развитием информационного общества и глобализацией, проблема инфор-

мационного экстремизма стоит особенно остро. Во многом это связано с возможностью манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, что в конечном итоге может привести к возникновению информационных войн. Все это, выводит на новый уровень проблему обеспечения информационной безопасности.

Важно отметить, что в настоящее время происходит изменение структуры экстремистских группировок. Так, сегодня за счет развития новых информационно-коммуникационных технологий, иерархическая структура экстремистских организаций, возглавляемых одним лицом, сменилась на сетевую, в рамках которой могут существовать и несколько лидеров. Все это усложняет работу по выявлению такого рода экстремистских организаций.

Особое место в деле противодействия экстремизму в сети Интернет занимает действенная правовая база. В настоящее время в Российской Федерации происходит интенсивное развитие и совершенствование организационно-правовых основ противодействия экстремизму. В связи, с чем на проблематику противодействия экстремизму неоднократно обращали внимание Президент Российской Федерации, Генеральный прокурор, Директор ФСБ, Министр внутренних дел России. Так, выступая на заседании коллегии Министерства внутренних дел 9 марта 2017 года, Президент В. В. Путин выделил противодействие экстремизму в качестве одной из важнейших задач государства. Все это свидетельствует об актуальности исследования вопросов противодействия экстремистским проявлениям на современном этапе развития, как в Российской Федерации в целом, так и в ее регионах.

Как известно, правовая база в сфере противодействия экстремистским проявлениям состоит из норм международного права, федеральных нормативных актов и нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает следующие основные меры противодействия исследуемому явлению:

– принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению указанной деятельности;

– выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц [11].

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, конкретизирующая положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», указывает что националистический, религиозный и политический являются наиболее опасными видами экстремизма. В Стратегии отмечается активное использование экстремистскими и террористическими организациями информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в целях привлечения новых участников, распространения экстремистской идеологии, а также координации совершения преступных деяний экстремистского характера [10].

В качестве одного из направлений политики государства в сфере противодействия экстремизму Стратегия называет необходимость совершенствования правовых основ в области противодействия экстремистским проявлениям (производству и распространению экстремистских материалов), а также в телекоммуникационных сетях.

Правовое регулирование интернет-контента, основывается на федеральных законах «О связи», «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации» и др.

Особое значение среди перечисленных законов имеет ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Так, Закон устанавливает возможность ограничения Роскомнадзором доступа к информационным ресурсам, содержащим призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, на основе обращения Генерального прокурора Российской Федерации либо его заместителей [12].

Федеральный закон «О средствах массовой информации» установил, что использование СМИ с целью совершения преступных деяний, а также с целью распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань не допустимы [2].

В деле противодействия экстремистским проявлениям важное значение имеют нормы уголовного и административного законодательства. В частности, это статьи, устанавливающие ответственность за: организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (205.5 УК,); призывы к экстремистской деятельности (280 УК); возбуждении ненависти либо вражды (282 УК); за публикации, которые могут быть отнесены к деятельности экстремистского сообщества или запрещенной организации (282.1 УК); за организацию деятельности экстремистской организации (282.2 УК); за финансирование экстремизма (282.3 УК) и др.

Подтверждением нарастающему напряжению в правоприменительной практике, выступает и формирующаяся судебная практика, направленная на совершенствование подхода к вопросам понимания преступного деяния и наступления ответственности за его совершение. В рамках данного исследования интерес представляет анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 №41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголов-

ным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Из положений, касающихся ст. 282 УК, важнейшим является разъяснение, устанавливающее, что возбуждение ненависти в том или ином проявлении – это не любые негативные высказывания, а именно призывы к противоправным действиям, и это необходимо учитывать при рассмотрении судами, следователями уголовных дел и квалификации деяний.

Другим важным разъяснением является позиция Верховного суда России по вопросу об оценке публикаций в сети Интернет, которая гласит, что при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней [6].

Федеральным законом от 28.06.2014 года №179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ч.2 ст. 280 УК РФ и в ч. 1 ст. 282 УК РФ были внесены изменения, предусматривающие в диспозиции указанных статей уголовную ответственность за призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Важно отметить, что до принятия указанного Закона, конкретизации относительно информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, в уголовном законодательстве Российской Федерации не было. Ранее запрещалось распространение экстремистских призывов только в средствах массовой информации, к которым информационно-коммуникационные сети не относились.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее часто преступления данной категории совершаются посредством использования социальных сетей. Кроме того, анализ практики позволяет сделать вывод, о том, что в большинстве случаев размещение высказываний экстремистского характера в сети Интернет, происходит в результате дискутирования пользователями острых тем в различных группах социальных сетей.

В 2017 году по ст. 282 ч.1 УК был осужден 461 человек, большая часть приговоров была вынесена за высказывания, сделанные в онлайн режиме [8]. Так, в соответствии с докладом Генерального прокурора РФ Совету Федерации, в стране наблюдается рост преступлений связанных с осуществлением призывов к нарушению территориальной целостности, общественного порядка и безопасности на 5 %, осуществляемых в Интернете (пресечено 1500 нарушений) [1]. В соответствии с докладом, в 2017 году осуществлена блокировка более 2000 сайтов, осуществлявших распространение призывов к участию в несогласованных митингах и иных публичных мероприятиях, а с 60000. интернет-ресурсов удалена противозаконная информация. Таким образом, на первый план выходят преступления, связанные с пропагандой идей национального, религиозного и расового превосходства посредством использования сети Интернет. Все это требует соответствующей реакции со стороны правоохранительных и органов.

Нормы, закрепляющие административную ответственность за правонарушения в исследуемой сфере содержатся в Кодексе об административных правонарушениях – это ст. 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики» и ст. 20.29 КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов». Только за прошедший год к административной ответственности по ст. 20.29 КоАПа России были привлечены шесть жителей Северной Осетии, разместившие в сети Интернет материалы экстремистского характера [9].

По нашему мнению, существует необходимость, закрепления на законодательном уровне запрета использования средств обеспечения анонимности в сети Интернет. Видится, что такие меры позволят значительно повысить эффективность реализуемых мероприятий по выявлению и пресечению фактов распространения экстремистских материалов.

Так, 16 апреля 2018 года на территории России начался процесс ограничения доступа к мессенджеру Telegram. С 2015 года Telegram заблокирован также в Китае. Об отдельных случаях перебоев в доступе к сервису сообщали пользователи в Иране, Пакистане, Индонезии, Саудовской Аравии, и Бахрейне [3].

На сегодняшний день, одной из важных проблем выступает недостаточное нормативно-правовое регулирование в рамках международного взаимодействия государств в сфере противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве. Проблема осложняется использованием государствами различных, как правило, отличные друг от друга, подходов к нормативно-правовому регулированию антиэкстремистской деятельности. Что конечно не способствует эффективному сотрудничеству в борьбе с экстремизмом в сети Интернет.

По нашему мнению, было бы целесообразным принятие соответствующих документов международного уровня, которые бы закрепили, как правовой статус международного информационного пространства, так и механизмы урегулирования споров, и вопросы оказания правовой помощи.

5 июня 2017 г. Правительство РФ представило Президенту РФ предложение о подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, которое было одобрено. В соответствии со ст. 7 Конвенции, стороны разрабатывают и осуществляют меры на национальном уровне по противодействию экстремизму, которые могут включать, в том числе меры по:

– усилению пропагандистской деятельности в сфере противодействия экстремизму и контрпропагандистскую работу против распространения экстремистской идеологии, в том числе в средствах массовой информации (СМИ) и сети «Интернет»;

– мониторингу СМИ и сети «Интернет» в целях своевременного выявления и пресечения распространения экстремистской идеологии;

– ограничению доступа к экстремистским материалам, размещенным в информационно-телекоммуникационных сетях.

Несомненно, принятие Конвенции позволит повысить эффективность борьбы с распространением экстремизма в сети Интернет. Однако Конвенция еще не принята, кроме того она носит региональный характер. По нашему мнению, существует необходимость разработки универсального международного документа, который бы регулировал борьбу с экстремизмом в сети «Интернет».

Правоохранительными органами осуществляются организационные и практические мероприятия, преследующие цель повышения эффективности деятельности по противодействию экстремизму. Однако в процессе расследования уголовных дел данной категории возникают коллизионные моменты, связанные с тем, что различными экспертными учреждениями, используются различные методики оценки экстремистских материалов, что не позволяет сформировать единообразную практику, в этой части. Кроме того, нередко заключения по одному и тому же материалу носят взаимоисключающий характер.

По состоянию на май 2018 года в федеральный список экстремистских материалов входит 4450 наименований.

В качестве еще одной проблемы можно выделить длительный период проведения психолого-лингвистических исследований и судебных экспертиз, которые, как правило, проводятся больше 6 месяцев. Несомненно, это отрицательно сказывается на качестве следствия. Во многом эта ситуация обусловлена нехваткой специализированных экспертных учреждений.

Проблема противодействия проявлениям экстремизма в сети Интернет имеет и региональный аспект. Так, на территории Республики Северная Осетия – Алания по данным портала правовой статистики с 2014 года зарегистрировано 43 преступления экстремистской направленности, по которым были возбуждены и расследовались уголовные дела (2014-8, 2015-10, 2016-10, 2017-15). Необходимо отметить, что все расследованные уголовные дела о преступлениях экстремистского характера связаны с выявлением фактов совершения преступлений в социальных сетях, комментариях и обсуждениях информации в блогах. Большая часть преступлений была совершена путем публичного комментирования тех или иных событий в форме, содержащей признаки действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Анализ особенностей совершенных преступлений и личностей преступников показывает, что преступления зачастую совершаются молодыми людьми с неустановившимися взглядами на жизнь и в отношении конкретных фактов. Кроме того, для лиц, совершивших преступления, исследуемой направленности, характерна некая инфантильность в рассуждениях по поводу совершенного деяния, которое по их глубокому убеждению не может быть преступным. Видится, что это может свидетельствовать о недостаточном присутствии в их жизни и окружающей среде нормативов и установок, ориентирующих на законопослушность.

Подводя итог, следует отметить, что повышению эффективности проводимой политики в сфере противодействия экстремизму, в том числе и в сети Интернет, по нашему мнению, будет способствовать разработка общегосударственной комплексной программы, охватывающей не только правоохранительный, но и правовой, оперативно-розыскной и другие аспекты. Однако важно учитывать, что только силами государства противостоять этому деструктивному явлению современности практически невозможно, а потому необходима поддержка со стороны граждан и институтов гражданского общества.

Кроме того, в современных условиях, сопровождающихся развитием глобализации и информационного общества, видится важным, постоянное совершенствование правовых норм в сфере противодействия экстремистским проявлениям на основе налаживания действенных международно-правовых механизмов.

Литература

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820/ (Дата обращения: 25.05.2018).

2. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. От 18.04.2018) «О средствах массовой информации» // Российская газета. 08.02.1992. №3.

3. История блокировки Telegram в России. URL: http://tass.ru/info/5121968 (Дата обращения 20.02.2018).

4. Карягина А. В. Информационный экстремизм в современном государственно-правовом пространстве. //Философия права. 2010. №4. С. 105-107.

5. Марченко М. Н. Глобализация и ее воздействие на современное национальное государство (методологический аспект) // Теоретико-методологические проблемы права. М.: Зерцало-М, 2007. С.65.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»// Российская газета. 16.11.2016. №259.

7. Принципы борьбы с экстремизмом в сети и вне ее будут одинаковыми / Официальный сайт информационного портала SecurityLab.ru URL: http:// www.securitylab.ru/news.html (Дата обращения: 25.05.2018)

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (Дата обращения: 25.05.2018)

9. Северная Осетия. 2017. 6 декабря.

10.Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286904&rnd=EAE6B70A3D85EED45A40A422F92F800F#03968254353877261 (Дата обращения 20.02.2018)

11. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. От 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. От 23.04.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. И доп., вступ. В силу с 30.06.2018) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

13. Чеджемов С. Р. Правопослушание как результат правовой аккультурации на юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа). // Журнал российского права 2017. №11 (251). С. 25-33.

References

1. Doklad General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii U. Ya. Chayki na zasedanii Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii *(Report of the Prosecutor General of the Russian Federation Yu. Y. Chaika at the Meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation)*.URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820/ (Accessed: 25.05.2018) (In Russian).

2. Zakon RF «O sredstvakh massovoy informatsii» *(Law of the Russian Federation No. 2124-1 of 27.12.1991 (as Amended on 18.04.2018) «On the Mass Media»)* // Rossiyskaya Gazeta. No.3. 08.02.1992. (In Russian).

3. Istoriya blokirovki Telegram v Rossii *(The History of Blocking Telegram in Russia.)* URL: http: //tass.ru/info/5121968 (Accessed: 02.20.2013). (In Russian).

4. Karyagina A. V. Informatsionnyy ekstremizm v sovremennom gosudarstvenno-pravovom prostranstve. *(Information Extremism in the Modern State-Legal Space)* // Filosofiya prava. 2010. No.4. P. 105-107. (In Russian).

5. Marchenko M. N. Globalizatsiya i yeye vozdeystviye na sovremennoye natsional'noye gosudarstvo (metodologicheskiy aspekt) *(Globalization and Its Impact on the Modern National State (Methodological Aspect))* // Teoretiko-metodologicheskiye problemy prava. M.: Zercalo-M, 2007. P. 65. (In Russian).

6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 03.11.2016 № 41 «O vnesenii izmeneniy v postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 9 fevralya 2012 goda № 1 «O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoy napravlennosti» i ot 28 iyunya 2011 goda № 11 «O sudebnoy praktike po ugolovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlennosti» *(Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.11.2016 No. 41 «On Amending the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1» On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases on Crimes of a Terrorist Attitude «and dated June 28, 2011 year № 11»On Judicial Practice in Criminal Cases on Crimes of an Extremist Direction»)* // Rossiyskaya Gazeta. No. 259. 11.16.2016. (In Russian).

7. Printsipy bor'by s ekstremizmom v seti i vne yeye budut odinakovymi *(The Principles of Fighting Extremism in the Network and Outside it Will be the Same / Official Site of the Information Portal SecurityLab.ru)* URL: http: // www.securitylab.ru/news.html (Accessed: 25.05.2018). (In Russian).

8. Svodnyye statisticheskiye svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 god. *(Summary Statistics on Criminal Status in Russia for 2017)* URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (Accessed: 25.05.2018) (In Russian).

9. Severnaya Osetiya. 06 dekabrya 2017 goda.(North Ossetia. December 06, 2017).

10. Strategiya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda *(Strategy of Counteraction to Extremism in the Russian Federation until 2025 (Approved by the President of the Russian Federation on 28.11.2014 N Pr-2753)* URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n= 286904 & rnd = EAE6B70A3D85EED45A40A422F92F800F # 03968254353877261 (Accessed: 20.02.2018). (In Russian).

11. Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. ot 23.11.2015) «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti» *(Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 (as Amended on 11/23/2015) "On Counteracting Extremist Activity")* // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 29.07.2002. No. 30. Art. 3031. (In Russian).

12. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 23.04.2018) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» *(Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as Amended on April 23, 2013) "On Information, Information Technologies and Information Protection» (as Amended and Supplemented, Effective as of June 30, 2013))* // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 31.07.2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448. (In Russian).

13. Chedgemov S. R. Pravoposlushaniye kak rezul'tat pravovoy akkul'turatsii na yuge Rossii do revolyutsionnykh sobytiy 1917 g. (po materialam istorii osetinskogo naroda) *(Righteous Obedience as a Result of Legal Acculturation in the South of Russia prior to the Revolutionary Events of 1917 (Based on the History of the Ossetian People)*) // Zhurnal rossiyskogo prava 2017. No. 11 (251). P. 25-33. (In Russian).

УДК 336.22

М. В. Койлова

НЕКТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РОССИИ И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕОДОЛЕНИЮ

В статье отмечается актуализация проблемы справедливости в области правового регулирования налогообложения на современном этапе. Исследуются подходы, выступающие критериями конструирования справедливой системы налогообложения с позиции платежеспособности, объема получаемых от государства выгод, а также равенства правовых возможностей по защите своих прав государством и налогоплательщиком, и исследуются некоторые проблемы их практического применения.

Была выявлена неприменимость принципа выгод для построения справедливой системы налогообложения в силу исключительного многообразия налогоплательщиков по уровню получаемых доходов, по составу семьи, по возрастному, образовательному и иным критериям, что обусловливает необходимость повышенной социальной защиты определенных категорий граждан, и в данной ситуации априори невозможно следовать постулату о соответствии уплачиваемой каждым налогоплательщиком суммы полученным им общественным благам.

Был сделан вывод о том, что существующая плоская шкала налогообложения не позволяет воплощаться в объективной действительности принципу справедливости, и отмечается необходимость введения прогрессивного налогообложения в совокупности с установлением ежегодно индексируемого минимума, свободного от налогообложения.

Также исследованы такие проблемы как регрессивный характер многих налогов, ориентация налоговой нагрузки на низкодоходные категории плательщиков, слабая социальная направленность и значительные масштабы уклонений от уплаты налогов.

Была критически оценена норма о бесспорном порядке взыскания с налогоплательщиков индивидуальных предпринимателей сумм налогов, пени и штрафов за нарушение законодательства о налогах и сборах, и в качестве более согласующегося с началами справедливости было предложено применение принудительного порядка взыскания доначисленных налогов, а также сумм пени и штрафа лишь после истечения установленного в законе срока обжалования налогоплательщиком акта проверки налогового органа.

Сделан вывод от оторванности существующей системы налогообложения от объективной действительности и предложены меры по внесению соответствующих изменений в законодательство России о налогах и сборах.

Ключевые слова: принцип справедливости, налогообложение, прогрессивная шкала, необлагаемый минимум, налоговые льготы, платежеспособность, налоговое администрирование.

M. V. Kojlova

SOME CHALLENGING ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF FAIRNESS PRINCIPLE IN TAX LAW OF RUSSIA AND MEASURES TO OVERCOME THEM

The article notes the actualization of the problem of justice in the field of legal regulation of taxation at the present stage. The article studies the approaches that serve as criteria for the construction of a fair tax system from the perspective of solvency, the amount of benefits received from the state, as well as the equality of legal opportunities to protect their rights by the state and the taxpayer, and examines some problems of their practical application.

The article shows the inapplicability of the principle benefits of a fair tax system because of the exceptional diversity of taxpayers by the level of income, family composition, age, educational and other criteria that determine the need for increased social protection of certain categories of citizens, and in this situation it is a priori impossible to follow the postulate of compliance paid by each taxpayer of the amount received public benefits.

In the analysis of solvency, the key factor was whether the amount of tax to be paid should increase in line with the growth of the person's income, which logically led to the analysis of the preference for proportional or progressive taxation.

It was concluded that the existing flat scale of taxation does not allow the principle of justice to be embodied in the objective reality, and the need to introduce progressive taxation in conjunction with the establishment of an annually indexed minimum free from taxation is noted.

The author also studies such problems as the regressive nature of many taxes, the orientation of the tax burden on low-income categories of payers, weak social orientation and significant scale of tax evasion.

The article studies the norm on the indisputable procedure of collecting taxes from individual entrepreneurs, penalties and fines for violation of the legislation on taxes and fees were critically evaluated, and as a more consistent with the principles of justice, it was proposed to use a compulsory procedure for collecting additional taxes, as well as the

amounts of penalties and fines only after the expiration of the statutory period of appeal as regards the act of inspection of the tax authority.

The conclusion is drawn concerning the isolation of the existing system of taxation from the objective reality and the measures to make appropriate changes to the Russian legislation on taxes and fees.

Key words: principle of justice, taxation, progressive scale, non-taxable minimum, tax benefits, solvency, tax administration.

Бесспорен тот факт, что принципы налогового права выступают фундаментальными началами нормативного регулирования в сфере налогообложения, способствующими органичной взаимосвязи налогового права с законодательством о налогах и сборах и налоговой политикой.

Среди всего массива принципов налогового права наиболее дискуссионным и сложным является принцип справедливости.

Понятие справедливости в сфере налогообложения исключительно динамично и трансформируется сообразно социально-политическим процессам. Показательно, что еще в начале XX века С. И. Иловайский, рассматривая категорию справедливости применительно к сфере налогов и сборов, отмечал, что она весьма относительна, и то, что для одного в сфере налогов и сборов совершенно справедливо, для иного будет являться вопиющей.

По сути, справедливость выступает квинтэссенцией всех религиозных, нравственных и правовых требований. При этом указывается на то, что наибольший субъективизм принадлежит воззрениям нравственного и религиозного толка, в силу чего в вопросе о справедливости налогов в качестве руководящих начал следует воспринимать главным образом правовые начала [1, с. 25].

Действительно, представляется достаточно сложным, если вообще не сказать – невозможным, установление четких и более или менее стабильных критериев справедливого налогообложения, поскольку они в существенной мере зависят от исторической эпохи, в которой функционирует система налогов и сборов, от экономического устройства общества, от социального и правового статуса налогоплательщика и множества иных значимых факторов. К тому же степень справедливости не может быть измерена равно как невозможно установление «эталона справедливости».

Значимость принципа справедливости не представляется возможным переоценить, поскольку справедливая система налогообложения представляет собой один из приоритетных векторов построения современного государства и общества.

В российских реалиях сегодняшнего дня запрос на социальную справедливость как никогда велик. Однако здесь уместна ссылка на слова заместителя Председателя Государственной Думы Андрея Исаева о том, что дискуссии о справедливости недопустимы в ситуации, когда оклады руководителей госкорпораций засекречены, а государство отыгрывается на государственных и муниципальных служащих, замораживая им заработную плату. При этом о состоянии дел в госкорпорациях население узнает только из предновогодних обращений главы «Роснано» Анатолия Чубайса [2, с. 115].

Действительно, в условиях захлестнувшей Россию волны экономического кризиса, вызвавшей резкое падение уровня жизни основной части населения страны, сейчас 19,2 миллиона человек (то есть 13,1 % населения) получает доход ниже прожиточного минимума, с неизбежностью актуализируются вопросы о социальной справедливости действующей системы перераспределения доходов и благ в обществе, находя свое значимое проявление именно в сфере налогообложения.

Вместе с тем, российская система в сфере налогов и сборов характеризуется достаточно внушительным спектром проблем, выступающих барьером для социально-экономического развития государства и общества. К их числу можно отнести, в частности, регрессивный характер многих налогов, ориентацию налоговой нагрузки на низкодоходные категории плательщиков, слабую социальную направленность и значительные масштабы уклонений от уплаты налогов. Представляется, что данные факторы во многом выступили следствием несправедливости существующей системы взимания налогов и сборов.

Небезынтересно, что в литературе встречается мнение об априорной несправедливости налогообложения в силу его нацеленности на изъятие у налогоплательщика части принадлежащего ему имущества [3]. Однако хотелось бы возразить, поскольку налоговые поступления формируют материальный фундамент для исполнения государством публично-правовых функций, выполняемых в интересах, по сути, всего его населения. Поэтому представляется, что более верно вести речь не о изначально несправедливом характере налоговых обязательств, а скорее о дифференцированном понимании справедливости с позиций налогоплательщика и государства.

Подавляющий массив авторов при обосновании своих подходов к конструированию справедливой системы налогообложения исходит из двух основополагающих оснований: выгоды налогоплательщика и его платежеспособности, где первое основание предполагает состояние равновесия между «тяжестью налогового бремени» и объемом получаемых от государства общественных благ, а второе ориентирует на учет возможности налогоплательщика уплачивать налог и предполагает равенство плательщиков, находящихся на одинаковой экономической позиции.

Указанные выше подходы к принципу справедливости в налогообложении основаны исключительно на экономических интересах двух сторон налоговых правоотношений, вместе с тем, характеристика принципа справедливости не

будет считаться полной без соблюдения важного правового аспекта, сущность которого можно определить как соблюдение в процессе налогообложения баланса прав и обязанностей государства в лице его контролирующих органов и налогоплательщиков при защите своих интересов и несении финансовой ответственности [4, с. 60]. Очевидно, что соблюдение указанных выше подходов на практике весьма проблематично.

Так, казалось бы, взамен уплаченных налоговых сумм налогоплательщики получают примерно равный объем государственных услуг в виде бесплатного образования, медицинского обслуживания, условий жизни и иных. Однако при более обстоятельном рассмотрении выявляется, что для практического применения данного принципа оказываемые государством услуги должны быть фактически персонифицированы, то есть иметь общественную полезность для каждого налогоплательщика. Аналогичным образом должно происходить построение системы налогообложения, когда уплачиваемая каждым налогоплательщиком сумма должна хотя бы примерно соответствовать сумме полученных им общественных благ.

Реализация данного принципа на практике невозможна также в силу исключительного многообразия налогоплательщиков по уровню получаемых доходов, по составу семьи, по возрастному, образовательному и иным критериям. Так, налогоплательщики, занимающие примерно равную налоговую позицию, могут в корне отличаться друг от друга по составу семьи. И очевидно, что налогоплательщик, у которого на иждивении трое несовершеннолетних детей, будет получать от государства в три раза больше услуг в виде бесплатного образования и здравоохранения по сравнению с лицом, имеющим одного ребенка.

С другой стороны, по общему правилу, налогоплательщики пенсионного возраста имеют более низкие доходы по сравнению с лицами трудоспособного возраста, но, вместе с тем, именно пожилые люди значительно чаще прибегают к услугам государственного здравоохранения, и если следовать рассматриваемому принципу выгоды, сумма подлежащих с их стороны налогов должна быть больше. При данных обстоятельствах, в отношении этой группы населения установление соответствия между суммой уплаченных налогов и размером получаемых от общества благ невозможно, что демонстрирует неприменимость принципа выгод на практике для построения справедливой системы налогообложения [5, с. 231].

Ключевой момент при анализе фактора платежеспособности заключен в том, должна ли сумма подлежащего уплате налога увеличиваться сообразно росту уровня доходов лица. Несмотря на сложившуюся в развитых странах практику применения налогообложения по прогрессивной шкале, дискуссии о предпочтительности пропорционального либо прогрессивного налогообложения не утрачивают своей актуальности.

Хотелось бы отметить, что плоская шкала налогообложения не позволяет воплощаться в объективной действительности принципу справедливости, прежде всего потому, что денежные средства, оставшиеся после уплаты налога, должны позволять налогоплательщику осуществлять жизненно необходимые расходы для него самого и для членов его семьи, связанные с питанием, проживанием, образованием, культурой и здравоохранением. В силу равенства данных затрат для всех налогоплательщиков, при условии применения плоской шкалы налогообложения удельный вес налоговых платежей в оставшейся сумме доходов низко обеспеченных слоев населения существенно превышает аналогичный у более обеспеченных граждан.

Кроме того, в качестве обоснования необходимости введения прогрессивной ставки выступает также то обстоятельство, что более состоятельный налогоплательщик испытывает большую потребность в защите частной собственности, в обеспечении целостности и неприкосновенности имущества. Отсюда, логичным и справедливым представляется внесение данной категорией налогоплательщиков в пользу государства большей доли своих доходов, что возможно лишь при введении прогрессивного налогообложения доходов физических лиц [6, с. 108].

Если объективно оценить современные российские реалии, то приходится констатировать ярко выраженный регрессивный характер налогообложения доходов, поскольку у лиц с высоким уровнем дохода на уплату налогов приходится гораздо меньшая их доля, и, соответственно, у менее обеспеченных слоев населения более высокая доля уплачиваемых налогов в общей сумме их доходов. Усугубляет ситуацию также отсутствие в российской системе налогообложения не облагаемого налогом минимального дохода, и в качестве плательщиков НДФЛ выступает практически все трудоспособное население страны, уровень доходов которых нередко не достигает прожиточного минимума.

Напротив, если проанализировать иные налоги, взимаемые с физических лиц, к примеру, налог на имущество, следует указать на тот факт, что налоговая ставка может варьироваться от 0,1 до 2 % от кадастровой стоимости недвижимого имущества, где используется простая прогрессия, при которой размер ставки прямо пропорционален стоимости объекта налогообложения, что приводит к логичной мысли о нацеленности законодателя на возложение большего налогового бремени на состоятельную часть населения. Аналогичный критерий положен в основу правовой конструкции транспортного налога, ставка которого производна от мощности двигателя. В дополнение с 2014 г. были введены повышающие коэффициенты к ставкам налога на престижные автомобили стоимостью 3–5 млн рублей не старше 3 лет, в 2018 г. ставший единым – 1,1 [11].

Из вышеизложенного достаточно очевидна тенденция усиления прогрессивных начал в налоговой политике государства по отношению к налогообложению имущества. Однако важно отметить тот факт, что собственник дорогой недвижимости совсем не обязательно получает

высокий доход на регулярной основе, поскольку он мог получить элитное жилье, престижный автомобиль либо земельный участок по наследству либо иным основаниям. Даже если имущество приобретено на собственные доходы – лицо могло лишиться постоянного дохода в значительном размере. При подобных обстоятельствах налогоплательщики, обладая одинаковым доходом, но различным по стоимости имуществом должны отчуждать в пользу государства в корне отличные друг от друга суммы налога.

Таким образом, уместен вывод о том, что лишь размер получаемого налогоплательщиком регулярного дохода выступает показателем его платежеспособности, в силу чего прогрессивный характер налогообложения имущества в совокупности с регрессивной направленностью налогообложения доходов физических лиц нельзя признать в полной мере согласующимся с соблюдением принципа справедливости [8, с. 326].

Пытаясь ответить на вопрос о причинах сложившейся ситуации, можно предположить, что она связана с опасением роста случаев укрывательства состоятельной части населения от налогообложения в случае введения прогрессивной шкалы. Поэтому, учитывая крайне непропорциональное соотношение в уровне доходов населения России, государство в качестве инструмента экономического перераспределения избрало усиление налоговой нагрузки на имущество граждан, гораздо более проблематичное для сокрытия от налогообложения.

Аналогичная тенденция прослеживается применительно к налогу на прибыль, и в связи с этим не лишены рационального начала предложения о введении (изначально на уровне ряда регионов в качестве некого «пилотного проекта») регрессивных ставок налога на прибыль, понижение которых обусловлено увеличением суммы налогооблагаемой прибыли. В этом случае понижающая прогрессия ставок будет влечь не стремление скрыть налогооблагаемую базу, а показать ее в полном объеме, поскольку с увеличением суммы полученной прибыли ставка налога будет уменьшаться. И в данной ситуации были бы безосновательными опасения о сокращении бюджетных поступлений, поскольку их сумма определяется не столько ставкой, сколько величиной налогооблагаемой базы, которая рассматриваемом случае имела бы тенденцию к росту.

Далее, рассмотрение правового подхода к принципу справедливости в российской системе налогообложения также иллюстративно «обнажает» некоторые проблемные аспекты. К примеру, не представляется возможным в полной мере разделить тезис о равенстве возможностей налогоплательщиков при защите своих интересов.

На сегодняшний день отсутствует какая-либо дифференциация ответственности за злостное уклонение от уплаты налогов и неумышленные нарушения в данной сфере, что является весьма существенным упущением законодателя, и в целях укрепления принципа справедливости представляется целесообразным обусловить уровень финансовой ответственности налогоплательщика степенью его вины в совершении налогового правонарушения.

Также сомнительна справедливость предусмотренного в налоговом законодательстве бесспорного порядка взыскания с налогоплательщиков индивидуальных предпринимателей сумм налогов, пени и штрафов за нарушение законодательства о налогах и сборах, поскольку, даже в случае признания их неправомерными иными судебными инстанциями, последствия экономического и репутационного характера останутся.

Более соответствующим началу справедливости было бы применение принудительного порядка взыскания доначисленных налогов, а также сумм пени и штрафа лишь после истечения установленного в законе срока обжалования налогоплательщиком акта проверки налогового органа.

Между тем, на практике налоговые органы зачастую игнорируют регламентированный ст. 69 НК РФ минимальный 8-дневный срок для добровольного исполнения налоговой обязанности, который должен указываться в направляемом требовании об уплате налога, и начинают процедуру бесспорного взыскания до его истечения, что нельзя признать допустимым.

Не могут также не вызывать скептицизм в аспекте согласованности с принципом справедливости правила, фактически закрепляющие право на «законотворчество» Минфина и финансовых органов, которые свободны в трактовке положений НК РФ, и изданные ими нормативные акты императивны для соблюдения налогоплательщиками. Данное обстоятельство лишь усиливает дисбаланс в правовом положении налогоплательщиков и контролирующих органов.

Безусловно, в рамках настоящей статьи не представляется возможным охватить весь спектр острых проблем в сфере воплощения принципа справедливости в налоговом праве России. Так, требуют также своего разрешения вопросы недостаточной адресности налоговых льгот, массовости уклонения от уплаты налогов, что позволяет налогоплательщикам избежать либо уменьшить в той или иной степени его обязательные выплаты в бюджет и внебюджетные фонды, а также множество иных [9, с. 317].

При этом в отношении уклонения от налогов как фактора, деструктивно отражающегося на справедливости системы налогообложения, следует отметить, что существующая ситуация в сфере взимания налогов и сборов предоставляет налогоплательщикам массу «лазеек» для уклонения от уплаты налогов.

Помимо этого, на сегодняшний день также отсутствуют четкие и эффективные механизмы нивелирования данных негативных последствий, в силу чего на государственном уровне требуют своего незамедлительного решения данные проблемы для создания справедливой налоговой системы с целью реального снижения налогового бремени для законопослушных налогоплательщиков и предотвращения бюджетных потерь за счет уклонения от уплаты налоговых платежей.

В аспекте реализации принципа справедливости следует также указать, что отрицательные последствия уклонения от уплаты налогов весьма пагубны как для экономики, так и для государства в целом. Государственный бюджет в силу недополучения причитающихся ему средств вынужден ограничивать реализацию ряда значимых государственных программ, выплату заработной платы работникам бюджетной сферы и т.д.

Как видится, одна из базисных причин уклонения от уплаты налогов как массового явления – несправедливо завышенные налоговые ставки при стабильно низком уровне жизни подавляющего большинства населения России, а также ухудшение финансового положения и платежеспособности предприятий [10, с. 266].

В целом, резюмируя вышеизложенное, приходится констатировать достаточно слабое соблюдение принципа справедливости в налоговом праве России на современном этапе, что требует принятия соответствующих мер нормотворческого, финансово-экономического и организационного характера.

Среди них, как видится, одной из приоритетных выступает обстоятельная разработка и введение продуманной прогрессивной шкалы налогообложения в совокупности с установлением минимума, свободного от налогообложения, соответствующего величине прожиточного минимума и подлежащего ежегодной индексации в соответствии с уровнем инфляции. Представляется, что это создаст надежный фундамент для воплощения начал справедливости в налогообложении, а также выступит пусковым механизмом реализации регулирующей и социальной функции налогов.

Кроме того, как верно отметил Министр финансов РФ А. Г. Силуанов, важно осуществить перестройку мер налоговой поддержки, поскольку подавляющее число налоговых преференций, вопреки представлениям о справедливости, получают лица с высоким уровнем дохода. Необходимо внедрение критерия адресности данной помощи, что начало проявлять себя на примере предоставления материнского капитала [6].

Как видится, Минфин также нацелен на отказ от ряда налоговых льгот, которые предусмотрены для всех потребителей (к примеру, реализация ряда товаров (детские, продовольственные, медицинские) подпадает под 10 % льготную ставку НДС вместо общей 18 %) в целях направления дополнительно аккумулируемых налогов на целевую поддержку нуждающихся, что следует воспринять как достаточно прогрессивную идею, поскольку в 2017 г. цена пониженной ставки НДС по этим категориям товаров для федерального бюджета составила 528 млрд руб.

Также в аспекте реализации принципа справедливости в сфере налогообложения вполне уместна идея о необходимости акцентирования внимания на администрировании налоговых поступлений, и, в особенности, НДФЛ и страховых взносов путем контроля за соответствием между декларируемым доходом физических лиц, уплаченным ими налогом на доходы физических лиц и понесенными расходами.

Следует отметить, что уже на современном этапе возможности электронного контроля посредством внедрения онлайн-касс за банковскими счетами граждан, а также над совершаемыми ими покупками позволяют налоговым органам сопоставить задекларированные доходы с оборотами по счетам и понесенным расходам.

Однако это не следует воспринимать радикально, будто сумма подлежащих уплате налогов будет исчисляться в автоматическом режиме исходя из суммы потраченных средств. Но, безусловно, эти данные могут послужить основанием для проверки, поскольку налоговые органы могут выявить факты неуплаты работодателем страховых взносов либо обнаружить схемы с серыми зарплатами.

К сожалению, вместо указанных эффективных мер в настоящее время наблюдаются попытки выхода из кризиса и пополнения бюджета за счет наименее социально защищенных групп населения путем немотивированного увеличения налога на имущество физических лиц, введения курортного сбора как слепого следования западным порядкам без учета специфики российских реалий, чрезмерное распространение налоговых льгот в отрыве от критерия адресности, слабый контроль за сбором налогов, приводящий к уклонению от уплаты налогов и многие иные факторы, оказывающие деструктивное влияние на сферу налогообложения.

В 2018 г. подойдет к своему завершению введенный в 2014 г. мораторий на изменения в налоговой сфере, и уже отмечается кропотливая работа правительства, экспертов и бизнес-сообществ по подготовке соответствующих мер по обеспечению устойчивости системы налогов и сборов, а также нивелированию ее абстрагированности от объективной реальности и базисных принципов налогообложения, прежде всего, принципа справедливости.

Литература

1. Антонова Е. А. Недостатки современной налоговой системы // Молодой ученый. 2017. №14. С. 316-318.

2. Глоян Р. Р., Мартиросян А. А., Кусиди А. Н. Реализация принципа справедливости в российском налоговом праве // Управление и экономика в XXI веке. 2015. №2. С. 25.

3. Демин А. В. Право, справедливость, налогообложение: исходные предпосылки URL: https://www.lawmix.ru/comm/5656 (Дата обращения: 8.04.18)

4. Куксин И. Н., Чечельницкий И. В., Липунов В. И. Принцип справедливости как критерий оценки современного налогового законодательства России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. №10. Выпуск 36. С. 114-119.

5. Майбуров И. А., Соколовская А. М. Теория налогообложения. Продвинутый курс: учебник для магистрантов. М.: Юнити-дана, 2011. 591 с.

6. Минфин рассказал о целях изменения налоговой системы URL: http://bhnews.ru/minfin-rasskazal-o-tselyah-izmeneniya-nalogovoj-sistemy (Дата обращения: 2.05.18).

7. Налоговое право: учебник / под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2015. 800 с.

8. Пансков В. Г. Принцип справедливости и его отражение при налогообложении физических лиц в российской налоговой системе // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. С. 58-71.

9. Пансков В. Г. Прогрессивная или пропорциональная шкала налогообложения: что справедливее и эффективнее? // Экономика. Налоги. Право. 2017. №2. С. 105-112.

10. Сивцева В. И. Проблема массового уклонения от уплаты налогов // Молодой ученый. 2017. №10. С. 266-268.

11. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 362 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» от 23.07.2013 № 214-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/ doc_LAW_149660/ (Дата обращения: 5.05.18).

References

1. Antonova E. A. Nedoststatky sovremennoi nalogovoi sistemy *(Shortcomings of the Modern Tax System)* // Young scientist. 2017. No.14. P. 316-318. (In Russian).

2. Demin A. V., Pravo, spravedlivost, nalogooblozheniye: ishodniye predposilky *(Law, Justice, Taxation: Presuppositions)* URL: https://www.lawmix.ru/comm/5656 (Accessed: 08.04.18). (In Russian).

3. Gloyan R. R., Martirosyan A. A., Kusidi A. N. Realizatsiya printcipa spravedlivosty v rossiiskom nalogovom prave *(Implementation of the Principle of justice in Russian tax law)* // Management and economy in the XXI century. 2015. No. 2. P. 25. (In Russian).

4. Kuksin I. N., Chechelnitsky I. V., Lipunov V. I. Princip spravedlivosty kak kritery otcenky sovremennogo nalogovogo zakonodatelstva Rossii *(The principle of Justice as a Criterion for Assessing the Modern Tax Legislation of Russia)* // Scientific statements of Belgorod state University. 2016. №10. Issue 36. P. 114-119. (In Russian).

5. Mayburov I. A., Sokolovsky A. M. Teoriya nalogooblozheniya Kurs dlya prodvinytih: ychebnik dlya magistrantov *(The Theory of Taxation. Advanced Course: Textbook for Undergraduates).* Moscow: YUNITI-DANA, 2011. 591 p. (In Russian).

6. Ministr finansov rasskazal o tselyah izmeneniya nalogovoi systemy *(The Ministry of Finance Has Told about the Purposes of Changes in the Tax System)* URL: http://bhnews.ru/minfin-rasskazal-o-tselyah-izmeneniya-nalogovoj-sistemy (Accessed: 02.05.18). (In Russian).

7. Nalogovoe pravo *(Tax Law):* the Textbook. Moscow: Alpina Publisher, 2015. 800 p. (In Russian).

8. Panskov V. G. Princip spravedlivosty I ego otrazheniye pri nalogooblozhenii fizicheskih lic v rossiiskoi nalogovoi sisteme *(Principle of Justice and Its Reflection in the Taxation of Physical Persons in the Russian Tax System)* // Stage: economic theory, analysis, practice. 2016. P. 58-71. (In Russian).

9. Panskov V. G. Progressivnaya ili proportcionalnaya shkala nalogooblozheniya: chto chestnee I bole effectivno *(Progressive or Proportional Scale of Taxation: What is Fairer and More Effective?)* // Economy. Tallage. Right. 2017. No. 2. P. 105-112. (In Russian).

10. Sivtceva V. I. Problema massovogo ukloneniya ot uplaty nalogov *(The Problem of Mass Tax Evasion)* // Young scientist. 2017. No. 10. P. 266-268. (In Russian).

11. Federalnyj zakon O vnesenii izmenenij v statyu 362 chasti vtoroj Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 23 07 2013 214-FZ *(The Federal Law "On Amendments to Article 362 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation» Dated 23.07.2013 № 214-FZ)* // ATP «ConsultantPlus» [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru / doc_LAW_149660 / (Accessed: 5.05.18). (In Russian).

УДК 347.65/.68

М. П. Мельникова, В. С. Савина

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИРАВНЕННЫЕ К НИМ ОБЪЕКТЫ

В связи с особой природой интеллектуальных прав на результаты творческой деятельности и приравненные к ним объекты имеются некоторые особенности перехода их в порядке наследования, а также оформления прав наследников, не отраженные в нормах части третьей ГК РФ. Раздел V ГК РФ посвящен детальному регулированию общих положений о наследовании, оснований наследования, приобретения наследства, а также наследования отдельных видов имущества. Специальные нормы о наследовании исключительных прав на различные результаты интеллектуальной деятельности включены в соответствующие главы части четвертой ГК РФ, а также регламентируются принятыми в соответствии с ней иными нормативно-правовыми актами. В статье рассматриваются особенности наследования исключительных прав, возникающих в отношении различных результатов интеллектуальной деятельности – объектов авторского права и смежных прав, патентного права и приравненных к ним средств индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. Личные неимущественные права неразрывно связаны с личностью правообладателя, в силу чего являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иными способами. Переход указанных прав к другим лицам, в том числе, в порядке наследования не допускается.

Исследован также вопрос о том, как подтвердить наличие у наследодателя исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты. Правовой режим указанных в ст. 1225 ГК РФ объектов существенно различается, поэтому и состав документов, подтверждающих наличие прав на них, тоже имеет существенные различия. процедура перехода некоторых интеллектуальных прав по наследству и его оформления тесно связана с проблемой подтверждения существования этих прав у конкретного лица. Поэтому при вхождении в состав наследства интеллектуальных прав получение свидетельства о праве на наследство, как правило, необходимо. Сделан вывод о том, что наличие норм о наследовании интеллектуальных прав в главе 65 ГК РФ о наследовании отдельных видов имущества сделало бы процедуру оформления прав наследников исключительных прав значительно более простой.

Ключевые слова: интеллектуальные права, право интеллектуальной собственности, наследование.

M. P. Melnikova, V. S. Savina

PROBLEMS OF INHERITANCE OF INTELLECTUAL RIGHTS TO THE RESULTS OF CREATIVE ACTIVITY AND EQUIVALENT OBJECTS

In connection with the special nature of intellectual rights to the results of creative activity and objects equated to them, there are certain features of their transition in the order of inheritance, as well as registration of the rights of heirs, not reflected in the norms of part three of the Civil Code of the Russian Federation. Section V of the Civil Code of the Russian Federation is devoted to detailed regulation of general provisions on inheritance, grounds for inheritance, inheritance, and inheritance of certain types of property. Special rules on the inheritance of exclusive rights to various results of intellectual activity are included in the relevant chapters of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as regulated by other normative legal acts adopted in accordance with it. The article examines the peculiarities of inheritance of exclusive rights arising in relation to various results of intellectual activity - objects of copyright and related rights, patent law and the means of individualization of goods, works, services and enterprises that are granted legal protection equated to them. Personal non-property rights are inextricably linked with the personality of the rightholder, which is why they are inalienable and ineffable in other ways. The transfer of these rights to other persons, including, by way of inheritance, is not allowed.

The question of how to confirm the testator's exclusive right to the results of intellectual activity and objects equated to them was also investigated. The legal regime specified in Art. 1225 of the Civil Code of the RF objects is significantly different, therefore, the composition of documents confirming the existence of rights to them has significant differences as well. The procedure for the transfer of certain intellectual rights by inheritance and its design is closely related to the problem of confirming the existence of these rights in a particular person. Therefore, when entering into the composition of the inheritance of intellectual rights, obtaining a certificate of the right to inheritance, as a rule, is necessary. It was concluded that the existence of rules on the inheritance of intellectual property rights in Chapter 65 of the Civil Code of the Russian Federation on the inheritance of certain types of property would make the procedure for registering the rights of heirs of exclusive rights much simpler.

Key words: intellectual rights, intellectual property law, inheritance.

Правовое регулирование наследственных отношений осуществляется нормами раздела V Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), структурно входящего в часть 3 кодекса [2]. Данный раздел достаточно детально регламентирует общие положения о наследовании, основания наследования, приобретение наследства, а также наследование отдельных видов имущества. Такое существенное внимание уделено институту наследования в связи с тем, что он представляет собой один из важнейших механизмов обеспечения права наследования, гарантированного гражданам Конституцией РФ [1]. Не случайно Конституция РФ 1993 г. называет в числе гарантированных прав и свобод право каждого гражданина иметь имущество на праве собственности, владеть им, а также пользоваться и распоряжаться данным имуществом, включая право завещать его по собственному усмотрению (ст. 35 Конституции РФ).

Общие правила относительно перехода интеллектуальных прав в порядке наследования содержатся в ст. 1241 ч. 4 ГК РФ [3]. Данной нормой регламентируется переход исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, а также приравненные к ним объекты правовой охраны к иным лицам в отсутствие заключенного ими с правообладателем договора. К такого рода основаниям следует отнести переход имущества в порядке универсального правопреемства, а также обращение взыскания на имущество. Имущественный характер исключительного права также приводит нас к выводу о том, что данное право подлежит передаче по наследству.

Что касается личных неимущественных прав, возникающих у авторов результатов интеллектуальной деятельности (ст. 1228, 1255, 1292, 1345, 1356, 1408 ГК РФ), обладателей смежных прав (ст. 1315, 1323, 1333, 1338 ГК РФ), организаторов создания сложного объекта (ст. 1240 ГК РФ), то данные права неразрывно связаны с личностью правообладателя, в силу чего являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иными способами. Переход указанных прав к другим лицам, в том числе, в порядке наследования не допускается. Тем не менее, наследники наделены правом и обязанностью охранять личные неимущественные права наследодателя от возможных посягательств со стороны третьих лиц.

Специальные нормы о наследовании исключительных прав, возникающих в отношении различных результатов интеллектуальной деятельности, включены в соответствующие главы части 4 ГК РФ. Так, в главе 70 «Авторское право» п. 1 ст. 1283 ГК РФ указано на то, что исключительное право на произведение переходит в порядке наследования, в отношении него возможно правопреемство. Данное правило вполне согласуется с положениями ст. 1112 ГК РФ относительно состава наследства, который включает вещи, а также иное принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество. В том числе, в него входят имущественные права и обязанности наследодателя.

Срок действия исключительного права по нормам авторского права ограничен продолжительностью жизни автора и 70 годами после его смерти. Данная норма, приведенная в п. 1 ст. 1281 ГК РФ, подразумевает осуществление исключительного права (использование произведения) после смерти автора либо другого правообладателя – гражданина в пределах срока действия авторского права его наследниками либо иными правопреемниками, например, пользователями (лицензиарами) либо приобретателями исключительного права по заключенным им договорам. Договоры наследодателя после его смерти сохраняют свою силу.

В связи с отсутствием в законе особых указаний применительно к основанию наследования, исключительное право может переходить к наследникам правообладателя по закону либо по завещанию. Если такие наследники отсутствуют, исключительное право прекращается согласно прямому указанию закона (п. 2 ст. 1283 части 4 ГК РФ), и произведение переходит в общественное достояние. Это правило касается также исключительного права на исполнение (п.4 ст.1318 части 4 ГК РФ).

Согласно нормам главы 72 «Патентное право», возможно наследование права на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец (п. 2 ст. 1357 ГК РФ), а также исключительного (имущественного права) на указанные объекты.

Аналогичные правила содержатся в главе 73 ГК РФ применительно к селекционным достижениям: обладатель права на получение патента в отношении селекционного достижения может передать его правопреемникам по предусмотренным законом основаниям, в том числе, в порядке универсального правопреемства (п.2 ст. 1420 ГК РФ). Исключительное право на данный объект, согласно норме со ст. 1421 ГК РФ, также подлежит передаче иным лицам по договорам либо иным основаниям.

В главе 74 ГК РФ урегулирован порядок передачи исключительного права на топологию интегральной микросхемы. В главе 75 ГК РФ данные вопросы регламентируются применительно к средствам индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий.

П. 5 ст. 1232 ГК РФ называет в качестве основания государственной регистрации перехода исключительного права по наследству свидетельство о праве на наследство. Исключением является предусмотренный ст. 1165 ГК РФ случай, касающийся раздела наследниками имущества, составляющего общую долевую собственность наследников (двух или более), по заключенному между ними соглашению.

Необходимость заключения такого соглашения при наследовании интеллектуальных прав может возникнуть, например, при вхождении исключительного права в состав предприятия как объекта недвижимости. Согласно п. 2 ст. 132 ГК РФ, предприятие как имущественный комплекс, используемый в предпринимательской и иной

деятельности, включает различные виды имущества, связанные с его деятельностью. В том числе, к нм относятся недвижимость (здания и сооружения, земельные участки), движимые вещи (оборудование, сырье, инвентарь, продукцию), иное имущество (права требования, долги), а также исключительные права на средства индивидуализации предприятия, производимой им продукции, выполняемых работ и оказываемых услуг и другие результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты, за исключениями, предусмотренными законом либо договором.

В случае, когда по наследству переходит объект недвижимости, в отношении которого было заключено соглашение о разделе наследства, государственная регистрация прав наследников производится в соответствии с соглашением о разделе наследства и ранее выданным свидетельством о праве на наследство. Если же такая регистрация имела место до того, как наследники заключили соглашение о разделе наследства, то ее основанием будет являться соглашение о разделе наследства. При этом противоречия между обозначенными в соглашении и в свидетельстве о праве на наследство долями наследников не является основанием отказа в государственной регистрации их прав (ст. 1165 ГК РФ).

Свидетельство о праве на наследство согласно ст. 14 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [4] является основанием для государственной регистрации права на недвижимое имущество, наряду с договорами и иными сделками с недвижимостью, совершенными согласно нормам законодательства, действовавшего в месте нахождения недвижимости в момент совершения сделки. В том числе, к такого рода сделкам следует отнести соглашение о разделе наследства, предусмотренное ст. 1165 ГК.

Исходя из анализа норм наследственного права, мы можем констатировать, что получение свидетельства является правом наследника, принявшего наследство, а не его обязанностью. Вместе с тем, если в состав наследства входят интеллектуальные права, то получение такого свидетельства, как правило, необходимо, что справедливо отмечается рядом ученых [9]. Это подтверждается также положениями нормативных правовых актов [5]. Регистрация распоряжения исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности (при условии регистрации данных объектов) осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по направлении наследниками (гражданами либо юридическими лицами) либо их представителями соответствующего заявления вместе с документами, подтверждающими наличие факта перехода исключительного права, в том числе, свидетельства о праве на наследство.

Указанные правила в полной мере соответствуют нормам части третьей ГК РФ, поскольку, как известно, приобретение наследства предполагает принятие его наследником (п. 1 ст. 1152 ГК РФ). Наследник (наследники) должны при этом получить свидетельство о праве на наследство у нотариуса или иного должностного лица, уполномоченного совершать данное нотариальное действие. Выдача данного документа, согласно требованиям закона, производится в соответствии с заявлением наследника при условии предъявления нотариусу или замещающему его лицу документов, совершенно определенно свидетельствующих о наличии соответствующих прав у наследодателя.

Состав документов, подтверждающих наличие интеллектуальных прав, существенно различается в зависимости от правового режима указанных в ст. 1225 ГК РФ охраняемых объектов интеллектуальной собственности, который для каждого из них имеет существенные различия. Эти различия, в частности, связаны с моментом предоставления и прекращения правовой охраны, условиями охраноспособности, сроками действия интеллектуальных прав и их содержанием.

Так, исключительные права на объекты патентного права, товарные знаки и селекционные достижения признаются и охраняются при условии их государственной регистрации.

В качестве объектов патентных прав охраняются результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, которые соответствуют предусмотренным в ГК РФ требованиям к изобретениям и полезным моделям, а также и результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, которые отвечают требованиям ГК РФ относительно промышленных образцов. Что касается селекционных достижений, то объектами интеллектуальных прав на них выступают сорта растений и породы животных, зарегистрированные в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений, также при соответствии их требованиям ГК РФ.

Патент представляет собой документ, предназначенный для удостоверения приоритета, авторства, а также исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец и селекционное достижение.

Исключительное право на товарный знак как обозначение, предназначенное для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, удостоверяется свидетельством (ст. 1477 ГК РФ).

Документ о такой регистрации (патент или свидетельство), несомненно, подтверждает принадлежность исключительного права наследодателя, и он может быть представлен нотариусу в процессе принятия наследства.

Что касается объектов авторского права (произведений науки, литературы и искусства), а также объектов смежных прав (исполнений, фонограмм, баз данных и т.д.), то их правовой режим не предполагает регистрации или соблюдения других формальностей (п. 4 ст. 1259, п. 2. ст. 1304 ГК РФ, п. 2 ст. 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений). Лицо, имя которого указано как имя автора на оригинале либо экземпляре произведения, предполагается его автором, если не доказано

иное (ст. 1257 ГК РФ). Поэтому подтверждение наличия права авторства на данное произведение возможно посредством предъявления такого оригинала или экземпляра опубликованного произведения. Кроме того, подтвердить наличие авторских или смежных прав может совершение нотариальных действий, перечень которых приведен в ст. 35 Основ законодательства о нотариате [6]: свидетельствование подлинности подписи на документах; свидетельствование правильности перевода документов с одного языка на другой; принятие документов на хранение; обеспечение доказательств и т.д. Кроме того, возможно депонирование экземпляра произведения в Российском авторском обществе и иных организациях, предоставляющих услуги такого рода.

Что касается программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем, то в отношении них возможна факультативная, осуществляемая по желанию правообладателя регистрация в соответствии с правилами, содержащимися в ст. 1262 ГК РФ. Заявитель получает свидетельство о государственной регистрации, а сведения о регистрации подлежат публикации в официальном бюллетене – «Программы для ЭВМ. Базы данных. Топологии интегральных микросхем» [7].

В отношении секретов производства (ноу-хау) законодательством не предусмотрена государственная регистрация. Согласно норме ст. 1465 ГК РФ, секретом производства (ноу-хау) являются производственные, экономические, технические, организационные и иные сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о различных способах, применимых в профессиональной деятельности. Эти сведения носят коммерческую ценность (действительную либо потенциальную) в силу неосведомленности о них третьих лиц. Она может быть обеспечена в том случае, если у третьих лиц нет свободного доступа к данным сведениям на законном основании, а их обладатель предпринял разумные меры по соблюдению режима их конфиденциальности, например, ввел в отношении них режим коммерческой тайны. Подтверждать наличие прав на данный объект могут документы обладателя информации, а также материальные носители конфиденциальной информации. Представляется, что совершение нотариальных действий будет способствовать быстрому и эффективному подтверждению существования данных прав (перечень этих действий нами приводится применительно к авторским и смежным правам).

Что касается фирменного наименования, то исключительное право на него не передается по наследству в силу содержащегося в ст. 1474 ГК РФ запрета на распоряжение указанным правом.

Права на иные коммерческие обозначения могут переходить к другому лицу по различным основаниям, включая наследственное правопреемство, лишь в составе предприятия, для индивидуализации которого они используются (п. 4 ст. 1539 ГК РФ). Поэтому документами, подтверждающими наличие права на коммерческое обозначение, являются свидетельство о государственной регистрации права на предприятие, а также выписка из Единого государственного реестра недвижимости, содержащая информацию о составе предприятия как имущественного комплекса [8].

Таким образом, процедура перехода некоторых интеллектуальных прав по наследству и его оформления тесно связана с проблемой подтверждения существования этих прав у конкретного лица. Полагаем в связи с этим, что наличие норм о наследовании интеллектуальных прав в главе 65 ГК РФ о наследовании отдельных видов имущества сделало бы процедуру оформления прав наследников исключительных прав значительно более простой.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. №146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СЗ РФ. 03.12.2001. №49. Ст. 4552.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // СЗ РФ. 25.12.2006. №52 (1 ч.). Ст. 5496.

4. ФЗ от 13.07.2015 г. «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 20.07.2015. №29 (Часть I). Ст. 4344.

5. Постановление Правительства РФ от 24.12.2015 г. № 1416 «О государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора» // СЗ РФ. 04.01.2016. №1 (часть II). Ст. 230.

6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденные ВС РФ 11.02.1993 г. №4462-1 (в ред. от 31.12.2017 г.) // Российская газета. 1993. №49.

7. Приказ Минэкономразвития России от 05.04.2016 г. № 211 (ред. от 10.10.2016) «Об утверждении Правил оформления заявки на государственную регистрацию программы для электронных вычислительных машин или базы данных, Правил составления документов, являющихся основанием для осуществления юридически значимых действий по государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных, и их форм, Порядка государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин и базы данных, Перечня сведений о зарегистрированной программе для электронных вычислительных машин или базе данных, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Перечня сведений, указывае-

мых в свидетельстве о государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных, формы свидетельства о государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин, формы свидетельства о государственной регистрации базы данных» URL: http://www.pravo.gov.ru, (Дата обращения: 23.07.2018).

8. Приказ Минэкономразвития России от 16.12.2015 г. № 943 (ред. от 11.12.2017) «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки» URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 23.07.2018).

9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / М. П. Бардина, Б. А. Булаевский, Н. Г. Вилкова и др.; под ред. Н. И. Марышевой, К.Б. Ярошенко. 3-е изд., испр. и доп. М: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. 672 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) *(The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on 12.12.1993) (Taking into Account The Amendments Introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ, dated 05.02.2014 , of July 21, 2014 No. 11-FKZ)* // Sobranie zakonodatel`stva RF (SZ RF). 04.08.2014. No. 31, Art. 4398. (In Russian).

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` tret`ya) ot 26.11.2001 g. №146-FZ (red. ot 28.03.2017) *(The Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on March 28, 2017)* // SZ RF, 03.12.2001, No. 49, Art. 4552. (In Russian).

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` chetvertaya) ot 18.12.2006 g. № 230-FZ (red. ot 01.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018) *(The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on 01.07.2017) (as amended and supplemented, effective from 01.01.2018))* // SZ RF, 25.12.2006, No. 52 (1 Part), Art. 5496. (In Russian).

4. FZ ot 13.07.2015 g. «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» *(Federal Law of 13.07.2015 "On State Registration of Real Estate")* // SZ RF, 20.07.2015, No. 29 (chast` I), Art. 4344. (In Russian).

5. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 24.12.2015 g. № 1416 «O gosudarstvennoj registracii rasporyazheniya isklyuchitel`ny`m pravom na izobretenie, poleznuyu model`, promy`shlenny`j obrazecz, tovarny`j znak, znak obsluzhivaniya, zaregistrirovanny`e topologiyu integral`noj mikrosxemy`, programmu dlya E`VM, bazu danny`x po dogovoru i perexoda isklyuchitel`nogo prava na ukazanny`e rezul`taty` intellektual`noj deyatel`nosti bez dogovora» *(Government of the Russian Federation of December 24, 2015 No. 1416 "On the State Registration of the Disposal of the Exclusive Right to an Invention, Utility Model, Industrial Design, Trademark, Service Mark, Registered Topology of an Integrated Microcircuit, Computer Program, Contract Database and Transfer of the Exclusive Right to Specified Results of Intellectual Activity Without an Agreement")* // SZ RF, 04.01.2016, No. 1 (Part II), Art. 230. (In Russian).

6. Osnovy` zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii o notariate, utverzhdenny`e VS RF 11.02.1993 g. №4462-1 (v red. ot 31.12.2017 g.) *(Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the Notary, Approved by the RF Armed Forces on February 11, 1993, No. 4462-1 (as Amended on December 31, 2017)* // Rossijskaya gazeta. 1993. No. 49. (In Russian).

7. Prikaz Mine`konomrazvitiya Rossii ot 05.04.2016 g. № 211 (red. ot 10.10.2016) «Ob utverzhdenii Pravil oformleniya zayavki na gosudarstvennuyu registraciyu programmy` dlya e`lektronny`x vy`chislitel`ny`x mashin ili bazy` danny`x, Pravil sostavleniya dokumentov, yavlyayushhixsya osnovaniem dlya osushhestvleniya yuridicheski znachimy`x dejstvij po gosudarstvennoj registracii programmy` dlya e`lektronny`x vy`chislitel`ny`x mashin ili bazy` danny`x, i ix form, Poryadka gosudarstvennoj registracii programmy` dlya e`lektronny`x vy`chislitel`ny`x mashin i bazy` danny`x, Perechnya svedenij o zaregistrirovannoj programme dlya e`lektronny`x vy`chislitel`ny`x mashin ili baze danny`x, publikuemy`x v oficial`nom byulletene Federal`noj sluzhby` po intellektual`noj sobstvennosti, Perechnya svedenij, ukazy`vaemy`x v svidetel`stve o gosudarstvennoj registracii programmy` dlya e`lektronny`x vy`chislitel`ny`x mashin ili bazy` danny`x, formy` svidetel`stva o gosudarstvennoj registracii programmy` dlya e`lektronny`x vy`chislitel`ny`x mashin, formy` svidetel`stva o gosudarstvennoj registracii bazy` danny`x» *(Order of the Ministry of Economic Development of Russia from 05.04.2016 No. 211 (as Amended on 10.10.2016) "On Approval of the Rules for Registration of an Application for State Registration of a Program for Electronic Computers or a Database, Rules for Drawing Up Documents that are the Basis for Carrying Out Legally Significant Actions on the State Registration of the Program for Electronic Computers or Databases, and Their Forms, the Procedure for the State Registration of the Program for Electronic Computers and databases, the Register of Information on Registration of a Program for Electronic Computers or a Database Published in the Official Bulletin of the Federal Service for Intellectual Property, the List of Information Specified in the Certificate of State Registration of the Program for Electronic Computers or Databases, the Form of the Certificate of State Registration of the Program for Electronic Computers, Forms Certificate of State Registration of the Database")* URL: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 23.07.2018). (In Russian).

8. Prikaz Mine`konomrazvitiya Rossii ot 16.12.2015 g. № 943 (red. ot 11.12.2017) «Ob ustanovlenii poryadka vedeniya Edinogo gosudarstvennogo reestra nedvizhimosti, formy` special`noj registracionnoj nadpisi na dokumente, vy`razhayushhem soderzhanie sdelki, sostava svedenij, vklyuchaemy`x v special`nuyu registracionnuyu nadpis` na dokumente, vy`razhayushhem soderzhanie sdelki, i trebovanij k ee zapolneniyu, a takzhe trebovanij k formatu special`noj registracionnoj nadpisi na dokumente, vy`razhayushhem soderzhanie sdelki, v e`lektronnoj forme, poryadka izmeneniya v Edinom gosudarstvennom reestre nedvizhimosti svedenij o mestopolozhenii granicz zemel`nogo uchastka pri ispravlenii reestrovoj oshibki» *(Order of*

the Ministry of Economic Development of Russia of December 16, 2015 No. 943 (Edited on 11.12.2017) "On Establishing the Procedure for Maintaining the Unified State Real Estate Register, the Form of a Special Registration Inscription on the Document Expressing the Contents of the Transaction, the Composition of Information Included in a Special Registration Inscription on the Document Expressing the Contents of the Transaction and the Requirements for its Completion, as well as Requirements for the Format of the Special Registration Inscription on the Document Expressing the Content of the Transaction, in Electronic Form, the Procedure for Changing the Single State Register of Real Estate Information about the Location of the Boundaries of the Land Plot When Correcting the Registry Error") // URL: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 23.07.2018). (In Russian).

9. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti tret`ej (postatejny`j) *(Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Three (itemized)* / M. P. Bardina, B. A. Bulaevskij, N. G. Vilkova i dr.; pod red. N. I. Mary`shevoj, K.B. Yaroshenko. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: KONTRAKT, INFRA-M, 2010. 672 p.(In Russian).

УДК 37.02:34

О. А. Проводина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ[1]

В статье автором обозначены актуальные вопросы законодательного регулирования конфликта интересов в образовательной среде. Проведенный анализ норм права позволил обозначить особенности и основные проблемы регулирования подобных ситуаций.

В сфере образования, за долгие годы, сформировалась одна из самых «злокачественных проблем», которая является дестабилизирующим фактором в укреплении и развитии всей образовательной системы в целом – коррупция.

Опыт борьбы Российской Федерации с коррупцией в сфере образования продемонстрировал необходимость комплексного подхода и принятия действенных мер, которые возможны лишь при наличии оптимального и системного антикоррупционного законодательства.

Автором выделены основные причины, порождающие коррупционные проявления в деятельности педагогических работников, а также приводится точка зрения о необходимости уточнения позиций, указанных в ФЗ «Об антикоррупционной деятельности», т.к. с правовой точки зрения, нормы указанного федерального закона регулируют правовое положение государственных и муниципальных служащих, однако применимы и к педагогическим работникам, несмотря на то, что они не имеют соответствующий статус.

На основании проанализированных фактов, автором обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне Перечня ситуаций, при которых становится явным конфликт интересов, что позволит урегулировать проблему правильной квалификации ситуации конфликта интересов педагогических работников.

Выявлено, что правовая регламентация ситуации «конфликт интересов педагогического работника» требует поправок на законодательном уровне. Установлена необходимость обязательности регулирования данной ситуации локальными актами образовательных организаций.

Ключевые слова: образование, конфликт интересов, конфликт интересов педагогического работника, регулирование споров между участниками образовательных отношений.

O. A. Provodina

TOPICAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CONFLICT OF INTEREST IN EDUCATION

The article specifies topical issues of legislative regulation of the conflict of interest in education. The analysis of the law allowed identifying the features and main problems of regulation in the given field.

One of the most “malignant problems”, which is a destabilizing factor in the strengthening and development of the entire educational system as a whole – corruption – has formed in the educational environment over the last years.

The experience of the Russian Federation in the fight against corruption in the field of education has demonstrated the need for an integrated approach and effective measures that are possible only in the presence of optimal and systemic anti-corruption legislation.

The author highlights the main causes of corruption in the activities of the teaching staff, as well as the necessity to clarify the positions specified in the Federal law “On anti-corruption activities”, because from a legal point of view, the rules of the Federal law regulate the legal status of state and municipal employees, but are applicable to the teaching staff, despite the fact that they do not have the appropriate status.

On the basis of the analyzed facts, the author substantiates the need to consolidate at the legislative level a list of situations in which a conflict of interest becomes apparent, which will resolve the problem of the correct qualification of the conflict of interest situation.

It is revealed that the legal regulation of the situation “conflict of interests of a member of the teaching staff” requires amendments at the legislative level. The necessity of mandatory regulation of this situation by local acts of educational organizations is established.

Key words: education, conflict of interest, conflict of interests of a member of the teaching staff, regulation of disputes between participants of the educational relations.

[1] Статья подготовлена и издана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ № 29.12941.2018/12.1 «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, инноваций, образования и молодежной политики Российской Федерации со странами Кавказа, Южной Осетией и Абхазией» на 2018 год.

Система образования, как и вся специфика ее деятельности, в сущности подразумевает столкновение интересов участников образовательных отношений.

В современных условиях развития сферы образования, проблема разрешения конфликтов интересов педагогических работников приобретает все большую актуальность в образовательной деятельности.

Соблюдение нравственных и этических норм педагогическим работником, относится к его обязанностям, хотя специальной формализации эти нормы не имеют. В действительности, степень формализации требований к педагогическим работникам имеет достаточно невысокий показатель, в связи с чем нередко возникает вопрос, выходит ли за рамки нравственности и профессиональной этики конкретное поведение педагогического работника.

Ситуации, при которых возможно проследить конфликт интересов педагогического работника, существовали задолго до принятия в 2012 г. Федерального закона N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании). Однако, как правовой институт сферы образовательной деятельности, с присущими ему юридическим признаками, начал функционировать лишь с принятием закона.

В Законе об образовании дано следующее определение понятия «конфликт интересов педагогического работника» – ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся. Иными словами, конфликт интересов педагогического работника представляет собой заинтересованность педагогического работника в получении материальной выгоды при выполнении им своей профессиональной деятельности.

В частности, под данное определение подпадает норма ст. 48 Закона об образовании, которая определяет запрет на оказание платных образовательных услуг в конкретной организации, если это приводит к конфликту интересов педагогического работника.

Исходя из определения, закрепленного в Законе об образовании, сущность конфликта интересов заключается в противопоставлении профессиональных обязанностей педагогического работника [1, p. 25] и личной заинтересованностью, т.е. при такой ситуации, когда в процессе осуществления трудовой деятельности у педагогического работника появляется возможность получить выгоду как материального, так и нематериального характера, взамен на выполнение (ненадлежащее выполнение) им своих профессиональных обязанностей.

Безусловно, подтекст данной нормы указывает на наиболее очевидный вид деятельности – репетиторство, предполагая, что это может повлиять на отношения между обучающимся и преподавателем во время основного образовательного процесса. Ситуаций, при которых возможно наступление конфликта интересов, помимо репетиторства, может быть гораздо больше: от конкурсных жюри, до ситуаций, граничащих с коррупционной составляющей. При этом, фундаментом для образования подобного рода ситуаций выступают проблемы нравственно-этического и правового характера.

Под конструкции понятий «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» подходит множество жизненных ситуаций. Наличие правовой неопределенности, безусловно, порождает большое количество злоупотреблений в данной сфере деятельности как со стороны органов, контролирующих данный процесс, так и со стороны самих контролируемых лиц.

В настоящее время, законодательно не определены правовые рамки данной категории, в связи с чем, конфликт интересов педагогического работника, как правовая норма, довольно сложна в правоприменении.

Во-первых, доказать сам факт ведения платной деятельности, крайне сложно, во-вторых, необходимо достоверно установить факт наличия конфликта интересов, в-третьих, перспективы привлечь педагогического работника к ответственности весьма неоднозначны.

Следует понимать, что, исходя из установленных в Законе об образовании норм, нет четкого запрета на оказание платных образовательных услуг в образовательных организациях, однако, при условии возможности возникновении конфликта интересов – они (платные услуги) подлежит запрету.

В связи с этим, в научном мире возникает не мало дискуссий по этому вопросу. Ведь, юридически законодатель устанавливает возможность осуществления данной деятельности, но фактически определяет рамки, пределы которых формально не установлены.

Несмотря на то, что педагогические работники относятся к образовательной сфере, не являются ни государственными, ни муниципальными служащими, в своей профессиональной деятельности они приближены к их статусу, что определяется критерием публичности их деятельности. Тем самым, в процессе осуществления профессиональных обязанностей и совершая юридически значимые действия, порождающие права и обязанности у других лиц, педагогические работники автоматически приравниваются к должностным лицам.

В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон об антикоррупционной деятельности) законодатель закрепляет понятие конфликта интересов и определяет это понятие как ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, за-

мещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) [2].

Проблемы противодействия коррупции в сфере образования долгое время остаются в поле внимания, как со стороны органов государственной власти, так и институтов гражданского общества и общественных организаций.

Причин появления коррупции в сфере образования довольно много. К основным (по мнению автора) необходимо отнести следующие:

1. Низкий уровень оплаты труда педагогических работников и низкий социальный статус.

Ситуация в стране такова, что заработные платы учителей и преподавателей остаются одними из самых низких. Потребности педагогов в полной мере не реализовываются, что, как следствие, приводит к взяточничеству.

Низкое социальное положение педагогических работников в обществе привело к тому, что очень часто в образовательных организациях трудоустраиваются неквалифицированные кадры, что в безусловной мере влияет на процесс образования;

2. Ко второму пункту необходимо отнести недофинансирование системы образования. Именно эта причина приводит к тому, что повсеместно практикуется сбор денег с обучающихся и их родителей (законных представителей) на содержание благосостояния учебного заведения, что противоречит основным конституционным нормам, согласно которым, образование в Российской Федерации является бесплатным;

3. Низкая правовая культура обучающегося состава о значимости образования в современном мире, что характеризуется падением нравственности в обществе в целом (в большей степени касается студентов высших учебных заведений);

4. Отсутствие стимулирования педагогических работников через установленную систему поощрений. Данная причина взаимосвязана с низкой заработной платой педагогических работников. Именно этот критерий может являться стимулом совершенствования педагогической деятельности, повышения уровня нравственности и гражданской ответственности.

Анализируя причины проявления коррупции в образовательной среде, становится очевидно, что коррупция – это социальное явление и, к сожалению, в современной России это одна из серьезных угроз образовательной сферы.

В последние годы органами государственной власти был сформирован и реализован комплекс мер, направленных на предупреждение и преодоление коррупции в образовательной сфере. В числе таких мер следует назвать создание механизма предупреждения конфликта интересов педагогического работника.

Этот интерес обусловлен необходимостью консолидации усилий государственных и муниципальных служащих, должностных лиц, работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, а также самих обучающихся и их законных представителей.

Представляется безусловным, что повышение эффективности деятельности по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений в образовательной среде требует как общих правовых средств, закрепленных Законом об антикоррупционной деятельности, так и использования специальных механизмов, позволяющих учесть специфику регулируемых отношений [3, p. 124]. Таким инструментом и выступает Закон об образовании.

Однако следует учитывать, что закрепление термина «конфликт интересов» в Законе об антикоррупционной деятельности требует уточнений, т.к. в настоящее время указанный федеральный закон направлен исключительно на определенный круг субъектов – государственных и муниципальных служащих.

Таким образом, видна следующая картина: нормативное закрепление понятия «конфликт интересов» и «конфликт интересов педагогического работника» есть, а вот непосредственно сам порядок поведения педагогического работника при наступлении конкретной ситуации, и порядок регулирования конкретных ситуаций, подпадающих под понятие конфликта интересов педагогического работника – отсутствует.

В свою очередь, ст. 45 Закона об образовании предусматривает право на защиту прав обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, выражавшееся в возможности обращаться в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, в том числе по вопросам о наличии или об отсутствии конфликта интересов педагогического работника. При этом регулирование процесса функционирования данной комиссии отнесено к исключительной компетенции самих образовательных организаций. Так, некоторыми организациями, осуществляющими образовательную деятельность, принимаются специальные локальные акты, в которых оговорены случаи возникновения конфликта интересов педагогических работников, а также определен круг субъектов, кто может быть включен в указанную комиссию и определены основные задачи, функции и компетенция комиссии. Таким образом, говоря о локальном регулировании данного процесса, представляется, что принятие подобного нормативного акта остается на усмотрении руководителя образовательной организации, и не является обязательным.

Хочется также отметить, что одним из основных вопросов, которые ставятся на рассмотрение комиссии – вопрос о непосредственном моменте

возникновения конфликта интересов педагогического работника. Именно этот факт представляет наибольшую значимость при рассмотрении конкретного дела. Ведь учитывая порядок деятельности указанной комиссии, выполнять свои функции она начинает лишь после непосредственного обращения обучающегося, либо его родителя (законного представителя), т.е. непосредственно тогда, когда уже произошел конфликт интересов. Тем самым правовой регулятор начинает действовать на устранение уже возникшего конфликта, но не на его предупреждение.

Более того, анализ локальных актов, принятых в рамках исполнения законодательства в сфере образования, указывает на ряд проблем. В частности, это и применение формального подхода к подготовке локального акта, определяющего статус комиссий, и само фактическое закрепление порядка функционирования данных комиссий. По представлению законодателя формирование состава комиссии ориентируется на паритетных началах, однако на практике нормы о представительстве нередко нарушаются.

Таким образом, исходя из сложившейся практики, организации, осуществляющие образовательную деятельность, зачастую формально относятся к выполнению требований Федерального закона №273-ФЗ по разработке и принятию локального акта, регламентирующего вопросы создания и функционирования комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений.

Представляется, что рассмотрение конкретной ситуации конфликта интересов педагогического работника осуществляется преимущественно на субъективной оценке межличностных отношений, изначально предполагающих готовность к взаимодействию. При этом можно уследить нарушение принципа независимости при принятии решений. В частности, посредством субъективного восприятия делается вывод о наличии личной заинтересованности в получении материальной выгоды или иного преимущества, а также о влиянии (в том числе потенциальном) на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей. Даже запрет на осуществление индивидуальной педагогической деятельности не является безусловным: оказание платных образовательных услуг должно вести к конфликту интересов, что, опять же, оценивается субъективно.

По этой причине, должен быть предусмотрен специальный механизм реагирования на подобные ситуации, что позволит в большей степени избежать декларативности, и повысить эффективность деятельности по предупреждению конфликта интересов педагогического работника.

Говоря о локальном регулировании, хочется отметить безусловную необходимость и целесообразность их принятия и применения, как регулятора общественных отношений, однако отсутствие внешней правовой экспертизы, а также учитывая возможность недостаточной квалификации лиц, осуществляющих разработку локального акта [3, p. 126], может привести к существенному снижению эффективности регулирующего воздействия, одновременно повышая коррупционные риски.

Следует учесть, что вопросы предупреждения и преодоления конфликта интересов в образовательной сфере определены фрагментально и требуют более тщательной разработки.

Таким образом, автором обоснована необходимость закрепления на законодательном уровне перечня ситуаций, в которых может быть усмотрен конфликт интересов. Помимо установления Перечня, со стороны органов государственной власти требуется непосредственное участие в составлении методического пособия, которые определяло бы порядок урегулирования конфликта интересов педагогического работника.

Стоит отметить, что до настоящего времени не выработан и оперативный механизм противодействия коррупции в сфере образования, что обусловлено отсутствием должным образом согласованного законодательства.

Комиссии по урегулированию конфликта интересов в образовательных организациях могут стать эффективным механизмом по разрешению спорных ситуаций, однако их правовой статус и порядок функционирования необходимо тщательно прописать, а именно эффективно раскрыть в подзаконных актах и рекомендациях органов государственной власти, уполномоченных в сфере образования, что, безусловно, позволит избежать декларативности и повысить эффективность деятельности по предупреждению конфликта интересов педагогического работника.

Также, необходимо исключить формальность по разработке локальных актов, регламентирующих вопросы по созданию и урегулированию споров между участниками образовательных отношений и их функционированию со стороны образовательных организаций, что в свою очередь будет способствовать предотвращению и комплексному регулированию конфликта интересов, ограничив при этом частные интересы и личную заинтересованность работников на реализуемые ими трудовые функции, что безусловно окажет положительное влияние в целом на сферу образования.

Литература

1. Еремина Т.И. Правовое регулирование конфликта интересов в сфере образования // Практика правоприменения образовательного законодательства в профессиональных образовательных организациях в свете реализации федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Материалы городской научно-практической конференции (Москва, 20 мая 2015). М.: ГБОУ ВО МГПУ, 2015. С.24 – 27.

2. Обзор практики применения судами в 2014 – 2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмо-

трении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 ноября 2016 года) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

3. Плюгина И. В. Правовые механизмы предупреждения коррупции в сфере образования // Журнал российского права. 2016. №12. С. 123-133.

4. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2012. №53 (Ч. 1). Ст. 7598.

References

1. Eremina T. I. Pravovoe regulirovanie konflikta interesov v sfere obrazovaniya *(Legal Regulation of Conflict of Interest in the Field of Education)* // Praktika pravoprimeneniya obrazovatel'nogo zakonodatel'stva v professional'nyh obrazovatel'nyh organizaciyah v svete realizacii federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». Materialy gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, 20 maya 2015). Moscow: MSPU publ., 2015. P. 24-27. (In Russian).

2. Obzor praktiki primeneniya sudami v 2014–2016 godah zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii sporov, svyazannyh s nalozheniem disciplinarnyh vzyskanij za nesoblyudenie trebovanij zakonodatel'stva o protivodejstvii korrupcii (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 30 noyabrya 2016 goda) *(Review of the Practice of Application by the Courts in 2014–2016 of the Legislation of the Russian Federation in the Consideration of Disputes Related to the Imposition of Disciplinary Penalties for Non-Compliance with the Requirements of Anti-Corruption Legislation (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 30, 2016)* // Informacionno-pravovoj portal «Garant.ru». (In Russian).

3. Plyugina I. V. Pravovye mekhanizmy preduprezhdeniya korrupcii v sfere obrazovaniya *(Legal Mechanisms to Prevent Corruption in Education)* // ZHurnal rossijskogo prava. 2016. No.2. P. 123-133. (In Russian).

4. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 03.08.2018) *(On Education in the Russian Federation: Federal Law of 12/29/2012 No. 273-FZ (Revised from 08.08.2018)* // Sobranie zakonodatel'stva Russian Federation. 2012. No. 53 (Part. 1). Art. 7598. (In Russian).

УДК 342.95

Е. В. Холодная

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья посвящена анализу базовых направлений развития электронного государственного управления, а также возможностям практической реализации нового принципа «цифровые по умолчанию» в отношении государственных услуг. Отсутствие ожидаемой динамики эффективности обозначенного направления в Российской Федерации актуализирует поднятую тематику. В качестве целей определено предложение авторского определения электронного правительства, а также выявление причин, способствующих торможению реализации платформы электронное правительство и переходу к новому «цифровому» качеству. Методологическую основу составили формально-логический и методы системного и сравнительного правоведения. Выводы по результатам предложены следующие: перспективным является переход от модели электронного к концепции цифрового правительства, основанной на системном преобразовании всей структуры государственного управления. Цифровая стратегия ориентирована на работу с гражданами посредством операций с данными. Под электронным правительством предлагается понимать форму реализации государственного управления, основанную на синергетическом взаимодействии ИКТ и информационных ресурсов (данных) в целях предоставления государственных услуг. Также выделены негативные факторы, тормозящих развитие в нашей стране электронного государственного управления, и обозначены возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: электронное правительство; информационные ресурсы; государственное управление; цифровой публичный сервис.

E. V. Kholodnaya

ON SOME PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF E-GOVERNMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

The article is devoted to the analysis of basic directions of the development of e-government, as well as the possibilities for the practical implementation of the new principle of “digital defaults” in the provision of public services. However, the absence of the expected dynamics of the effectiveness of e-government in the Russian Federation actualizes the topic raised. The article studies a reasonable development, e-government and the transition to a new “digital” quality, as well as the proposal of the author’s definition of “e-government”. The methodological basis of the article is formal-logical processes and methods of systemic and comparative law. The conclusions on the results suggested the following: a promising transition from the “e-government” model to the concepts of government based on the systemic transformation of the entire government structure. The digital strategy is focused on working with citizens through data operations. It is proposed to understand e-government as a form of implementation of public administration, based on the synergetic interaction of ICT and information resources (data) for the provision of public services. Also, negative factors hindering the development of e-government in our country are highlighted, and possible ways to overcome them are outlined.

Key words: e-government; information resources; governance; digital public service.

Парадигмы нового информационного мира диктуют свои требования к механизму государственного управления. Информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) в современной России также стали частью управленческих систем во всех отраслях и сферах государственного управления, обеспечения безопасности и правопорядка. В настоящее время государственное управление общепризнанно рассматривается как системный процесс, элементы которого объединены с помощью ИКТ.

Использование ИКТ в государственном управлении связано с развитием инновации «электронное правительство» [17, с. 21–22], начавшейся для нашего государства в 2000 г. с принятия Окинавской Хартии глобального информационного общества [11]. Как отмечается в научной литературе, осуществление этих инноваций на основе имплементации ИКТ в сфере государственного управления расширяет возможности оборота информационных ресурсов в правотворческой и правореализующей деятельности на разных уровнях [16, с. 66].

Нормативно электронное правительство было закреплено в Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 года №632-р [7], как новая форма

организации деятельности органов публичной власти, обеспечивающая за счет широкого применения ИКТ качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами публичных услуг и информации о результатах деятельности публичных органов.

По факту выделялись две стратегические линии новой организации государственного управления: во-первых, формирование единых информационных систем для обеспечения доступа граждан и организаций к результатам деятельности органов публичной власти; во-вторых, предоставление публичных услуг с использованием ИКТ [5, с. 72]. Указанные направления реализовались на основе федеральных программ развития «Электронная Россия» и «Информационное общество».

Как отмечает Н. Н. Ковалева, электронное правительство это концепция осуществления государственного управления, основанная на возможностях ИКТ и ценностях открытого гражданского общества [6, с. 82]. По мнению Бачило И. Л., электронное правительство представляет собой совокупность (систему) органов и организаций, непосредственно ориентированных на формирование условий в целях формирования информационного общества, создание таких параметров российского государства, при которых это государство и будет рассматриваться как информационное общество [2, с. 275–275].

Но с точки зрения пользователя, как нам видится, – электронное правительство это форма реализации государственного управления, основанная на синергетическом взаимодействии ИКТ и информационных ресурсов (данных) в целях предоставления государственных услуг.

Следует отметить, что при реализации электронного правительства различают технологическую и коммуникативную компоненты. Технологическая компонента в управлении связана с процессами информатизации, с упором на применение ИКТ в управлении как вспомогательного инструментария. Коммуникативная компонента выражается в активном внедрении ИКТ в государственное управление в целях создания прозрачной информационной среды, повышения открытости публичной власти, более эффективного взаимодействия власти и населения, становления и упрочения электронной демократии в России [18, с. 113]. В указанной Концепции присутствовали обе компоненты, однако на первых этапах акцентировался именно технологический подход в организации электронного правительства, как способ модернизации существующих государственных управленческих структур и услуг с помощью ИКТ [4, с. 109].

К сегодняшнему дню для развития электронного государственного управления принят комплекс федеральных законов, на основе которых создан портал публичных услуг, обеспечивается прозрачность деятельности органов публичной власти, активно развивается межведомственное взаимодействие, основанное на принципе «одного окна». Кроме того, основные перспективные направления отражены в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 09 мая 2017 №203 (далее Стратегия развития информационного общества в РФ) [19].

Обращаем внимание, что в ходе оценки ООН в 2018 г. рейтинг России по уровню развития электронного правительства составил 32 место, что несколько улучшило наш показатель 2016 г. [15]. Однако наращивание уровня информатизации и количества электронных государственных услуг в настоящий момент являются недостаточными факторами не только для развития, но и для перехода на новый уровень электронного (цифрового) управления. Тем не менее, в указанной Стратегии развития информационного общества сохраняются отдельные элементы технологического подхода, определяя роль ИКТ зачастую как обеспечительную, вспомогательную для государственного управления.

Также в научной литературе подчеркивается, что электронное правительство России, структурно дезинтегрированное, реализующее ведомственный подход к оказанию публичных услуг, сосредоточенное на управлении сервисами, децентрализованное, с рядом дублирующих функций, имеющее отдельные узкоспециализированные узлы, еще далеко от правительства, организованного по сетевому принципу, использующего свой потенциал для совместной с обществом и бизнесом выработки решений проблем стратегического и экономического развития [12, с. 27]. Эта точка зрения подтверждается практическими материалами, в частности, в Государственной программе РФ «Информационное общество (2011–2020 гг.)» акцентируется внимание на комплексе проблем государственного управления в условиях использования ИКТ: низкие темпы развития инновационной экономики ведут к недостаточному присутствию на рынке отечественных ИКТ, к зависимости от иностранных информационных технологий, низкой конкурентоспособности российских IT-компаний и отечественной электронной базы; высокий уровень «информационного неравенства» в различных субъектах Федерации и различными слоями населения; рост угроз информационной безопасности, в том числе, кибератак на государственные информационные системы, что может вызывать недоверие к эффективности защиты данных граждан в таких системах и др. [13].

Лидеры же электронного правительства (Дания, Великобритания и др.), преодолевая негативные факторы, в настоящий момент уже переходят от электронного правительства – к цифровому, что подразумевает перевод государственных услуг в цифровой формат от момента обращения за услугой до их исполнения, опираясь преимущественно на данные, а не на документы.

Иными словами, все управленческие процессы трансформируются на основе принципа «цифровые по умолчанию». Так, например, стратегия «хороших базовых данных» [24] правительства

Дании оценивает неоднократное использование данных как первооснову для эффективного выполнения органами государственной власти своих задач, а также как существенный вклад в модернизацию государственного сектора. Это выражается не только в обеспечении высокого качественного обслуживания граждан и организаций при совместном использовании ведомствами ранее введенных данных в процессе рассмотрения обращений, но и освобождает государственных служащих от повторяющихся рутинных операций и процедур. С 2004 г. Дания активно инвестирует в цифровизацию государственных органов. С 2015 г. взаимодействие граждан и бизнеса с государственными структурами производится только через Интернет. Органы власти на уровне страны и муниципалитетов связаны в единую сеть, что позволяет взаимодействовать со всеми ведомствами с помощью единого личного кабинета [23]. Как отмечается самими датчанами, если вам нужно заплатить налоги, сообщить о краже велосипеда или записаться на прием в службу общественного здравоохранения в Дании, вы можете сделать все это со своего компьютера. Каждый орган государственной власти или государственное должностное лицо может быть доступно онлайн, и каждый гражданин имеет определенную цифровую подпись для «подписания» важных документов [22].

Другим лидером в сфере реализации электронного правительства является Великобритания, представившая в 2017 г. новую стратегию развития цифровых технологий (Digital Strategy) по семи направлениям развития «ведущей цифровой экономики» в мире, где одним из направлений выделяется «цифровое правительство». Согласно Стратегии трансформации правительства до 2020 г. [25] следующий этап цифровой трансформации «цифрового правительства» (здесь и далее под трансформацией понимается – «преобразование» государственного управления и предоставления публичных услуг) состоит из 3-х компонентов, которые в совокупности формируют рамки этой стратегии:

1) трансформация цифровых услуг в государственном секторе, ориентированных на всех пользователей и везде, где это возможно;

2) полная трансформация департамента, путем преобразования способов предоставления своих услуг, с помощью цифровых технологий, что приведет к более гибкому управлению, улучшит обслуживание граждан по всем каналам и повысит эффективность;

3) внутренняя трансформация правительства, которая не обязательно внешне повлияет на публичные сервисы, но имеет значение для повышения уровня межведомственного взаимодействия, путем преобразования внутреннего управления [14].

В Стратегии трансформации правительства Великобритании, выделяются 5 основных целей ее реализации (достижения):

1) предоставление цифровых услуг мирового класса и преобразование методов работы правительства, от переднего плана до бэк-офиса, современным и эффективным способом;

2) развитие высоких навыков пользования ИКТ и повышение интернет-культуры в гражданском обществе и бизнесе;

3) создание новых цифровых инструментов и упрощение процедур в государственном секторе, повышение эффективности работы государственных служащих;

4) более эффективное использование данных не только для обеспечения прозрачности, но и для обеспечения трансформации государственного и частного сектора;

5) создание, эксплуатация, итерация и внедрение эффективных общих платформ (основ) цифрового правительства и использование многоразовых бизнес-возможностей для ускорения трансформации, основываясь на общих открытых стандартах, шаблонах [26].

Иными словами, цифровое правительство ориентировано на нужды и ожидания граждан (общества); публичные цифровые услуги оперативнее и дешевле; совершенствование публичных цифровых услуг происходит на основе информационных ресурсов (данных), как имеющихся в наличии, так и вновь создаваемых в ходе государственного управления. Так, Эстонии удалось выстроить эффективную электронную систему государственного управления благодаря принятию в 1997 г. правилу, не позволяющему государственным служащим требовать от граждан информационный ресурс (данные), уже однажды полученную в любом другом государственном учреждении. У большинства граждан есть электронный паспорт – ID Card, который позволяет получать публичные услуги онлайн, в том числе голосовать на муниципальных и парламентских выборах. В 2005 г. Эстония первой ввела электронное голосование; в 2015 г. в ходе выборов в парламент более 30 % избирателей голосовали онлайн. Электронная цифровая подпись в стране законодательно приравнена к обычной, и активно используется с 2002 г. [23].

Как заявлено в аналитическом докладе «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России», подготовленного Всемирным банком совместно с Институтом развития информационного общества, цифровой административный процесс дает ряд преимуществ по эффективности управления. Он позволяет не только отслеживать движение заявлений, в том числе, обеспечивая постоянное информирование заявителей услуг о прохождении этапов. Но и, путем предоставления данных по обработке транзакций, обеспечивает возможность применения ИКТ, основанных на использовании данных. Это может включать автоматизированную проверку заявлений не только по существующей базе данных услуги, но также и по межведомственным базам данных; идентификацию обращений и направление их на рассмотрение соответствующим специалистам; постоянный пересмотр регламентных правил рассмотрения обращений с ориентацией на данные для обеспечения максимальной эффективности использо-

вания имеющихся ресурсов. Причем полагается, что принцип «цифровой по умолчанию» может изменить и суть самой государственной услуги, делая ее также цифровой (например, электронные визы, введенные рядом стран) [1].

Однако в России системной переоценки цифровой организации еще не произошло, что сдерживает развитие нового этапа электронного государственного управления, в том числе, по ряду географических, демографических, экономических причин. Так, в качестве альтернативы сохраняются традиционные способы (неэлектронные) оказания публичных услуг, так как часть населения страны нуждается не только в повышении компьютерной грамотности, но и в выравнивании возможностей доступа к этим электронным услугам. Решить эту задачу без государственной социальной поддержки не представляется возможным. Также важнейшим условием развития данного направления является организация систематического повышения квалификации служащих публичных органов по работе с ИКТ и в сфере информационной культуры. Однако присутствие «альтернативы» не мотивирует и само государство на изменение концептуального подхода в оказании публичных услуг. Более того, сохранение традиционного, «привычного» варианта получения публичной услуги закреплено в качестве принципа в Стратегии развития информационного общества в РФ. Иными словами, признается, что часть российского общества не готова к преобразованиям, не может оценить преимущества использования в своей жизни, профессиональной и иной деятельности ИКТ. Однако, на наш взгляд, основным условием реализации и дальнейшего развития электронного правительства выступает именно способность (возможность) граждан быть участниками электронного государственного управления и именно это положение как базис (принцип) должно браться за основу дальнейшего реформирования. Здесь можно обратиться к положительному опыту ряда зарубежных стран, предоставляющим в помощь своим гражданам, с недостаточными цифровыми навыками, бесплатное обучение детям и взрослым, в том числе, государственным служащим, включив работу с ИКТ в состав общего образования и создав, таким образом, информационную среду, готовую к цифровой трансформации. Например, в Сингапуре также организована помощь нуждающимся в подключении к цифровым сервисам, для этих целей созданы центры подключения граждан, в которых сотрудники помогают населению получить доступ к государственным услугам. А вот получение документа в очной форме, через взаимодействие с чиновником на личном приеме, является отдельно оплачиваемой услугой [8]. Этот опыт можно использовать в целях преобразования работы многофункциональных центров из посредников по оказанию государственных услуг в центры помощи подключения к цифровым сервисам.

Кроме того, ряд норм действующего законодательства РФ являются «тормозом» развития цифрового управления, ориентируясь преимущественно на традиционные механизмы государственного управления. Так, в соответствии с законодательством РФ об обращениях граждан, общий срок порядка рассмотрения обращений составляет 30 дней [20], исключая возможность мгновенного исполнения при электронном обращении, что не оправдывает ожидания электронного документооборота. Очевидно, что темпы социальных изменений в ходе технического прогресса ускоряются и это повышает ожидания людей в отношении того, что государственное управление будет применять современные методы и технологии для улучшения своих услуг и межведомственного взаимодействия. Традиционное право не успевает за этими трансформациями, что также требует преобразования правовой платформы государственного управления.

Иными словами, необходимо реформирование законодательства, в том числе, административных регламентов, на основе которых осуществляются административные процедуры. Именно законодательство априори является организационным и интегрирующим фактором в отношении инфраструктуры электронного правительства, стимулом для практического развития этого направления.

В качестве инфраструктуры электронного правительства в Стратегии развития информационного общества в РФ рассматривается совокупность размещенных на территории страны государственных информационных систем, программно-аппаратных средств и сетей связи, с помощью которых обеспечивается при оказании услуг и осуществлении иных функций в электронной форме межведомственное взаимодействие органов публичной власти, граждан и организаций. На наш взгляд, необходимо данное определение дополнить элементом – информационные ресурсы (данные), без которых представляется невозможным не только оказание публичных услуг, но собственно ради которых большинство услуг востребованы (в виде результата этой услуги).

Ресурсы (из франц. ressource «вспомогательное средство») определяются как источники чего-либо [10, с. 885]. Информация (из лат. informatio – изложение, разьяснение) сообщения (данные), осведомляющие о положении дел [10, с. 232]. В ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация это сведения, сообщения (данные), независимо от формы их представления [21].

В юридической науке нет однозначного подхода к вопросу о том, какую информацию следует считать ресурсом, а какая информация таковым не является. В действующем законодательстве, не смотря на широкое применение термина, легальная дефиниция информационного ресурса отсутствует, что является несомненным пробелом, исходя из стратегической значимости для электронного государственного управления данной категории.

В науке существуют различные трактовки этого определения. Наиболее распространенной

точкой зрения является положение о том, что информационные ресурсы это отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах. Иными словами, исходным моментом включения информации в сферу обращения по различным социальным каналам является ее документирование, то есть закрепление на материальном носителе. Однако, по мнению некоторых авторов, сужение «информационного ресурса» лишь к документированной информации необоснованно, так как «очевидно, что в Интернете абсолютное большинство циркулирующей информации никак нельзя отнести к традиционному документообороту» [3, с. 121–130]. К информационным ресурсам относят не только совокупность информации и материального носителя (документ), но и собственно сведения, то есть выделяется содержательная (идеальная) сторона информации [9, с. 81–89].

Можно определить следующие признаки информационного ресурса: это документ или структурированный массив документов (система документов); имеет определенную форму, удобную для формирования, хранения, передачи и восприятия; содержит социально значимую информацию, отобранную по определенным признакам.

Анализируя сказанное, можно сделать вывод о том, что при разработке дефиниции «информационный ресурс», законодателю следует учитывать не только его материальную, но и идеальную (содержательную) сторону.

Нам же представляется, что информационный ресурс это сведения (социально значимая информация), сформированные по определенному критерию (признаку) и зафиксированные на материальном носителе в любой форме представления.

Таким образом, информация (оцифрованные данные) становится стратегическим ресурсом государственного управления. Однако эффективный переход на цифровую платформу государственного управления возможен при системном подходе по всем направлениям цифрового правительства, в том числе, внесение изменений в законодательство, в административные внутриведомственные процессы, повышение компьютерной грамотности и информационной культуры государственных служащих и населения, технологической инфраструктуры и инвестиционных моделей и др.. Проведенное сравнительное исследование зарубежного опыта стран-лидеров по реализации перехода от модели «электронного правительства» к «цифровому правительству» представляется крайне актуальным для их возможного практического воплощения при преобразовании российского государственного управления. В частности, это дает понимание того, что в обозримом будущем наибольшая доля публичных услуг будет предоставляться в цифровом формате и необходима государственная поддержка тем, кто не может получить доступ к цифровым сервисам.

Литература

1. Аналитический доклад «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России», подготовленного Всемирным банком совместно с Институтом развития информационного общества. URL: http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf (Дата обращения: 19.10.2018).

2. Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства. Конфликты в информационной сфере: правовые аспекты. Материалы теоретич. семинара Сектора информационного права института государства и права РАН. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 271-283.

3. Войниканис Е. А., Якушев М. В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. М.: Волтерс Клувер, 2004. 176 с.

4. Иншакова Е. Г. Стадии развития «электронного правительства» // Правовая наука и реформа юридического образования. 2012. № 2(25). С. 109-113.

5. Ковалева Н. Н. Государственное управление в информационной сфере: монография. Саратов: КУБиК, 2011. 224 с.

6. Ковалева Н. Н. Информационное право России: учебное пособиею. М.: «Дашков и К», 2007. 360 с.

7. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 года №632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. №20. Ст. 2372.

8. Москва будет использовать опыт Сингапура в цифровизации госуслуг URL: https://tass.ru/ekonomika/5382233 (Дата обращения: 03.11.2018).

9. Огородов Д. В. К вопросу о правовой охране информации // Интеллектуальная собственность: современные правовые проблемы: Проблемно-тематический сб. М.: ИГП, ИНИОН РАН, 1999. С. 81-89.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. 1200 с.

11. Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. №8. С. 51-56.

12. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство России в новых условиях // PolitBook. 2015. №2. С. 6-32.

13. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 25.09.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №18 (часть II). Ст. 2159.

14. Правительство Британии становится на путь цифровой трансформации. URL: http://d-russia.ru/pravitelstvo-britanii-stanovitsya-na-put-tsifrovoj-transformatsii.html (Дата обращения: 05.11.2018).

15. Рейтинг электронного правительства ООН. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/ (Дата обращения: 10.09.2018).

16. Силков С. В. Электронное правительство в Беларуси: правовое регулирование конфронтаций в информационной сфере. Конфликты в информационной сфере: правовые аспекты. Материалы теоретич. семинара Сектора информационного права института государства и права РАН. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 64-81.

17. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.

18. Холопов В. А. Правовые аспекты совершенствования институтов непосредственной демократии и информационного обеспечения местного самоуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. №4. С. 106-115.

19. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Росийской Федерации. 2017. №20. Ст. 2901.

20. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»// Собрание законодательства Росийской Федерации. 2006. №19. Ст. 2060.

21. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ (ред. от 19.07. 2018 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №31 (часть I). Ст. 3448.

22. Цифровизация в Дании. URL: https://denmark.dk/innovation-and-design/digitalisation (Дата обращения: 10.09.2018).

23. Четыре электронных лидера. URL: http://www.rbcplus.ru/news/5acf36437a8aa92bcba1ef50?ruid=NaN (Дата обращения: 05.11.2018).

24. The Danish Government 2012. URL: http://www.fm.dk/publications/2012/good-basic-data-for-everyone/~/media/Publikationer/Imported/2012/Gode%20grunddata%20til%20alle/BasicData_UK_web_2012.10.08. (Дата обращения: 20.10.2018)

25. GOV.UK: официальный портал правительства Великобритании. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy#contents (Дата обращения: 05.11.2018).

26. Government Transformation Strategy 2017 to 2020. URL: https://www.gov.uk/government/publications/government-transformation-strategy-2017-to-2020/government-transformation-strategy (Дата обращения: 05.11.2018).

References

1. Analiticheskiy doklad «Tsifrvoye pravitel'stvo 2020. Perspektivi dlya Rossii», podgotovlennogo Vsemirnim bankom sovmestno s Institutom razvitiya informacionnogo obshestva *(The Analytical Report "Digital Government 2020: Perspectives for Russia", Prepared by the World Bank in Conjunction with the Institute of the Information Society)* URL: http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf (Accessed: 10.19.2018). (In Russian).

2. Bachilo I. L. Pravovaya platforma postroeniya elekronnogo gosudarstva. Konflikti v informacionnoy sfere: pravovie aspekti *(Legal Platform for Building an Electronic State. Conflicts in the Information Sphere: Legal Aspects)*. Materiali teoretich. seminara Sektora informacionnogo prava instituta gosudarstva i prava RAN. Moscow: Institute of state and law of RAS publ., 2009. P. 271-283. (In Russian).

3. Voynikanis E. A., Yakushev M. V. Informacia. Sobstvennost'. Internet: Tradicia i novelli v sovremennom prave *(Information. Own. Internet: Tradition and New Things in Modern Law)*. Moscow: Volters-Kluver, 2004. 176 p. (In Russian).

4. Inshakova E. G. Stadii raswitiya «elektronnogo pravitelstva» *(Stages of Development of "E-Government")* // Pravovaya nauka i revorma yuridicheskogo obrasovaniya. 2012. No.2 (25). P. 109-113. (In Russian).

5. Kovaleva N. N. Gosudarstvennoe upravlenie v informacionnoy sfere: monografia. *(Public Administration in the Information Sphere: Monograph)*. Saratov: KUBiK, 2011. 224 p. (In Russian).

6. Kovaleva N. N. Informacionnoe pravo Rossii: uchebnoe posobie *(Information Law of Russia: Textbook)*. Moscow: Dashkov and K, 2007. 360 p. (In Russian).

7. Koncepciya formirovaniya v Rossiiskoi Federatsii electronnogo pravitelstva do 2010 goda, utv. rasporyazheniem Pravitelstva RF ot 6 maya 2008 goda №632-r. *(The Concept of Forming E-Government in the Russian Federation until 2010, Approved. Order of the Government of the Russian Federation of May 6, 2008 No. 632-p)* // Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2008. No. 20. Art. 2372. (In Russian).

8. Moscva budet ispol'sovat' opit Singapura v tsifrovisacii gosuslug *(Moscow Will Use the Experience of Singapore in the Digitization of Public Services)* URL: https://tass.ru/ekonomika/5382233 (Accessed: 03.11.2018). (In Russian).

9. Ogorodov D. V. K voprosu o pravovoy ohrane informatsii *(On the Issue of Environmental Protection*) // Intellectual'naya sobstvennost': sovremenniye pravovie problemi. Problemno-tematicheskiy sb. / Moscow: IGP, INION RAN, 1999. P. 81-89. (Accessed: 03.11.2018). (In Russian).

10. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yasika. *(Dictionary of the Russian language)*. Pod obsh. red. prof. L. I. Skvorcova. Moscow: OOO «Isdatel'stvo Onix»: OOO «Isdatel'stvo «Mir i obrasovanie», 2007. 1200 p. (In Russian).

11. Okinawskaya Khartiya global'nogo informatsionnogo obshchestwa *(Okinawa Charter of the Global Information Society)* // Diplomaticheskaya Gazeta. 2000. No. 8. P.51 – 56. (In Russian).

12. Pavlyutenkova M. Yu. Electronnoye pravitel'stvo Rossii v novih usloviyah. *(E-government of Russia in the New Conditions)* // PolitBook. 2015. No. 2. P.6 – 32. (In Russian).

13. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 N 313 (as amended on September 25, 2017) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmi Rossiiskoy Federatsii "Informacionnoe obshchestvo" (2011–2020) *(On Establishing the State Program of the Russian Federation "Information Society" (2011–2020)* // Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2014. No. 18 (Part II), Art. 2159. (In Russian).

14. Pravitel'stvo Britanii stanovitsya na put' tsifrovoy transformatsii *(The British Government Takes the Path of Digital Transformation)* URL: http://d-russia.ru/pravitelstvo-britanii-stanovitsya-na-put-tsifrovoj-transformatsii.html (Accessed: 05/11/2018). (In Russian).

15. Rating of UN Electronic Government. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/ (Accessed: 10.09.2018). (In Russian).

16. Silkov S. V. Electronnoye pravitel'stvo v Belarussi: pravovoe regulirivanie konfrontatsiy v informatsionnoy sfere *(E-government in Belarus: Legal Regulation of Confrontations in the Information Sphere)* // Konflikti v informatsionnoy sfere: pravovie aspekti. Materiali teoretich. seminara Sektora informacionnogo prava instituta gosudarstva i prava RAN. Moscow: Institute State and Law of RAS, 2009. P. 64-81. (In Russian).

17. Talapina E. V. Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obshchestve (pravovoy aspect): monografiya. *(Public Administration in the Information Society (Legal Aspect): Monograph)*. Moscow: Yurisprudenciya, 2015. 192 p. (In Russian).

18. Kholopov V. A. Pravovie aspekti sovershenstvovaniya institutov neposredstvennoy demokratii i informatsionnogo obespecheniya mestnogo samoupravlenaya *(Legal Aspects of the Development of State and Municipal Government)* // Voprosi gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. 2011. No.4. P. 106-115. (In Russian).

19. Presidential Decree of 09.05.2017 N 203 "O strategii rasvitiya informacionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030" *("On Strategies for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030")* // Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2017. No.20. Art. 2901. (In Russian).

20. Federal Law of 02.05.2006 N 59-FZ (as amended on 27.11.2017) "O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiiskoi Federatsii" *("On the Procedure for Considering Applications from Citizens of the Russian Federation")* // Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2006. No. 19. Art. 2060. (In Russian).

21. Federal Law of July 27, 2006 N 149-FZ (as amended on July 19, 2018) "Ob informatsii, informatsionnih tehnologiah i o zashchite informatsii" *("On Information, Information Technologies and on Protection of Information")* // Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2006. No. 31 (Part I). Art. 3448. (In Russian).

22. Digitization in Denmark. URL: https://denmark.dk/innovation-and-design/digitalisation

23. Electronic leaders. URL: http://www.rbcplus.ru/news/5acf36437a8aa92bcba1ef50?ruid=NaN (Accessed: 05.11.2018). (In Russian).

24. Danish Government 2012. URL: http://www.fm.dk/publications/2012/good-basic-data-for-everyone/~/media/Publikationer/Imported/2012/Gode%20grunddata%20til%20alle/ BasicData_UK_web_2012 .10.08. (Accessed: 20.10.2018). (In Russian).

25. GOV.UK: the official portal of the UK government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy#contents (Accessed: 05.11.2018). (In Russian).

26. Government Transformation Strategy 2017 to 2020. URL: https://www.gov.uk/government/publications/government-transformation-strategy-2017-to-2020/government-transformation-strategy (Accessed: 05.11.2018). (In Russian).

УДК 811.11

С. В. Аликова

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается ряд вопросов, выявленных в процессе дискурсивного анализа политических и экономических статей. В исследовании мы руководствуемся теорией В. В. Виноградова, согласно которой в структуре языка дифференцируются следующие стили: бытовой стиль (функция коммуникации); деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетрический (функция воздействия).

Актуальность исследования обусловлена современным характером обсуждаемых в анализируемых статьях вопросов, а также тем, что коммуникативная установка и ориентация на разноплановую аудиторию подразумевают структуру, которая связана с использованием готовых стандартов, вербальных штампов, различной фразеологии. Научная новизна исследования заключается в том, что устойчивые выражения рассматриваются как важный синтаксический материал в архитектонике политического дискурса. Целью работы является прагматический и структурно-семантический дискурсивный анализ аналитических статей политического и экономического характера. Представлено подробное описание функциональных сочетаний глаголов (часто называемых в немецкой лингвистической литературе «Streckformen des Verbs»), которые являются пограничной областью фразеологического и синтаксического анализа.

В данной работе лингвистическому анализу подвергаются аналитические статьи газеты FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung). Данное издание представлено в Германии в печатном виде и доступно через Интернет для зарубежной аудитории. Метод сплошной выборки фразеологизмов из газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» позволил установить численное превосходство выражений официально-делового стиля, которые представляют собой сочетания глагола с именным или предложным дополнением, выполняющим в предложении предикативную функцию. В статье обосновывается правомерность отнесения анализируемых выражений к фразеологии. Из проведенного теоретико-практического анализа следует, что устойчивые выражения определяют следующие прагматические и эмпатические константы: 1) достоверность, надежность источника; 2) принадлежность к разговорному стилю, близость к аудитории, представление и разделение ее интересов; 3) нейтральность; 4) пейоративная оценка.

Ключевые слова: устойчивые выражения, публицистический стиль, прагматический аспект, синтагма, аналитическая статья.

S. V. Alikova

SET PHRASES IN THE JOURNALISTIC STYLE: PRAGMATIC AND STRUCTURAL-SEMANTIC ASPECTS (ON MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

The article studies some issues identified through the discourse analysis of political and economic articles. According to V. V. Vinogradov's theory we differentiate in the language structure everyday domestic style (function of communication), business, official-documentary and scientific (function of message); journalistic and artistic belletristic (pragmatic function). Since our work analyzes a number of analytical newspaper articles, we will characterize the journalistic style, namely the texts of the media.

The research actuality is caused by the fact that the communicative setting and focus on a diverse audience implies the structure, which is associated with the use of prepared standards, cliches, different phraseological units. The scientific topicality of the study is actualized in the approach when set expressions are viewed as a relevant syntactic material in the structure of political discourse. The purpose of the article is pragmatic and structural-semantic discourse analysis of political and economic analytical articles. You can find detailed description of the functional verb combinations (also called "Streckformen des Verbs" in German linguistic studies), which is a border area of phraseological and syntactical analyses.

In this work, analytical articles of the newspaper FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung) are exposed to linguistic analysis. FAZ is represented throughout Germany in printed form and available on the Internet for the foreign audience. The method of continuous sampling of phraseology from the newspaper "Frankfurter Allgemeine Zeitung" has allowed to establish numerical superiority of official-business style expressions, which are combinations of verb with a nominative or prepositional combination, performing a predicative function in the sentence. Structural-semantic analysis of these set combinations reveals two basic syntactic structures. The article argues for the legitimacy of analyzed expressions referring to phraseological units. Constituting the base syntactic material in the architectonics of political discourse, analyzed expressions determine the following pragmatic and empathic postsemiosis constants: 1) credibility, the credibility of the source; 2) belonging to a conversational style, proximity to audience, representation and the separation of its interests; 3) neutrality; 4) pejorative evaluation.

Key words: stable combinations, syntagma, journalistic style, pragmatic aspect, analytical article.

1. Стилевая таксономия в диахроническом аспекте

Обращаясь к публицистическому стилю и присущим ему лингвистическим и экстралингвистическим признакам, необходимо отметить его относительно молодой возраст как общественно значимого и языкового явления. Первые определения понятия «стиль» в значении «функциональные стили» или «стили языка» были сформулированы начиная с середины прошлого века и относятся к пражской лингвистической школе, которая рассматривала язык как сложную формацию со стратами (дифференцированными слоями). В литературном языке представлено разделение на специальные языки или функциональные стили: технический, поэтический, семейный и др. Однако учредителей данной школы не всегда отличала согласованность во взглядах, что позволяет выделить два этапа, значимых для процесса кристаллизации понятия языкового стиля: вклад античных мыслителей, особенно Аристотеля, и Шарля Балли. Аристотель произвел разделение на следующие фундаментальные стили: совещательный жанр (политическая сфера), судебный жанр и эпидиктический стиль (частная или публичная сфера простых обывателей). Ш. Балли проводил стратификацию, базирующуюся на различиях в функциональном аспекте, социальном окружении говорящего и коммуникативных целях. Данная таксономия естественно, подверглась флуктуации (изменению) после возникновения печатных источников информации. В отечественной лингвистике проблемы стиля находят отражение в работах Р. А. Будагова, М. Н. Кожиной, А. Н. Гвоздева, И. В. Арнольд; современный подход к проблеме функциональных стилей основывается на теории В. В. Виноградова, согласно которой «при выделении таких важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены также стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетрический (функция воздействия). Эти стили соотносительны. Они отчасти противопоставлены, но в значительно большей степени сопоставлены» [1, с. 73].

Существуют следующие формы репрезентации публицистического стиля: письменно-монологическая (в репортажах и агитационных призваниях всех видов, в журналах и газетах); устно-монологическая (на радио (публицистическая речь); устно-диалогическая (публицистические дебаты). В большом энциклопедическом словаре утверждается, что публицистика может существовать не только в словесной форме (как устной, так и письменной), но и в иконографической (карикатура, плакат, кино, фото), музыкальной и театрально-драматической. Все вышеупомянутые формы в общем литературно нормированы. В теории журналистики сложилась традиционная система жанров. Чаще всего их разделяют на информационные (заметка, отчет, репортаж, зарисовка, интервью), аналитические (корреспонденция, обозрение, комментарий, статья, рецензия) и художественно-публицистические (очерк, эссе, фельетон, памфлет) вслед за ведущими исследователями А. А. Тертычным, А. Г. Киселёвым, М. Н. Ким, А. Г. Бочаровым, Л. Е. Кройчик и др.

Итак, данная таксономия подтверждает высказывание В. В. Виноградова о стилевом, вернее, внутристилевом противопоставлении и сопоставлении.

2. Интерпретирующий характер СМИ

Целью нашей работы является прагматический и структурно-семантический дискурсивный анализ аналитических статей политического и экономического характера. Поскольку в нашей работе проанализирован ряд аналитических газетных статей, мы позволим себе перейти к более узкой характеристике внутри публицистического стиля, а именно текстам СМИ. Они носят первичный и вторичный характер в связи с тем, что продукт СМИ может являться реакцией на уже известный факт или событие; сведения преподносятся и интерпретируются в доступной для среднестатистического носителя языка форме, с редким включением научной и технической терминологии с последующим разъяснением. В зависимости от политической актуальности рассматриваемого события, содержание прессы может быть направлено на пропаганду и агитацию. Наиболее значимые социальные конфликты находят своё отражение в медиадискурсе, который, сочетая в себе информирующую, воздействующую и идеологическую функции, не столько отражает реальную действительность, сколько её интерпретирует, оценивает, комментирует, задавая определенный идеологический фон, регу-

лируя общественное мнение. В медиадискурсе реальные события трансформируются в вербальные, которые представляют собой «результат интерпретации» данного события автором [2]. Информирующая функция является первичной – преподносится информация об актуальных событиях в политике, общественной жизни, искусстве, литературе, науке и технике. Три основные языковые функции, обозначенные К. Бюлером еще в 1934 г. – представление (Darstellung), выражение (Ausdruck) и воззвание (Apell) – в полной мере соотносимы с прагматической направленностью политических статей [5]. Исследователи публицистического стиля, детерминируя три основных структурно-контентных составляющих аналитической статьи (заголовок, подзаголовок, основной текст), выявляют «семантическое развертывание» по типу перевернутой пирамиды, что означает расположение главной информации в начале статьи как наиболее распространенный вариант структуризации статей [6].

В зависимости от жанра устного или письменного публицистического произведения может отличаться применение выразительных средств. Типичными для публицистического стиля являются элементы стиля художественной литературы, усиливающие эмоциональную напряженность и силу воздействия на читателя, а также разнообразные средства разговорной речи, обладающие большой экспрессивной насыщенностью, маркеры научного и официально-делового стилей, которые придают содержимому логичность, стройность, строгую научную мотивированность изложения. Разумеется, что в устных и письменных произведениях происходит тесное взаимопроникновение двух компонентов – интеллектуального и эмоционального. Для успешной реализации возложенных на него функций публицистический стиль должен обладать деловой и эмоциональной силой убеждения. В экспрессивном оформлении помимо фразеологии принимают участие многие выразительные средства:

1. Средства сатиры (игры слов, алогичные сочетания, стилистичесие парадоксы): *Aktionäre der Sterbenmittel industrie* (имеется в виду производство оружия), *genug der Brandtreden* (подразумеваются речи Вилли Брандта, неоднократно выступавшего в процессе Берлинского кризиса), *die Industriellen um Krupp* (игра слов – промышленные изделия для детей, а иронично – для низкорослых людей)

2. Словообразование – неологизмы: *Kanonenstatt-Butter-Politik, Auchdemokraten, Passivisten-Spassivisten*; уменьшительные суффиксы: *Experimentchen*.

3. Многочисленные тропы, сравнения. Если в научной литературе они служат для объяснения и конкретизации передаваемого содержания, то в публицистике помимо этой функции они служат еще для передачи образно-эмоциональной составляющей высказывания: *Die Volksmassen der kriegführenden Länder haben begonnen, sich aus den amtlichen Lügennetzen zu befreien*.

4. Диалектизмы также являются характерным средством выражения юмора и сатиры, например, в надписях под карикатурами или в комментариях к иллюстрациям.

5. Образные перифразы и эпитеты иллюстрируют эмоциональное отношение публициста к происходящему: *Ein Korrespondent der «Berliner Zeitung» schlägt vor, die Lautsprechsäulen auf den Straßen nur bei besonderen Anlässen in Betrieb zu setzen; denn derselbe Lautsprecher, um den sich bei feierlichen oder außerordentlichen Begebenheiten die Menge in atemloser Spannung staut, verwandelt sich – wie er launig schreibt – in eine* ***Nervensäge****, in einen* ***Brüllteufel****, in einen bösen* ***Quälgeist****, wenn er Tag für Tag seine Stimme ertönen lässt.*

В нашей работе лингвостилистическому исследованию подвергаются аналитические статьи издания FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung), представленного на всей территории Германии в печатной форме и доступного посредством интернета для зарубежной аудитории. Следует отметить, что издание относится к одним из наиболее читаемых интернет-источников, пользуется авторитетом и доверием многочисленных читателей во всем мире. На данном этапе развития общества такого рода СМИ приобретают большую популярность, читатели все чаще обращаются к онлайн-газетам и журналам, особенно новостным. Очевидной причиной является доступность и удобство, поскольку телефон или ноутбук является непременными сопутствующими гаджетами современного человека.

3. Устойчивые словосочетания: архитектоника и прагматика

Коммуникативная установка и направленность на разнородную аудиторию предполагает архитектонику (структуру), которая связана с использованием готовых стандартов, речевых штампов, различной фразеологии. Преимущественно это фразеологические выражения, известные всем носителям языка. В современную эпоху глобализации, когда международное экономическое и политическое взаимодействие охватывает большинство стран мира, а многие европейские страны стали частью Евросоюза, возникает необходимость в общем информационном пространстве, отражающем социально значимые реалии. Так, выход Великобритании из ЕС способствовал появлению такой контаминации как Brexit, присутствующей на страницах европейской, американской и отечественной прессы. Следует отметить, что словосочетания заимствуются не столь часто, как отдельные лексические единицы. Возможно, этому способствует тот факт, что назначением речевых оборотов считается «типизация, стандартизация газетного языка, позволяющая легко и оперативно оформить любое газетное сообщение» [3]. Эта стандартность, в отличие от штампа – средства воспроизведения, дающего негативный эффект, не исключает элемента творчества, которое заключается в свободном и умелом варьировании и комбинировании речевых форм, не несет в себе ничего предосудитель-

ного и является отражением исторического опыта, показателем богатства и выразительности языка. В предшествующих работах мы неоднократно апеллировали к обширности фразеологического фонда немецкого и русского языков. На первый взгляд, многим может показаться апоричным (спорным) сочетание «устойчивые выражения нефразеологического типа». Конечно, фразеологичность подразумевает устойчивость. Однако, помимо этого, фразеологизмы в полном смысле этого слова обладают другими неотъемлемыми признаками: образность, определенная степень мотивированности значения целого из компонентов.

Рассматриваемые нами как часть фразеологии (помимо идиом и других типов устойчивых выражений) функциональные глагольные сочетания (называемые также часто «Streckformen des Verbs» в немецкоязычной лингвистической литературе) являются пограничной областью фразеологического и синтаксического анализа. Они представляют собой сочетания глагола с именной или препозициональной группой и выполняют в предложении предикативную функцию. Очень часто входящие в их состав существительные являются результатом словообразования (деривация, конверсия) от глаголов, при этом они наделяются соответствующей смысловой нагрузкой. Как правило, каждое функциональное сочетание имеет вербально выраженное соответствие, имеющее более раннее происхождение. Выделяются две основные синтагмы (совокупность нескольких слов, объединённых по принципу **семантико-грамматической сочетаемости**: 1) глагол и (артикль и) существительное в аккузативе: *Lob zollen, Angst machen, einer Sache (keinen) Abbruch tun, Dank sagen, Wache stehen, eine Anzeige erstatten, ein Geständnis ablegen;* 2) глагол и препозициональная группа: *zur Durchführung gelangen, zur Anwendung kommen, zur Abstimmung bringen, in Anspruch nehmen, in Gang bringen, zum Stehen kommen.* Вторая группа более многочисленна и является словообразовательно продуктивной в парадигме синхронии.

Для функциональных сочетаний характерна следующая особенность – наличие не облигаторно (обязательно) абсолютного глагола-синонима, при этом у глагола тот же корень, что и у существительного, входящего в состав сочетания, данная этимологическая связь должна синхронически прослеживаться. Существительное, входящее в словосочетание, является абстрактным и имеет примеры свободного употребления [7]. Поскольку функциональные словосочетания часто являлись предметом общественных стиле-нормативных дебатов (в частности, в 50–70 гг.) и считались неотъемлемым сопутствующим явлением и синонимом канцелярского стиля, в языкознании возник острый спор, можно ли данные словосочетания считать синонимами к соответсвующим полнозначным глаголам, что могло стать причиной высокой словообразовательной продуктивности этих фразеологических моделей в современной общественной коммуникации и научном стиле. В частности, фон Поленц указал на возможность выражения функциональными словосочетаниями грамматико-семантической категории аспекта, которая, как известно, не существует в грамматическомм строе немецкого языка. Так, функциональное словосочетание не только более четко и ясно выражает институциональный характер процесса (в котором – в правовом смысле – согласование представляет собой самостоятельный юридический институт, который предполагает прохождение определенных норм и правил, чтобы документ вступил в законную силу); данное сочетание имеет также аспектуальные отличия, так как обозначает начало процесса, в то время как самостоятельный глагол выражает течение / ход процесса / действия. Словосочетание указывает на то, что субъект действия подает заявку на согласование, глагол же указывает на то, что субъект и объект пребывают в процессе / его завершении [10]. Однако данные аспектуальные отличия проявляются не во всех случаях. Согласно Пильцу [9, p. 87], преимущество функциональных словосочетаний состоит в том, что они проявляют содержательные отличия вербального характера, не свойственные глаголам: начало *(in Gang setzen)*, процесс *(in Gang halten)*, конец *(zum Stillstand bringen)*, специализация / дифференциация *(Wache stehen),* интенсивность *(Dank sagen)*. *Ich möchte Ihnen tiefen Dank sagen für… / Ich bedanke mich bei Ihnen tief für*… Данные отличия находят адекватное соответствие в русском языке посредством употребления глагола соответствующего способа действия или при помощи употребления подходящего модального слова.

С учетом данных дискурсивного синтаксического и прагматического типологического анализа, перевода и семиозиса (в данном случае подразумевается интерпретанта как третий этап семиозиса т.е. истолкование, концептуализация отношения знак/объект) 40 статей газеты FAZ, таксономия устойчивых оборотов в публицистике может быть представлена следующим образом: политическая и журналистская терминология, обороты (выражения) официально-делового стиля, разговорные фразеологизмы, прецедентные выражения. Сопутствующей целью явилось определение превалирующих в текстах статей устойчивых выражений. Тематика отобранных статей отображает актуальные космополитические вопросы: выборы, выход Великобритании из ЕС, сложные взаимоотношения США и России, отголоски которых оказывают влияние на политику и экономику Европы и других стран. Нижеприведенные примеры позволяют проследить направление эмпатического воздействия используемых журналистами фразеологизмов в зависимости от прагматических целей и требуемой эмоциональной реакции адресата.

*Diesmal haben Merkel und Seehofer es nicht **auf die Spitze getrieben**, haben ihre Suche nach einem parteipolitisch passenden Verlegenheitskandidaten relativ schnell abgebrochen, haben damit unserer Demokratie freiwillig oder unfreiwillig einen großen*

Dienst erwiesen; und jetzt wird von vielen Journalisten mit der denkbar kleinsten Elle gemessen und der denkbar kleinsten Unze gewogen.

Der schillernde Shooting-Star fühlte sich zu Höherem berufen – und scheute es nicht, immer wieder mit unabgesprochenen Ideen, die nicht gerade ins Konzept einer linken Regierung passen, aus der Reihe zu tanzen (FAZ, 27.04.2016).

На это раз Меркель и Зеехофер не стали доводить дело до крайности, достаточно быстро прекратили поиски подходящего партийного кандидата, оказав огромную услугу нашей демократической системе; и теперь, видите ли, журналисты меряют слишком маленьким аршином.

Колоритная звезда фотокамер прочувствовал свое высокое призвание – и не стеснялся нарушать общий порядок своими необсужденными идеями, не вписывающимися в концепцию левого правительства.

Автор использует разговорный фразеологизм, устойчивое сочетание нефразеологического типа как средство персонификации. Разговорную поговорку (которая фигурирует и в заголовке) журналист дополняет собственным новообразованием, которое является структурным синонимом исходного выражения. Это очевидный пример того, что в газетно-публицистическом стиле сосуществуют и борются противоположные тенденции – тяготение к стабильности (воспроизведение готовых формул, словосочетаний и конструкций) и стремление к экспрессии, которое порождает поиски новых средств воздействия на читателя. Усиленное эмпатическое воздействие достигается посредством контрастивного сочетания разговорного англицизма и возвышенной лексики, производящего комический эффект: *der schillernde Shooting-Star* и *sich zu Höherem berufen fühlen.* Дополнительным синтаксическим средством воздействия является повтор вспомогательного глагола *haben*, бессоюзная связь.

Weniger als ein Drittel der wahlberechtigten Deutschen vertreten populistische Ansichten. Zu diesem Ergebnis kommt eine Studie wenige Wochen vor der Bundestagswahl. Am wenigsten empfänglich sind CDU-Wähler.

Populisten vertreten laut der Studie in Deutschland zudem „eher moderate und keine radikalen Ansichten". Sie lehnen demnach demokratische Institutionen oder die EU nicht grundsätzlich ab, sondern kritisieren ihr Funktionieren. Für etablierte Parteien lohne es sich daher nicht, „im Wahlkampf populistischen Extrempositionen hinterherzulaufen". Stiftungsexperte Robert Vehrkamp zeigte sich überzeugt: „Von einer Stunde der Populisten ist das politische Klima vor der Bundestagswahl weit entfernt" (FAZ, 25.07.2017)

Менее трети избирателей в Германии подвержены популистским взглядам. К таким выводам пришло исследование, проведенное за несколько недель до выборов в бундестаг. Менее всего разделяют популистские идеи сторонники партии «Христианский демократический союз».

Популисты разделяют, согласно исследованиям, «скорее умеренные, а не радикальные взгляды». Они не выступают против демократических институтов или ЕС, а критикуют их работу. Устоявшиеся партии не намерены выступать с экстремальными популистскими позициями. Политический эксперт Роберт Веркамп уверенно заявил: «Политический климат Германии далек от пика популизма».

Статья *Keine Chance für Populisten in Deutschland* посвящена статистическим данным по вопросу приверженности немецких избирателей популистским взглядам. В передовице представлены устойчивые сочетания нефразеологического типа, которые можно отнести к политической и журналистской терминологии: *populistische/moderate/radikale Ansichten vertreten, zum Ergebnis kommen, das politische Klima, politische Einstellungen*. Разговорная фразеология в контенте не представлена, преобладание аналитических рамочных конструкций детерминирует статью как каноническую в политической публицистике.

В следующей статье рассматривается болезненный для Евросоюза вопрос выхода Великобритании из ЕС. Информативный характер подчеркивается наличием устойчивых оборотов, включающих политические и журналистские термины: *sich in die Länge ziehen* (аналитическая конструкция без включения политической и журналистской терминологии), *politischen Sprengstoff liefern, Freihandelsabkommen vereinbaren, eine optimistische Sicht.*

Der britische Handelsminister bestätigt: Der Brexit könnte faktisch deutlich länger dauern als zunächst angenommen. Damit vollzieht Liam Fox eine Kehrtwende und liefert politischen Sprengstoff für seine Chefin.

Großbritanniens Loslösung von der Europäischen Union wird voraussichtlich deutlich länger dauern als bisher angekündigt. Der britische Handelsminister Liam Fox räumte ein, dass es der Regierung in London wohl nicht gelinge, wie angekündigt bis zum Brexit-Termin im Frühjahr 2019 ein weitreichendes Freihandelsabkommen mit der EU zu vereinbaren. Deshalb sei wohl eine mehrjährige „Übergangs- und Implementierungsphase" notwendig, sagte Fox. „Es wäre schön, anzunehmen, dass wir ein volles Freihandelsabkommen bis März 2019, wenn wir rausgehen, erreichen könnten. Aber das wäre eine optimistische Sicht", stellte der Brite klar (FAZ, 25.07.2017).

Британский министр торговли Лиам Фокс подтверждает: Брегзит фактически продлится дольше, чем предполагалось. Таким заявлением он ознаменовал разворот и добавил политический порох в отношения со своей начальницей.

Отделение Англии от Евросоюза затянется на более длительный срок, чем было объявлено ранее. Британский министр торговли Лиам Фокс объявил, что правительству в Лондоне не удается, как было заявлено ранее, достичь договоренностей о свободной торговле с ЕС до

марта 2019. Поэтому необходима многолетняя переходная фаза, заявил Фокс. «Было бы замечательно предположить, что мы достигнем соглашения о свободной торговле до весны 2019. Но это была бы слишком оптимистическая точка зрения», пояснил министр.

Стараясь беспристрастно отобразить происходящие события, автор статьи *So antwortet Russland auf die amerikanischen Sanktionen* использует аналитические сочетания: *auf eine umgehende Antwort verzichteten, einseitige Maßnahmen ergreifen* (конкретизация посредством прилагательного *einseitig*), словосочетания с политической терминологией: *Geheimdienstaktionen und Hackerangriffe durchführen*. Так, посредством языка СМИ Германия репрезентирует нейтральную политическую позицию в отношении обоюдных санкций США и России.

Russland will auf die amerikanischen Sanktionen symmetrisch antworten. Das diplomatische Personal im Land soll reduziert werden, bestimmte Gebäude dürfen die Amerikaner nicht mehr nutzen. Ende Dezember hatte der damalige amerikanische Präsident Barack Obama 35 russische Botschaftsangehörige ausgewiesen. Kremlchef Wladimir Putin hatte zunächst auf eine umgehende Antwort verzichtet. Das Außenministerium sagte nun, dass es sich weitere symmetrische Antworten vorbehalte, sollte Washington einseitige Maßnahmen ergreifen. Die Amerikaner gehen davon aus, dass von dort aus Geheimdienstaktionen und Hackerangriffe durchgeführt wurden (FAZ, 28.07.2017).

Россия желает дать симметричный ответ на американские санкции. Дипломатический персонал в стране должен быть сокращен, американцы не могут использовать более некоторые здания. В конце декабря бывший президент США Барак Обама выдворил из страны 35 российских сотрудников посольства. Шеф Кремля Владимир Путин вначале отказался от ответной реакции. Министр иностранных дел заявил, что будут приняты дальнейшие симметричные меры, если Вашингтон предпримет новые односторонние санкции. Американцы исходят из того, что со стороны российского посольства были предприняты действия тайных служб и хакерские атаки.

Публицистический стиль отличается эклектичностью применяемых архитектонических и эмпатических средств. Информирующий и аналитический страты тяготеют к определенным эндогенным константам. В политической публицистике численно преобладают устойчивые выражения официально-делового стиля, которые представляют собой сочетания глагола с именной или препозициональной группой, выполняющие в предложении предикативную функцию. Очень часто входящие в их состав существительные являются результатом словообразования (деривация, конверсия) от глаголов, при этом они наделяются соответствующей смысловой нагрузкой. Как правило, каждое функциональное сочетание имеет вербально выраженное соответствие с более ранним происхождением. Выделяются две основные синтагмы: 1) глагол и (артикль и) существительное в аккузативе; 2) глагол и препозициональная группа. Выступая базовым синтаксическим материалом в архитектонике политического дискурса, устойчивые словосочетания детерминируют следующие прагматические и эмпатические постсемиозисные (выявленные после интерпретации) константы: 1) достоверность, авторитетность источника 2) принадлежность к разговорному стилю, близость к аудитории, представление и разделение ее интересов 3) нейтралитет 4) пейоративная оценка. Данный вывод свидетельствует о том, что устойчивые выражения выступают одним из эффективных средств целевого детерминированного эмпатического воздействия продуцента речевого произведения на адресата, которое может быть осуществлено лишь при наличии экспрессивной эмотивной и/или аксиологической (оценочной) составляющей.

Литература

1. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. №1. С. 60-87.

2. Волкова Л. Б. Дискурсивная компетенция: содержание, структура и основы формирования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. №1. С. 5-11.

3. Солганик Г. Я. Язык политики, язык СМИ (газеты) и литературный язык // Язык СМИ и политика / под ред. проф. Г.Я.Солганика. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 245-262.

4. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М.: Николло Медиа, 2002. 314 с.

5. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, New York: Gustav Fischer (Uni-Taschenbücher; 1159), 1982.

6. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 2. Aufl. Berlin. 2003.

7. Busse D. Wortkombinationen // Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft). D. Alan Cruse / Franz Hundsnurscher / Michael Job / Peter Rolf Lutzeier (Hrsg.) Berlin/New York: de Gruyter, 2002. S. 408-415.

8. Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: www.faz.net (Accessed: 21.09.2018).

9. Pilz K.D. Phraseologie: Redensartenforschung, Stuttgart, 1981. 170 S.

10. Polenz, P. von: Deutsche Satzsemantik. 2. Aufl. Berlin, New York, 1988.

References

1. Vinogradov V. V. Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki *(Results of the Discussion of Stylistics)* // Voprosi yazikoznaniya. 1955. No 1. P. 60-87. (In Russian).

2. Volkova L. B. Diskursivnaya kompetentsiya: soderzhanie, struktura i osnovy formirovaniya *(Discursive Competence: Content, Structure and Basics of Formation)* // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. No. 1. P. 5-11. (In Russian).

3. Solganik G. Ya. Yazyk politiki, yazyk SMI (gazety) i literaturnyi yazyk (Language Policy, Language Media *(Newspapers) and Literary Language)* // Yazyk SMI i politika / ed. by G.Ya.Solganik. Moscow: Moscow university publ., 2012. P. 245-262. (In Russian).

4. Khazagerov G. G. Politicheskaya ritorika *(Political Rhetoric)*. Moscow: Nikollo Media, 2002. 314 p. (In Russian).

5. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, New York: Gustav Fischer (Uni-Taschenbücher; 1159), 1982.

6. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 2. Aufl. Berlin. 2003.

7. Busse D. Wortkombinationen // Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft). D. Alan Cruse / Franz Hundsnurscher / Michael Job / Peter Rolf Lutzeier (Hrsg.) Berlin/New York: de Gruyter, 2002. S. 408-415.

8. Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: www.faz.net (Accessed: 21.09.2018).

9. Pilz K.D. Phraseologie: Redensartenforschung, Stuttgart, 1981. 170 s.

10. Polenz, P. von: Deutsche Satzsemantik. 2. Aufl. Berlin, New York, 1988.

УДК 81'373

Ф. К. Бесолова

ЛЕКСЕМА ГЕНИЙ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА, ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: ПЕРВЫЕ ФИКСАЦИИ И СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье рассматриваются истоки интерпретаций концепта `гений` русским культурным сознанием. На обширном материале словарей русского языка XVIII–XX вв. анализируются первые фиксации лексемы гений, систематизируются ее толкования.

Высказывается наблюдение о том, что древнегреческие `демон`/`δαίμων` и `дьявол`/`διάβολος`, принятые русским православием в значении `нечистый дух`, `падший ангел`, `нечистая сила`, `злой дух`, получили древнерусские и старославянские аналоги и воспринимались исключительно через призму новозаветной борьбы и победы Иисуса Христа, а затем и христиан над дьяволом, в то время как в римском языческом аналоге - гении - не было острой необходимости. Указывается, что на рубеже XIX-XX вв. в русской языковой картине мира эти понятия воспринимались как синонимичные, появившийся же в русском языке в XVIII в. (причем, не непосредственно через латынь) концепт гений имел уже значение имманентного свойства человеческой природы и начал свое отдельное существование, зачастую принимая функцию слова-номинанта и обрастая собственными словами-вербализаторами, ассоциативно-семантическими полями.

На примерах художественных текстов XIX в. рассматриваются варианты словоупотребления данной лексемы, доказывается образование концепта `гений`, появление новых семантических полей последнего как свидетельство принятия его российским культурным сознанием.

Делается вывод о том, что мифологема `гений` была принята российским культурным сознанием опосредованно - через античность - и потому в исконном смысле существовала в переводных латинских текстах, в заимствованных мифологических образах и персонажах или использовалась в качестве метафоры; актуально же в русскую языковую картину мира вошло толкование гения как самобытного творческого дара в человеке, воплощения высших творческих способностей, вершины человеческого развития, т.е. на стадии идеологизации и ценностной нагруженности понятия.

Путем анализа словоупотреблений `гений` и `дух` в XVIII–XIX вв. доказывается, что значения `творческий дар в человеке` и `человек, обладающий творческим даром`, вытеснили изначальную внутреннюю семантику лексемы гений.

Отмечается, что появление новых семантических полей данного концепта – свидетельство значительных трансформаций национальной, научной и художественной картины мира в отечественном культурном пространстве.

Ключевые слова: лексема, лексическая форма, словарь, гений, толкование, семантическое поле, культурное сознание.

F. K. Besolova

THE LEXEME "GENIUS" IN RUSSIAN DICTIONARIES, FICTION AND PUBLICISTIC TEXTS: FIRST CASES OF USE AND WORD USAGE

The article discusses the origins of interpretations of the concept "genius" by Russian cultural consciousness. The first cases of use of the lexeme "genius" are analyzed, its interpretations are systematized on the extensive material of dictionaries of the Russian language of XVIII–XX centuries.

It is observed that the ancient Greek "demon" /` δαίμων` and `devil` /` διάβολος`, adopted by Russian Orthodoxy in the meaning of "unclean spirit", "fallen angel", "evil spirit", "evil spirit", received the Old Russian and the Old Slavonic analogues and were perceived exclusively through the prism of the New Testament struggle and the victory of Jesus Christ, and then of Christians over the devil, while in the Roman pagan analogue – genius – there was no urgent need. It is indicated that at the turn of the XIX–XX centuries in the Russian language picture of the world, these concepts were perceived as synonymous, which appeared in the Russian language in the XVIII century (and not directly through Latin) the concept of genius already had the value of the immanent property of human nature and began its separate existence, often taking on the function of a nominal word and acquiring its own verbalizers and associative semantic fields.

The examples of fiction texts of the XIX century examine the variants of the use of the lexeme "genius", the formation of the concept of genius is proved, the emergence of new semantic fields as evidence of its acceptance by Russian cultural consciousness.

By analyzing the phrases "genius" and "spirit" in the XVIII–XIX centuries proves that the values of "creative gift in man" and "man possessing creative gift" have superseded the original inner semantics of the lexeme "genius".

It is noted that the emergence of new semantic fields of this concept is the evidence of significant transformations of the national, scientific and artistic picture of the world in the domestic cultural space.

Key words: lexeme, lexical form, dictionary, genius, interpretation, semantic field, cultural consciousness.

Греко-римская античная культура, породив феномены «внутреннего голоса», объективизации эмоциональных всплесков, обозначила их понятиями даймон (δαίμων) и гений (genius). Синонимичность «внутренней формы» концептов «даймон» и «гений», их генезис – одна из интернациональных проблем мировой науки. Как западные, так и российские исследователи: лингвисты, философы, религиоведы, историки античности, культурологи, литературоведы – разрабатывают ее не первое столетие, вступая в диалог с античными авторами, пытаясь осуществить, выражаясь словами А. Михайлова, «обратный перевод» древнегреческих и латинских текстов.

Учитывая, что русская светская культура, с «опозданием» включившаяся в единый европейский интеллектуальный контекст, продемонстрировала свойство «всемирной отзывчивости» и способность насыщать своим содержанием чужие формы, представляется актуальным проанализировать первые словарные фиксации и толкования лексемы гений, самые ранние ее словоупотребления в отечественной литературе и определить, сформировали ли смысловые приращения лексемы гений одноименный концепт в русской культуре.

Иными словами, задачей данной работы является определение изначального лексического значения заимствованной лексемы `гений` (слово-номинант) и систематизация ее ассоциативно-семантических полей (слов-вербализаторов) с целью проследить процесс формирования концепта `гений` в русской языковой картине мира и выявить возможные схождения с европейским культурным сознанием. Предполагается, что появление новых семантических полей обозначенного концепта свидетельствует о трансформациях российского культурного сознания, коррелирующихся с общеевропейскими тенденциями.

Уходя корнями в истоки европейской культуры[1], концепт «гений» пронизывает мировое культурное пространство, обрастая новыми оттенками транслируемых смыслов, актуальных для каждой новой эпохи. В результате первоначальное значение лексической основы, имманентно присутствуя во всех новых толкованиях, не всегда понятно носителям современного языка.

А между тем история интерпретаций концепта «гений» - свидетельство значительных трансформаций национальных, научных и художественных картин мира – как в мировом, так и в отечественном культурном пространстве. Оттолкнувшись от античной мифологемы прародителя рода, божественного двойника человека, врожденного дара, пройдя этап XVII–XVIII вв. в качестве философски-эстетического понятия, концепт «гений» распался в XIX в. на множество идеологем: гений как высшая способность к художественному творчеству (предромантики); художник как мистический творец мира (романтики); гениальность как избыток интеллекта (учение Шопенгауэра), гениальность как отклонение от нормы (теории гениальности Ломброзо, Нордау, Ницше) и др. Несмотря на то, что каждый автор имел в виду свое семантическое поле концепта «гений», общим для всех стало осознание гениальности как имманентного свойства личности, а не идущей извне сверхъестественной силы.

В корпусе русского языка лексемы демон, гений появились значительно позднее европейских аналогов и использовались скорее не в философской – как в средиземноморском первоисточнике, – а в теологической сфере: в то время как древнегреческие `демон`/`δαίμων` и `дьявол`/`διάβολος`, принятые русским православием в значении `нечистый дух`, `падший ангел`, `нечистая сила`, `злой дух`, получили древнерусские и старославянские аналоги и воспринимались исключительно через призму новозаветной борьбы и победы Иисуса Христа, а затем и христиан над дьяволом, в римском языческом аналоге – гении – не было острой необходимости. И хотя еще на рубеже XIX–XX вв. в русской языковой картине мира эти понятия воспринимались как синонимичные, появившийся в русском языке в XVIII в. (причем, не непосредственно через латынь; см. об этом ниже) концепт гений имел уже значение имманентного свойства человеческой природы и начал свое отдельное существование, зачастую принимая функцию слова-номинанта и обрастая собственными словами-вербализаторами, ассоциативно-семантическими полями.

Тем не менее, несмотря на закрепление в русской православной картине мира негативного содержания античного концепта *демон/гений*, позитивная, плодотворная ипостась языческой первоосновы концепта питала другой важнейший образ христианского учения – образ Ангела-хранителя, доброго духа. Таким образом, в российском национальном сознании, в православной и светской культуре изначально `работают` обе ипостаси мифологемы демона/гения: злой и добрый демон, причем, первая ассоциируется с греческой основой, а вторая – с римской (демон – злой дух, бес, гений – добрый дух, дух добра).

Православная традиция остается самодостаточной и не требует новых смыслов, светское же функционирование понятий демон и гений с XVIII в. разделяет дублетные концепты и дает множество

[1] Культ даймона (δαίμων)/гения (genius) в средиземноморской античности зародился в период разложения общинно-родовых отношений и имеет аналоги с широко распространёнными у многих народов культами личных духов-покровителей.

самостоятельных ростков, из которых в течение последующих веков развиваются идеологемы гения и синонимичных ему понятий Нового времени: выдающийся человек, необыкновенный человек, сверхчеловек и пр. При этом многочисленные идеологемы не вытеснили мифологему не только в сфере православия: во всех своих новых импликациях концепт гений не порывает, тем не менее, внутренней смысловой связи с архетипической лексемой, в чем мы убедимся ниже.

В русском языке слово `гений` появилось в XVIII в., по некоторым источникам – в начале, по другим – в середине века. Так, М. Фасмер и Н. М. Шанский указывают на Петровскую эпоху [28, с. 402; 30, с. 52], П. Я. Черных и А. В. Семенов – на середину XVIII в. [29, с. 185; 14, с. 67]. Авторы «Словаря русского языка XVIII в.» дают следующую хронологию появления лексических форм гения: «Гений 1763, я, гениус 1717 (-ъуш 1701, -июш 1731, -июс 1763), а, гени 1724, жени 1769, неизм., м.» [22, с. 104]. А «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского указывает на источник первого русского употребления `гения`: «впервые встречается в значении `дух` в переведенной с немецкого языка в 1717 г. «Книге мирозрения» Гюйгенса (158), представляющей в свою очередь перевод с латинского языка» [30, с. 52].

Еще одно небольшое расхождение в комментариях – этимологического характера: большинство авторов словарных статей склоняется к происхождению двух первых форм - `гениус` и `гениуш` (от польского `geniusz`) через немецкое `genius` (см., например: «В русском языке *гениус* (> *гений*, ср. *викарий*) получило современное значение (см. Словарь Нордстета 1780 г., I, 132) под влиянием немецкого Genie `гений`, заимствования через французское посредство того же латинского genius» [30, с.52]), другие ведут родословную русского слова от латинского `genius` (от gigno>geno – `рождаю`, `произвожу на свет`, `порождаю`) [4, с. 348; 29, с. 185;], третьи считают возможными оба варианта: «Лат. Genius, непоср. И через пол. Geniusz, нем. Genius, фр. génie» [22, с. 104; см. также: 28, с. 402; 14, с. 67].

В словарях русского языка XIX – начала XX вв. указываются как существительное `гений` (раннее написание – `геній`), так и производные от него: существительное `гениальность`, прилагательное `гениальный` (`геніяльный`), наречие `гениально` (`геніяльно`) [27, с. 495; 4, с. 348; 24, с. 259; 20, с. 58–59]. К числу первых словарей, включивших в состав русского языка слова `гений`, `гениальность`, `гениально`, помимо указанного Словаря Нордстета 1780 г., относятся словари: Гейма (1799), Яновского (1803), Соколова (1834), Академии Наук 1847 и 1892 гг. [См.: 23, с. 70; 29, с. 185], «Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе» (1861) [21], «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1862) [4], «Объяснение 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» А. Д. Михельсона (1866) [11], «Словарь церковно-славянского и русского языка», составленный II отделением Императорской Академии Наук (1847) [24], «Словарь иностранных слов (60000 вошедших в употребление в русском языке с обозначением их корней)» Бурдона и Михельсона (1880) [19] и др.

На рубеже XIX–XX вв., помимо известной энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890–1907) [2], лексеме `гений` посвятили словарные статьи: М. З-ский («Словарь иностранных слов, наиболее употребительных в русском языке», 1891) [20]; М. Корш («Краткий словарь мифологии и древностей», 1894) [6]; Ф. Н. Берг («Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», 1901) [16]; Ф. Павленков («Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», 1907) [17]; М. Попов («Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке», 1907) [12]; А. Чудинов («Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», 1910) [18]; Н. Смирнов («Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», 1910) [26] и др.

В большинстве названных словарей исконное значение лексемы `гений`: `незримый добрый или злой дух`, `дух-покровитель человека, рода, местности`, `иррациональное вдохновение, божественное наитие` (иными словами, мифологема гения) – стоит не на первой позиции, а если и начинает список значений, то упоминается как мифическое и переносное: «добрый дух» [19, с. 216], «дух добра» [21, с.19]. Толкуется же ставшая к этому времени философско-эстетическим понятием лексема прежде всего как 1) *свойство* человеческой природы: `чрезвычайные умственные способности или дарования` [11, с. 164]; «выспренний, творческий ум; высокая природная способность» [24, с. 259]; «сила, которая создает в какой-нибудь отрасли науки или искусства что-либо выходящее из обыкновенного ряда» [20, с. 59]; «необыкновенное, поражающее дарование» [16, с.147]; «врожденная способность к творчеству в области изящных искусств» [21, с. 9] и как 2) *человек-носитель* этих свойств: «лицо, наиболее одаренное природой со стороны умственных и духовных способностей» [12, с. 123], «гениальный человек» [22, с. 104].

Исключением являются «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и «Краткий словарь мифологии и древностей» М. Корша: Даль указывает первым из трех значений латинское `незримый, бесплотный дух, добрый или злой; дух-покровитель человека, добрый или злой` [4, с. 348], Брокгауз и Эфрон начинают статью с внутренней формы концепта: «1) у древних римлян бог покровитель, у каждого человека от самого его рождения и сопровождающий его повсюду, как второе «я». Также дух родоначальника, которому воздавалось религиозное почитание. 2) Добрый или злой дух» [2, с. 337–338]. Но это вызвано, на наш взгляд, скорее не градацией по актуальности словоупотребления,

а функциональными установками изданий – универсальностью и энциклопедичностью, требующими, прежде всего, указания этимологических корней. Задача словаря М. Корша – ввести читателя в картину мира античности, дать перевод понятий, необходимых для усвоения греко-римской культуры, и потому он дает исключительно культурно-историческое толкование *гения*: «Дух, оживляющий известное лицо, место и т.д. и соответствовавший греческому Демону. Гений, по мнению римлян, бывает не только у каждого человека, но у каждого семейства, города, страны и т.д. Местных гениев представляли себе в виде змей. В произведениях искусства гении изображаются обыкновенно в виде крылатых существ» [6, с. 66]. Кстати, после слова *демон* у Корша идет отсылка к *гению* [6, с. 80], что подтверждает заявленную синонимичность античных понятий.

Таким образом, можно утверждать, что мифологема `гений` была принята российским культурным сознанием опосредованно – через античность – и потому в исконном смысле существовала в переводных латинских текстах, в заимствованных мифологических образах и персонажах или использовалась в качестве метафоры; актуально же в русскую языковую картину мира вошло толкование гения как самобытного творческого дара в человеке, воплощения высших творческих способностей, вершины человеческого развития, т.е. на стадии идеологизации и ценностной нагруженности понятия[1]. Примеры словоупотреблений `гений` и `дух` в XVIII–XIX вв. показывают, что значения `творческий дар в человеке` и `человек, обладающий творческим даром`, вытеснили изначальную внутреннюю семантику концепта `гений`[2].

Так, В. В. Виноградов считает, что слово `гений` вошло в русский литературный язык посредством языка масонской литературы. Он называет синонимичные словосочетания «великий дух», «великий гений», поясняя первое выражение вторым: «великий дух (le grand ésprit) в значении `гений, выдающийся своим творческим дарованием человек`» и, опираясь на тексты Н. М. Карамзина (Предисловие к переводу трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1787), «Письма русского путешественника» (1791–1792)) и фрагмент письма друга Карамзина – А. А. Петрова, приводит примеры словоупотреблений *гения* как свойства человеческой природы и как носителя этого свойства. Так, он цитирует авторскую правку Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Сей же дух ревности оживляет и отличает сочинения *великих духов*» (исправлено: «*великих гениев*»); приводит мнение Н. Карамзина о Шекспире: «Автор сей жил в Англии во времена королевы Елизаветы и был один из тех великих духов, коими славятся веки», о Клопштоке: «Еще великий муж собою красит мир, // Еще великий дух земли сей не оставил» и о лекции Платнера: «Он говорил о великом духе или о гении. Гений, сказал он, не может заниматься ничем, кроме важного и великого – кроме натуры и человека в целом» [3, с. 303]. К этим примерам использования гения как носителя свойства В. Виноградов добавляет рассуждения упомянутого выше друга Н. Карамзина о гении как свойстве человеческой природы: «Простота чувствования – превыше всякого умничанья; грешно сравнивать *натуру*, genie, с педантскими подражаниями, с натянутыми подделками *низких умов*» [3, с. 304].

В 1821 г. в стихотворении «Лалла рук» поэт Василий Андреевич Жуковский использовал слово `гений` скорее в мифологическом значении: «Ах! не с нами обитает/Гений чистой красоты;/Лишь порой он навещает/Нас с небесной красоты//Он поспешен, как мечтанье,/Как воздушный утра сон//Но в святом воспоминанье /Не разлучен с сердцем он» [5, с. 359].

Спустя четыре г. Пушкин использует это выражение в своем стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» (1825), выделив заимствованное у старшего современника «гений чистой красоты» курсивом, что по традиции тогдашнего написания означало чужое авторство.

Еще один пример присутствия разных семантических полей концепта `гений` в одном тексте – стихотворение Жуковского «К Гете» (1827). Приведем его целиком:

Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близи твоей!

Твое вечернее сиянье
Не о закате говорит!
Ты юноша среди созданья!
*Твой **гений**, как творил, творит.*

Я в сердце уношу надежду
Еще здесь встретиться с тобой:
Земле знакомую одежду
*Не скоро скинет **гений** твой.*

В далеком полуночном свете
Твоею музою я жил.
*И для меня мой **гений** Гете*
Животворитель жизни был!

Почто судьба мне запретила
Тебя узреть в моей весне?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоем огне.

[1] О древнеримских аллюзиях в литературном тексте поговорим ниже. См. примеры из стихотворений В. А.Жуковского.

[2] Неслучайным представляется и тот факт, что среди синонимов слова `гений` есть относящиеся как к мифологеме (`божество`, `дух`, `покровитель`, `вымышленное существо`, `дар` и др.), так и к идеологемам (`величие`, `дарование`, `сверхталант`, `способность`, `титан мысли` и пр.), в то время как немногочисленные антонимы (`бездарность`, `посредственность`), нужда в которых возникает на более поздней стадии освоения термина, образованы только к семантическим полям `выдающийся человек`, `талантливый человек`.

Тогда б вокруг меня создался
Иной, чудесно-пышный свет;
Тогда б и обо мне остался
В потомстве слух: он был поэт! [5, с. 374].

Интересно это стихотворение именно тем, что актуализирует различные репрезентации мифологемы `гений`, возникавшие на разных этапах ее формирования: гений как свойство человеческой природы, как сопутствующее человеку существо («Твой гений, как творил, творит»; «гений твой» при обращении и Гете); животворная сила («Твое вечернее сиянье/Не о закате говорит!/Ты юноша среди созданья!»; «И для меня мой гений Гете/ Животворитель жизни был»); посредник между небом и людьми - дух, возвращающийся на землю («Я в сердце уношу надежду/Еще здесь встретиться с тобой:/Земле знакомую одежду/Не скоро скинет гений твой»); вдохновляющее начало, высшая способность к художественному творчеству («Творец великих вдохновений!»; «Тогда душа бы воспалила/Свой пламень на твоем огне»); гений как носитель творческого дара (метонимический перенос свойства на его носителя) - «И для меня мой гений Гете…». Таким образом, в небольшом стихотворении работают семантические поля концепта `гений` периода от античности до XVII–XVIII вв.

К началу XIX в. в России широко использовалось латинское крылатое выражение Genius loci (Гений места) – добрый гений, дух-покровитель – в применении к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места, обязанного ему своей славой или существованием (переносное значение от исконно римского обозначения доброго духа или гения каждого уголка земли, здания и заведения, в отличие от человеческого, представлявшегося в виде змеи). Интересную информацию находим в статье М. С. Лапиной «`Гению места`, или первый памятник А. С. Пушкину»: в середине августа 1817 г. пятеро воспитанников Царскосельского лицея, заручившись согласием директора Е. А. Энгельгардта, установили на холмике возле лицейского флигеля мраморную глыбу, окантованную грубой ковкой, с высеченными и прописанными золотом словами «genio loci» («гению места»). Этот камень, предположительно обработанный знаменитым петербургским камнетесом Самсоном Сухановым, призван был постоянно напоминать лицеистам о том, что здесь расцветал гений их друга Александра Пушкина [7].

В уникальном четырехтомном «Словаре языка Пушкина», выпущенном Государственным издательством иностранных и национальных словарей в 1956 г., гению посвящена исчерпывающе подробная статья, комментирующая не только частотность употребления лексемы *гений* (всего – 122 использования), но и прямые и переносные значения последней в художественном наследии А. С. Пушкина. Так, приводятся пять прямых значений: 1. Статуя, изображающая римское божество – хранителя человека, рода, местности (1); 2. В римской мифологии дух-покровитель человека; дух добра и зла (22); 3. Воплощение какого-нибудь идеала душевных свойств человека: высшее проявление чего-нибудь, чего, какой (4); 4. Творческий дар, врожденное дарование, способность к чему-нибудь (58); 5. Гениальный человек (37). Соответственно, ко второму значению отнесено переносное `дух вдохновения, творчества`; к четвертому – `высшая творческая одаренность, гениальность` и `*гений кого* (отличительные, характерные черты, дух творений какого-нибудь автора)`, а к пятому – `*гений чего*, в чем (человек, достигший совершенства в каком-нибудь деле)` [25, с. 467].

В стихотворении А. С. Пушкина «Демон» (1823) (лексема `демон` употреблена только один раз, в названии) лирический герой вспоминает о печальных встречах, вливавших в душу «хладный яд» в самые прекрасные «часы надежд и наслаждений» – возвышенными чувствами и вдохновенными искусствами: «Тогда какой-то злобный гений/Стал тайно навещать меня/<…> Он звал прекрасное мечтою;/Он вдохновенье презирал;/ Не верил он любви, свободе;/На жизнь насмешливо глядел -/И ничего во всей природе/Благословить он не хотел» [13, с. 267]. Драматичная двойственность души художника, горькая, но спасающая от механического восприятия жизни, находит отклик в являющемся ему духе-покровителе, духе добра и зла (второе из перечисленных выше значений *гения* в наследии Пушкина). *Демон* и *гений*, таким образом, употреблены как синонимы.

У М. Ю. Лермонтова, напротив, эти лексемы разведены как антонимы. В стихотворении 1829 г. «К гению» он взывает: «Но я тебя молю, мой неизменный гений:/Дай раз еще любить! Дай жаром вдохновений/Согреться миг один, последний, и тогда/Пускай остынет пыл сердечный навсегда./ <…> Молю тебя, молю, хранитель мой святой, <…> здесь жили вдохновенья!/ <…> хранители души, останьтесь ввек со мною!» [8, с. 27] (гений как творческий дар и как двойник-покровитель). В этом же г. он пишет стихотворение «Мой демон» (переработано в 1830–1831 гг.), органически связанное в пушкинским «Демоном»: «И гордый демон не отстанет, /Пока живу я, от меня, /И ум мой озарять он станет/Лучом чудесного огня; / Покажет образ совершенства /И вдруг отнимет навсегда/И, дав предчувствие блаженства, /Не даст мне счастья никогда» [8, с. 57] (античный дух-покровитель, дух добра и зла). В 1829-м же г. Лермонтов начал поэму «Демон», законченную только через десять лет. А в 1831-м появилось небольшое стихотворение «Я не для ангелов и рая…», которое некоторые исследователи считают послесловием к поэме. Здесь падший ангел не просто притягателен в своем трагическом одиночестве, – он – двойник лирического героя: «Как демон мой я зла избранник, /Как демон, с гордою душой, /Я меж людей беспечный странник, /Для мира и небес чужой» [9, с. 385].

Наконец, лермонтовский «Ангел» (1831) с наложенным на античную основу христианским по-

ниманием ближе скорее его же гению, нежели демону: «Он душу младую в объятиях нес/Для мира печали и слез;/И звук его песни в душе молодой/Остался – без слов, но живой./И долго на свете томилась она,/Желанием чудным полна;/И звуков небес заменить не могли/Ей скучные песни земли» [8, с. 230].

В русской культурной среде XIX в. вполне привычно существовали многочисленные крылатые выражения европейских авторов с заимствованным из латыни гением[1]: А. Н. Герцен в письме к Н. Х. Кетчеру в декабре 1835 г. писал по-французски о «неразвившемся гении»: «Ты ничего не сделаешь… и пригодишься только для тени в каком-нибудь романе, ибо… les génies morts en herbe в моде» [См.: 1, с. 46]; в выступлении И. С. Тургенева на открытии памятника Пушкину звучит парафраза приписываемого Мольеру выражения «Гений берет свое добро всюду, где его находит»: «”Le génie prend son bien partout ou il le trouve”, – гласит французская поговорка. Независимый гений Пушкина скоро… освободился и от подражания европейским образцам и от соблазна подделки под народный тон» [См.: 1, с. 46]. Попало в российский обиход и приписываемое французскому естествоиспытателю Ж.-Л. Бюффону выражение «Le génie n`est qu`une plus grande aptitude a la patiense» («Гений – это только величайшая способность к терпению») [См.: 1, с. 46].

Просмотр словарных статей «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона дает представление о степени `вписанности` лексемы `гений` в русскую языковую картину мира к рубежу XIX–XX вв., более того – о представленности в последней концепта `гений`: как ядра, так и его периферии. Интересно, что мифологическое значение (`внутренняя форма`) репрезентируется здесь только в статьях о персонажах античных мифов или об их воплощении в художественных образах последующих эпох (Гуан-ди – `гений-хранитель` манчжурской династии; Вирбий – древнеитальянский демон, гений леса и охоты; статуя Мерсье «Гений искусства на Пегасе» и пр.). В остальных случаях наблюдаем идеологемы, отпочковавшиеся от мифологемы гения в Новое время: `гений` 1) как синоним олицетворения, воплощения первооснов, добрых и злых, т.е. `дух`, но уже не в прямом, а в переносном смысле (название журнала Н. И. Греча «Гений времен», 1807–1809); 2) как свойство природы человека (драматический гений Пушкина; гений Бетховена; военный гений Наполеона; гений Рафаэля; гений Глинки; гений греков; стихийность гения Байрона); 3) как носитель этого свойства (три величайших гения живописи – Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэль; Наполеон как первоклассный военный гений; название произведения шведского дипломата и поэта Брикмана «Мир гения»; характеристика талантливого человека: «от гения отличается меньшей степенью творческой оригинальности»; название драмы Дюма-отца «Кин, или гений и беспутство»).

Таким образом, можно утверждать, что лексема гений, принятая российским культурным сознанием в XVIII в. и, в ответ на вызовы времени обраставшая новыми смыслами, стала ядром одноименного концепта со множеством семантических полей, что совпадает с общеевропейским формированием концепта и свидетельствует о значительных трансформациях национальной, научной и художественной картины мира в отечественном культурном пространстве.

Литература

1. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 2 т. Т.1. М.-Л.: Наука, 1966. 712 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т.8. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. 478 с.
3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. 614 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.1. М.: Русский язык, 1989. 700 с.
5. Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. М.-Л.: Художественная литература, 1959. 480 с.
6. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1894. 252 с.
7. Лапина М. С. «Гению места», или первый памятник А.С.Пушкину // Наука и жизнь. 1999. №11. С. 11-13.
8. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений (далее – ПСС): В 6 т. Т.1. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1954. 452 с.
9. Лермонтов М. Ю. ПСС: В 6 т. Т.4. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1955. 428 с.
10. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т.1. СПб.: Типогр. Импер. АН, 1983. 793 с.
11. Михельсон А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. М.: Собств. изд. автора, 1866. 771 с.
12. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Т-во И.Д.Сытина, 1907. 458 с.
13. Пушкин А.С. ПСС: в 17 т. Т.2 (кн.1). М.: Воскресенье, 1994. 568 с.
14. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык. от А до Я. Москва: ЮНВЕС, 2003. 704 с.
15. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1899. 946 с.
16. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост под ред. Ф. Н. Берга. Издание А. А. Петровича. М.: Кушнер и К°, 1901. 752 с.

[1] Французское и немецкое genie, genial; английское genius; испанское genio.

17. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. по Энциклопед. слов. Ф. Павленкова с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлении в их числе. 2-е изд. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1907. 714 с.

18. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. Изд. 3-е. / под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1910. 676 с.

19. Словарь иностранных слов. «60000» вошедших в употребление в русском языке с обозначением их корней / сост. Бурдон и Михельсон. М.: Изд. С. И. Леухина, 1880. 854 с.

20. Словарь иностранных слов, наиболее употребительных в русском языке (Сост. Под ред. М.З-ского). Киев: [б.и.], 1891. 351 с.

21. Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе. М.: Типография К. Андерса, 1861. 77 с.

22. Словарь русского языка XVIII вв. Вып.5. Л.: Наука, 1989. 256 с.

23. Словарь современного русского литературного языка: Т.3. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1954. 1340 с.

24. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II отделением Импер. АН. Т.1. СПб.: Тип. Импер. АН, 1847. 415 с.

25. Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т.1. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956. 807 с.

26. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб.: Тип. АН, 1910. 384 с.

27. Соколов П. И. Общий церковно-славяно-российский словарь. СПб.: Тип. Рос. акад., 1834. 883 с.

28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

29. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т.1. М.: Рус. яз., 1999. 623 с.

30. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Т.1. Вып.4. М.: МГУ, 1972. 215 с.

References

1. Babkin A. M., Shendetsov V. V. Slovar' inoyazychnykh vyrazhenii i slov, upotreblyayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda *(The Dictionary of Foreign-Language Expressions and Words Which are Used in Russian Without Translation)*: In 2 Vols. Vol.1. Moscow – Leningrad: Nauka, 1966. 712 p. (In Russian).

2. Brokgauz F. A., Efron I. A. Entsiklopedicheskii slovar *(Encyclopedic Dictionary)*. Vol.8. St.Petersburg: I. A. Efron's printing house, 1892. 478 p. (In Russian).

3. Vinogradov V. V. Problema avtorstva i teoriya stilei *(Problem of Authorship and Theory of Styles)*. Moscow: GIKhL, 1961. 614 p. (In Russian).

4. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka *(Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language):* In 4 Vols. Vol.1. Moscow: Russkii yazyk, 1989. 700 p. (In Russian).

5. Zhukovskii V. A. Sobr. soch. *(Collected Works):* In4 Vols. Vol.1. Moscow – Leningrad: Khudozh. lit., 1959. (In Russian).

6. Korsh M. Kratkii slovar' mifologii i drevnostei *(Concise dictionary of Mythology and Antiquities).* St.Petersburg: A. S. Suvorin' publishisng house, 1894. 252 p. (In Russian).

7. Lapina M. S. «Geniyu mesta», ili pervyi pamyatnik A. S. Pushkinu *(To "TheGenius of Place", or First Monument to A. S. Pushkin)* // Nauka i zhizn'. 1999. No.11. P. 11-13. (In Russian).

8. Lermontov M. Yu. PSS *(Complete Works).* In 6 Vols. Vol.1. Moscow – Leningrad: SA USSR publ., 1954. 452 p. (In Russian).

9. Lermontov M. Yu. (PSS) *(Complete Works).* In 6 Vols. Vol. 4. Moscow – Leningrad: SA USSR publ., 1956. 428 p. (In Russian).

10. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam *(Materials for the Dictionary of Old Russian Language on Written Monuments).* Vol.1. St.Petersburg, 1983. 793 p. (In Russian).

11. Mikhel'son A. D. 30000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s ob»yasneniem ikh kornei *(30000 Foreign Words Which Have Come into Use in Russian with an Explanation of Their Roots).* Moscow, 1866. 771 p. (In Russian).

12. Popov M. Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke *(The Unabridged Dictionary of the Foreign Words Which Have Come into Use in Russian).* Moscow: I. D. Sytin's partnership, 1907. 458 p. (In Russian).

13. Pushkin A. S. PSS: v 17 t. *(Complete Works: In 17 Volumes).* Vol. 2 (Book.1). Moscow: Voskresen'e, 1994. 568 p. (In Russian).

14. Semenov A. V. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Russkii yazyk. ot A do Ya *(Etymological Dictionary of Russian. Russian. from A to Z)*. Moscow: YuNVES, 2003.704 p. (In Russian).

15. Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlennyi po Ostromirovu evangeliyu *(The Dictionary of Classic Slavionic Language Made According to the Ostromir Gospels).* St. Petersburg: A. S. Suvorin' publishisng house, 1899. 946 p. (In Russian).

16. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka *(The Dictionary of the Foreign Words Which Have Been a Part of Russian)* / ed by F. N. Berg. Moscow: Kushner i K°, 1901. 752 p. (In Russian).

17. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka *(The Dictionary of the Foreign Words Which Have Been a Part of Russian).* St. Petersburg: F. Pavlenkov, 1907. 714 p. (In Russian).

18. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Materialy dlya leksicheskoi razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoi literaturnoi rechi *(The Dictionary of the Foreign Words Which Have Been a Part of Russian. Materials for Lexical Development of Loan Words in the Russian Literary Speech)* / ed by A. N. Chudinov. St.Petersburg: V.I.Gubinskii, 1910. 676 p. (In Russian).

19. Slovar' inostrannykh slov. «60000» voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke s oboznacheniem ikh kornei *(Dictionary of Foreign Words. "60000" Their Roots Which Have Come into Use in Russian with Designation).* Moscow: S.I.Leukhin, 1880. 854 p. (In Russian).

20. Slovar' inostrannykh slov, naibolee upotrebitel'nykh v russkom yazyke *(Dictionary of Foreign Words. "60000" Their Roots Which Have Come into Use in Russian with designation)*. Kiev, 1891. 351 p. (In Russian).

21. Slovar' inostrannykh slov, upotrebitel'nykh v russkoi literature *(The Dictionary of Foreign Words, Common in Russian Literature)*. Moscow: K.Anders, 1861. 77 p. (In Russian).

22. Slovar' russkogo yazyka XVIII vv. *(Dictionary of Russian of the 18th Century)*. Issue 5. Leningrad: Nauka, 1989. 256 p. (In Russian).

23. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka *(Dictionary of the Modern Russian Literary Language):* Vol.3. Moscow – Leningrad: SA USSR, 1954. 1340 p. (In Russian).

24. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi II otdeleniem Imper. AN *(The Dictionary Church Slavonic and Russian, Made by the II office of Imperial Academy of Sciences)*. Vol.1. St.Petersburg, 1847. 415 p. (In Russian).

25. Slovar' yazyka Pushkina *(Dictionary of Pushkin's Language):* In 4 Vols. Vol.1. Moscow, 1956. 807 p. (In Russian).

26. Smirnov N. A. Zapadnoe vliyanie na russkii yazyk v Petrovskuyu epokhu *(The Western Influence on Russian during the Petrovsky Era)*. St.Petersburg, 1910. 384 p. (In Russian).

27. Sokolov P. I. Obshchii tserkovno-slavyano-rossiiskii slovar *(The General Church-Slavonic-Russian Dictionary)*. St.Petersburg, 1834. 883 p. (In Russian).

28. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka *(Etymological Dictionary of Russian)*. Vol .1 / ed. by B. A. Larin. Moscow: Progress, 1986. 576 p. (In Russian).

29. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka *(Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian)* In 2 Vols. Vol.1. Moscow: Rus. yaz., 1999. 623 p. (In Russian).

30. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka *(Etymological Dictionary of Russian)* / ed by N. M. Shanskii. Vol.1. Issue.4. Moscow: MSU publ., 1972. 215 p. (In Russian).

УДК 811.161.1

З. И. Годизова, В. Цянь

КОНФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются конфиксальные способы глагольного действия, выражающие семантику негативных последствий действия.

Представляется актуальным выяснить, связана ли общая идея негативных последствий действия с самой конфиксальной словообразовательной моделью; проанализировать взаимодействие в этих глаголах грамматической и лексической семантики; определить особенности аспектуальных ситуаций, в которых эти глаголы функционируют, их стилистические особенности; выявить те комплексы смыслов, носителями которых являются конфиксальные словообразовательные типы со значением негативных последствий.

Установлено, что семантика негативных последствий действия может присутствовать в большей или меньшей степени, может быть выражена более явно, эксплицитно или более скрыто, имплицитно; может требовать поддержки определенного контекста или же выражаться самой глагольной формой и не нуждаться в специфическом контексте.

Определены семантические маркеры, сигнализирующие о наличии чрезмерной интенсивности или длительности действия, вызывающих негативные последствия действия.

Все способы действия со значением негативного результата действия представлены в виде функционально-семантического поля, определены центральные и периферийные компоненты поля в зависимости от степени эксплицитности выражения значения негативных последствий действия, а также интенсивности, чрезмерности, длительности, приводящих к этим последствиям. Учитывается также регулярность и продуктивность типа.

Определено, за счет чего создается семантика негативных последствий действия и как она конкретизируется в каждом из описываемых способов действия.

Конфиксальные способы действия с семантикой негативных последствий действия исследуются с точки зрения функционально-стилистической, регулярности и продуктивности словообразовательного типа, видовой соотносительности.

Определяются причины преимущественной одновидовости указанных способов действия.

Выявлено, что анализируемые глаголы являются носителями нескольких ситуаций, комплекса смыслов, так как значение негативных последствий действия является следствием чрезмерности проявления действия, его интенсивности, длительности, иногда кратности. Производные глаголы являются компактным средством выражения сложной семантики, соотносимой с описательной конструкцией.

Делается вывод о том, что наличие в русском языке такого многообразия способов действия со значением негативных последствий действия, явившихся результатом чрезмерно интенсивного или длительного действия исходного глагола, говорит о значимости данного концепта (или нескольких концептов) для носителей русского языка, для русской языковой картины мира.

Ключевые слова: способы действия, интенсивность, длительность, чрезмерность действия, негативные последствия действия, количественная аспектуальность.

Z. I. Godizova, Q. Wang

CONFIXED VERBS WITH NEGATIVE SEMANTICS OF ACTION CONSEQUENCES IN MODERN RUSSIAN

The confix ways of verbal action, which expresses negative semantics of action consequences, are under discussion in the article.

It seems relevant for the study to find out whether the general idea of the negative consequences of action is related to the confixed word-building model, to analyze the interaction of grammatical and lexical semantics of those type of verbs, to determine the features of aspectual situations, to reveal stylistic features of their functioning, to reveal the complexes of meanings expressed by confixed word-building types bearing the negative consequences semantics.

It is established that the negative semantics of action consequences can be presented explicitly or implicitly to a greater or lesser extent; the representation of the negative consequences of action can be expressed by the verb form or it can.require a certain context.

The semantic markers, that signal excessive intensity or duration of action, are identified.

All verbal actions, which denote the negative result, are presented as a functional and semantic field; the central and peripheral components of the field are determined depending on the degree of explicitness of the negative consequences of action, as well as its intensity, excessiveness and duration.. Regularity and efficiency of a verb type is also taken into account.

It is defined due to what factors the semantics of negative consequences of an action is created; it is specified in each specific action.

The confix ways of verbal action with the semantics of the negative consequences of the action are investigated from the point of view of functionality and stylistics, regularity and productivity of derivational type, species correlation.

The reasons for the predominant uniformity of these ways of action are identified.

It is established that the verbs under analysis can cover multiple situations and convey the complex of meanings, since the semantics of the negative consequences of action is a consequence of excessive manifestation of an action, its intensity, duration and sometimes multiplicity. The derived verbs are a compact means of expressing complex semantics, which correlates with the descriptive construction.

It is concluded that the presence in the Russian language of such a variety of ways of action with the meaning of the negative consequences of action, which were the result of excessively intense or prolonged action of the original verb, indicates the importance of a certain concept (or several concepts) for Russian speakers and for the Russian language picture of the world.

Key words: ways of action, intensity, duration, excessiveness of action, negative result, consequences of action, quantitative aspectuality.

В современном русском языке имеется группа префиксально-постфиксальных и префиксальных способов действия (СД), выражающих семантику отрицательных последствий действия.

Сема негативного результата действия всегда сопряжена с чрезмерностью действия, его излишней интенсивностью, длительностью, иногда кратностью. Она может наличествовать в большей или меньшей степени, может быть выражена явно, эксплицитно или более скрыто, имплицитно; может требовать поддержки определенного контекста и без соответствующего контекста особо не актуализироваться или же выражаться самой глагольной формой и не нуждаться в специфическом контексте. Для того, чтобы определить степень присутствия в значении глагола семы негативных последствий действия (НПД), следует прежде всего определить маркеры, которые подтверждают наличие значения чрезмерной интенсивности или длительности действия и, как следствие, семантики отрицательных последствий действия. Определяя эти маркеры, мы исходим из того, что приставочный глагол – это синтагма, включающая два члена: мотивирующий глагол и формант. Мотивирующий глагол является отождествляющим членом синтагмы, а формант – различающим членом [21, p. 32]. Определение в каждом конкретном случае детерминируемого члена словосочетания, отражающего семантику форманта, будет выявлять семантический маркер (или маркеры), который соответствует значению того или иного способа действия. Некоторые из этих маркеров применимы ко всем способам действия указанной группы, другие – только к некоторым. Это такие маркеры: *«чрезмерно», «слишком», «совершенно», «совсем», «сильно», «очень», «долго», «вдоволь»*.

Все СД со значением негативного результата можно представить в виде функционально-семантического поля (ФСП), при этом определение СД в качестве центрального или периферийного компонента будет зависеть от того, какие маркеры соответствуют его семантике, насколько эксплицитно выражено значение НПД, а также интенсивности, чрезмерности, длительности, приводящих к этим последствиям. Необходимо, на наш взгляд, также учитывать регулярность и продуктивность типа. Более обширный языковой материал позволил нам внести некоторые коррективы в структуру ФСП негативных последствий действия, определенную в более ранних работах, в частности, мы несколько изменили соотношение компонентов центра и периферии данного поля [ср. 7, p. 77].

Применяя эти критерии, мы отнесли к центру поля НПД следующие конфиксальные СД, эксплицитно выражающие значение отрицательных последствий действия и являющиеся очень регулярными и, как правило, продуктивными: чрезмерно-кратный (терминология М. А. Шелякина [21]) с конфиксом *из-…-ся (измучиться)*, финально-отрицательный с конфиксом *до-…-ся (догуляться (до простуды)*, чрезмерно-длительный с конфиксом *за-…-ся (забегаться)*; а также префиксальные СД: чрезмерно-продолжительный с приставкой *за- (зачитать (до дыр)*, сверхнормативно-длительный с приставкой *пере- (передержать)*.

Несколько дальше, но все же в центре, будут расположены, с нашей точки зрения, такие СД: чрезмерно-интенсивный с конфиксом *у-…-ся (убегаться)*, префиксальный словообразовательный тип с приставкой *у-* со значением отрицательных последствий действия *(укатать)*, тотальный способ действия с приставкой *из- (иссушить)*. В семантике чрезмерно-интенсивного СД и префиксального типа с приставкой *у-* сема «отрицательные последствия действия» выражена очень отчетливо, эксплицитно, однако эти типы непродуктивны. Тотальный СД является очень регулярным и продуктивным, однако сема негативного результата не обязательно присутствует в его семантике, хотя и возникает часто как следствие интенсивности, рассредоточенного воздействия действия на объект или субъект.

Наконец, скорее к периферии можно отнести финитивный СД с приставкой *до- (до-лечить)*, сативный СД с конфиксом *на-…-ся (напиться (до потери сознания)*, конфиксальный тип с формантом *вы-…-ся (выбегаться)*, чрезмерно-нормативный СД с приставкой *пере- (перемерзнуть)*, а также префиксальный и конфиксальный словообразовательные типы с приставкой *об-* (например, *объесть, обноситься*).

В семантике, например, сативного СД негативный результат обязательно не предполагается, основное значение сативного СД – это выражение полного удовлетворения действием.

Однако состояние полного удовлетворения легко переходит в пресыщенность действием, которая может рассматриваться уже как НПД. Чрезмерно-нормативный СД с приставкой *пере-* является непродуктивным словообразовательным типом, а финитивный СД, а также словообразовательные типы с приставкой *об-* и конфиксом *об-…-ся* не предполагают обязательного наличия отрицательного результата действия, хотя это значение может возникать в некоторых из этих глаголов за счет лексического значения и контекста.

Следует конкретизировать и само значение отрицательных последствий действия. В разных СД этот негативный результат имеет свои оттенки. Это может быть причинение какого-то вреда субъекту или объекту действия; изменение состояния субъекта или объекта, вызванное действием (возникновение состояния утомления, чрезмерного увлечения, исчерпанности, пресыщенности действием); неспособность дальнейшего продолжения действия вследствие крайней степени усталости, бессилия; исчерпанность субъекта или объекта; уничтожение объекта.

Таким образом, например, в глаголе чрезмерно-продолжительного СД *зачитать (до дыр)* или в глаголе чрезмерно-кратного СД *изнервничаться* отрицательный результат является следствием чрезмерности, повторяемости или длительности действия и проявляется как состояние негодности, утомления, исчерпанности. В глаголе *накупаться (до (утомления)* актуальна «чрезмерность» действия, являющаяся результатом слишком длительного и интенсивного его характера, и отрицательный результат проявляется как пресыщенность действием и т.д.

Многие из интересующих нас СД являются конфиксальными. В конфиксальных, то есть префиксально-постфиксальных глаголах, степень интенсивности действия повышается за счет того, что действие в большей степени сосредоточено на субъекте, что вызывает излишнюю активность субъекта. Как известно, конфиксальный способ не является исконно русским способом словообразования, он возник как самостоятельный способ в период разрушения семантического синкретизма языковых единиц, в результате чего преодолевалась прежняя нерасчлененность значений древнерусского слова (категориального, лексического, словообразовательного) и укреплялась языковая парадигматика.

Причины и пути возникновения конфиксации как самостоятельного способа словообразования интересовали, например, В. М. Маркова, Г. А. Николаева [17, 19], которые оценивали конфиксы как самостоятельные морфемы [19].

Довольно распространенным является мнение, что конфиксация возникла в результате переразложения в структуре глаголов [например, 20, 4]. В более ранних своих работах мы, разделяя приведенное мнение, вместе с тем дополняли его уточнением, что другим способом возникновения конфиксации является трансформация первоначально приставочного способа словообразования в префиксально-постфиксальный. Подтверждением этому является то, что префиксально-постфиксальные и префиксальные глаголы с определенным значением сосуществуют в течение значительного временного периода [8, p. 189–190].

Таким образом, история префиксально-постфиксальных способов действия глагола позволят проследить процесс возникновения и становления конфиксального способа словообразования, когда не характерные ранее для русского языка дискретные форманты стали функционировать как единое морфологическое целое в словообразовательном акте [8, p. 227–228].

Рассмотрим более пристально те конфиксальные словообразовательные типы, которые наиболее ярко, эксплицитно выражают семантику НПД и отнесены нами к центру поля НПД (чрезмерно-кратный с конфиксом *из- … -ся*, финально-отрицательный с конфиксом *до- … -ся*, чрезмерно-длительный с конфиксом *за- … -ся*, чрезмерно-интенсивного СД с конфиксом *у- … -ся*).

Чрезмерно-кратный СД с формантом *из-…-ся* является одним из самых регулярных префиксально-постфиксальных СД. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов характеризуют данный тип так: «интенсивно, длительно или часто совершая действие, названное мотивирующим глаголом, дойти до какого-л. состояния (обычно утомления, негодности, исчерпанности), приобрести или утратить определенные качества, способности или привычки» [16, p. 93]. Словообразовательный тип, соответствующий данному СД, особенно продуктивен в разговорной речи и просторечии. В нашем материале эти глаголы представлены очень широко. Отрицательные последствия действия часто описаны в контексте, например:

«Дело шло … о том, как он маялся и горе мыкал здесь, в Петербурге, как бесплодно долгое время места искал, прожился, *исхарчился*, жил чуть не на улице, ел черствый хлеб и запивал его слезами своими…» [12].

Крайняя, чрезмерная степень проявления действия может актуализироваться обстоятельствами (*вконец, весь, здорово, очень, совсем, до последней худобы, до заморённого подростка* и под.):

«Клубилась пыль вокруг этого мохнатенького, всё время жужжащего какой-нибудь мотив, *до последней худобы износившегося* существа» [2].

«…Рюкзак этот, сталинский подарок, чтоб ему *в лоскутья изорваться*, висел на ней до самой земли» [1].

«О люди! *Все иззавидовались*, черти. Что такое, не могут люди спокойно выносить, когда кому-нибудь повезет» [22].

В имеющемся языковом материале соотношение глаголов данного СД в произведениях Ф. М. Достоевского и В. Шукшина – один к десяти, что обусловлено преимущественно разговорной или просторечной стилистической окраской глаголов этого типа (например, *издергаться, измотаться, изозлиться, изождаться, испаскудиться, испсиховаться, исхарчиться, исхлестаться*

и т.д.), реже это стилистически нейтральные глаголы (измаяться, измучиться, изнервничаться, исписаться).

Глаголы чрезмерно-кратного СД представлены преимущественно в совершенном виде, иногда встречаются имперфективные формы глаголов со значением кратности действия, например:

«Правда и то, что и сами эти господа таланты средней руки, на склоне почтенных лет своих, обыкновенно самым жалким образом у нас *исписываются*, совсем даже и не замечая того» [10].

В чрезмерно-кратном СД сема НПД выражена очень отчетливо и сопряжена с другими семами: интенсивности, длительности, часто кратности. Отрицательные последствия действия проявляются как негативное состояние субъекта (чрезмерной усталости, исчерпанности и т.д.) в результате интенсивного, кратного или длительного совершения действия, названного мотивирующим глаголом.

Семантика НПД в глаголах чрезмерно-кратного СД выражена эксплицитно, явно, контекст не является необходимым элементом для актуализации этой семантики, хотя часто иллюстрирует конкретные проявления НПД. Данный словообразовательный тип является очень регулярным и продуктивным.

Глаголы чрезмерно-длительного СД с конфиксом *за-…-ся* определяются так: «довести себя до какого-л. состояния (увлечения, утомления) в результате интенсивного или длительного (иногда чрезмерно интенсивного или длительного) действия, названного мотивирующим глаголом; целиком погрузиться в это действие (неперех.) (за-бегать-ся (разг.) «утомиться от длительного бега», за-танцевать-ся (разг.) «увлечься танцами; устать от долгих танцев», за-беседовать-ся (разг.), за-врать-ся (разг.), за-гулять-ся (разг.), за-есть-ся (прост.), за-ждать-ся (разг.), за-играться, за-работать-ся (разг.), за-смотреть-ся, за-слушать-ся, за-хлопотать-ся (разг.)», отмечается продуктивность типа [16, p. 83].

Эти глаголы также представлены в нашем материале очень широко, они характерны как для произведений, в которых преобладает разговорная речь (В. М. Шукшина, М. М. Зощенко), так и для произведений классической русской литературы (Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина, Г. Газданова и др.). Характерными контекстами функционирования глаголов чрезмерно-длительного СД являются конструкции типа: *до такой степени, что…*; *до того, что…* [5, p. 217]. НПД часто конкретизированы в контексте (предложно-падежными конструкциями, обстоятельствами степени, кратким или более развернутым описанием конкретного негативного результата действия). Например:

«Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы *до того засалились и залоснились, что* походили на юфть, какая идет на сапоги…» [9].

«– А *заелся* ваш секретарь-то! – сказал лысый, глядя прямо перед собой. – Ох, *заелся*! – Он за-за-за… это… *зашился*, а *не заелся*» [26].

«Парень вон у Гилевых… Игнаху-то Гилева помнишь? Вот сын его, Витька, – *зачитался: тихое помешательство*» [26].

Имперфективные формы возможны для глаголов чрезмерно-длительного СД:

«Сцепились. Ты, Геночка, не зачитался случаем? Шибко уж языкастый да кулакастый стал. Смотри, а то, бывает, *до дури зачитываются* – с ума сходят» [24].

В глаголах чрезмерно-длительного СД с конфиксом *за-…-ся* НПД представлены как чрезмерное погружение в действие, состояние увлечения, утомления субъекта в результате интенсивного или длительного (иногда чрезмерно интенсивного или длительного) действия, названного мотивирующим глаголом.

Сема негативного результата действия наличествует в глаголах с конфиксом *до-…-ся*, относящимся к финально-отрицательному СД и указывающим на чрезмерность проявления действия, вызывающую отрицательные для субъекта последствия: *докричаться до хрипоты, доиграться до ссоры, догуляться до простуды* и под. [21, p. 81]. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов отмечают характерность данного типа для разговорной речи и просторечия (до-гулять-ся, до-курить-ся, до-петься, до-сидеть-ся, до-слушать-ся, до-спать-ся, доспорить-ся, до-читать-ся – все разг.) [16, p. 75].

Глаголы финально-отрицательного СД обладают способностью образовываться от любых непредельно-непереходных глаголов [5, p. 216], например:

«Виталя Кукин понимал: над ним глумятся и – о, ужас! – вроде бы глумятся и над передовой идеологией!.. Мы, однако, *дошутились* бы: часть энкавэдэшная, в основе своей стукаческая» [2].

«*Допился* он и *догулялся до крайности*. Раненный в локоть, он боль от раны и всякую боль, видать, привык подавлять вином, да еще и по девкам лазил – и руку ему отняли, даже не отняли, выщелочили и вылущили, как там, по-медицински, из самого плеча» [1].

«Отсеяли меня из эшелона, под конвоем увели в комендатуру – *довоевался! Допрыгался*!» [1].

Глаголы финально-отрицательныго СД редко представлены в несовершенном виде, например:

«– Я сам выпиваю очень умеренно. У меня есть сосед; инженер-конструктор… *Допивается* до того, что опохмелиться утром рубля нет» [28].

Поскольку глаголы финально-отрицательного СД очень экспрессивны, они в большей степени характерны для разговорной речи и соответственно для произведений, в которых разговорная речь преобладает [ср. 7, p. 76]. В произведениях В. Шукшина глаголы финально-отрицательного СД очень часты, причем характерно для этого писателя то, что конкретные проявления негативного результата действия часто описываются в контексте и без такого специфического контекста некоторые глаголы (*дождаться, додуматься* и под.) можно было бы отнести к длительно-усилительному СД, выражающему только интенсивность и длительность действия. Тот факт, что одни и те же глаголы с формантом *до-…-ся* могут высту-

пать в значении длительно-усилительного или финально-отрицательного СД, свидетельствует об отсутствии четких границ между этими двумя СД, а также о большой роли контекста в создании семантики НПД [5, p. 217]. Например, приведенные ниже глаголы *додуматься, дождаться* могут выражать семантику длительно-усилительного СД, однако в данном контексте они имеют скорее значение финально-отрицательного СД благодаря контексту:

«– То-то, брат, вот этакая валаамова ослица думает, думает, да и *черт знает* про себя там *до чего додумается*. – Мыслей накопит, – усмехнулся Иван…» [11].

«– Колька сам подивился – будто не он сказал эти страшные слова, а кто-то другой, сказал обдуманно. – *Дождалась* ты своей участи… Не хотела жить на белом свете? *Подыхай*» [25].

Глаголы финально-отрицательного СД часто встречаются в синтаксических конструкциях типа *до того, что*…:

«Как можно *докатиться до того, чтобы* ни одного вала в запасе не было?» [26].

Это может быть развернутая синтаксическая конструкция, описывающая негативный результат действия:

«Привяжут человека к столбу, выбреют макушку и капают на эту плешину по капле холодной воды – никто почесть не выдерживал. Вот додумались! Мы тоже удивлялись, а некоторые совсем не верили» [27].

«В самый разгар уборочной в колхозе «Заря коммунизма» вышли из строя две автомашины – полетели коленчатые валы. Колхозный механик Сеня Громов, сухой маленький человек, налетел на шоферов соколом. – *До-дд-доигрались?!* – Сеня заикался. – *До-д-допрыгались?!*» [26].

Глаголы с конфиксом *до-…-ся* часто выражают угрозу или обещание негативных последствий, например:

«– *Дождешься* ты, Серега: подвернется какой-нибудь вьюн с гитарой – только и видел свою Леночку» [23].

Вместе с тем нельзя утверждать, что семантика негативных последствий действия создается только благодаря контексту и ситуации, она актуализируется и за счет употребления стилистически сниженной лексики, составляющей мотивирующую базу этого СД (*докатиться, допрыгаться, докорячиться, дофорситься* и под.). Наконец, очень важно, что сама семантика словообразовательной модели *до-…-ся* участвует в формировании значения НПД, которое поэтому так легко развивается в глаголах с этим конфиксом.

Таким образом, при функционировании глаголов финально-отрицательного СД семантика НПД может присутствовать в большей или меньшей степени, и проявляется она как возникновение негативно оцениваемого состояния субъекта (возникновение состояния увлечения, утомления, негодности, исчерпанности), негативное развитие событий, негативная ситуация как следствие действий субъекта.

Глаголы чрезмерно-интенсивного СД с формантом *у- … -ся* выражают крайнюю степень продолжительности и интенсивности действия, вызывающую усталость субъекта, невозможность дальнейшего продолжения действия [21, p. 81].

В. В. Лопатин, И. С. Улуханов определяют данный словообразовательный тип следующим образом: «довести себя, дойти до какого-л. состояния (преимущ. до крайней усталости, бессилия, исчерпанности) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (непереходным) (у-бегать-ся «утомиться от длительного бега», у-ездить-ся (прост.), у-прыгать-ся (разг.), у-ходить-ся (прост.), у-пить-ся (прост.) «напиться до полного насыщения или допьяна», у-лежать-ся (прост.) «после длительного лежания стать готовым к использованию (о недозрелых фруктах, овощах)», у-стоять-ся …, у-бродить-ся (прост.) … Продуктивен в разг. речи и прост.» [16, p. 233]. Характерными особенностями этого СД являются его стилистическая маркированность (эти глаголы имеют обычно разговорную или просторечную окраску (например, *упрыгаться, убегаться, упахаться* и др.), представленность только в совершенном виде, а так же и то, что данный тип не является регулярным.

Анна А. Зализняк, например, объясняет стилистическую маркированность приставки *у-* ее устареванием, вызвавшим различные рефлексы: одни глаголы с этой приставкой приобрели архаическую окраску, а другие – просторечно-разговорную [14].

В произведениях писателей XIX – нач. XX века (Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина, А. Н. Толстого, А. И. Куприна) глаголы с конфиксом *у-…-ся* встречаются очень ограниченно, например:

«А вот поймайте-ка его, подите, теперь! – вскрикнул он, злорадно подзадоривая Заметова… *Упрыгаетесь*! Вот ведь что у вас главное: тратит ли человек деньги или нет?» [13].

«И глагола ему: всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда *упиются*, тогда худшее: ты же соблюл еси доброе вино доселе» [11].

В произведениях, в которых преобладает разговорная речь (например, В. Шукшина, И. Э. Бабеля, М. М. Зощенко, В. Астафьева и др.), эти глаголы встречаются значительно чаще, например:

«Вот тебе шинель Вадима Петровича, Вовкино одеялко и половичок. Стелись, где тебе удобней. Командир мой уже готов, и я *умыкалась*» [2].

«За околицей совхозного селения, заметно обнажившегося – кони примяли и выели заросли, догадался я, – Вадим Петрович разохался: *уездился*, дескать, с непривычки, даже спина «села», – пожал мне руку и отправился в обратный путь» [2].

Глаголы чрезмерно-интенсивного СД в несовершенном виде возможны в исключительных случаях, например:

«И отрабатывали, и *урабатывались*, выходных и праздных часов не знали ни тот, ни другой» [3].

Таким образом, семантика НПД создается в исследуемых глаголах за счет нескольких факторов. Во-первых, в процессе словообразования происходит взаимодействие аффикса и мотивиру-

ющей основы, которое подчинено семантическим, стилистическим, структурно-словообразовательным и формальным закономерностям [7, p. 77].

Во-вторых, в формировании значения НПД у исследуемых префиксально-постфиксальных глаголов участвует и семантика самой словообразовательной модели, а не только семантика его составляющих (производящей основы и форманта) [7, p. 77].

Наконец, при оценке словообразовательных единиц, каковыми являются и рассматриваемые нами глаголы, большую роль играет не только внутренний контекст (мотивирующий глагол), но и внешний контекст, и это особенно актуально для глагола.

Интересующие нас СД очень экспрессивны, стилистически окрашены, что обусловливает их преимущественное функционирование в разговорной речи и просторечии [5, p. 218; 6, p. 60]. Почти все словообразовательные типы, соответствующие этим СД, являются регулярными и продуктивными, кроме чрезмерно-интенсивного с конфиксом *у-…-ся.* Они чаще являются одновидовыми – совершенного вида, хотя у некоторых из них возможны соотносительные формы несовершенного вида со значением повторяемости действия. Предпочтительная одновидовость этих глаголов объясняется тем, что семантика чрезмерной интенсивности действия, крайней степени проявления действия, вызывающей НПД, в большей степени совместима с совершенным видом, который сосредоточивает внимание не на процессе протекания, а на факте совершения действия [5, p. 218; 6, p. 60]. Вторым фактором, препятствующим образованию имперфективных форм, является эмоционально-экспрессивная окраска глаголов. Об этом писал и Ю. С. Маслов, подчеркивая, что любая стилистически окрашенная передача действия «сосредоточивает внимание на факте как таковом, на факте в его неразложимой, не поддающейся развертыванию целостности» [18, p. 202].

В последнее время единицы словообразовательной системы все чаще анализируются в аспекте когнитивной парадигмы языкознания, позволяющей глубже понять сущность словообразовательных значений и когнитивных структур, соответствующих им, обнаружить особенности категоризации мира словообразовательными средствами. В формировании языковой картины мира все большую роль играют средства вторичной номинации, т.е. производные слова. Словообразовательная система в русском языке быстро реагирует на меняющиеся коммуникативные потребности общества и создает производные слова вместо громоздких описательных конструкций, что вполне соотносится с тенденцией к экономии языковых средств.

Производные глаголы имеют ряд характерных признаков: как правило, они являются носителями нескольких ситуаций, комплекса смыслов, т.е. могут указывать на само действие, на субъекта и объекта этого действия, характер осуществления действия (интенсивное, длительное, многократное и т.д.), последствия действия (в том числе негативные). Производные глаголы являются компактным средством выражения сложной семантики, соотносимой с описательной конструкцией.

Наличие в русском языке такого многообразия СД со значением негативных последствий действия, явившихся результатом чрезмерно интенсивного или длительного действия исходного глагола, говорит о значимости данного концепта (или нескольких концептов) для носителей русского языка, для русской языковой картины мира [7, p. 77].

Литература

1. Астафьев В. Веселый солдат (1987–1997) // Новый Мир, 1998 // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 16.08.2018).

2. Астафьев В. Обертон (1995–1996) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 22.07.2018).

3. Астафьев В. Пролетный гусь (2000) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 05.07.2018).

4. Бубекова Л. Б. Конфиксальные глаголы и их синтаксические отношения в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2004. 18 с.

5. Ван Ц. Глаголы со значением отрицательных последствий действия в современном русском языке: системный и функциональный аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. Вып. 3. С. 214-221.

6. Ван Ц. Способы глагольного действия со значением негативного результата в современном русском языке // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 40. С. 52-62.

7. Ван Ц., Годизова З. И. Способы глагольного действия с семантикой отрицательных следствий действия в методике преподавания современного русского языка // Вестник СОГУ. 2017. Вып. 4. С. 71-77.

8. Годизова З. И. Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. 346 с.

9. Гоголь Н. В. Мертвые души (1842) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 08.05.2018, 10.05.2018).

10. Достоевский Ф. М. Бесы (1871–1872) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 08.05.2018, 10.05.2018).

11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы (1880) // Национальный корпус русского языка // URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 10.04.2018, 14.04.2018).

12. Достоевский Ф. М. Двойник (1846) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 19.04.2018, 22.04.2018).

13. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание (1866) // Национальный корпус русского языка URL: http://www.ruscorpora.ru. (Дата обращения: 17.05.2018, 18.05.2018).
14. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в значении русской приставки у- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. 2001. Т.5. №1. С. 69-79.
15. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.
16. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: ИЦ «Азбуковник», 2016. 812 с.
17. Марков В. М. Замечания о конфиксации в современном русском языке // Jezyk Rosyjski. Warszawa, 1968. №3. С. 7-12.
18. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: [б.и.], 1959. С. 157-312.
19. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М.: «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 177 с.
20. Сигалов П. С. Задачи и возможности сопоставительного и сравнительно-исторического изучения способов действия славянского глагола // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: [б.и.], 1978. С. 44-56.
21. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: УРСС Эдиториал, 2003. 352 с.
22. Шукшин В. Беспалый (1972) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 16.07.2018).
23. Шукшин В. Воскресная тоска (1958) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 16.07.2018).
24. Шукшин В. Гена пройдисвет (1970–1974) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 16.07.2018).
25. Шукшин В. Жена мужа в Париж провожала (1970–1974) // Национальный корпус русского языка URL: http://www.ruscorpora.ru. (Дата обращения: 18.07.2018).
26. Шукшин В. Коленчатые валы (1958) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 18.07.2018).
27. Шукшин В. Пост скриптум (1970–1974) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 18.07.2018).
28. Шукшин В. Чередниченко и цирк (1970–1974) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. (Дата обращения: 18.07.2018).

References

1. Astafiev V. Veselyiy soldat *(Cheerful Soldier)* (1987–1997) // New World, 1998 // National corpus of the Russian language URL: http://www. ruscorpora.ru. (Accessed: 16.08.2018). (In Russian).
2. Astafiev V. Oberton *(Overtone)* (1995–1996) // National corpus of Russian language URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 22.07.2018). (In Russian).
3. Astafiev V. Proletnyiy gus *(Flying Goose)* (2000) / / National corpus of Russian language URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 05.07.2018). (In Russian).
4. Boobekova L. B. Konfiksalnye glagoly i ih sintaksicheskie otnosheniya v russkom yazyke *(Confixed Verbs and Their Syntactic Relations in the Russian Language)*: abstract of thesis. Kazan, 2004. 18 p. (In Russian).
5. Wang Q. Glagoly so znacheniem otricatel'nyh posledstvij dejstviya v sovremennom russkom yazyke: sistemnyj i funkcional'nyj aspekty *(Verbs Meaning Negative Attending Circumstances in the Modern Russian Language: Systematic and Functional Aspects)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No. 3. P. 214-221. (In Russian).
6. Wang Q. Sposoby glagolnogo dejstviya so znacheniem negativnogo rezultata v sovremennom russkom yazyke *(Modes of Verbal Action with the Meaning of Negative Result in the Modern Russian Language)* // Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. 2017. Issue.40. P. 52-62. (In Russian).
7. Wang Q., Godizova Z. I. Sposoby glagolnogo dejstviya s semantikoj otricatelnyh sledstvij dejstviya v metodike prepodavaniya sovremennogo russkogo yazyka *(Types of Verb Action Meaning Negative Result in Methods of Teaching Russian)* // Vestnik SOGU. 2017. Issue. 4. P. 71-77. (In Russian).
8. Godizova Z. I. Stanovlenie semanticheskoj kategorii intensivnosti v russkom yazyke XI–XVII vv. *(Formation of the Semantic Category of Intensity in the Russian Language of XI–XVII Centuries)*. Vladikavkaz: Publishing house of SOGU, 2018. 346 p. (In Russian).
9. Gogol N. V. Mertvyie dushi *(Dead Souls)* (1842) // National corpus of Russian URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 08.05.2018, 10.05.2018). (In Russian).
10. Dostoevskiy F. M. Besyi *(Demons)* (1871–1872) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru.›corpora-intro.html (Accessed: 08.05.2018, 10.05.2018). (In Russian).
11. Dostoevskiy F. M. Bratya Karamazovyi *(The Karamazov Brothers)* (1880) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Accessed: 10.04.2018, 14.04.2018). (In Russian).
12. Dostoevsky F. M. Dvoynik *(The Double)* (1846) // National corpus of the Russian language URL: http://www.ruscorpora.ru. (Accessed: 19.04.2018, 22.04.2018). (In Russian).
13. Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie *(Crime and Punishment)* (1866) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Accessed: 17.05.2018, 18.05.2018). (In Russian).
14. Zaliznyak Anna A. Semanticheskaya derivaciya v znachenii russkoj pristavki u- *(Semantic Derivation in the Meaning of Russian Prefixes u-)* // Verbal prefixes and prefixes. 2001. Vol.5. No.1. P. 69-79. (In Russian).
15. Kolesov V. V. Russkaya mentalnost v yazyke i tekste *(Russian Mentality in Language and Text)*. St.Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2007. 624 p. (In Russian).

16. Lopatin V. V., Uluhanov I. S. Slovar slovoobrazovatelnyh affiksov sovremennogo russkogo yazyka *(Dictionary of Word-formation Affixes of the Modern Russian Language)*. Moscow: IC «Azbukovnik», 2016. 812 p. (In Russian).

17. Markov V. M. Zamechaniya o konfiksacii v sovremennom russkom yazyke *(Observations on Confiserie in the Modern Russian Language)* // Jezyk Rosyjski. Warszawa, 1968. No. 3. P. 7-12. (In Russian).

18. Maslov Y. S. Glagolnyj vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke *(Verbal Form in the Contemporary Bulgarian Literary Language)* // Questions of grammar of Bulgarian literary language. Moscow, 1959. P. 157–312. (In Russian).

19. Nikolaev G. A. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: Teoreticheskie problemy *(Russian Historical Word-formation: Theoretical Problems)*. Moscow: «Book house «LIBROCOM», 2009. 177 p. (In Russian).

20. Sigalov P. C. Zadachi i vozmozhnosti sopostavitelnogo i sravnitelno-istoricheskogo izucheniya sposobov dejstviya slavyanskogo glagola *(Challenges and Opportunities for Comparative and Comparative-historical Study of the Modes of Action of the Slavic Verb)* // The issues of the comparative Aspectology. Leningrad, 1978. P. 44-56. (In Russian).

21. Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis *(Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis)*. Moscow: URSS Ehditorial, 2003. 352 p. (In Russian).

22. Shukshin V. Bespalyj *(Fingerless)* (1972) // National corpus of Russian language URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 16.07.2018). (In Russian).

23. Shukshin V. Voskresnaya toska *(Sunday Melancholy)* (1958) // National corpus of Russian URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 16.07.2018). (In Russian).

24. Shukshin V. Gena proydisvet *(Gena Pass-Through-The-Light)* (1970–1974) // National corpus of Russian language URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 16.07.2018). (In Russian).

25. Shukshin V. Zhena muzha v Parizh provozhala *(The Wife Escorted Her Husband to Paris)* (1970–1974) // national corpus of the Russian language URL: http://www. ruscorpora.ru. (Accessed: 18.07.2018). (In Russian).

26. Shukshin V. Kolenchatyie valyi *(Crankshafts)* (1958) // National corpus of the Russian language URL: http://www ruscorpora.ru. (Accessed: 18.07.2018). (In Russian).

27. Shukshin V. Post Scriptum *(Post Scriptum)* (1970–1974) // National corpus of Russian language URL: http://www. ruscorpora.ru. (Accessed: 18.07.2018). (In Russian).

28. Shukshin V. Cherednichenko i cirk *(Cherednichenko and the Circus)* (1970–1974) // National corpus of Russian language URL: http://www. ruscorpora.ru. (Accessed: 18.07.2018). (In Russian).

УДК 81’371

С. В. Гусаренко, М. К. Гусаренко

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)

Актуальность исследования состоит в том, что при всем многообразии исследований по лингвистическим фреймам, по-прежнему остается открытым вопрос о прагматике языковых выражений, представляющих тот или иной фрейм в тексте (в нашем случае — в русском нарративе), в частности, вопрос о том, каковы те лингвопрагматические средства, посредством которых инициируется фрейм в нарративе. Цель данной статьи состоит в выявлении, описании и классификации языковых выражений, открывающих актуализацию фрейма в художественном нарративе. Исследованию подверглись так называемые онтологические фреймы, представляющие в тексте стереотипные жизненные ситуации и события посредством соответствующих этим фреймам синтаксических структур. При анализе лингвистического материала были выявлены следующие лингвопрагматические средства, инициирующие актуализацию фрейма в художественном нарративе: имя фрейма, макропропозиции фрейма, ядерные пропозиции фрейма, один из слотов актуализируемого фрейма, междуфреймовый переход, дискурсивные пресуппозиции. Отмечено, что инициация фрейма может сопровождаться операциями текстовой импликации, когда содержание фрейма достраивается в результате операций логического вывода. Прагматические пресуппозиции как строевые элементы актуализируемых фреймов также выступают в качестве средств их актуализации, то есть в данном случае прагматические пресуппозиции могут рассматриваться как ядерные пропозиции разных уровней фрейма. За редким исключением, фрейм в художественном нарративе инициируется комплексом лингвопрагматических средств. При этом топонимические фреймы актуализируются посредством имени фрейма и его ядерных пропозиций, но не посредством макропропозиций типа N есть город. В статье отмечается, что набор средств инициации фрейма весьма разнообразен, при этом анализ материала показал, что чаще употребляются такие средства, как имя фрейма или его слота, макропропозиции, ядерные пропозиции, и наиболее сложным представляется вопрос о выборе автором текста тех или иных языковых средств для инициации фрейма.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, нарратив, фрейм, актуализация фрейма, макропропозиция, ядерная пропозиция, дискурсивные пресуппозиции.

S. V. Gusarenko, M. K. Gusarenko

ACTUALIZATION OF THE FRAME IN LITERARY NARRATIVE (ON THE MATERIAL OF MODERN RUSSIAN PROSE)

The relevance of the study lies in the fact that with all the diversity of studies on linguistic frames, the question of the pragmatics of language expressions representing a particular frame in the text (in our case, in the Russian narrative) is actual, in particular, what are those linguo-pragmatic means by which the frame is initiated in the narrative. The purpose of this article is to identify, describe and classify linguistic expressions, opening the actualization of the frame in the artistic narrative. The so-called ontological frames, representing stereotypical life situations and events in the text, were subjected to syntax structures corresponding to these frames. When analyzing the linguistic material, the following linguistic and pragmatic means initiating the actualization of the frame in the artistic narrative were identified: the name of the frame, the macroposition of the frame, the nuclear propositions of the frame, one of the slots of the updated frame, the interframe transition, the discursive presupposition. It is noted that frame initiation may be accompanied by textual implication operations, when the frame content is completed as a result of logical inference operations. Pragmatic presuppositions as front elements of actualized frames also act as means of their actualization, that is, in this case, pragmatic presuppositions can be considered as nuclear propositions of different frame levels. With rare exceptions, the frame in literary narrative is initiated by a set of linguistic and pragmatic means. At the same time, toponymic frames are actualized by means of the name of the frame and its nuclear propositions, but not by means of macropositions such as N is a city. The article notes that the set of means for initiating a frame is very diverse, while the analysis of the material showed that such means as the name of the frame or its slot, macropositions, nuclear propositions are more commonly used, and the most difficult question is whether the author chooses the text to initiate the frame.

Key words: linguistic pragmatics, narrative, frame, frame actualization, macroposition, nuclear proposition, discursive presuppositions.

Цель данной статьи – выявление, описание и классификация языковых выражений, открывающих актуализацию фрейма в художественном нарративе. Исследованию подверглись так называемые онтологические фреймы, представляющие в тексте стереотипные жизненные ситуации и события посредством соответствующих этим фреймам синтаксических структур. В нашей работе под фреймом мы понимаем когнитивную структуру, сформировавшуюся в результате концептуализации опыта автора/интерпретатора, при этом фрейму конвенционально соответствует определенный набор языковых структур как в когнитивном, так и в текстовом их представлении [3; 7]. Предполагается, что при прочтении текста представляющие фрейм синтаксические структуры, последовательно подвергаясь оперативной обработке, актуализируют в сознании читателя-интерпретатора соответствующий фрейм [5], что вносит свой вклад в процедуру понимания и интепретации текста [8, с. 65]. Отсюда следует, что автор текста в процессе его создания неизбежно должен учитывать упомянутые выше процедуры и когнитивные процессы, чтобы текст адекватно и без каких-либо специфических операций понимался читателем (за исключением тех случаев, когда такое затруднение понимания текста входит в намерение автора – фигуры умолчания и др.). Эта задача – создание адекватно понимаемого текста – имеет сугубо прагматический характер: ее решение призвано максимально снизить уровень неопределенности относительно «правого контекста», то есть речь идет о снижении информационной энтропии по Уиверу-Шеннону [9], к чему естественным образом стремится всякий читатель, пытающиеся понимать текущий фрагмент текста, чтобы далее понимать последующие части текста.

Представляется, что, приступая к описанию (упоминанию, введению в нарратив) какой-либо ситуации, имеющей свой конвенциональный онтологический фрейм, автор решает специфическую лингво-прагматическую задачу, суть которой состоит в том, чтобы оптимальным образом подобрать языковые выражения, инициирующие актуализацию фрейма в конкретном контекстном фрагменте. То есть фрагмент текста (в том числе весьма протяженный), как правило, содержит последовательность высказываний, конвенционально соответствующих актуализируемому фрейму, мы же подвергли изучение первые высказывания из этой последовательности.

Таким образом, мы исходили из того, что задача автора художественного текста состоит в том, чтобы как можно более точно и компактно представить актуализируемый фрейм. Хотя отметим, что сам автор менее всего думает именно о фрейме, скорее о том, чтобы как можно точнее и по возможности кратко ввести читателя в ситуацию. Отсюда особые прагматические свойства инициирующих синтаксических структур. Задача автора – полная идентификация фрейма читателем.

Анализ фреймовой организации художественного нарратива позволил выделить сюжетообразующие, или сюжетные, фреймы, а также подчиненные им фреймы, включая субфреймы сюжетообразующих фреймов. Сюжетный фрейм репрезентирует в тексте стереотипную ситуацию, явление или событие, которые выступают строевым элементом сюжета, при этом присутствие этого элемента в сюжете строго обусловлено его ролью в адекватном понимании логики повествования и в конечном итоге – понимания событийной канвы всего произведения, включая причинно-следственные связи, его формирующие [3].

Сама по себе последовательность актаулизации и идентификации фрейма в нарративе с позиции читающего уже привлекала внимание исследователей. Так, В. Г. Дуркина предполагает такую последовательность в процедуре актуализации фрейма при прочтении текста: «Восприятие текста представляет собой опознание слотов как слотов конкурирующих фреймов, затем идентификацию фреймов и, наконец, воссоздание «пазла» всего линеарного (нелинейного) содержания текста» [4, с. 90]. Соглашаясь в целом с тезисами, выдвинутыми в данном фрагменте, добавим, что, как показал анализ, идентификация фрейма при понимании нарратива может начинаться не только с опознания слота, но также и другими способами, основывающимися на распознавании языковых выражений, которые инициируют актуализацию фрейма в нарративе.

В ходе анализа лингвистического материала были выявлены следующие лингвопрагматические средства, инициирующие актуализацию фрейма в художественном нарративе:

– имя фрейма,
– макропропозиции фрейма,
– ядерные пропозиции фрейма,
– его слот,
– междуфреймовый переход,
– дискурсивные пресуппозиции.

Инициация фрейма может сопровождаться операциями текстовой импликации, когда содержание фрейма достраивается в результате операций логического вывода. К примеру, выражение *N окунул младенца в купель и нарек его именем Иван* может выступать исходной посылкой для импликации *N есть священник*, которая выступает содержанием слота СВЯЩЕННИК фрейма КРЕСТИНЫ. Мы также принимаем как естественный тот факт, что прагматические пресуппозиции как строевые элементы актуализируемых фреймов также выступают в качестве средств их актуализации, то есть в данном случае прагматические пресуппозиции могут рассматриваться как ядерные пропозиции разных уровней фрейма.

Под именем фрейма мы понимаем имя или субстантивное сочетание, которое можно считать конвенциональным именованием того или иного фрейма; к примеру, для культурно адекватного собеседника достаточно употребления в соответствующем контексте слова «крестины», чтобы понять о какой процедуре, о какой последовательности ритуальных действий идет речь; в этом случае мы можем говорить об употреблении имени фрейма.

Под макропропозицией фрейма мы понимаем пропозицию высказывания [6], описывающего главное событие, действие или состояние, имя которого выступает в качестве субъекта в пропозиции фрейма в нарративе [2]. К примеру, для фрейма КРЕСТИНЫ макропропозицией может выступать пропозиция СОСТОЯЛИСЬ КРЕСТИНЫ.

Под ядерной пропозицией фрейма в нарративе мы будем понимать пропозицию высказывания, в которой в качестве первого и/или второго терма выступают главные участники действия или события [1]. Для фрейма КРЕСТИНЫ ядерной пропозиций может выступать пропозиция СВЯЩЕННИК КРЕСТИЛ МЛАДЕНЦА N.

Когда мы говорим о слоте как о средстве актуализации фрейма, мы имеем в виду языковое выражение, которое само по себе при инициации фрейма выступает как имя одного из его узлов любого уровня. К примеру, в высказывании *N встретил своего крестного*, выражение *своего крестного* может рассматриваться как слот соответствующего уровня фрейма КРЕСТИНЫ.

При междуфреймовом переходе (к фрейму того же уровня или к фрейму другого уровня) один из слотов фрейма может выступать субфреймом по отношению к нему, и вэтом случае употребление имени слота будет выступать актуализатором субфрейма. Так, фрейм КРЕСТИНЫ включает слот НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНЕМ, который выступает именем субфрейма – речевого акта, неизменно сопровождающего ритуал крещения.

О дискурсивных пресуппозициях как о средстве актуализации фрейма можно говорить в том случае, если в тексте языковое выражение актуализирует соответствующий фрейм, не будучи при этом его специфическим элементом. К примеру, выражение *Мать завернула младенца в простыню* не является специфическим для фрейма КРЕСТИНЫ, однако определяется как его структурный элемент в том случае, если в левом контексте сообщается, что начался обряд крещения.

Отметим также, что, за редким исключением, фрейм в художественном нарративе инициируется комплексом лингвопрагматических средств. При этом отметим, что топонимические фреймы актуализируются посредством имени фрейма и его ядерных пропозиций, но не посредством макропропозиций типа *N есть город.*

Проиллюстрируем полученные теоретические положения фрагментами из первой главы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

1. Актуализация фрейма посредством его имени и ядерных пропозиций

Первая глава Безенчук и «Нимфы» открывается фреймом ГОРОД, который инициируется первым же высказыванием:

(1) В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что, казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть.

Здесь номинация *город N* представляет собой имя фрейма ГОРОД и актуализирует его. В то же время это имя выступает в составе сирконстанта, определяющего целый ряд ядерных пропозиций:

В городе N есть много парикмахерских заведений

В городе N есть много бюро похоронных процессий

Жители города N рождаются

Жители города N бреются

Жители города N стригутся

Жители города N освежают голову вежеталем

Жители города N умирают

Таким образом, мы здесь наблюдаем актуализацию фрейма посредством включения имени фрейма и его ядерных пропозиций в единую синтаксическую структуру – сложное предложение. (Приведенные выше пропозиции мы считаем ядерными на том основании, что первым термом в них выступает имя элемента – слота, являющегося непременной составляющей фрейма ГОРОД.)

2. Актуализация фрейма посредством ядерной пропозиции и текстовой импликации – макропропозиции

Актуализация суперфрейма ДЕНЬ СОВЕТСКОГО СЛУЖАЩЕГО, определяющего композиционную структуру всей первой главы, инициируется следующим высказыванием:

(2) Вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами по роду своей службы он ведал с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака.

В этом высказывании имя суперфрейма ДЕНЬ СОВЕТСКОГО СЛУЖАЩЕГО не присутствует, но сам фрейм актуализируется посредством экспликации ядерной пропозиции – *Ипполит Матвеевич Воробьянинов по роду своей службы ведал вопросами любви и смерти с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака.*

Слот РАБОЧИЙ ДЕНЬ актуализируется посредством сирконстанта *с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака*. Макропропозиция *Ипполит Матвеевич Воробьянинов – служащий* представляет собой результат импликации, для которой исходными посылками служат сирконстанты *по роду своей службы* и *с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака*.

3. Актуализация фрейма посредством межфреймового перехода, ядерной пропозиции и дискурсивных пресуппозиций

Актуализируемый фрейм УТРО РАБОЧЕГО ДНЯ является субфреймом фрейма ДЕНЬ СОВЕТСКОГО СЛУЖАЩЕГО и в то же время первым сюжетообразующим фреймом главы. Данный фрейм инициируется следующим высказыванием:

(3) По утрам, выпив из морозного, с жилкой, стакана свою порцию горячего молока, поданного Клавдией Ивановной, он выходил из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу имени товарища Губернского.

Фрейм УТРО РАБОЧЕГО ДНЯ актуализируется посредством ядерных пропозиций, принадлежащих его разным узлам-слотам:

По утрам Воробьянинов выпивает свою порцию горячего молока – слот ЗАВТРАК.

По утрам Воробьянинов выходит из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу имени товарища Губернского – слот ВЫХОД НА РАБОТУ.

При этом соотнесение актуализируемого фрейма УТРО РАБОЧЕГО ДНЯ с его суперфреймом ДЕНЬ СОВЕТСКОГО СЛУЖАЩЕГО осуществляется посредством дискурсивных пресуппозиций *Ипполит Матвеевич Воробьянинов – служащий* и *Ипполит Матвеевич Воробьянинов по роду своей службы ведал вопросами любви и смерти с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака*, присутствующих в предыдущей части главы.

Особо отметим, что одним из важнейших элементов, определяющих межфреймовый переход, выступает совокупность грамматических характеристик высказываний, инициирующих субфрейм: в данном случае лексическая семантика сирконстанта *по утрам* определяет значение регулярности, повторяемости действия, описываемого глаголом несовершенного вида *выходил*, что в свою очередь позволяет соотнести высказывание (3) с фреймом ДЕНЬ СОВЕТСКОГО СЛУЖАЩЕГО как стереотипным представлением повторяющейся ситуации, а не рассматривать это высказывание как описание единичного случая в жизни персонажа.

4. Актуализация фрейма посредством ядерной пропозиции и прагматических пресуппозиций

К сюжетообразующему фреймому УТРО РАБОЧЕГО ДНЯ примыкает следующий сюжетообразующий фрейм РАЗГОВОР С ТЕЩЕЙ, который инициируется посредством представленных ниже высказываний:

(4) <...> Ипполит Матвеевич <...> учтиво улыбаясь, двинулся навстречу входившей в комнату теще – Клавдии Ивановне.

(5) – Эполе-эт, – прогремела она, – сегодня я видела дурной сон.

Представляется, что высказывание (4) актуализирует прагматические пресуппозиции, содержащие данные о том, что при встрече люди, как правило, разговаривают. То есть слот РАЗГОВОР может выступать в качестве одной из структурных составляющих фрейма ВСТРЕЧА. В приведенном выше фрагменте встреча происходит в между родственниками – зятем и тещей в комнате дома, где проживают оба, что повышает вероятность разговора между ними при встрече.

Высказывание (5) содержит обращение персонажа к собеседнику *Эполе-эт* и далее ядерную пропозицию *Клавдия Ивановна прогремела [сказала]*, которые уже непосредственным образом актуализируют фрейм РАЗГОВОР.

Таким же образом актуализируется представленный далее в тексте главы сюжетный фрейм РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ:

(6) В первой комнате Ипполита Матвеевича встретила соседка, агрономша Кузнецова.

(7) Она зашептала и замахала руками.

5. Актуализация фрейма посредством макропропозиции

Сюжетный фрейм КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ актуализируется высказыванием:

(8) Служебный день приходил к концу.

Высказывание (10) следует рассматривать как макропропозицию, поскольку оно описывает само сложное событие КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ, то есть располагается на вершине фрейма, в узле верхнего яруса.

Естественно, в актуализации фрейма КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ участвуют и дискурсивные пресуппозиции (в «левом» контексте содержатся сведения, что рабочий день начался, следовательно, в тексте содержатся данные, что когда-то он закончится), но мы описываем минимально достаточные средства актуализации фрейма.

6. Актуализация фрейма посредством включения в текст содержания слота

Подчиненный фрейм РАЗГОВОР С БЕЗЕНЧУКОМ актуализируется в приведенном ниже фрагменте:

(9) У входа в свое потасканное заведение стоял, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки, гробовых дел мастер Безенчук.

(10) – Как здоровье тещеньки, разрешите узнать?

Здесь высказывание (10) представляет собой содержание слота РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ фрейма РАЗГОВОР.

7. Актуализация фрейма посредством дискурсивных пресуппозиций и импликации

Подчиненный фрейм РАЗГОВОР С ПОСЕТИТЕЛЯМИ УЧРЕЖДЕНИЯ инициируется высказываниями:

(8) За всеми манипуляциями советского служащего (Ипполита Матвеевича) следили двое молодых людей – мужчина и девица.

(9) Хотя дела своего мужчина в пиджаке еще и не начинал, но уйти ему уже хотелось.

При этом в предыдущем контексте содержатся высказывания, актуализировавшие фрейм УЧРЕЖДЕНИЕ и выступающие в качестве дискурсивных пресуппозиций, позволяющие идентифицировать именные группы *двое молодых людей – мужчина и девица* как содержание слота ПОСЕТИТЕЛИ УЧРЕЖДЕНИЯ. Эта идентификация подтверждается импликацией *У мужчины есть дело*, выводимой из высказывания (9).

Как видим, набор средств инициации фрейма весьма разнообразен, тем не менее в общих чертах, по-видимому, можно говорить, что выше представлены наиболее распространенные из них. Анализ материала показал, что чаще употребляются такие средства, как имя фрейма или его слота, макропропозиции, ядерные пропозиции. При этом наиболее сложным представляется вопрос о выборе автором текста тех или иных языковых средств для инициации фрейма, и перспективными представляются исследования, в которых будет предпринята попытка объяснения их применения с позиций лингвистической прагматики.

Литература

1. Голованова Н. И. Рекурсивная схема актуализации фрейма «вооруженное столкновение» в тексте новостной статьи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. No. 6 (36): в 2-х ч. Ч.I. С. 44-48.
2. Голованова Н. И., Гусаренко С. В. Референциально-прагматические аспекты актуализации фрейма «вооруженное столкновение» в тексте новостной статьи // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013 г.: Часть 7; М-во обр. и науки РФ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. С. 46-51.
3. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Фреймовые структуры в когнитивно-семантической организации нарратива // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4. С. 33-40.
4. Дуркина Г. С. Фреймовая организация художественного текста (на материале русской классической и современной литературы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. №9 (84). С. 90-93.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
6. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М.: Едиториал, 2004. 288 с.
7. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XII. С. 74-122.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. 1988. Вып. XXIII. С. 52-92.
9. Weaver Warren, Introduction to: Shannon Claude, The Mathematical Theory of Communication, University of Illinois Press, Urbana, 1963.

References

1. Golovanova N. I. Rekursivnaya skhema aktualizacii frejma «vooruzhennoe stolknovenie» v tekste novostnoj stat'i *(Recursive Scheme of Actualization of the Frame "Armed Clash" in the Text of a News Article)* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. No.6(36). Part I. P. 44-48. (In Russian).
2. Golovanova N. I., Gusarenko S. V. Referencial'no-pragmaticheskie aspekty aktualizacii frejma «vooruzhennoe stolknovenie» v tekste novostnoj stat'i *(Referential-pragmatic Aspects of Actualization of the "Armed Clash" Frame in the Text of a News Article)* // Nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 30 sentyabrya 2013 g.: CHast' 7; M-vo obr. i nauki RF. Tambov: Biznes-Nauka-Obshchestvo, 2013. P. 46-51. (In Russian).
3. Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Frejmovye struktury v kognitivno-semanticheskoj organizacii narrativa *(Frame Structures in the Cognitive-semantic Organization of the Narrative)* // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2016. No.4. P. 33-40. (In Russian).
4. Durkina G. S. Frejmovaya organizaciya hudozhestvennogo teksta (na materiale russkoj klassicheskoj i sovremennoj literatury) *(Frame Organization of a Literary Text (on the Material of Russian Classical and Modern Literature)* // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. No.9 (84). P. 90-93. (In Russian).
5. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znanij. *(A Framework for Representing Knowledge).* Moscow: EHnergiya, 1979. 151 p. (In Russian).
6. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij). *(The Statement and its Correlation with Reality (Referential Aspects of the Semantics of Pronouns).* Moscow: Editorial, 2004. 288 p. (In Russian).
7. Fillmor Ch. Osnovnye problemy leksicheskoj semantiki *(Topics in Lexical Semantics)* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. 1983. Issue. XII. P. 74-122. (In Russian).
8. Fillmor Ch. Frejmy i semantika ponimaniya *(Frames and the Semantics of Understanding)* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Kognitivnye aspekty yazyka. 1988. Issue XXIII. P. 52-92. (In Russian).
9. Weaver Warren, Introduction to: Shannon Claude, The Mathematical Theory of Communication, University of Illinois Press, Urbana, 1963.

УДК 801.56

Н. Н. Дюмон

ТЕКСТОВАЯ КОГЕЗИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД СВЯЗИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ КОНТИНУУМ (ЛОГИЧЕСКУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ), В НОВЕЛЛАХ П. МЕРИМЕ

Статья посвящена текстовой когезии в новеллах П. Мериме, которая является набором значимых отношений, являющийся общим для всех текстов и служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет того, что сообщает текст; она выявляет, как текст организован в семантическое целое. Единство пространства текста обеспечивается взаимодействием грамматических и лексических средств, которые также служат и для членения его на сверхфразовые единства. Эта качественно новая единица является сочетанием нескольких взаимосвязанных тематически, по смыслу и синтаксически предложений, служащих для более полного, по сравнению с отдельным предложением, развития мысли. С понятием пространства непосредственно связана категория континуума. Сам термин «континуум» означает непрерывное образование чего-то, нерасчлененный поток движения во времени и пространстве. Это определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание событий протекает не одинаково в разных типах текстов. Континуум художественного текста, как правило, основан на нарушении реальной последовательности событий. Актуальность настоящей статьи определяется тем, что выбранный литературный материал в настоящее время изучен всё ещё фрагментарно, в основном в рамках литературоведческой проблематики.

Ключевые слова: когезия, континуум, традиционно-грамматические средства, логические средства, ассоциативная когезия, композиционно-структурные формы, стилистические формы, образная когезия.

N. N. Dyumon

TEXT COHESION AS A SPECIAL KIND OF CONNECTION THAT PROVIDES A CONTINUUM (LOGICAL SEQUENCE) IN SHORT STORIES BY P. MERIMEE

The article is devoted to the study of textual cohesion in short stories by P. Merimee, which is a set of significant relations and is common to all the texts; textual cohesion serves as a means of detecting the interdependence of the content of individual parts. Cohesion does not demonstrate what the text says; it reveals how the text is organized into a semantic whole. The unity of the text space is provided by the interaction of grammatical and lexical means, which also serve for its division into hyperphase unity. This qualitatively new unit is a combination of several sentences, interrelated thematically, semantically and syntactically, which serve for a more complete, in comparison with a single sentence, development of thought. The continuum category is directly related to the notion of space. The very term “continuum” means a continuous formation of something, undivided flow of movement in time and space. This is a certain sequence of facts or events, unfolding in time and space; the unfolding of events is not the same in different types of texts. The continuum of a literary text, as a rule, is based on a violation of the actual sequence of events. The relevance of this article is based on the fact that the present literary material has not been studied completely, it has been analyzed mainly in different works devoted to the study of literature. The main linguistic traits of this kind of narrative text are not systematized.

Cohesion means in small prose texts can be classified according to different criteria: traditional-grammatical, logical, associative, figurative, composition-structural, stylistic and rhythmic-forming. Particular attention is paid to the traditional-grammatical features (conjunction and conjunction collocations, for example: en raison de cela, c ‘est pourquoi, cependant, puisque, ainsi que), all deictic means, participial clauses, since they also serve as a means of communication between larger segments – hyperphase unity and paragraphs, and in this regard they achieve status of cohesion. In this article, logical means are also analyzed because they can be considered as an intersection of grammatical and textual forms of communication: composition-structural forms are analyzed, the attention is paid, first of all, to the violation of the sequence and logical organization of a message (all kinds by digressions, insertions, temporal or spatial descriptions of phenomena, events and actions that are not directly related to the plot of the story); stylistic forms are analyzed because they reveal the organization of the text, in which the stylistic features are consistently repeated in the hyperphase unity and paragraphs.

The study of the texts by P. Merimee, based on the classification of text cohesion means, showed that in these short stories, imaginative cohesion is the most frequent, and the characters represent the abstract image of typical representatives of the French bourgeoisie. In addition, P. Merimee widely uses the means of associative cohesion, he often uses proper nouns and mythological heroes’ sayings, legends, famous books, all these means make his works more creative.

Key words: cohesion, continuum, traditional-grammatical means, logical means, associative cohesion, composition-structural forms, stylistic forms, figurative cohesion.

Когезия – это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов и служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет того, что сообщает текст; она выявляет, как текст организован в семантическое целое.

Частям, на которые дробится текст, свойственно объединяться, сохраняя единство, цельность произведения. Также наблюдается последовательность излагаемых событий, фактов, действий. «Однако, между описываемыми событиями должна быть какая-то связь, хотя это не всегда выражается выработанной системой языковых средств – союзами, союзными речениями, причастными оборотами [Гальперин И. Р. 2004, с. 73]».

Иногда отдельные части текста, находящиеся друг от друга на значительном расстоянии, оказываются в той или иной степени связанными. Причем средства связи не всегда совпадают с традиционными. Но даже тогда, когда для связи отдельных отрезков высказывания используются уже известные средства, они приобретают некоторые особенности, порожденные масштабностью объекта. Для обозначения таких форм используется недавно вошедший в употребление термин когезия. Это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.

В литературно-художественных текстах средства когезии очень богаты и разнообразны. Для того чтобы с достаточной полнотой выявить разнообразие и разнохарактерность средств когезии в литературных текстах, необходимо, прежде всего, разбить текст на его составляющие.

Для художественных текстов достаточно характерна дистантная когезия. Так, в новелле «Tamango» на протяжении всего произведения мы наблюдаем описание моря.

Les deux embarcations... quittèrent le vaisseau par *une mer clapoteuse*, qui menaçait à chaque instant de les engloutir.

... Une nuit, *la mer était agitée*, le vent soufflait avec violence... [Tamango].

Также часто повторяется слово «Гсаи-de-vie»:

... on s'assit à l'ombre en face *des bouteilles d'eau-de-vie*.

... on but prodigieusement *d'eau-de-vie*; mais *l'eau-de-vie* produisait un effet bien différent...

... Tamango, qui ne savait que faire de ce rebut, offrit au capitaine de les lui vendre pour *une boteille d'eau-de-vie* la pièce.

Alors Tamango ne demanda plus qu'*un verre d'eau-de-vie* pour chacun des dix restants [Tamango].

Тем самым подчеркивается значимость этого напитка для французского моряка. Он даже готов расплачиваться им за рабов.

Когезия как категория, характерная для текста (а не для предложения), нередко влечет за собой изменение смысловых соотношений двух сцепляемых отрезков. Иллюстрацией может служить связь, осуществляемая повтором внутри СФЕ и связь между СФЕ:

Новеллу «Le vase étrusque» пронизывает понятие «un ami». При этом относительно разных персонажей оно имеет разные значения. Так, сначала Сен-Клер не верит в существование настоящих друзей. Он удивляется:

– ... *Est-ce possible ? Deux hommes ont-il existé qui n 'eussent pas de secret l'un pour l'autre ?*

Затем он начинает верить в это, потому что находит такого друга – это его возлюбленная:

J'ai tout à la fois un *ami* et une maîtresse...

Но, когда он называет другом одного из представителей светского общества, это понятие приобретает абсолютно другой смысл, имеющий негативное значение:

– Messieurs, dit-il, je n'ai point un coeur si vaste que notre *ami* Jules, mais il est plus constant [Le vase étrusque].

Когезия, осуществляемая контактным (смежным) повтором-подхватом, значительно более выражена, как это видно из следующих примеров:

11 est vrai qu'/*V est difficile* de trouver un ami !

– *Difficile* ! Est-ce possible ? Deux hommes ont-il existé qui n'eussent pas de secret l'un pour l'autre? – Saint Claire ne croyait guère à l'amitié, et l'on s'en apercevait. [Le vase étrusque].

Cicéron dit quelque part, ... qu'il y a eu *plusieurs Jupiters*, – *un Jupiter* en Crète, – *un autre* à Olympie, – un autre ailleurs; si bien qu'il n'y a pas une ville de Grèce un peu célèbre qui n'ait eu *son Jupiter* à elle. De tous *ces Jupiters* on en a fait un seul à qui l'on a attribué toutes les aventures de chacun de ses homonymes [Les âmes du purgatoire].

Средства когезии в тексте можно классифицировать по разным признакам.Крометрадиционно-грамматических, несущих текстообразующую функцию, их можно разделить на логические, ассоциативные, образные, композиционно-структурные, стилистические и ритмико-образующие.

К **традиционно-грамматическим** признакам относятся союзы и союзные речения типа *en raison de cela, c'est pourquoi, cependant, puisque, ainsi que*, все дейктические средства (местоимения, союзы и пр.), причастные обороты. Эти средства названы традиционно-грамматическими средствами когезии, поскольку они уже описаны как средства связи между отдельными предложениями. Но они же служат и средствами связи между более крупными отрезками – СФЕ, абзацами и в этом плане приобретают статус когезии. В новеллах Мериме традиционно-грамматические средства встречаются достаточно часто.

Il parcourut ainsi touts les villes de la terre, jouant partout, gagnant toujours et consommant en chaque lieu ce que le pays produisait le plus excellent.

Cependant le souvenir de ses douze victimes se présentait sans cesse à son esprit et empoisonnait toute ses joies [Federigo].

Et elle l'embrassait toujours, tantôt pleurant, tantôt riant, tantôt jurant comme un matelot ; car elle n'était pas de ses femmes qu'un gros mot effraie.

Cependant je m'étais emparé des pistolets et du poignard de Roger... [La partie de trictrac].

Ainsi muni d'armes spirituelles et temporelles, le descendant des Maranâs monta à cheval et quitta la demeure de ses pères [Les âmes du purgatoire].

C'est ainsi que don Juan perdait, l'une après l'autre, toutes les heureuses qualités que la nature et son éducation lui avaient données [Les âmes du purgatoire].

Такие наречия как *quelques jours (les semaines) après, quand, bientôt* и пр., являясь временными параметрами сообщения, сцепляют отдельные события, придавая им достоверность.

Mateo Falcone, quand j'étais en Corse en 18..., avait sa maison à une demi- lieue de ce mâquis... Lorsque je le vis, *deux année après* l'événement que je vais raconter, il me parut âgé de cinquante ans tout au plus [Mateo Falcone].

Aussitôt il fit un grand trou dans un tas de foin placé *auprès de la maison* [Mateo Falcone].

Quelques minutes après, six hommes en uniforme brun à collets jaunes, et commandés par un adjudant, étaient devant la porte de Mateo [Mateo Falcone].

Le lendement et les jours suivants, Federigo sut gagner et perdre si à propos, qu'il acquit en peu de temps une fortune considérable, sans que personne en soupçonnant la véritable cause [Federigo].

Une heure après, on les eût vus sauter et rire sur le pont, se livrant à toutes les extravagances de l'ivresse la plus brutale [Tamango].

Un instant après, Tamango vit la la flamme d'un canon, et entendit le bruit de l'explosion; puis il vit la flamme d'un autre canon, mais il n'entendit aucun bruit ; puis il ne vit plus rien [Tamango].

Le jour suivant, les saints voyageurs étant réunis dans la salle basse avec le maître du logis, Jésus-Christ dit à Federigo... [Federigo],

La Mort vit bien *qu 'elle était retenue sur l'escabeau, comme autrefois sur l'oranger,* par une puissance surnaturelle; mais, dans sa fureur, elle ne voulait rien accorder [Federigo],

В следующем отрывке таким образом обозначается следование событий одно за другим:

Dès qu 'elle fut partie, Federigo se leva dans un état de santé parfaite, et commença une nouvelle vie avec la force d'un jeune homme et l'expérience de vieillard [Federigo].

Bientôt il se trouva dans une partie de la rivière beaucoup plus resserrée, en sorte qu'il pouvait facilement voir et même se faire entendre sur les deux bords [Les âmes du purgatoire].

Такую же функцию выполняют слова: *non loin, au contraire, derrière, sous, au-dessus de, a côté, au loin, de près, devant* и т. д., являющиеся пространственными параметрами сообщения.

Il arma celui qu'il avait à la main, et il s'avança lentement vers sa maison, longeant les arbres qui bordaient le chemin, et prêt, la moindre démonstration hostile, à se jeter derrière le plus gros tronc, d'où il aurait pu faire feu à couvert. Sa femme marchait sur ses talons, tenant son fusil de rechange et sa giberne...

D'un autre côté, l'adjudant était fort en peine en voyant Mateo s'avancer ainsi, à pas comptés, le fusil en avant, et le doigt sur la détente [Mateo Falcone].

Сочетанием *d'un autre côté* осуществляется логическая когезия двух СФЕ.

Il tourna d'abord la tête *à droite*, et vit un vieillard d'une figure grave et austère, pieds nus, n'ayant pour vêtement qu'un sayon épineux... *A gauche*, où il regarda ensuite, il vit une femme... [Les âmes du purgatoire].

Перечисленные средства когезии считаются **логическими** потому, что укладываются в логико-философские понятия – понятия последовательности, временных, пространственных, причинно-следственных отношений. Эти средства легко декодируются и поэтому не задерживают внимания читателя, разве только в тех случаях, когда вольно или невольно выявляется несоответствие сцепленных представителей и самих средств когезии. Именно в логических средствах когезии наблюдается пересечение грамматических и текстовых форм связи. Грамматические средства переакцентируются и таким образом становятся текстовыми, т.е. приобретают статус когезии.

В основе **ассоциативной когезии** лежат другие особенности структуры текста, а именно ретроспекция, коннотация, субъективно-оценочная модальность. Ассоциативная когезия не всегда улавливается. Однако она подчас определяет связи между описываемыми явлениями, очень важные для декодирования СКИ.

Главный герой новеллы «La partie de trictrac» – молодой морской офицер, лейтенант Роже. Поддавшись однажды мгновенной слабости и ослеплению, он нарушил свои жизненные принципы и сплутовал в игре. Сознание того, что ради денег он изменил своему характеру и опустился до воровства, не дает ему покоя. Оно постепенно разрушает его душевное равновесие и в конце концов заставляет искать смерти. На протяжении повествования постоянно наблюдается его сожаление и желание умереть:

– Oui, j'ai triché, Gabrielle ! j'ai triché *comme un misérable que je suis.*

– ... Je suis *un fripon*. Je suis si *misérable*, qu'une fille de joie m'insulte, et je sens si bien ma *bassesse que je n 'ai pas la force de la battre.*

– Donc ! s'écria-t-il avec une ironie amère, je suis *un petit voleur* et non un grand. Moi qui avais tant d'ambition ! *N'être qu 'un friponneau* !

– Non, ma pauvre enfant, dit-il en la repoussant avec douceur, *il faut absolument que je me tue. Je souffre trop. Je ne puis résister à la douleur que je sens là.*

– Je suis *un lâche coquin*. Quand j'ai triché ce Hollandais, *je ne pensais qu 'à gagner vingt-cinq napoléons*; voilà tout... *J'étais un voleur... je suis un homme fini* [La partie de trictrac].

Все эти выражения, выбранные из разных строф, показывают, как ассоциативная когезия способствует реализации содержательно- концептуальной информации. Мысль героя на протяжении всего произведения возвращается к презрению самого себя и желанию уйти из жизни.

В новелле «Federigo» главный герой, большой любитель игры в карты, говорит о своей колоде карт как о часослове, т. е. в данном случае когезия осуществляется посредством метафоры.

– A quoi diable as-tu passé ton temps depuis trois ans qu'on ne te voit plus ? demandèrent à la fois tous les autres.

– En prières, mes chers frères, repartit Federigo d'un ton dévot; *et voici mes Heures*, ajouta-t-il en tirant de sa poche le paquet de cartes qu'il avait précieusement conservé [Federigo].

В приведенном ниже примере из новеллы «Le vase étrusque» два персонажа говорят о том, что никогда не смогли бы довериться главному герою Сен-Клеру и чувствовать себя при нем непринужденно. Таким образом, говоря о себе, они косвенно характеризуют его как человека замкнутого и странного, что также является формой ассоциативной когезии:

– ...jamais je ne pourrai avoir la moindre confiance dans ce diable de Saint-Clair.

– ...Pour moi, je ne pourrai jamais être à mon aise avec lui [Le vase étrusque].

К этой же категории ассоциативной когезии относится и следующий отрывок, где автор, описывая капитана Леду, косвенно характеризует и других моряков, употребив наречия *bien différent* и *au contraire:*

Bien différent de la plupart des marins qui ont langui longtemps comme lui dans les postes subalternes, il n'avait point cette horreur profonde des innovations... Le capitaine Ledoux, *au contraire*, avait été le premier à recommander à son armateur l'usage des caisses en fer... [Tamango].

Ассоциативная когезия осуществляется не только на основе коннотации. Такие вводящие речения как *juste comme, soudain dans son cerveau il y avait une idée, cela lui a rappelé*, являются вербальными сигналами ассоциативной когезии.

Ignorant l'usage de la boussole, et sous un ciel inconu, il ne pouvait qu'errer à l'aventure. *D'après ses idées*, il s'imaginait qu'en ramant tout droit devant lui, il trouverait à la fin quelque terre habitée par les noirs... [Tamango],

Enfin *l'idée me vint* de lui représenter qu'il n'avait pas à se reprocher d'avoir causé volontairement la ruine du Hollandais, et qu'après tout, il ne lui avait fait perdre, par sa... tricherie... que vingt-cinq napoléons [La partie de trictrac].

Ассоциации в художественном произведении не возникают спонтанно. Они – результат художественно-творческого процесса, в котором отдаленные, не связанные логическими скрепами представления приобретают вполне понятные связи между описываемыми явлениями.

Ассоциативные формы когезии могут также выходить за пределы данного текста, что особенно затрудняет понимание текста. Так, аллюзия – это не что иное, как форма ассоциативной когезии. В новелле «Tamango», когда работорговец Леду раздумывает, покупать ли рабов больше, чем предполагалось, автором упоминается трагедия французского поэта Казимира Делавиня «Сицилийская вечерня», в которой содержатся робкие элементы критики феодального произвола:

Ledoux se souvint qu'à la représentation *des Vêpres Siciliennes* à Nantes, il avait vu nombre de gens gros et gras entrer dans un parterre déjà plein, et parvenir cependant à s'y asseoir, en vertu de la compressibilité des corps humains [Tamango].

В новелле «Le vase étrusque» персонаж, узнав о легкомыслии одной из знакомых женщин, восклицает фразу из произведения В. Шекспира. Это слова Гамлета, сказанные им о своей матери, которая, «еще и башмаков не износив, в которых шла за гробом мужа», нашла утешение в объятиях его убийцы. Такое обращение ко всемирно известной трагедии делает восклицание персонажа максимально экспрессивным:

– Quoi ! s'écria Jules d'un air de surprise, madame de Coursy s'est donnée à Massigny ! *Frailty, thy name is woman* ! [Le vase étrusque].

Герой новеллы «La partie de trictrac» называет себя Жаном Бартом. Для полного понимания смысла такого сравнения необходимо знать, что это французский моряк, герой легенд. Сын простого рыбака, изначально он был пиратом, затем сумел достичь поста, командующего эскадрой:

... notre commandant était un ignorant, qui se croyait *un Jean Bart* parce qu'il jurait mieux qu'un capitaine d'armes, parce qu'il écorchait le français, et qu'il n'avait jamais étudié la théorie de sa profession, dont il entendait assez médiocrement la pratique [La partie de trictrac].

Под **образной когезией** понимаются такие формы связи, которые, перекликаясь с ассоциативными, возбуждают представления о чувственно воспринимаемых объектах действительности. Развитие характера персонажа в литературно-художественном тексте можно рассматривать как когезию образного плана, поскольку развертывание образа постоянно связывается с сопоставлением абстрактного типа, лежащего в основе создания данного образа.

Так, в новелле «Le vase étrusque» Альфонс де Темин являет собой образ светского общества. Это типичный представитель буржуазии, которая, как показывает Мериме, является порочной, лицемерной и не терпит ярких индивидуальностей:

– Il est boutonné jusqu'au menton, disait un jour le beau chef d'escadron Alphonse de Thémines; *jamais je ne pourrai avoir la moindre confiance dans ce diable de Saint-Clair.*

Это отзыв в адрес Сен-Клера. А так он говорит о другом «странном» человеке, которому отдала свое предпочтение самая, по мнению многих представителей света, привлекательная женщина:

– ... Vous avez tous connu Massigny, et vous savez quel homme c'était. *Des manières comme un groom anglais, de la conversation comme son cheval... Mais il était beau comme Adonis et mettait sa cravate comme Brummel. Au total c 'était l'être le plus ennuyeux que j'aie connu.*

Он рассказывает со злорадством Сен-Клеру о женщине, к которой последний испытывает нежные чувства:

– Vous n'avez pas vu la comtesse il y a trois ans. Vous étiez alors en Allemagne, Saint-Clair, *reprit Alphonse de Thémines avec un sang-froid désespérant.* Vous ne pouvez vous faire une idée de ce qu'elle était alors: – belle, fraîche comme une rose, vive surtout, et gaie comme un papillon. Eh bien !

savez- vous parmi ses nombreux adorateurs lequel a été honoré de ses bonté ? – Massigny ! [Le vase étrusque].

Так, этот лощеный и циничный денди, Альфонс де Темин, отравляет существование непосредственного и чувствительного, а потому нелюбимого светом Сен-Клера, заставляя его заподозрить в неверности возлюбленную, а затем, доведя его бешенства и ссоры, убивает на дуэли. Это и есть образ так называемого света, который стремится уничтожить тех, кто хоть сколько- нибудь отклоняется от привычных для него норм. При этом одним из главных его оружий является злостная сплетня, клевета, ранящий душу намек.

В новелле «Tamango» таким собирательным героем является работорговец капитан Леду. Он представляет собой образ типичного бездушного и лицемерного буржуа. Все, что он делает, подчинено только одному стремлению – всепоглощающей жажде наживы.

Quand la traite des nègres fut défendue, et que, pour s'y livrer, il fallut non seulement tromper la vigilance des douaniers français ce qui n'était pas très difficile, mais encore, et c'était le plus hasardeux, échapper aux croiseurs anglais, le capitaine Ledoux devint un homme précieux pour les trafiquants de bois d'ébène.

На далеком африканском побережье капитан Леду выступает представителем просвещенной европейской нации. Однако каким бесчеловечным целям служит «цивилизация» в руках циничных дельцов, подобных ему. Леду вводит много различных новинок:

Le capitaine Ledoux, au contraire, avait été le premier à recommander à son armateur l'usage des caisses en fer, destinées à contenir et conserver l'eau. A son bord, les menottes et les chaînes, dont les bâtiments négriers ont provision, étaient fabriquées d'après un système nouveau, et soigneusement vernies pour les préserver de la rouille.

Однако все это служит только одной цели – приумножить прибыль.

Mais ce qui lui fit le plus d'honneur parmi les marchands d'esclaves, ce fut la construction qu'il dirigea lui-même, d'un brick destiné à la traite, fin voilier, étroit, long comme un bâtiment de guerre, et cependant capable de contenir un très grand nombre de noirs.

... Ledoux imagina de placer dans cet intervalle d'autres nègres, couchés perpendiculairement aux premiers [Tamango].

К **композиционно-структурным формам** когезии относятся в первую очередь такие, которые нарушают последовательность и логическую организацию сообщения всякого рода отступлениями, вставками, временными или пространственными описаниями явлений, событий, действий, непосредственно не связанных с основной темой (сюжетом) повествования.

Cet adjudant était quelque peu parent de Falcone. *(On sait qu'en Corse on suit les degrés de parenté beaucoup plus loin qu 'ailleurs.)* [Mateo Falcone].

A la vue des soldats, la première pensée de Mateo fut qu'ils venaient pour lui arrêter. Mais pourquoi cette idée ? *Mateo avait-il donc quelques démêles avec la justice ? Non. Il jouissait d'une bonne réputation. C'était, comme on dit, un particulier bien famé; mais il était Corse en montagnard, et il y a peu de Corses montagnard qui, en scrutant bien leur mémoire, n y trouvent quelque peccadille, telle que coups de stylet et autres bagatelles* [Mateo Falcone].

Данный отрывок является небольшим отступлением от происходящих событий. Персонаж, приближаясь к своему дому, видит там солдат и решает, что его хотят арестовать. На миг автор прерывает повествование, описывая мысли Матео о том, что нет причин его арестовывать. Таким образом, Мериме говорит о его честности перед законом.

Стилистические формы когезии выявляются в такой организации текста, в которой стилистические особенности последовательно повторяются структурах СФЕ и абзацев. Идентичность структур всегда предполагает некоторую, а иногда и очень большую степень семантической близости. Такую форму стилистической когезии, выраженную анафорой, мы видим в новелле «La double méprise»:

Châteaufort siffla sans répondre.

– Elle est donc amoureuse de vous ?

Châteaufort sifflait toujours.

– Elle vous l'a dit?

– Mais ... cela se voit, ce me semble [La double méprise].

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с.

2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2004. 140 с.

3. Дымарский М. Я. Понятие сверхфразовой организации текста (на материал рассказа В. В. Набокова «Возвращение Чорба») // «TEXTUS»: Избранное. 1994–2000: Сборник статей научно-методологического семинара «TEXTUS». Вып. 11. Ч.1. / под ред. Штайн К. Э. Ставрополь: И СГУ, 2005. 588 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 709 с.

5. Оськина И. В. Логические отношения в сложноподчиненных предложениях // Семантические корреляции на лексическом и синтаксическом уровнях. Сборник статей. Саранск: МГУ, 1990. 127 с.

6. Стилистикатекста в коммуникативном аспекте: Межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Кожиной М. Н. Пермь: ПГУ, 1987. 168 с.

7. Mérimée P. Nouvelles. Moscou: Editions du Progrès, 1976. 616 p.

8. Discours de réception de Prosper Mérimée URL: http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-prosper-merimee (Date d'appel: 21.09.2018).

9. Prosper Mérimée URL: http://www.merimee.culture.fr/ (Date d'appel: 21.09.2018).
10. Prosper Mérimée URL: http://prospermerimee.org/ (Date d'appel: 21.09.2018).

References

1. Valgina N. S. Teoriya teksta *(Theory of Text)*. Moscow: Logos, 2003. 278 p. (In Russian).
2. Gal'perin I. R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya *(Text as Object of a Linguistic Study)*. Moscow: Nauka, 2004. 140 p. (In Russian).
3. Dymarskij M. Ya. Ponyatie sverkhfrazovoj organizatsii teksta (na material rasskaza V. V. Nabokova «Vozvrashhenie CHorba») *(The Concept of Super-phrasal Organization of the Text (on the material of Nabokov's story "The Return Ciorba")* // «TEKHTUS»: Izbrannoe. 1994–2000: Part 1. / ed by SHtajn K. EH. Stavropol': SSU publ., 2005. 588 p. (In Russian).
4. Lingvisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar' *(Linguistic Encyclopedic Dictionary)*. Moscow, 2002. 709 p. (In Russian).
5. Os'kina I. V. Logicheskie otnosheniya v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh *(Logical Relations in Complex Sentences)* // Semanticheskie korrelyatsii na leksicheskom i sintaksicheskom urovnyakh. Saransk: MSU publ., 1990. 127 p. (In Russian).
6. Stilistika teksta v kommunikativnom aspekte *(Stylistics of the Text in the Communicative Aspect)* / ed by Kozhina M. N. Perm': PSU publ., 1987. 168 p. (In Russian).
7. Mérimée P. Nouvelles. Moscou: Editions du Progrès, 1976. 616 p.
8. Discours de réception de Prosper Mérimée URL: http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-prosper-merimee (Date d'appel: 21.09.2018).
9. Prosper Mérimée URL: http://www.merimee.culture.fr/ (Date d'appel: 21.09.2018).
10. Prosper Mérimée URL: http://prospermerimee.org/ (Date d'appel: 21.09.2018).

УДК 811.112

Е. Э. Кусаева, Т. Ю. Тамерьян

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МАСКУЛИННОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА “PRIVATE DETECTIVE”

Основная цель в исследовании лингвокультурных типажей, проводимых в русле лингвокультурологии, лингвоперсонологии и дискурсивных изысканий, заключается в описании стереотипов коммуникативного поведения, типичных для соответствующей лингвокультуры. В статье на материале англоязычных детективных произведений с применением метода сплошной выборки, семантического анализа, приемов дискурсивного и контекстуального анализа исследуются особенности невербального коммуникативного поведения маскулинного лингвокультурного типажа “private detective”, репрезентированного Шерлоком Холмсом – художественным персонажем англоязычного детективного дискурса Конана Дойла. Особенности реализации профессиональных тактик и стратегий выявляются на базе фреймово-слотовой структуры выполняемого детективного расследования. Фрейм «расследование преступления» включает в себя сценарные слоты со специфическим лексическим наполнением, имеющие строгую последовательность. В результате исследования выявленные методы детективного расследования маскулинного лингвокультурного типажа *“private detective”* классифицированы в соответствии с типами перцепции, на которых они основаны: *визуальные, тактильные, сенсорные, ментальные.*

Ключевые слова: детективный дискурс, коммуникативное поведение, лингвокультурный типаж, фреймово-слотовая структура, тактики и стратегии.

E. E. Kusaeva, T. Yu. Tameryan

PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF A MASCULINE CULTURE TYPE “PRIVATE DETECTIVE”

The main goal of cultural types studies in conducted within linguoculturology, linguopersonology and discursive research, is to describe the stereotypes of communicative behavior typical of the corresponding linguistic culture. Using the method of continuous sampling, semantic analysis, and discourse and contextual analysis techniques we analyze features of non-verbal communicative behavior of the masculine culture type “private detective”, represented by Sherlock Holmes, the fiction character of the English detective discourse of Conan Doyle. Peculiarities of realization of professional tactics and strategies are revealed on the basis of the frame-slot structure of the detective investigation. The “crime investigation” frame includes scenario slots with specific lexical content that have a strict sequence. As a result the revealed methods of detective investigation of the masculine culture type *“private detective”* are classified according to the types of perception on which they are based: *visual, tactile, sensory, mental.*

Key words: detective discourse, communicative behavior, cultural type, frame-slot structure, tactics and strategies.

Исследование лингвокультурных типажей проходит в рамках теории языковой личности и синтезирует научные достижения в области психологии, культурологии, лингвистики и литературоведения. Создание лингвокультурных типажей происходит на основе образов реальных людей определенной исторической эпохи, фикциональных персонажей, а также ценностных ориентиров современного общества. В качестве основной цели анализа стереотипных типажей можно назвать делимитацию и описание лингвокультурно-маркированных специфических моделей и алгоритмов коммуникативного поведения. В качестве дефиниции понятия «лингвокультурный типаж» в нашем исследовании наиболее релевантным будет определение, данное В. И. Карасиком, понимающим его как некую типизируемую личность, которая принадлежит к той или иной этнической и социальной группе, характеризующаяся набором специфических признаков вербального и невербального планов коммуникативного поведения [2, с. 56: 5, 6]. Коммуникативное поведение лингвокультурного типажа представляет собой набор правил, норм и традиционно сложившихся стереотипов общения представителей народа, как отдельно взятого индивидуума, так и в рамках гендерных, социальных, возрастных и профессиональных групп [8, с. 280].

Проблематика исследования требует вычленения гендерных разновидностей лингвокультурного типажа *“private detective”* в опоре на его на модельные типы. художественные персонажи Викторианского детективного дискурса, – Шерлока Холмса и Мисс Марпл. Когнитивный подход к анализу концептуального пространства предполагает исследование как маскулинной, так и фе-

мининной стратегий профессионального коммуникативного поведения каждого из подвидов ЛКТ *“private detective”*, отличающегося специфическими признаками, правилами и нормами, реализумыми в когнитивных моделях.

Целевой направленностью данной работы является выявление и описание средств невербального коммуникативного поведения маскулинного ЛКТ *“private detective”* на основе образа частного детектива Шерлока Холмса – персонажа классического английского дискурса Конана Дойла. Детективный дискурс представляет собой разновидность личностно-ориентированного дискурса, которая предполагает художественную интеракцию автора и его читательской аудитории с целью развлечения [1; 11].

В настоящей статье впервые предпринимается описание маскулинного лингвокультурного типажа *“private detective”* в ракурсе стратегической реализации профессиональной деятельности и описания специфики сценарных структур расследования на материале английского художественного дискурса.

Особенности реализации профессиональных стратегий и тактик на невербальном уровне выявляются на базе фреймово-слотовой структуры детективного расследования. В статье мы придерживаемся понятия фрейма в когнитивной лингвистике как базовой структуры презентации знаний, а именно фрейм представляет собой иерархически организованную структуру данных, аккумулирующую ментальные представления о конкретной стереотипной ситуации или же целом сонме однотипных ситуаций [7]. Понятие слота вводится для «представления информации о стереотипных/типичных эпизодах. Слот имеет сюжетный характер, а лексема внутри него выступает в качестве «названия» для серии стереотипных действий» [9, с. 58].

Фреймово-слотовая структура детективного расследования представляется наиболее продуктивной при анализе невербального коммуникативного поведения гендерного ЛКТ *“private detective”*, а именно «совокупности норм и традиций общения, отражающих рекомендуемые правила общения, сложившиеся в обществе в силу исторических традиций, ритуалов, социальных ситуаций, включающих мимику, жесты, позы общающихся» [4].

В анализе невербальной составляющей коммуникативного поведения мы исходим из того, какой тип восприятия информации на этапе предварительного следствия преобладает у персонажа в процессе реализации фрейма детективного расследования.

С учетом классической композиции детективного произведения, предложенной Т. Кестхейи, когнитивная структура фрейма детективного расследования структурируется ситуационными слотами: **«поступление информации о преступлении»** – детектив узнает о происшествии из письма, либо непосредственно со слов клиента и планирует ход всего расследования; **«предварительный анализ имеющихся артефактов»** – письма, трости, одежды и т.д. Непосредственно фрейм «расследование преступления» состоит из нескольких слотов – **«сбор информации, слежка за предполагаемым преступником»**, который предполагает поиск улик и потенциальных виновных. Детектив принимает во внимание не только те мельчайшие улики, которые находит сам, но и то, что до него было обнаружено представителями официальной полиции. **«Опрос свидетелей, проверка алиби», «экспертиза и анализ полученных результатов»**, т.е. чтение имеющейся литературы по соответствующим тематикам, а также экспериментальное подтверждение, состоящее в подборке улик и проведении следственных экспериментов в попытке проверить корректность предварительной версии. Заключительные слоты **«изобличение виновного и объяснение хода следствия»** [3, с. 124].

Рассмотрим реализацию фрейма «детективное расследование» у анализируемого персонажа.

Как отражение эпохи в литературе возникла необходимость создания викторианского джентльмена, характерными признаками которого можно назвать недюжинные креативные возможности, любовь к экспериментам в жизни, импровизации, а также способность к принятию нетривиальных решений в различных нетипичных ситуациях, что демонстрирует не только незаурядные черты характера и гибкий ум, но и спортивную закалку. Один из таких джентльменов, отразившим эпоху, стал детектив – любитель Шерлок Холмс, который «сделал себя сам», что также является отличительным принципом викторианской Англии. В качестве подтверждения приведем следующие пример:

I have no idea what he intends to go in for. ***I believe he is well up in anatomy, and he is a first-class chemist****; but, as far as I know, he has never taken out any systematic medical classes. His studies are very desultory and eccentric, but he* ***has amassed a lot of out-of-the-way knowledge*** *which would astonish his professors* <…> [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/]

Из фрагмента выше узнаем, что анализируемый персонаж имел глубокие знания в области анатомии и химии, что является базой для его сыскной деятельности.

Предложенная ниже схема реализации фрейма «расследование преступления» представляет собой последовательность определенных слотов, каждый из которых заключает в себе набор специфических языковых вербализаций.

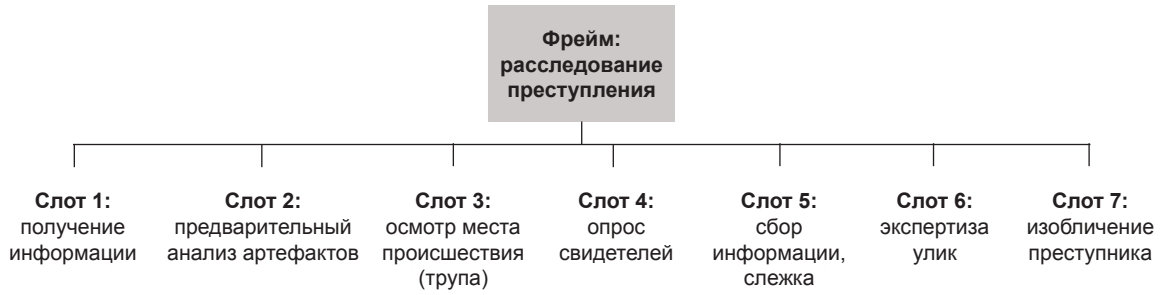

Схема реализации фрейма «расследование преступления»

Как правило, детективный рассказ начинается с получения первичной информации (устной или письменной) (слот 1):

For Mr. Sherlock Holmes,» he said, stepping into the room and ***handing my friend the letter*** [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

No; a client. It seems that ***a young lady has arrived in a considerable state of excitement****, … I presume that it is something very pressing which they have to communicate* [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

На этом этапе Шерлок Холмс стремится получить максимальный объем сведений не только о происшествии, но и о клиенте, об авторе письма и т.д. посредством анализа ряда артефактов (бумага, забытая трость) – слот 2:

But ***the note itself****. What do you deduce from it? – It* ***is not an English*** *paper at all…*[http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Слоты, составляющие зачин произведения, также как и все последующие содержат в себе специфические лексемы: *examined a stick, looked over with a convex lens, indications, deductions, working hypothesis, the obvious conclusion, observed, concentrate, etc*.

Слот 3 «осмотр места преступления и трупа (при наличии)» включает в себя информацию о проведении предварительного досмотра места происшествия на предмет обнаружения возможных улик. Для детектива обычной тактикой является ведение следствия в одиночку, иногда прибегая к помощи помощника.

… ***he lounged up and down the pavement***, and ***gazed vacantly at the ground, the sky, the opposite houses*** *and the line of railings*

… he ***proceeded slowly down the path****, or* ***rather down the fringe of grass which flanked the path, keeping his eyes riveted upon the ground****. Twice he stopped, and once I saw him* ***smile****, and heard him utter an exclamation of satisfaction* [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Прибыв на место преступления, Холмс осмотрел прилегающую территорию, затем переместился внутрь помещения, где находился труп.

… ***approached the body, and, kneeling down, examined it intently*** –

… he ***sniffed the dead man's lips***, and then ***glanced at the soles of his patent leather boots***…

… he whipped a tape measure and a large round magnifying glass from his pocket. With these two implements he ***trotted noiselessly*** about the room, sometimes ***stopping***, ***occasionally kneeling***, and once ***lying flat upon his face***… [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Набор лексем, входящих в слот 3 весьма ограничен в силу специфики детективного дискурса: *approached the body, examined it, kneeling down, sniffed the lips, feeling, pressing, unbuttoning, glanced at, trotted, stopping, gathered up, packed it*.

Опрос свидетелей – слот 4 – является важной частью всего хода расследования для анализируемой репрезентации ЛКТ. Основной целью опроса свидетелей является сбор дополнительной информации, а также установления алиби.

There is nothing ***like first hand evidence***.

Exactly, my dear Watson; he might have ***proved an alibi*** [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

В анализируемых рассказах были выявлены типичные для настоящего слота языковые репрезентации: *more evidence against, examination of the witness, testimony, make inquiries, to give evidence in smb's favour, the alibi was complete, to prove an alibi, his alibi fell to the ground.*

Слот 5 «сбор информации о предполагаемом преступнике, улик» в том числе и посредством слежки, как правило, реализуется непосредственно самим детективом. Однако нередко он прибегал к услугам «отряда уголовной полиции с Бейкер Стрит», состоящего из уличных мальчишек. Их задача заключалась в поиске, сборе информации, слежке:

«It's ***the Baker Street*** *division of the detective police force,» said my companion, gravely; and as he spoke there rushed into the room* ***half a dozen of the dirtiest and most ragged street Arabs*** *that ever I clapped eyes on* [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Часто для получения дополнительной информации Холмс обращался к картотеке, собранной им самим за годы детективной деятельности:

*Kindly, look her up in **my index**.*

В профессиональной деятельности Шерлок Холмс использовал прием маскировки. Анализируемый материал описывает несколько образов, в которые детектив мастерски перевоплощался: пастор (*clergyman*), наркоман (*opium addict*), коллекционер книг (*bibliophile*), французский рабочий (*French laborer*), итальянский священник (*Italian priest*), подвыпивший конюх (*drunk groom*), женщины, старый и больной моряк (*an old and sick seaman*), иностранцы (*американский шпион, норвежский исследователь*).

Перевоплощение Шерлока Холмса не ограничивалось использованием грима, одежды, аксессуаров. Он, как истинный актер, вживался в образ, меняя выражение лица, тембр голоса, акцент, движение тела и т.д. Таким образом, обычный сценарий, посвященный слежке, Холмс превращал в драматизацию:

*… I prepare for **the new role I have to play**.*

Помимо маскировки, детектив был замечен в симуляции болезней и боли. Более того, полученные в данной области знания навели его на мысль написать очередную монографию по соответствующей теме.

Настоящий слот также имеет специфическое лексическое наполнение: *following out clues, to find out some clues, to hit upon some obvious facts, to look for, to watch the habits, to receive information, to point to footprints.*

Результаты работы, направленной на сбор информации и улик, впоследствии подвергаются тщательной экспертизе, которая составляет в нашем исследовании слот 6 – «экспертиза улик, документов, артефактов». Здесь следует отметить, что у Холмса настоящий этап расследования основывался на имеющихся к тому времени научных достижениях в области криминалистики, а также на его собственных знаниях, приобретенных в процессе самообразования. На основе полученных результатов Холмс делает предварительные умозаключения.

*Well, really, it can hardly be described as otherwise,» said Sherlock Holmes, smiling at my surprise. «The proof of its intrinsic simplicity is, that **without any help save a few very ordinary deductions I was able to lay my hand upon the criminal within three days*** [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Как химик-эксперт Шерлок Холмс проводил экспертизу самостоятельно в собственной лаборатории, которая располагалась в его доме. Очень важен тот факт, что Холмс был первым детективом, использовавшим химические знания для раскрытия преступлений [5]:

He dipped into this bottle or that, drawing out a few drops of each with his glass pipette, and ***finally brought a test-tube containing a solution over to the table***. In his right hand he held a slip of litmus-paper. [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Данному слоту характерны следующие лексемы: *working hypothesis, obvious conclusion, the most interesting problem, come to an entirely erroneous conclusion, to look for the solution, close supervision* и т.д.

Последний слот 7 содержит в себе сценарий изобличения преступника и подробного объяснения всего хода расследования. Как профессиональный частный детектив Шерлок Холмс никогда не принимал участия в задержании преступника. Этим занимался представитель государственной полиции по наводке детектива.

*Supposing I unravel the whole matter, you may be sure that Gregson, Lestrade, and Co. **will pocket all the credit**. That comes of **being an unofficial personage*** [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Как правило, Шерлок Холмс представлял детальное описание всех этапов своего детективного расследования по просьбе компаньона Ватсона, либо представителей полиции.

Now let me endeavour to show you ***the different steps in my reasoning*** [http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/].

Лексическое наполнение данного слота представлено следующим: *described the sequence of events, sketch of the course of events from memory, to reason forwards, to judge from the small and elegant impression, I hazarded the opinion, led me to the irresistible conclusion* и др.

Проведенный фреймово-слотовый анализ детективного расследования Шерлока Холмса на материале 350 текстовых фрагментов позволяет нам классифицировать методы предварительного расследования, основанные на различных типах перцепции: *визуальные, тактильные, сенсорные, ментальные*. В процентном соотношении эти перцептивные операции распределяются следующим образом: визуальные (*examine, looked over, observe, gaze*) – 31,1 %, тактильные (*feel, press, finger*) – 15,7 %, сенсорные (*sniff*) – 1,7 %, ментальные (*deduce, make of, concentrate*) – 51,5 %.

В результате исследования специфики невербального коммуникативного поведения маскулинного подвида лингвокультурного типажа *“private detective”*, репрезентированного персонажем детективных произведений Шерлоком Холмсом, было определено то, что в реализации фрейма «расследование преступления» у гендерного подвида преимущественно преобладает интеллектуальная обработка информации, полученная посредством других типов восприятия. Подтверждением нашему выводу является метод дедукции (*method of deduction*), изобретенный Шерлоком Холмсом, уникальность которого состоит в умении рассуждать ретроспективно, отрицании и отбрасывании всех лишних фактов.

Литература

1. Дудина И. А. Дискурсивное пространство детективного текста: на материале англоязычной художественной литературы 19–20 вв.: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 24 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
3. Кестхейи Т. Анатомия детектива: Следствие по делу о детективе / пер. с венг. Елены Тумаркиной; предисл. Г. А. Анджапаридзе. Будапешт: [б.и.], 1989. 260 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
5. Кусаева Е. Э., Тамерьян Т. Ю. Лингвокультурный типаж “private detective”: прототипические основания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. №2. С. 187-190.
6. Кусаева Е. Э., Тамерьян Т. Ю. Типизируемые художественные образы (на материале английского детективного дискурса) // Филология и культура. Philology and Culture. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2017. №1(47). С. 42-47.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
8. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativfunktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. С. 279-282.
9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УРГУ, 2001. 238 с.
10. Arthur Conan Doyle. The Adventures of Sherlock Holmes. URL: http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/ (Accessed: 21.09.2018).
11. Tameryan, T. et al. Prototypical layer of a concept: The english culture type «private detective»//Amazonia Investiga. 2018. Vol.7. No. 13. P. 322-330.

References

1. Dudina I. A. Diskursivnoe prostranstvo detektivnogo teksta: na materiale angloyazychnoi khudozhestvennoi literatury 19–20 vv. *(Discourse Space of a Detective Text on the Base of English Fiction of 19–20 Centuries):* abstract of thesis. Krasnodar, 2008. 24 p. (In Russian).
2. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost’, kontsepty, diskurs. *(Language Circle: Person, Concept, Discourse)*. Volgograd: Peremena, 2002. 331 p. (In Russian).
3. Kestkheii T. Anatomiya detektiva: Sledstvie po delu o detective. *(Anatomy of Detective: Prosecution on Detective)*. Budapesht, 1989. 260 p. (In Russian).
4. Kreidlin G. E. Neverbal’naya semiotika. *(Nonverbal Semiotics)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p. (In Russian).
5. Kusaeva E. E., Tamer’yan T. Yu. Lingvokul’turnyi tipazh “private detective”: prototipicheskie osnovaniya *(Typed Artistic Images (on the Material of the English Detective Discourse)* // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. No.2. P. 187-190. (In Russian).
6. Kusaeva E. E., Tamer’yan T. Yu. Tipiziruemye khudozhestvennye obrazy (na materiale angliiskogo detektivnogo diskursa). *(Typical Fictional Characters (on the Base of English detective Discourse)* // Filologiya i kul’tura. Philology and Culture. Kazanskii (Privolzhskii) federal’nyi universitet. 2017. No.1(47). P. 42-47. (In Russian).
7. Minskii M. Freimy dlya predstavleniya znanii: per. s angl. *(Time for Knowledge Representation)*. Moscow: Energiya, 1979. 152 p. (In Russian).
8. Sternin I. A. O ponyatii kommunikativnogo povedeniya. *(On the notion of Communicative Behavior)* // Kommunikativfunktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S. 279-282. (In Russian).
9. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000). *(Russia in the Metaphor Mirror: Cognitive Analysis of Political Metaphor)*. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russian).
10. Arthur Conan Doyle. The Adventures of Sherlock Holmes. URL: http://www.pagebypagebooks.com/Arthur_Conan_Doyle/The_Adventures_of_Sherlock_Holmes/ (Accessed: 21.09.2018). (In Russian).
11. Tameryan T. et al. Prototypical layer of a concept: The english culture type «private detective»//Amazonia Investiga. 2018. Vol.7. No. 13. P. 322-330. (In Russian).

УДК 811.111:81'367

И. В. Убушаева

ПУНКТУАЦИЯ В ПРЯМОЙ РЕЧИ И ЦИТАТАХ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ XX–XXI вв. (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И КАЛМЫЦКИХ НАУЧНЫХ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Статья посвящена узусу знаков препинания при оформлении прямой речи и цитат. Автор делает попытку проследить расстановку пунктуационных маркеров в английском, русском и калмыцком языках в научном, публицистическом стилях и в художественных текстах XX–XXI вв. В процессе работы устанавливаются общие и особенные характеристики в употреблении пунктуационных маркеров при оформлении прямой речи и цитат в трех языках и их стилях, поскольку английский, русский и калмыцкий языки считаются разносистемными языками.

Ключевые слова: пунктуация, прямая речь, тире, разносистемные языки, научный стиль, публицистический стиль, художественные тексты.

I. V. Ubushaeva

PUNCTUATION IN DIRECT SPEECH AND QUOTATIONS IN DIFFERENT-SYSTEM LANGUAGES OF THE XX–XXI CENTURIES (ON THE BASIS OF ENGLISH, RUSSIAN AND KALMYK SCIENTIFIC, PUBLICISTIC AND ARTISTIC TEXTS)

Punctuation systems of any language, as well as the language itself, are in constant development. In the twentieth-twenty first centuries new punctuation trends appear, some of them become dominant when placing punctuation marks with different syntactic structures, while the others gradually disappear from use. The process of the emergence of new punctuation trends is also found in the three languages and their styles under consideration.

Studies show that new meanings have appeared in the semantic function of punctuation marks. Our interest is the usage of punctuation marks with those new meanings in scientific, publicistic styles and artistic texts in English, Russian and Kalmyk languages. The article is devoted to the use of punctuation marks in direct speech and quotations. The author makes an attempt to trace the arrangement of punctuation markers in English, Russian and Kalmyk languages in scientific, publicistic styles and in artistic texts of the twentieth-twenty first centuries. In the process of work, general and special characteristics are established in the use of punctuation markers in direct speech and quotations in three languages and their styles, since English, Russian and Kalmyk are considered as different -system languages.

Key words: punctuation, direct address, dash, different-system languages, scientific style, publicistic style, artistic texts.

This article is devoted to punctuation of direct speech and quotations in English, Russian and Kalmyk scientific, publicistic and artistic texts. The purpose of the study is to identify the general and specific characteristics of the use of a dash with direct speech and quotations in three languages and their styles. Information about English punctuation from various foreign publications, both theoretical and practical, is inconsistent and in many ways contradictory. So, L. L. Baranova gives a rather deep comparative analysis of the recommendations on the use of punctuation marks of such well-known philologists as Sir E. Gowers and H. W. and F. G. Fowler [1, p. 32–34]. She writes: E. Gowers thinks that a dash is used after the colon in order to enter a long quotation or enumeration, while at the same time making a reservation that it is not necessary to use these two punctuation marks together, because both dashes and colons can perform the same function separately. According to H. and F. Fowler, any, even a brief quotation can be entered with a dash (after a colon or other punctuation mark), for example: *Hear Milton: – How charming is divine Philosophy! What says Bacon? – Revenge is a kind of wild Justice.*

H. and F. Fowlers also give a whole range of cases of using a dash, but they boil down to very private uses, such as the dash preceding the author's comment on the idea expressed in the sentence: *As they parted, she insisted on his giving the most solemn promises that would not expose himself to danger – which was quite unnecessary*. Or a dash in a monologue, when the subject or person to whom the speaker is talking changes: <…> *and lose the name of action. – Soft you now! The fair Ophelia!*

According to the rules of the nineteenth century it is necessary to put a colon before the quote and direct speech. However, J. Wilson wrote, "some authors after the colon put a dash, believing that by this

they more clearly separate a quote or a direct speech from the preceding words." J. Wilson did not advise doing this, except the case if a direct speech or quotation begins with a new line. If a direct speech or a quote was a short sentence, and it was closely related to the preceding words, J. Wilson recommended putting a comma instead of a colon, considering that in this case it is more convenient [5, p. 138].

If a quote or comment was presented by the words *as, namely, that is* – a semicolon in front of them and a comma after these words are, according to J. Wilson, more preferable than a colon.

In the English scientific texts of the 1st half of the twentieth century direct speech is not common. It was considered common practice after the author's words to put a colon before a direct speech.

This punctuation marker is dominant in direct speech and for the second half of the twentieth century. Less frequent in these time slices is the trend of interchangeability: replacing the colon with a comma.

It was natural to put a comma, if the words of the author and direct speech were short sentences; direct speech was taken in quotes. This practice takes place both in the texts of the first half, and in the second half of the twentieth century. Long sentences preferred to print from the new line. Quotes in this case are omitted.

A comma could replace the colon before the quote, which began with a new line.

In "Atlantis," in the very heart of his ecstasy, he says,

O, Choir, translating time

Into what multitudinous Verb the suns

And synergy of waters ever fuses, recast

In myriad syllables, – Psalm of Cathay! (American Literature. 1985.57/1-2:84)

A quotation index could be a dash, although such cases are found in English (American English) scientific texts much less often.

I cite representative parts of it –

Again, ascending yet higher, we maintain that He is neither soul nor intellect; nor has He imagination, opinion, reason or understanding; nor can He be expressed or conceived <…> (American Literature. 1985.57/3-4:6).

In the same scientific texts of the last 20 years of the twentieth century the process of crowding out the colon is manifested, before quotation a comma is often observed, as in the example: *The highly-charged image of the American Adam emerged from a conviction of unlikeness, articulated in most precise form by the use of negative terms: a new paradise may flourish in the burgeoning nation, wrote Philip Freneau in "The Rising Glory of America" (1772),*

by no second Adam lost,

No dangerous tree with deadly fruit shall grow,

No tempting serpent to allure the soul

From native innocence (American Literature. 1985.57/3-4:3).

As you can see, for punctuation of the syntactic structures (quotations) of the end of the second half of the twentieth century, there is a tendency to use several marks. For example, along with the tendencies of colon setting in scientific texts before quotations (which begin from a new line) it is possible to put three marks: a colon, a dash and a comma.

In "verses to the moon" taken by Emerson from her 1844 journal, Fuller writes,

But, if I steadfast gaze upon thy face,

A human secret like my own I trace,

For, through the woman's smile looks the male eye (American Literature. 1993.65/1:7).

However, at the end of the twentieth century, the tendency to use the colon remains dominant in punctuation of quotes.

In the book *"The King's English"* (1908), H. and F. Fowlers set forth the basic rules for using the dash in English, which are characteristic of the first half of the twentieth century. According to the authors' book, a dash indicates that a direct speech or quotation follows [4, p. 218]:

a) to replace the speaker in the absence of quotes and the author's words; in a monologue speech when changing the subject or person addressed to: (Here Milton: – How charming is divine philosophy!);

b) when making a dialogical speech.

Dialogue speech is not peculiar to the scientific style of any language, but, nevertheless, it is found in publications from various fields (in literature, for example). The usage of punctuation marks with a dialogue speech is also of some interest. The dash implementation finds a place when transmitting a dialogue to separate the speech of one speaker from another (if the direct speech follows on a line, and not from a new paragraph). Consider the following example: – *'But says is followed by a colon? And a colon between verb and object breaks your own rules.' – No; (:–) is something different from a stop; it is an extra quotation-mark, as much a conventional symbol as the full-stop in M. A. and other abbreviations* (H.&F. 1908:294).

As you can see, before the speech of each participant in the dialogue a dash was used. Attention should be paid to the implementation of quotes in dialogic speech. The speech of one participant in the conversation was made using quotes. In the speech of another participant in the conversation there were no quotes.

In the 50s of the twentieth century in the transmission of dialogical speech in artistic texts, the speech of each participant in the dialogue, according to N. A. Kobrina, L. V. Malakhovsky, is taken in quotes and is printed from a new paragraph [2, p. 82]. In examples in real modern works there is a similar punctuation.

"Where did he have it?

"I don't know. He shot the cop with it."

"You saw him shoot the cop?" (D. Ellis. Jury of one, 2005)

Let us consider in more detail the real usage of punctuation marks with direct speech and quotations in English texts.

Analysis of English sentences with direct speech and quotations showed that at the end of the twentieth century and at the beginning of the twenty first century:

1. After the author' words before the direct speech, if the sentences are short, can, except for the colon, be used a comma. Direct speech is taken in quotes and begins with a capital letter.

English artistic texts. *Allan put his arm around her and said quietly into her ear, `You're an angel.'* (M. Wickham. The Wedding Girl. 1999).

2. In the publicistic style (in newspapers) the dash is rarely used, as in the scientific style. In the newspapers, after the author's words, a colon is often placed. The tendency to put a comma after the author's words is not noted before direct speech.

English publicistic style. *IFS senior research economist Jonathan Cribb said: "The tax and benefit system is much more generous to those above the state pension age than those below it* (The Independent, 2017).

3. However, the comma after the author's words before direct speech can sometimes be omitted.

English artistic texts. *But then Allan rolled over too, and said `Sure thing.' And then he leaned over and casually kissed Rupert on the mouth.* (M. Wickham. The Wedding Girl, 1999).

4. If a direct speech breaks the author's words, then after the first part of the author's words a comma is used, followed by a direct speech in quotes and after a direct speech, before the second part of the author's words the second comma is used.

English artistic texts. *'Milly had smiled breathlessly back, and said, 'It's nothing,' and truly meant it.* (M. Wickham. The Wedding Girl, 1999).

5. If the author's words break the direct speech, then after the first part of the direct speech a comma is used, after the author's words a comma is also used before the second part of the direct speech. Such punctuation in English is typical for all styles of the first half of the twentieth century.

English artistic texts. *'The Adventures of Augustus,' Teddy read out loud, 'by Delphie Fox.' ('Delphie?' Hugh queried).* (J. Joyce The sisters, 1904–1914).

English publicistic style. *"Well, perhaps, that's true," said A. D.M., "but perhaps not."* (West Virginian, December 30, 1922: 6)

A number of sentences contain the following usage of punctuation marks with sentences in which the author's words break the direct speech.

English artistic texts. *'Then it is an immoral city,' said Little Chandler, with timid insistence – 'I mean, compared with London or Dublin?'* (J. Joyce. The sisters, 1904–1914).

As you can see, in the example above, a comma is put after a direct speech, followed by the author's words. Before the second part of the direct speech after the author's words a dash is used. Such punctuation was not included in practice, since there are not many such examples. However, this suggests that in the first half of the twentieth century there is a formation of punctuation formal speech, bursting the author's words.

At the beginning of the second half of the twentieth century in English artistic texts there is also a replacement of commas on a dash.

English artistic texts. *"I want to know how many copies of this" – he couldn't bring himself to name the Chronical – "were sold".* (A. J. Cronin. The northern light, 1958:64).

English artistic texts. *But "– Bard shrugged - "he seems a sound-enough citizen".* (A. J. Cronin. The northern light, 1958:76).

By the end of the twentieth century the frequency of using commas in this syntactic structure is higher than the use of dashes. This trend continues to function at the beginning of the twenty first century in English artistic texts.

However, the tendency to put a dash in direct speech in cases where the author's words break the direct speech is sometimes encountered.

The first information on the use of colon in Russian written texts before direct speech and quotations, we obtain from written sources, developed by M. V. Lomonosov. Since that time, in the text with different styles, the colon has been widely used with author's words before direct speech or quotations.

According to A. B. Shapiro (the II-nd half of the twentieth century), in Russian there are two ways of punctuation marks using with direct speech and quotations [3, p. 324]. *The 1st way:* the introduction of direct speech in the text without isolating it from the paragraph; *the second way* is to turn off direct speech from a paragraph with its graphic division into statements of individuals (each statement starts on a new line). The first way is used relatively rarely.

– The direct speech entered into the general text is separated from the author's words preceding it by a colon and enclosed in quotes. In real Russian and Kalmyk artistic texts, writers follow this rule.

Russian artistic texts. *He approached the horse, stopped and was silent for a long time, indifferently, looking at her. Then he turned, casually said to his comrades: "Quicker, I'm going to wait on the pasture," and went to the gate.* (I. Bunin. Tanka,1892).

Kalmyk artistic texts. *Сөөвн Гольга өвгн сөгдн: «Тана зергд медүлхд Микүгә Утнасн ирәд үга! – гиҗ хәрү өгв»* (Доржин Б., М.о., 12) – The old Golga, the servant, sat down on his knees and answered: "I bring to the notice of your domination that Utnasun Mikugiev did not come.

If the author's words immediately follow the direct speech, the latter also consists in quotation marks, and after it, to separate it from the author's words, a dash is used. After the direct speech, before the dash, the punctuation mark is preserved, which is required by the character of the sentence – direct speech.

In Kalmyk newspapers in the 1st half of the twentieth century. in the sentences that were printed on one line, the direct speech before the author's words was in quotes, after the second quotes the author's words were preceded by a comma and a dash:

Kalmyk artistic texts. *«Хар Моһа җил һарв, Хорһлҗн цогцнь үүдән хаав. Эрднь – Күлг довтлад ирв, Эврә җилинь үүдинъ секв», – гиҗ би эн газетд бичләв* (Halmg Unn. July 27, 1920). – "The year of the Black Snake came back," Erdni, a wise horse, rode, opened the doors of his year. " – so I wrote in this newspaper.

Similar usage of punctuation marks with direct speech in the Kalmyk and Russian languages we

see in the twenty-first century in all styles. Below there is an example of punctuation marks in a sentence with direct speech, which occupies a position before the author's words *in publisistic style*.

Kalmyk publicistic style. *«Бәһ наста деерән назр эргәд, орн - нерг күцәхәр бәәнәв», – гиҗ күүкн келнә* (Halmg Unn. January 25, 1920). – "In youth, "having flown around "the whole earth, she is ready to do a lot of things," said the girl.

At the beginning of the twentieth century, however, there are examples in which quotation marks are used in front of direct speech. After a straightforward speech, a comma and a dash are used before the author's words, as usual. However, the quotes do not close part of the direct speech. Before the second part of the direct speech a dash is used. The second quotes close the sentence with direct speech and the author's words. This is an unusual punctuation. Examples refer to either the beginning of the twentieth century or the 70s of the twentieth century. There are not many of them. This trend of similar punctuation in *Russian artistic texts* has not become the leading one. Gradually, it fell into disuse. At the end of the twentieth century and at the beginning of the twenty-first century there are no examples with such punctuation.

1. *"Soon the pass," I told myself. "Soon I will be in a lull, just around the corner, in a bright, crowded house ..."* (I. Bunin. Antonov apples, 1900).

2. *"You are," says, "Sultanmurat, the strongest in the class. You will survive.* (Ch. Aitmatov. the Early Cranes, 1975).

3. *"Probably, there is no need for putty in Ceylon," he thought. – Why is it? Yes, and what windows, and the houses themselves do not need. One built a hut for oneself, covered with leaves – and live !... "* (C. Aitmatov. Early Cranes, 1975).

The second way: each regular statement of the persons participating in the dialogue begins on a new line and has a dash at the beginning; after the author's words, the setting of a colon is preferred [3, p. 324].

Direct speech after the author's words: in real Russian artistic texts and in a publicistic style, each regular statement of persons participating in the dialogue begins on a new line and has a dash at the beginning; after the author's words, the setting of a colon is preferred:

Russian artistic texts. *Not blocking himself from the prickly sand dust, he rather smiled with weathered lips and, encircling the open spaces of the earth with a small strong hand, said:*

– Isn't it great, huh? Imagine for a minute that such a recess would have to be digged in Tsarist Russia. Why is there Tsarist Russia! (B. Polevoy Contemporaries,1960: 69)

Russian publicistic style. *Head of the Department of Reconstructive Surgery of the Eye of the Research Institute of Eye Diseases of the RAMS, Academician, Professor of the Sechenov Moscow Medical Academy Arkady Kasparov:*

– Eye surgery today has achieved great success. <...> (Izvestia. December 11, 1999).

Direct speech precedes the words of the author:

Kalmyk artistic texts. *«Эх, Герл, Герл!Эн бичкн зуркнчнмел ил нүцкн», – гиж овгн шагшрв* (Бадмин А., Р.д., 53) – *Oh, Gerel, Gerel! Your little heart is completely open,"grumbled the old man.*

"Do you read a lot?" He asked.

"I read a lot," she answered and smiled broadly, the amber pupils glowing brighter.

In real Russian *artistic texts* of the twentieth – twenty-first century in this case, a similar punctuation is. Before the direct speech, starting with a new paragraph, it is necessary to put a dash. Before the author's words a comma, exclamation point or question mark and a dash may be used. In the same way punctuation marks are placed in the Kalmyk language.

Kalmyk artistic texts.

– Мана кех керг ямарамг?

– Нүк малтлһн, – гиҗ Долда келв (Инджин Л., О.к., 70).

– "What should we do? – "Dig the holes," replied Dolda.

In Russian and Kalmyk *publicistic style* punctuation marks are arranged in the same way as in artistic texts.

Russian publicistic style.

– Sport is one of the favorite activities of Soviet schoolchildren," said P. Shagayev, a physical education teacher.

– And it's hard to believe that in a beautiful, new school designed for almost a thousand students, they didn't build ... a gymnasium (Literary newspaper,1953).

Kalmyk publicistic style.

– Тер уйин коммунистнрт, социалистнрт, социал-демократнрт ичх бинт уга, – гиҗ Г. Гизи келнә (Halmg Unn. January 25, 1920). – That generation of communists, socialists, social democrats, should not be ashamed, – said G. Gisi.

Direct speech is broken by the words of the author inserted in the middle of it:

– To begin with, he said, sitting down on my bed, – that I sympathize with you, with all my heart and deep respect for your life.

In real Russian *artistic texts* of the twentieth and twenty-first century in this case, a similar punctuation is. Before direct speech there is a dash, before the words of the author a comma and a dash are used after the author's words, a comma and a dash are punctuated before the second part of the direct speech.

Kalmyk artistic texts. *«Би амрар эднд эврәннь цогцан өгшгов! – хойр нарарн бүстән дүүжгелдж йовсн зер-зевән илəд, – ода бийнь дөрвн гранат, хойр диск суумн бәәнә …» - гиж санв* (Бембин Т.«Бамб цецг»). – "No, I'm just not giving them myself!" – and, stroking the weapon on his belt with two hands, I thought: "There are still four grenades and two disks with bullets."

Quotes in Russian and Kalmyk languages in real different system languages printed on one line are quoted. Such a design quotes observed during the first, second half of the twentieth century and twenty first century.

Russian publicistic style. *“I myself don’t know how we collected so many taxes!” exclaimed Alexander Pochinok, Minister of Taxes and Duties of the Russian Federation, in a short break between the calls of readers on the Izvestia straight line* (Izvestiya. December 11, 1999).

Kalmyk publicistic style. *«Хар Моһа җил һарв, Хорһлҗн цогцнь үүдән хаав. Эрднь – Күлг довтлад ирв, Эврә җилинь үүдинъ секв», – гиҗ би эн газетд бичлəв* (Halmg Unn. July 27, 1920). – “The year of the Black Snake came back,” Erdni, a wise horse, rode, opened the doors of his year.” – so I wrote in this newspaper.

The analysis of the sentences showed that in the Russian and Kalmyk languages the punctuation design of direct speech and quotations following on one line is the same. In the example below, the author’s words and the direct speech are printed on the new paragraph. After the author’s words a colon is used. Before direct speech, starting with a new paragraph, a dash must be used. Quotes are lowered.

Russian publicistic style. *Head of the Department of Reconstructive Surgery of the Eye of the Research Institute of Eye Diseases of the RAMS, Academician, Professor of the Sechenov Moscow Medical Academy Arkady Kasparov:*

– Eye surgery today has achieved great success. <...> (Izvestia. December 11, 1999)

If each sentence of direct speech follows on a new paragraph, then a dash is used in front of direct speech. In this case, quotes are omitted. After a direct speech, a comma and a dash are used before the author’s words. Such punctuation is observed in Russian and Kalmyk texts of various styles from the first half of the twentieth century till the beginning of the twenty-first century.

Литература

1. Баранова Л. Л. Онтология английской письменной речи. М.: Диалог-МГУ, 1998. 246 с.
2. Кобрина Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1959. 110 с.
3. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 398 с.
4. Fowler H. W., Fowler F. G. The King’s English. 3ed. Oxford: Clarendon Press, 1940. 383 p.
5. Wilson J. Treatise on English Punctuation. Boston: Crosby, Nicholand Co., 1856. 334 p.

References

1. Baranova L. L. Ontologiya anglijskoj pis’mennoj rechi *(Ontology of English writing).* Moscow: Dialog-MGU, 1998. 246 p. (In Russian).
2. Kobrina N. A., Malahovskij L. V. Anglijskaya punktuaciya *(English punctuation).* Moscow: Izd-vo lit-ry na inostr.yaz., 1959. 110 p. (In Russian).
3. Shapiro A. B. Osnovy russkoj punktuacii *(Basics of Russian punctuation).* Moscow: SU USSR publ., 1955. 398 p. (In Russian).
4. Fowler H. W., Fowler F. G. (1940) The King’s English. 3ed. Oxford: Clarendon Press, 383.
5. Wilson J. (1856) Treatise on English Punctuation. Boston: Crosby, Nicholand Co., 334.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.091

Дударев С. Л. Екатерина Соснина, при участии Кристиана Пиле. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. Творческая мастерская БЛГ, Ессентуки, 2015. 336 с.

Dudarev S. L. Ekaterina Sosnina, with the participation of Christian Pile. French in the Caucasus. Historical and picturesque journeys of XIII–XIX centuries. Creative workshop BLG, Yessentuki, 2015. 336 p.

Историко-культурный феномен Северного Кавказа на протяжении многих столетий был чрезвычайно притягательным для иностранных наблюдателей, путешественников, купцов, миссионеров и пр. Среди них видное место занимают французские и, шире, франкоязычные авторы. Наш регион оказался в поле их зрения еще в средние века и с тех пор оставался в фокусе людей различных профессий и интересов, состав которых менялся в соответствии с перипетиями той или иной исторической эпохи, поворотами судеб Кавказа, России, и всего мира. Среди отечественных исследователей, которые ранее уделяли внимание роли представителей франкофонного «интернационала» в познании экзотических для его представителей кавказских реалий (см. работы В. К. Гарданова, В. М. Аталикова, М. А. Тахо-Годи, М. Е. Колесниковой, и др.) особое место занимают разработки пятигорского историка Е. Л. Сосниной. Именно она в начале 2000-х гг. поставила вопрос об особом месте франкоговорящих авторов, к которым относились не только непосредственно французы, но и поляки, венгры и др., в изучении Кавказа.

Недавно в свет вышло обобщающее исследование Е. Л. Сосниной, подготовленное при участии французского ученого Кристиана Пиле, в котором исследуется интереснейший цивилизационный феномен франкоязычного сообщества европейских авторов и его место в изучении Кавказа, демонстрируемый на основе представительной подборки сведений о местных народах, оставленных конкретными историческими личностями. Это было своеобразное сообщество людей, которые писали по-французски, возникшее в связи с большим культурным и т.д. влиянием Франции на окружающие народы особенно в новое время, через которое совершалась интеллектуальная интеграция тех или иных социумов в европейскую цивилизацию, вхождение их туда, как выразился автор, «через французскую дверь». Во вступительном очерке справедливо отмечается, что характер данного феномена соотносим с опытом интеграционный периодизации всемирной истории из АГПУ (В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Е. И. Нарожный).

Здесь же предлагается обзор этапов знакомства представителей внешнего мира, прежде всего, его франкоязычной части, с миром Кавказа и Востока. Они органично вписываются в общую картину связей Западной Европы и Востока, усилившихся в результате крестовых походов, и открывших дорогу в восточном направлении тем представителям Запада, которые стремились установить связи с восточными регионами. Картина данных связей была многопланова. Проникновение на Восток мотивировалось как торгово-экономическими, так и дипломатическими, разведывательными и иными интересами европейцев еще с XIII в. Оно шло как через средневековые католические миссии, стремившиеся напрямую установить контакты с Востоком в целях расширения сферы своего влияния и «наведения мостов» с местными политическими субъектами, так и посредством тех, кто отражал интересы набиравшего вес французского торгового капитала уже в XVII – начале XIX в. Огромную роль в формировании интереса к Кавказу играло то, что он всё больше входил в сферу интересов растущего и крепнущего Московского государства, а затем и Российской империи, которые становились реальными соперниками западных держав в том, что со временем получило название «Большая игра» (The Grate Game). Не случайно, что среди франкофонных вояжеров было немало военных и политических деятелей, удельный вес которых особенно заметен в XVIII–XIX вв. Правда, интерес к Кавказу был несводим только к попыткам опередить Россию на данном направлении, или определить ее слабые места здесь, но и питался чисто научными, художественными или литературными устремлениями любознательных и впечатлительных европейцев. Впрочем, наука и разведка порой тесно шли рука об руку, непротиворечиво дополняя друг друга, о чем будет еще упомянуто ниже.

Примечательно и то, что усилия франкоговорящих путешественников с XVIII в. пересекались с изучением Кавказа представителями Российской Академии наук, как правило, также иностранного происхождения (Г. Шобер, Г. З. Байер, И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас и др.). Общим для тех и других по отношению к кавказскому материалу то, что оно не было чисто научным, так как академическое кавказоведение еще только складывалось

(см. недавние работы М. Е. Колесниковой), а проявлялось в виде описания путешествий, образуя специфический жанр «литературы путешествий», который был тесно связан, с другим популярным жанром XVIII–XIX вв. – «живописных путешествий». Благодаря последнему до нас дошел целый ряд ценнейших рисунков этого времени как зарубежных, так и русских художников, которые передают облик народов ряда представителей степных и горских народов Кавказа.

Отдельный аспект работы Е. Л. Сосниной, позиционированный ей во вступлении, составляют впечатления европейских женщин-путешественниц (А. Оммер де Гель, Л. Кристиани, Ф. Фрейганг). Она давно и успешно работает в направлении их изучения и научной трактовки, и новое исследование подводит итоги усилий данного автора. Е. Л. Соснина демонстрирует хорошее понимание специфики женского восприятия кавказских реалий (особенно такой составляющей, как «человеческий фактор») и важность его для проникновения в суть историко-культурного феномена местных народов.

Обратимся теперь непосредственно к характеристике собранных и систематизированных Е. Л. Сосниной (и К. Пиле) материалов, представляющих собой интересные очерки-зарисовки о французах и франкоговорящих авторах, посетивших Кавказ в XIII–XIX вв. Разумеется, формат данной работы не позволяет подробно остановиться на их содержании, поэтому мы обратимся, прежде всего, к тем граням конкретных авторских этюдов, которые имеют наиболее репрезентативный характер.

Одним из самых ярких представителей франкофонного «интернационала», открывавшего Кавказ и Южную Россию, был польский аристократ Ян Потоцкий. В его путевых заметках знаково сошлось многое из того, что прослеживается в наблюдениях других представителей франкоязычного мира. Начнем с того, что заметки Я. Потоцкого несут на себе печать того явления, которое прослеживается в европейской историографии еще со средних веков – антикизации современной ей восточной (в данном случае – кавказской) действительности. Конкретно, они полны ассоциациями со скифской и сарматской историей, причем как на Дону (именуемом автором царем скифских рек), так уже и на самом Кавказе. Здесь, в Дагестане, Потоцкий пытался увидеть в лезгинах легов Страбона, считая их сарматами, что давно отвергнуто современным кавказоведением. Сочинениям Потоцкого присуща, говоря современным языком, высокая, в целом, толерантность по отношению нравов и обычаев тех или иных народов, считавшихся в Европе «варварскими» и, к тому же, относившимися к России. Последнее было особо важно в свете того, что Потоцкий являлся представителем польского народа, территория которого подверглась в XVIII в. трем разделам, в которых деятельное участие принимала Российская империя. Но в его труде нет ни малейшего намека на то, что автор хотел бы «свести счеты» хотя бы на бумаге с населением страны-победителя.

В то же время, как труд Я. Потоцкого, так и записки других франкоязычных авторов, чрезвычайно важен с точки зрения фиксации черт исторического быта описываемых им этнических групп, при осуществлении которой он далек от их идеализации. Так, он неоднократно описывает грабительские нападения, предпринимаемые представителями ряда северокавказских горских народов (аварцев, лезгин, черкесов, чеченцев и др.), на соседей, торговые караваны, российские станицы и т.д., что мы фиксируем и у других франкоязычных и шире, иностранных путешественников. В то же время, как и впоследствии некоторые российские авторы, граф, оставаясь сыном своего времени, порой аттестовал набеговую деятельность горцев как «национальный предрассудок». Тем не менее, наблюдения этого путешественника позволяют выявить тот факт, что набеги северокавказцев в конце XVIII в. не имели никакой политической окраски, и носили преимущественно престижно-промысловый характер, отражая пережитки военно-демократического менталитета в горской среде.

Одной из важных сторон работы Я. Потоцкого, как и целого ряда других путешественников-«франкофонов», являются наблюдения об идеологических воззрениях северокавказских народов. Они выступают ярким свидетельством факта наличия у них в рассматриваемый Е. Л. Сосниной хронологический период явления религиозного синкретизма, исследованного рядом современных ученых-кавказоведов (Л. И. Лавров, В. Б. Виноградов, В. А. Кузнецов, Н. Н. Великая, А. О. Булатов, и др.). Являясь самостоятельной конфессиональной системой, он соединял в себе черты магизма, политеизма, христианства и ислама. При этом, ислам, как последняя из освоенных северокавказцами мировых религий, даже в первой половине – середине XIX в. еще не вытеснил более ранних религиозных представлений, и носил весьма поверхностный характер. В то же время, по Сосниной, например, Ж. Ш. де Бесс в конце 1820-х гг. сделал важное замечание по карачаевцам, что их молодежь скрупулезно соблюдает все мусульманские обряды, т.е. конкретно указал на прогресс исламизации в центральной части Северного Кавказа на рубеже 20–30-х гг. XIX в., причем у того народа, который не принимал активного участия в «Кавказской войне».

Данное событие очень интересовало французов, которые сравнивали его со своими завоеваниями в Алжире. Однако одни (Г. Кастильон) полагали, что такое сравнение неверно из-за гораздо большей сложности войны на Кавказе в сравнении с действиями Франции в Алжире. Другие (Ш. Ребуль) были не столь категоричны, более того разделяли политику России на Кавказе, указывая на преимущества нового режима, который должен был придти на смену «дикой» независимости горцев. К одной из примечательных черт военной повседневности на Кавказе путеше-

ственники из Франции и вообще лица иностранного происхождения отнесли и впервые описали сюжет «кавказского пленника» (К. де Местр, Фредерика Фрейганг). Получивший затем богатое развитие в русской литературе (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой), этот сюжет получил плодотворные разработки у ряда российских ученых-кавказоведов в новейшее время (Ю. Ю. Клычников, Н. Н. Великая, Д. С. Дударев и др.).

К числу наиболее незаурядных фигурантов из числа собственно французов, посетивших Северный Кавказ, несомненно, принадлежала Адель Оммер де Гелль, предполагаемая возлюбленная М. Ю. Лермонтова. Принадлежащие ей строки описания народов северокавказского региона являются одними из самых интересных и оригинальных, оставленных французскими путешественниками. Любознательная парижанка интересовалась буквально всем, что видела, в т.ч. внешним видом людей из различных слоев и этнических групп, манерой поведения, местной модой, особенностями планировки городов, домашними интерьерами, колоритом базаров и ярмарок и т.п. Отраженная в записках путешественницы картина многоэтничности, поликультурности, поликонфессиональности и веротерпимости на Юге России и Северном Кавказе (Астрахань, Ставрополь и др.) выразительно характеризует то, что с начала 1990-х гг. именуется в части историко-кавказоведческой историографии феноменом «российскости». В то же время, А. Оммер де Гелль стремясь к объективности в оценках, в ряде случаев противоречит себе, допуская резко негативные суждения о тех или и иных этносах, например, цыганах и евреях, будучи комплиментарной по отношению к некоторым другим.

Не осталась мадам де Гелль равнодушной и к особенностям общественно-политического строя России, а также чертам характера русского народа. Нужно помнить, что она посетила нашу страну в николаевскую эпоху, которая традиционно (и не всегда справедливо) оценивалась в новейшей отечественной историографии только в мрачных тонах. Суждения парижанки об общественной атмосфере в России поразительно напоминают о некоторых бессмертных строках грибоедовского «Горя от ума» («служить бы рад, прислуживаться тошно»), судьбу П. Я. Чаадаева или знаменитое: «И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ»[1]. В то же время, А. Оммер де Гелль, порой, сгущает краски, называя например, русский народ самой подозрительной нацией в мире.

Между тем нужно сказать, что «любознательность» иностранцев, особенно, французов, простиралась иной раз дальше дозволенного. Так, в очерке о супруге мадам де Гелль, Ксавье Оммер де Гелле, который был автором трехтомного труда, являвшегося итогом их путешествия с супругою на Кавказ и Югу России, Е. Л. Соснина отмечает, что это сочинение оказало «неоценимые услуги французам при ведении впоследствии Крымской войны». Интересно, что Николай I в 1839 г. наградил месье Ксавье орденом Владимира за открытие железной руды на берегах Днепра. Между тем, сам К. Оммер де Гелль, нисколько не скрываясь, писал о причинах большой ревности Англии в то время к движению русских за Кавказом, как угрозе ее интересам на Востоке (один из эпизодов упоминавшейся выше «Большой игры») и неослабном внимании Франции к экономическим успехам своей главной конкурентки в ближневосточной торговле. И невозможно не согласиться с Е. Л. Сосниной в том, что эта фраза, фактически, открывает истинный смысл путешествия четы де Геллей.

Или взять деятельность голландского консула в Одессе, Тейтбу де Мариньи, оставившего ряд ценных сведений, в том числе, визуальных (рисунки, по которым в мастерской Лайстери были сделаны уникальные гравюры) о народах Северо-Западного Кавказа, особенно черкесов. По мнению П. П. Вяземского, Мариньи доставлял оружие горцам Кавказа. Таким образом, «подозрительность» русских была небеспочвенной.

Именно в свете шедшего тогда геополитического противостояния на Кавказе следует рассматривать не только вояж данной пары, но и путешествия ряда других французских фигурантов, зондировавших южные рубежи России и стремившихся понять потенциал движения горцев, шедшего на Северном Кавказе в первой половине – середине XIX в. Они желали узнать, как скоро Российская империя сможет справиться с ним, отследить те проблемы, которые возникали у российского командования в войне с горцами, и т.п., т.е. вели самую настоящую разведывательную деятельность.

К числу таковых относятся, например, граф де Сюзанне и виконт де Кастильон. Здесь нужно указать на то, что на примере этих лиц (впрочем, не только их) можно наглядно убедиться в том, что обаяние вояжера из Франции, к тому же, наделенного титулом, было, нередко, неотразимым даже для некоторых высших представителей местной кавказской военной администрации (Е. А. Головин, П. Х. Граббе и др.). Они откровенничали в присутствии указанных лиц о тех или иных деталях положения в регионе, что способствовало утечке информации конфиденциального характера, и, в конце концов, привело к прямому запрету императором Николаем I сношений с иностранцами, находящимися на Кавказе. Особенно преуспел в получении сведений о местной ситуации виконт де Кастильон, напрямую, отчитывавшийся в своих депешах перед министром иностранных дел Франции Ф. Гизо. О том, насколько он продвинулся в своих усилиях, опираясь не только на разговоры со словоохотливыми перед знатным дипломатом-иностранцем генералами и офицерами, местным населением (например, армянскими купцами, о чем писал М. С. Воронцов) и личными впечатлениями, говорит, например, окончание одного из писем Кастильона: «На этом я закончу свой труд, который дополню в скором времени

[1] Авторство М. Ю. Лермонтова этого стихотворения оспаривается рядом авторов.

таблицей численности и состава русских войск на Кавказе» (!!). Думается, что права Е. Л. Соснина, вслед за С. К. Бушуевым, отмечая, что виконт, скорее всего, пользовался сведениями агентуры, а не только собственным «полевым материалом». Одновременно невозможно не прокомментировать и то, что, по мнению Кастильона, «в Петербурге и Москве[1] … не знают о том, что происходит на Кавказе». Критика виконта имела под собой известные основания, но, тем не менее, современные исследования историков-кавказоведов, в том числе, ставропольских ученых Д. С. Ткаченко и Т. А. Колосовской, показывают большую роль т.н. «скрытых обозрений» российских военных (главным образом, офицеров Генштаба), предпринимавшихся, чаще всего, с большим риском для жизни, в установлении истинного положения дел на театре военных действий и понимании исторической и политической ситуации в крае официальными властями.

Что же касается такой фигуры, как А. Фонвиль, то этот вояжер и вовсе участвовал в боях против российских войск на стороне черкесов. К позитивной стороне его деятельности следует отнести то, что он оставил реалистические описания военно-бытовой повседневности, нравов и обычаев местного населения.

В то же время ряд французских и франкоговорящих путешественников были далеки от исключительно политической ангажированности и руководствовались интересами экономического, познавательного и культурного свойства, смешанного с романтическими устремлениями, в связи с чем следует согласиться с Е. Л. Сосниной в том, что на всех путешественников из Франции напрасно навешивался ярлык «шпионов». Таковы были Рафаэль Скасси, Ж. Ф. Гамба, чья деятельность имела экономическую подоплеку, исследователь всемирно известных ныне античных древностей Крыма П. Дюбрюкс, участник первого восхождения на Эльбрус Ж-Ш. де Бесс (ученый с венгерскими корнями), швейцарский француз Дюбуа де Монпере, издавший роскошный «Атлас» – своеобразную историко-культурную визитную карточку Юга России и Кавказа, М. Броссе, собравший и опубликовавший многие исторические источники по истории Грузии и Армении, художник Ш. Ребуль, знаменитый Дюма-отец, переживший на Северном Кавказе лирико-романтические приключения, Ф. Жиль, один из руководителей императорского Эрмитажа, оставивший интереснейшие описания Центрального Предкавказья, исследователь раннесредневековых археологических древностей Юга России барон де Бай, и др.

Представляемая работа Е. Л. Сосниной является заметным вкладом в репрезентацию и изучение феномена франкоязычного «интернационала», и его роли в изучении Кавказа, плодом многолетних усилий, сопряженных с поисковой деятельностью автора в зарубежных и отечественных библиотеках и архивах, особенно в Национальной библиотеке Франции, в сотрудничестве с сотрудниками Института Всеобщей истории РАН, Французской Академии наук, Национального Центра научных исследований при университете Сорбонна и конечно же д-ра Кристиана Пиле. Книга Е. Л. Сосниной, включающая многочисленные, в т.ч. ранее неизвестные широкому кругу специалистов, иллюстрации, взятые из работ французских и франкоязычных путешественников, снабженная компетентными комментариями их деятельности, несомненно, будет играть роль весьма полезного своеобразного путеводителя по научно значимой теме «Кавказ глазами французов».

[1] Очень важно, что, по мнению иностранных наблюдателей, причем не только франкоязычных, политическим центром России была именно Москва. Это очень четко указывает на глубокую цивилизационную роль нашей древней столицы в сознании иностранцев.

Памяти историка и общественного деятеля Звонока Станислава Олеговича (24.09.1969 – 07.02.2018)

В 2018 году безвременно ушел из жизни историк, преподаватель, журналист, общественный деятель и замечательный человек Станислав Олегович Звонок. Вся жизнь и деятельность его была неразрывно связана с родным Ставрополье. Выпускник исторического факультета Ставропольского государственного педагогического института, выпускник магистратуры Ставропольского государственного педагогического университета по направлению «История», Ростовского государственного университета по специальности «Юриспруденция», кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Ставропольского государственного университета, в 2011 г. он возглавил Ставропольский институт экономики и управления, сотрудник Центра научных и социальных инноваций региональной общественной организации «Ставропольский конгресс народов России» (г. Ставрополь), член «Союз поляков города Ставрополя».

Станислав Олегович Звонок внес значительный вклад в развитие исторической науки. Он занимался историей Германии XX века, историей государства и права зарубежных стран, социологией, историей польского народа, историей казачества. Тема его кандидатской диссертации была посвящена становлению социального рыночного хозяйства ФРГ 1945–1958 гг. Он успешно защитил ее в родной альма-матер в 1997 г. Он автор ряда научных работ, учебных пособий, затрагивающих различные аспекты истории государства и права зарубежных стран, современного зарубежного частного права, истории польской ссылки в России XIX–XX вв.

В сфере его научных интересов была и история казачества Юга России, из-под его пера выходили серьезные и глубокие научные статьи. Он принимал участие в международных, всероссийских и межрегиональных научных конференциях, вступал с публичными лекциями, популяризируя историю ставропольского казачества. В 2016 г. совместно со Ставропольским окружным казачьим обществом Терского войскового казачьего общества и Центральным районным казачьим обществом Ставропольского городского казачьего общества организовал и провел в г. Ставрополе научно-практическую конференцию «Славные дела – славного полка. 320 лет Хопёрскому полку». В сборнике материалов конференции, вышедшем под его редакцией, отражена история Хопёрского полка, сложность и противоречивость пребывания полка на Кавказе, а также опубликованы уникальные воспоминания и материалы из личных архивов потомков хопёрских казаков. Этот сборник, как и сама конференция, стали большим вкладом в дело сохранения исторического наследия кубанского казачества, связанных с ним персоналий, а также истории, быта и традиций целого ряда ставропольских и краснодарских станиц, основанных хопёрскими казаками. Станислав Олегович принимал участие в процессе возрождения качества, внимательно следил за современным развитием казачества на Северном Кавказе, сопереживая этому непростому процессу. Его публикации по истории современного казачьего движения были подчас острыми и критическими, но всегда неравнодушными, отличались глубокими анализом ситуации.

В общественной деятельности Станислав Олегович являлся соучредителем и заместителем председателя координационного совета по связям с общественностью Ставропольской региональной общественной организации «Объединение народов по содействию миру «За диалог на Кавказе». Входил в состав общественного совета по вопросам жилищно-коммунального хозяйства при губернаторе Ставропольского края. Одним из направлений его общественной деятельности было сохранение исторического наследия г. Ставрополя. Будучи патриотом, не на словах, а на деле, коренной ставропольчанин Станислав Звонок защищал от разрушения культурные объекты в родном городе, боролся с точечной застройкой в историческом центре города, содействовал реконструкции памятников истории и архитектуры.

Станислав Олегович Звонок был учредителем новостных порталов - Провинциальное агентство новостей и Региональный репортер. Талантливый журналист он оперативно и профессионально публиковал обширный свод новостей федерального и регионального уровней по всем областям жизни российского общества.

Станислава Олеговича не стало 7 февраля 2018 года. С его уходом знакомые и друзья потеряли надежного и преданного друга, прекрасного собеседника, библиофила и знатока литературы. Он был замечательным ученым и педагогом, блестящим журналистом и общественным деятелем, великодушным, добрым, порядочным и отзывчивым человеком. Высочайший профессионал, оптимист по натуре, добрый и отзывчивый коллега, требовательный к себе и большой труженик – таким его запомнили те, кто с ним общался, учился,

работал, занимался общественной деятельностью. Широта кругозора, полная самоотдача в работе, требовательность и доброжелательность – эти и другие профессиональные и человеческие качества привлекали к Станиславу Олеговичу соратников и единомышленников из разных городов России и зарубежья. Он заслужил уважение и тем, что не поступался принципами и не боялся отстаивать свою точку зрения. Описать все достоинства этого весьма разнообразного человека и воздать ему должное не просто, даже тому, кто полагает, что знал его хорошо. Многие его не забудут. Память о Звоноке Станиславе Олеговиче надолго останется в наших сердцах.

М. Е. Колесникова

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авлиев Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста) / batolomeod@yandex.ru

Аликова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kopaeva1979@yandex.ru

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Артамонова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ea.artamonova@yandex.ru

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар) / baranovandrew@mail.ru

Бесолова Фатима Константиновна – старший преподаватель кафедры русского языка и зарубежной литературы Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / kafka61@mail.ru

Бобрышева Ксения Леонидовна – аспирант кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Курск) / senialeo@yandex.ru

Братолюбова Мария Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XI вв. института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / m.bratolyubova2015@yandex.ru

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bul.tamara2011@yandex.ru

Ван Цянь – аспирант кафедры русского языка факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / godizovazi@rambler.ru

Габрилян Роман Русланович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / roman@gabrilyan.com

Годизова Зара Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, декан факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / godizovazi@rambler.ru

Горяев Мерген Саналович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста) / mergengoryaev@mail.ru

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Гуров Данил Валерьевич – кандидат педагогических наук, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России (Ставрополь) / gdv06@mail.ru

Гусаренко Марина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / rgya-mk@yndex.ru

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой культуры русской речи гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sgusarenko@mail.ru

Дугинец Светлана Михайловна – соискатель кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Bondarenko25@yandex.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru

Дюмон Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / djumon18@mail.ru

Ермоленко Людмила Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального института (Ставрополь) / gutik77@bk.ru

Жуков Алексей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zhykov_alex@mail.ru

Запорожцева Ольга Алексеевна – аспирант кафедры история России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / qlbz1992@mail.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru

Кирсанов Евгений Викторович – аспирант кафедры истории Государственнjuj гуманитарно-технологического университета (ГГТУ) (Орехово-Зуево) / designcollege@yandex.ru

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru

Кольцов Петр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета (Элиста) / petrkoltsov52@mail.ru

Краснокутская Лидия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (филиал в Железноводске) / karrass55@mail.ru

Краснокутский Владимир Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (филиал в Железноводске) / kurasnokutsky.v@mail.ru

Кусаева Елена Эльбрусовна – аспирант кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / lena_ kusaeva@mail.ru

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / luybyshkina@ rambler.ru

Мармута Иван Львович – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России (Ставрополь) / w09marmutail@mail.ru

Мельникова Марина Петровна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mp.melnikova2012@yandex.ru

Огаркова Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорске) / ogarkova77@mail.ru

Плохотнюк Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / plokhotnjuk@ gmail.com

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / t.pokotilova@ gmail.com

Проводина Олеся Александровна – аспирант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 19_lelya_91@ mail.ru

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / history_ d03@mail.ru

Савина Виктория Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / savinviktoriya@yandex.ru

Тамерьян Татьяна Юльевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / tamertu@mail.ru

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tksmsg@rambler.ru

Тонян Анаит Аслановна – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / aslanovna27@mail.ru

Убушаева Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Санкт-Петербург) / rostira@mail.ru

Холодная Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / Elenakholodnaya@yandex.ru

Черешнева Мария Сергеевна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Липецкого государственного университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) / cool-afghanista@yandex.ru

Чумаченко Александр Викторович – помощник (на общественных началах) уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае (Ставрополь) / luganskiy-av@mail.ru

Ющенко Дмитрий Юрьевич – старший преподаватель кафедры правоведения Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Севастополь) / Yushchenko_DY@mail.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар) / a075ca@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Avliev Vyacheslav – PhD in History, Chair of National History, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista) / batolomeod@yandex.ru

Alikova Svetlana – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages for Humanitarian and Natural Science Specialities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kopaeva1979@yandex.ru

Ambartsumyan Karine – PhD in History, assistant professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

Artamonova Elena – PhD in Law, Associate Professor, Institute of Law, North Caucasian Federal University (Stavropol) / ea.artamonova@yandex.ru

Baranov Andrej – Dr. of Political Sciences, Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair Dr. of Historical Sciences, Chair Political Sciences and Political Management (Krasnodar) / baranovandrew@mail.ru

Besolova Fatima – Senior Lecturer, Chair of Russian Language and Foreing Literature, North Ossetian state University named after K. L. Khetagurov (Vladikavkaz) / kafka61@mail.ru

Bobrysheva Kseniia – Postgraduate Student, Chair of World History, Kursk State University (Kursk) / senialeo@yandex.ru

Bratolyubova Maria – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History XX–XI, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / m.bratolyubova2015@yandex.ru

Bulygina Tamara – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, North Caucasus Federal University (Stavropol) / bul.tamara2011@yandex.ru

Ermolenko Ljudmila – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / gutik77@bk.ru

Van Tsyan' – postgraduate, Chair of Russian Language, North Ossetian State University (Vladikavkaz) / godizovazi@rambler.ru

Gabrilyan Roman – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / roman@gabrilyan.com

Godizova Zara – Dr. of Philology Sciences, Professor, Russian language Department, Dean of Faculty of Russian Philology, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova (Vladikavkaz) / godizovazi@rambler.ru

Goryaev Mergen – PhD in History, Assistant Professor, Chair of National History, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista) / mergengoryaev@mail.ru

Grankin Yurii – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Department of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and informatization at Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

Gurov Danil – PhD in Pedagogical Science, Associate Professor, Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA RF (Stavropol) / gdv06@mail.ru

Gusarenko Marina – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / rgya-mk@yndex.ru

Gusarenko Sergei – Dr. of Philology Sciences, Head of Culture of Russian speech Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / sgusarenko@mail.ru

Duginets Svetlana – applicant of a Scientific Degree of Candidate of Historical Sciences, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Bondarenko25@yandex.ru

Dudarev Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru

Dyumon Natal'ya – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University (Stavropol) / djumon18@mail.ru

Zhukov Aleksej – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / zhykov_alex@mail.ru

Zaporozhtseva Olga – postgraduate student, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / qlbz1992@mail.ru

Zoloeva Zarina – Senior Teacher, Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru

Kirsanov Evgeny – postgraduate student, Chair of history, State humanitarian technology university (Orekhovo-Zuevo) / designcollege@yandex.ru

Koibaev Boris – Dr. of Political Sciences, Professor, Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru

Koltsov Pyotr – Dr. of Historical Sciences, Professor, Nead of Chair of General History, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista) / petrkoltsov52@mail.ru

Krasnokutskaya Lidiya – PhD in History, Associate Professor, Chair of Historical and Philological Disciplines, Stavropol State Pedagogical Institute (Branch of Zheleznovodsk) / karrass55@mail.ru

Krasnokutskii Vladimir – PhD in History, Associate Professor, Chair of of Historical and Philological Disciplines, Stavropol State Pedagogical Institute (Branch of Zheleznovodsk) / kurasnokutsky.v@mail.ru

Kusaeva Elena – postgraduate student, Chair of Foreign Languages for non-linguistic specialties, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurova (Vladikavkaz) / lena_kusaeva@mail.ru

Lyubushkina Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian history, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / luybyshkina@rambler.ru

Marmuta Ivan – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA RF (Stavropol) / w09marmutail@mail.ru

Melnikova Marina – PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Civil Law and Processes, North Caucasus Federal University (Stavropol) / mp.melnikova2012@yandex.ru

Ogarkova Irina – PhD in History, Associate Professor, Chair of Tourism and Hotel Management, North Caucasus Federal University (branch in Pyatigorsk) / ogarkova77@mail.ru

Plohotnyuk Tatyana – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History of Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / plokhotnjuk@gmail.com

Pokotilova Tatyana – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / t.pokotilova@gmail.com

Provodina Olesya – postgraduate student, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / 19_lelya_91@mail.ru

Romanova Nina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History, North Caucasus Federal University (Stavropol) / history_d03@mail.ru

Savina Viktoriia – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Procedure Department, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / savin-viktoriya@yandex.ru

Tameryan Tatyana – Dr. of Philology, Head of Chair of Foreign Languages for non-linguistic specialties, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurova (Vladikavkaz) / tamertu@mail.ru

Tkachenko Dmitrii – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History of North Caucasus Federal University (Stavropol) / tksmsg@rambler.ru

Tonyan Anait – postgraduate student, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / aslanovna27@mail.ru

Ubushaeva Irina – Senior Lecturer, Chair of psychology, pedagogy, translation studies, Saint-Petersburg State University of Economics and Management Technologies (Saint-Petersburg) / rostira@mail.ru

Kholodnaya Viktorovna – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / Elena-kholodnaya@yandex.ru

Chereshneva Mariia – applicant of a Scientific Degree of Candidate of Historical Sciences, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky (Lipetsk) / cool-afghanista@yandex.ru

Chumachenko Alexander – staff member of the ombudsman in the Stavropol Territory (Stavropol) / luganskiy-av@mail.ru

Yushchenko Dmitry – senior lecture, Chair of law, Sevastopol economic and humanitarian Institute (branch) of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadskii (Sevastopol) / Yushchenko_DY@mail.ru

Yakhutl' Yuriy – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / a075ca@yandex.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2018. № 4

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 17.12.2018
Дата выхода в свет 19.12.2018
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 29,41 Уч.-изд. л. 28,93
Бумага офсетная Заказ 138 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2